

А. В. КОРОЛЕНКОВ

clio

ПЕРВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ
ВОЙНА В РИМЕ

е н р а з и я

Annotation

Антон Викторович Короленков

Первая гражданская война в Риме. — СПб.: Евразия, 2020. — 464 с.

Началом эпохи гражданских войн в Риме стало выступление Гракхов в 133 г. до н. э., но собственно войны начались в 88 г. до н. э., когда Сулла повел свои легионы на Рим и взял его штурмом. Сначала никто не осознал масштабов случившегося, однако уже через год противники установленных Суллой порядков сами пошли на Рим и овладели им. В 83 г. до н. э. Сулла возвратился с Востока, прервав войну с Митридатом VI Понтийским, чтобы расправиться со своими врагами в Италии. Почти два года тяжелых боев закончились битвой у Коллинских ворот 1 ноября 82 г. до н. э., страшным эпилогом которой явилось избиение Суллой нескольких тысяч пленных, а сам он стал диктатором. Еще несколько месяцев продолжались бои в разных уголках Италии, в Африке, в Испании...

Но не только битвы наполняли эти годы. Медленно, но неуклонно решался вопрос о правах италийцев, менялось административное деление Италии приводилась в порядок финансовая система Рима. Это было рубежное время, на которое пришлось последние годы Суллы, Мария, Антония Оратора, а Цезарь, Помпей, Красс, Цицерон делали первые шаги в политике. Впереди были новые гражданские войны и гибель республики.

Рецензенты: Ю. Б. Циркин, доктор исторических наук.

В. К. Хрусталёв, кандидат исторических наук

-
- [АНТОН ВИКТОРОВИЧ КОРОЛЕНКОВ](#)
 - [ВВЕДЕНИЕ](#)
 - [ГЛАВА ПЕРВАЯ](#)
 - [НАКАНУНЕ СМУТЫ](#)
 - [НАЧАЛО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПУБЛИЯ СУЛЬПИЦИЯ](#)
 - [ОБОСТРЕНИЕ СИТУАЦИИ В РИМЕ. СОЮЗ СУЛЬПИЦИЯ С МАРИЕМ](#)
 - [ВЗЯТИЕ СУЛЛОЙ РИМА](#)
 - [МЕРОПРИЯТИЯ СУЛЛЫ В РИМЕ](#)
 - [ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В РИМЕ ОТ ВЫБОРОВ НА 87 г. ДО ОТЪЕЗДА СУЛЛЫ НА ВОСТОК](#)
 - [ЗАКЛЮЧЕНИЕ](#)

- ГЛАВА ВТОРАЯ
 - БЕГСТВО МАРИЯ И ЕГО СТОРОННИКОВ
 - ЗАКОНОПРОЕКТЫ ЦИННЫ И НАЧАЛО НОВОЙ СМУТЫ
 - BELLUM OSTAIVIANUM
 - ЗАКЛЮЧЕНИЕ
- ГЛАВА ТРЕТЬЯ
 - CAEDES MARIANA
 - ВОПРОС О МАГИСТРАТУРАХ В 86—84 гг.
 - ФИНАНСОВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ЦИННАНСКОГО РЕЖИМА
 - ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ С СУЛЛОЙ
 - ИТАЛИЙСКИЙ ВОПРОС В 86—84 гг.
 - ЦИННА, СЕНАТ И СЕНАТОРСКИЕ ФАМИЛИИ В 86—84 гг.
 - ОСОБЕННОСТИ ЦИННАНСКОГО РЕЖИМА
 - ЗАКЛЮЧЕНИЕ
- ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
 - НАКАНУНЕ СХВАТКИ
 - КАМПАНИЯ 83 г. В ИТАЛИИ
 - ПОДГОТОВКА К КАМПАНИИ 82 г.
 - КАМПАНИЯ 82 г. В ИТАЛИИ
 - ЗАКЛЮЧЕНИЕ
- ГЛАВА ПЯТАЯ
 - ВОСТОЧНЫЕ ПРОВИНЦИИ
 - САРДИНИЯ И СИЦИЛИЯ
 - АФРИКА
 - ИСПАНИЯ
 - ЗАКЛЮЧЕНИЕ
- ГЛАВА ШЕСТАЯ
 - ИДЕОЛОГИЯ И ПРОПАГАНДА СУЛЛЫ
 - ПРОПАГАНДА МАРИЯ, ЦИННЫ И ИХ СТОРОННИКОВ
 - ИДЕОЛОГИЯ И ПРОПАГАНДА ИНЫХ СЕНАТСКИХ ГРУПП. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ
 - О ПРИМЕНИМОСТИ ТЕРМИНОВ «ОПТИМАТЫ» И «ПОПУЛЯРЫ» К СОБЫТИЯМ 80-х гг.
- ГЛАВА СЕДЬМАЯ
 - СЕНАТ, ВСАДНИЧЕСТВО И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СУЛЬПИЦИЯ
 - PLEBS URBANA В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

- [АРМИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ](#)
- [ОСОБЕННОСТИ ПОЗИЦИИ НОБИЛИТЕТА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ](#)
- [УЧАСТИЕ РАБОВ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ](#)
- [ЗАКЛЮЧЕНИЕ](#)
- [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ](#)
- [НЕКОТОРЫЕ ЛАТИНСКИЕ ТЕРМИНЫ И ФОРМУЛИРОВКИ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)

- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)

- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)

- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)

- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)

- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)

- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)

- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)

- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)

- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)

- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)

- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)

- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)

- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)

- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)

- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)
- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)

- [616](#)
- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)
- [653](#)
- [654](#)

- [655](#)
- [656](#)
- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)
- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)
- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)
- [693](#)

- [694](#)
- [695](#)
- [696](#)
- [697](#)
- [698](#)
- [699](#)
- [700](#)
- [701](#)
- [702](#)
- [703](#)
- [704](#)
- [705](#)
- [706](#)
- [707](#)
- [708](#)
- [709](#)
- [710](#)
- [711](#)
- [712](#)
- [713](#)
- [714](#)
- [715](#)
- [716](#)
- [717](#)
- [718](#)
- [719](#)
- [720](#)
- [721](#)
- [722](#)
- [723](#)
- [724](#)
- [725](#)
- [726](#)
- [727](#)
- [728](#)
- [729](#)
- [730](#)
- [731](#)
- [732](#)

- [733](#)
- [734](#)
- [735](#)
- [736](#)
- [737](#)
- [738](#)
- [739](#)
- [740](#)
- [741](#)
- [742](#)
- [743](#)
- [744](#)
- [745](#)
- [746](#)
- [747](#)
- [748](#)
- [749](#)
- [750](#)
- [751](#)
- [752](#)
- [753](#)
- [754](#)
- [755](#)
- [756](#)
- [757](#)
- [758](#)
- [759](#)
- [760](#)
- [761](#)
- [762](#)
- [763](#)
- [764](#)
- [765](#)
- [766](#)
- [767](#)
- [768](#)
- [769](#)
- [770](#)
- [771](#)

- [772](#)
- [773](#)
- [774](#)
- [775](#)
- [776](#)
- [777](#)
- [778](#)
- [779](#)
- [780](#)
- [781](#)
- [782](#)
- [783](#)
- [784](#)
- [785](#)
- [786](#)
- [787](#)
- [788](#)
- [789](#)
- [790](#)
- [791](#)
- [792](#)
- [793](#)
- [794](#)
- [795](#)
- [796](#)
- [797](#)
- [798](#)
- [799](#)
- [800](#)
- [801](#)
- [802](#)
- [803](#)
- [804](#)
- [805](#)
- [806](#)
- [807](#)
- [808](#)
- [809](#)
- [810](#)

- [811](#)
- [812](#)
- [813](#)
- [814](#)
- [815](#)
- [816](#)
- [817](#)
- [818](#)
- [819](#)
- [820](#)
- [821](#)
- [822](#)
- [823](#)
- [824](#)
- [825](#)
- [826](#)
- [827](#)
- [828](#)
- [829](#)
- [830](#)
- [831](#)
- [832](#)
- [833](#)
- [834](#)
- [835](#)
- [836](#)
- [837](#)
- [838](#)
- [839](#)
- [840](#)
- [841](#)
- [842](#)
- [843](#)
- [844](#)
- [845](#)
- [846](#)
- [847](#)
- [848](#)
- [849](#)

- [850](#)
- [851](#)
- [852](#)
- [853](#)
- [854](#)
- [855](#)
- [856](#)
- [857](#)
- [858](#)
- [859](#)
- [860](#)
- [861](#)
- [862](#)
- [863](#)
- [864](#)
- [865](#)
- [866](#)
- [867](#)
- [868](#)
- [869](#)
- [870](#)
- [871](#)
- [872](#)
- [873](#)
- [874](#)
- [875](#)
- [876](#)
- [877](#)
- [878](#)
- [879](#)
- [880](#)
- [881](#)
- [882](#)
- [883](#)
- [884](#)
- [885](#)
- [886](#)
- [887](#)
- [888](#)

- [889](#)
- [890](#)
- [891](#)
- [892](#)
- [893](#)
- [894](#)
- [895](#)
- [896](#)
- [897](#)
- [898](#)
- [899](#)
- [900](#)
- [901](#)
- [902](#)
- [903](#)
- [904](#)
- [905](#)
- [906](#)
- [907](#)
- [908](#)
- [909](#)
- [910](#)
- [911](#)
- [912](#)
- [913](#)
- [914](#)
- [915](#)
- [916](#)
- [917](#)
- [918](#)
- [919](#)
- [920](#)
- [921](#)
- [922](#)
- [923](#)
- [924](#)
- [925](#)
- [926](#)
- [927](#)

- [928](#)
- [929](#)
- [930](#)
- [931](#)
- [932](#)
- [933](#)
- [934](#)
- [935](#)
- [936](#)
- [937](#)
- [938](#)
- [939](#)
- [940](#)
- [941](#)
- [942](#)
- [943](#)
- [944](#)
- [945](#)
- [946](#)
- [947](#)
- [948](#)
- [949](#)
- [950](#)
- [951](#)
- [952](#)
- [953](#)
- [954](#)
- [955](#)
- [956](#)
- [957](#)
- [958](#)
- [959](#)
- [960](#)
- [961](#)
- [962](#)
- [963](#)
- [964](#)
- [965](#)
- [966](#)

- [967](#)
- [968](#)
- [969](#)
- [970](#)
- [971](#)
- [972](#)
- [973](#)
- [974](#)
- [975](#)
- [976](#)
- [977](#)
- [978](#)
- [979](#)
- [980](#)
- [981](#)
- [982](#)
- [983](#)
- [984](#)
- [985](#)
- [986](#)
- [987](#)
- [988](#)
- [989](#)
- [990](#)
- [991](#)
- [992](#)
- [993](#)
- [994](#)
- [995](#)
- [996](#)
- [997](#)
- [998](#)
- [999](#)
- [1000](#)
- [1001](#)
- [1002](#)
- [1003](#)
- [1004](#)
- [1005](#)

- [1006](#)
- [1007](#)
- [1008](#)
- [1009](#)
- [1010](#)
- [1011](#)
- [1012](#)
- [1013](#)
- [1014](#)
- [1015](#)
- [1016](#)
- [1017](#)
- [1018](#)
- [1019](#)
- [1020](#)
- [1021](#)
- [1022](#)
- [1023](#)
- [1024](#)
- [1025](#)
- [1026](#)
- [1027](#)
- [1028](#)
- [1029](#)
- [1030](#)
- [1031](#)
- [1032](#)
- [1033](#)
- [1034](#)
- [1035](#)
- [1036](#)
- [1037](#)
- [1038](#)
- [1039](#)
- [1040](#)
- [1041](#)
- [1042](#)
- [1043](#)
- [1044](#)

- [1045](#)
- [1046](#)
- [1047](#)
- [1048](#)
- [1049](#)
- [1050](#)
- [1051](#)
- [1052](#)
- [1053](#)
- [1054](#)
- [1055](#)
- [1056](#)
- [1057](#)
- [1058](#)
- [1059](#)
- [1060](#)
- [1061](#)
- [1062](#)
- [1063](#)
- [1064](#)
- [1065](#)
- [1066](#)
- [1067](#)
- [1068](#)
- [1069](#)
- [1070](#)
- [1071](#)
- [1072](#)
- [1073](#)
- [1074](#)
- [1075](#)
- [1076](#)
- [1077](#)
- [1078](#)
- [1079](#)
- [1080](#)
- [1081](#)
- [1082](#)
- [1083](#)

- [1084](#)
- [1085](#)
- [1086](#)
- [1087](#)
- [1088](#)
- [1089](#)
- [1090](#)
- [1091](#)
- [1092](#)
- [1093](#)
- [1094](#)
- [1095](#)
- [1096](#)
- [1097](#)
- [1098](#)
- [1099](#)
- [1100](#)
- [1101](#)
- [1102](#)
- [1103](#)
- [1104](#)
- [1105](#)
- [1106](#)
- [1107](#)
- [1108](#)
- [1109](#)
- [1110](#)
- [1111](#)
- [1112](#)
- [1113](#)
- [1114](#)
- [1115](#)
- [1116](#)
- [1117](#)
- [1118](#)
- [1119](#)
- [1120](#)
- [1121](#)
- [1122](#)

- [1123](#)
- [1124](#)
- [1125](#)
- [1126](#)
- [1127](#)
- [1128](#)
- [1129](#)
- [1130](#)
- [1131](#)
- [1132](#)
- [1133](#)
- [1134](#)
- [1135](#)
- [1136](#)
- [1137](#)
- [1138](#)
- [1139](#)
- [1140](#)
- [1141](#)
- [1142](#)
- [1143](#)
- [1144](#)
- [1145](#)
- [1146](#)
- [1147](#)
- [1148](#)
- [1149](#)
- [1150](#)
- [1151](#)
- [1152](#)
- [1153](#)
- [1154](#)
- [1155](#)
- [1156](#)
- [1157](#)
- [1158](#)
- [1159](#)
- [1160](#)
- [1161](#)

- [1162](#)
- [1163](#)
- [1164](#)
- [1165](#)
- [1166](#)
- [1167](#)
- [1168](#)
- [1169](#)
- [1170](#)
- [1171](#)
- [1172](#)
- [1173](#)
- [1174](#)
- [1175](#)
- [1176](#)
- [1177](#)
- [1178](#)
- [1179](#)
- [1180](#)
- [1181](#)
- [1182](#)
- [1183](#)
- [1184](#)
- [1185](#)
- [1186](#)
- [1187](#)
- [1188](#)
- [1189](#)
- [1190](#)
- [1191](#)
- [1192](#)
- [1193](#)
- [1194](#)
- [1195](#)
- [1196](#)
- [1197](#)
- [1198](#)
- [1199](#)
- [1200](#)

- [1201](#)
- [1202](#)
- [1203](#)
- [1204](#)
- [1205](#)
- [1206](#)
- [1207](#)
- [1208](#)
- [1209](#)
- [1210](#)
- [1211](#)
- [1212](#)
- [1213](#)
- [1214](#)
- [1215](#)
- [1216](#)
- [1217](#)
- [1218](#)
- [1219](#)
- [1220](#)
- [1221](#)
- [1222](#)
- [1223](#)
- [1224](#)
- [1225](#)
- [1226](#)
- [1227](#)
- [1228](#)
- [1229](#)
- [1230](#)
- [1231](#)
- [1232](#)
- [1233](#)
- [1234](#)
- [1235](#)
- [1236](#)
- [1237](#)
- [1238](#)
- [1239](#)

- [1240](#)
- [1241](#)
- [1242](#)
- [1243](#)
- [1244](#)
- [1245](#)
- [1246](#)
- [1247](#)
- [1248](#)
- [1249](#)
- [1250](#)
- [1251](#)
- [1252](#)
- [1253](#)
- [1254](#)
- [1255](#)
- [1256](#)
- [1257](#)
- [1258](#)
- [1259](#)
- [1260](#)
- [1261](#)
- [1262](#)
- [1263](#)
- [1264](#)
- [1265](#)
- [1266](#)
- [1267](#)
- [1268](#)
- [1269](#)
- [1270](#)
- [1271](#)
- [1272](#)
- [1273](#)
- [1274](#)
- [1275](#)
- [1276](#)
- [1277](#)
- [1278](#)

- [1279](#)
- [1280](#)
- [1281](#)
- [1282](#)
- [1283](#)
- [1284](#)
- [1285](#)
- [1286](#)
- [1287](#)
- [1288](#)
- [1289](#)
- [1290](#)
- [1291](#)
- [1292](#)
- [1293](#)
- [1294](#)
- [1295](#)
- [1296](#)
- [1297](#)
- [1298](#)
- [1299](#)
- [1300](#)
- [1301](#)
- [1302](#)
- [1303](#)
- [1304](#)
- [1305](#)
- [1306](#)
- [1307](#)
- [1308](#)
- [1309](#)
- [1310](#)
- [1311](#)
- [1312](#)
- [1313](#)
- [1314](#)
- [1315](#)
- [1316](#)
- [1317](#)

- [1318](#)
 - [1319](#)
 - [1320](#)
 - [1321](#)
 - [1322](#)
 - [1323](#)
 - [1324](#)
 - [1325](#)
 - [1326](#)
 - [1327](#)
 - [1328](#)
 - [1329](#)
 - [1330](#)
 - [1331](#)
 - [1332](#)
 - [1333](#)
 - [1334](#)
 - [1335](#)
 - [1336](#)
 - [1337](#)
 - [1338](#)
 - [1339](#)
 - [1340](#)
 - [1341](#)
 - [1342](#)
 - [1343](#)
 - [1344](#)
-

А. В. КОРОЛЕНКОВ

clio

ПЕРВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ
ВОЙНА В РИМЕ

е н р а з и я

**АНТОН ВИКТОРОВИЧ КОРОЛЕНКОВ
ПЕРВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В
РИМЕ**

ВВЕДЕНИЕ

*Жене моей, Екатерине Александровне,
посвящается*

История классической древности изучена гораздо лучше, чем история сопредельных Средиземноморью стран. Корпус источников, повествующих о ней, хорошо известен, его читают и анализируют со времен Возрождения. Новые материалы принципиального свойства появляются не так уж часто и в основном касаются хотя и важных, но локальных сюжетов. Тем не менее, хотя гражданские войны последнего века Республики — самый освещенный сюжет в истории античного мира^[1], это касается скорее событий 60—30-х гг. до н. э., тогда как первая крупная смута, произошедшая в 80-х гг. до н. э., известна гораздо хуже. Она не привела к падению Республики, однако важна уже одним тем, что была первой, поставив римлян в совершенно необычную, не предусмотренную никакими законами ситуацию. Эта смута явила примеры как для подражания, так и, в гораздо большей степени, для порицания, и наложила отпечаток на последующие этапы кровавой борьбы за власть. Трудности исследования, связанные с этими событиями, начинаются уже с названия и датировки. Как ее именовать? Гражданской войной Марии и Суллы? Но Марий умер в 86 г., когда главная схватка была еще впереди. Война марианцев и сулланцев? Но в 87 г., когда Цинна и Марий осаждали Рим, они, как мы увидим, боролись явно не против сторонников Суллы. Это была одна гражданская война или несколько? Ведь вооруженное противостояние распадается на три конфликта, даже если говорить только об Италии. Когда она закончилась, в 82 г., битвой у Коллинских ворот, падением Пренесты, или позже, взятием Волатерр? Но ведь Серторий продолжал сопротивляться до 73 г. Вопросов возникает много, и куда более важных. Однако сразу оговоримся, что в книге речь пойдет преимущественно о событиях в Италии, но применительно ко времени после битвы у Коллинских ворот будет рассматриваться только вооруженное противостояние, а не террор и реформы Суллы. Анализ событий в провинциях заканчивается 81-м годом, когда Серторий под напором сулланских войск бежал из Испании. (Я отлично осознаю уязвимость такого подхода для критики, но, как представляется, он вполне имеет право на существование и, к слову сказать, уже использовался в историографии.)

Тем не менее, разумеется, рассмотрение военно-политической борьбы — не единственная задача книги, хотя сама по себе эта задача не столь простая, как может показаться. Важно также понять, что привело к гражданской войне, можно ли было ее избежать на том этапе, какую позицию занимали в ней те или иные социальные слои, каковы были идеология и пропаганда различных лагерей. Не будут обойдены вниманием экономические проблемы и, конечно, италийский вопрос. Все это, как можно надеяться, позволит создать многоплановую картину событий 80-х гг. до н. э. в *res publica Romana*.

Источники по данной теме хотя и достаточно многочисленны, но гораздо менее объемны и, соответственно, информативны, нежели по второй трети I в. до н. э. Это литературная традиция, эпиграфика, нумизматика, тогда как археология по рассматриваемому периоду практически ничего не дает. Что же касается античных авторов, то до нас не дошло сочинений современников событий, если не считать нескольких фрагментов в речах Цицерона (о них см. ниже). Сильнейшее влияние на последующую традицию рассказа об этой эпохе вообще и о гражданской войне в частности оказали воспоминания Суллы^[2]. Особенно активно их использовал Плутарх (см. ниже).

Диктатор ни в малейшей мере не сомневался в собственной правоте, был совершенно чужд какой-либо самокритики и не стеснялся самой грубой лжи в отношении своих врагов (прежде всего Мария)^[3]. Именно к Сулле, очевидно, восходит традиция, согласно которой его вражда с Марием имела давние корни, что вызывает серьезные сомнения^[4]. Важной частью воспоминаний были различные сны и знамения^[5], призванные, естественно, продемонстрировать поддержку диктатора богами, особенно в критические моменты его жизни^[6].

Другим трудом по рассматриваемой теме, не дошедшим в источнике до нашего времени, но использовавшимся позднейшими античными авторами, была «История» претора 78 г. до н. э. Л. Корнелия Сисенны, описавшего Союзническую и гражданскую войны и закончившего свое сочинение, по-видимому, началом 78 г. до н. э.^[7] Саллюстий (Iug. 95.2) считал, что тот не был достаточно свободен в своих суждениях о Сулле (*parum mihi libero ore locutus videtur*), т. е. высказывался о последнем более благоприятно, чем он этого заслуживал^[8]. В то же время Саллюстий отмечал основательность труда Сисенны (*optume et diligentissime omnium, qui eas res dixere*). Важно отметить, что Сисенна являлся современником описываемых событий и, похоже, был куда объективнее Суллы^[9]. Хотя нет

прямых данных о влиянии Сисенны на последующую традицию изложения событий 80-х гг. до н. э., похвалы ему Саллюстия позволяют думать, что оно было очень значительным. Широкую известность получил сюжет о войне Помпея Страбона, покончившем с собой на трупе случайно убитого им в бою брата, сражавшегося на стороне Цинны (fr. 129 Peter = Tac. Hist. III. 51. 2; см. также: Liv. Per. 79; Val. Max. V. 3. 5; Gran. Lic. 20F; Oros. V. 19. 12-13).

У Плутарха сохранились и два сообщения Фенестеллы — о похождениях Красса в Испании (Crass. 5.6) и о битве при Сакрипорте (Sulla 28.14). Свидетельства о последних днях Мария восходят к продолжателю труда Полибия стоику Посейдонию, который в составе родосского посольства находился в Риме на рубеже 87—86 гг. до н. э. и встречался с уже тяжело больным арпинатом (FGrH 87 F 37 = Plut. Mar. 45.7), а также к историографу Гаю Пизону (HRR I², 317 = Plut. Mar. 45. 8-9)^[10]. Оба сообщения носят благоприятный для Мария характер^[11]. О том, как описывалась гражданская война в не сохранившихся трудах других историографов (анналистов) и мемуаристов (Валерий Антиат, Лициний Макр, Клавдий Квадригарий, Рутилий Руф и др.), можно лишь строить более или менее вероятные гипотезы.

Первым сохранившимся до нашего времени источником о тех событиях стали сочинения Цицерона, находившегося во время гражданской войны в Риме и знавшего лично многих их участников. Благодаря ему сохранились ценнейшие сведения о политическом и экономическом положении в Риме и в некоторых общинах Италии (Ларин, Америя) во времена гражданской войны. Господство Цинны и его преемников он называл «господством дурных», *improborum dominatus*, а его установление, как позднее и диктатуры Цезаря, — победой людей «бесчестных и пропащих», *improbi* и *perditi*^[12]. В то же время он не отрицал, что это были три года без войны, *triennium sine armis* (Brut. 308) — характеристика, обретшая популярность в историографии нового и новейшего времени и подразумевающая положительные стороны этого периода^[13]. Примечателен его подход к личности Мария — земляка и *homo novus*, как и сам Цицерон. Он нередко весьма похвально отзывался о нем в речах перед народом, тогда как в выступлениях перед сенатом, письмах и философских трактатах, т.е. перед иной аудиторией, куда чаще и жестче критиковал его^[14]. Цицерон сравнивал свое возвращение из изгнания с мариевым, поскольку тот, вернувшись в Рим, устроил резню, чего не было в случае с ним^[15]. Осуждается автором сочинений за жестокость Цинна (Phil. XI. I)

[16], но он положительно оценивается как военачальник (Font. 43)[17], а указание на развязывание им (как и Марием) гражданской войны сопровождается наряду с осуждением признанием определенной легитимности его действий (*recte, immo iure fortasse*), поскольку речь шла о возвращении из изгнания[18]. Обращает на себя внимание и достаточно позитивное отношение Цицерона к П. Сульпицию, который является одним из участников диалога «Об ораторе» и подвергается довольно умеренной критике за деятельность в качестве трибуна[19]. Примечательно также, что Сулла, Марий, Цинна и Октавий в весьма сдержанных выражениях осуждаются Цицероном за разжигание гражданской войны (но не за дальнейшее поведение) и признаются «оптиматами» (Nat. resp. 53-54). Не имеет значения, что думал сам оратор[20], явно не симпатизировавший всем четверым; важно, что он рассчитывал на положительный отклик аудитории[21]. Впрочем, циннанский режим оратор осуждал и в речах для народа, и в сочинениях для узкого круга.

Некоторые сведения о гражданской войне, а также интересные суждения о Сулле и Марии сохранились у Саллюстия. Хотя его «*Historiae*» начинались с 78 г., в I. 31-53, 90-96 освещаются события *bellum civile*, в том числе деятельность Сертория[22]. В них мало сведений, отсутствующих в других источниках, но они позволяют предполагать, что именно к Саллюстию восходили многие сообщения других античных авторов на интересующую нас тему — в частности, Плутарха и Аппиана. Примечательно отношение писателя к Сулле и Марию. Для обоих он находит слова похвалы, но также и неодобрения (см. Cat. 11.4; Jug. 63. 2-6; 95. 3-4 etc.). Ни тот, ни другой не являются в его глазах носителями *virtus*[23], которой наделяется даже будущий враг Рима Югурта (пока он служит Риму — Jug. 9.2). Это вполне соответствует взглядам Саллюстия, отказавшегося от участия в политике (Cat. 4. 1-2) и тем самым от поддержки любой из сторон в гражданской войне.

Немалую ценность представляют эксцерпты из XXXVII и XXXVIII книг «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского, чьим важнейшим источником по интересующим нас событиям мог быть Посейдоний[24]. В них содержатся ценнейшие сведения о борьбе за консулат 88 г., осаде Рима Цинной и Марием в 87 г., финальном этапе гражданской войны 83—82 гг. до н. э. И хотя не все сообщения греческого автора вызывают доверие[25], подчас они важны тем, что являются отражением пропаганды сторон — точнее, стороны, а именно сулланцев. В

дошедших до нас фрагментах Сулла представлен как образец милосердия и умеренности, чего никак нельзя сказать о его врагах. Впрочем, взгляд на Мария тоже неоднозначен — в свои лучшие дни он вполне положительный герой, и только к старости погоня за властью и богатством губит его (Dowling 2000, 319-320). Эта точка зрения отличается от той, что проводится в мемуарах Суллы, который возводил свою вражду с арпинатом еще ко временам Югуртинской войны, она ближе к саллюстиевой. Не без уважения отзывается Диодор и о Марии Младшем, храбро сражавшемся с Суллой, а также об отказавшемся перейти на сторону последнего Перперне, обычно поносимом в античной традиции^[26]. Все это говорит о том, что Диодор использовал источники различной направленности, не замыкаясь на одной из трактовок, хотя его просулланский настрой сомнений не вызывает.

Важным источником по истории гражданских войн являются эпитомы (периохи) труда Тита Ливия, опиравшегося, очевидно, как и при описании более ранних эпох, на сочинения анналистов (Lovano 2002, 150). Это первое, пусть и краткое, но связное изложение событий 80-х гг. до н. э., сохранившееся до наших дней. «Ливий целиком на стороне Суллы и прилагает все усилия для того, чтобы свалить ответственность за гражданскую войну на его недругов» (Linden 1896, 10). «Эпитоматор Ливия не упоминает ничего неблагоприятного для Суллы, если может избежать этого» (Bulst 1964, 322). Такой подход, очевидно, обусловлен «помпеянством» Ливия (Tac. Ann. IV. 34. 3), подразумевавшим куда более положительное отношение к Сулле, нежели к его врагам. Он единственный автор, который приписывает Сулле готовность подчиниться сенату в обмен на возвращение изгнанников, после высадки в Италии к нему стекается «вся знать (*nobilitas omnis*)»^[27], его послы будто бы претерпевают насилие от людей Норбана *etc.*^[28] В то же время масштабы марианских репрессий до крайности преувеличены (per. 80, 86). Примечательно, что малопочтенный термин *factio* (клика) применяется эпитоматором Ливия лишь по отношению к врагам Суллы (per. 77, 84), тогда как враги марианцев именуются оптиматами (Лапырёнок 2007, 55). Наряду с этим в периодах можно найти и ценные сведения (о законодательстве Сульпиция, отношениях с италийцами, позиции сената и др.). Несомненно, труд Ливия лег в основу многих последующих изложений истории гражданской войны, однако степень влияния на них стороны Ливия остается дискуссионной (см. ниже).

Первым брeвиарием, в котором изложена история гражданской войны

80-х гг. до н. э., является знаменитая своими биографическими зарисовками «Римская история» Веллея Патеркула, написанная в эпоху Тиберия, в 30 или 31 гг. н. э. Прадед автора служил при Сулле во времена Союзнической войны (Veil. Pat. II. 16. 2), что не могло не сказаться на взглядах писателя. Применительно к событиям *bellum civile* (другое дело — после ее окончания)^[29] он оценивает диктатора как человека, заслуживающего высочайшей похвалы (17.1)^[30], миротворца (*pax auctor*: 25.1). Виновниками же смуты изображаются его недруги, однако и они показаны неоднозначно. Сульпиций характеризуется как человек, выдающийся силой дарования и духа (*vigore ingenii atque animi celeberrimus*), чья беда в том, что он свернул с правильного пути и вступил в союз с Марием (18.5). Но и Марий оценивается как выдающийся полководец, хотя и опасный для государства в мирное время (11.1)^[31]. Выражается ему некоторое сочувствие и в его скитаниях по Африке (19.4). Достойным славы отца признается и Марий Младший (26.1). Цинна сурово осуждается за свои действия и опрометчивость в замыслах (20.2; 24.5), но его решительность удостоивается похвалы^[32]. Враги Цинны и Мария, как и у эпитоматора Ливия, именуются оптиматами. Описание гражданской войны 80-х гг. до н. э. занимает у Веллея 10 глав^[33], но сведений, отсутствующих в других источниках, здесь не так уж много^[34], тем более что многие из них достаточно спорны (см. ниже). Однако и они при общей скудости Источниковой базы по данной тематике представляют интерес наряду с оценками Веллея.

Немало ценных сообщений содержится в сборнике «Достопамятные деяния и изречения» Валерия Максима, написанном примерно в те же годы, что и труд Веллея Патеркула. Валерий Максим ставит перед собой задачу сохранить память о моральных достоинствах героев прошлых времен (преимущественно до битвы при Акции), не очень считаясь с хронологией и контекстом^[35]. Именно у него марианские репрессии впервые именуются проскрипциями (Val. Max. IV. 3. 14; V. 3. 3; VI. 9. 14), что вряд ли является простой неточностью, свидетельствуя скорее о стремлении писателя приравнять жестокости марианцев по масштабам к сулланскому террору. При этом, осуждая и Суллу, и Мария^[36], и Цинну как поджигателей гражданской войны, погубивших немало сограждан, Валерий Максим отмечает, что и они при всем том не преступали известных границ (И. 8. 7). В целом же, несмотря на склонность к риторике и обусловленные ею искажения, труд Валерия Максима представляет немалую ценность как источник по рассматриваемой теме, помогая лучше осветить позицию

сената, положение в Италии, личные связи между участниками событий и др.

Интерес представляет и краткий обзор событий гражданской войны в поэме Марка Аннея Лукана (II. 70-233; см. также: I. 581-583; II. 545-550; IV. 822-824; VI. 793-796; IX. 204-205). По-видимому, этот обзор восходит к Ливию. «Поэма не содержит каких-либо сведений, которых мы не знаем из других источников, однако она представляет интерес драматическим рассказом о жертвах Мария и Цинны в 87 и Суллы в 82 г.^[37]; Лукан горячо осуждает гражданскую войну и делает акцент на личной вражде Мария и Суллы (фактически исключая роль Цинны)» в моралистических целях (Lovano 2002, 151). Именно этими целями обусловлено то, что поэт описал лишь сцены расправ, опустив все остальное; для яркости изложения он преподносит дело как собственные воспоминания^[38]. Большой в фактологическом отношении интерес представляют поздние схолии к Лукану, известные как *Commenta Bernensia u Adnotationes super supqr Lucanum*. Их авторы использовали — видимо, через посредников — ‘*Historiae*’ Саллюстия (Rawson 1987, 164) и сообщили немало сведений о событиях 80-х гг. до н. э. (об изгнании Мария марианской «чистке», войне 83—82 гг. и др.), представляющих, несмотря на многочисленные ошибки и неточности, несомненный интерес для исследователей.

Важнейшим источником по истории гражданской войны 80-х гг. до н. э. являются сочинения Плутарха — биографии Суллы, Мария, Помпея, Сертория, Красса. Огромное влияние на Плутарха оказали мемуары диктатора, на которые он делает не менее 16 прямых ссылок^[39]; они привлекаются при описании событий как 88—87, так и 83—82 гг. до н. э. Кроме того, Плутарх использовал труды Саллюстия^[40], Ливия, Посейдония, Гая Пизона, Фенестеллы^[41], однако он, по-видимому, не читал их целиком, а обращался к ним для уточнения деталей (Keaveney 2001, 248). Немало у Плутарха и анонимных ссылок^[42]. Несмотря на то что источники Плутарха в целом просулланские, писатель далеко не во всем настроен в пользу Суллы. Если в гл. 8-9.8 его биографии Марий и особенно Сульпиций изображены законченными негодьями, что настраивает читателя в пользу будущего диктатора, то в 9.9-14 взятие Рима описывается уже в резко враждебном Сулле тоне; рассказ о борьбе в Италии в 83—82 гг. до н. э. в целом благоприятен для Суллы, осуждению подвергаются уже его действия, имевшие место после войны. Подобные колебания связаны, очевидно, с тем, что Сулла, как и его «напарник» Лисандр, согласно парадоксальному выражению С. С. Аверинцева, люди «импонирующие, но

не симпатичные»^[43]. К Марию Плутарх куда более суров. Хотя он и выражает ему сочувствие, и признает силу его духа во время скитаний после бегства из Рима^[44], в целом в рассказе о событиях 88—86 гг. до н. э. господствует идея о том, что арпинат поддался неумеренному честолюбию, а впоследствии и неумеренной жажде мести, которые и погубили его морально. Умер же Марий, одолеваемый страхом перед Суллой, так и не одержав желанной победы над Митридатом^[45]. Все это, несомненно, обусловлено мировоззренческими установками Плутарха, которого раздражали в Марии не только авантюризм, властолюбие и жестокость, но и отсутствие интереса к духовной культуре — как и у его «напарника» Пирра (см. Аверинцев 1973, 223). Совсем немного внимания уделено Цинне — он даже не удостоен какой-либо характеристики, и все время оказывается в тени других персонажей, будь то Марий, Серторий или Помпей. Возможно, это связано с отсутствием у Плутарха подробных сведений о Цинне — его роль как одного из главных действующих лиц гражданской войны и главы римского государства для него очевидна; наряду с Суллой и Марием он причисляется к «тиранам»^[46]. Что же касается Помпея, то его роль в событиях 80-х гг. до н. э. и личные достоинства у Плутарха несколько преувеличены; он противопоставляется своему отцу, ненавидимому римлянами, который характеризуется весьма нелестно и упрощенно, что позволяет оттенить достоинства его сына (Hillman 1998, 179-180). Явно идеализируется и Серторий, противостоящий жестокому Марию, безвольному Цинне и их бездарным преемникам.

Поскольку Плутарх пишет не историю того времени, а биографии его героев, то отбор фактов весьма избирателен и не всегда подчиняется хронологии, что приводит к искажениям. Достаточно сказать, что он опускает упоминания о законопроектах Сульпиция, вокруг которых развернулась борьба, кроме одного — о передаче командования от Суллы Марию^[47], который в действительности был внесен после того, как началось противостояние консулов и Сульпиция (см. ниже, с. 69 сл.). Показательно и описание битвы при Коллинских воротах — оно весьма объемно, но мы видим не связное изложение, а лишь несколько ее драматических эпизодов (см. ниже, с. 298-300). Это вполне соответствует целям Плутарха, для которого «словцо или шутка лучше обнаруживают характер человека, чем битвы, в которых гибнут десятки тысяч людей» (Alex. 1.2). Следствием такого подхода стало то, что писатель искал причины крупных исторических событий не в глубинных процессах, а в человеческих отношениях, в данном случае — во вражде Суллы и Марии,

«которая чуть было не погубила Рим» (Plut. Mar. 10.7).

Несмотря на все эти недостатки и отсутствие связной истории событий 80-х гг. I в. до н. э., Плутарх является неоценимым источником по данной тематике, тем более что он, в отличие от других авторов, писавших о тех временах, постоянно ссылается на своих предшественников. При анализе текстов Плутарха очень важно отделять его трактовки от излагаемых им фактов.

Весьма показателен бревиарий Луция Аннея Флора о войнах Рима — своего рода ораторский комментарий к ним (Дуров 1993, 114). Одно из названий его сочинения — «Эпитама Тита Ливия», хотя на деле у Флора, наряду с обширными заимствованиями и даже цитатами из этого автора, встречаются и отклонения от труда предшественника — как на уровне изложения фактов, так и трактовок^[48]. Однако в нашем случае Флор придерживается ливиевой интерпретации — причиной войны он объявляет неумеренное честолюбие Мария (III. 21.6: *inexplebilis honorem Marii fames*), оправдывается штурм Суллой Рима и его действия до прихода к власти в 82 г. до н. э. Ярко описываются убийства марианцами неугодных^[49], а взятие ими Рима сравнивается со взятием Карфагена (21. 4-16)^[50], которым, однако, не уступает в драматизме рассказ о проскрипциях — наглядный образец разложения римских нравов. *Populus Romanus* уже не выступает в качестве «героя»^[51] — глава начинается со слов о бедах, его постигших (*hoc deerat unum populi Romani malis*). Следует отметить, что не склонный к точности Флор в нашем случае не делает грубых ошибок, добросовестно, хотя и с риторическими прикрасами^[52] пересказывая традицию. Обращает на себя внимание и его страсть к периодизации — он делит гражданскую войну на три этапа (21. 3-4), от «мятежа большего, чем война (*tumultus maior, quam bellum*)», до войны, охватившей всю Италию и длившейся до тех пор, «пока было кого убивать» (*donee deessent qui occiderentur*)^[53].

Наиболее подробным из последовательных описаний интересующих нас событий является труд Аппиана Александрийского — младшего современника Флора. Гражданской войне 80-х гг. до н. э. он посвящает примерно 40 глав XIII книги своей «Римской истории» (BC. I. 55-95)^[54], написанной в третьей четверти II в. н. э. Источники его неясны, т. к. Аппиан в данном случае не дает ни одной ссылки. Высказывалась точка зрения, что он обращался к ливианской традиции^[55], однако сколь-либо серьезных доказательств этому нет^[56]. Как положительный, так и отрицательный ответ дается на вопрос о привлечении Аппианом

воспоминаний Суллы^[57]. Утверждалось также, что его важнейшим источником служил Посейдоний, который явно использовался в «Иберийской книге»; обращением к нему Э. Шварц объясняет некоторые совпадения с Плутархом^[58]. Возможно также, что одним из источников был Саллюстий^[59], хотя, как считает ученый, ни этот, ни предыдущий автор не использовались напрямую. М. Ловано осторожно пишет, что Аппиан, видимо, использовал сочинение, чей автор симпатизировал Цинне^[60]. Однако в целом вопрос об источниках александрийского историка при описании событий первой гражданской войны остается неясным.

Но какими бы материалами Аппиан ни пользовался, он был от них достаточно независим. Александрийский автор старается дать логически выстроенную и объективную картину случившегося, и к тому же не слишком склонен к риторике. Он не выражает открыто симпатий ни одной из сторон, как это можно наблюдать у латинских авторов в отношении Суллы до его победы, но, напротив, прямо говорит о взятии им Рима в 88 г., что впервые римское войско вступило на родную землю, словно вражеское (BC. I. 60. 269)^[61]. Сулла неоднократно именуется тираном^[62], но также и монархом (BC. I. 3. 9)^[63], что, несомненно, является комплиментом в устах Аппиана, учитывая его симпатии к единодержавию^[64]. Если латинские авторы обычно изображают Суллу как миротворца, поддерживаемого сенатом, а виновниками войны 83—82 гг. — его врагов, то Аппиан не скрывает непримиримости будущего диктатора и опасений сената и большинства жителей Италии перед его вторжением.

Нельзя сказать, что Аппиан благосклонен к Марию. Подробно описываются его козни ради обретения командования в Азии и жестокости после взятия Рима, но при этом мы не встретим таких «экзотических» деталей, как голова Антония на пиршественном столе Мария или убийство Анхария, на чье приветствие арпинат не ответил. Марий не пренебрегает декретом о его изгнании — его отменяют трибуны, он и Цинна не провозглашают себя консулами, как у Ливия, а избираются (см. ниже, 168-194). Если же говорить о Цинне, то его переход на сторону италийцев объясняется взяткой. Лишившись консульства, он разыгрывает перед воинами низкопробный фарс, бросившись перед ними на землю; накануне взятия Рима отказывается взять на себя ответственность за предстоящие убийства *etc.* В целом Цинна изображен почти как второстепенная личность, теряющаяся на фоне куда более масштабных Суллы и Мария (см. Короленков 2011, 132-140).

Однако Аппиан обращает внимание и на общественные настроения —

во время борьбы за законы Сульпиция, пребывания Суллы в Риме после взятия Города, накануне его вторжения в Италию. Примечательно, что александриец, придерживавшийся рационалистической трактовки событий, подробно останавливается на различных знаменьях — возможно, чтобы развлечь читателя, но столь же вероятно, что он добросовестно фиксировал их как важные факты эпохи, влиявшие на настроения людей.

Благодаря всему этому, несмотря на ошибки, неточности и сомнительные места, о которых пойдет речь ниже, Аппиан, наряду с Плутархом, остается главным источником по рассматриваемым событиям, причем во многом превосходящим его по объективности и точности изложения.

Современником Аппиана был Граний Лициниан, от обширного анналистического труда которого сохранились лишь фрагменты, посвященные событиям 163—78 гг. до н. э. Для нас представляют особый интерес отрывки XXXV книги, в которых описывается ситуация в Риме и Италии в 88—87 гг. до н. э., а также завершение Первой Митридатовой войны. Нередко Граний считается подражателем и даже эпитоматором Ливия, для чего, однако, нет достаточных оснований^[65]. Он критикует Саллюстия, соглашаясь с теми, кто считает его не историком, а оратором (33F), т. е., очевидно, он был знаком с его трудом и наверняка использовал, хотя, конечно, трудно судить, в какой степени. (Обращает на себя внимание значительное сходство в некоторых случаях с рассказами Плутарха и Аппиана^[66].) Имеются отсылки к подлинным письмам и речам действующих лиц, хотя они, конечно, могли использоваться через вторые руки (Criniti 1993, 175). В тексте Грания можно встретить сообщения о таких популярных в античной литературе сюжетах, как самоубийство воина на могиле погибшего от его руки брата и гибель Помпея Страбона будто бы от молнии — свидетельство интереса автора к *multa mirabilia*, о котором он дает понять в 7F^[67]. Однако наряду с ними в скудных фрагментах Грания сохранились ценнейшие сведения, отсутствующие в других источниках, прежде всего о борьбе за Рим в 87 г. до н. э. Хотя для изложения Грания Лициниана характерно отсутствие четкой внутренней связи и быстрая смена событий (Criniti 1993, 180) — возникает даже ощущение конспективности, — его сообщения конкретны и в целом вызывают доверие.

Лишь фрагменты сохранились от той части монументального сочинения Диона Кассия, которая касается 80-х гг. до н. э. Наиболее подробно освещены у него события 87 г. до н. э., мятеж в армии Валерия

Флакка и обстановка накануне или в начале кампании 83 г. до н. э. Предполагается, что историк использовал Посейдония (Linden 1896, 25), Плутарха же он упоминает *expressis verbis* (Dio Cass. Fr. 107.1). Если Аппиан придерживался монархических взглядов, то Дион Кассий, единоподержавию, разумеется, не враждебный, прежде всего обращал внимание на положение при принцепсах сената. С точки зрения отношения к сенату рассматриваются им и деятели интересующего нас времени (см. Nose 1994, 406-417). Устами Цезаря он осуждает Мария, Цинну и Суллу, обвиняя их в том, что они поначалу совершали добрые дела, чтобы достичь успеха, но совсем иначе вели себя, добившись победы, и с явным осуждением указывает, что Септимий Север хвалил Мария и Суллу (а также Августа) за жестокость^[68]. Марий для него человек мятежный (στασιώδης καί ταραχώδης) и «истребитель знати» (τοῦ γενναίου καθαίρετης), способный на любую низость в силу своего Незнатного происхождения^[69]. Сулла, который интересуется Диона Кассия явно больше, чем Марий^[70], по традиции положительно оценивается им до своей победы, но с существенными поправками — он уже незадолго до ее достижения стал советоваться с дурными людьми (κάκιστοι), не прославленными ни доблестью, ни знатностью (Dio Cass. Fr. 108.1)^[71]. Кроме того, Дион Кассий подозревает, что Сулла до победы лишь скрывал свои дурные стремления^[72]. Крайне отрицательно характеризуется Фимбрия, осуждаемый за необузданность и жестокость, которые в глазах Диона являются единственными причинами его поступков, а убитый им Флакк порицается за алчность. В жестокости обвиняется Помпей Страбон. Своеобразно описывается взятие Рима марианцами. Оно не только сравнивается с разорением Карфагена, как у Флора, говорится также о том, будто Город заперли и в течение пяти дней учиняли в нем резню, убивая всех попадавших под руку. Это несомненный результат риторической обработки, который чувствуется и в описании проскрипций, причем отклонения от более ранней традиции, похоже, связаны не только с методами работы Диона Кассия и его личными взглядами, но и с общими изменениями в представлениях о событиях 80-х гг. до н. э. Поэтому с данными Диона следует обращаться с осторожностью. То же касается и побудительных мотивов, которые историк приписывает своим персонажам. Тем не менее в его труде встречаются ценные сообщения, отсутствующие в других источниках.

Любопытным примером упрощения истории первой гражданской войны является картина событий в бревиарии Евтропия (2-я пол. IV в.). У

него Марий сам добивается передачи ему командования в Азии, Сульпиций же упоминается лишь вскользь, его роль в событиях неясна, про законопроект о распределении италийцев по всем трибам речи не идет вовсе. О марианцах говорится, что знатнейших сенаторов они «убивали, многих проскрибировали (*interfecerunt, multos proscripserunt*)» (Eutr. V. 7. 3), что свидетельствует, по-видимому, о слабом понимании смысла последнего термина в данном контексте, причем в отношении сулланцев Евтропий его не использует вообще (!) (Hinard 1985a, 31). Тут же сообщается, будто к Сулле бежали все (!!!) уцелевшие сенаторы (*universus reliquus senatus ex urbe fugiens ad Sullam*), что, естественно, и приводит к высадке Суллы в Италии. Все это в целом соответствует периодам Ливия, причем Евтропий, по всей видимости, пересказывал не его самого (Linden 1896, 6), а какой-то сокращенный его вариант; однако обращение с термином «проскрипции», вероятно, является результатом собственного «творчества» Евтропия. Не могло быть у Ливия и датировки начала гражданской войны 662 г. от основания Города, т. е. 92/91 гг. до н. э. Но ясно одно: симпатии к Сулле все более растут — естественно, за счет Мария и его преемников, и труд Ливия (пусть и в сокращенном виде) оказался весьма востребованным.

К какому-то пересказу Ливия восходит, очевидно, и приписываемое Аврелию Виктору сочинение «О знаменитых мужах» (Lovano 2002, 152). В него вошли биографии не только Мария и Суллы, но и Мария Младшего, Цинны, Метелла Пия и даже Фимбрии. Анонимный автор излагает события конспективно, упоминая подчас не самые важные, но яркие (и не обязательно правдоподобные) детали. При этом, в отличие от Евтропия, он все же знает, что именно Сульпиций предложил передать командование в Азии от Суллы к Марию, но это происходит уже после операций Суллы против Митридата (75. 7-8). В целом события изложены правильно, хотя порой рассказ и сбивается на скандальные версии — Марий и Цинна побеждают, набрав войско из рабов, Марий кончает с собой (правда, об этом сообщается с оговоркой *ferunt*) *etc.*, к тому же уникальных сведений в этом сочинении практически нет. Симпатии автора явно на стороне Суллы — но, как всегда, до достижения им единоличной власти.

Весьма экзотический источник представляет собой breviарий, приписываемый Юлию Эксуперанцию (IV или V в. н. э.). Он охватывает события от Югуртинской войны до разгрома восстания Сертория, которым, видимо, заканчивается и III книга «*Historiae*» Саллюстия, из чьих трудов у него есть даже прямая цитата (Ehur. 5.33Z = Sail. Cat. 11.4), и потому предполагается, что именно этот автор был основным источником

Эксуперанция^[73]. Однако Н. Цорцетти, исходя из многочисленных ошибок, невысказанных для Саллюстия, а также данных лексики, сделал вывод о том, что Эксуперанций опирался скорее на какую-то эпитому Ливия (Zorzetti 1982, XIV—XVIII). И хотя его аргументы не встретили поддержки^[74], различия между Саллюстием и Эксуперанцием очевидны — последний в черных красках изображает Мария и явно благоволит Сулле^[75], хотя и упоминает о его жестокостях (но, не называя их проскрипциями). Весьма вероятно, что все это — проявление собственной позиции писателя, а не только его источников, в выборе и обработке которых он был волен, и его сочинение носит вполне самостоятельный, а не эпитоматорский характер (Beschoner 1999, 237-250). Что же касается его многочисленных упрощений^[76] и ошибок, то это свидетельство явного упадка историографической культуры в конце античности. Тем не менее у Эксуперанция содержатся весьма интересные данные о ситуации в Италии и Испании в 83-82 гг. до н. э., связанные с деятельностью Сертория.

В начале V в. создает свою «Историю против язычников в семи книгах» христианский писатель Орозий Павел. В ней немало места отведено гражданской войне 80-х гг. до н. э. Эта война — одно из тех многочисленных бедствий, которыми полна история дохристианского Рима, чьи обитатели не знали истинного Бога, что делает эти несчастья в глазах автора еще более страшными (Oros. I. Prol. 13-14). Поэтому Орозий не сочувствует ни одной из сторон. Он, как и другие позднеантичные (и отнюдь не христианские) авторы, склонен к упрощениям, умолчаниям, неточностям, его источники, по всей видимости, — поздние сокращения Ливия^[77]. Мы опять читаем о войне, убившем брата и покончившем с собой на его могиле, о бегстве после марианской «чистки» уцелевших сенаторов к Сулле и его высадке в Италии по их просьбе, Сульпиций упоминается лишь вскользь *etc.* Не исключено, что к какому-то из пересказчиков Ливия восходит и представление о Фимбриии как одном из главных марианцев (V. 20. 1). Примечательно, что Орозий умалчивает о подробностях *caedes Mariana* (Ensslin 1926, 438), тогда как о проскрипциях он повествует обстоятельно, с цифрами и примерами. Это свидетельствует о том, что Орозий не следовал за ливийской традицией, а использовал различные материалы, но какие — сказать сложно, учитывая отсутствие у него ссылок на них, и подошел к материалу достаточно самостоятельно. Он сравнительно подробно рассказывает о борьбе за Рим в 87 г., о кампании 83-82 гг. до н. э., о борьбе в Африке, сообщая подчас весьма полезные сведения, отсутствующие в других источниках.

Такова в общих чертах античная традиция о событиях первой гражданской войны в Риме. В целом она благоволит Сулле и другим врагам Мария и Цинны и, соответственно, враждебна двум последним, однако содержащиеся в ней факты, как мы увидим, позволяют во многом выявить пристрастность подобного подхода. Мы наблюдаем в источниках эскалацию насилия, ход политических интриг и боевых действий, меньше внимания уделяется общественным настроениям и глубинным причинам событий, выводы же и оценки более поздних авторов зачастую грешат неполнотой и однобокостью, и их необходимо воспринимать с большой осторожностью.

Во многом такое состояние дел связано со скудостью источников, современных рассматриваемым событиям. В какой-то степени делу помогает эпиграфика, однако сразу следует оговориться, что ее данные по интересующему нас периоду весьма скудны. Прежде всего они касаются магистратов, промагистратов и их окружения. Важнейшим источником является т. н. аскуланская надпись Помпея Страбона (CIL I². 709 = ILS 8888). В ней отражен состав его военного совета на 89 г. до н. э. [78], что проливает свет на связи многих будущих участников гражданской войны. Помогают установить жреческий статус некоторых ее участников и фрагментированные *Fasti sacerdotum* (ILS 9338), относящиеся примерно к тому же времени. Другие надписи позволяют уточнить хронологию консулатов, положение в Италии, демонстрируют презентацию Суллой собственного статуса. В целом они подтверждают то, что мы знаем из нарративных источников (Lovano 2002, 158), но само такое подтверждение очень важно, учитывая особенности последних.

Заметно больше можно извлечь из нумизматического материала, который является незаменимым источником по истории идеологии и экономики [79]. Благодаря монетам мы видим, к каким богам апеллировали стороны, какие атрибуты, символы и лозунги использовали они в пропаганде. Особенно оживленную дискуссию в историографии породили изображенные на монетах Суллы авгурские кувшин и жезл (см. с. 351-354). Имеют значение и упоминаемые на монетах имена магистратов. Важен также учет и более ранних нумизматических материалов, позволяющий выявить степень традиционности и новаторства в символике монет 80-х гг. до н. э. Содержание драгоценных металлов в монетах может служить свидетельством состояния экономики в тот или иной период гражданского противостояния и направленности экономических мер тех, кто в тот момент находился у власти. Особенно ценно то, что нумизматика

расширяет наши знания о политике циннанского режима, сведения о которой в античной традиции очень скудны. Бесспорно, трактовка нумизматического материала зачастую сопряжена со значительными трудностями, однако его особая ценность состоит в том, что он современен описываемым событиям и может предоставить нам данные, которые отсутствуют в нарративных и эпиграфических источниках

Что же касается археологических источников, то еще Ж. Арман в 1967 г. отмечал их отсутствие по рассматриваемой теме (Harmand 1967, 120), и с той поры ситуация, к несчастью, не изменилась.

Историография гражданской войны 80-х гг. I в. до н. э. обширна, но все же не столь значительна, как по последующим десятилетиям I в. до н. э. К этой тематике обратился в свое время один из первых выдающихся специалистов по истории Древнего Рима Б. Г. Нибур^[80]. Он освещает материал очень выборочно, опуская часть законопроектов Сульпиция, финансовое законодательство циннанцев, переговоры Суллы с сенатом в 85 г. до н. э. и др. У Нибура уже используется термин «оптиматы», но к событиям 80-х гг. до н. э. он не применяется. Особый интерес исследователь проявляет к италийской проблеме. Остановившись на законопроекте о распределении италийцев и либертинов по 35 трибам, ученый отмечает его противоречивость, ибо сельские жители (*rustici*) обитали далеко от Рима и не могли воспользоваться плодами этого закона. Он указывает на умеренность Суллы после взятия Рима (но не после его окончательной победы), однако в то же время весьма подробно пишет о марианских репрессиях, называя Цинну и Карбона «чудовищами» и вслед за Саллюстием и Плутархом восхищаясь Серторием — «одним из лучших римлян того времени». Признавая недостатки Мария, Б. Г. Нибур при этом считает, что после его смерти марианцы не имели достойных вождей — вообще он склонен объяснять многое именно личным фактором. Не чужд был ученый, подобно Т. Моммзену, и сравнений с событиями современной истории, хотя надо признать, не всегда удачных^[81]. Тем не менее некоторые наблюдения Б. Г. Нибура сохраняют ценность до сих пор.

Заметно больше внимания уделил рассматриваемой тематике другой крупный немецкий антиковед, В. Друман. Его труд «История Рима в эпоху перехода от республиканского устройства к монархическому», написанный в духе зарождавшегося тогда просопографического направления, представляет собой серию биографий, в том числе и деятелей интересующей нас эпохи — Суллы, Цинны, Помпея Страбона, Помпея Магна и других участников гражданской войны^[82]. В. Друман кратко

обрисовывает настроения в Риме и Италии накануне гражданской войны, но в целом уделяет совершенно недостаточно внимания италийскому вопросу, даже не упоминая вопрос о цензе 86 г. до н. э. Он первым высказал мнение о том, что сотрудничество Сульпиция с Марием было во многом обусловлено долгами трибуна, причем во главу угла ставится именно вопрос об азиатском командовании. Говоря о переговорах Суллы и сената в 85 г. до н. э., немецкий ученый пишет, что Сулла «хотел лишь отомстить», хотя в действительности это требование трудно признать умеренным, ибо оно неизбежно влекло за собой дальнейшее кровопролитие. В то же время он признает, что уже в 88 г. до н. э., после захвата Рима Суллой, в Городе воцарился «дух порядка, но порядка, которому могли порадоваться только оптиматы. Рабы не должны выступать против своих господ, народ — против знати» (Drumann 1902, 371). Войско же забыло, что «под руководством своего консула вернуло свободу сенату, запомнив только лишь взятие Рима, и борьба против отечества больше его не пугала». (Заметим, что рабы в 88 г. до н. э. как раз и не выступили против хозяев.) Что же касается Цинны, то В. Друман объясняет его действия не будто бы полученной от италийцев взяткой, а стремлением к высшей власти (в отношении Суллы таких объяснений не предлагается). Исследователь считает Цинну человеком смелым и настойчивым, но лишенным способностей, а потому опиравшимся на поддержку Мария, а затем Карбона, что вряд ли основательно — Цинна начал борьбу в 87 г. до н. э. без Мария, доказательств же особого влияния Карбона в источниках нет.

В 1854 г. вышел в свет второй том «Истории Рима» Т. Моммзена, где значительное место уделено гражданской войне 80-х гг. до н. э. Он рассматривает события 80-х гг. до н. э. с точки зрения своей теории римской революции^[83]. Немецкий ученый развил теорию противостояния сенатской (аристократической) и «народной» «партий», обозначив их как оптиматов и популяров (эти термины закрепились в историографии и, как известно, до сих пор достаточно активно используются). К первым, естественно, был отнесен Сулла и те, кто правил в Риме сразу после его отъезда, ко вторым — Марий, Цинна и их сторонники. Не отвергает наряду с ними Т. Моммзен и такие термины, как «партия сената», «народная партия», «партия торговцев», «партия всадников», хотя ни одна из этих групп не была чем-то единым.

Т. Моммзен считает, что П. Сульпиций, движимый во многом личной враждой, предпочел искать себе опору не в сенате, а в вооруженных отрядах и в вольноотпущенниках. В то же время он отмечает, что распределение последних по всем трибам отнюдь не подрывало господства

нобилитета, учитывая зависимость либертинов от нобилей, а также слабость комиций. Предложение Сульпиция отобрать у Суллы азиатское командование Т. Моммзен объясняет не столько желанием удовлетворить Мария, сколько стремлением лишить Суллу возможности использовать армию в политических целях. При этом сам Марий совершенно неосновательно характеризуется как бездарный политик, который во время шестого консульства стал посмешищем, а во время седьмого вызвал ненависть всего (?!) народа. Весьма скептически ученый оценивает и Цинну, считая, что тот оказался на вершине власти лишь в силу «чистой случайности». Подробнее, чем его предшественники, останавливается Т. Моммзен на мероприятиях циннанского режима, но отзывается о них весьма критически, сетуя на их половинчатость, а также «бессилие и бездарность» Цинны и его соратников. Столь категоричные оценки в настоящий момент практически никем из ученых не разделяются, однако на тот момент это было наиболее обстоятельное рассмотрение событий гражданской войны, некоторые детали его имеют ценность и по сей день.

Тема гражданской войны 80-х гг. до н. э., естественно, стала предметом рассмотрения в обобщающих трудах по истории Рима или Римской республики, которые во множестве выходили в те времена^[84]. В них нашла отражение концепция Т. Моммзена первой *bellum civile* как части революции (особенно популярно было определение — «революция П. Сульпиция»), хотя и без некоторых ее крайностей в оценках и формулировках. В этих трудах обычно говорилось о борьбе аристократической и демократической «партии», но не о противостоянии оптиматов и популяров (второй из названных терминов вообще практически не использовался). Для авторов этих работ характерно достаточно скептическое отношение к циннанскому режиму, и только К. В. Нич (Ницш) назвал его мероприятия «одним из величайших актов внутреннего переустройства», в результате которого вместо союзного устройства возникло «государственное, способное объединить и успокоить Италию», о чем сулланская традиция умалчивала (Нич 1908, 376-377). Подобный вывод представляется некоторым преувеличением, однако он стал естественной реакцией на прохладное отношение к Цинне и его режиму в источниках и историографии нового времени и впоследствии нашел отклик у исследователей. Много сторонников в научной литературе оказалось у весьма спорного тезиса К. В. Нича о нежелании всадников видеть Суллу проконсулом Азии, усматривавших в нем защитника интересов оптиматов, а не всадничества.

В 1915 г. вышла в свет монография итальянской исследовательницы К.

Ланцани «Марий и Сулла. История римской демократии в 87—82 гг. до н. э.»^[85]. Это, пожалуй, наиболее подробное изложение событий рассматриваемого периода, причем исследовательница много внимания уделяет историографии вопроса, чем во многом пренебрегали ее предшественники. Несмотря на заявленную в названии книги хронологию, автор анализирует и некоторые аспекты событий 88 г. до н. э., в частности, законопроект Сульпиция о распределении италийцев по 35 трибам и обстановку в Риме после взятия его Суллой. Исследовательница отмечает, что законодательство Суллы в это время, называемое ею «конституцией 88 г.», носило компромиссный характер. Его противников К. Ланцани относит к сторонникам не просто демократии, но даже демократии «революционной», называя, например, революцией выступление Сульпиция и следуя здесь, таким образом, трактовке Т. Моммзена. Что же касается Цинны, то он, по ее мнению, никогда не принадлежал к числу оптиматов и перенял программу «демократов». К. Ланцани указывает в связи с этим на такие факты, как союз Цинны с самнитами и его призыв к рабам во время осады Рима (последнее имело место и во время борьбы в провинциях). К. Ланцани, разумеется, не отрицает факта репрессий, имевших место после взятия Рима марианцами («ужасные и кровавые дни»), но указывает, что если Марий преимущественно к этому и свел свою победу, будучи словно «оглушен» ею, то Цинна, укрепившись у власти, действовал достаточно разумно и умеренно. Он провел необходимые и полезные реформы в области денежного обращения, долгового вопроса, устройства судов, наделения гражданскими правами италийцев и либертинов, управления провинциями. Особо подчеркивается исследовательницей роль Цинны в решении италийского вопроса — Сулле пришлось оставить в силе его мероприятия в этой сфере. Однако деяния Цинны нам известны преимущественно из сочинений враждебных ему авторов «аристократической направленности» (термин спорный), что отрицательно сказалось на его позднейшей репутации, заслуживающей, по мнению К. Ланцани, куда более позитивной оценки.

Важной вехой в исследовании гражданской войны стала диссертация Г. Бенкета «Цинна и его время» (1923). Это была первая работа, где объектом специального анализа стала деятельность Цинны, который до той поры оставался в тени более масштабных фигур Мария и Суллы. По мнению ученого, Цинна поначалу не являлся сторонником П. Сульпиция и Мария и врагом Суллы и «сенатской партии» (термин весьма спорный), выступив против законов Суллы просто ради обеспечения себе поддержки италийской верхушки и друзей-изгнанников, т. е. марианцев. В то же время

противников Цинны ученый считает «сулланскими лидерами», хотя связь их с Суллой не очевидна - сам же Г. Беннет отмечает, что ни один консуляр или иной крупный политический деятель не бежал в 86—84 гг. до н. э. к Сулле. По его мнению, масштабы расправ в 87—86 гг. до н. э. сильно преувеличены, в Риме оставалось немало видных сенаторов, даже в конце гражданской войны там были те, кого ученый называет «сулланскими элементами» (что, впрочем, вызывает сомнения). Сенат при Цинне и его преемниках не только функционировал, но и сохранял известную автономию. Комиции явно оставались высшим законодательным органом, нет сведений, чтобы Цинна произвольно издавал законы или подменял их магистратскими эдиктами. Г. Беннет куда подробнее, чем его предшественники, останавливается на мероприятиях циннанского режима. По его мнению, после овладения Римом Цинна сумел оттеснить Мария, с которым вступил в союз лишь по необходимости, на второй план. Г. Беннет допускает проведение судебной реформы и значительное увеличение числа граждан по переписи 86 г. до н. э. Это значит, что обещания, данные италийцам в 87 г. до н. э., были выполнены, о чем свидетельствует отсутствие волнений по этому поводу. Весьма позитивно оценивает исследователь и финансовые мероприятия циннанцев, считая их мотивы честными, а меры — спасительными. Говоря о целях самого Цинны, Г. Беннет полагает, что тот стремился достичь автократии. Причем во многом Цинна, характеризуемый как предшественник «императоров, приведенных к власти армией» (*forerunner army-made emperors*), «первый тиран Рима после изгнания Тарквиния», предвосхитил, по его мнению, политику Августа — установление «абсолютизма» при внешнем сохранении конституционных форм. В эволюции в сторону такого режима и заключается, по мнению ученого, главное значение деятельности Цинны. В целом, как считает Г. Беннет, политика режима Цинны, характеризуемая им как умеренная, удовлетворяла основные слои населения Рима и Италии, и та оппозиция, с которой столкнулся Сулла при возвращении с Востока, демонстрирует, что Италия вовсе не нуждалась в «освободителе». При этом, как отмечает исследователь, использование термина «демократическая партия» применительно к группировке Цинны лишь вводит в заблуждение. «Так называемая демократическая партия в период между Гракхами и Цезарем была не более чем спорадически вспыхивавшей оппозиционной борьбой (*fitful opposition*) честолюбивых политиков против монополизации высших должностей и сенатского контроля узким кругом “знатных” фамилий». Цинна был наименьшим демократом из всех вождей оппозиции от Гракхов до Цезаря — за исключением, возможно, П.

Сульпиция, чью программу он унаследовал. Единственным непреходящим достижением Цинны стало уравнение италиейцев в правах с римлянами, последствием которого он, впрочем, не осознавал (стоит заметить, что на сей счет просто нет данных). «Честолюбивый, храбрый, волевой и целеустремленный, Цинна, однако, был лишен таких качеств истинного государственного деятеля, как пронизательность и созидательное воображение»^[86].

В 1932 г. вышел IX том первого издания «Кембриджской истории древнего мира», в котором разделы о гражданской войне были написаны Х. Ластом и Р. Гарднером^[87]. Х. Ласт исходит из моммзеновской трактовки противостояния оптиматов и популяров, но сами эти термины использует мало и к тому же считает оптиматами консула 87 г. до н. э. Октавия и его сторонников, но не Суллу. Подробно останавливаясь на законодательстве П. Сульпиция, Х. Ласт полагает, что идея распределения италиейцев по 35 трибам пришла в голову не им самим, а трибуну-реформатору. Он обращает внимание на то, что италиейцы не могли принять участие в голосовании за Мария, поскольку их просто не успели бы распределить по трибам. Весьма позитивно оценивает Х. Ласт реформы Суллы в 88 г. до н. э., особенно пополнение сената уже в 88 г. до н. э. (что спорно). В то же время он в совершенно нетерпимых выражениях отзывается о циннанцах, назвав главку об их господстве «Мышиная возня». «События в Риме и Италии во время пребывания Суллы в Греции — это грязная история, и их изучение едва ли вознаграждает усилия [историка]. Сценой завладела презренная толпа, неспособная действовать и в большинстве своем продажная» (зато «с битвой при Коллинских воротах и установлением господства Суллы Рим возвращается к нормальному состоянию, и его история становится более благодарным предметом для исследования»)^[88]. Характерный пример такого подхода — уверенность в том, что именно рабы являлись главными исполнителями воли Мария во время репрессий 87—86 гг. до н. э., хотя конкретных данных на сей счет в источниках почти нет. Весьма скептически оценивает Х. Ласт закон Флакка по долговому вопросу, хотя и оговаривает, что это, вполне вероятно, было лучшим из того, что можно было сделать. Обращает он внимание и на малый рост числа италиейцев по данным ценза 86 г. до н. э., не оговаривая гипотез о другом прочтении этой цифры. В то же время при всем своем критическом настрое Х. Ласт признает известную умеренность политики Цинны. Однако соображения Г. Беннета, хотя бы на уровне полемики, на его анализе практически не сказались.

В 1942 г. вышла в свет монография В. Шура «Эпоха Мария и Суллы», посвященная событиям 133—78 гг. до н. э.^[89] Подобно Т. Моммзену и Х. Ласту, гражданскую войну В. Шур также рассматривает как противостояние оптиматов и популяров (= аристократии и демократии), причем использует эти термины весьма активно, хотя и не дает им внятного определения (см. Syme 1944, 104). В целом он старается объективно излагать события, указывая, например, на то, что пример Суллы повлиял как на Цинну, так и на Октавия. Исследователь отмечает, что на посмертную репутацию Мария дурно повлияла его быстрая смерть после возвращения к власти, ознаменованного убийствами, хотя арпинат еще был способен и на иные деяния. В то же время немецкий ученый опускает вопрос о нарушении Суллок сакросанктности трибуна при расправе с Сульпицием, о законности отстранения Цинны от консульской должности, подробно останавливается на репрессиях Мария и Цинны в 87—86 гг. до н. э., умалчивая в то же время об их ограниченных масштабах. Как и Х. Ласт, он практически не упоминает работу Г. Беннета и не полемизирует с этим автором. Мария и Цинну В. Шур считает первыми *Militarmonarchen* (арпината, правда, применительно к 100 г. до н. э.). Обсуждая мероприятия Цинны, он считает, что тот не выполнил своих обязательств перед италийцами, но в то же время весьма активно сотрудничал с римским нобилитетом — наблюдение, которое впоследствии станет общим местом в историографии. Что же касается одного из важнейших финансовых мероприятий циннанцев, эдикта Гратидиана, то В. Шур считает его лишь частью подготовки к войне с Суллой, а не крупным шагом на пути решения финансовых проблем; эта трактовка, напротив, сторонников не нашла.

Внимание гражданской войне 80-х гг. до н. э. уделено в своей монографии «Сулла и кризис Республики» итальянский исследователь Э. Вальджильо^[90], который, несмотря на цитированное выше мнение Г. Беннета, продолжает воспринимать интересующие нас события как противостояние аристократической и демократической «партий». Подробно рассмотрев законодательство П. Сульпиция, который, по его мнению, оказался орудием в руках Мария, он расценивает предложение передать последнему командование как незаконное, ибо тем самым нарушались прерогативы сената, подтвержденные законом Гая Гракха. Он связывает закон о правах италийцев с их численным ростом, в отношении которого он принимает предложенную К. Ю. Белохом (но без ссылки на него) цифру в 963, а не в 463 тысячи граждан, как у Иеронима, применительно к цензу 86 г. до н. э. (см. ниже, с. 221). Рассматривая

события 85—84 гг. до н. э., Э. Вальджильо, в отличие от многих других ученых, считает, что именно неуступчивая позиция будущего диктатора привела к началу в 83 г. до н. э. нового этапа гражданской войны.

В 1950—1960-х гг. появилась серия работ Э. Бэдиана по истории начального этапа гражданских войн эпохи Республики, серьезно повлиявших на исследование событий 90—80 гг. до н. э.^[91] Американский ученый обосновал тезис о том, что во время своих консулатов в конце II в. до н. э. Марий создал вокруг себя группу поддержки, в которую вошло немало нобилей (Кв. Катул, М. Антоний, П. Красс и др.). После разгрома движения Сатурнина он отнюдь не был уничтожен в политическом отношении, как утверждал еще Т. Моммзен, сохранив определенное влияние, но со временем почти все его бывшие сторонники перестали оказывать ему поддержку, и именно на них в первую очередь обрушились репрессии после взятия Рима Цинной и Марием. Кроме того, Э. Бэдиан, рассмотрев данные источников о трибуне 88 г. до н. э. П. Сульпиции, поставил под сомнение существование при нем т. н. «антисената», о котором пишет Плутарх. Ученый развил предположение Э. С. Грюэна о том, что закон Сульпиция о возвращении изгнанников имел в виду жертв не *lex Variae*, как обычно считалось и считается, а *lex Licinia Mucia*. Анализируя политическую ситуацию после отбытия Суллы на Восток, Э. Бэдиан отмечает, что никто не считал будущего диктатора защитником знати, которая не пошла за ним, шокированная его методами в 88 г. до н. э. (хотя в конечном счете победа Суллы, стала победой *nobilitas*). Если же говорить о *Sullani*, то таковыми считали, по его мнению, лишь людей из окружения Суллы. Кое-кто из опальных предпочел до определенного времени не присоединяться к нему, в Риме же остались многие видные нобили и даже, как полагает исследователь, сыновья некоторых из жертв репрессий, поскольку циннанский режим предпочитал сотрудничество с нобилитетом, многие представители которого пошли на это. Э. Бэдиан указывает также на отсутствие серьезных разногласий между Цинной и сенатом. Меры по стабилизации денежного обращения были выгодны всем слоям населения. В то же время, подобно некоторым предшественникам, ученый считает, что Цинна не выполнил своего обещания италийцам распределить их по всем 35 трибам, что произошло, по мнению Э. Бэдиана, лишь после его гибели. Наконец, американский ученый весьма скептически оценил попытки сенаторов в 84 г. до н. э. договориться с Суллой, сравнив их с позицией сторонников «умиротворения» агрессора в Мюнхене. Многие выводы Э. Бэдиана вызвали оживленную дискуссию, способствуя значительному прогрессу в исследовании событий 80-х гг. до н. э.

В 1964 г. увидела свет обстоятельная статья К. М. Балета «*Cinnanum tempus: переосмысление *dominatio Cinnae**», в которой рассматриваются события 87—82 гг. до н. э. Ученый отмечает, что Цинна вряд ли стал бы консулом без поддержки Суллы. Когда он выступил с проектом восстановления закона Сульпиция о новых гражданах (*cives novi*), то столкнулся с более организованным сопротивлением, чем его предшественник. Его союз с Марием был, по мнению исследователя, не очень прочным, тем более что арпинат прибыл бы в Италию, по всей видимости, и без приглашения со стороны Цинны. Отмечается также и огромное влияние во время событий 87 г. до н. э. Помпея Страбона — как остроумно замечает ученый, вместо *dominatio Cinnae* все могло закончиться *dominatio Strabonis*. К. М. Балет, как и Г. Беннет, указывает на скромность масштабов репрессий после взятия Рима в 87 г. до н. э. Жесткие действия Цинны он объясняет стремлением последнего предотвратить возможность переворота в будущем. Рассматривая политику циннанского режима, который он считает «популярским» (*popularis*), ученый обосновывает мнение, что дарование гражданских прав италийцам закончилось именно при Цинне, и Сулле пришлось это признать. Весьма ценны замечания К. М. Балета о позиции всадничества — еще до классического труда К. Николе он отметил, что всадники бывали землевладельцами, а сенаторы занимались коммерцией, посему нелегко решить, насколько сильно различались интересы этих двух групп. Экономическое законодательство режима Цинны, по мнению ученого, способствовало развитию частной инициативы больше, нежели аналогичные меры сената и М. Ливия Друза до него. Вряд ли его можно считать «демократическим» — Цинна боролся поначалу за интересы всех общественных классов. Давая ему оценку, К. М. Балет пишет, что «с точки зрения конструктивных замыслов и их успеха Цинна был гораздо лучшим государственным деятелем, чем Сулла»^[92].

Заметное место в своих исследованиях отвел данной тематике другой крупнейшей специалист по истории поздней Римской республики, итальянский ученый Э. Габба^[93]. Резонно рассматривая начало первой гражданской войны в контексте союзнической проблемы, и видя в попытке реформ П. Сульпиция продолжение реформ М. Ливия Друза, он считал, что Сульпиций искал союза с всадниками. Э. Габба связывал изменение позиции Сульпиция — поначалу сторонника сената, действовавшего в согласии с обоими консулами, с тем союзом, который он заключил с Марием и его сторонниками, прежде всего италийскими союзниками.

Всадники же, как полагает Э. Габба вслед за К. В. Ничем, не хотели видеть Суллу проконсулом Азии, боясь, что он не соблюдет их интересов. В то же время, после взятия Рима Сулла вызвал неприязнь и у многих сенаторов. Что же касается реформ Суллы в 88 г. до н. э., то Э. Габба отнюдь не считает их плодом импровизации, но довольно странно объясняет отказ оставить в силе закон Сульпиция о распределении новых граждан по 35 трибам. Якобы будущий диктатор, «вероятно, не смог или не захотел» сделать это. Но, во-первых, третий вариант был по логике исключен, а, во-вторых, неясно, что же ему могло помешать.

Э. Габба принимает оценку политики Цинны как умеренной и считает вслед за многими другими историками, что лишь в 84 г. до н. э. италийцы были распределены по 35 трибам. После гибели Цинны власть, как полагает ученый, перешла к «экстремистам» во главе с Карбоном. К их числу он относит и Сертория, сорвавшего, согласно его мнению, переговоры Суллы и Сципиона в 83 г. до н. э. Э. Габба признает, что италийцы в большинстве своем выступали на стороне марианцев, но отмечает гибкость политики будущего диктатора, который для обретения поддержки италийских общин признал их права.

Весомым вкладом в изучение гражданской войны 80-х гг. до н. э. стали статьи Б. Р. Каца^[94]. Он тщательно проанализировал предполагаемый состав групп нобилитета, накануне консульских выборов на 88 г. до н. э. выступивших за и против кандидатуры Цезаря Страбона, который, согласно наблюдениям ученого, мог пользоваться значительной поддержкой избирателей. Исследователь подробно, с учетом максимально широкого круга научной литературы рассмотрел различные политические и юридические аспекты событий 88—87 гг. до н. э.: процедуры принятия законов Суллы и Помпея после взятия ими Рима, консульских выборов на 87 г. до н. э., предполагавшегося процесса против Суллы, избрания Л. Корнелия Мерулы и др. По мнению Б. Р. Каца, в ходе выборов на 87 г. до н. э. ни один из кандидатов не выступал в качестве сторонника Марии или Суллы, предпочитая играть роль представителя «третьей силы». Ученый оспорил распространенную в историографии точку зрения, согласно которой избрание в консулы после лишения власти Цинны фламينا Юпитера, Л. Корнелия Мерулы, отягощенного различными религиозными запретами, было обусловлено стремлением Октавия сосредоточить в своих руках максимальную власть. Б. Р. Кац полагает, что причиной избрания Мерулы стала его взвешенная политическая позиция. Кроме того, исследователь предложил наиболее удачную (хотя все же не лишенную, как представляется, некоторых спорных мест) реконструкцию осады Рима в 87

г. до н. э. войсками Цинны и Мария. Весьма интересны его соображения о карьере Кв. Сертория в 80-х гг. до н. э.

Еще более важными стали работы А. Кивни о Сулле, посвятившего ему и его эпохе монографию и множество статей, в которых автор рассматривает вопросы как частного, так и концептуального характера^[95]. Английский ученый, по сути, не разделяет взгляда на гражданскую войну как на борьбу оптиматов и популяров и уже *expressis verbis* заявляет, что считает неверным рассматривать деятельность Суллы сквозь призму проскрипций. Что, впрочем, к тому времени почти никто из ученых уже не делал, тем более что будущий диктатор давал основания для критики (как с римской, так и с современной точки зрения) еще задолго до введения проскрипций. В то же время ученый отмечает, что именно Марий создал профессиональную армию (правильнее сказать, сыграл в этом большую роль), для которой преданность полководцу (как гаранту их собственных интересов) важнее верности государству. А. Кивни признает, что первым использовал ее для своих целей все же Сулла. Однако ответственными за развязывание гражданской войны ученый склонен считать скорее Мария и Сульпиция, чье поведение по отношению к будущему диктатору он считает «предательством». Британский историк также склонен принимать уже оспаривавшуюся к тому времени версию Суллы о давней вражде между ним и Марием, хотя, конечно, и не придает ей такого значения, как Плутарх. При этом, как резонно указывает Кивни, Сулла не осознал еще важности армии как политического орудия, коль скоро попытался лишиться командования Помпея Страбона и передать его войско Помпею Руфу. Историк также отмечает существенную особенность в отношениях Суллы с армией — воины при нем ни разу не выдвигали каких-либо требований, и уж тем более не устраивали бунтов, что начнется при Цезаре и достигнет высшей точки при триумвирах. Но дело здесь, конечно, не столько в личных качествах Суллы, сколько в эволюции сознания солдат. При этом будущий диктатор, по мнению исследователя, отнюдь не готовил армию для грядущей гражданской войны, которая началась спонтанно. Как полагает А. Кивни, Сулла ловко использовал настроения сенаторов, напуганных «кровавым погромом» Цинны и Мария и в итоге искавших спасения в его лагере, не объясняя того факта, что таковых до 83 г. до н. э., когда обозначился его успех, было немного.

Признавая недовольство сенаторов методами Суллы в 88 г. до н. э., А. Кивни отмечает, что «сенат и собственники» (удачнее, видимо, было бы сказать «и другие собственники») не отменили ни одного из его законов, поскольку эти законы упрочивали их положение. Цинну же ученый

оценивает весьма скептически, считая человеком не очень умным, а его преемников, как это делал и Э. Габба, обвиняет в срыве переговоров с Суллой, что будто бы и привело к продолжению гражданской войны. Естественно, его военные и политические акции в ходе италийской кампании 83—82 гг. до н. э. (как, впрочем, и вся его деятельность) рассматриваются по возможности *ad maiorem gbriam Sullae*.

Еще более просулланской, чем у А. Кивни, является позиция Ф. Инара — автора биографии Суллы, сборника очерков об его эпохе, объемной монографии о проскрипциях 80-х и 40-х гг. до н. э. и других работ, где напрямую затрагивалась интересующая нас тематика^[96]. Французский ученый стремится, сколь возможно, реабилитировать Суллу и, соответственно, дискредитировать его врагов, а потому весьма критически оценивает достоверность трудов Плутарха и Аппиана, на которых прежде всего основываются критики диктатора. При наличии разных версий событий зачастую отбираются версии, выгодные для Суллы и порочащие его недругов. В один ряд с проскрипциями второго триумvirата ставится марианская «чистка», а не террор Суллы. Ф. Инар утверждает, будто именно эта «чистка» вспоминалась чаще, чем проскрипции Суллы, когда речь заходила об ужасах гражданской войны, хотя античная традиция не дает оснований для подобного тезиса — хотя бы в силу ее далеко не полной сохранности. Режим Цинны ученый считает тиранией, поскольку последний назначал консулов сам. Разумеется, ответственными за последний этап гражданской войны в глазах Ф. Инара, как и многих его предшественников, оказываются циннанцы, тогда как Сулла будто бы всегда был готов к переговорам, хотя на деле таковые не раз играли роль не более чем «операции прикрытия». В то же время исследователь признает, что бунт в армии Суллы в 88 г. до н. э. был подготовлен им самим и что это означало переход в политике к решению спорных вопросов с помощью оружия. Не отрицает он и того, что италийцы не поддержали будущего диктатора в 83—82 гг. до н. э. Однако общего настроения работ автора это не меняет.

В 1994 г. увидел свет IX том второго издания «Кембриджской древней истории», в котором раздел о гражданской войне 80-х гг. до н. э. написан Р. Сигером^[97]. Союзническая война, отмечает ученый, лишь приглушила борьбу политических группировок в Риме; в складывавшейся ситуации все меньше становилась надежда на государственный подход и возрастала, в свою очередь, вероятность активного участия в политике *cives novi*. (Заметим, однако, что до 87 г. до н. э. такая активность не

просматривается.) Анализируя события 88 г. до н. э., Р. Сигер пишет, что если бы Сулла не отменил закон Сульпиция о распределении италийцев по 35 трибам, это помогло бы избежать кровопролития в дальнейшем, не учитывая, что для будущего диктатора это был принципиальный вопрос. Ученый разделяет точку зрения, согласно которой марианская «чистка» затронула немногих людей; среди них не видно тех, кого можно было бы связать с Суллой; это не то же самое, что среди них не имелось его сторонников, достаточно вспомнить Катула, под чьим командованием служил Сулла в 102—101 гг. до н. э. Р. Сигер отмечает сложность объективной оценки марианского режима, если учесть скудость и просулланский характер источников. Он вслед за другими историками указывает, что в целом римская верхушка была настроена лояльно по отношению к новой власти, тогда как Сулла практически не пользовался поддержкой в сенате. Попытку же сенаторов договориться с ним Р. Сигер объясняет стремлением не только «избежать возобновления гражданской войны, но и, что было совершенно нереальным, сохранить корпоративный авторитет по отношению к отдельным лицам, будь то Цинна или Карбон с одной стороны или Сулла — с другой» (Seager 1994, 183). В целом его очерк неплохо отражает состояние вопроса на тот момент, позиция самого автора представляется, в отличие от Х. Ласта (см. выше), достаточно взвешенной.

При всем обилии (хотя и весьма относительном) исследований о событиях 80-х гг. до н. э., длительное время отсутствовали крупные работы о циннанском режиме — диссертация Г. Беннета представляет собой не более чем объемную статью. Этот пробел был отчасти восполнен в 2002 г., когда вышла в свет монография М. Ловано «Эпоха Цинны: Поздняя Римская республика в горниле суровых испытаний». В книге освещаются события 88—82/81 гг. до н. э. — от трибуната П. Сульпиция до битвы у Коллинских ворот и последних боев с марианцами в провинциях, однако перипетии 88 г. до н. э. в силу заявленной тематики анализируются далеко не полно. Автор ведет исследование в направлении, заданном еще Г. Беннетом. По мнению М. Ловано, сенат при циннанцах функционировал более или менее нормально и иногда даже поступал вопреки их воле, о чем свидетельствует деятельность «партии мира» накануне возвращения Суллы с Востока. Ученый указывает, что поддержка Суллы большинством сенаторов — фикция, основная часть *patres* не занимала чьей-либо стороны, но мирно сотрудничала с циннанцами, пока те были у власти. Очевидна поддержка последних со стороны широких кругов всадничества, о чем говорит хотя бы число проскрибированных представителей этого

сословия. В политике Цинны их привлекали меры по укреплению финансовой системы. Всадники могли опасаться, что Сулла против их участия в деятельности *quaestiones perpetuae*, откуда диктатор и удалил их после своего прихода к власти. По мнению М. Ловано, победы Фимбрии способствовали оживлению деятельности откупщиков в Азии, а Сулла был связан с Ливием Друзом, Марком Скавром, Рутилием Руфом, противившимися произволу публиканов (вывод очень спорный, особенно если учесть давность и преходящий характер такого рода связей).

О политической стабильности при циннанском режиме свидетельствует более или менее нормальное функционирование судебной системы. Регулярно проводились выборы, причем низшие магистратуры доставались не только лояльным режиму лицам. В целом у циннанцев не было нужды слишком давить на комиции, которые поддерживали их, ибо циннанцы обеспечивали хлебные раздачи, защиту от Суллы (?), экономические реформы и др. Что же касается италийцев, то циннанцы выполнили свое обещание и распределили их по всем 35 трибам (в отношении данных о результатах цифр ценза 86—85 гг. ученый склонен принять прочтение К. Ю. Белоха). После Цинны вопрос о распределении по 35 трибам вообще больше не вставал.

«Цинна посеял семена будущей гражданской распри, но он также оставил пример лидера, способного договариваться с сенатом, обретать поддержку всадничества и городского плебса и интегрировать италийцев в римский политический организм (*equation*). [...]. Цинна унаследовал римское государство, измученное гражданской войной, личной враждой влиятельных лиц и экономическим кризисом. Тем не менее он сумел сохранить его и помочь различными путями его преобразованию» (Lovano 2002, 140). Однако при всей детальности изложения и взвешенности оценок монография представляет собой лишь добротную сводку уже известных трактовок^[98].

Весьма подробно освещены события 80-х гг. в монографии С. Кендалла «Борьба за римское гражданство. Римляне, союзники и войны 91—77 гг. до н. э.», увидевшей свет в 2013 г., — естественно, прежде всего под углом зрения вопроса о римской гражданстве для италийцев^[99]. Автор тем не менее продолжает рассматривать события гражданской войны с точки зрения противостояния оптиматов и популяров, хотя о борьбе аристократической и демократической партий уже не говорит (слово *democratic*, используемое всего несколько раз, однажды даже взято в кавычки). Подробно рассматривая законодательство Сульпиция, С. Кендалл

предполагает, что трибун выступал со своими проектами, имея в виду, подобно Друзу, защиту интересов *boni*, и явно рассчитывал на поддержку сенаторов, и его законы поддерживали некоторые оптиматы, предполагавшие таким образом укрепить власть сената. Однако сенат, вопреки расчетам Сульпиция, выступил против, тогда как народ поддержал его проекты, что и вызвало вмешательство консулов, не желавших допустить до голосования и принятия этих законов.

Рассматривая вызвавший немало споров в историографии вопрос о цензе 86—85 гг., С. Кендалл развивает точку зрения на него Л. Р. Тэйлор, считая, что скромные результаты переписи объясняются незначительной степенью участия в ней *cives novi*. Однако это не значит, что они не поддерживали Цинну, поскольку, помня о событиях 88 г., опасались, что Сулла лишит их полученных прав в случае возвращения. Но тот проявил гибкость и позднее заключил соглашение с новыми гражданами, гарантируя их права. В то же время автор практически не затрагивает другую важную проблему — распределение вчерашних италийских союзников по трибам. Стоит отметить, что в книге содержится немало ценных наблюдений по различным вопросам, однако при обилии разбираемых автором версий обращает на себя внимание слабая работа с историографией, да и то преимущественно англоязычной.

Помимо перечисленных работ, выходило немало публикаций по конкретным вопросам, связанным с данной тематикой, прежде всего источниковедческим. Еще в 1896 г. вышла в свет брошюра О. Линдена «О гражданской войне Суллы», где проводился анализ сочинений античных авторов об этом событии и предположительно определялись их источники. В 1926 г. В. Энслин постарался выявить влияние ливийской традиции на рассказ Аппиана о гражданской войне. (Для этих и других работ характерно расширительное толкование ливийской традиции, однако многие наблюдения, сделанные в них, ценны и по сей день.) И. Калаби посвятила объемную статью мемуарам Суллы как историческому источнику, в которой доказывала, что их влияние на традицию (в том числе и о событиях 80-х гг. до н. э.) нелегко определить, поскольку фрагменты, которые считаются восходящими к запискам диктатора, могли иметь источником сочинения просулланских авторов. Эта идея развивается и Ф. Ноубл, которая показала также новаторство Суллы как мемуариста. Э. Вальджильо подробно (хотя, думается, и не вполне убедительно) обосновывает тезис о том, что записки Суллы были написаны на латинском, а не на греческом, и оценивает их, подобно многим другим ученым, как важный источник для античных авторов, чьи сообщения о

гражданской войне 80-х гг. до н. э. сохранились до нашего времени. Г. Вер проанализировал то, как Сулла изображает себя в мемуарах^[100]. Вышло также немало комментариев к источникам по ее истории, прежде всего к плутарховой биографии Суллы^[101].

Серьезные дискуссии вызвал италийский вопрос в годы *bellum civile*, особенно в той его части, что касалась числа лиц, внесенных в списки граждан в ходе ценза 86—85 гг. Предлагались самые различные версии для объяснения малого прироста числа граждан — от ошибки переписчика до скромного числа участников переписи. Автор второй из этих версий, Л. Р. Тэйлор, проделала немалую работу по выяснению того, по каким трибам были распределены общины вчерашних союзников при циннанцах, и чем это могло обуславливаться. Позднее ее выводы уточнили У. Харрис и Э. Бисфем^[102].

Немало внимания уделялось пропаганде участников *bellum civile*, особенно монетной. Наиболее обстоятельной является статья Т. Дж. Люса, где рассмотрены различные монетные серии того времени, отмечены наиболее характерные символы и предложено их объяснение. Длительное время обсуждался вопрос о значении авгурских символов на монетах Суллы. Важной вехой в этой дискуссии, как представляется, стала статья Э. Драммонда, в которой среди прочего была также поставлена (вслед за Т. Ф. Кэрни) под сомнение давняя вражда Мария и Суллы. Р. Роуланд проанализировал монетную пропаганду циннанцев. Исследовались также и отдельные монеты, чья символика была не такой однозначной, как в других случаях^[103].

Объектом отдельного изучения стали и экономические мероприятия 80-х гг. до н. э. Так, Т. Франк кратко рассмотрел соответствующие законы той поры с точки зрения интересов нобилитета, всадников, плебса, не учитывая того обстоятельства, что эти группы не были внутренне едины, и, напротив, интересы какой-то части сенаторов и всадников могли совпадать. Э. Ло Кашо рассмотрел управление монетным делом в период от законов Карбона и Друза до закона Суллы о денежном обращении. По его мнению, закон Валерия 86 г. до н. э. был частью программы примирения Цинны с нобилитетом, облегчал не только положение городского плебса, но и задолженность государства перед гражданами. Ч. Барлоу подверг экономическое законодательство более подробному анализу. Он отметил, что меры разных режимов, *lex Cornelia Pompeia* и *lex Valeria*, имели одну цель — стабилизацию финансового положения в государстве, причем циннанцам это в значительной мере удалось, поскольку задолженность и

цены на землю оказались во многом сбалансированы. Р. Эванс предложил свою трактовку закона Сульпиция о долгах сенаторов, в немалой степени, впрочем, основанную на весьма спорных предположениях (см. ниже, с. 392-394)^[104].

Излюбленной темой исследований являются также биографии участников событий (от статей в энциклопедии Паули — Виссова до масштабных монографических трудов), отдельные военные и политические события, их юридические аспекты и др.

Что касается отечественной историографии, то данная тематика изучена в ней слабо. В университетских курсах гражданская война 80-х гг. до н. э. рассматривается с точки зрения противостояния оптиматов и популяров, аристократии и демократии. С. И. Ковалёв и В. С. Сергеев считали главной опорой марианцев италийцев, а Н. А. Машкин — «всадников и публиканов». В. И. Кузицин более осторожно отмечает, что мероприятия марианского режима отвечали интересам достаточно широких слоев — городского плебса, новых граждан и др.^[105]

Работ, где специально изучались бы события гражданской войны 80-х гг. до н. э., в отечественной историографии немного. Б. П. Селецкий рассмотрел финансовую политику этого периода, придя к выводу, что оптиматы стремились к обесцениванию денег, чтобы облегчить себе уплату долгов, тогда как популяры добивались противоположных целей, выражая интересы и многих простых людей. Н. Н. Трухина сделала важное наблюдение, указав применительно к 80-м гг. на неоднородность римского нобилитета, наличие в его рядах т. н. «молодой» знати, многие представители которой приняли активное участие в гражданской войне на стороне марианцев. А. Б. Егоров оспорил распространенное мнение о Марии как выразителе интересов всадников, указав на неоднородность этого сословия. Р. В. Лапырёнок исследовал формирование союза между Г. Марием и П. Сульпицием, высказав ту точку зрения, что последний не менял своей политической ориентации, как часто считается, а контакты между обоими политиками могли иметь место еще до трибуната Сульпиция^[106].

Таким образом, тема гражданской войны изучалась в историографии многократно и в самых различных аспектах. Однако до сих пор отсутствует подробная история этой войны, где анализировались бы события начиная с консульских выборов на 88 г. до н. э. до битвы у Коллинских ворот и разгрома марианцев из провинций — даже в самых обстоятельных работах выпадают важные события и хронологические отрезки. Применительно к

гражданской войне 80-х гг. до н. э. не становились предметом специального исследования роль армии, *plebs urbana*, многие терминологические вопросы, а для ряда проблем, как представляется, предложены решения, требующие пересмотра. Все это свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения данной темы как в целом, так и в отношении частных вопросов. Насколько удачно выполнена эта задача в предлагаемой книге — судить читателю.

Автор выражает глубокую признательность друзьям и коллегам, которые консультациями, ценными советами, литературой помогли ему в работе над монографией: д.и.н. И. Г. Гурину (Самара), к.и.н. Д. Д. Дымской (Санкт-Петербург), д.и.н. А. В. Коптеву (Хельсинки), к.и.н. Ю. Н. Кузьмину (Самара), Dr. Habil. P. V. Лапырёнку (Иркутск), О. В. Любимовой (Черноголовка), д.ин. А. В. Подосинову (Москва), к.и.н. Е. В. Смыкову (Саратов), к.и.н. В. К. Хрусталёву (Санкт-Петербург), к.и.н. Е. Ю. Чепель (Москва), к.и.н. А. В. Щёголеву (Москва), сотрудникам Государственной публичной исторической библиотеки и библиотеки ИНИОН РАН, а также тем, кто сделал доступным в Интернете множество публикаций, без ознакомления с которыми эта книга вряд ли была бы написана.

**ГЛАВА ПЕРВАЯ
ПЕРВЫЙ ЭТАП ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ
(ОТ КОНСУЛЬСКИХ ВЫБОРОВ НА 88 г,
ДО ОТБЫТИЯ СУЛЫ НА ВОСТОК)**

НАКАНУНЕ СМУТЫ

Эпоха гражданских войн началась в Риме, как известно, еще в 133 г. (здесь и далее — до н. э.). Однако выступления Гракхов, а затем и Сатурнина еще не переросли в полномасштабную *bellum civile*. 90-е гг. оказались затишьем перед бурей, которой стала Союзническая война, превратившаяся еще до своего окончания в гражданскую.

Необходимо сказать несколько слов о социально-политической обстановке полутора десятилетий, предшествовавших интересующим нас событиям. Еще в античности начало гражданских войн датировали выступлением Гракхов^[107], однако их движение было лишь одним из звеньев в цепи реформ 2-й четверти II в. — запрета двукратного занятия консульской должности, принятия *lex de repetundis*, введения тайного голосования в комициях и судах. Отличали их от названных мероприятий только вызванные ими вспышки насилия (Flower 2010, 82-85), а в случае с Гаем Гракхом и террора^[108]. Несмотря на поражение Гракхов, главное из политического наследия 40—30-х гг. II в., осталось, и прежде всего идея суверенитета народа. Сохранились тайное голосование и *ius provocationis*, а так-же господство всадников в судах, лишь ненадолго прерванное *lex Servilia* 106 г.

Конец II в. характеризовался ростом военной активности, которая оказала чрезвычайно сильное влияние на политический процесс, отмеченный новыми важными изменениями. Это укрепление позиций противников сенатского большинства, чье движение приобрело в лице сторонников Сатурнина более организованный характер, все чаще прибегавших к насилию, что стало ответом на террор и произвол верхов в гракханские времена. Это также усиление роли армии в политической жизни. Военная реформа Мария создала благоприятные условия для дальнейшей профессионализации римской армии (продолжавшейся, впрочем, еще не одно десятилетие). Симптоматично и наделение земель ветеранов Мария (по закону Сатурнина) — следующий такой закон будет принят Суллой^[109]. Кроме того, войны в Нумидии и Галлии привели к скандалам, закончившимся осуждением многих видных лиц в государстве за неудачное ведение боевых действий или за получение взяток от врага. Независимо от обоснованности обвинений эти процессы стали в новых условиях эффективным средством политической борьбы.

Произошло и еще одно важное изменение в политической практике —

в течение 104—100 гг. Марий был бессменным консулом и фактически возглавлял то, что можно условно назвать римским правительством. Ничего подобного не происходило со времен Второй Пунической войны. Конечно, германскую угрозу римляне воспринимали почти так же, как и угрозу со стороны Ганнибала, и соответственно на нее реагировали, если не считать одного обстоятельства — Марий не принадлежал к нобилитету. Напротив, вокруг него самого сформировалась группа нобилей — по преимуществу из утративших влияние фамилий (Badian 1957, 318-345), представители которых искали путей возвращения в большую политику наряду с *homines novi* и нобилем «второго ранга» (см. ниже, с. 424-427).

После консулата 100 г., шестого по счету, влияние Мария ослабело — не столько из-за разгрома движения Сатурнина, как обычно считается^[110], сколько из-за того, что в пребывании Мария на вершине власти, и без того затянувшимся и вызывавшем недовольство верхушки нобилитета, отпала всякая необходимость. Политическая борьба в 90-е гг. свелась к увенчавшейся успехом борьбе за возвращение изгнанного в 100 г. Метелла Нумидийского и несколькими судебным процессам. Учитывая отсутствие крупных целей, борьба за которые могла бы объединить видных политиков, о *factiones* применительно к этому периоду говорить, по-видимому, не приходится^[111].

Однако это снижение политической активности было временным, т. к. стоявшие перед Римом проблемы сохранялись, вопрос состоял лишь в методах решения этих проблем. Особая сложность ситуации заключалась в том, что опасность гражданской войны, в сущности, не осознавалась — пока дело ограничивалось схватками на улицах Рима, в которых сторонники сената, в конечном счете, брали верх. Неизбежно вставал вопрос о поиске новых способов борьбы за власть и о том, кто первым решится использовать в ней наиболее эффективный инструмент — армию. В то же время, судя по всему, пока еще никому в голову не приходила возможность такого оборота событий. Как мы увидим ниже, даже после первого взятия Рима Суллой не только сенат, но и он сам далеко не сразу поняли, сколь серьезная перемена в римской политике произошла в результате этого события.

90-е гг. стали временем вызревания союзнической проблемы. Итальянцы, составлявшие примерно 2/3 римской армии, сыграли немалую роль в победе над германцами и галлами и явно рассчитывали на награду в виде распространения на них прав римского гражданства. Эти надежды подкрепил Марий, прямо на поле боя после битвы при Верцеллах

даровавший *civitas Romana* сразу двум когортам воинов из Камерина (Cic. Pro Balbo. SO; Val. Max. V. 2. 8; Plut. Mar. 28.3). По-видимому, «либерализм» в отношении союзников проявили цензоры 97 г. М. Антоний и Л. Валерий Флакк, реакцией на что, возможно, и стал *lex Licinia Mucia* 95 г. о лишении римского гражданства тех, кто «незаконно» получил его^[112]. Взрыв произошел после того, как погиб М. Ливий Друз, вынашивавший планы распространения на италийцев прав римского гражданства. Начавшаяся в 91 г. Союзническая война вывела политическую ситуацию из состояния того хрупкого равновесия, в каком она пребывала в 90-х гг. Дело не только в том, что Рим понес огромные потери и вынужден был непомерно расширить рамки гражданского коллектива — в конце концов, италийцы не сразу воспользовались своими правами. Возникла угроза, пусть и не сразу осознанная, в гораздо более близкой перспективе, поскольку появились крупные армии во главе со способными военачальниками, пользовавшимися безграничной преданностью своих солдат и центурионов. В сложившейся обстановке они получали прекрасную возможность попытаться значительно укрепить свое влияние, опираясь на армию, что при известном стечении обстоятельств было чревато гражданской войной. Ситуация усугублялась финансовым кризисом, еще более усугубившимся в связи с вторжением Митридата в Азию. Следует учесть и то обстоятельство, что перспектива сравнительно легкой, как казалось, победы над восточным властителем обострила борьбу за командование в войне с ним между римскими политиками. Именно этот вопрос и явился непосредственным поводом к столкновению между Марием и Суллой, которое, впрочем, было, по-видимому, не первым. Именно борьба за командование в войне с Митридатом и финансовый кризис стали причиной событий, оказавшихся предвестием надвигающейся смуты. К их рассмотрению мы и перейдем.

В 89 г. наступил перелом в Союзнической войне — войска Помпея Страбона, Луция Суллы и других римских полководцев начали одерживать все более крупные победы над повстанцами, и эти победы наряду с уступками союзникам в вопросе о гражданстве обеспечили перевес Рима. Однако ситуацией решил воспользоваться царь Понта Митридат Евпатор, на которого нападали малоазийские союзники Рима — он решил нанести удар по азиатским, а затем и балканским владениям последнего.

Конец 89 г. ознаменовался беспорядками в центуриатных комициях во время консульских выборов. В источниках называются следующие кандидаты: Луций Корнелий Сулла, Гай Марий, Квинт Помпей Руф, Гней Помпей Страбон и Гай Юлий Цезарь Страбон Вописк.

В отношении Помпея Страбона (консула 89 г.) сразу следует оговориться: в нем видят кандидата в конце 89 г. на основании сообщения Веллея Патеркула (II. 21. 2) о его обманутой надежде *продлить* консульство (*frustratus spe continuandi consulatus*), т. е. получить таковое и на следующий год. Однако вполне возможно, что здесь имеет место недоразумение: известно, что Помпей добивался высшей магистратуры на 86 г. (см. ниже), и Веллей мог просто допустить неточность, употребив слово *continuandi* — со времени первого его консульства прошло уже два года^[113].

Недоразумением являются, по-видимому, сведения об участии в выборах Мария, восходящие к Диодору, а точнее, к выпискам из него, сделанным уже в византийскую эпоху. В них сохранилось упоминание о борьбе между Марием и Цезарем Страбоном за консулат (Diod. XXXVII. 2. 12)^[114]. Многие ученые считают его достоверным^[115]. Однако, как не без оснований предполагает А. Кивни эксцерптор мог упростить события, следуя нехитрой логике: вскоре Сульпиций отнимет командование в войне против Митридата у Суллы и передаст его Марию (об этом ниже). А потому и в этот раз он наверняка боролся с Цезарем Страбоном, имея в виду ту же цель: добиться консулата для Мария, чтобы тот смог, заняв высшую должность, получить руководство в войне с Митридатом. Посему в извлечении говорится о столкновении с Цезарем Мария, под которым подразумевается Сульпиций^[116]. К этому можно добавить и еще один аргумент: если уж победитель кимвров и стал бы бороться за консулат, то в источнике речь шла бы прежде всего о его соперничестве с Суллой, ибо именно он, овеянный славой побед на полях Союзнической войны, а не Цезарь Страбон, был наиболее опасным конкурентом арпината на консульских выборах.

Итак, Марий свою кандидатуру на выборах 89 г., судя по всему, не выставил. О причинах этого источники молчат. Но кое-какие предположения на сей счет возможны. Политическая обстановка успеху Мария в 89 г. не благоприятствовала. В 90 г., в период самых тяжелых поражений римлян в Союзнической войне, он, по сути, спас армию после разгрома и гибели Рутилия и Цепиона и даже нанес крупное поражение марсам^[117]. Но в «награду» сенат отстранил его от командования^[118] — очевидно, *patres* опасались нового возвышения арпината, который и без того уже шесть раз был консулом^[119]. В такой обстановке Марий, очевидно, предпочел отказаться от участия в консульских выборах, как отказался в 98 г. от участия в цензорских, чтобы, если верить Плутарху (Mar. 30. 5-6), не

омрачить карьеру унижительным поражением^[120].

Таким образом, остаются три несомненных кандидата^[121] — Сулла, Помпей Руф и Цезарь Страбон^[122]. Сулла происходил из преторской фамилии, последним из его предков, добившимся консулата, являлся Публий Корнелий Руфин, консул 290 и 277 гг., диктатор 285 г., изгнанный из сената в 275 г. Фабрицием Лусцином^[123]. Хотя Сулла продемонстрировал несомненные способности и имел в послужном списке немало успехов, карьера его развивалась отнюдь не гладко — претором он стал только со второй попытки, а консулом его избрали лишь в 49 лет, т. е. много позже *suo anno*. Следует также отметить, что будущий властелин Рима не пожелал быть эдилом (Plut. Sulla 5. 1-3). Однако после громких побед над италийцами ввиду предстоявшей схватки с Митридатом, имелись все основания полагать, что его ждет еще более блестящее будущее, и ему оказали поддержку Метеллы. В. Лецнер объясняет это тем, что они надеялись воспользоваться его военными талантами в противостоянии с Марием и «партией» популяров, а П. Каньяр пишет, что в таком качестве будущий диктатор интересовал нобилитет в целом^[124]. Однако нобилитет не представлял собой чего-то монолитного, а кроме того, нет данных, чтобы Сулла (или Метеллы) в тот момент опасался применения Марием силы, которой требовалось противостоять. Думается, дело в другом — влияние Метеллов после ошеломляющих успехов последней четверти II в. ослабело, целое десятилетие после 98 г. ни один из них не добивался консулата, лишь (самое раннее) в 89 г. Метелл Пий стал претором^[125]. Не вызывает сомнений, что союз с блестящим полководцем^[126] укреплял пошатнувшиеся позиции фамилии^[127].

Помпей Руф принадлежал к числу совсем «молодых» нобилей — в его роду лишь один человек, его дядя Квинт Помпей, консул 141 и цензор 131 гг., добился высшей магистратуры. Однако сам кандидат уже успел заявить о себе. В конце 100 или 99 г., будучи плебейским трибуном, он вместе с Л. Порцием Катонем выступил (правда, неудачно) с предложением вернуть из изгнания Метелла Нумидийского (Oros. V. 17. 11). В 91 г., во время городской претуры, запретил сыну консула 121 г. Фабия Максима Аллоброгского по своему усмотрению пользоваться отцовским имуществом в наказание за разгульный образ жизни (Val. Max. III. 5. 2). Позднее, будучи привлечен к суду по закону Вария (Cic. Brut. 304), явно сумел оправдаться^[128], так что вряд ли можно его считать лишь «малопримечательным родственником» Помпея Страбона^[129]. И здесь не

обошлось без матримониальных ходов: сын Помпея женился на дочери Суллы от первого брака^[130].

И, наконец, Цезарь Страбон — эдил 90 г., дважды бывший военным трибуном^[131], крупнейший оратор своего времени, потомок старинного патрицианского рода. Этот род, правда, лишь недавно стал набирать силу на политической арене: первый из Цезарей добился консулата в 157 г. (MRR1,446), следующие двое — спустя более полувека, в 91 и 90 гг., а в 89 г. Луций Юлий Цезарь стал еще и цензором (MRR II, 20, 25, 32). Последний был родным братом кандидата в консулы и, надо полагать, обещал ему свою поддержку^[132]. Единоутробным братом обоих Цезарей был коллега Мария по консулату 102 г. Квинт Лутаций Катул^[133]. С дочерью Луция Цезаря был обручен сын консуляра и цензория Марка Антония. Популярности Цезаря Страбона среди простых людей, как предполагается, должно было способствовать его участие в деятельности комиссии децемвиров по разделу земли (Inscr. It. XIII. 3. 6), созданной, очевидно, в соответствии с земельным законом Сатурнина 103 г.^[134] Впрочем, это было уже более 10 лет назад, не говоря уже о том, что многие нобили работу в этой комиссии вряд ли считали заслуживающей похвалы, а их поддержка была важна не менее поддержки народа.

Перед Цезарем Страбоном стояли два препятствия юридического характера, которые ему также предстояло преодолеть, и оба они были связаны с *lex Villia annalis*: 1) Цезарь Страбон всего год назад занял должность эдила и, следовательно, пока не миновал установленный законом двухлетний интервал между магистратурами^[135]; 2) он еще не достиг претуры, без чего не мог претендовать на консулат (Cic. Har. resp. 43; Cic. Phil. XL 11; Ascon. 25 C). Первое как проблема в источниках не отмечено, хотя теоретически могло бы быть отведено, если принять предлагаемую в ряде работ датировку этих событий концом не 89, а 88 г.^[136] Однако выборы на 87 г. проходили после взятия Суллой Рима, когда уже погиб важнейший участник событий — плебейский трибун Публий Сульпиций (см. ниже)^[137], да и весь контекст сообщений источников указывает на начало его трибуната, поэтому верна, как представляется, более ранняя датировка^[138]. Тем самым, *biennium* для Цезаря Страбона оказывался не преодоленным. Однако в тех условиях это принципиального значения, по-видимому, не имело. Либо в условиях тяжелейшей войны привыкли ко многому (да и Марий занимал в свое время одно консульство за другим безо всякого интервала, здесь же шла речь лишь о первом). Либо

куда большее значение имело второе обстоятельство — попытка Цезаря Страбона «перепрыгнуть» через претуру, именно о ней и упомянул Цицерон, умолчав о несоблюдении *biennium*. Теоретически это допускалось, но требовалось особое разрешение сената^[139]. Было ли оно получено, источники не сообщают. Известно лишь, что против Цезаря Страбона выступили плебейские трибуны Публий Сульпиций и Публий Антистий^[140]. В комициях имели место беспорядки между их приверженцами и людьми Цезаря, в результате стычки получил ранение в лицо его сторонник Прмпоний, которому Цезарь в связи с этим дал иронический совет не оглядываться при бегстве. Асконий назвал случившееся причиной гражданской войны (*causa belli civilis*), а Квинтилиан — сульпициевой смутой (*seditio Sulpiciana*) (Ascon. 25 C; Quintil. Inst. Or. VI. 3. 75; Cic. Brut. 226)^[141]. В консульских выборах на 88 г. Цезарю принять участие не удалось^[142].

Картина случившегося вызывает споры. Т. Н. Митчелл считает, что Цезарь Страбон, судя по словам Цицерона (Har. resp. 43; Phil. XI. 11), соответствующее разрешение получил^[143] — ведь он ставится в один ряд с Кальпурнием Бестией, который позднее домогался консулата, не являясь претором. Доводам возражавших против этого Сульпиция и Антистия сенат не внял, почему они, возмущенные поведением олигархии, и прибегли к силе. Точку зрения Т. Н. Митчелла подверг критике Б. Р. Кац, которого поддержал А. Кивни^[144]. Б. Р. Кац верно отмечает, что Цицерон не сообщает о результате попытки Цезаря — для него важно показать, что таковая предпринималась^[145]. Силу же Цезарь применил потому, что, не получив разрешения сената, попытался его добиться от комиций. Возражает ученый и против трактовки Э. Линтотта, который так понимает слова Цицерона (Har. resp. 43): Сульпиций с точки зрения *boni* поступил правильно, оказав противодействие Цезарю, но при этом прибег к популярским методам и вызвал недовольство «добропорядочных». Поэтому Цицерон и сказал, что народные симпатии увлекли трибуна дальше, чем он сам хотел (*longius quam voluit popularis aura provexit*) от дела оптиматов (*ab optima causa*). По мысли Цицерона, считает Э. Линтотт, Сульпиций начал противодействовать Цезарю Страбону, когда уже покинул «гавань» оптиматов. Однако, как полагает Б. Р. Кац, это недоразумение — Асконий (25CL), комментируя оратора, утверждает, что Сульпиций действовал в данном случае легитимными методами (*iure*) (лишь потом дело дошло до столкновений), да и тексту Цицерона это не противоречит, а скорее дополняет его^[146]. Следует сделать оговорку: если у Аскония явно

противопоставляются периоды, когда трибун действовал законными (*cum primis temporibus iure Sulpicius resisteret*) и насильственными (*postea nimia contentione ad ferrum et ad arma processit*) методами, то у Цицерона этого не наблюдается, да и о самом применении насилия он не сообщает, хотя вряд ли одобрял его.

Вопрос в том, как оценивать *argumentum e silentio*, т. е. то, что в источниках не сообщается о разрешении Цезарю Страбону баллотироваться вопреки *lex annalis*. Прибегни Сульпиций к насилию против кандидата, которому позволил баллотироваться сенат, вряд ли столь серьезный факт не отразился бы даже в нашей скудной традиции. Да и если Сульпиций планировал внесение законопроектов о союзниках, накануне рогации портить отношения с *patres* было бы неразумно, хотя, конечно, политики не всегда действуют рационально, и пример тому — поведение) Цезаря Страбона. Мало того, что последний действовал вопреки *lex annalis*, он даже при разрешении сената участвовать в выборах попадал в крайне сложную ситуацию: если Цезарь действительно хотел получить командование в войне с Митридатом^[147], то одолеть прославившегося победами над италийцами Суллу шансов у него почти не было^[148], а в случае победы над Помпеем Руфом возникала ситуация, при которой в нарушение закона оба консула оказывались патрициями^[149]. Сомнительно, что она разрешилась бы в пользу Цезаря. Потом еще предстояло добиться от сената, чтобы именно ему, а не его испытанному в боях коллеге поручили ведение операций против Митридата VI.

И тем не менее Цезарь Страбон решился. На что же он рассчитывал? О его «группе поддержки» уже говорилось, и она выглядит достаточно солидно. Следует также учесть поступки, которые, вероятно, не красили Суллу и Помпея в глазах многих нобилей и давали основание надеяться на их не слишком высокую репутацию в глазах последних. Сулла закрыл глаза на убийство воинами легата Авла Постумия во время Союзнической войны, а Помпей, как отмечалось, позволил себе достаточно дерзкую выходку в отношении отпрыска одного из знатнейших родов, каковым являлись Фабии. Вполне вероятно, что в тяжелейшем для всех 90 г. Цезарь Страбон достойно исполнял обязанности эдила и поэтому рассчитывал на благосклонность городского плебса^[150]. Наконец, ему могли вскружить голову недавние успехи его родственников Секста и Луция, добившихся консулата на 91 и 90 гг. соответственно (а второй стал в 89 г. еще и цензором).

Почему же сенат не дал согласия на участие Цезаря Страбона в

выборах? О причинах можно говорить лишь предположительно. Вряд ли сенаторы были довольны тем, что уже третий представитель одной и той же фамилии рвется к консулату, да еще с нарушением правил — это создало бы у Цезарей представление о своем почти безграничном влиянии. Кроме того, видимо, именно у Цезаря Страбона была стычка с Суллой, которого он обвинил в достижении претуры с помощью подкупа^[151]. Выбирать консулов, откровенно враждебных друг другу, в тех непростых условиях было явно неразумно. Рассчитывать же на то, что Цезарь Страбон победит прославленного Суллу, явно не приходилось.

Примечательно, что в свое время Цезарь Страбон и Публий Сульпиций были друзьями (Cic. De orat. II. 16), последний дружил с Помпеем Руфом (Cic. Amie. 2)^[152], и все они принадлежали, как предполагается, к кружку Друза, который к этому времени распался, коль скоро между первым и вторым возникла вражда^[153]. Строго говоря, даже и без этого факт распада кружка Друза достаточно очевиден — погиб его глава (причем уже три года назад), да и политическая ситуация резко изменилась.

Победа Суллы и Помпея Руфа на консульских выборах 89 г. (MRR II, 39-40) означала нечто большее, чем успех конкретных лиц — она знаменовала создание нового политического союза^[154]. Метеллы, глава которых, Метелл Пий, являлся претором 89 г., прославился в битвах с италийцами и был провозглашен воинами императором^[155], обрели шанс вновь войти в силу, что и произойдет после гражданской войны. Метелл Пий окажется для Суллы ценным союзником в 83—82 гг. Стоит отметить, что и коллега Суллы, Помпей Руф, также состоял в дружественных отношениях с Метеллами, поскольку выступал в свое время за возвращение Метелла Нумидийского из изгнания, да и его отец был цензором вместе с Метеллом Македонским^[156].

Союз^[157] был скреплен женитьбой Суллы на дочери консуляра и верховного понтифика Л. Метелла Далматского, вдове принцепса сената М. Скавра^[158], двоюродной сестре Метелла Пия — для этого будущий диктатор развелся со своей третьей женой Клелией под предлогом ее бесплодия^[159]. Недруги (возможно, Цезарь Страбон и его друзья) консула заявляли, будто он недостойн такой супруги, и сочиняли про него насмешливые песенки (Plut. Sulla 6.19). Б. Р. Кац считает, что Сулла, женившись на вдове Скавра, мог восприниматься как преемник его *auctoritas*, хотя многие сенаторы его в таком качестве вряд ли готовы были видеть^[160]. Однако в тот момент его позиций это, очевидно, не поколебало,

что и показало последующее назначение Суллы командующим армией, направлявшейся на войну с Митридатом Евпатором^[161].

Между тем римская казна была пуста, и для финансирования кампании сенат решил конфисковать храмовые сокровища на сумму 9000 фунтов золота, т. е. 10,8 млн денариев^[162]. При этом сведений о привлечении средств самих сенаторов, как не раз случалось в прошлом, нет, что можно объяснить не только их эгоизмом, но и тяготами, вызванными Союзнической войной, которая породила финансовый кризис, какого Рим не знал со времен Второй Пунической войны^[163]. До крайности обострился долговой вопрос. В начале 89 г. городской претор Семпроний Азеллион, принявший сторону должников, был убит разъяренными кредиторами, причем убийц, несмотря на объявленную награду за сведения о них, не обнаружили (App. BC. I. 54; Liv. Per. 74; Val. Max. IX. 7. 4). Правда, год спустя Союзническая война в целом завершилась, однако еще до ее окончания в провинцию Азия вторгся Митридат, что привело к краху многих состояний, поскольку их владельцы вложили деньги в откупные операции в тех краях, где упал кредит (Cic. De imp. Pomp. 19). В этих условиях Сулла и Помпей Руф решили принять хотя бы частичные меры для урегулирования долгового вопроса^[164]. Фест (516 L) сообщает о некоем законе, принятом ими в 88 г.: *Unciaria lex appellari coepta est, quam L. Sulla et O. Pompeius Rufus tulerunt, qua sanctum est, ut debitores decimam partem*. Текст не вполне исправен, однако можно с большой степенью вероятности предполагать, что речь шла о сложении 1/10 долгов^[165]. По мнению Т. Моммзена, имелось в виду более строгое соблюдение закона 357 г., т. е. максимальный размер процента ограничивался 8 1/3% для 10-месячного и 10% для 12-месячного года^[166]. Другие ученые приняли оба тезиса, сочтя, что речь шла и о сложении 10% долгов, и об ограничении процентной ставки 12%^[167] или даже 8 1/3% в год (Barlow 1980, 214), а также о годовом моратории на взимание оставшейся части долга (Frank 1933, 58). Ввиду краткости источника можно ограничиться лишь констатацией этих версий. Ясно, однако, что Сулла и Помпей не оставили без внимания долговой вопрос, но предпочли компромиссный вариант, лишь немного ослабивший остроту проблемы^[168]. Закон Валерия Фликка 86 г. (см. с. 195-198) окажется намного более радикальным. Позицию консулов можно понять — случай с Семпронием Азеллионом показал, что жесткие меры бесполезны^[169], а для их инициаторов и опасны. Сулла вполне мог надеяться, что быстро разгромит Митридата и благодаря

огромной добыче восстановит экономическое положение.

В историографии рассмотренный закон традиционно датируют временем после взятия Рима^[170]. Между тем из источников это никак не следует. Не совсем понятно, почему консулы отложили решение долгового вопроса, вполне компромиссное и вряд ли способное вызвать потрясения. Куда логичнее предполагать, что они провели его в более спокойных условиях, еще до взятия Рима и даже, видимо, до волнений, связанных с законопроектами Публия Сульпиция, о которых теперь и пойдет речь.

НАЧАЛО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПУБЛИЯ СУЛЬПИЦИЯ

Дальнейшие события политической истории связаны с законодательством Публия Сульпиция, которое привело к вспышке насилия, а затем и гражданской войне. Что же представлял собой автор этих законопроектов?

Традиционно считалось, что его имя — Сульпиций Руф^[171], а потому он был патрицием и, стало быть, как предположил в свое время Т. Моммзен, совершил индивидуальную *transitio in plebem*^[172]. Между тем патрицианский когномен «Руф» встречается лишь у Валерия Максима (VI. 5. 7)^[173] — автора не самого надежного^[174], причем Ф. Мюнцера, сторонника упомянутой теории Т. Моммзена, также особо отмечающего данный факт, это не насторожило. Между тем вывод о переходе Сульпиция в плебеи нельзя не признать весьма ответственным, ибо тогда он оказывается в данном отношении предшественником П. Клодия, а также П. Долабеллы^[175]. Странно, что об этом важном обстоятельстве не осталось никаких упоминаний в достаточно богатой традиции о событиях середины I в. Все это побудило Г. Мэттингли отказаться от гипотезы Т. Моммзена, и с опорой на данные просопографии и нумизматики предположить, что Сульпиций не носил когномена «Руф» и принадлежал к набиравшей силу плебейской фамилии из Лавиния^[176]. А. Кивни принял идею о принадлежности трибуна к плебейской фамилии, но счел неубедительной мысль о его происхождении из Лавиния. В отношении последнего из-за скудости источников можно лишь высказывать более или менее правдоподобные догадки. А вот то, что считать Сульпиция патрицием не приходится, представляется очень вероятным^[177].

Показательно, что Цицерон, который неоднократно рассуждал о незаконности перехода Клодия в плебеи, при этом для сравнения специально упомянув о Сульпиции (Dom. 34-42; Har. resp. 43-44), ни словом не обмолвился о его *transitio in plebem*. Думается, что это нечто большее, чем *argumentum e silentio*.

Однако начал свою карьеру Сульпиций как защитник интересов *boni*, выступив в 95 г. обвинителем «бунтовщика» Норбана^[178]. Он был другом, соратником^[179] и, судя по законопроекту 88 г., единомышленником Друза. Учитывая, что Сульпиций своим сопротивлением Цезарю Страбону на

выборах помог победить Сулле и Помпею (напомним, его другу), трибун имел все основания рассчитывать на их поддержку или, по крайней мере, нейтралитет^[180]. Все это, надо полагать, вдохновляло трибуна на осуществление его планов.

Что же нам известно о деятельности реформатора до путча Суллы?

Согласно «Риторике для Геренния» (II. 45), Публий Сульпиций выступил против некоего закона, предусматривавшего возвращение изгнанников. Затем он предложил следующие законы: 1) о запрете сенаторам иметь долгов более чем на 2000 денариев^[181] (= 8000 сестерциев); 2) о распределении получивших гражданство союзников, а также вольноотпущенников^[182] по всем трибам; 3) о возвращении изгнанников; 4) о передаче командования в войне с Митридатом Марию^[183]. В данной связи возникает немало вопросов: предлагались эти законопроекты одновременно или в разное время; каков был их смысл; кто составлял «группу поддержки» Сульпиция?

Думается, первым трибун предложил закон о долгах сенаторов (*lex de aeife alieno senatorum*), т. к. он не упомянут в числе законопроектов об италийцах и об изгнанниках и к тому же никак с ними не связан, хотя нередко и считается, что был внесен на обсуждение вместе с ними^[184]. Поскольку никаких подробностей, кроме максимальной суммы долгов, разрешенной сенаторам, у Плутарха нет, то направленность этой меры неясна (см. ниже, с. 390-395). Весьма вероятно, что она шла в том же русле, что и упомянутый выше закон о долгах Суллы и Помпея Руфа.

Весьма непроста ситуация и со следующими законами Сульпиция, борьба за которые и положила начало смуте. Прежде всего возникает вопрос о том, были они предложены все вместе, или проект о передаче командования Марию Сульпиций внес позже. Первая версия находит опору в тексте нескольких источников^[185] и принимается многими учеными^[186]. Однако Аппиан, наиболее обстоятельно излагающий эти события, прямо указывает, что *rogatio* о назначении Мария имела место лишь после объявления консулами неприсутственных дней и нападения на них (BC. I. 55-56). Его хронология резонно считается предпочтительной, особенно если учесть краткость Ливия и Веллея Патеркула и общеизвестную небрежность Плутарха в хронологии^[187]. Гораздо более важен вопрос о содержании законов. Первый из них касался распределения новых граждан из числа италийцев и либертинов по 35 трибам, второй — возвращения изгнанников.

Начнем с первого закона. Веллей Патеркул (II. 20. 2) пишет о

причислении *cives novi* к 8 трибам (*cum ita civitas Italiae data esset ut in octo tribus contribuerentur novi cives, ne potentia eorum*), тогда как Аппиан (BC. I. 49. 214) — о создании 10 новых (δεκατεύοντες). Этому расхождению давались различные объяснения. Из них хотелось бы выделить следующие: δεκατεύοντες Аппиана слишком неконкретно и допускает разные толкования — как создание новых 10 триб, так и увеличение или членение на 10 частей триб, в списки которых предполагалось включить союзников, а посему делать какие-то ответственные выводы на основе данных Аппиана рискованно^[188]. Что же касается Веллея, то он не пишет о создании новых триб, а подразумевает скорее распределение новых граждан по уже существовавшим^[189]. В любом случае *cives novi* не были пока, похоже, распределены вообще хоть по каким-то трибам, поскольку во время цензуры 89 г. перепись населения не производилась^[190]. Аппиан пишет, что поначалу, когда были изданы законы, обещавшие им гражданство, италийцы были довольны, но «впоследствии поняли, в чем дело, это послужило толчком к новой распре (ύστερον ἐπιγνώσθέν έτέρως στάσεως ήρξεν)» (BC. I. 49. 215). X. Ласт полагает, что Сульпиций выдвинул идею о распределении новых граждан по 35 трибам еще до того, как у италийцев существовавшее положение дел стало вызывать недовольство; по мнению X. Моритсена, для италийской верхушки это представляло незначительный интерес^[191]. Такая постановка вопроса представляется не вполне правомерной: то, что распределение не по всем трибам умаляет их права, италийцы не могли не понимать сразу ввиду самоочевидности этого обстоятельства (здесь с Аппианом можно поспорить). Другое дело, что они пока не видели способа добиться изменения ситуации — прекратив борьбу, они лишили себя возможности расширить свои права в ближайшем будущем. В такой обстановке они, похоже, открыто с соответствующими требованиями не выступали, предпочитая искать союзников в среде римской элиты, и потому могло сложиться впечатление, что италийцы довольны своим положением^[192]. Ситуация изменилась, когда Сульпиций изъявил готовность поддержать их.

Что же касается вольноотпущенников, о которых шла речь в рассматриваемом законопроекте, то об этом упоминается лишь у Ливия (рег. 77) и Аскония (57С). Т. Моммзен утверждал, будто тем самым трибун хотел обеспечить «господство над уличной толпой» (Моммзен 1994, 185), что в какой-то степени верно, учитывая нараставшее в ту пору влияние либертинов (см. Штаерман 1964, 152-153). Однако все же правильнее было бы говорить просто о стремлении Сульпиция добиться поддержки

вольноотпущенников, поскольку для более конкретных выводов у нас нет данных. Высказывалось предположение, что вопрос о них не являлся частью законопроекта о новых гражданах из числа италийцев и был поднят Сульпицием лишь в самом конце его законодательной деятельности, когда он отчаялся получить необходимую поддержку^[193]. Ни доказать, ни опровергнуть это предположение при нынешнем состоянии источников невозможно.

Куда более сложным был вопрос с законом о возвращении изгнанников. Следует отметить, что это был первый в римской истории законопроект подобного рода — прежде вопрос ставился о возвращении конкретных лиц (Kelly 2006, 93). В «Риторике для Геренния» (II. 45) сообщается, что Сульпиций сначала наложил вето на законопроект о возвращении изгнанников, не имевших возможности отвечать перед судом, а затем внес аналогичное предложение, заявив, что оно подразумевает «не изгнанников, но вышвырнутых силой (*non exules, sed vi eiectos*)»^[194]. В историографии еще с XIX в.^[195] господствует точка зрения, согласно которой в обоих случаях имелись в виду те, кто был осужден по закону Вария^[196]. Высказывалось также мнение о том, что речь шла о сторонниках Сатурнина^[197], а также о тех, на кого распространялось действие *lex Licinia Mucia* 95 г.^[198] Наконец, Г. Келли допускает, что имелась в виду какая-то неизвестная нам группа изгнанников (*exules*), но главное — в законе, скорее всего, определялась не она, а механизм, с помощью которого устанавливалось, кто подлежит возвращению^[199].

Вряд ли речь шла об осужденных *quaestiones Variiae*^[200] — их жертвы никак не подходили под категорию тех, кому «не разрешалось защищаться в суде (*quibus causam dicere non licuisset*)», поскольку имели место процессы, проводимые по всем правилам^[201]. Непонятно также, почему вдруг встал вопрос о возвращении сторонников Сатурнина — его движение давно ушло в прошлое. К тому же в программе Сульпиция немного от программы Сатурнина, и уверения Плутарха (Mar. 35.1), будто Сульпиций подражал ему и лишь упрекал его за нерешительность (*ἀτολμία*), больше похожи на выпады врагов. Клевета здесь слишком очевидна, поскольку Сатурнина обвиняли в организации политических убийств (насколько обоснованно — в данном случае не столь важно), а вот трибуну 88 г. таковых не приписывали.

Что же касается гипотезы Э. С. Грюэна и Э. Бэдиана, согласно которой речь шла о жертвах *lex Licinia Mucia*, то она представляется

заслуживающей самого пристального внимания^[202], поскольку, как и в случае с распределением *cives novi* по всем трибам, Сульпиций и здесь имел в виду защиту прав италийцев. Э. Линтотт, правда, указывает, что удаленных из Рима по закону Лициния — Муция нельзя называть *exules*, поскольку таковыми могли считаться лишь те, кто обладал римским гражданством (Lintott 1971b, 453). Однако отнюдь не очевидно, что это слово фигурировало в названии закона, на чем настаивает британский ученый — вполне возможно, что оно восходит к риторике Сульпиция. Тем не менее в связи с замечанием Э. Линтотта необходима определенная корректировка гипотезы Э. С. Грюэна и Э. Бэдиана. Понятно, что трибун не мог требовать считать гражданами тех, кто незаконно присвоил себе *civitas Romana*. Вопрос был в том, кого таковыми считать, и Сульпиций, говоря о *vi eiecti*, вполне мог иметь в виду возвращение прав тем, у кого их отняли в результате недобросовестной юридической процедуры, а поскольку их удалили из Рима, то он вполне имел основания называть их *exules*. Этому, кстати, не противоречит и гипотеза Г. Келли — ведь предложение Сульпиция также подразумевало некий критерий, т. е. восстановление справедливости в отношении тех, кто был незаконно лишен гражданских прав и изгнан из Города.

ОБОСТРЕНИЕ СИТУАЦИИ В РИМЕ. СОЮЗ СУЛЬПИЦИЯ С МАРИЕМ

Таким образом, Сульпиций предложил два закона, касавшиеся прав италийцев. Однако он столкнулся с сопротивлением там, где, очевидно, не ожидал его — противниками законопроектов оказались оба консула, которым он помог добиться избрания в прошлом году. Сулла и Помпей Руф^[203] объявили неприсутственные дни^[204] — по уверению Аппиана, из-за стычек, начавшихся между сторонниками и противниками трибуна (Plut. Sulla 8.6; App. BC. I. 55. 244)^[205]. После этого Сульпиций организовал нападение на консулов у храма Диоскуров^[206]. Однако между началом *feriae* и этим нападением произошло важнейшее событие, коренным образом изменившее ситуацию.

Речь идет о появлении на сцене Мария. Здесь необходимо скорректировать данные Плутарха о том, как арпинат добивался командования. «Когда война в Италии близилась к концу и многие в Риме стали искать расположения народа, чтобы получить командование в войне с Митридатом, народный трибун Сульпиций... совершенно неожиданно для сограждан вывел Мария на форум и предложил облечь его консульскими полномочиями и отправить полководцем против Митридата. Народ разделился: одни хотели избрать Мария, другие призывали Суллу, а Мария посылали в Байи горячими ваннами лечить тело, изнуренное, как он сам говорил, старостью и ревматизмом. [...] Тем не менее Марий из честолюбия упрямо не желал признавать себя старым и слабым, ежедневно приходил на [Марсово] поле и упражнялся вместе с юношами^[207], показывая, как легко он владеет оружием и как крепко сидит в седле» (Mar. 34. 1-3 и 5).

Рассказ крайне странный: Марий говорит, будто изнурен старостью и болезнями (ὄλο τε γήρωσ καί ρευμάτων ἀπειρηκός, ὡς αὐτός ελεγε), и в то же время не хочет признавать этого (ἀποτριβόμενος το γήρας καί την ἀσθένειαν) — положение, мягко говоря, парадоксальное. Однако все становится на свои места, если вспомнить, что сенат в свое время отстранил его от командования в Союзнической войне — судя по всему, под предлогом старости и немоци Мария, которому пора «на покой». И Марий, упражняясь на Марсовом поле, давал понять, что по-прежнему может сражаться с италийцами, война с которыми еще не кончилась. Очевидно, что речи об официальном выдвигении его кандидатуры в качестве

командующего в тот момент идти не могло — он не занимал должностей, дававших право на империй, рассчитывать же, что его облекут проконсульскими полномочиями без предварительного исполнения одной из высших магистратур было как минимум наивно, но соответствующая пропагандистская кампания на случай изменения ситуации вестись все же могла. Плутарх явно сместил хронологию, отнеся указанный эпизод к началу выдвижения законопроектов Сульпиция, что вряд ли верно^[208]. На основании сообщений прежде всего Плутарха и Аппиана обычно полагают, что Марий вступил в союз с Сульпицием еще до того, как последний выдвинул свои первые законопроекты, притом полагают так даже те авторы, которые считают, что закон о передаче командования в войне с Митридатом от Суллы Марию был предложен уже после нападения на консулов^[209]. Аппиан объясняет это тем, что новые граждане, как считал Марий, после распределения по всем трибам получают численный перевес и в благодарность за то, что он добился этого, проголосуют за передачу ему командования в войне с Митридатом (BC. I. 55. 242). Однако принятие решения о *cives novi* не означало, что они успеют проголосовать за передачу командования Марию (Last 1932, 204). Ведь нужно было еще осуществить процедуру внесения италийцев в списки граждан, а это требовало времени куда больше, чем оставалось до плебисцита по вопросу о командовании^[210]. Но почему данный вопрос не был поднят сразу? Думается, ответ может быть только один — союза между Марием и Сульпицием на тот момент еще не существовало. Мысль о том, что он был заключен уже в процессе борьбы за законы Сульпиция, уже высказывалась в свое время Т. Моммзенем. По его мнению, трибун ожидал, что Сулла может двинуться на Рим с армией. «Возможно, что он ошибался. Сулла желал войны с Митридатом, а столичные политические дрязги внушали ему отвращение. [...] Весьма вероятно, что он вовсе не замышлял государственного переворота, которого ожидал от него Сульпиций, и если бы ему не помешали, отправился бы со своей армией в Азию тотчас после взятия Нолы, которую он в то время осаждал. Как бы то ни было, Сульпиций решил отнять у Суллы его командование и таким образом отразить ожидаемый удар. С этой целью он сблизился с Марием», которого в силу его популярности народ вполне мог избрать командующим в Азии, к тому же при необходимости он мог пригодиться для борьбы с Суллой (Моммзен 1994, 186-187). Однако в источниках не сказано о подобных опасениях и о желании передать командование Марию именно по таким причинам. Тем не менее предположение о том, что идеи внести этот

законопроект у Сульпиция первоначально не было и что с Марием он сблизился лишь в ходе борьбы за законопроект об италийцах, представляется весьма плодотворным, хотя Дж. Пауэлл и считает подобные рассуждения противоречащим картине Аппиана «теоретизированием» (Powell 1990, 450). Но так ли это на самом деле?

Аппиан пишет, что Марий ждал проведения законов об италийцах, которые-де после распределения их по всем трибам проголосовали бы за его назначение командующим в Азии. Однако главной трудностью на пути к получению соответствующего поста была, как показало отстранение Мария от командования в ходе Союзнической войны, позиция сената, а не комиций. К тому же внесение новых граждан в списки всех триб сенаторы могли при желании затянуть на весьма длительный срок. Поэтому закон о новых гражданах Марию ничего не давал, и Сульпиций предлагал его, вопреки утверждению Аппиана, явно не по инициативе арпината. Вызывает вопросы и объяснение причин *feriae*: «С той и с другой стороны были пущены в ход дубины и камни (ξύλοις δέ καί λίθοις). Беда росла. Консулы боялись приближавшегося дня, назначенного для обсуждения законопроекта, и объявили многие дни неприсутственными (προυγραψαν ἡμερών ἀργίας πολλῶν)» (BC. I. 55. 244). А. Кивни понимает это таким образом, будто консулы боялись не голосования за закон, ибо старые граждане выступали против него, а запугивания комиций со стороны людей Сульпиция, и видит в случившемся доказательство существования «личной армии» трибуна (Keaveney 1983b, 57). Однако, если последний и так был господином на улицах Рима, зачем ему понадобился уже в ходе борьбы за его законы Марий^[211]? Ведь организовать нападение на консулов, будь у него трехтысячный отряд вооруженных сторонников^[212], Сульпиций сумел бы и без его помощи. Но существовал ли этот отряд на самом деле? Казалось бы, слова Аппиана о стычках на улицах Рима подтверждают его существование (можно спорить лишь о точной цифре). Однако Аппиан пишет только о дубинах и камнях, использовавшихся в схватках, причем с обеих сторон (ξύλοις δέ καί λίθοις χρωμένων αὐτῶν ἐς ἀλλήλους), тогда как у людей Сульпиция, если верить Плутарху, имелись мечи^[213]. Иными словами, вооруженных мечами наемных бойцов у трибуна в действительности не было, иначе они приняли бы участие в столкновениях. Речь шла просто о сторонниках Сульпиция. А вот затем, при описании нападения на консулов, когда союз с Марием был заключен, Аппиан упоминает уже кинжалы (τά ξιφίδια — не μάχαираι, о которых пишет Плутарх), пущенные в ход врагами Суллы и Помпея (BC. I. 56. 247).

Обращает на себя внимание то, что нападение дало нужный эффект. Это позволяет предполагать, что совершили его подготовленные и организованные люди, для чего ветераны Мария подходили куда больше, нежели сыновья всадников из окружения трибуна. Сомнительно звучит указание Аппиана на страх консулов перед стычками на улицах Рима как на причину введения неприсутственных дней — ведь это само по себе стычек не предотвращало, но, напротив, лишь накаляло обстановку. Для чего же тогда потребовалось их вводить? По-видимому, вопреки мнению А. Кивни, именно потому, что комиции проголосовали бы: за законопроекты Сульпиция и без особого давления с его стороны. То, что *cives veteres* дрались на улицах Рима с их сторонниками, ничего не доказывает — вслед за своим явно просулланским источником Аппиан мог значительно преувеличить масштабы этих схваток, а то и вовсе смешать их с той, что имела место при нападении на консулов. Риторический характер его рассказа, в котором, как мы могли убедиться, немало нестыковок, очевиден. Посему видеть в этих инцидентах индикатор настроений большинства *cives veteres* очень рискованно. Что же касается «штурмовиков» Сульпиция, то отрицать само их существование не приходится — об этом свидетельствует еще и стычка со сторонниками Цезаря Страбона. Однако было ли их столько, чтобы не просто дать отпор эдилицию, но и запугать обоих консулов? Судя по дальнейшим событиям, нет^[214].

Однако Сульпиций столкнулся с совершенно неожиданным и непреодолимым сопротивлением Суллы и Помпея. Вот здесь-то и появился на сцене Марий^[215] (сам он предложил свои услуги трибуну, или тот обратился к нему, сказать невозможно^[216]). Он, по-видимому, обещал задействовать своих ветеранов^[217] (и, очевидно, предоставить финансовую помощь) для борьбы с консулами^[218] в обмен на помощь в назначении командующим в войне против Митридата, о котором пишет Аппиан (BC. I. 55. 242).

Не вполне понятно, тогда ли уже (так у Аппиана: BC. I. 56. 246) потребовал Сульпиций от консулов отмены неприсутственных дней как незаконных (*ὡς παρανόμων*), или раньше, и в связи с их отказом вынужден был пойти на союз с Марием, чего, возможно, в других условиях не сделал бы. Не исключено, что такие требования были неоднократными. Так или иначе, после (очередного?) отказа консулов Сульпиций напал на них у храма Диоскуров — по всей вероятности, ударной силой стали не его мнимые 3000 наемников, а ветераны Мария, которых Плутарх (или его источник), видимо, вольно или невольно спутал (Plut. Sulla 8.6; 35.2; App.

BC. I. 56. 245). В ходе столкновения погиб сын Помпея Руфа^[219], сам Помпей скрылся, а Сулла нашел убежище в доме Мария^[220]. По одной версии, он вбежал туда, спасаясь от преследователей, по другой, его собственной, был отведен туда под угрозой расправы^[221], а по выходе оттуда отменил неприсутственные дни^[222].

Несомненно, беседа с Марием имела большое значение для дальнейших событий. Нередко считается, что к этому времени оба полководца были уже врагами^[223]. Однако сведения об этой вражде, как уже говорилось, весьма сомнительны. Конечно, после установления Бокхом на Капитолии скульптурной группы, изображавшей выдачу Югурты Сулле (Plut. Sulla 6. 1-3; de vir. ill. 75.6) и брака последнего с Метеллой, отношения между военачальниками вряд ли были теплыми, но все же о настоящей *inimicitia* говорить не приходилось^[224]. Важно также учитывать, что будущий диктатор, скорее всего, не знал о плане Мария добиться передачи ему командования против Митридата: одно дело, слышать просто о его желании (оно было самоочевидно при любой конспирации со стороны арпината), и другое — узнать про проект отстранения консула от руководства армией и передаче ее *homo privatus*^[225].

Таким образом, вряд ли речь шла о жестком торге двух врагов и вообще о переговорах в строгом смысле слова, коль скоро Марий не имел оснований демонстрировать свою причастность к происходящему, даже если Сулла о ней и догадывался^[226]. Однако в общем смысле это так. Содержание их беседы нам неизвестно, но ясно, что Марий был заинтересован в том, чтобы уговорить своего бывшего квестора отменить неприсутственные дни. К каким доводам он прибегал — остается только догадываться, но ему достаточно было просто указать, что в случае продолжения *feriae* нельзя гарантировать безопасность консулов, и Сулла, покинув дом своего бывшего командующего, может стать жертвой людей Сульпиция^[227] независимо от желания самого Мария. Со своей стороны, последний вряд ли мог что-то обещать, ибо выдал бы таким образом свою прямую причастность к происходящему^[228]. Если бы консул знал о планах арпината лишить его командования, это чрезвычайно затруднило бы достижение компромисса (Luce 1970, 192-193, п. 132).

Так или иначе, покинув дом Мария, Сулла отменил неприсутственные дни. Что же касается Помпея Руфа, то Плутарх (Sulla 8.8) сообщает об отстранении его от должности (καί διά τοῦτο τόν Πομπήϊον ἀποχειροτονήσας ὁ Σουλπίκιος οὐκ ἀφείλετο τοῦ Σύλλα τήν ὑπατείαν. ἀλλὰ τήν ἐπί Μιθριδάτην

στρατείας μόνον εἰς Μάριον μετήνευκε). Многие ученые принимают это сообщение^[229]. Стоит отметить, однако, что текст Плутарха не вполне исправен. Но дело даже не в этом, поскольку предложенное К. Циглером чтение ἀλοχειροτονήσας представляется наиболее предпочтительным^[230]. Отстранение консула от должности — случай беспрецедентный, даже если решение о нем приняли бы комиции^[231], и если бы он действительно имел место, то вряд ли о нем умолчали бы другие источники^[232].

Сулла уехал к своей армии^[233], а Сульпиций провел, наконец, через комиции предложенные им законы^[234], к которым добавился и еще один — о передаче командования на Востоке Марию^[235], наделавшегося в соответствии с ним полномочиями проконсула^[236]. О беспорядках в народном собрании в источниках не сообщается — весьма вероятно, потому, что все прошло спокойно^[237]. Объяснить это тем, что комиции были уже запуганы, невозможно — прошло слишком мало времени, да и вообще для этого потребовались бы значительно большие силы, чем те, что имелись у Сульпиция и Мария.

ВЗЯТИЕ СУЛЛОЙ РИМА

Несомненно, положение коренным образом изменила передача Марию командования в войне с Митридатом. Ситуация 108—107 гг., когда комиции передали арпинату руководство армией в Африке, лишив такового Метелла Нумидийского, повторилась, но с той существенной разницей, что 20 лет назад Марий получил командование как консул, теперь же он был *homo privatus*^[238]. Однако в источниках спорность такой ситуации практически не отмечается^[239]; сенат, если исходить из молчания античных авторов, на случившееся не отреагировал. И это при том, что *patres* явно не хотели нового возвышения Мария, и что его назначение комициями, даже будучи формально законным^[240], шло вразрез с решением сената направить на войну с Митридатом именно Суллу, и тем самым наносило ущерб авторитету этого органа. Видимо, отношение к консулам не было однозначным, как и к действиям комиций, сфера компетенции которых за последние полвека значительно расширилась (см. Millar 1986, 1-10). К тому же выступать только с протестом не имело смысла — это лишь продемонстрировало бы слабость сената. Нужно было время, чтобы сориентироваться в обстановке, но его не оказалось — события развивались слишком быстро.

Сулла уехал к войску^[241], и вскоре (по дороге?) получил известие о лишении его командования (Plut. Sulla 9.1; App. BC. I. 57. 250). Естественно, для него, столь нелегко сделавшего свою карьеру^[242] и сумевшего все-таки вернуть славу своему роду после почти двух веков не слишком заметной роли в римской политике, это был сильнейший удар^[243]. Мало того, что Суллу лишали лавров победителя и богатой добычи, — это было уже второе умаление его *dignitas*, причем куда более серьезное, нежели нападение на него у храма Диоскуров, к тому же исходило оно от человека, несоизмеримо уступавшего ему в знатности. Все перечисленное позволяет лучше понять, почему Сулла пошел на такие решительные и неожиданные для всех меры.

Быстро сориентировавшись в обстановке, консул произнес перед воинами речь явно подстрекательского характера, дав понять, что они теперь могут лишиться добычи и славы^[244].

Результаты не заставили себя ждать: когда из Рима прибыли двое военных трибунов^[245], чтобы принять войско от Суллы, солдаты побили их

камнями^[246]. Обращает на себя внимание то, что речь шла лишь о смене командира, но воины тем не менее взбунтовались — речь о замене их ветеранами Мария, как показало прибытие трибунов, не шла. Однако могли опасаться за свою судьбу центурионы^[247], у которых не было уверенности, что арпинат не заменит их, а именно они держали в своих руках армию (Махлаюк 2005, 39-40).

Воины, если верить Аппиану, сами призвали Суллу идти в поход на Рим. Бесспорно, сделано это было в соответствии с его желаниями (BC. I. 57. 250; 252). Во всяком случае, в источниках не сказано о том, что последний как-то пытался их отговорить (очевидно, он и сам не считал нужным распространять такую версию, не видя в своих действиях ничего предосудительного)^[248]. Результаты жертвоприношений прорицатель Гай Постумий объявил в высшей степени благоприятными (Plut. Sulla 9.6; Aug. De civ. Dei. II. 24). Войска выступили в поход на следующий день^[249]. Правда, как указывает Аппиан (BC. I. 57. 253), не желая идти на Рим, Суллу покинули все командиры, кроме одного квестора (ἀρχοντες τοῦ στρατοῦ χωρίς ενός ταμίου διέδρασαν ἐς Ῥώμην, οὐχ υφιστάμενον)^[250]. Таковым, [вероятнее всего, был верный соратник Суллы Луций Лициний Лукулл^[251], но кого Аппиан подразумевал под «архонтами»? Зачастую ученые уклончиво пишут просто об «офицерах»^[252], но столь же часто уточняют: старших или высших «офицерах»^[253]. Предполагалось также, что речь идет о сенаторах^[254], представителях нобилитета^[255], о лицах ниже сенаторского ранга^[256]. Некоторые авторы высказываются конкретнее, говоря о легатах и военных трибунах (Mégimée 1883, 130), о магистратах и военных трибунах (Nicolet 1976, 189), о военных трибунах и центурионах (Levick 1982, 503-508), а также, помимо последних, о сенаторах и сенатских легатах (Behr 1993, 71, Anm. 363).

Версию об уходе центурионов можно отвергнуть сразу — если бы они покинули лагерь консула, армия стала бы неуправляемой, да и в случае их отказа в поддержке мятеж в ней, скорее всего, не произошел бы вообще. К тому же вряд ли Сулла был настолько непопулярен у них, чтобы они *en masse* покинули его. В сущности, остаются только легаты и военные трибуны. Могли ли подразумеваться легаты? Если точно следовать тексту источника, то представить себе, что консула покинули бы все легаты или хотя бы большинство, очень трудно, особенно с учетом того, что Сулла умел быть хорошим другом^[257]. Это тем более маловероятно потому, что легатов он назначал себе сам. Иное дело легаты сената и военные трибуны

— лица избираемые (пусть и разными органами) и с полководцем менее связанные^[258]. (Кстати сказать, выборность сближает их с квестором, в один ряд с которым их ставит Аппиан.) Поэтому есть все основания считать, что именно они и покинули лагерь консула^[259]. Однако его это не остановило, армия в составе шести легионов^[260] выступила на Рим^[261].

Когда в Городе стало известно о начавшемся марше Суллы, сенат и сторонники реформаторов, судя по всему, не стали обвинять друг друга в таком обороте дел^[262], а сплотились перед лицом возникшей угрозы^[263]. Навстречу армии *patres* выслали двух преторов^[264], Брута и Сервилия^[265], которые, по словам Плутарха, должны были запретить консулу двигаться дальше. «Преторы говорили с Суллой слишком дерзко, и воины, кинувшись на них, хотели их растерзать, но только изломали ликторские розги, сорвали с преторов окаймленные пурпуром тоги и после многих оскорблений отослали их назад» (Plut. Sulla 9. 4-5)^[266].

Рассказ этот весьма интересен. С одной стороны, не отрицается, что воины позволили себе «вольности» в отношении преторов, но, с другой, делается попытка оправдать их поведение — Брут и Сервилий разговаривали слишком дерзко (θρασύτερον). Имеется в виду, очевидно, «запрет» Сулле продолжать поход (ἀπαγορεύσοντας αὐτῷ βασιλεῖν). В каком бы трудном положении ни находились преторы (судьба убитых военных трибунов говорила о многом), ответ, согласно практике сената, мог быть один: *patres* не могут ничего обсуждать с Суллой, пока он не прекратит враждебных действий (в идеале предполагалось сложить оружие, но армия нужна была для войны с Митридатом). Это, разумеется, не запрет как таковой, тем более что глагол ἀπαγορεύω допускает перевод «отговаривать», «разубеждать» (см. Дворецкий I, 1958, 182), но в данном контексте речь, конечно, идет все-таки о первом его значении, чему, вероятно, и служило сведение к минимуму содержания речи преторов. Весьма кратко передан и ответ Суллы — он заявил, что идет освободить отечество от тиранов^[267]. Реакция Брута и Сервилия (а она наверняка последовала) в источнике не отражена. Поскольку Сулла не добился главного — обещания вернуть ему командование, то поход продолжился, а преторы, претерпевшие унижение от воинов, вернулись в Рим, произведя своим видом тяжелое впечатление (Plut. Sulla 9.4) — прежде всего, очевидно, на сенаторов. Если верить Аппиану (BC. I. 57. 254), двум следующим посольствам сената Сулла вновь заявил, что идет освобождать Рим от тиранов, хотя обращение его воинов с преторами этому лозунгу вопиющим образом противоречило (Ingrisch 2007, 39). Судя по не вполне

внятому тексту Аппиана, консул выдвинул условие компромисса: пусть сенат соберется на Марсовом поле, и в его заседании примут участие Марий и Сульпиций, а Сулла подчинится его решению. Любопытно, что консул, ссылавшийся на тираническое поведение своих врагов, предлагал сенату собраться на Марсовом поле, т. е. за пределами померил — там, где он мог оказывать давление на сенат с помощью армии, не говоря уже о возможности расправиться с Марием и Сульпицием. Кроме того, *patres* не могли отменить решение комиций о назначении Мария. Тем самым Сулла либо не стремился к урегулированию вообще, либо (что более вероятно) давал понять, что мнение комиций в данном случае его не интересует, т. к. распределение провинций — прерогатива сената. После третьего посольства, если верить Аппиану, к Сулле присоединился Помпей Руф^[268], выразивший ему полное одобрение, что и понятно, особенно если учесть убийство сына Помпея людьми Мария и Сульпиция^[269]. Поддержка со стороны коллеги, несомненно, укрепила позиции Суллы и, возможно, подтолкнула его к штурму Рима, а не к переговорам с *patres*, Марием и Сульпицием^[270].

В источниках сохранился лишь один рассказ о том, что происходило в то время в сенате: консуляр и цензорий М. Антоний призвал Мария и Суллу сложить оружие (*Marcus Antonius censorius orator et augur in senatu suadebat ut Marius et Silla arma deponerent* (Bern. Scho. ad Luc. II. 121, p. 57 U)^[271]. Отнести этот эпизод иначе как к событиям 88 г. невозможно. По мнению А. Кивни, предложение Антония побудило сенат направить новое посольство к Сулле (Keaveney 1983b, 67). Исключить такую возможность нельзя, но не более того, поскольку неясно, в какой момент кризиса Антоний выдвинул свой проект урегулирования^[272]. Решения предложить Марию, Сульпицию и их людям разоружиться, судя по всему, не было принято — оно лишь обострило бы ситуацию, не говоря уже о его невыполнимости. В то же время нет и сколь-либо серьезных оснований полагать, будто действия сената контролировались Марием и Сульпицием, как иногда считают вслед за Плутархом^[273].

Последнее посольство сената^[274] встретилось с Суллой у места, которое у Плутарха названо Πικῆνας или Πικίνας и обычно заменяется учеными на Πικτάς, т. к. топоним Пикены или Пикины неизвестен^[275]. Послы просили консулов прекратить продвижение войск, обещая, что «сенат восстановит справедливость, приняв соответствующие решения» (Plut. Sulla 9.9). Согласно Аппиану (если его слова относятся именно к этим событиям), предлагалось не подходить к Городу ближе, чем на 40

стадиев^[276] (= 5 римских миль)^[277]. Сулла обещал удовлетворить эти пожелания, однако после ухода послов продолжил марш — по словам Аппиана (BC. I. 57. 255-256), Марий и Сульпиций лишь пытались выиграть время для подготовки к обороне, чего Сулла не хотел им позволить^[278]. Кроме того, тем самым подчеркивается, что хозяевами в Риме были Марий и Сульпиций, а не сенат. Плутарх, который в этом месте начинает излагать события в антисулланском духе, ни о чем подобном не пишет. Однако не исключено, что Марий и Сульпиций все же рассчитывали укрепить оборону или хотя бы выторговать у сената какие-то уступки, чтобы выйти из сложившейся ситуации, сохранив лицо. Для компромиссного решения нуждались во времени и *patres*.

Так или иначе, Сулла выслал вперед легион под командованием Луция Минуция Басила^[279] и Гая Муммия^[280], которые взяли под контроль Эсквилинские ворота и прилегающий участок стены, тогда как легион Помпея Руфа овладел Коллинскими воротами. Третий легион захватил деревянный мост через Тибр^[281], еще один остался в резерве, а с двумя Сулла подоспел на помощь Басилу и Муммифу^[282], которых начали теснить горожане. Он лично начал поджигать близлежащие дома^[283], или, как пишет Аппиан, этой мерой лишь пригрозили (BC. I. 58 . 2 5 8)^[284]. Одно сообщение другому, в сущности, не противоречит, т. к. у Плутарха не сказано, начался ли пожар. Вполне возможно, Сулла ограничился лишь приказами, горожане же, услышав их, прекратили сопротивление во избежание худшего. Но тут в дело вступили отряды Мария, Сульпиция и их соратника Публия Альбинована (BC. I. 58. 259; Flor. III. 21. 7). Они начали теснить врага на Эсквилинском холме, однако Сулла будто бы бросился в бой со знаменем и воодушевил своих солдат (возможно, тот же эпизод, когда он бросился поджигать дома), а заодно вызвал резервы, часть же сил отправил в обход по *via Suburrana*. «Отряд Мария плохо сражался с нападшими на него свежими войсками, боясь быть окруженным шедшими в обход его (οι δ' ἀμφί τόν Μάριον πρός τε τούς ἐπελθόντας ἀκμήτας ἀσθενώς μαχόμενοι)» (App. BC. I. 58. 260-262). Оттесненные к храму Земли, Марий и Сульпиций «стали созывать на бой всех прочих граждан [...], обещали свободу рабам, если они примут участие в бою. Когда ни один человек к ним не явился, они все в отчаянии тотчас же бежали из Города, и вместе с ними же из числа знати те, которые действовали заодно с ними» (App. BC. I. 58. 262-263). Возможно, Аппиан в этом месте пользовался двумя источниками разной направленности, не примирив их сообщений — он пишет о бегстве воинов Суллы от людей Мария и тут же заявляет, будто

последние плохо сражались (ἀσθενώς μαχόμενοι). Очевидно, они просто не могли противостоять на равных опытному, организованному, хорошо обученному, вооруженному, не утомленному боем и отлично знавшему, за что он сражается, врагу. Последним очагом сопротивления, если верить Флору и Орозию, стал Капитолийский холм. Но и оттуда марианцы были быстро выбиты. Вполне возможно, что упоминаемого обоими авторами серьезного боя за Капитолий, учитывая превосходство Суллы, не было. Перед нами обычное риторическое преувеличение^[285], тем более что оба автора писали спустя несколько веков после событий. Марий, Сульпиций и их сторонники, как уже говорилось, скрылись. Сулла же свернул на *via Sacra*, где принародно наказал^[286] попавшихся ему мародеров (διαρπάζοντας)^[287], а затем расставил караулы. Город оказался в его руках.

МЕРОПРИЯТИЯ СУЛЛЫ В РИМЕ

Однако взятие Рима было лишь частью задачи — консулам требовалось узаконить свои действия. Не вполне ясно, кого первыми собрали они на следующий день, сенат или народ. В пользу сената как будто бы говорит сообщение Плутарха (Sulla 10.1), в пользу народа — Аппиана (BC. I. 59. 265). Однако Плутарх не уточняет, когда все это произошло, ограничившись ни к чему не обзывающим Σύλλας δέ τήν βουλήν συναγαγών, тогда как Аппиан пишет точнее, ἀμα δ' ἡμερα τόν δήμον ἐς ἐκκλησίαν συναγαγόντες, т. е., надо полагать, на следующее утро, что вполне логично^[288]. Скорее всего, речь шла о сходке^[289], которую было проще устроить технически. Обращение к народу раньше, чем к сенату, выглядело бы как неуважение к последнему, *contio* же являлась мероприятием куда менее обязывающим и к тому же давала возможность Сулле прозондировать настроения простых римлян, что было полезно перед заседанием сената. Консулы указали на вредное для государства, по их мнению, своеволие демагогов как на причину своих действий, а также предложили не вносить никаких законопроектов, если они не обсуждены в сенате (εἰσηγοῦντό τε μηδέν ἐτι ἀπροβούλευτον ἐς τόν δήμον ἐσφέρεισθαι). Кроме того, любой законопроект, прежде чем быть поставленным на голосование, обсуждался на *contio*, каковой, думается, это собрание и было, а предложение консулов носило, таким образом, предварительный характер. Демонстративно нарушать обычай в той ситуации было не в интересах Суллы и Помпея. О реакции сходки неизвестно, но даже простое молчание присутствовавших, очевидно, вполне их устраивало.

Куда более непростым оказалось заседание сената. С одной стороны, Марий и Сульпиций пренебрегли решением этого органа о назначении Суллы командующим в войне против Митридата, тем самым нарушив его традиционные (пусть и не закрепленные юридически) прерогативы; да и нового возвышения Мария сенаторы наверняка не хотели. С другой стороны, однако, консулы выказали полное презрение к сенату, убив или подвергнув оскорблениям одних его посланцев и обманув других, когда продолжили наступление вопреки обещанию, данному последнему сенатскому посольству. К тому же (и это главное), армия пересекла померий без санкции сената (не говоря уже о комициях) и устроила кровопролитие на улицах Города^[290]. «Если консулы хотели провести полицейскую операцию, то ее без восторга восприняли те, кто, как можно

было бы ожидать, более всех желали, чтобы водворился порядок»^[291].

Но дело было не только в этом — Сулла предложил объявить *hostes* Мария, Сульпиция и 10 их сторонников^[292]: Гая Мария-сына^[293], Публия Цетега, Юния Брута, Гнея и Квинта Граниев^[294], Публия Альбинована, Марка Летория, Квинта Рубрия и, возможно, брата полководца Марка Мария и его приемного сына Марка Мария Гратидиана^[295]. «Всем им поставили в вину то, что они возбудили волнения, вели войну против консулов, объявили рабам свободу, чтобы побудить их к отложению» (App. BC. I. 60. 271)^[296]. Подобное решение было несомненной новацией^[297], хотя и весьма сомнительного свойства. Но иначе Сулла не мог расправиться со своими недругами без суда — ведь издать *senatus consultum ultimum* после разгрома Мария, Сульпиция и их сторонников было затруднительно^[298]. Один из старейших сенаторов, Сцевола Авгур, на чьей внучке был женат сын Мария, выступил против предложения Суллы, напомнив собравшимся о выдающихся заслугах арпината перед Римом, но изменить ситуацию не смог. Катул, напротив, активно поддержал консула (App. BC. I. 74. 341)^[299]; в конечном счете, сенат одобрил инициативу Суллы. Марий, Сульпиций и 10 их соратников не приговаривались к смерти, но всякий мог безнаказанно убить их и получить за это награду^[300], а имущество опальных подлежало конфискации^[301]. Вскоре комиции придали этому решению форму закона^[302].

Уже Веллей Патеркул (II. 19. 1) назвал это предвестием проскрипций (*omen imminentis proscritionis*). Значительное сходство здесь, действительно, налицо^[303]. Но было и два существенных различия: в масштабах (всего 12 человек)^[304], и в исполнении. Если в 82—81 гг. репрессии коснулись не только тех, кто попал в проскрипции, то в 88 г. дело ограничилось убийством Сульпиция, тогда как остальным его товарищам, даже Марию, которого преследовали очень энергично (см. 128-13), удалось скрыться^[305], хотя за ними и были направлены сыщики (*ζητηταί*)^[306]. Однако это не делало вполне легитимным решение сената (а затем и комиций), принятое под нажимом Суллы, — опальные лишались возможности защититься перед судом (Seager 1994, 171). И уже совершенно противоречило всем нормам права подобное обращение с плебейским трибуном. Сульпиций скрылся в имении под Лаврентом, однако был выдан рабом и убит. Его голову выставили на рострах — первый случай такого рода, позднее ставший обычной практикой^[307].

По-видимому, во многом прав П. Каньяр, считая, что фактическое

осуждение на смерть названных 12 человек явилось политической ошибкой Суллы, особенно учитывая авторитет Мария (заметим, не только в низших и средних слоях) как спасителя Рима (Cagniart 1986, 333). К тому же не составляло секрета, что лица, объявленные *hostes publici*, являлись прежде всего личными врагами Суллы (Gaughan 2010, 128).

Затем Сулла и Помпей приступили к проведению реформ государственного устройства. *Leges Sulpiciae*^[308] были отменены^[309], как принятые в неприсутственные дни (App. BC. I. 59. 268) и насильственно (*per vim*)^[310]. Аппиан приписывает консулам следующие преобразования: запрет вносить законопроекты в комиции без предварительного одобрения их сенатом; пополнение самого сената 300 новыми членами из знати (των ἀρίστων ἀνδρών); ограничение; власти плебейских трибунов; реформу голосования в комициях (BC. I. 59. 266-268).

Не отнес ли Аппиан к 88 г. часть мероприятий времен диктатуры Суллы^[311]? Насколько известно, не вызывает возражений ни у кого из ученых сообщение о том, что уже тогда появился запрет вносить в комиции законы без предварительного одобрения их в сенате. Несомненно, это решение ограничивало законодательную инициативу трибунов^[312] и было направлено на предотвращение ситуации, в какой несколько дней назад оказались консулы. Хотя, возможно, при этом имелось в виду и предотвращение эксцессов, имевших место при Гракхах и Сатурнине^[313]. В отношении же не конкретизированных Аппианом ограничений трибунской власти, можно предполагать, что это, скорее всего, перенесение в 88 г. закона 81 г.^[314]

Бесспорно, что именно тогда была проведена реформа комиций, т. к. упоминаний о ней применительно к 81 г. в источниках нет^[315]. Однако ее суть породила разногласия. Что означают слова Аппиана (BC. I. 59. 266): «Голосование должно происходить не по трибам, но, как это установил царь [Сервий] Туллий^[316], по центуриям (καὶ τὰς χειροτονίας μὴ κατὰ φυλάς, ἀλλὰ κατὰ λόχους, ὡς Τύλλιος βασιλεὺς ἐταξε, γίνεσθαι)»? Высказывалось мнение, что речь шла о восстановлении старого (существовавшего до 241 г.) порядка голосования с преобладанием первого цензового класса^[317]. Согласно другой точке зрения, планировалась передача законодательных функций центуриатным комициям от трибутных, как то имело место до 287 г., а последним остались лишь выборы плебейских трибунов^[318]. Иногда предполагается сочетание этих мер^[319].

Хотя второй вариант весьма радикален^[320], он хорошо вписывается в

контекст мероприятий Суллы, явно стремившегося избежать ситуации, в которой он недавно оказался, когда трибутные комиции передали командование Марию (центуриатные же, добавим, избрали Луция Корнелия консулом). Стоит заметить, что во времена своей диктатуры Сулла все же не решился восстановить этот закон, отмененный после взятия Рима Цинной и Марием в 87 г. *Lex Cornelia de quaestoribus XX creandi*, как известно, был принят уже после окончательной победы Суллы именно трибутными комициями^[321]. Первый же вариант, т. е. восстановление центуриатных комиций в том виде, в каком они существовали до середины III в., как кажется, мало отвечает требованиям момента, поскольку оснований для претензий к *comitia centuriata* у консулов быть не могло^[322].

Не все ясно и с пополнением сената. Многие ученые принимают соответствующее сообщение Аппиана^[323]. Иногда предполагается компромиссный вариант — решение о внесении новых 300 членов в списки сената состоялось, но не было осуществлено на практике^[324]. Нет, впрочем, недостатка и в сомневающих в достоверности данных александрийца^[325]. Не вполне понятно, чем могло обуславливаться такое решение. В то время сенат, вопреки утверждению Аппиана (BC. I. 59. 267), вряд ли уже стал «совершенно безлюдным» (ὀλιγαθρώπολιτος). Примерно то же сообщает александрийский писатель (I. 100. 468) применительно к 81 г. (πάρλαν ὀλιγαπόροισι), сенат потерял еще не менее 90 членов в ходе гражданской войны^[326]. Крайне маловероятно также, что Сулла смог бы набрать такое число своих сторонников^[327], если учесть, что репутация его в тот момент оставляла желать много лучшего. Был ли он настолько равнодушен к своим позициям в сенате, что мог игнорировать этот фактор? Вряд ли. К тому же рядовые сенаторы мало что решали, если не имели предводителя, определяющей же была позиция консуляров — куда менее многочисленных (примерно 25 человек), но значительно более влиятельных^[328]. В 81 г. это, напротив, имело смысл, потому что множество прежних консуляров выбыло — за 91—82 гг. из 17 консулов, в том числе суфффектов, ушло из жизни 14 и 1 находился в изгнании, а новые были сулланцами. Наконец, консулы не имели полномочий для *lectio senatus*^[329] — в 81 г., напомним, Сулла действовал на основании диктаторской власти, которой в 88 г. он не обладал. Идти же на столь откровенную узурпацию цензорских полномочий он вряд ли решился бы. Поэтому нет оснований думать, что консулы принимали указанное решение, не говоря уже о его проведении в

жизнь.

Мероприятием как политического, так и экономического характера стало выведение Суллой колоний, о котором лишь кратко упоминает эпитоматор Ливия (per. 77: *L. Sylla... colonias deduxit*) — как предполагается, двенадцати^[330]. Однако маловероятно, что хотя бы одна из них была основана, поскольку обстановка тому совершенно не благоприятствовала (Keaveney 1983b, 73). Не очень ясно, кого Сулла собирался наделить землей — его войны должны были уйти с ним. Но в любом случае он укрепил бы свои позиции, т. к. получившие земли по его и Помпея инициативе стали бы их сторонниками или еще более утвердились бы в своих симпатиях к ним.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В РИМЕ ОТ ВЫБОРОВ НА 87 г. ДО ОТЪЕЗДА СУЛЛЫ НА ВОСТОК

Если нужные Сулле законы народное собрание приняло (причем неясно, за какие из них голосовали трибутные комиции, а за какие уже центуриатные как получившие законодательные полномочия, если это действительно произошло), то с выборами на 87 г. ситуация сложилась иная. «Провалив с позором Нония, племянника (ἀδελφιδούν) Суллы, и Сервилия, которые домогались должностей, народ должности эти отдал тем, чье избрание, как предполагали, доставит Сулле наибольшее огорчение» (Plut. Sulla 10.5). На консульских выборах победу одержали Луций Корнелий Цинна и Гней Октавий (MRR II, 45-46).

Идентификация тех, кто потерпел поражение на выборах, вызывает вопросы^[331]. Поскольку в рукописях стоит Σερουήιον, некоторые ученые сочли, что речь идет о некоем Сервии Сульпиции^[332] или брате Суллы Сервии Корнелии^[333]. Однако большинство ученых согласилось с поправкой Т. Моммзена Σερουίλιον, и вслед за ним считается, что у Плутарха подразумевался Публий Сервилий Ватия (консул 79 г.)^[334], отпраздновавший в том году триумф, единственный в 93—82 гг., за победу над внешними врагами^[335]. Под Нонием же, как считается, имелся в виду Секст Ноний Суфенат, сын сестры Суллы, который впоследствии станет основателем *Ludi Victoriae Sullanae*^[336]. Если это так, то он вряд ли мог претендовать на консульство, т. к. только в 81 г. стал претором (MRR II, 76) — разрыв в возрасте слишком значительный, и потому, как предполагают многие ученые, Ноний потерпел провал на выборах не в консулы, а в плебейские трибуны^[337].

То же произошло и с другим кандидатом, отнюдь с Суллой не связанным — напротив, именно Сулла, как уверяет Плутарх (Sert. 4.6), помешал ему стать плебейским трибуном, что сделало неудачливого соискателя его врагом (δημαρχίαν μέντοι μετιών, Σύλλα καταστασιάσαντος αὐτόν διό και δοκει γενέσθαι μισοσύλλας). Речь идет о Квинте Сертории, который впоследствии сыграет значительную роль и в гражданской войне, и в последующих за ней годах^[338]. Если сведения Плутарха о противодействии ему со стороны Суллы верны, то остается констатировать

ошибку последнего, который нажил себе в его лице, как покажет поднятое им восстание в Испании в 80 г., серьезного врага. Причины противодействия со стороны будущего диктатора неясны, и любые предположения на сей счет обречены оставаться таковыми^[339].

Зато трибуната добился, как считается, племянник опального победителя кимвров, Марий Гратидиан (Schol. Bern. Luc. II. 173, p. 62U). Это иллюстрирует утверждение Плутарха (Sulla 10.8) об избрании народом тех людей, чья победа доставила особое неудовольствие Сулле (καθυβρίσαντες ἑτέρους κατέστησαν ἄρχοντας, οὓς μάλιστα τιμώντες φοντο λυπεῖν ἐκεῖνον)^[340]. Другим плебейским трибуном, чья позиция консулам могла быть на тот момент неясна, но вскоре дала о себе знать, к невыгоде Суллы, стал Марк Вергилий (Вергиний)^[341]. То же можно сказать и о Гае Милонии, если верно то предположение, что он также добился трибуната на 87 г.^[342]

Понимая, что в условиях поражения на выборах созданная им система находится под угрозой, Сулла решил принять посильные меры по обеспечению ее стабильности. Плутарх утверждает, что с этой целью он взял с Цинны «скрепленное страшными клятвами обещание поддерживать дело Суллы (ἀραίς καί. орκοῖς καταλαβὼν εὐνοήσειν τοῖς ἑαυτοῦ (Σύλλα. — А. К.) πράγμασιν). Цинна поднялся на Капитолий и, держа в руке камень, принес присягу на верность, скрепив ее таким заклятием: пусть будет он, если не сохранит доброго отношения к Сулле, вышвырнут из Города, подобно этому камню, брошенному его собственной рукой. После этого в присутствии многих свидетелей он бросил камень на землю» (Sulla 10. 6-7; Dio Cass. Fr. 102.3). Прежде всего возникает вопрос, почему клятву приносил один Цинна — ведь это было бы очевидным унижением. И хотя большинство историков принимает версию Плутарха^[343], куда более вероятно, что, как о том говорится в Гроновиевых схолиях (p. 286 St.), Сулла принудил принести клятву и Октавия (*fecit Sulla duos consules Cinnam et Octavium. Iure iurando astrinxit eos nullus contra acta Sullana faceret, discessit*)^[344], тем более что на его лояльность он также до конца полагаться не мог. Понять молчание Плутарха в отношении Октавия можно — последний вскоре погиб в борьбе с Цинной, и ставить их рядом в такой ситуации было не совсем уместно — выходило, что Октавий не вполне заслуживал доверия, коль скоро от него то же потребовали клятвы^[345].

С. Вайншток считает, что Сулла провел эту церемонию незадолго до отъезда на Восток, будучи уже проконсулом, а потому не имел права осуществлять ее (Weinstock 1971, 222). Куда более вероятно, что церемония

состоялась еще в 88 г., перед вступлением консулов в должность. Скорее всего, это была обычная клятва магистратов уважать законы^[346], однако оформленная как древняя клятва *per Iovem lapidem* (см. с. 351-352), что придавало ей большую ответственность. Трудно сказать, насколько был велик пропагандистский эффект именно такого ритуала, но нельзя не отметить, что этот обряд обратил на себя внимание лишь поздних авторов. Весьма вероятно, что Цинна и Октавий не считали чем-то зазорным принести присягу на верность законам в форме клятвы *per Iovem lapidem*^[347].

Совершенно очевидно, что упомянутая церемония никаких гарантий не давала, таковой могла быть в тех условиях лишь военная сила. Между тем в Италии оставалось всего лишь три крупных армии — самого Суллы, двоюродного брата его жены Метелла Пия и Помпея Страбона^[348]. Набирать еще одну в условиях, когда Италия была измучена войной и новый набор мог привести к волнениям, не говоря уже о расходах на войско, в Риме, надо полагать, сочли нецелесообразным, и приняли решение о передаче Помпею Руфу^[349] командования пиценской армией проконсула Помпея Страбона. Ученые называют разные причины замены последнего — Т. Моммзен указывал на его бездействие во время «Сульпициевой смуты», чем тот «доставил аристократии немало тревожных минут». М. Гельцер считал, что Отзывом Помпея Страбона *patres* хотели добиться того, чего им не удалось достичь в ходе суда над ним по закону Бария, т. е., очевидно, удалить его с политической сцены. Кроме того, добавляет ученый, «во времена Республики было неслыханно, чтобы магистрат стоял с сильным войском в Италии, не ведя войны»^[350]. Указывалось также на недовольство сенаторов излишне самостоятельным положением проконсула, который уже три года командовал испытанной в боях армией, держа под контролем важные для Италии области, и мог зайти в своих помыслах слишком далеко^[351]. Иногда акцент смещается — могущественного соперника видел в Помпее Страбоне Сулла^[352].

Точка зрения Т. Моммзена вряд ли верна — Помпей Страбон не решился бы идти на Рим без распоряжения сената. Ошибается, по-видимому, и М. Гельцер, т. к. под судом, о котором упоминают Цицерон (Corn. I. F. 54) и Асконий (79 CL), был скорее всего не консул 89 г., а плебейский трибун 90 г. Гней Помпоний^[353]. Если говорить об «излишней» самостоятельности Помпея, то признаков нелояльности сенату он, насколько известно, не проявлял, и подобное его восприятие основано на том, что *patres* наперед знали о возможных последствиях такой

самостоятельности. Да и инициатива исходила явно не от сената, а от консулов. Между тем выбор Помпея Страбона объясняется куда проще — забрать армию у своего родственника Метелла Пия, который к тому же, в отличие от Помпея, вел активные боевые действия, Сулла, естественно, не мог.

Согласно Аппиану (BC. I. 63. 283), решение приняли комиции (Πομπήιον, τὸν ἕτερον ὑλάτον, ὁ δῆμος... ἐψηφίσατο ἀρχεῖν Ἰταλίας), по Валерию Максиму — сенат (*senatus iussu*). Сторонники есть как у первой^[354], так и у второй версии^[355]. Вопрос осложняется сообщением Саллюстия о том, что «плебейский трибун Г. Геренний по уговору (*ex compositio*) помешал консулу Сулле провести закон о его возвращении (*de reditu eius legem*)» (Hist. II. 21). Речь здесь идет, как поясняет цитирующий этот отрывок Авл Геллий, о некоем *privilegium* Помпея (X. 20. 10), который, очевидно, и заключил упомянутое соглашение (*compositium*) с трибуном, чтобы тот помешал лишению его командования.

Раньше этот эпизод связывался с возвращением из Африки его сына в конце гражданской войны^[356], однако А. Кине и особенно Э. Бэдиан убедительно показали, что упомянутый закон касался отстранения от командования его отца^[357], и эта точка зрения ныне преобладает^[358]. Вероятно, Геренний не позволил провести в комициях закон о смещении Помпея Страбона. Однако возникает вопрос: если закон не был необходим, то зачем потребовалось его проводить? Если же необходим, почему тогда Помпей Страбон не указал на этот факт консулу, когда тот приехал к нему? Думается, по одной-единственной причине — решение было оформлено юридически безупречно, и если для этого требовалось принятие закона, то его, очевидно, и приняли — ведь Геренний мог и отозвать вето^[359].

Однако сместить Помпея Страбона оказалось не так-то просто — пример того, как это нелегко сделать, явил уже сам Сулла. Когда Помпей Руф прибыл в войско Помпея Страбона, тот, хотя и был недоволен отставкой, на словах согласился передать свой пост Помпею Руфу. Но на следующий день (по всей видимости, во время жертвоприношения) солдаты набросились на консула и убили его. Страбон ограничился словесным порицанием в адрес убийц, а затем вновь принял командование^[360].

Это был первый случай в истории Рима, когда консул стал жертвой собственных воинов (Veil. Pat. II. 20. 1). Хотя никаких доказательств причастности Помпея Страбона к случившемуся не было, уже античные авторы прямо писали о ней (Liv. Per. 77; Veil. Pat. II. 20. 1). Поведение

полководца, который не озаботился розыском и наказанием виновных и как ни в чем не бывало вновь принял командование, говорило о многом^[361]. При этом Помпей последовал примеру Суллы не только в том, что отказался передать армию преемнику, но и в том, что не пожелал покарать убийц консула, как то имело место в случае с Суллой и Постумием в 89 г. (см. выше).

Происшедшее означало, что уже второй военачальник со своей армией превращается в неподконтрольную силу. Расчет Помпея Страбона оказался верным — ни сам Сулла, лишившийся ценного союзника, ни тем более сенат не стали обострять ситуацию и сделали вид, что ничего не случилось. Аппиан (BC. I. 64. 286) даже пишет, будто испугавшийся за свою жизнь Сулла собрал друзей и держал их при себе ночью (αὐτίκα μὲν ὁ Σύλλας περιδεής ἐφ' ἑαυτῷ γενόμενος τοὺς φίλους περιήγετο πανταχοῦ καὶ νυκτὸς ἄμφ' αὐτὸν εἶχεν). Это сильно напоминает слухи о зловещих ночных сборищах у Катилины (см. Cic. Cat. I. 1; Sail. Cat. 27.3), которые могли быть обычными пирами. Так или иначе, убийство Помпея Руфа оказалось серьезным ударом по престижу Суллы, ответить на который он в тех условиях не мог.

Аппиан пишет и о другом тревожном симптоме — развернулось активное движение в защиту возвращения изгнанников — Мария и его товарищей. Их сторонники^[362], особенно «из людей зажиточных и многие богатые женщины» (οσοὶ τῶν πλουσίων, καὶ γυναῖκα πολλὰ πολυχρήματα), «добивались этого всеми средствами, не останавливаясь ни перед какими затратами, ни перец злоумышлениями на жизнь консулов (ἐπιβουλεύοντες καὶ τοῖς τῶν ὑλάτων σώμασιν), зная, что, пока они живы, возвращение изгнанников невозможно» (App. BC. I. 63. 282). Думается, здесь мы имеем дело уже с пропагандой сулланцев — обвинения в покушениях в силу их трудной проверяемости во все времена активно использовались участниками политической борьбы. Однако ясно, что оппозиционное движение набирало силу^[363]. Но обращает на себя внимание и другое — судя по всему, Сулла не принимал против него насильственных мер. Это хорошо согласуется с его поведением во время консульских выборов, когда он допустил провал своих кандидатов и победу оппозиционных, т. е. вел себя в соответствии с неписаной римской конституцией, не пытаясь и далее использовать армию для давления на недовольных^[364]. В сущности, это ничего не дало бы, поскольку после смерти Помпея Руфа надежда на сохранение созданного Суллой порядка сильно уменьшилась, тем более что существование сколь-либо влиятельной группы его сторонников в источниках не прослеживается. Правда, полномочия на следующий год

были ему продлены, но иного не приходилось и ожидать, ибо в противном случае армии пришлось бы назначать нового командующего, а чем это могло кончиться, лишний раз показали события в лагере Помпея Страбона. Однако незадолго до отъезда Суллы плебейский трибун Марк Вергилий выдвинул против него обвинение, о сути которого источники не сообщают (Cic, Brut. 179; Plut. Sulla 10.8). Речь шла, очевидно, об убийстве Сульпиция -- плебейского трибуна, чья личность была священной и неприкосновенной^[365]. К этому можно добавить расправу с военными трибунами накануне марша на Рим, насилие в отношении преторов, пересечение померия с войском, насильственные действия внутри Города во время штурма^[366]. Менее ясна цель обвинения. Плутарх уверяет, будто Вергилий действовал по наущению Цинны, что, насколько известно, учеными под сомнение не ставится. Однако объяснить, чем руководствовался консул, нелегко. Одни исследователи полагают, что он хотел припугнуть Суллу и тем ускорить его отъезд на Восток, чтобы развязать себе руки^[367]. Другие считают, что цель состояла, напротив, в осуждении Суллы и лишении его проконсульского империя^[368], поскольку, согласно *lex Memmia de absentibus*, если обвиняемый промагистрат не возвращался, его можно было лишиться империя и осудить *in absentia*^[369]. Третьи пишут о намерении еще больше раздуть антисулланские настроения, чтобы тем легче было ниспровергнуть недавно изданные Суллой законы^[370]. Вполне вероятны первый и третий варианты, ибо неизвестно, имели ли враги проконсула полную уверенность, что он покинет Рим, как только начнется период навигации, и могли ли тем самым предпринять такой шаг для надежности. Нелишним было и дальнейшее нагнетание антисулланских настроений, тем более что не вызывало никаких сомнений — до процесса дело не дойдет, а это даст лишний повод обвинить Суллу, что он просто бежал от суда и тем признал свою вину. Относительно же заочного осуждения логично полагать, что Цинне было бы куда выгоднее начать с него, а не с рогации о распределении союзников по всем трибам. Однако не исключено, что инспирирование обвинения Цинной могло быть плодом воображения Плутарха, который мог исходить из нехитрой логики: раз Цинна и Вергилий — враги Суллы, то они действовали вместе. Между тем Вергилий, несомненно, чувствуя значительную общественную поддержку, мог выступить и самостоятельно, ибо с громких обвинительных процессов, как известно, начинали карьеру многие римские политики^[371].

Как и следовало ожидать, Сулла не захотел явиться на суд — «пожелав

и обвинителю, и судьям долго здравствовать, он отправился на войну с Митридатом» (Plut. Sulla 10.8). Э. С. Грюэн по этому поводу меланхолически замечает, что этот «высокомерный жест Суллы явился красноречивым свидетельством бессмысленности правильной юридической процедуры во времена [господства] насилия»^[372]. Его отъезд знаменовал начало нового раунда политической борьбы, а с ним — и новый раунд гражданской войны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

События 88 г. примечательны в том отношении, что они, с одной стороны, знаменовали начало гражданской войны, предпосылки которой уже вызревали давно, с другой же — показали, что без рокового стечения ряда обстоятельств война могла не начаться еще много лет (см. Mouritsen 2017, 171). Имеются в виду прежде всего стремление Мария во что бы то ни стало вновь достичь вершин власти, нежелание Суллы расставаться с командованием и готовность его воинов поддержать своего полководца даже путем грубого нарушения законов и традиций. Да и далеко не всякий военачальник решился бы идти на Рим, оказавшись на месте Суллы — достаточно вспомнить нерешительность Помпея в 62 г., когда обстановка ему благоприятствовала. Марий попытался повторить то, что он сделал в 108 г., когда отнял командование у Метелла. Однако арпинат не учел популярности Суллы у своих солдат и к тому же не попытался воспользоваться собственным авторитетом, для чего ему следовало бы самому принять войско Суллы и успокоить рядовых и центурионов, опасавшихся лишиться добычи. Особенностью событий 88 г. стали отнюдь не вопросы наделения земель или хлебные дотации, фигурировавшие во времена движений Гракхов, Сатурнина, Друза, да и позднее (хотя определенную, но, видимо, не первостепенную роль здесь играл долговой вопрос). Камнем преткновения в политической борьбе накануне марша Суллы, которая привела к союзу Мария и Сульпиция, стала проблема прав италийцев, являвшаяся наследием Союзнической войны. Обращает на себя внимание и во многом случайный характер начала *bellum civile* — ведь если бы Марий к тому времени или умер, или отсутствовал, или если бы Сульпиций не обратился к нему за помощью, гражданская война могла бы начаться несколько десятилетий спустя. Потенциальная готовность полководца и армии при определенных условиях выступить против власти (т. е., по сути, *res publica*) являлась объективным фактором, но в отсутствие этих условий она не претворилась бы в конкретные действия. Описанные события продемонстрировали падение авторитета сената (*eo ipso* и олицетворявшейся им государственно-политической системы), требование которого прекратить вооруженную борьбу было открыто проигнорировано Суллой. В то же время Сулла не посягнул на существовавший порядок, а если учесть ограничение прав плебейских трибунов, то даже принял меры для его укрепления. Консулы после взятия Рима не установили своего

прямого господства, как то произойдет в 82 г., и не стали предпринимать репрессивных мер для борьбы против оппозиции, возникшей со стороны широких слоев общества. Сулла не вполне осознал важность собственного шага, о чем свидетельствовала предпринятая им попытка лишить командования Помпея Страбона — он повторил ошибку, которую совершили Сульпиций и Марий, получив тот же отрицательный, хотя не столь катастрофический для себя результат. В этих условиях отплытие в Грецию, где ситуация все настоятельнее требовала вмешательства, стало для Суллы удобным способом выйти из того политического вакуума, в котором он оказался.

**ГЛАВА ВТОРАЯ
НОВЫЙ ЭТАП ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОТИВОСТОЯНИЯ :
ОТ ЗАКОНОПРОЕКТОВ ЦИННЫ ДО
ВЗЯТИЯ РИМА ЦИННОЙ И МАРИЕМ**

БЕГСТВО МАРИЯ И ЕГО СТОРОННИКОВ

Как уже говорилось, Сульпиций вскоре после взятия Рима Суллой был найден и убит у себя на вилле. Иначе сложилась судьба его соратников, прежде всего Мария, которого по понятным причинам искали весьма усердно. Вместе с сыном он добрался до своего имения Солония и оттуда отправил сына в поместье Муция Сцеволы Авгура (деда жены Мария Младшего) за припасами. Затем арпинат сел на корабль, приготовленный одним из его друзей, Нумерием, и вместе с пасынком последнего, Гранием, вышел в море. Однако началось очень сильное волнение, и его стала мучить морская болезнь. Он сошел со спутниками на берег около Цирцей и проблуждал с ними до ночи в поисках пищи. Именно тогда Марий, если верить Плутарху, рассказал о предсказании ему семи консулатов, что сулило благополучный исход его злоключений^[373]. На следующий день ему сообщили, что приближаются всадники, разыскивающие его. Беглецы поспешили к морю и увидели там два грузовых судна. Граний сумел доплыть до одного из них и отправился на остров Энарию. Удалось добраться до другого корабля и его отчиму (Plut. Mar. 35-37).

В этот момент появились преследовавшие арпината всадники. Они потребовали, чтобы судовладельцы либо пристали к берегу, либо бросили беглеца в воду. После некоторых колебаний хозяева корабля ответили, что не выдадут Мария, молившего их о защите, и поплыли дальше. Однако вскоре они стали на якорь близ устья р. Лирис и предложили изгнаннику выйти на сушу, чтобы поесть и отдохнуть, а они подождут, пока подует попутный ветер. Но вскоре после того как Марий сошел на берег, матросы подняли якорь и уплыли в море, избавившись от опасного спутника. Тот по бездорожью^[374] добрался до хижины старого рыбака, который спрятал его в близлежащей пещере^[375]. Через какое-то время появились посланные врагом арпината Геминием из Таррацины всадники, которые стали требовать от рыбака выдать беглеца. Марий, опасаясь, что его убежище будет вот-вот обнаружено, спрятался в болоте, но его нашли там и повели в Минтурны. Здесь его поместили под домашний арест в дом некоей Фаннии, чье дело он в свое время разбирал (Plut. Mar. 38. 4-5; Val. Max. VIII. 2. 3). Хотя, как отмечает в данном контексте Т. Ф. Кэрни, отправлять схваченных под домашний арест в жилище их друзей было обычной практикой, в этом случае такой нужды не было — достаточно было установить личность Мария и убить его на месте. Однако местные власти, очевидно, с самого

начала не торопились выполнить приказ — решение было спорным с точки зрения закона, да и в Италии победитель кимвров пользовался огромной популярностью (Carney 1961b, 111, 109). Правда, как тут же замечает Т. Ф. Кэрни, Фаннии были тесно связаны с Метеллами — врагами Мария, но, как уже отмечалось, их влияние к этому времени серьезно ослабело. Знаменитая история с отказом палача-варвара убить арпината, независимо от ее историчности (впрочем, в ней нет ничего неправдоподобного)^[376], лишней раз показывает нежелание совета Минтурн брать на себя ответственность за умерщвление необычного пленника. Можно было ведь найти другого исполнителя, однако минтурнийские старейшины предпочли увидеть в этом знак богов (App. BC. I. 62. 276) и помочь арпинату с отплытием^[377]. Он доплыл до Энарии, где к нему присоединился Граний (Plut. Mar. 40.2).

После этого Марий высадился на Сицилии. Как полагает Т. Ф. Кэрни, «он мог рассчитывать на поддержку сицилийцев. Восстание рабов здесь подавил в 101 г. его сторонник, доблестный Маний Аквилый, и на острове, по-видимому, были основаны марианские колонии. Кроме того, наместником Сицилии в то время был Г. Норбан — позднее видный деятель марианской группировки, как и до того. Приверженцем Мария был и Стений, видный местный политик из Ферм. Поэтому Марий отправился в Фермы и был там тепло принят». Это следует из того, что позднее Стения обвинили в отношениях гостеприимства с арпинатом (Carney 1961b, 111-112). Плутарх же пишет лишь о высадке близ Эрикса, где находился знаменитый храм Венеры, для пополнения запасов воды, но там людей Мария атаковал местный квестор^[378], чьи воины убили 16 спутников Мария и заставили ретироваться остальных (Mar. 40. 1-3). Т. Ф. Кэрни считает, что арпинат продвигался от Фермы вдоль побережья и достиг Эрикса позднее, нападение же предпринял квестор, находившийся в Лилибее и поступивший так, видимо, без консультаций с наместником, по прямому приказу из Рима (Carney 1961b, 112).

Эта реконструкция весьма интересна, однако вызывает немало вопросов. Вполне возможно, что Марий действительно посетил Фермы — греческую Гимеру, а потом отправился в Эрике. Однако наличие отдельных сторонников не означает, что арпинат рассчитывал на *всеобщую* поддержку — недаром у Плутарха (Mar. 40.2) сказано о вынужденном характере высадки (ἀναγκαίως), т. е. Марий явно догадывался, что ничего хорошего его здесь скорее всего не ожидает. Наличие на острове сулланских колоний Т. Ф. Кэрни сам признает лишь возможным, но не доказанным, и

неудивительно, что Марий не попытался высадиться на острове в других местах, а ретировался после первого же афронта. Нет также свидетельств, что на тот момент управлял Сицилией именно Норбан, а не его преемник. В то же время обращает на себя внимание, что наместник вообще предпринимал хоть какие-то враждебные действия (дружественные же были явно рискованными) — возможно, он, как и жители Минтурн, пощадивших победителя кимвров, не хотел связывать свое имя с убийством столь важной персоны. В том же, что он знал об объявлении Мария врагом, сомневаться не приходится, коль скоро сообщение об этом достигло даже Лилибея.

Не желая больше искушать судьбу, Марий направился к берегам Африки. Ее наместник Секстилий, когда арпинат после короткой остановки на о. Менинг высадился на территории подведомственной ему провинции, тоже предпочел позицию недружественного нейтралитета. Он потребовал от Мария покинуть Африку (Plut. Mar. 40. 6-10), где тот мог рассчитывать на поддержку своих ветеранов, получивших здесь участки по *lex Appuleia agraria* 103 г.^[379] Т. е. Секстилий также не спешил выполнять приказ из Рима^[380]. В. Ине даже считал, что наместнику оставалось либо послать людей с приказом убить Мария, либо присоединиться к нему, но никак не делать того, о чем пишет Плутарх^[381]. Стоит, однако, заметить, что объявление Мария врагом не предполагало *de iure* обязательного его убийства, хотя так иногда и считается (Gaughan 2010, 127). К тому же Секстилий наверняка знал, что решение о расправе с Марием одобряется далеко не всеми (аргумент не юридический, но важный в условиях спорной законности объявления Мария *hostis*). Вряд ли прав и Т. Ф. Кэрни, считая, что такая позиция привела к краху карьеры Секстилия, который больше никаких должностей не занимал (Carney 1961b, 114) — ведь он уже добился претуры, а на консулат вряд ли мог рассчитывать в силу своего достаточно незнатного происхождения.

Марий явно не торопился покинуть Африку и дождался сына, успевшего побывать в Нумидии при дворе Гиемпсала^[382], который, если верить Плутарху (Mar. 40. 10-14), в конце концов решил его схватить и даже выслал за ним всадников, но отец и сын успели отплыть на Керкину^[383]. Там они начали готовиться к новому туру борьбы.

ЗАКОНОПРОЕКТЫ ЦИННЫ И НАЧАЛО НОВОЙ СМУТЫ

С отбытием Суллы на Восток начался новый этап политической борьбы. Цинна, будто бы получивший взятку в 300 талантов от италийцев (*νομιζόμενος ἐπὶ τῷδε τριακόσια δωροδοκήσαι τάλαντα*), предложил восстановить *lex Sulpicia de novorum civium libertinorumque suffragiis*^[384], а также вернуть изгнанников^[385]. Известно, что на его стороне выступил недруг Суллы Серторий, который, очевидно, принял участие в обсуждении указанных законопроектов на сходках, где последнего и мог слышать Цицерон, давший несколько ироническую оценку его красноречию^[386]. Тогда уже, очевидно, Цинну поддержали М. Марий Гратидиан и Г. Милоний^[387].

Под изгнанниками Флор (III. 21. 9) подразумевает Мария и его товарищей^[388], уточняя, что речь шла о тех, кто были объявлены врагами (*de revocandis quos senatus hostes iudicaverat ad populum referretur*), а автор *‘De viris illustribus’* (59.2) — просто об изгнанниках (*de exulibus*). Однако проект об их возвращении невозможно было провести одновременно с проектом о распределении италийцев по 35 трибам, поскольку это противоречило закону Цецилия — Дидия, которым оппоненты Цинны, несомненно, не преминули бы воспользоваться^[389]. Неудивительно, что в источниках идет речь о спорах именно вокруг закона об италийцах — очевидно, вопрос об изгнанниках предполагалось поднять позже, а пока он, видимо, обсуждался лишь на сходках. Возможен, впрочем, и еще один вариант: речь шла о возвращении изгнанных по закону Лициния — Муция, который вполне согласовывался с распределением италийцев по 35 трибам, вопрос же о Марии и его сторонниках (изгнанниками они, заметим, были не *de iure*, а *de facto*) предлагалось рассмотреть отдельно. Между тем обстановка по сравнению с 88 г. сильно изменилась. Тогда Сульпиций провел свои законы (в том числе о назначении Мария, что свидетельствовало о немалой популярности арпината), как только у комиций появилась возможность голосовать за них. Теперь же Цинне пришлось обратиться за помощью к италийцам, поскольку на сей раз *cives veteres* заняли сугубо враждебную позицию. То же можно сказать и о коллеге Цинны Гнее Октавии.

В свете изложенного стоит рассмотреть обстоятельства избрания

обоих в консулы. Цинну большинство исследователей считает уже на тот момент открытым сторонником идей Сульпиция^[390], человеком, симпатизировавшим Марию и/или *factio Mariana*^[391], либо просто марианцем^[392], сторонником «народной партии»^[393], демократом^[394], популяром^[395] и т. д. Ю. Б. Циркин (2006, 50) утверждает, что его избирательную кампанию финансировали женщины, выступавшие в защиту Мария. Однако следовало бы оговорить сугубо гипотетический характер этого тезиса, к тому же наверняка деньги давали и другие лица. Сторонником арпината его называет только Эксуперанций (4.22 Z), однако его бревиарий — источник очень поздний и исполненный ошибок, тем более что этот автор мог исходить из нехитрой логики: впоследствии оба политика действовали совместно — стало быть, союз между ними существовал и раньше. Если же говорить об Октавии, то его считают как кандидатом Суллы^[396], «оптиматом-сулланцем»^[397], так и просто оптиматом^[398], сторонником олигархии^[399], аристократии^[400], сената^[401].

Подобные оценки, как представляется, требуют корректив. Позиция Цинны излагается в двух вариантах. С одной стороны, уже с самого начала друзья изгнанников, подговаривая новых граждан требовать зачисления их во все трибы, рассчитывали на Цинну (Κίννα... θαρροῦντες — App. BC. I. 64. 287). С другой — ниже у Аппиана речь идет о данной ему италийцами взятке в 300 талантов. Теоретически одно другому отнюдь не противоречит, но важно, что первоначально Цинна не давал оснований подозревать его в покушении на законы Суллы, история же с подкупом получила распространение явно позже. О политической позиции Цинны на тот момент вообще точно ничего неизвестно, *eo ipso* о связях с Марием^[402] и Сульпицием, и вообще о его позиции во время событий 88 г.^[403] Очевидно лишь то, что, судя по словам Плутарха, он уже тогда позиционировал себя не как сторонник Суллы. Как один из победителей марсов, Цинна мог считаться отнюдь не союзником италийцев, а слава полководца помогла ему добиться благосклонности избирателей^[404]. Сомнительно, что консул нуждался во взятке, чтобы выступить с законопроектом по италийскому вопросу (Bispham 2018, 3), который в случае успеха сулил ему стремительный рост политического влияния. Но какую-то финансовую помощь для продвижения закона, позднее объявленную его врагами мздой, он вполне мог от италийцев получить^[405]. Еще более спорно то, что на Цинну повлияли уговоры друзей Мария — вряд ли он готов был делить власть с таким опасным конкурентом, как Марий, и лишь последующий их

союз, видимо, создал впечатление, что сторонники арпината изначально оказывали воздействие на Цинну.

Октавий же, как следует из того же Плутарха, не может считаться сулланцем, да и связей с Суллой, по-видимому, не имел^[406]. Другое дело, что он счел нужным встать на защиту сулланских порядков, но мог делать это не из симпатий к их творцу, а ради сохранения стабильности. Однако первоначально оба кандидата в консулы выступали, по-видимому, не как *Sullani* или *Mariani*, а как некая третья сила^[407].

В ходе обсуждения рогадии Цинны Октавий, по словам Цицерона, выказал красноречие, прежде им не демонстрировавшееся^[408], и, очевидно, не без успеха — не надеясь на достаточную поддержку городского плебса, Цинна созвал сторонников со всей Италии (Veil. Pat. И. 20. 2; App. BC. I. 65. 293)^[409]. Естественно, они были вооружены (App. BC. I. 64. 289). Кроме того, большинство плебейских трибунов (τοὺς πλέονας δημάρχους), по сообщению Аппиана (BC. I. 64. 290), наложило вето на законопроект^[410].

Противостояние быстро приобрело кровавые формы: согласно Аппиану, люди Цинны стали угрожать кинжалами «противившимся трибунам. Узнав об этом, Октавий направился по Священной дороге^[411] в сопровождении достаточно большой толпы к форуму, вбежал на него, словно разлившийся поток, проложил дорогу среди сплоченной массы и разделил ее. Напугав ее, Октавий пошел в храм Диоскуров^[412], уклоняясь от встречи с Цинной (τόν Κίνναν ἐκτρέλόμενος). Спутники Октавия, без всякого приказа [с его стороны] (χωρίς ἐλαγγέματος), бросились на новых граждан, многих из них перебили, других обратили в бегство и преследовали их до ворот^[413]. Цинна, понадеявшись на толпу новых граждан и рассчитывая, что ему удастся одержать верх силою, вопреки ожиданиям увидел, что находившиеся в меньшем числе, благодаря своему смелому образу действий, одерживают верх, пустился бегом по Городу и стал сзывать к себе рабов, обещая им свободу. Но ни один раб к нему не присоединился» (App. BC. I. 64-65).

Аппиан явно стремится снять ответственность за происшедшее с Октавия — он уклонялся от встречи с Цинной (т. е., очевидно, чтобы не спровоцировать столкновение), не распорядился нападать на его людей, однако первое можно понимать и как отказ от переговоров, а второе — как то, что такое распоряжение пока не было отдано. По крайней мере, нет данных, чтобы Октавий выразил сожаление по поводу непомерной горячности своих сторонников или пытался остановить их. Кроме того, Аппиан не упоминает о каких-либо враждебных действиях со стороны

италийцев перед нападением на них, которое, вероятно, было спланировано заранее^[414].

В итоге, если верить Плутарху (Sert. 4.8), погибло почти 10 тысяч сторонников Цинны (οὐ πολλῶ τῶν μυρίων ἑλάττους ἀποβαλόντες), однако эта цифра представляется явно завышенной^[415], даже если считать ее сильно округленной, да и вряд ли кто-то считал убитых^[416]. Так или иначе, это означало новый раунд гражданской войны.

BELLUM OCTAVIANUM

Цинна бежал с группой сторонников из Рима, и сенат принял беспрецедентное решение^[417] — лишить его консульских полномочий^[418], поскольку «он, будучи консулом, оставил Город^[419], находившийся в опасном положении, и объявил свободу рабам»^[420]. Решение это было явно незаконным^[421] — никаких сведений об участии комиций в отстранении Цинны в источниках не содержится^[422], а потому решение сената имело не более чем декларативную силу^[423]. Высказывалось, правда, мнение, что оно было все же утверждено комициями (см. Gabba 1958, 184). Однако молчание источников в данном случае представляется аргументом весьма важным, учитывая антипатию античных авторов к Цинне, да и сам он вряд ли решился бы столь упорно настаивать на незаконности своего отстранения. Прецедент лишения консула полномочий до истечения таковых уже существовал^[424], а посему в принципе такая процедура была возможна, и речь могла, таким образом, идти лишь о ее нарушении^[425].

Очевидно, сенаторы не питали иллюзий относительно легитимности своего решения и в подтверждение ее сослались на Сивиллины книги^[426]. Преемником Цинны стал фламин Юпитера Луций Корнелий Мерула, отнюдь этой чести не добивавшийся (Diod. XXXVIII. 3). Хотя Аппиан (BC. I. 74. 341) и пишет, будто его назначили с соблюдением законной процедуры (οὐδέν ἀδικῶν)^[427], принять это утверждение вряд ли возможно. Сведений об избрании Мерулы в консулы нет, а Плутарх (Mor. 41.2) и вовсе пишет, что консулом его назначил (κατέστησεν) Октавий, хотя это тоже преувеличение, но противоположного рода. Некоторые ученые допускают, что консула-суффекта назначил сенат, после чего комиции лишь утвердили его^[428]. Исключить этого нельзя, однако стоит отметить, что, как и в случае с отстранением Цинны от должности, источники вновь хранят молчание, и мы можем лишь строить более или менее правдоподобные догадки.

Если же говорить о Меруле, то в его избрании иногда видят желание Октавия провести в коллеги себе человека, обремененного массой запретов^[429], делавших невозможной его активную деятельность, в результате чего Октавий становился фактически единственным консулом^[430]. При этом указывается также на пассаж Цицерона (Har. resp. 54), где говорится, что Октавий после победы (как после него Цинна) обрел

regnum. Б. Р. Кац выступил против этой точки зрения. По его мнению, Мерулу избрали на высшую должность потому, что у него в силу специфики его положения *flamen Dialis* вряд ли было много *inimici*, да и нет сведений, что Октавий искал личной власти. Сыграла свою роль и неприязнь к сулланцам^[431]. Последний аргумент представляется не совсем удачным, поскольку можно было найти множество других недоброжелателей Суллы, однако остальные доводы звучат вполне убедительно. В конце концов, выборы фактически проводил сенат, и *patres* вполне могли счесть, что самое важное сейчас — единство главных магистратов, только что нарушенное выступлением Цинны.

«Цинна устремился в близлежащие города, незадолго до того получившие права гражданства, в Тибур, Пренесте и в прочие [города], вплоть до Нолы (μέχρι Νόλης)»^[432], призывая их к войне и собирая деньги на нее. К нему присоединились Серторий, Милоний, Марий (очевидно, Гратидиан — см. выше)^[433], возможно, тогда же и Фимбрия^[434]. «Почему Цинна искал помощи здесь? Наши источники не дают ответа, однако, скорее всего, упомянутые города входили в число тех, которые были не удовлетворены своим статусом *vis-à-vis* Рима и надеялись, что Цинна что-либо сделает с этим; вероятно, он имел здесь особые связи» (Lovano 2002, 34). Относительно недовольства названных городов своим статусом мы можем только гадать, а вот что касается связей, то они явно были. Надо полагать, Цинна должным образом отблагодарил города Лация за помощь, но как — неизвестно. Во всяком случае, в 82 г. Пренеста проявит исключительную стойкость в борьбе с Суллой (см. ниже, с. 286, 292, 293, 301).

Однако опальному консулу требовалась прямая военная поддержка, и он направился в лагерь армии Аппия Клавдия Пульхра^[435], оставленной Суллой осаждать Нолу^[436]. Явившись туда, Цинна произнес перед воинами Клавдия пылкую речь, в которой обвинял сенат в незаконном лишении его власти. При этом Цинна сложил фасции, говорил со слезами, а затем сбежал с трибунала, бросился на землю и лежал до тех пор, пока его не подняли и не усадили в кресло, вернув фасции^[437]. Скорее всего, этот спектакль был продуман заранее (Махлаюк 2008, 123), и он принес свои плоды — Цинне удалось привлечь воинов на свою сторону (App. BC. 1. 65-66). Другие же авторы считают, что Цинна переманил армию на свою сторону подкупом, что принимается многими учеными^[438]. Аппиан же ничего подобного не пишет, хотя наверняка рад был бы сообщить о подкупе (Lovano 2002, 37), что охотно делает в других случаях^[439], и если

он не пишет ничего подобного о весьма антипатичном ему Цинне, то это может быть чем-то более серьезным, нежели неосведомленность. Поэтому, как представляется, скорее прав именно Аппиан (de Blois 2007, 171); Ливий и Веллей обнаруживают по отношению к Цинне слишком уж откровенную враждебность, а потому их сообщения на сей счет следует воспринимать с осторожностью. Кроме того, подкуп требовал определенного времени, да и стоило ли опальному консулу так унижаться перед воинами, если бы он заранее подкупил хотя бы их центурионов^[440]? Кроме того, не обязательно было подкупать солдат — достаточно было дать понять, что их ждет немалая добыча, которой они наверняка уже давно не видели, ведя бесконечную осаду Нолы. Следует также учитывать авторитет Цинны как одного из героев Союзнической войны.

Переход воинов Клавдия на сторону Цинны был важен для последнего не только потому, что он получил в свое распоряжение несколько тысяч ветеранов — отныне он выглядел как римский полководец во главе римских же солдат, а не предводитель мятежных италийцев; кроме того, оставлять в тылу Клавдия, который в любой момент мог выступить против Цинны, начини тот боевые действия, было весьма опасно (Kendall 2013, 495). В то же время их поддержка была ему необходима, и опальный консул начал агитировать в свою пользу италийские города, подчеркивая, что отстаивает их права. Здесь он, как и следовало ожидать, также добился успеха, и италийцы стали собирать для него деньги и войско (App. BC. I. 66. 302). Марий, узнав о случившемся, покинул Керкину и высадился не в Лации, как можно было бы ожидать (Santangelo 2016a, 88), а в Этрурии (в Теламоне)^[441] — несомненно, с расчетом на поддержку, которую он ожидал там встретить, и действительно встретил^[442]. Это давало ему возможность явиться к Цинне не со скромным отрядом, а во главе целого войска — под его знамена встало, если верить Аппиану (BC. I. 69. 306), 6000 человек^[443]. Веллей Патеркул (II. 20. 5) пишет, что Цинна, нуждаясь в авторитете арпината, вызвал его из изгнания (*opus erat partibus auctoritate, cuius augendae gratia C. Marium cum filio de exilio revocavit quique cum iis pulsii erant*). Это так, по-видимому, лишь отчасти. Как следует из Аппиана, оснований не верить которому нет, опальный консул не вызвал Мария в Италию, а предложил союз уже после его высадки^[444], когда неизбежность альянса стала и так очевидной. По Плутарху, арпинат сам отправил предложение подчиниться Цинне как консулу (т. е. не признал законным его отрешение от власти), а тот, изъявив согласие, «назначил» Мария проконсулом (προσᾱγορεύσας αὐτὸν ἀνθύλατον) и прислал ему инсигнии

(ράβδους δέ καί τάλλα παράσημα τῆς ἀρχῆς ἀποστείλαντος), принять которые победитель кимвров, однако, отказался^[445]. Более того, он разыграл целый спектакль — явился к Цинне пешком, в рубище и нестриженный, демонстрируя трагизм своего положения (Plut. Mar. 41.6).

Плутарх рассказывает о том, как Серторий выступил против приглашения в войско Мария, то ли опасаясь ослабления своих позиций при Цинне, то ли боясь, что арпинат проявит себя слишком жестоким после победы. «Серторий говорил, что уже почти все сделано, что они и так уже добились победы (ελεγεν οὖν μικρόν εἶναι τό ὑπολειπόμενον ἐργον αὐτοῖς ἤδη κρατοῦσι), но если они примут Мария, их успех послужит на пользу его славе и могуществу, а он человек недоверчивый и неспособный делить власть с другими». Однако Цинна заявил, что не может отозвать свое приглашение, хотя и признает доводы Сертория основательными (Plut. Sert. fi. 1-5).

История эта^[446] выглядит достаточно странно, поскольку вряд ли такие решения Цинна принимал единолично, да и до прибытия Мария нельзя было говорить о том, что «уже почти все сделано». Крупномасштабные операции, в том числе и по блокаде Рима, начались уже после прибытия Мария (Katz 1976a, 335, п. 28), не говоря уже о том, что в биографии арпината Плутарх сам признает — после его присоединения к войску Цинны «все сразу же пошло по-иному (μεγάλην μεταβολήν τῶν πραγμάτων ἐποίησε)» (Mar. 42.1). Неудивительно поэтому, что рассказ Плутарха вызвал скепсис у ряда ученых^[447].

Вызывает вопрос, откуда стало известно об этой беседе Сертория с Цинной. Сомнительно, что нечто подобное обсуждалось при свидетелях — портить отношения с Марием Серторий вряд ли решился бы. Не особенно выигрышно выглядел в этой истории и Цинна. Не исключено, что явно симпатизировавший Серторию Саллюстий, который в данном случае вполне мог быть источником Плутарха, сконструировал этот рассказ так же, как и содержание беседы между Сципионом Эмилианом и Югуртой в шатре первого (Iug. 8.2). Это позволяло показать, что Серторий не только не был причастен к жестокостям Мария, но и пытался предотвратить их^[448].

Именно в это время на сцене появляется еще один видный политик — будущий коллега Цинны по консулату и крупнейший деятель его группировки Гней Папирий Карбон. Он стал играть виднейшую роль в мятеже — возможно, как опытный военачальник, если именно к нему относится упоминание о победе некоего Карбона над луканами^[449] — и возглавил один из корпусов антисенатских сил. Другим командовал сам

Цинна, третьим — Серторий, выдвинувшийся, очевидно, благодаря своим военным способностям, а также, возможно, активному участию в сходках при обсуждении законопроектов Цинны^[450]. Войско Цинны и Карбона стояло^[451] на западном берегу Тибра на *ager Vaticanus*, а Серторий, по-видимому, на восточном^[452].

Тем временем сенат вызвал из Пицена армию Помпея Страбона^[453], которая расположилась напротив корпуса Сертория. Однако Помпей не спешил вести активные действия, надеясь начать их лишь после того, как ему пообещают второе консульство (Veil. Pat. II. 21. 2). Скорее всего, имелось в виду разрешение сената баллотироваться заочно и без соблюдения 10-летнего интервала между консулатами, предусмотренного *lex Villia*. По словам эпитоматора Ливия, поддерживая обе стороны (*utramque partem fovendo*), Помпей Страбон позволил Цинне собраться с силами. Последнего можно было разгромить, если бы не коварство Помпея (а также нерасторопность консулов) (рег. 79). Одновременно Помпей вел переговоры с Марией и Цинной (Oros. V. 19. 10). По мнению Э. Бэдиана, он планировал стать консулом, не зная о союзниках Цинны — прежде всего, конечно, о Марии (Badian 1958, 239). Не исключено, что Помпей Страбон вел переговоры с Цинной еще до прибытия Мария, поскольку вряд ли он надеялся получить высшую магистратуру после появления арпината. Следует заметить, что у Помпея имелись связи с некоторыми влиятельными циннанцами, в частности с Луцием Юнием Дамасиппом, который в свое время был у него членом военного совета^[454], и с Гнеем Папирием Карбоном^[455]. Однако это ему не помогло — по-видимому, прибытие Мария смешало все карты^[456].

Примерно в это же время началась операция по блокированию Рима: Марий и Серторий с помощью наведенного через Тибр моста начали перехватывать суда, везшие в Город продовольствие (App. BC. I. 67. 307). С этой же целью Марий захватил и разграбил Остию^[457] (согласно некоторым источникам, в результате предательства^[458] со стороны некоего Валерия^[459]; не исключено, впрочем, что за такое приняли его неудачное сопротивление, тем более что Марий вполне мог отпустить его, памятуя о своих давних связях с Валериями Флакками^[460]). О каком-либо противодействии Марию извне источники не сообщают — по-видимому, сказывались неожиданность маневров Мария и нехватка сил у его врагов^[461].

Теперь осаждающие решились на удар по самому Риму. Согласно

Аппиану (BC. I. 68. 311-312), некий военный трибун Аппий Клавдий, чем-то обязанный Марию, который напомнил ему об этом, открыл перед его воинами ворота и впустил их на Яникул^[462]. Воины Мария захватили множество пленных и по его приказу перебили их. В этих условиях консул Октавий, получив 6 когорт подкрепления от Помпея Страбона, переправился через Тибр и нанес поражение отряду Милония^[463], причем последний погиб в бою, а подкрепление, посланное ему Серторием, было рассеяно. Яникул удалось отбить. Красс^[464] предлагал развить успех и начать преследование неприятеля, однако Помпей Страбон отговорил его (Gran. Lic. 18-19F). Следует отметить, что сам он перед этим вел бой с Серторием, похоже, не приведший к серьезным результатам. По всей видимости, именно это столкновение имеет в виду Орозий (V. 19. 10-11), рассказывая о битве между ними, которая была прервана лишь наступлением ночи и стоила жизни 600 воинам с обеих сторон^[465]. По словам Грания Лициниана (18-19F), «напрасно взад и вперед отправлялись гонцы, поскольку Цинна считал, что берет верх». Возможно, Цинна полагал этот участок второстепенным и потому считал достаточным, чтобы Серторий лишь удерживал врага. Похоже, положение последнего было не настолько тяжелым — не исключено, что он даже хотел перейти в наступление, в противном случае помощь ему наверняка была бы оказана во избежание прорыва.

Как считается, в этой битве продемонстрировал свое нежелание активно сражаться с циннанцами Помпей Страбон, который ограничился предоставлением Октавию лишь шести когорт (Miltner 1952, 2260), а затем отговорил его от преследования разбитого врага. Граний Лициниан (19F) утверждает, что Помпей хотел сначала добиться своего избрания в «магистраты» (*ne ante debellaretur, quam comitia conficerentur, ut eum magistratum ipse invaderet*), т. е. в консулы. Эта точка зрения принимается исследователями^[466]. Однако не исключено, что имели место и другие соображения: воины Помпея устали после боя с Серторием, а затем и с Марием на Яникуле (если, конечно, они в нем участвовали); кроме того, при преследовании можно было столкнуться со свежими резервами врага. Армия была важнейшим орудием Помпея Страбона в борьбе за власть, и логично предполагать, что он считал неразумным так сильно рисковать ею. Любопытно, что Граний Лициниан, консулу 89 г. явно не симпатизировавший, не сообщил прямо, что последний просто *отказался* наступать — такой невыгодный для того факт наверняка был бы им упомянут. Иными словами, Октавий мог счесть аргументы Помпея вполне

рациональными.

Потерпев неудачу на Яникуле, Марий вновь занялся опустошением окрестностей Рима, явно ведя дело к блокаде Города — его войска захватили Антий, Арицию, Ланувий, причем некоторые пункты, как уверяет Аппиан, в результате измены (προδιδόντων τινών) (BC. I. 69. 313; Liv. Per. 80; Oros. V. 19. 19). Примечательно, что, в отличие от Пренесты и Тибура, эти города не поддержали Цинну и Мариа — причем, по-видимому, достаточно решительно, судя по отсутствию сведений о попытках последних переманить их на свою сторону. По всей видимости, ни Цинна, ни Марий не имели там достаточных связей и не могли предложить этим городам уступок, которые подвигли бы их проявить лояльность.

Другое марианское войско нанесло поражение сенатским силам под Аримином, многие неприятельские воины сдались в плен, а сам город был взят победителями (App. BC. I. 67. 308; Gran. Lic. 20F). Ими командовал Марий, в котором обычно видят Мариа Гратиана, или Мариа Младшего, а в его противнике Сервилии — Публия Сервилия Ватия, впоследствии прозванного Исаврийским^[467]. Так или иначе, пути из Цизальпинской Галлии в Рим теперь, по-видимому, полностью перешли в руки Цинны и Мариа. Вокруг Рима все туже стягивалось кольцо блокады. В Городе начался голод; возникла опасность народных волнений (App. BC. I. 67. 308; 69. 316).

Сенат, чтобы хоть как-то усилить свои армии и, видимо, перехватить у неприятеля инициативу в италийском вопросе, объявил о даровании *ius Romanum* дедитициям^[468], однако они послали на защиту Рима всего лишь 15 или 16 (в зависимости от чтения) когорт (Gran. Lic. 21F). Вероятно, о той же мере сообщает и эпитоматор Ливия (per. 80): *Italicis populis a senatu civitas data est*. Об этом говорится еще до упоминания союза самнитов с Цинной и Марием, тогда как у Грания Лициниана (20-21F) порядок событий обратный. По мнению Ч. Летты, правдоподобнее вариант эпитоматора Ливия, поскольку вряд ли сенат, остро нуждавшийся в помощи, стал бы задерживать дарование гражданских прав дедитициям до соглашения с самнитами, заключение которого требовало времени. Э. Бисфэм же допускает несколько возможностей: или сенат просто утвердил уже дарованные права гражданства бывшим повстанцам, или распространил таковые на некоторые из групп дедитициев, еще их не получивших, или эпитоматор, «ужав» события, дал неточное их описание. Непонятно, на что рассчитывал сенат, обращаясь к дедитициям со столь

запоздалым призывом^[469].

Patres также отправили к Метеллу Пию в Самний в качестве послов Катулов и Антония^[470] с указанием заключить мир с самнитами, война против которых не закончилась. Однако те выдвинули весьма жесткие условия: права гражданства для себя и находившихся у них римских перебежчиков; возвращение захваченной у них добычи и сохранение за ними той, которую они захватили сами; возвращение перебежчиков и дезертиров (*Gran. Lic.* 20-21F). Вполне возможно, что сенат не был против дарования самнитам гражданства, которое получили уже даже дедитиции, однако упомянутые дополнительные условия (о пленниках, перебежчиках, добыче) сильно напоминали требования победителей к побежденным. Узнав о них, Метелл Пий и приехавшие к нему сенаторы отказались идти на соглашение. Тогда это сделал Цинна, который прислал Фимбрию^[471], и тот заключил договор с самнитами на предлагавшихся ими условиях^[472]. Сведений об их участии в осаде Рима нет (Lovaño 2002, 40). Но такая задача на тот момент, по-видимому, и не ставилась: вероятно, главной своей целью в данном вопросе Цинна и Марий считали предотвращение союза самнитов с их противниками и нейтрализацию войск сената в Самнии. Метелл, судя по всему, именно тогда двинулся на помощь Риму. Операции против самнитов продолжил Плавтий, который вскоре потерпел от них поражение и погиб (*Liv. Per.* 80)^[473].

Положение становилось для защитников Рима все более трудным. В этих условиях Помпей Страбон решил возобновить переговоры с осаждающими. Он, как пишет Граний Лициниан (21F), «хотя и видел, что сенат враждебно относится ко всем изгнанникам и в особенности к Цинне и его намерениям, тем не менее предложил принять отправленных Цинной послов, обеспечив им безопасность (*tuto reciperentur*), и тайно обсуждал свои планы с Цинной, скрывая это от Октавия». Темой переговоров был, вероятно, вопрос о доле власти Помпея в случае его перехода на сторону осаждающих, однако детали неизвестны. По мнению М. Гельцера, командующий пиценской армией добивался отстранения Мария, желая занять его место в лагере противников сената (Geizer 1942, 19). Если это так, то он был слишком наивен: Марий пользовался таким влиянием, что рассчитывать на его отстранение путем тайного соглашения не приходилось. Вполне возможно, впрочем, что Помпей добивался сохранения за собой «лишь» проконсульства и командования пиценской армией. Не исключено, что переговоры могли закончиться каким-то позитивным результатом. Однако началась эпидемия, которая унесла

жизни, если верить источникам, 11 тысяч солдат Помпея и 6 тысяч — Октавия^[474].

По-видимому, именно тогда в лагере Помпея Страбона произошло то, о чем рассказывает Плутарх в биографии его сына. Некий Луций Теренций, контубернал юного Помпея^[475], подкупленный Цинной, должен был убить сына полководца, а его сообщники намеревались поджечь палатку Страбона. Но юного Гнея вовремя предупредили, и покушение не удалось — его собственную палатку изрубили мечами, но Гней заранее покинул ее, а у палатки командующего была поставлена надежная охрана. Между тем «в лагере поднялась суматоха, и воины, горя ненавистью к своему полководцу и подстрекая друг друга к мятежу, начали разбирать палатки и братья за оружие. Сам полководец, испугавшись шума, не выходил из палатки. Напротив, Помпей открыто появился среди воинов, с плачем умолял их не покидать отца и, наконец, бросился ничком на землю перед воротами лагеря. Там он лежал и, проливая слезы, просил уходящих воинов растоптать его ногами. Воины, устыдившись, возвращались, и таким образом все, кроме восьмисот человек, изменили свое намерение и примирились с полководцем» (Plut. Pomp. 3).

Этот рассказ вызывает немало вопросов. Почему воины, только что расправившиеся с Помпеем Руфом, который должен был перенять командование у их полководца, вдруг стали испытывать к последнему ненависть (μισοί του στρατηγού)? Почему Помпей Страбон, прошедший через множество сражений, спрятался в палатке, испугавшись шума (ὁ μὲν οὖν στρατηγός οὐ προίει δεδίως τον θόρυβον)? Неужели в суматохе уговоры младшего Помпея могли быть услышаны несколькими тысячами воинов? Да и имела ли место вообще попытка убийства полководца и его сына?

Что касается первого вопроса, то Х. Айгнер, не вдаваясь в подробности, пишет просто о переменчивости настроений воинов (Aigner 1974, 151). Р. Сигер, напротив, сомневаясь в достоверности многих деталей рассказа Плутарха, резонно указывает: «Представляется невероятным, чтобы люди, которые только что убили Руфа ради сохранения командования за Страбоном, стали бунтовать против него, не имея на то серьезных причин»^[476]. О таких обычно словоохотливый Плутарх на сей раз умалчивает — возможно, для него само собой подразумевалось, что воины не могли хорошо относиться к своему военачальнику, которого ненавидели едва ли не все римляне^[477]. Ошибочность такого подхода вряд ли нуждается в доказательствах.

Что касается второго и третьего вопросов, то они взаимосвязаны. Как

верно заметил Б. Р. Кац, Помпей «Страбон был не таким человеком, чтобы прятаться у себя в палатке»^[478], роль же его сына в источнике явно преувеличена^[479]: если бы не он, дает понять Плутарх, то и командующий^[480] мог быть убит, и его армия перешла бы на сторону неприятеля, даже останься он жив. Но (тут мы переходим к четвертому вопросу) имела ли место в действительности попытка убийства?

Долгое время достоверность сообщения о такой попытке не вызывала сомнений. Однако Т. Хиллмен указал на то, что связи с Цинной Помпея Страбона и его сына заставляют отказаться от мысли, будто Цинна хотел организовать их убийство; а мятеж мог произойти ввиду недовольства воинов двойственной позицией командующего, кровопролитной битвой за Яникул и начавшейся эпидемией. Переход на сторону неприятеля 800 человек свидетельствует о недовольстве, существовавшем в армии^[481].

Доводы Т. Хиллмена представляются по большей части убедительными, и с их учетом картина видится следующей. Поскольку Помпей Страбон также заболел и для принятия командования уже прибыл Кассий^[482] (Gran. Lic. 22F), в лагере, видимо, прошел слух о смерти полководца, распространявшийся упомянутым Теренцием (он же мог уговаривать воинов перейти на сторону врага). Нельзя полностью исключить и неудачное покушение, хотя оно кажется ненужным, учитывая состояние командующего. Почему многие воины поверили слухам и выказали готовность сменить фронт, понятно — перевес уже явно был на стороне Цинны и Мария. Однако Помпей Страбон сумел собраться с силами и выйти к воинам, что переломило ситуацию. Поведение его сына, вполне возможно, описано Плутархом достоверно, но роль Помпея-младшего у него сильно преувеличена. Иными словами, речь шла не столько о мятеже против командующего, каковым считают случившееся, помимо Т. Хиллмена, многие другие ученые^[483], сколько о попытке перейти на сторону неприятеля в условиях, когда полководца сочли умершим. Измена 800 человек, среди которых оказалось несколько членов *consilium* Помпея^[484], свидетельствует о некотором недовольстве в его армии и/или о неверии в успех некоторых солдат и командиров, но в целом войско сохранило верность полководцу^[485]. Были ли причастны к этой попытке Цинна или Марий, сказать сложно, хотя исключить такую возможность, конечно, нельзя.

Сам Помпей Страбон на третий день после прибытия Кассия умер. Многие источники сообщают о его гибели от удара молнии^[486], а Граний

Лициниан (22F) пишет сначала об этом ударе^[487], а затем о кончине Страбона от болезни^[488]. Веллей Патеркул (II. 21. 4) сообщает о смерти полководца в результате эпидемии (*pestilentia*), не упоминая о молнии^[489]. Однако, как полагал еще Т. Моммзен, выражение *adflatus sidéré*, встречающееся у Обсеквента (Prod. 56a) в связи со смертью Помпея, означало у Ливия, его источника, «пораженный моровой язвой», а не молнией, как неверно поняли более поздние писатели (Моммзен 1994, 226, прим. 1). И хотя такая трактовка оспаривалась (Dieckmann 1896, 91-96), вряд ли можно сомневаться, что умер полководец именно от болезни^[490]. Версия об ударе молнии (каре небес) восходит к враждебной ему традиции, которая стала господствующей из-за неприязни большинства римлян к Помпею Страбону (Hillard 1996, 135-145), чье тело во время похорон подверглось осквернению (см. ниже, с. 409-410).

По-видимому, только теперь к Риму подошло войско Метелла Пия^[491]. Плутарх пишет, что под его начало стали проситься воины Октавия, считавшие последнего не слишком способным командиром, однако Метелл приказал им идти под знамена консула, в результате чего солдаты перешли на сторону неприятеля (Mar. 42.5-6). Хотя в источнике и не сказано, что это были воины Помпея Страбона^[492], речь идет, скорее всего, о них^[493] — ведь именно они остались без командующего и могли не воспринимать всерьез мало чем прославившегося Октавия, чего нельзя сказать о герое Союзнической войны Метелле Пие.

Тем временем враждующие армии (Цинна, Марий, Карбон и Серторик против Октавия, Метелла и Красса) выстроились примерно в 100 стадиях от Города у Альбанской горы (App. BC. I. 69. 515), или, возможно, близ Ариции, недавно захваченной Марием^[494]. К Цинне и Марию, будто бы по призыву первого, обещавшего им волю (см. ниже, с. 433-435), массами устремились городские рабы (App. BC. I. 69. 316; de vir. ill. 69.1). Когда же совет освободить городских рабов в обмен на их участие в обороне Рима дали Октавию, он отказался (Plut. Mar. 42.4).

По-видимому, именно тогда Метелл Пий повел своих солдат против Цинны и столкнулся с неприятной ситуацией: воины с обеих сторон неожиданно начали приветствовать друг друга (*milites repente vexillis totis clamoris exercitum Cinnae salutant et resalutantur*). После этого Метелл отвел своих людей в лагерь, опасаясь братания и развала армии (*territus re nova*), хотя Красс и уговаривал его дать сражение Цинне, а затем отправился к последнему в числе других послов сената^[495]. Он признал его консулом (ὠνόμασε στρατηγόν), а в ответ на это Октавий обвинил Метелла в измене.

Марий же стал упрекать Цинну, что тот упускает дарованный богами шанс на победу (Diod. XXXVIII. 2). Вскоре Метелл покинул Рим, «отчаявшись (ἀπογνοῦς)» спасти его (Plut. Mar. 42.6).

Исследователи по-разному оценивают поведение Метелла Пия. Б.Р. Кац считает, что тот, подобно Помпею Страбону, имел виды на консульство, и обвинения Октавия в его адрес могли быть вполне обоснованными. Г. Беннет же полагает, что Метелл, занимая компромиссную позицию, следовал единственно правильным курсом^[496]. Его вялость как будто свидетельствует в пользу гипотезы Б.Р. Каца, но из-за отсутствия данных в источниках ее можно лишь принять к сведению. Что же касается суждения Г. Беннета, то здесь стоит задаться вопросом: единственно возможным курсом для кого? Обычно историки ограничиваются констатацией сообщения Диодора о недовольстве переговорами со стороны Октавия и Мария, *de facto* признавая их неудачными для дела примирения^[497]. Если говорить о примирении сената с Цинной и Марием — безусловно. Но оно ли беспокоило Метелла? Мимо внимания исследователей проходит то немаловажное обстоятельство, что ему никто не воспрепятствовал покинуть окрестности Рима и до 84 г., т. е. в течение двух или даже трех лет оставаться в Африке, пока его не вытеснил оттуда марианский наместник Г. Фабий Адриан (Liv. Per. 34; см. ниже, с. 323 -325)^[498]. В этом контексте становится понятно, почему Марий обвинил Цинну в неспособности использовать имевшиеся возможности (этот вопрос, насколько известно, не служил еще предметом обсуждения в историографии). Не за то ли, что Метелл Пий признал Цинну консулом? Речь, несомненно, шла о дальнейшей судьбе самого Метелла. Не исключено, что арпинат добился ужесточения условий соглашения с сыном своего покойного *inimicus*, но в любом случае тот сохранил и свободу, и войско, а тем самым и возможности для дальнейшей борьбы^[499].

Таким образом, «Цинна продемонстрировал готовность идти на соглашение с людьми, которых не считал непримиримыми [врагами]» (Keaveney 1987, 185). Но почему он пошел на такие уступки? Только ли в желании избежать ненужных потерь было дело? Б. Р. Кац указывает на семейные связи между Цинной и Метеллом Пием: Метелл Нумидийский состоял в дружеских отношениях с Гнеем и Луцием Агенобарбами, отцом и дядей зятя Цинны Гнея Домиция Агенобарба^[500]. Это обстоятельство заслуживает внимания. Но есть и другой факт, насколько известно, еще не привлекавший к себе внимания исследователей: во время Союзнической войны Цинна вместе с Метеллом Пием участвовал в операциях против

марсов, которые в итоге вынуждены были пойти на мир (Liv. Per. 76: Marsi quoque a L. Cinna et Caecilio Pio legatis aliquot proeliis fracti petere pacem coeperunt)^[501]. После этого становится куда более понятной низкая боевая активность Метелла Пия, нежелание его воинов сражаться с солдатами Цинны и последующее соглашение между обоими полководцами^[502].

Так или иначе, после перехода значительной части армии Помпея Страбона на сторону Цинны, отступления Метелла Пия и гибели множества воинов от эпидемии, не говоря уже о нараставшем голоде, положение Города стало отчаянным, последний бой этой кампании, имевший место между воинами П. Красса и Г. Фимбрии, закончился поражением первого^[503]. Кое-кто из сенаторов бежал к осаждающим (Liv. Per. 80). В этих условиях *patres*, опасаясь помимо прочего волнений бедноты, обратились к Цинне с просьбой о перемирии. Однако, согласно Аппиану (BC. I. 69. 316-317), тот предложил прежде уточнить свой статус: считают они его консулом или частным лицом? У Диодора Цинна заявляет, что в качестве частного лица входить в Город не желает (XXXVIII. 1); так или иначе, ясно, что он требовал восстановить его в должности консула^[504]. Послы отправились выяснять позицию сената, а Цинна тем временем придвинул войска совсем близко к Городу, «на расстояние полета стрелы» (ἐπλησίαζε καὶ ἀποσχὼν ὅσον βέλους ὀρμὴν ἐστρατοπέδευεν, ἀπορούντων ἐπὶ καὶ δεδιότων) — очевидно, чтобы поторопить *patres* с положительным ответом (App. BC. I. 70. 318). Сенаторам пришлось принять условие Цинны, и Мерула сложил с себя полномочия консула^[505]. Новое посольство обратилось к Цинне как к консулу, прося его поклясться не устраивать резни. Цинна от принесения клятвы отказался, «а обещал только, что по своей воле он не будет виновен в убийстве хотя бы одного человека (ὁ δὲ ὁμόσαι μὲν οὐκ ἤξιωσε, ὑπέσχετο δὲ καὶ ὡδὲ ἐκὼν οὐδενὶ σφαγῆς αἰτίος εἶσεσθαι). Октавию же, который по обходным дорогам через другие ворота вошел в Город, Цинна советовал не попадаться ему на глаза, чтобы с ним не случилось чего-либо против воли Цинны»^[506]. Правда, чуть ниже Аппиан сообщает, будто Цинна и Марий гарантировали Октавию безопасность (Οκταουίῳ δὲ Κίννας μὲν καὶ Μάριος ὀρκους ἐπέλεμψεσαν, καὶ θύται καὶ μάντις οὐδεν)^[507], что представляет собой, в лучшем случае, неточность в выражениях^[508], а то и просто домысел их врагов^[509]. Очевидно, Аппиан воспроизвел две различных версии, не согласовав их.

Марий официально в переговорах участия не принимал, однако присутствовал на встрече, всем своим мрачным видом демонстрируя, по словам Аппиана (BC. I. 70. 322), «какая ожидается резня» (πόσον ἐργάσεται

φόνον)^[510]. Тем не менее в выработке решения он наверняка участвовал, но, с другой стороны, вряд ли продиктовал условия, которые Цинна лишь принял (ἐπιγράφεισθαι). Аппиан, как уже говорилось, явно стремится приуменьшить его роль по сравнению с ролью Мария. Высказывалась точка зрения, что арпинат не участвовал в переговорах в силу своего не только формально, но и фактически подчиненного положения^[511]. Отчасти это подтверждается соглашением с Метеллом Пием, когда Цинна не принял в расчет возмущение Мария. Тем не менее игнорировать мнение столь прославленного полководца и влиятельного политика было небезопасно, особенно учитывая и его характер, и имевшиеся у него возможности.

Сенат принял условия осаждающих, и они вступили в Город. Марий, однако, заметил, что как изгнанник не может войти туда, и решение об объявлении арпината^[512] *hostis* было немедленно отменено. Теперь померий пересек и он — вероятно, на следующий день после Цинны^[513].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

События 87 г. знаменовали новый виток гражданской войны. И вновь в центре конфликта оказался италийский вопрос. Если в 88 г. сенат и народ в целом достаточно лояльно отнеслись к законопроекту Сульпиция, то попытка реанимировать его вызвала совсем иные настроения, и предпринявший ее Цинна потерпел полное поражение, несмотря на поддержку италийцев. Характерно также, что он вообще решился сделать ставку на них, и остается лишь гадать, что заставило его столь сильно рискнуть; похоже, он не рассчитывал на союз с Марием, чья поддержка сыграла значительную роль в победе. Иными словами, Цинна, как и Сулла, проявил изрядную долю авантюризма. Примечательно, с одной стороны, относительное единение сената и народа, а с другой — достаточно активное участие рабов в борьбе, не наблюдавшееся ни до, ни после этого раунда гражданской войны. Победа врагов Суллы сделала неизбежным третий этап *bellum civile*.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

TRIENNIUM SINE ARMIS:

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РИМЕ
И ИТАЛИИ В КОНЦЕ 87 — НАЧАЛЕ 83
ГГ.**

CAEDES MARIANA

Взятие Рима войсками Цинны и Мария ознаменовалось первой в истории Рима кровавой «операцией» в отношении представителей нобилитета без санкции сената. Именно эта акция стала определяющей в оценке Мария и Цинны в литературе последующих веков, а отчасти и в историографии нового и новейшего времени. Как же развивались события?

Диодор (XXXVIII. 4. 1) пишет, что победители перед вступлением в Рим приняли решение убить всех наиболее выдающихся из числа своих врагов (τοὺς ἐπιφανεστάτους τῶν ἐχθρῶν... πάντας ἀποκτείναι). По-видимому, речь шла о том, что у Мария, Цинны и их приверженцев были свои пожелания, и они обсуждали с товарищами, насколько допустимо их исполнение.

Саму расправу античные авторы описывают с рядом существенных расхождений. Вот что рассказывает Аппиан: «Тотчас же рассыпались во все стороны сыщики и стали искать врагов Мария и Цинны из числа сенаторов и так называемых всадников. Когда погибали всадники, дело этим и кончалось. Зато головы сенаторов, все без исключения, выставлялись перед ораторской трибуной. Во всем происходившем не видно было ни почтения к богам, ни боязни мести со стороны людей, ни страха перед мерзостью таких поступков. Мало было того, что поступки эти были дикие; с ними соединились и безнравственные картины. Сначала людей безжалостно убивали, затем перерезывали у убитых уже людей шеи и, в конце концов, выставляли жертвы напоказ, чтобы устрашить, запугать других, или просто, чтобы показать нечестивое зрелище (κατάπληξις ἢ θέαν ἀθέμιστον)» (BC. I. 71. 330-331).

А вот описание Диона Кассия: «Марий и его люди ворвались в Город с остальными войсками через все ворота сразу; они заперли их, чтобы никто не мог уйти, а затем стали без разбора убивать всех, кто им ни встречался, но обращались со всеми как с врагами. Особенно старались они уничтожить тех, кто обладал каким-либо имуществом (τοὺς τι ἔχοντας... χρημάτων), ибо жаждали богатства. Они подвергали бесчестью детей и женщин, словно поработили чужеземный город. Головы виднейших [граждан] (τῶν ἐλλογιστώτατων) выставляли на рострах» и т. д. «Резня (σφαγαί) продолжалась пять дней и столько же ночей» (fr. 102. 8-9, 11).

Валерий Максим (IV. 3. 14; V. 3. 3; VI. 9. 14) пишет о марианских и циннанских проскрипциях (!), утверждая, что злодеяния Мария

заслуживают большего осуждения, чем победы — похвалы (IX. 2. 2). Евтропий доходит до того, что не только именуется проскрипциями марианскую «чистку», но и не упоминает о сулланской (V. 7. 3).

Любопытно, что в более подробных рассказах Плутарха и Аппиана многие из этих подробностей не встречаются. Нет сведений ни о пяти днях, ни о том, что Город был заперт, ни об избиениях всех попадавших под руку. Что же конкретно сообщается об убийствах?

Первым был убит победителями Гней Октавий. Несмотря на уговоры друзей и воинов скрыться, он остался на Яникуле, который прежде столь удачно оборонял от войск неприятеля. Он облачился в парадное одеяние и сел в курульное кресло, окруженный отрядом солдат, ликторами и некими «знатнейшими лицами (δυνάστες μετὰ τῶν ἐπιφανεστάτων καὶ τίνας ἐτι καὶ στρατοῦ)». Затем появился Цензорин^[514] с несколькими всадниками. Он отсек не двинувшемуся с места консулу голову и отнес «трофей» Цинне^[515], после чего голову выставили на форуме перед рострами, причем указано, будто бы такое было сделано впервые, но потом вошло в обычай (BC. I. 71. 325-329)^[516]. При этом ничего не сообщается о находившихся с Октавием ликторах, воинах и «знатнейших» лицах: неясно даже, оказали ли они сопротивление или бежали. Вполне возможно, что в большинстве своем, не желая погибать вместе с упрямым консулом, они покинули его, когда он отказался уйти из Города^[517], а те, кто все же остался, были немедленно перебиты всадниками Цензорина.

Весьма красочно описана в источниках гибель Антония Оратора^[518]. Он прятался у друга; тот решил подавать ему лучшие сорта вин, и раб, покупавший их, в порыве откровенности рассказал обо всем продавцу вина, а тот донес Марию. Арпинат якобы сам хотел отправиться к убежищу бывшего друга, но его удержали, и «операция» была поручена военному трибуну П. Аннию. Воины залезли в запертый дом по лестницам, тогда как их командир остался ждать внизу. Поскольку дело затянулось, то он пошел узнать о причинах этого и увидел, как солдаты внемлют речи Антония, не решаясь убить его. Тогда Линий без лишних слов отрубил голову консуляру^[519] и доставил ее Марию, который будто бы поставил ее на пиршественный стол^[520]. Однако обращает на себя внимание то, что современник событий Цицерон не упоминает о «риторических» обстоятельствах смерти Антония^[521], а ответственным за нее считает не Мария, а Цинну^[522].

Жертвами репрессий также стали отец и сын Публии Лицинии

Крассы^[523]. В рассказах источников об их гибели налицо серьезные расхождения. По словам Аппиана, «Красс, преследуемый вместе с сыном, во время преследования успел убить сына, сам же был убит преследователями» (BC. I. 72. 332). Здесь александрийский писатель допускает явную ошибку^[524]: современник событий Цицерон трижды сообщает, что Красс-отец покончил с собой (Sest. 48; Scaur. 1.2; De or. III. 10), сын же, по словам эпитоматора Ливия, погиб от рук всадников Фимбрии (Liv. Per. 80). Эти сообщения представляются более достоверными^[525]. Судя по всему, Аппиан либо неправильно понял свой источник, либо сохранил для нас экзотическую версию, призванную поразить воображение читателей^[526].

В источниках называются и другие жертвы Мария и Цинны: братья Гай Юлий и Луций Юлий Цезари^[527], Атилий Серран, Публий Корнелий Лентул, Гай Нумиторий, Марк Бебий, которых убили, по словам Аппиана (BC. I. 72. 332), при бегстве (έν όδώ καταλτβφθέντες άνηρέθησαν).

Особый интерес представляет гибель претория Квинта Анхария. Согласно Плутарху, его «повалили наземь и пронзили мечами только потому, что Марий при встрече не ответил на его приветствие (έκ δε τούτου καί των άλλων, όσους άσπασαμένους μή προσαγορεύσειε μηδ' άντασπάσαιτο). С тех пор это стало служить как бы условным знаком: всех, кому Марий не отвечал на приветствие, убивали прямо на улицах, так что даже друзья, подходившие к Марию, чтобы поздороваться с ним, были полны смятения и страха» (Mar. 43. 5-6)^[528]. Иначе описана эта ситуация у Аппиана: «Анхарий поджидал Мария в то время, когда тот собирался приносить жертву на Капитолии. Анхарий надеялся, что храм послужит ему местом примирения его с Марием. Но тот, начав жертвоприношение, приказал стоявшим около него умертвить тотчас же на Капитолии Анхария, когда тот подходил к нему и собирался его приветствовать» (BC. I. 73. 337).

Т. Ф. Кэрни, изучив описание этого эпизода в источниках, пришел к таким выводам: Анхария привели на Капитолий для казни, но он, рассчитывая, что Марий во время жертвоприношения в день вступления в должность^[529] постарается избежать дурных знамений и дарует ему жизнь, обратился к нему, надеясь на пощаду^[530]. Однако Марий не ответил на приветствие Анхария, ограничившись лишь приказом палачам действовать^[531]. Убийства же тех, на чьи салютации арпинат не отвечал, — очевидный домысел, никакими примерами в источниках не подтверждаемый^[532].

Если в отношении Анхария дата его гибели, 1 января 86 г., лишь предположение, хотя и очень вероятное, то с сенатором Секстом Лицинием нет никаких сомнений: в отношении его прямо указывается, что он был сброшен со скалы (несомненно, с Тарпейской) в иды января^[533]. У Веллея Патеркула сообщается также о расправе плебейского трибуна Попилия Лената с трибуницием Секстом Луцилием, которого иногда считают тем же лицом, что и Лициний^[534]. Ф. Мюнцер полагает, что правильное имя — Секст Луцилий, ибо для Лициниев преномен «Секст» не характерен. Однако Э. Бэдиан считает, что невозможно установить, какое из этих двух имен правильно, ибо трибун 138 г. звался именно Текстом Луцилием, а потому возможны оба варианта^[535]. Стоит заметить, что у Плутарха номен передан неточно — Λουκίννῳ, и допускает оба варианта толкования. С одной стороны, оснований для их отождествления недостаточно, с другой же — сообщение вообще весьма темное и путаное. Казнь отнесена ко времени, когда Фимбрия стал командующим армией вместо убитого им Валерия Флакка, что подразумевает 85 г., но контекст говорит в пользу 86 г.^[536] Вполне возможно, что путаница произошла и с именем. К тому же об убийстве сразу двух трибунов^[537], да еще в самом начале года, сообщает Дион Кассий (fr. 102.12), причем один из них был сброшен с Капитолия, т. е. с той самой Тарпейской скалы. Все это позволяет предполагать, что под Лицинием и Луцилием имеется в виду один и тот же человек.

Таким образом, кое-кого из должностных лиц убили лишь после того, как миновал срок их магистратур, что немного облегчало в юридическом смысле расправу с ними^[538], ибо действующие магистраты наказанию не подлежали. Это может показаться странным на фоне бессудного убийства Октавия, однако, как продемонстрировали случаи отказа Мария сначала принять проконсульские инсигнии от Цинны, а затем вернуться в Рим до отмены направленного против него решения, арпинат предпочитал соблюдать законность там, где это не мешало делу. С аналогичным случаем, очевидно, мы имеем дело и здесь. Что же касается Октавия, то его кончина могла рассматриваться как гибель в бою.

Умерщвлением иногда дело не ограничивалось. Труп Цезаря Страбона протащили по улицам Рима до могилы плебейского трибуна 90 г. Квинта Вария, обвинителем которого он, видимо, выступал в свое время, и надругались там над телом убитого^[539]. Бебию и Нумиторию растерзали внутренности, волокли их крюками и затем разорвали в клочья^[540]. Голову Антония Оратора Марий, как уже говорилось, будто бы поставил на свой пиршественный стол (Val. Max. IX. 2. 2; Lucan. II. 121-124; Flor III. 21. 13).

Дион Кассий (fr. 102. 12) уверяет, будто голову одного из убитых им плебейских трибунов Марий Младший отослал консулам, т. е. своему отцу и Цинне.

Единственным из тех, кого собирались убить победители, но кто сумел спастись, оказался Корнут^[541]. Его рабы сожгли тело другого человека и заявили преследователям, будто их хозяин покончил с собой. Корнут нашел убежище в Галлии (App. BC. I. 73. 336; Plut. Mar. 43.10).

Если в отношении указанных лиц о каких-либо официально предъявленных им обвинениях и тем более процессах над ними ничего неизвестно, то Луция Корнелия Мерулу и Квинта Лутация Катула вызвали в суд^[542]. Первого можно было обвинить в незаконном занятии консульской должности^[543], а против второго, как полагают, поводов для обвинения и суда не имелось^[544], разве что его участие в посольстве к Метеллу Пию с просьбой поспешить под стены Рима, чтобы защитить его от Цинны^[545]. Однако Аппиан, упоминая о выступлении Катула в поддержку декрета об изгнании Мария (BC. I. 74. 341), хотел не просто поведать об одном из примеров обоюдной вражды^[546], но и назвать причину обвинения. А ведь соответствующее постановление, направленное против отнюдь не одного только арпината, являлось, в сущности, незаконным, и повлекло за собой убийство плебейского трибуна (Публия Сульпиция), т. е. речь здесь вполне могла идти о смертном приговоре. По-видимому, Мерулу и Катула вызвали в суд по той простой причине, что для возбуждения против них обвинения имелись веские основания, чего, похоже, нельзя было сказать о других жертвах репрессий^[547]. Однако и этим двум рассчитывать на беспристрастный процесс явно не приходилось^[548].

Обвинение предъявил племянник полководца, плебейский трибун Марк Марий Гратидиан^[549]. Процесс, очевидно, должен был носить характер *iudicium populi* с троекратным вызовом обвиняемого (*anquisitio*), а обвинение, если таковое выдвигалось, — форму *perduellio*^[550]. Цицерон и Плутарх рассказывают, что Мария просили пощадить Катула^[551], но на все уговоры следовал неизменный ответ: «Он должен умереть (*morietur*)!» (Cic. Tusc. disp. V. 56; Plut. Mar. 44.8). Произносилась эта фраза в действительности или нет, не столь уж важно — приговор явно был predetermined заранее^[552]. Не желая подвергать себя психологической пытке, Катул предпочел ускорить неизбежный конец — заперся у себя в доме, разжег угли в очаге и задохнулся в дыму (Plut. Mar. 44.8; App. BC. I. 74. 342; Diod. XXXVIII. 4. 3; Veil. Pat. II. 22. 44; Val. Max. IX. 12. 4). Мерула

вскрыл себе вены, перед тем оставив записку, что предварительно снял головной убор фламина (арех), ибо жрецу Юпитера не подобало уходить из жизни в нем (App. BC. I. 74. 342)^[553]. После него место *flamen Dialis* оставалось вакантным до 11 г. (Tac. Ann. III. 58. 2; Dio Cass. LIV. 36 1).

Масштабы марианских репрессий были намного скромнее, чем можно заключить на основании риторических пассажей античных авторов. В целом данные источников не дают оснований называть марианские репрессии 87—86 гг. резней (*massacre*)^[554]. Нам известны имена максимум 16 человек, погибших в 87—86 гг. в результате марианской «чистки». Таковыми являются Гней Октавий, Марк Антоний, Луций Юлий Цезарь, Атилий Серран, Публий Корнелий Лентул, Гай Юлий Цезарь Страбон, Марк Бебий, Квинт Анхарий, Гай Нумиторий, отец и сын Публии Лицинии Крассы, Квинт Лутаций Катул, Луций Корнелий Мерула, Секст Лициний, Секст Луцилий, Фимбрия^[555]. Э. Бэдиан не включает в свой список Октавия, Мерулу и Фимбрию, а Лициния и Луцилия считает одним лицом^[556]. Если вычесть двух последних, получаем 14 человек, о которых пишут и другие авторы^[557]. По мнению К. М. Балета (пожалуй, слишком уж оптимистичному), число жертв не могло намного превышать упомянутую цифру в 14 человек^[558]. Однако, хотя это наверняка не так, — погиб и кое-кто из простолудинов^[559], — нельзя не признать, что, как выразился Г. Беннет, «дух и методы сулланских проскрипций полностью отсутствовали». Несомненно, впоследствии сулланская пропаганда преувеличила масштабы марианской «чистки», чтобы опорочить ненавистного «выскочку», а заодно оправдать куда более кровавые проскрипции^[560]. По сравнению с расправой, учиненной незадолго до этого Суллой, ограничившегося объявлением вне закона 12 человек, из которых погиб лишь один (правда, плебейский трибун — лицо священное и неприкосновенное), это было куда более кровавой «операцией». Тем не менее Октавий и стоявшие за ним силы представляли не Суллу, а потому о сравнении с ним говорить не приходится — Октавий и его люди учинили бойню сторонникам Цинны, которая стоила жизни явно не одной сотне людей (см. выше), а также незаконно отрешили от власти консула. С другой стороны, среди уничтоженных в ходе марианских и циннанских расправ погибло не меньше четырех сенаторов консульского достоинства — Октавий, Мерула, Катул, Красс, а также, возможно, Атилий Серран^[561] (если верна его идентификация как консула 106 г.), случай в истории Рима беспрецедентный^[562]. Это, а также отсутствие санкции со стороны сената

(и к тому же направленность явно не в пользу его интересов) делало репрессии 87—86 гг. в глазах многих особенно жестоким и возмутительным преступлением^[563].

Не вполне понятны причины гибели некоторых из названных лиц. С Октавием и Крассом, как руководителями обороны, все понятно. Предположительные причины несостоявшегося суда над Катуллом и Мерулой указаны выше. В отношении Бебия (Тамфилк?)^[564] высказывалось предположение, что он плебейский трибун 103 г., возражавший против законопроекта о наделении землей ветеранов Мария в Африке^[565], однако это не очевидно^[566], хотя и является наиболее убедительным объяснением.

Об участии Антония в обороне Рима неизвестно, хотя это может быть результатом скудости источников; они сообщают о нем лишь как об одном из послов сената к Метеллу, что не является слишком тяжким прегрешением. Э. Бэдиан выдвинул версию, что и он, и некоторые другие жертвы «чистки» в свое время входили в группу сторонников Мария, а затем Антоний отступился от арпината и теперь был наказан за «предательство». Среди бывших приверженцев Мария он видит Кв. Катула, М. Антония, Г. и Л. Цезарей, П. Красса и, предположительно, П. Лентука^[567]. В отношении Катула, которому Марий явно помог стать консулом после трех провалов на выборах^[568], это можно считать установленным. То же можно сказать и об Антонии, который получил триумф и право заочно избираться в консулы при явном одобрении Мария, бывшего тогда, в 100 г., консулом. Цезари были родственниками Мария по линии жены, при этом Цезарь Страбон, по мнению Э. Бэдиана, выступил против арпината на выборах в консулы на 88 г.^[569] Однако, как мы видели, участие последнего в выборах на 88 г., скорее всего, не имело места, и о причинах вражды приходится лишь гадать, как и в случае с его братом — похоже, они просто заняли по отношению к Марию враждебную позицию. Если же говорить о Крассе, то представление о его тесных связях с Марием основывается на том, что отец триумвира был женат на Венулее, а один из Венулеев погиб во время проскрипций (Oros. V. 21. 8). Однако это само по себе еще не говорит о его связях с Марием, а потому и последующее «предательство» не доказано, пострадал же он за участие в обороне Рима^[570].

Еще одним бывшим марианцем, как предполагает (со знаком вопроса) Бэдиан, являлся П. (?) Лентул, тесно связанный с Марцеллом, легатом Мария, героем битвы при Аквах Секстиевых (Badian 1957, 339-340), но это

само по себе еще ничего не доказывает, поскольку не означает с неизбежностью политической поддержки арпината.

Таким образом, остаются только два человека, в отношении которых их связь с Марием бесспорна, и которые могли быть сочтены им «предателями». Это консуляры Катул и Антоний, о которых нет сведений, как об активных защитниках Рима (и это при том, что Антоний был опытным военачальником), но оба по странному совпадению оказались в составе сенатского посольства к Метеллу Пию (см. выше). Как уже говорилось, само по себе это еще ничего не доказывает, но обращает на себя внимание та настойчивость, с которой Марий добивался смерти обоих. Это, скорее всего, подтверждает гипотезу Бэдиана о мести им со стороны арпината как «предателям». Насколько известно, к Марию во время осады Рима не присоединился ни один консуляр — случись такое, его позиции в моральном и политическом отношении заметно усилились бы. Напомним, что к Сулле во время его марша на Рим присоединился его коллега по консулату (и родственник) Помпей Руф. И кого, как не давнего соратника, облагодетельствованного им в 100 г., мог ожидать увидеть у себя в лагере Марий? Однако Антоний предпочел остаться в Городе, хотя наверняка знал, чем рискует, иначе не стал бы прятаться от победителей. Возможно, впрочем, что он надеялся отсидеться и через какое-то время, когда обстановка стабилизируется, помириться с Марием через посредников^[571].

О причинах гибели других жертв «чистки» источники не сохранили ни прямых, ни косвенных данных.

Возникает вопрос, проводилось ли победителями уничтожение неугодных им лиц (помимо Катула, Мерулы и в какой-то мере казненных 1 января 86 г.) исключительно по собственному произволу, или какая-то правовая основа, пусть и весьма призрачная, все же существовала?

Думается такая основа имела. Стоит вспомнить переговоры сенаторов с Цинной, во время которых речь шла о том, чтобы не проводить расправ. Марий не пожелал войти в Город, пока не будет отменено решение о том, что он — *hostis*, т. е. он не желал нарушать правила там, где этого можно было избежать. Здесь такая возможность существовала, особенно если правильно предположение о том, что сразу после изгнания Цинны из Рима был принят *senatus consultum ultimum*^[572], предполагавший неограниченное *ius vitae necisque* (пусть и не признававшееся всеми представителями нобилитета). И если на момент взятия Рима Марием и Цинной SCU продолжал действовать, то ситуация несколько проясняется. Конечно, теоретически упомянутые полномочия имелись и у Октавия, но

при соглашении с сенатом Цинна мог оговорить, что его коллега их лишается — в условиях гражданской войны это было вполне возможно. На таком основании, пусть и более чем спорном юридически, он и расправился со своими врагами.

У Аппиана (BC. I. 73. 338; Mithr. 60. 248) сообщается, что тела убитых запрещалось хоронить (ταφὴν τε οὐδενὶ ἐξῆν ἐλευεῦκειν ἐς οὐδένα τῶν ἀνατρούμενων, ἀλλ' οἰωνοὶ καὶ κύνες δνδρας τοιοῦσδε διεσπάσαντο). В историографии, насколько известно, сведения о запрете на погребение не ставились под сомнение. Однако сложно представить, что кто-то специально следил за соблюдением этого запрета. Дело скорее всего в другом: тех, кого убивали на улице, подбирать до наступления ночи боялись, но даже после того, как слуги уносили трупы, предать их погребению, которое соответствовало бы статусу погибших было невозможно — опять-таки мешал страх (даже в отсутствие официальных запретов).

Последним по времени актом марианской и циннанской «чистки» стало, по-видимому, покушение Гая Флавия Фимбрии во время похорон Мария (т. е. в январе 86 г.) на консула 95 г., великого понтифика Кв. Муция Сцевола^[573]. Тот получил ранение, но остался жив, и нападавший будто собирался судиться с ним под предлогом того, что Муций не принял клинок «всем телом (*quod non totum telum corpore recepisset*)» (Cic. Rose. Am. 33; Val. Max. IX. 11. 2), что представляло собой издевательство вдвойне, поскольку в выражении *totum telum corpora recipere*^[574] содержится очевидное уподобление Сцевола поверженному гладиатору^[575]. Причины нападения неясны, как и то, почему оно сошло с рук Фимбрии. С другой стороны — почему оно не было доведено до конца^[576], и почему Сцевола продолжал после этого сохранять лояльность циннанскому режиму. Нельзя не заметить, что покушение произошло уже после гибели Мария (т. е. по окончании репрессий), что вряд ли случайно. Вероятно, Сцевола пользовался покровительством арпината^[577], коль скоро до того момента он не пострадал от мести победителей. Впрочем, как видим, Сцевола имел врагов среди них, причем вряд ли Фимбрия решился бы на покушение, если бы не чувствовал хоть какой-то поддержки кого-то из руководителей нового режима (впрочем, не столь значительной, чтобы довести дело до убийства)^[578].

Любопытно, что в сообщениях о марианских расправах не говорится о наградах пособникам репрессий — даже в рассказе о виноторговце, который, узнав об убежище Антония, поспешил к Марию, чтобы рассказать

ему об этом, не упоминается ни о его расчетах на *praemium*, ни о ее вручении^[579]. Любопытная ситуация наблюдается с конфискациями. М. Ловано пишет о таковых при вступлении войск Мария и Цинны в Рим (Lovano 2002, 47), однако глагол διηρπιάζετο у Аппиана, на которого он ссылается (BC. I. 71. 325), означает разграбление, а не конфискацию. Не приходится сомневаться, что ей подверглось имущество Суллы^[580]. Однако, когда Аппиан (BC. I. 73. 340; 81. 371) то же самое пишет о его друзьях, это вызывает серьезные сомнения. Прежде всего нужно отметить, что репрессии обрушились на врагов Цинны и Мария, а не на друзей Суллы, которых в Риме, по сути, тогда не было^[581]. Однакостораживает отсутствие каких-либо конкретных примеров, кроме Суллы, представляющего особый случай. Примечательно также то, что Мария и Цинну обвиняли лишь в убийствах, а не в посягательстве на чужую собственность^[582]. Грабежи^[583], очевидно, обогатили лишь тех, кто их непосредственно проводил, и, по словам Веллея Патеркула (II. 22. 5), в то время «еще не нашлось такого, кто осмелился бы дарить имущество римского гражданина или имел бы смелость о том объявить». Валерий Максим (IV. 3. 14) указывает на «удивительное бескорыстие римского народа (*abstinentia populi Romani mirifica*)», который не стал грабить домов убитых марианцами^[584], что, кстати, противопоставляется жестокости, но не алчности победителей. Правда, Орозий называет консулов (очевидно, Цинну и Мария) *auctores praedae* (V. 19. 24), то же сообщает о Марии Дион Кассий (см. выше), но это авторы поздние и особенно склонные к риторике, что заставляет серьезно усомниться в их достоверности. Более вероятно *publicatio bonorum* ушедших в изгнание (о них см. ниже). Так или иначе, тезис о крупномасштабных конфискациях и распродажах^[585] не находит опоры в источниках. Скорее всего, материальные стимулы если и играли какую-то роль во время марианских и циннанских репрессий, то лишь самую незначительную.

Аппиан (BC. I. 73. 340) также пишет, что дома опальных, которые при этом называются друзьями Суллы, постигла та же участь, что и дом Суллы — они были разрушены победителями (αὐτοῦ τε Σύλλα φίλοι πάντες ἰνῆροῦντο, καί ἡ οἰκία κατεσκάπτετο, καί ἡ περιουσία δεδήμευτο). Однако, как уже отмечалось, о друзьях Суллы в Риме практически ничего не известно, да и другие источники сообщают о разрушении только его дома, и потому вполне вероятно, что Аппиан или его источник приписали жилищам убитых ту же судьбу, что и дому будущего диктатора^[586]. Поэтому весьма вероятно, что перед нами очередной трюк сулланской пропаганды.

Эпилогом убийств стало уничтожение отряда рабов, действовавших на стороне Цинны и Мария^[587]. Аппиан пишет о них, как о людях исключительно Цинны, напоминая, что это были те, кто бежал из Города во время осады и получил от него свободу^[588]. Между тем обычно в античной традиции так изображаются бардиеи^[589] — «гвардия» Мария из рабов^[590]. Трудно сказать, стало ли это причиной небрежной работы Аппиана с источником или таковы были сведения его источников. Александрийский автор также утверждает, будто бардиеи не обращали внимания на приказы Цинны прекратить бесчинства, после чего он с ними расправился (BC. I. 74. 344). По Плутарху (Mar. 44.10; Mar. 5.7), их перебили в собственном лагере^[591], согласно же Орозию (V. 19. 24) — на форуме, где их собрали якобы для получения жалования^[592]. Очевидно, Цинна решил таким образом повысить свой престиж в глазах жителей Рима и смягчить криминогенную ситуацию в Городе^[593].

Особо следует оговорить роль в этой операции Сертория. Плутарх (Sert. 5.7) уверяет, будто тот возмущался жестокостью Мария и просил Цинну поступать не столь сурово, а затем расправился с рабами, служившими арпинату. В глазах многих ученых Серторий снискал себе репутацию борца с марианскими репрессиями^[594], хотя даже его восторженный почитатель Плутарх расплывчато пишет лишь об обращенных к Цинне просьбах «действовать мягче (μετρίωτερον ποιεῖν)»^[595]. Это можно понимать и как призыв отказаться от убийств вообще, и как предложение только ограничить число их жертв. При этом неизвестно, чтобы он помог хоть кому-нибудь из опальных. К тому же не вполне понятно, откуда могло стать известно содержание частных (Ιδία) бесед Сертория с Цинной, если только он сам о них не рассказывал^[596] — что, однако, было чревато для него крупными неприятностями, учитывая ответственность за репрессии самого Цинны и некоторых (если не многих) его сторонников. По-видимому, упомянутые беседы являются вымыслом более поздних писателей (скорее всего благосклонного к Серторию Саллюстия), основой же для этого послужило, надо полагать, то обстоятельство, что Серторий перебил отряд бардиеев. Мнение о том, что инициатива расправы над ними исходила от него^[597], основано лишь на отнюдь не беспристрастном рассказе Плутарха^[598]. Приказ, вероятней отдавал Цинна, Серторий же его выполнил^[599], об остальном мы можем только гадать. Так или иначе, бардиеи были уничтожены.

ВОПРОС О МАГИСТРАТУРАХ В 86—84 гг.

По-видимому, сразу же после вступления в Рим Цинна провел закон об отмене всех *leges* Суллы и объявлении его самого *hostis*^[600], его дом был разрушен^[601], имущество конфисковано, семья бежала^[602]. Естественно, теперь не могло идти и речи о финансировании армии Суллы в Греции, что поставило его в нелегкое положение. Кроме того, Аппий Клавдий Пульхр, командовавший легионом, который перешел на сторону Цинны, был вызван в суд одним из плебейских трибунов, а затем за отказ явиться в Рим лишен империя и, по всей вероятности, изгнан^[603].

Любопытно, что после убийства Октавия Цинна не озаботился избранием ему преемника и остался единственным консулом^[604]. Почему так произошло, остается только догадываться; Марий, возможно, просто не захотел после такой блестящей карьеры занимать не столь почетную магистратуру консула-суффекта. На 86 г., как и следовало ожидать, и он, и Цинна были объявлены консулами (MRR II, 53), причем Цинна, естественно, в нарушение *lex Villia annalis*^[605]. Если эпитоматор Ливия уверяет, будто речь шла о самоназначении^[606], то Аппиан нейтрально пишет, что их избрали^[607]. Версию о самоназначении Мария и Цинны приняли многие ученые, не уточняя, впрочем, имеют они в виду юридическую или фактическую сторону дела^[608], тогда как другие указывает, что избирательная процедура все же имела место^[609]. Иное дело, что переоценивать ее значение не стоит, поскольку в условиях, когда в Городе стояли войска, выборы явно не были свободными^[610].

Высказывалось мнение, что произошло разделение сфер деятельности: Марий должен был взять на себя войну на Востоке, «ограничившись» тем самым внешней политикой, тогда как Цинна — внутривосточные дела (Rijkhoek 1992, 148149). Думается, что это несколько формалистический подход, поскольку победа над Митридатом дала бы Марию такие возможности, что Цинне скорее всего пришлось бы делиться с ним властью. Однако иного выхода у Цинны не было, ибо присутствие арпината в Городе создавало для него те же самые проблемы. Позволяя же Марию уехать на Восток, он получал возможность выиграть время и укрепить свою власть.

Однако всего через две недели после вступления в должность Марий скончался^[611]. По одним данным, это произошло 13 (Liv. Per. 80; Flor. III.

21. 17), по другим — 17 января 86 г. (Plut. Mar. 46.6). Какое-то время Цинна, отныне сосредоточивший в своих руках наибольшую власть, оставался единственным консулом^[612], а затем, уже к началу февраля, его коллегой стал Луций Валерий Флакк^[613]. Возникает вопрос (исследователей, насколько известно, не занимавший), почему высшую должность не занял Гней Папирий Карбон, командовавший одним из корпусов при осаде Рима и ставший коллегой Цинны в последующие два года. В источниках этому каких-либо объяснений не приводится. Истолковать это можно, как представляется, таким образом: из четырех повстанческих командующих при осаде Рима Карбон сыграл наименьшую роль, даже о Сертории мы знаем в этом качестве куда больше, причем у Грания Лициниана (17F) его имя идет перед именем Карбона (*Sertorio et Papirio*). Иными словами, преувеличивать его влияние на тот момент не стоит^[614]. Кроме того, неизвестно даже, был ли он до 87 г. претором, и нельзя исключить, что в 86 г. Карбон занимал именно эту магистратуру^[615]. К тому же преемнику Мария пришлось проводить задевавший многих влиятельных лиц закон о долгах (см. ниже), и Карбон мог сам отказаться на 86 г. от консулата, что не помешало ему занять его год спустя.

О преторах 86 г. практически ничего не известно. Иногда предполагается, что одним из них был Луций Корнелий Сципион Азиатский^[616], поскольку его консульство приходится на 83 г., т. е. прошел установленный *lex Villia annalis* интервал между консулатом и претурой. Однако, как показывают консулаты Цинны и Карбона, эти интервалы соблюдались в то смутное время далеко не всегда^[617]. В. Шур безо всяких оговорок называет претором 86 г. Г. Флавия Фимбрию, но в источниках на сей счет ничего не сообщается^[618].

В то же время с высокой долей вероятности можно предположить, что именно в 86 г. стал претором Серторий. Обычно его пребывание в этой должности относят к 83 г., иногда — к 87 г., 85—84 гг., 82 г.^[619] Высказывалась также та точка зрения, что сначала он был плебейский трибуном, стать которым прежде помешал ему Сулла^[620]. Но довольно странно, что одному из главных военачальников циннанской армии^[621] досталась бы столь скромная, если не сказать, унижительно малая награда. А вот претуру, являющуюся редким достижением для *homines novi*^[622] (именно к их числу и относился Серторий), можно считать вполне достойным «призом» при «дележе добычи» после взятия Рима. Тем более что Цинна, как показывает история с уничтожением бардиеев, сохранял

тесные отношения с Серторием, а потому вряд ли стал бы отталкивать его от себя не в меру скромной наградой (не говоря уже об отсутствии таковой). То, что Серторий поехал наместником в Испанию лишь на рубеже 83—82 гг., вряд ли можно считать сильным аргументом, поскольку если Цинна нуждался в нем, то мог пренебречь этим правилом.

В 85 г. Цинна вновь занял консульскую должность, а его коллегой стал Гней Папирий Карбон, то же произошло и на следующий год (MRR II, 57, 60). С одной стороны, это означало определенную стабилизацию власти, но с другой — противоречило традиционным республиканским принципам, предполагавшим смену консулов^[623]. О каких-либо протестах по сему поводу сведений нет, что, впрочем, ничего не доказывает — это может объясняться и бесполезностью таких протестов, и их небезопасностью (в силу чего от них могли попросту отказаться), и состоянием источников.

Известно также о двух претурах Мария Гратидиана (Ascon. 75C). Их датировка неясна. Высказывались различные предположения на сей счет^[624]. Г. Самнер считает, что 85 г. предпочтительнее 86-го, учитывая, что в предыдущем году Гратидиан занимал должность плебейского трибуна. Однако племяннику Мария, особенно если это именно он одержал победу под Аримином (см. 2.3), вряд ли было необходимо строго соблюдать установленные интервалы между магистратурами, а вот предположить его участие в «дележе добычи» вполне логично. Время же его второй претуры, как представляется, выяснить при нынешнем состоянии источников невозможно.

ФИНАНСОВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ЦИННАНСКОГО РЕЖИМА

Важнейшей проблемой, стоявшей перед новым правительством, являлась финансовая — казна была пуста еще со времен Союзнической войны, кризис усугубился из-за потери Азии, долговая проблема, тормозившая нормальное функционирование экономики, все больше обострялась. Закон Корнелия — Помпея о Долгах (*lex Cornelia Pompeia unciaria*) с его весьма умеренными положениями мог лишь немного смягчить ее (Bennett 19123, 41). В сложившихся условиях требовались куда более решительные меры, и циннанцы решились на них: в 86 г. был принят *lex Valeria de aere alieno*. Он предусматривал сокращение долгов, поскольку их разрешалось теперь уплачивать медью, на три четверти^[625]. Мера эта была беспрецедентной^[626] и в глазах кредиторов чрезвычайно непопулярной — Веллей Патеркул (II. 23. 2) называет Валерия Флакка, от имени которого был внесен соответствующий законопроект, автором позорнейшего закона, *turpissimae legis auctor*. Саллюстий (Cat. 33.2), чье мнение об этой мере считается положительным^[627], ибо он говорит о принятии *lex Valeria* «по желанию всех порядочных людей (*volentibus omnibus bonis*)», может подразумевать и обратное, поскольку эти слова вложены в уста сподвижника Катилины Манлия и его друзей^[628]. На сильное недовольство законом влиятельных лиц (несомненно, не только всадников, но и тех сенаторов, кто занимался ростовщичеством), серьезно угрожавшее репутации его автора, указывает то обстоятельство, что провести его было поручено Валерию Флакку — в противном случае Цинна предпочел бы связать эту меру с собственным именем (наглядный пример — история с обнародованием эдикта Гратидиана, см. ниже)^[629]. Правда, *lex Valeria de aere alieno* позволил сдвинуть долговой вопрос с мертвой точки — теперь кредиторы могли получить хотя бы четверть, тогда как прежде и об этом зачастую речи не шло^[630], однако, судя по оценке Веллея Патеркула, их не устраивало такое решение. (В то же время нет данных и о реакции должников, которые получили от новых властей весьма щедрый подарок — иной будет ситуация с Гратидианом.) Но закон Валерия, по всей видимости, распространялся и на долги государства^[631], что, надо думать, стало важнейшей причиной его принятия^[632]. Правда, Б. П. Селецкий (1983, 157-158), указывая на получение на рубеже

(предположительно) 87—86 гг.^[633] крупных сумм из Египта^[634], считает, что положение казны было не настолько тяжелым, но вряд ли этих средств хватило бы на покрытие долгов казны, опустошенной в результате Союзнической, Митридатовой и гражданской войн. О долгосрочном эффекте *lex Valeria* сведений нет (Lovano 2002, 73), однако, как следует из Саллюстия (Cat. 33.2), он оставил о себе память как облегчивший долговое бремя — недаром к этому закону потом апеллировали должники более двух десятилетий спустя. По мнению Ч. Барлоу, уменьшение долгов на 75 % отражало дефляцию цен на землю, вызванную накоплением денег и их нехваткой в обращении. *Lex Valeria* способствовал снижению долгов до уровня, на котором цены на землю и наличие денег в обращении делал возможной выплату долгов. Сбалансирование долгов и цен на землю способствовали восстановлению кредита и *fides*. К тому же фактические потери заимодавцев были не так уж и велики, ибо теперь они получали долг деньгами, подвергшимися дефляции — реальная стоимость прежней и нынешней сумм долга почти совпадала (Barlow 1980, 216). Однако эти соображения при всем их остроумии и логичности основываются на множестве труднодоказуемых допущений. Если же говорить о казне, то она, перейдя на расчеты, предусмотренные законом Валерия (Cic. Font. 2), очевидно, немало выиграла от него^[635]. То же, вероятно, можно сказать и о многих частных лицах; долговая проблема утратила прежнюю остроту, и Сулла, в 88 г. озаботившийся хотя бы ее смягчением, в 82—80 гг. законов, связанных с нею, уже не издавал — видимо, за отсутствием особой необходимости^[636].

Высказывалась точка зрения, что одной из задач закона являлось улучшение отношений новой власти хотя бы с частью сенаторов в условиях предстоявшей борьбы с Суллой (Frank 1933, 56), но безуспешно — именно в это время началось «массовое бегство римской знати» в лагерь Суллы (Селецкий 1983, 158). Если первый тезис можно принять с той оговоркой, что имелись и другие цели (общее оздоровление финансовой ситуации), то второй совершенно неприемлем: бегство отнюдь не носило массового характера (см. ниже), да и причины его могли быть сугубо политического свойства.

Другая финансовая мера циннанцев была связана со стабилизацией валюты, что ранее уже оказывалось на руку кредиторам. По-видимому, накануне или во время Союзнической войны, согласно закону Папирия^[637], был введен полуунциальный стандарт асса (Plin. NH. XXXIII. 46). В 87 г. Л. Рубрий Доссен официально выпустил денарии с примесью меди (Crawford

II, 1974, 569, 608). Б. П. Селецкий, развивая более общие соображения Т. Франка^[638], убежден, что обе меры имели целью облегчить выплату долгов землевладельцам. Он ссылается на то, что марианцы Л. и Г. Меммии в 87 г. ^[639] восстановили выпуск серебряной полноценной монеты^[640], т. е. возможности были, а порча монеты Доссеном «производилась целиком в интересах увязшего в долгах римского нобилитета», прежде всего землевладельцев — правда, ученый признает, что среди последних было немало всадников, которым такая политика также оказывалась выгодна (Селецкий 1983, 157, 161). Исключить стремление законодателей к облегчению положения должников-нобилей нельзя^[641]. Но следует сразу же оговориться: нет указаний на то, что в таком положении находилась основная масса нобилей, как полагает Б. П. Селецкий. А его ссылки на Плутарха (Sulla 8) ничего не доказывают, поскольку там говорится лишь о законе Сульпиция, запрещавшем сенаторам (а не нобилиям!)^[642] иметь долги на сумму более 2000 денариев (см. выше), из чего еще отнюдь не следует, что большинство нобилей «увязло» в долгах. Если же говорить о законе Папирия, то его нередко датируют временем Союзнической войны^[643], хотя М. Крофорд предпочитает 91 г., а наряду с ним допускается даже 92 г.^[644] Однако если принять более позднюю датировку, т. е. 90—89 гг.^[645], то все достаточно очевидно — шла Союзническая война, в том же году началась Митридатова (впрочем, закон мог быть издан еще до ее начала), и тогда причина очевидна — огромные военные расходы, о которых Б. П. Селецкий упоминает лишь вскользь. Причем если согласиться с его версией об облегчении долгового бремени как цели закона, то следует напомнить — не только для частных лиц, но и для государства^[646].

Что же касается Доссена и Меммиев, то на основании лишь двух чеканок, чьи масштабы неизвестны, делать те серьезные выводы, о которых шла речь, можно лишь сугубо предположительно. Б. П. Селецкий же пишет о них как о чем-то безусловном. Мы не знаем точно, когда именно Меммии выпустили свою серию — она датируется 87 г., а потому весьма вероятно, что она относится еще ко времени господства сената. То же мы вправе сказать и о монетах Доссена, хотя вероятнее, что он чеканил свои денарии в условиях начавшейся войны с Цинной и Марием и мог просто экономить серебро. Но даже если Меммии чеканили свои денарии при марианцах, то это могла быть, среди прочего, и пропагандистская акция — несомненно, выпуск полноценной монеты поднимал престиж новой власти. Б. П. Селецкий утверждает, что у Меммиев были те же возможности, что и у Доссена, а потому выпуску полноценной монеты препятствовало лишь

отсутствие политической воли у «оптиматов». Между тем с приходом к власти Цинны и Мария обстановка все же несколько изменилась — достаточно сказать, что прекратилась война, кроме того, как уже говорилось, поступили (или должны были вот-вот поступить) значительные суммы из Египта. Наконец, прекратилась финансовая поддержка армии Суллы.

Тем не менее проблема стабильности валюты существовала, и притом была весьма острой — Цицерон (Off. III. 80) сетует, что из-за колебаний курса монеты люди не могли определить действительную стоимость своего имущества (*iactabatur enim temporibus illis nummus sic, ut nemo posset scire, quid haberet*); преторы по призыву плебейских трибунов разработали эдикт с указанием мер для исправления ситуации, в том числе и наказания за их нарушение (*edictum cum poena atque iudicio*). Плиний Старший (NH. XXXIII. 132) пишет об установлении контроля за качеством монеты^[647] и выкупе фальшивых (?) экземпляров (*hac artium sola vitia discuntur et falsi denarii spectatur exemplar pluribusque veris denariis adulterinus emitur*) — очевидно, с целью изъять их из обращения^[648]. Под *falsi*, надо думать, подразумевались прежде всего монеты, чеканенные магистратами, но не соответствовавшие новым стандартам^[649]. Э. Ло Кашо допускает, что было введено наказание за отказ принимать государственные деньги. По мнению Б. Санталючии, в эдикте нарушения в данной сфере рассматривались не как *crimen*, караемое по закону, а как *delictum*, преследуемое в рамках гражданского процесса^[650]. М. Крофорд предполагает, что был стабилизирован обменный курс между денарием и ассом^[651]. Он также допускает, что преторы обещали выплачивать компенсацию тем, кто понес убытки из-за неправильного определения курса при обмене (Crawford II, 1974, 620). Последнее, впрочем, более гипотетично.

Хотя эдикт был разработан всеми преторами, огласил его на сходке, вопреки договоренности (если верить Цицерону), племянник покойного арпината претор Марий Гратидиан^[652] от своего имени^[653], что снискало ему огромную популярность^[654] (см. ниже, с. 377-378)^[655]. Это и неудивительно, поскольку помимо ростовщиков от установления твердого курса выигрывали многие простолюдины, получавшие жалование, — наемные работники и воины^[656]. Однако рассуждения Б. П. Селецкого о том, что эдикт вызвал резкое недовольство нобилитета, который отождествляется ученым с «землевладельческой аристократией», едва ли обоснованы. Во-первых, даже при таком отождествлении (несомненно, упрощенном) вряд ли очевидно, что основная часть нобилей погрязла в

долгах и потому была заинтересована в сохранении нестабильного курса монеты. Во-вторых, зверская расправа над Гратидианом во время проскрипций^[657], в которой Б. П. Селецкий видит месть «оптиматов» за упомянутый эдикт, поскольку больше никаких «заслуг» за племянником Мария не числилось, аргументом не является. В схолиях к Лукану достаточно недвусмысленно указывается, что убийство Гратидиана было мезтью за его причастность к гибели Катула — консула 102 г. (см. выше), за что с ним и расправился его сын, будущий консул 78 г.^[658]

Это прямое вмешательство магистратов в дело выпуска монеты оказалось единственным в доцезарианский период^[659], что свидетельствует как о важности вопроса, так и о способности циннанцев на неординарные меры. Последствия реформы Гратидиана (точнее, преторов) в источниках не освещаются, однако, судя по тону сообщения Цицерона (Off. III. 80), реформа оздоровила ситуацию и способствовала восстановлению кредита. Правда, фальшивомонетничество оставалось серьезной проблемой, недаром впоследствии Сулле пришлось издать *lex Cornelia de falsis* (Paul. Sent. V. 25. 1). Кроме того, расходы на осуществление эдикта Гратидиана, по всей видимости, легли тяжким бременем на казну (Bennett 1923, 42) — правда, мы не можем выяснить, каковы были их масштабы.

В целом, как полагает М. Ловано, финансовые мероприятия циннанского правительства дали положительный эффект и обеспечили ему поддержку сенаторов, всадников и населения Рима. Однако финансовые возможности новых властей, по его мнению, были весьма скромными, поскольку им досталась пустая казна, перестали поступать налоги из Азии: Метелл Пий в Африке, Красс в Испании, Гай Валерий Флакк в Трансальпийской Галлии, видимо, препятствовали поступлению податей из этих провинций в Рим, что вдвое снижало доходы казны (Lovano 2002, 74-76). С этим трудно согласиться: Метелл до 84 г., судя по источникам, активности не проявлял, Красс действовал на юге Пиренейского полуострова очень короткое время и на весьма ограниченной территории; в отношении Флакка вообще нет никаких свидетельств (о положении в провинциях см. гл. 5). Между тем расходы, как предполагается, были значительными^[660]. Среди таковых можно назвать хлебные дотации^[661], кампанию Г. Валерия Флакка против галлов^[662], а также начавшиеся уже в 85 г. приготовления к войне с Суллой (см. ниже)^[663]. Стоит, однако, отметить, что размеры затрат на хлеб для римского плебса неизвестны, то же касается и расходов на операции Флакка, который наверняка часть средств на это взыскал с провинциалов. Стоит также напомнить о

поступлениях крупных сумм из Египта. Характерно, что в источниках нет сведений о массовых конфискациях, естественных в таких условиях — это, конечно, могло быть обусловлено нежеланием циннанцев вступать в конфликт со всадниками и сенаторами, и все же не отметить такой факт нельзя. В любом случае ясно одно — серьезные военные усилия были циннанцам явно не по плечу, недаром с Флакком на Восток они отправили всего два легиона. Другие силы у них, очевидно, отсутствовали. Все это скажется на ходе боевых действий в 83—82 гг.

В контексте финансовых мероприятий циннанцев обычно рассматривается процесс Помпея^[664]. Последнего, по словам Плутарха (Romr. 4. 1-3), обвинили вместо его отца, которому инкриминировали хищение государственных денег (κλοπής... δημοσίων χρημάτων), а молодому Помпею — присвоение книг и охотничьих сетей из добычи, захваченной еще при взятии Аскула в 89 г.^[665] Помпею, однако, удалось доказать^[666], что большая часть денег, хищение которых ставилось в вину его родителю, была присвоена вольноотпущенником Александром^[667]. Что же касается книг и охотничьих сетей, полученных подсудимым от отца после падения Аскула, то они пропали во время разграбления его дома телохранителями Цинны при вступлении в Рим^[668].

Обычно в историографии речь идет о том, что Помпею пришлось отвечать на обвинения в адрес его отца в присвоении или незаконном использовании добычи^[669], хотя добыча и доходы от нее, как известно, находились в ведении военачальников, а потому поводов для обвинения в суде обращение с ними не давало^[670]. Поэтому И. Шацман предположил, что речь шла о незаконном присвоении Помпеем Страбоном отпущенных ему из казны средств (*pecunia ex aerario attributa*)^[671]. Однако не вполне понятно, при чем тут тогда книги и сети (Hillman 1998, 181). Ученый и сам прямо говорит, что ясного ответа на этот вопрос нет, и что они могли быть просто упомянуты в речи обвинителя (Shatzman 1972, 195). Как указывает Т. Хиллмен, у Цицерона (Brut. 230) говорится о том, что на суде шла речь *pro Cn. Pompei bonis*, а у Валерия Максима (V. 3. 5) — *de paternis bonis*. Как предполагает исследователь, «на процессе рассматривался вопрос о том, находилось ли в собственности Помпея что-либо частично или целиком приобретенное на остаток присвоенных средств и можно ли подвергнуть Помпея наказанию по обвинению в *peculatus*» (хищениях). Очевидно, по мысли обвинителя, остатки казенных денег обращались в имущество (Hillman 1998, 182). Но упомянутые книги и охотничьи сети под эту категорию не подходят, т. к. у Плутарха (Romr. 4.2) прямо сказано, что они

были захвачены в Аскуле (λίνα θηρατικά καί βιβλία τῶν ἐν Ἄσκλῳ ληφθέντων). Обвинитель, по-видимому, не просто упомянул сети и книги, но и упрекнул Помпея в том, что тот их держит у себя, оказавшись причастным к дурным поступкам отца, который не поделился с государством добычей в должной мере — стоит напомнить о жестоком финансовом кризисе, поразившем тогда Рим. Этот упрек по указанным выше причинам не являлся юридическим обвинением, но мог повредить репутации Помпея. Однако, как признает Плутарх (Rom. 4.4), симпатии публики оказались на стороне ответчика, и ему не было нужды давать объяснения по поводу книг и сетей.

Похоже, дело рассматривал экстраординарный суд (Hillman 1998, 183-185). Председательствовал упоминавшийся в связи с консульскими выборами на 88 г. П. Антистий^[672]. У молодого Помпея нашлось немало защитников: цензор 86 г. Л. Марций Филипп^[673], крупнейший оратор того времени Кв. Гортензий Гортал (Cic. Brut. 230) и один из руководителей нового режима Гн. Папирий Карбон (Val. Max. V. 3. S; VI. 2. 8). Неудивительно, что при такой значительной поддержке суд вынес оправдательный приговор, и вскоре Помпей женился на дочери Антистия (Plut. Rom. 4. 4-ICI). «На этом этапе Антистия была полезна Помпею: она могла избавить от разорения и укрепить его положение при существующей власти. Однако надежды Помпея не оправдались. Ему по-прежнему не доверяли, карьера не складывалась», — считает И. С. Горбулич (2006, 290). Суждение в высшей степени странное, поскольку Помпею едва исполнилось 20 лет — в этом возрасте нельзя было еще судить, сложилась ли карьера, *cursus honorum* был еще впереди. Кроме того, как полагает Р. Сигер, позиция Карбона во время процесса наглядно продемонстрировала отношение новых властей к будущему победителю Митридата (Seager 2002, 196, п. 3). Здесь, думается, нужны оговорки. Вполне возможно, что лично к Помпею особых претензий у циннанцев могло и не быть, однако это не мешало им попытаться пополнить казну за его счет, благо, отец молодого человека симпатий у многих римлян явно не вызывал. Не исключено, что Карбон с самого начала был против этого, но его позиция не встретила поддержки у других руководителей режима. Однако организаторы процесса, столкнувшись не только с юридическими трудностями, но и с оппозицией некоторых видных сенаторов (не говоря уже о Карбоне), предпочли пойти на попятный. Наконец, во время суда могло выясниться, что состояние Помпея, на размерах которого сказались превратности гражданской войны, в действительности меньше, чем

предполагалось.

Вызывает вопросы датировка процесса. Обычно его относят к 86 г.^[674] Однако Г. Самнер высказался в пользу 85 г., сочтя, что Антистий, плебейский трибун 88 г., стал эдилом, если учитывать Традиционный интервал, в 86 г., а в качестве *iudices quaestionis* нередко назначали эдилициев. Однако, как резонно указал Т. Хиллмен, в то время правила избрания на должность не всегда соблюдались^[675]. Правда, приведенные им в доказательство примеры Мария, Цинны, Карбона и других свидетельствуют в нашем случае, скорее, об обратном — речь идет о видных Деятелях режима, каковым Антистий отнюдь не являлся. Кроме того, в 86 г. Филипп, исполнявший весьма хлопотную магистратуру цензора, вряд ли имел время для участия в суде над Помпеем; но в то же время мы не знаем, в какой части 86 г. он приступил к исполнению должности цензора — назначение могло на какое-то время затянуться, и весьма вероятно, что процесс состоялся уже в начале 86 г.^[676]

ПОДГОТОВКА К ВОЙНЕ С СУЛЛОЙ

В конце 85 г. Сулла, завершив кампанию в Азии Дарданским миром и переманив на свою сторону армию Фимбрии, отправил в Рим письмо, где перечислял совершенные им в войне с Митридатом подвиги. Так поступали обычно полководцы, завершившие крупную кампанию^[677]. В послании говорилось о быстрой победе над понтийским царем, о подчинении Греции, Македонии, Ионии, Азии, об истреблении 160 тысяч врагов, о том, что он запер понтийского царя в его изначальных владениях (App. BC. I. 76. 347). Сулла делал вид, как указывает Аппиан (Mithr. 60.249), будто не замечает, что объявлен врагом отечества. Тем самым он давал понять, что считает изданный против него декрет недействительным. Это был прямой вызов не только циннанскому режиму^[678], но и сенату. В ответ его руководители начали проводить воинские наборы, велели отремонтировать корабли сицилийского флота, заготавливать продовольствие и деньги, а также развернули пропагандистскую кампанию в Италии. Они призывали италийцев готовиться к войне, указывая, что именно из-за их гражданских прав и подвергают себя риску (App. BC. I. 76. 348-349; Liv. Per. 83).

Вскоре Сулла отправил сенату еще одно послание. В нем он перечислял все свои заслуги, начиная с Югуртинской и кончая Митридатовой войной, а также ставил себе в заслугу и то, что дал приют в своем лагере бежавшим из Рима от марианцев^[679]. В награду же, продолжал Сулла, недруги объявили его врагом отечества, разрушили его дом, убили друзей, а жена и дети еле спаслись бегством^[680]. Теперь он явится на помощь Риму и «отомстит врагам за все ими содеянное». Но к прочим гражданам, в том числе и к недавно ставшим таковыми италийцам, добавлял будущий диктатор, он никаких претензий не имеет^[681].

Письмо Суллы вызвало в Риме шок. Город охватил страх^[682]. *Patres* не желали войны, и мнение, надо думать, большинства из них изложил принцепс сената Луций Валерий Флакк, выступивший с речью о необходимости направить к Сулле послов^[683]. В речи говорилось, что если последнему нужны гарантии личной безопасности, то пусть он сообщит об этом сенату — очевидно, предполагалось его прибытие в Рим на переговоры. От Цинны же и его окружения *patres* потребовали приостановить военные приготовления. Как ни странно, те дали требуемое от них обещание, но неясно, выполняли ли они его хоть какое-то время; во

всяком случае, по отъезде послов они продолжали готовиться к войне (Liv. Per. 83; App. BC. I. 77. 353-354). Между тем Цинна и Карбон обеспечили свое переизбрание в консулы на следующий, 84 г.^[684]. Вскоре они приступили к активным действиям: не дожидаясь установления навигации, начали переправу через Адриатическое море из Анконы в Либурнию (App. BC. I. 77. 354)^[685].

Не вполне понятно, почему Цинна предпочел переправляться через море здесь, а не из Брундизия. По мнению Э. Бэдиана, консул как опытный военачальник^[686] не мог не понимать, что его новобранцы не имеют шансов на победу при столкновении с ветеранами Суллы, тогда как в ходе иллирийской кампании у них будет возможность обрести необходимые навыки и уверенность в себе. Ученый допускает, что Октавиан, в 32 г. поступивший именно так, знал о плане Цинны, т. к. внук последнего был в указанном году консулом-суффектом (Badian 1962, 59).

М. Ловано, принимая соображения Э. Бэдиана, существенно дополняет их. По его мнению, Цинна, высаживаясь в Либурнии, собирался идти на соединение с войсками Луция Корнелия Сципиона Азиатского, разгромившего скордисков и вынудившего к миру дарданов и медов (App. Шуг. 5). Карбон же той порой должен был контролировать Италию, набирая новые войска (Lovano 2002, 103, 108-109).

Иную версию предложил Ж. Петкович. Он считает, что задача натренировать новобранцев если и ставилась, то играла, в лучшем случае, второстепенную роль. Если же говорить о соединении со Сципионом, то для этого пришлось бы проделать марш в несколько сот километров в условиях Балканского полуострова — новобранцам он дался бы очень непросто. Более вероятно, что Цинна, встревоженный успехами Суллы в Далмации, ставил перед собой оборонительные цели — вторжением в Либурнию удержать местные племена от перехода на сторону Суллы, который в противном случае мог дойти до Цизальпинской Галлии и оттуда вторгнуться в Италию с севера. При этом он рассчитывал на косвенную помощь со стороны Сципиона (Petkovic 2008, 119-125).

Цинна вполне мог иметь в виду обречение воинами боевого опыта в Иллирии, но только в качестве второстепенной задачи, и вопрос о задаче первостепенной остается в таком случае без ответа. Версия Ловано представляется спорной прежде всего в силу того, что Сципион, по-видимому, вел операции на Балканах задолго до описываемых событий^[687]. Если же говорить о гипотезе Ж. Петковича, то, действительно, нельзя исключить, что Цинна и Карбон хотели защитить север Италии. Но при

этом не вполне понятно, почему Цинна не попытался предотвратить наиболее вероятный сценарий — высадку Суллы в Брундизии, для чего требовалось овладеть Диррахием. Остается предполагать, что район последнего был уже занят сулланскими отрядами, и Цинна не рискнул высаживаться там, а предпочел начать наступление с севера.

Первый отряд армии Цинны переправился через Адриатику, тогда как второй попал в бурю, и те, кто спасся, разбежались по домам, заявив, что сражаться с согражданами не будут^[688]. Цинна прибыл к армии, чтобы восстановить спокойствие, однако в ходе вспыхнувшей ссоры с воинами был убит. По словам Аппиана, ликтор ударил кого-то из солдат, его ударили в ответ, консул велел схватить смутьяна; началась драка, полетели камни, в ход пошли кинжалы, что и привело к трагическому исходу^[689]. Иначе описано случившееся у Плутарха. По его словам, в армии Цинны среди прочих находился молодой Помпей, будущий противник Цезаря. Однако, испугавшись каких-то обвинений, выдвинутых против него, он тайком покинул лагерь. По лагерю пронесся слух, «будто Цинна велел убить юношу. Тогда старые враги и ненавистники Цинны подняли против него восстание. Цинна бежал, но был схвачен каким-то центурионом, преследовавшим его с обнаженным мечом. Припав к ногам врага, Цинна протянул ему свой драгоценный перстень с печаткой, а тот с жестокой издевкой ответил: "Я пришел сюда не скреплять печатью договор, а убить нечестивого и незаконного тирана". С этими словами он убил Цинну» (Plut. Pomp. S. 1-3)^[690].

Версия Плутарха, явно направленная на возвеличивание роли молодого Помпея, во многих отношениях доверия не вызывает^[691]. Тем не менее зерно истины в этом рассказе есть (Bennett 1923, 61). Анкона^[692] находилась на севере Пицена, и неудивительно, что в армии Цинны оказалось немало воинов, преданных Помпею, «унаследовавшему» влияние и связи отца (Geizer 1942, 22). К тому же последний ничего не выигрывал на тот момент от гибели консула (Seager 2002, 26). С другой стороны, вполне вероятно, что Цинна стал подозревать Помпея в намерении перейти на сторону Суллы, а тот, в свою очередь, настраивал воинов из Пицена против консула (Keaveney 1982b, 116-117). Таким образом, мятеж носил спонтанный характер^[693] лишь до известной степени, не являлось совершенно случайным актом и убийство Цинны^[694]. Консул, начавший переправу до начала навигации, свел элемент случайности почти к нулю, ибо рано или поздно один из отрядов наверняка попал бы в бурю, а гибнуть в волнах воины явно не собирались. Кроме

того, Цинна, очевидно, не разобрался в ситуации и не проявил необходимой гибкости. В итоге режим лишился наиболее авторитетного вождя и продемонстрировал свою слабость, поскольку его руководители выполнили главное требование мятежников и, судя по всему, оставили без наказания даже непосредственных убийц консула.

Карбон оказался в весьма щекотливом положении. Плебейские трибуны призывали его в Город для проведения выборов консула-суффекта^[695] взамен погибшего Цинны, но он, естественно, предпочитал оставаться на вершине власти один. Трибуны стали угрожать ему лишением власти (!)^[696]. Карбон — очевидно, не желая обострять обстановку — приехал, наконец, в Рим, но отложил выборы под предлогом неблагоприятных знамений^[697]. Затем молния ударила в храмы Луны и Цереры в Городе, и авгуры перенесли выборы на день летнего солнцестояния. В дальнейшем вопрос о назначении консула-суффекта; судя по всему, не поднимался, и Карбон до конца года оставался единственным консулом^[698].

Тем временем в Рим прибыли послы от Суллы^[699]. По словам Аппиана, опальный проконсул в новом письме заявлял, что никогда не станет другом людей, совершивших такие преступления: (т. е. марианцев), но если государство предоставит им возможность спастись, он возражать не будет (τή πόλει δ' ού φθονήσειν χαρίζομένη τήν σωτηρίαν αὐτοῖς). Что же до безопасности, то и ему, и тем, кто нашел убежище в его лагере, обеспечит ее войско Суллы. Он также требовал признать за ним его проконсульскую власть, должность авгура, имущество и т. д. (App. BC. I. 79. 360-361).

Любопытно, что Сулла, говоря о судьбе вождей марианского режима, не отвечал на предложения сената, а развивал тему, поднятую им самим в первом письме. Означают ли слова Аппиана, что опальный проконсул готов был пойти на амнистию своих врагов, как иногда считается^[700]? В этом позволительно усомниться — речь шла явно об изгнании, которое означало для Карбона и остальных руководителей режима не только крах политической карьеры — они оказывались полностью во власти Суллы, который в любой момент мог расправиться с ними в нарушение всех обещаний.

В эпитамах же Ливия (рег. 84) сообщается лишь о том, что будущий диктатор ограничился просьбой об амнистии изгнанникам. Эта версия чрезвычайно выгодна для него, о других пунктах его письма ничего не сказано, что, впрочем, может объясниться избирательностью эпитом,

однако в том виде, в каком она изложена их составителем, воспринимать ее как достоверную не приходится. Возможно, у Ливия речь шла о том, что это было главное условие Суллы^[701], который, по мысли писателя, *eo ipso* заботился не о себе, а о других, тогда как марианцы, отказываясь от соглашения, руководствовались исключительно эгоистическими соображениями.

Сенат рассмотрел требования мятежного проконсула и пришел к решению о роспуске армий обеих сторон. Эпитоматор Ливия (per. 84) уверяет, будто имелись в виду прежде всего войска Карбона (*pulsus est, senatusque consultum per factionem Carbonis et Marianarum partium factum est, ut omnes ubique exercitus dimitterentur*). Однако это лишь трактовка римского писателя (если она точно передана в перифразе), крайне неприязненно относившегося к марианцам и стремившегося продемонстрировать поддержку Суллы сенатом. Но проигрывал от такого решения тот, чьи легионы обладали большей боеспособностью, т. е. Сулла, а потому решение сената подразумевало в первую очередь его, а не марианцев^[702]. Это был своего рода ответ сената на похвальбу победителя Митридата тем, что безопасность ему обеспечивает армия. Его власть проконсула, таким образом, аннулировалась не только юридически (это сделали давно, объявив его *hostis*), но и фактически. Об удовлетворении требований Суллы речи не шло, он по-прежнему оставался *hostis*. Ему опять предлагалось положиться на милость сената.

В перифразе 84-й книги Ливия говорится о том, что Карбон начал брать заложников в италийских городах, но натолкнулся на сопротивление — Валерий Максим (VI. 2. 10) рассказывает о случае в Плаценции, где местный магистрат Кастриций отказался предоставлять Карбону заложников. Сенат и вовсе потребовал прекратить эту практику^[703]. Эпитоматор Ливия уверяет, что *patres* готовы были принять условие Суллы о возвращении изгнанников, но консул сорвал соглашение, и лишь после описания других событий сообщается о решении сената распустить армии сторон. Такой порядок событий до сих пор иногда принимается учеными (см. Seager 1994, 186). Думается, однако, что данная версия испытала на себе слишком очевидное влияние просулланской традиции. Возможно также, что Ливий не примирил между собой разные варианты изложения событий (Badian 1962, 59).

Решение о роспуске армий, несомненно, исходило от сенатского большинства, не желавшего нового тура гражданской войны (Моммзен 1994, 232). Однако ни одна из сторон не собиралась выполнять его^[704]. М.

Ловано считает, что именно Карбон являлся инициатором постановления о роспуске армий (Lovano 2002, 110). Но сведений о том, что он распустил собственные войска, нет. Сомнительно также, что консул стал бы инициировать решение, которое собирался открыто саботировать. Поступить иначе он не мог, поскольку тогда ему пришлось бы сначала во исполнение сенатского решения распустить воинов, а потом, после отказа Суллы (иного от него ожидать не приходилось), собирать заново, что, бесспорно, нанесло бы большой вред делу, поскольку многие италийцы наверняка не захотели бы возвращаться в строй.

Но в целом, как пишет Аппиан (BC. I. 79. 361), общественное мнение в Италии было настроено против Суллы, который ясно дал понять, что «не собирается распускать свою армию и что он помышляет уже о тирании» (οὐ διαλύσων τὸν στρατόν, ἀλλὰ τὴν τυραννίδα ἤδη διανοούμενος). Нет никаких данных об уклонении италийцев от воинского набора. Однако это не означало, что италийцы готовы были давать заложников — если накануне Союзнической войны участвовавшие в заговоре общины обменивались заложниками (App. BC. I. 38. 170-171), то здесь речь шла об их *односторонней* выдаче. Следует также оговориться, что случай в Плаценции — единственный инцидент такого рода, о котором нам известно, но можно не сомневаться, что и другие общины отрицательно относились к мероприятию Карбона. Чтобы лучше понять позицию италийцев, необходимо рассмотреть политику циннанского режима по отношению к ним.

ИТАЛИЙСКИЙ ВОПРОС В 86—84 гг.

Естественно, что после взятия Рима Цинной и Марием в 87 г. встал вопрос о выполнении новым режимом своих обещаний в отношении италийцев. Уже в 86—85 гг. состоялась новая перепись населения, произведенная цензорами Л. Марцием Филиппом и М. Перперной Вейентоном^[705]. По данным Евсевия, сохранным Иеронимом (Helm 151), численность граждан составила 463 тыс. чел. Это означало весьма скромный прирост по сравнению с цензом 115—114 гг., когда цензоры насчитали 394 336 граждан (Liv. Per. 63). Такое обстоятельство породило различные трактовки. По мнению Ч. Летты, «в действительности, по-видимому, при проведении ценза 86—85 гг. не были учтены не только все *novi cives*, получившие права от Цинны, но даже и все *novi cives*, которые стали таковыми в 90 г. и позднее»^[706]. Указывалось на противодействие со стороны цензоров^[707], особенно Филиппа, врага Ливия Друза с его планами надления италийцев правами гражданства. Однако цензоры тем самым не лишали италийцев гражданства, а лишь утаивали их численность от государства, что могло обернуться для них крупными неприятностями. Видимо, во время проведения ценза не учли римских граждан, находившихся в Азии — прежде всего воинов Суллы^[708], да и потери римлян (как и самих италийцев) в войнах последних трех десятилетий были весьма значительны^[709]. Однако все это не объясняет столь малого прироста^[710]. Высказывалось мнение, что новые граждане не хотели регистрироваться, чтобы уклониться от призыва накануне неизбежной войны с Суллой^[711]. Некоторые авторы предполагали незавершенность ценза, поскольку данных о *lustrum* после него нет в Антийских фастах, хотя там упоминается *lustrum* 89 г. (Inscr. It. XIII. 159)^[712]. Т. П. Уайзмен, также отмечая это обстоятельство^[713], предположил, что результаты ценза 86 г. были признаны лишь после смерти Суллы^[714].

Однако в 89 г., по словам Цицерона (Arch. 11), вообще не проводилась переписи^[715] — напомним, что соответствующая речь произносилась перед современниками описываемых событий, а потому ошибку или подтасовку со стороны оратора можно считать исключенной^[716]. Можно допустить лишь упрощение, не меняющее сути дела, а именно что *lustrum* 89 г. был аннулирован по религиозным соображениям (Fest. 366L), и та же участь

могла постичь и результаты ценза (Linderski 1986, 2188). Да и само избрание цензоров уже через три года после предыдущих выборов (Wiseman 1969, 63) также весьма красноречиво. Вполне вероятно, резчик вольно или невольно переставил местами 89 и 86 гг. — ведь если бы в 86 г. *lustrum* не проводился в силу незаконченности ценза, то неясно, как документы о числе граждан попали в архив и тем самым стали известны позднейшим авторам^[717].

К. Ю. Белрх предложил характерное для него радикальное решение проблемы, сочтя, что переписчик пропустил первую букву в цифре, а потому речь должна идти не о 463 (CCCCLXIII), а о 963 тысячах граждан (DCCCCLXIII). Некоторые ученые склонны согласиться с этой поправкой^[718]. Г. Беннет, принимая предположение немецкого ученого об ошибке переписчика, считает, однако, что первая буква не выпала, а была неверно написана (DC2CLXIII вместо DCCCCLXIII), потому речь должна идти не о 962, а о 863 тысячах граждан (Bennett 1923, 44-45). П. А. Брант указывает, что точка зрения К. Ю. Белоха хорошо согласуется с данными ценза 70—69 гг. (910 тыс. чел.) — уменьшение числа граждан в условиях бесконечных войн неудивительно, но допускает все же, что цифры Иеронима верны. Ведь только в 84 г. сенат наделил новых граждан *ius suffragii*^[719], к тому же на проведении ценза могла сказаться позиция враждебного италийцам Филиппа^[720]. К этому можно добавить также стремление немецкого ученого править текст источника даже там, где к тому нет никаких оснований^[721].

Наиболее убедительным представляется объяснение не очень значительного приращения числа граждан в 86 г., предложенное Л. И Тэйлор: «При регистрации не было, по-видимому, учтено множество людей из групп с низкими доходами, которые мало значили в центуриатных комициях, однако были важны в собраниях триб, где каждый голос имел одинаковую значимость. Эти люди не нуждались в том, чтобы цензоры фиксировали их право голоса». Развивая точку зрения Л. Р. Тэйлор (хотя и допуская возможность ошибки переписчика), С. Кендалл отмечает, что большинство италийцев просто не участвовали в переписи, поскольку их не интересовали права, закреплявшиеся за ними во время ценза (его прохождение для голосования в трибутных комициях не требовалось) — они были важны лишь для самых богатых из их числа, кто рассчитывал сделать карьеру в Риме^[722]. Филипп же с его антииталийскими настроениями едва ли горел желанием добиваться всеобщей явки, а его коллега Перперна вряд ли стал бы в одиночку проявлять активность^[723].

Впрочем, их отчасти извиняли отнюдь не легкие послевоенные условия проведения ценза — далеко не все *cives novi* готовы были отложить дела и добираться до Города по дорогам, обстановка на которых после войны наверняка оставляла желать лучшего^[724]. В любом случае вряд ли верно считать ценз 86—85 гг. неудачей, как то делает Т. Франк (1924, 336). Для этого необходимо знать, чего ждали от переписи её организаторы, и хотели ли итальянцы *en masse* в ней участвовать.

Но как истолковать сообщение эпитоматора Ливия (per. 84): *novis civibus S. C. suffragium datum est?* Совершенно очевидно, что дать римское гражданство и *ius suffragii* отдельно друг от друга было невозможно. К. Ю. Белох истолковал этот пассаж очень просто: потребовалось два года, чтобы занести *cives novi* в списки (Beloch 1880, 37 + Anm. 2). Теоретически это не исключено, однако неясно, все ли *cives novi* были внесены в списки, а также почему на регистрацию столь небольшого числа новых граждан потребовалось так много времени и для чего надо было непременно ждать окончания внесения их в соответствующие документы? Высказывалось также мнение, что речь шла о распределении новых граждан по всем трибам без прежних ограничений, а потому теперь они могли реализовать свое право голосования во всей полноте (Lovano 2002, 62). Объясняя причину задержки с этими шагами, историки ссылаются на противодействие все того же Филиппа^[725]. Э. Бэдиан взглянул на вопрос шире, считая, что речь шла о нежелании Цинны и его окружения портить отношения с римской верхушкой, и лишь в условиях нарастания угрозы со стороны Суллы Карбон решился на упомянутую меру^[726]. Однако американскому исследователю возразили те ученые, которые сочли, что Цинна не решился бы столь сильно затянуть выполнение своего главного обещания итальянцам^[727]. Интересное объяснение предложила Л. Р. Тэйлор (1960, 106): по ее мнению, решение сената касалось тех итальянцев, которые не прошли ценз в 86—85 гг. (см. выше). Наконец, Э. Бисфем счел, что сенат просто подтвердил право *cives novi* голосовать в 31 сельской трибе (а не 35, как обычно пишут)^[728], продемонстрировав собственную позицию. С одной стороны, он показывал итальянцам, что, как и марианцы, заботится об их интересах, с другой — склонял Суллу к компромиссу, давая понять, что тот приобретет мало союзников, если попытается вернуться к прежним порядкам (Bispham 2007, 194). Более близкой к истине представляется точка зрения Л. Р. Тэйлор, поскольку ее трактовка лучше вписывается в контекст политической борьбы того момента — в условиях надвигающейся схватки с Суллой было очень желательно устранить последние сомнения у

италийцев в том, что их права защищены, ибо игнорирование последних привело к тяжелым последствиям в 87 г. Правда, в 85—84 гг. обстановка изменилась, италийцы проявили гораздо большую индифферентность, но тогда это было еще отнюдь не столь ясно, как в 83—82 гг. Что касается трактовки Э. Бисфема, то он, странным образом, не учитывает очевидного обстоятельства — упомянутый *senatus consultum* полностью соответствовал интересам не только сената, но и марианской верхушки^[729], остро нуждавшейся в поддержке союзников. Посему говорить здесь об особой позиции сената затруднительно.

Однако все это не помогает объяснить аналогичные мероприятия и в отношении вольноотпущенников, о чем сообщается прямо: «Либертины были распределены по тридцати пяти трибам (*libertini in quinque et XXX tribus distributi sunt*)» (Liv. Per. 84). Они вполне могли пройти ценз и обладали достаточным богатством, чтобы рассчитывать на дальнейшее участие в политических делах. Однако в ходе борьбы в 87 г. они не упоминаются — и, по-видимому, не случайно, ибо в условиях военного столкновения их роль оказалась значительно меньше. В свою очередь у сенаторов они традиционно вызывали большую «аллергию», чем италийцы. И вот здесь Цинна и его окружение могли отложить решение вопроса на более долгий срок в угоду сенаторам, но и отказаться от уступки вообще в условиях надвигавшейся войны, как видим, не смогли^[730].

Стоит отметить, что распределение по трибам началось еще до гражданской войны — привилегированные латинские колонии вошли в состав триб в соответствии с законом Юлия 90 г.^[731] Напомним, что проводилось оно не по всем 35 трибам, а по 31 сельской. На включении в ту или иную трибу, по-видимому, сказывались связи с влиятельными лицами, близость с одной из них, возможная историческая близость между ними, наличие значительного числа членов той или иной общины в какой-либо из триб (Bispham 2007, 197-198). Латинские муниципии (Арретий, Пренеста, Тибур и др.) были распределены по 16 трибам. Регистрация этнических групп проходила крайне неравномерно. Например, самниты, вестины, марсы, пелигны, френтаны, марруцины были записаны лишь в одну трибу^[732], тогда как умбров распределили по 9, а этрусков — по 10 (!)^[733]. По мнению Л. Р. Тэйлор, крайне сомнительно, что это было связано с позицией тех или иных племен в ходе Союзнической войны^[734], учитывая опору Цинны на италийцев во время осады Рима в 87 г. и наверняка еще не утраченную ими боевую готовность. Она полагает, что причиной такого характера регистрации стала нехватка «организованных муниципальных

центров» и прочность этнических связей^[735]. Э. Бисфем возражает на это, что при необходимости такие центры было не так уж трудно создать, и склонен объяснять дело именно тем, что бывшим повстанцам припомнили их активную борьбу с Римом в ходе *bellum sociale*, причем такая политика Цинны и его преемников создали им трудности в некоторых областях Италии в 84—82 гг.^[736]

Думается, в точке зрения Э. Бисфема много верного, поскольку тенденция слишком очевидна — этруски и умбры, поддержавшие Рим, оказались в намного более выгодных условиях (если считать таковым регистрацию в большом числе триб)^[737], чем активные повстанцы самниты и марсы. Однако источники дают возможность не сводить все к одной причине. Стоит вспомнить, что во время переговоров в 87 г. самниты требовали себе помимо добычи прав гражданства для себя и находившихся у них римских перебежчиков (*Gran. Lic. 20-21F: civitas ipsis et perfugis*). Но ни слова не говорилось о регистрации в возможно большем числе триб, хотя самниты не могли не знать о соответствующих законопроектах Сульпиция и Цинны. Это позволяет полагать, что они просто не видели для себя необходимости в данном условии — и, как показало недалекое будущее, не без оснований, поскольку не просматривается, чтобы оно дало новым гражданам какие-то преимущества. Вполне возможно, что и некоторые другие племена тоже отнюдь не добивались распределения по всем трибам. В то же время, такой подход, вероятно, был характерен не для всех: общины Этрурии, как мы видели, были зарегистрированы по 10 трибам, что трудно не соотносить с требованием о росписи союзников по всем трибам, особенно если учесть промарианскую позицию Этрурии в ходе гражданской войны.

Регистрация новых граждан по трибам по-разному сказалась на размерах прежних триб. Поллия, крупнейшая из их числа, не увеличилась, Квирина, Фалерна, Теретина выросли лишь незначительно, тогда как Велина получила латинские колонии Фирм в Пицене, а также Писторию в Этрурии, поселение апуанских лигуров в Самнии и совсем уж далекую Аквилею, соперничая теперь по числу избирателей с Поллией. Прежде наименьшая из всех, Арнская триба (*Arnensis*), стала теперь намного больше за счет крупной полосы в центре Италии. Весьма ощутимое приращение получила Лемония, благодаря Бононии (латинской колонии), Анконе и трем городам в Умбрии. В результате регистрации трибы оказались разбросаны по самым разным уголкам Италии, например, Фабия, Меция, Помптина делились на пять обособленных районов, а Корнелия,

возможно, даже на шесть^[738]. Причины такого раздробления, вероятно, крылись в стремлении циннанцев сохранить удобный им баланс. Однако об их мотивах в каждом конкретном случае мы можем только гадать, как и о том, какую роль играло давление со стороны различных сенаторских группировок и самих новых граждан. Учеными высказывались различные гипотезы относительно не дробления, а приписки тех или иных общин к определенным трибам. Например, Камерин попал в престижную Корнелиеву трибу с учетом большого числа проживавших там и раньше римских граждан, а Эклан — как родина Магиев, тогда как другие общины гирпинов попали в Галериеву трибу; Сора была включена в Ромилию, где заняла господствующее положение, в угоду интересам Мариев и их родственников, поскольку соседствовала с Арпином^[739]. Но все это, повторим, не более чем предположения, и «обнаружить последовательный план трудно»^[740].

Параллельно с цензом началась и муниципализация общин *cives novi*. Общины, члены которых получили гражданство по *lex Iulia* 90 г., видимо, стали по этому закону именоваться *municipia fundana civium Romanorum*, и более их статус не регулировался. *Dediticii populi*, судя по всему, обрели гражданские права без уточнения того, какого рода общины они должны образовать. События 88—87 гг. прервали подобного рода мероприятия, однако в 86 г. (по крайней мере, не ранее) они возобновились. Разницы между институциональными структурами лояльных Риму в 90—88 гг. общин и тех, что приняли участие в восстании, не наблюдается. Похоже, все общины вчерашних союзников, которые получили муниципальный статус при Цинне, возглавлялись кваттуорвирами^[741]. Соответствующий закон, судя по всему, был принят самое позднее в 83 г. Впрочем, в одной надписи из Петелии, касающейся муниципальных вопросов, упоминается *lex Cornelia*, автором которого, по мнению некоторых исследователей, вполне мог быть сам Цинна, и в этом случае он датируется 86—84 гг.^[742] Однако это лишь *terminus post quem*, сам же процесс (как, впрочем, и дарование гражданских прав) растянулся очень надолго, и даже спустя десятилетия оставались районы Апеннинского полуострова, которых муниципализация так и не коснулась, что при тогдашних средствах связи и, что самое важное, не очень высокой заинтересованности римской верхушки в ускорении этого процесса, в общем-то, неудивительно.

Особо следует остановиться на вопросе об основании марианцами колонии в Капуе. О ней сообщает Цицерон (*de lege agr* II 90-94): он побывал там в молодые годы вскоре после создания колонии, которую

возглавляли преторы Луций Консидий и Секст Сальций. Они, если верить оратору, были полны надменности, тогда как простой народ (*illi tunicati*) испытывал страх. Цицерона же и его спутников будто бы называли в Капуе «не гостями, а чужестранцами, вернее, пришлецами» (*iam non hospites, sed peregrini atque advenae nominabamur*).

Исследователи трактовали сообщение Цицерона по-разному. Одни считали, что Капуя представляла собой колонию в духе гракханских, другие — что она имела военное назначение, весьма важное в условиях надвигавшейся схватки с Суллой. Э. Габба отверг обе точки зрения, указав, что время гракханских колоний уже прошло — политика марианцев заметно отличалась от политики Гракхов, да и учреждать такую колонию скорее стоило бы не в антисуллански настроенной Кампании, а в менее надежных областях — например в Пицене. Не упоминается, наконец, ни о самих колонистах, ни о разделе земли между ними. Итальянский ученый указывает на то, что многие видные сторонники марианцев из числа италийцев были родом из Кампании (Гн. и Кв. Грании, Л. и П. Магии, Гутта и др.), и связывает основание колонии в Капуе, обладавшей автономией, с широкой поддержкой со стороны местной аристократии. «Придание Капуе статуса колонии, представлявшее собой, вероятно, первый этап программы реорганизации римлянами после дарования гражданства союзникам и предвосхищавшее трансформацию римских территорий, прежде зависевших от Рима, в автономные общины, должно было казаться гордым кампанцам воздаянием, пусть и запоздалым, за печально известные меры 211—210 гг. до н. э.»^[743].

Как представляется, Э. Габба во многом верно уловил суть происшедшего. Весьма важны его наблюдения — основание колонии не сопровождалось ни поселением колонистов, ни выделением земельных участков, что, насколько известно, не имело аналогов в прошлом, хотя станет весьма распространенной практикой при Империи (Э. Габба, к слову сказать, не отметил этого важного обстоятельства). Бесспорно, придание Капуе ее нового статуса являлось уступкой местной знати, но стоит ли видеть здесь первый Фаг в осуществлении крупномасштабной программы? В источниках ничто на это не указывает.

Э. Габба не придавал значения факту, который действительно должен был польститься гордости кампанцев — главы колонии получили статус преторов^[744], что вызывает громкое возмущение Цицерона: «Хотя в других колониях должностные лица назывались дуовирами, эти хотели называться преторами (*hi se praetores appellari volebant*). Если у них уже в первый год

появилось такое желание, то не думаете ли вы, что через несколько лет они стали бы добиваться звания консулов (*nonne arbitramini paucis annis fuisse consulum nomen appetituros*)?»^[745]. А. Н. Шервин-Уайт отмечает по этому поводу, что «утверждение, будто *hi se praetores appellari volebant*, несомненно, тенденциозно, если не сказать лживо, поскольку магистраты получали свой статус согласно *lex data*, в соответствии с которым основывалась колония»^[746]. Ученый прав в формальном смысле, но ничто не мешает видеть в этом пункте закона готовность его авторов пойти навстречу устремлениям кампанцев. Сложнее с вопросом о претензиях последних на консулат. В принципе таковые их пожелания вполне вероятны, но Цицерон явно имеет в виду не просто пожелания, а настойчивые требования вроде тех, что приписывали кампанцам применительно к событиям Ганнибаловой войны (Liv. XXIII. 6. 6). Но сам Ливий сомневался в достоверности рассказа об их притязаниях в 216 г. до н. э., считая его удвоением истории об аналогичных условиях латинов в IV в. (см. VIII. 5. 5), и уж тем более сомнительно, чтобы кампанцы настаивали на этом спустя более века^[747].

Ситуация представляется следующей. В условиях надвигавшейся войны с Суллой марианцы решили заручиться поддержкой одного из крупнейших городов Италии, который к тому же находился в зоне предполагаемых боевых действий. Поэтому Капуе даровали статус колонии без вывода туда колонистов, поставив во главе ее не дуовиров, а преторов. Эта мера (вероятно, в ряду каких-то иных уступок капуанцам, нам неизвестных) оказалась весьма эффективной — если Неаполь изменники в 82 г. сдали сулланцам, то Капуя до конца войны хранила нерушимую верность их врагам, за что, очевидно, и лишилась статуса колонии^[748].

Если суммировать изложенное, то можно констатировать следующее. Вопрос о распределении по всем трибам, оказавшийся одним из непосредственных поводов к гражданской войне, отражая более общий вопрос о правах недавних союзников, был решен и больше не возникал^[749]. То же можно сказать и о вольноотпущенниках. Мероприятия по муниципализации, отнюдь не завершившиеся в 83 г., положили начало муниципальной системе Италии в эпоху ранней Империи. Были *mutatis mutandis* заложены основы того, что в англоязычной историографии емко именуют *post-Social War Italy*.

Однако если говорить о влиянии политики марианцев на их отношения с недавними союзниками, то, судя по отсутствию энтузиазма, с которым те сражались в 83—82 гг. с Суллой (см. гл. 4), они дали ограниченный

эффект^[750]. Весьма вероятно, что италийцы быстро поняли практическую безрезультатность распределение их по всем трибам — судя по всему, оно не изменило сколь-либо существенно их положения^[751]. Вероятно также, дала себя знать и усталость от тяжелой войны, да и пропаганда Суллы, заявившего о том, что у него нет претензий ни к кому, кроме руководителей циннанского режима, т. е. италийцы *en masse* могли чувствовать себя спокойно. И даже если бы их верхушку удалось соблазнить чем-то более существенным (например, местами в сенате)^[752], на что марианцы не решились бы, по-видимому, ни при каких обстоятельствах, то все равно не очевидно, что простые италийцы проявили бы большее рвение в борьбе с сулланцами.

ЦИННА, СЕНАТ И СЕНАТОРСКИЕ ФАМИЛИИ В 86—84 гг.

Несомненно, устроенная в 87—86 гг. Марием и Цинной «чистка» среди сенаторов и всадников произвела тяжелое впечатление на (многих) представителей правящего слоя^[753]. Кое-кто из *patres* бежал к Сулле, присоединились к нему и некоторые из ушедших в изгнание еще до гражданской войны — Л. Мунаций Планк, Л. Манлий, Г. Антоний, П. Сервилий Ватия, Аппий Клавдий, Г. Аврелий Котта, Лентулы, возможно, М. Теренций Варрон Лукулл, М. Юний Силан^[754]. Стоит, однако, отметить, что среди них не было ни одного консуляра^[755]. И хотя Веллей Патеркул (II. 23. 3) пишет о бегстве к Сулле *maior pars popilitatis*, это явно не более чем риторическое преувеличение^[756]. То же касается и Евтропия (V. 7. 4), который идет еще дальше, утверждая, будто к Сулле бежали все выжившие в ходе репрессий сенаторы (*universus reliquus senatus*). В еще большей степени это касается слов Плутарха (Sulla 22.1) о «подобии сената» (συήμα βουλής), которое образовали укрывшиеся в его лагере *patres*, на основании чего иногда без должных оснований пишут об «антисенате», находившемся при Сулле^[757]. Реплика Плутарха могла отражать представления не римлян, а греков, которые на тот момент не находились под властью римского сената, а потому сулланские сенаторы были для них единственными представителями этого органа^[758].

Кроме того, отнюдь не все оставившие Италию представители правящего слоя перебрались в лагерь Суллы. Метелл Пий, в частности, отправился в Африку, Цецилий Корнута — в Галлию, Марк Красс (будущий триумвир) - в Дальнюю Испанию^[759]. Но нет в свою очередь сведений и о том, чтобы кто-то из подчиненных Суллы покинул его, как то имело место во время его похода на Рим в 88 г., и возвратился в Италию.

Цензорами на 86 г. были избраны Марк Перперна Вейентон и Луций Марций Филипп, консулы 92 и 91 гг.^[760] О переписи уже шла речь выше, в данном случае о *lectio senatus*^[761]. Видимо, именно тогда принципсом сената стал консул 100 г. Луций Валерий Флакк^[762], единственный консул и цензорий из числа патрициев^[763]. Свою роль при этом могли сыграть как его безупречное происхождение и карьера, так и то, что он никогда не играл активной роли, будучи вторым лицом во время и консулата, и цензуры^[764].

Известно, что из списков сенаторов оказался вычеркнут уже изгнанный Аппий Клавдий Пульхр^[765] — между прочим, брат матери Филиппа, который тем не менее его не пощадил (Сис. Дом. 84). Высказывалось также предположение о том, что из списков сенаторов исключили Метелла Пия^[766]. Вопрос непростой, если учесть предполагаемое соглашение Цинны с Метеллом. Однако слабейшей стороной в этой ситуации был именно Метелл, и активно отреагировать на лишение его senatorского статуса он не мог. Поэтому нельзя исключить, что такое событие могло произойти. Наконец, сложно представить, что в составе сената остались Сулла (странным образом на это обстоятельство ученые, кажется, внимания не обращали) и те *patres*, которые бежали к нему или в иные места, спасаясь от гнева новой власти (например, Цецилий Корнут, скрывшийся в Галлии). Наверняка не был внесен в списки Лукулл, в 88 или 87 г. занимавший должность квестора.

В то же время, как предполагают многие исследователи, в состав сената было включено немало новых лиц. По мнению Э. Габбы, это были популярны, что и позволило распределить новых граждан по всем трибам. Ф. Сантанджело пишет просто о замещении сенаторов, ушедших из жизни во время Союзнической войны^[767]. Однако это не более чем догадка. Молчание источников о ней можно трактовать по-разному. Сулла и его сторонники не хотели напоминать, что, пополняя сенат, идут по стопам побежденных, но авторы, не симпатизировавшие ни тем, ни другим, вполне могли осудить включение в его состав циннанцами «сомнительных» личностей. Если таковое и имело место, то речь, по-видимому, шла об очень незначительном их числе, не заслуживавшем упоминания в источниках.

Что касается идеи о сотрудничестве Цинны с правящими кругами, то она требует конкретизации. Конечно, уже само прекращение репрессий (негласно их можно было по большей части приписать Марию) и уничтожение отряда бардиеев (своеобразный жест «доброй воли») способствовали нормализации отношений с верхними слоями римского общества. Консульская должность находилась, разумеется, в руках вождей режима, но остальные магистратуры, судя по всему, были объектом более или менее легитимных выборов^[768]. К тому же вряд ли сенаторы не понимали, что в ближайшем будущем предстоит война с Суллой, и наверняка предпочитали статус-кво новым крутым переменам. Очевидных союзников у Суллы в сенате на тот момент, судя по всему, практически не было. Те, кто будет наиболее активно сражаться за него в 83—82 гг., либо в

то время еще не принадлежали к числу *patres* (Помпей, Красс), либо находились вне пределов Италии (Метелл Пий, Сервилий Ватия, вероятно, Ваэрон Лукулл, Долабелла)^[769].

Новый режим укреплял связи со знатными фамилиями^[770]. Луций Валерий Флакк, двоюродный брат союзника Мария, консула 100 г., стал преемником арпината после его смерти, а в 83 г. консулом стал другой нобиль - Луций Корнелий Сципион (см. ниже). Цинна выдал свою дочь за юного Цезаря^[771], будущего диктатора, назначенного затем на должность фламينا Юпитера взамен погибшего Корнелия Мерулы^[772]. Цинна, таким образом, вероятно, давал понять, что не собирается оставлять пустующей столь важную для Рима магистратуру^[773]. Но, с другой стороны, он стремился наладить отношения с одной из ветвей фамилии Цезарей (погибшие в ходе чистки 87—86 гг. Луций и Гай Цезари относились к другой ветви).

Как полагает М. Грант (2003, 18), заодно он пытался выстроить отношения и с Аврелиями, к которым принадлежала мать Цезаря. Однако последнее представляется весьма спорным — Гай Аврелий Котта находился в то время в изгнании и присоединился к Сулле (см. выше), а Луций Котта станет консулом лишь в 65 г., т. е. в середине 80-х гг. он был еще слишком молод, чтобы представлять интерес для Цинны как политический союзник; Марк Аврелий Котта достигнет консульства в 74 г., что с высокой степенью вероятности предполагает его принадлежность к сулланцам^[774].

Как уже говорилось, положение жреца Юпитера было сопряжено со многими ограничениями, которые могли поставить под удар карьеру будущего диктатора^[775]. С. Вайншток объясняет все очень просто — Марий^[776] и Цинна исходили из своих интересов, а не интересов Цезаря, учитывая важность фламината. Однако логичнее, как кажется, предположить, что им было предпочтительнее иметь в качестве фламينا Юпитера своего или, по крайней мере, лояльного им человека^[777]. Пренебрежение же интересами последнего легко могло настроить его против них или их преемников, что представлялось нежелательным. Гораздо более вероятно, что Цезарь или, скорее, его родственники вряд ли сильно беспокоились из-за связанных с фламинатом ограничений. Еще в начале II в. они не помешали фламину Юпитера Л. Валерию Флакку стать претором (MRR I, 379) — хорошее достижение даже для нобилей, а пример Мерулы давал определенные основания надеяться и на консульство.

Светоний пишет о Цезаре как о *destinatus* (Div. Iul. 1.1), Веллей Патеркул — как о *creatus* (II. 43. 1), т. е. о том, что Цезарь прошел процедуру инаугурации. Большинство историков предпочитает данные более обстоятельного Светония и полагает, что инаугурация во фламины Юпитера Гая Юлия так и не состоялась^[778]. Связано это было, скорее всего, с молодостью Цезаря (см. Plut. Caes. 1.3).

Несомненно, авторитет новой власти должны были укрепить, как уже говорилось, меры по стабилизации денежного обращения, с одной стороны, и облегчения долгового бремени — с другой. Однако источники не позволяют с точностью судить о реакции элиты. Применительно к закону Валерия мы знаем благодаря Веллею Патеркулу лишь о недовольстве определенных кругов (явно ростовщических, среди представителей которых вполне могли быть и сенаторы), а к эдикту Гратициана — о ликовании простых людей, тогда как о высших сословиях ничего не сообщается. Не исключено, что немало ростовщиков, до предела возмущенных *lex Valeria*, не испытывало никакой благодарности за стабилизацию монеты^[779]. У многих же из тех представителей высших сословий, которые смогли на некоторое время избавиться от части долгов, эдикт Гратициана породил глубокое разочарование, заставившее забыть о недавних послаблениях в связи с законом Валерия.

Однако в целом сенат, очевидно, сложившееся *status quo* устраивало^[780]. Об этом свидетельствует его энергичное, хотя и безуспешное выступление против военных приготовлений Цинны и предложение переговоров Сулле. (Это лишний раз заставляет усомниться в гипотезе Э. Габбы о том, что в результате цензуры 86 г. в сенате стали преобладать «популярные» — такие люди имели бы все основания опасаться Суллы.) Любопытно, что источники, в целом весьма неблагоприятные к циннанцам, не сообщают о каких-либо репрессиях по отношению к оппозиции — это означало бы борьбу с большинством сената. С другой стороны, выполнять его волю Цинна и Карбон также не стали, но иного было трудно ожидать.

На дальнейшую позицию подавляющего большинства сенаторов повлиял, очевидно, ход кампаний 83—82 гг., успех в которых, как мы увидим (см. гл. 4), сопутствовал Сулле и его военачальникам. Результаты этих кампаний в значительно большей степени, нежели позиция сената, определили будущее Республики на ближайшие десятилетия.

ОСОБЕННОСТИ ЦИННАНСКОГО РЕЖИМА

Прежде чем говорить о характерных чертах марианского/циннанского режима, стоит рассмотреть, какое место занимали циннанцы в среде нобилитета. Цицерон именует их *homines novi*^[781]. Так ли это было на самом деле? Бесспорно, к числу «новых людей» относился Марий; несколько более выигрышным было положение его сына, но он еще не достиг консульского возраста и добьется высшей магистратуры в обход правил лишь в конце правления своей «партии» (см. ниже). Если же говорить о Цинне, то он принадлежал к числу патрициев, но в его роду был лишь один консул (127 г.: MRR I, 507), которого иногда считают его отцом^[782]. Предком участника осады Рима в 87 г. и войны 83—82 гг. Г. Марция Цензорина также был консул (149 г.), он же и цензор (147 г.) — но тоже только один. Как и у легата (?) Сертория Ливия Салинатора — это был дважды консул (219 и 207 гг.) и цензор (204 г.), герой битвы при Метавре М. Ливий Салинатор, однако с той поры минуло уже несколько поколений, и свидетельства такой родovitости, как говорил Цицерон, «приходится разыскивать не в толках современников, а в пыли летописей» (Mur. 16), т. е. она уже во многом утратила значение. Несколько знатнее был Гней Папирий Карбон, отец и дядя которого занимали консульскую должность соответственно в 120 и 113 гг. То же можно сказать о сыне и внуке консулов М. Перперне Вейентоне. Зато настоящими нобильями были объявленный *hostis* вместе с Марией в 88 г. П. Корнелий Цетег, консул-суффект 86 г. Л. Валерий Флакк^[783], консул 83 г. Л. Корнелий Сципион, претор 88 г. Марк Юний Брут, одноименный плебейский трибун 83 г., городской претор 82 г. Л. Юний Брут Дамасипп, командующий силами марианцев в Африке Гн. Домиций Агенобарб. А вот консул 83 г. Г. Норбан, двукратный претор М. Марий Гратидиан, претор 86 (?) г. и проконсул Ближней Испании Кв. Серторий, претор 82 г. Г. Карринат^[784], пропретор Африки Г. Фабий Адриан, плебейский трибун 82 (?) г. Кв. Валерий Соран, легаты (?) в ходе осады Рима в 87 г. Г. Милоний и войны 83—82 гг. П. Альбинован, Г. (Делий?) Антипатр относились к числу *homines novi*^[785].

Как видим, несмотря на значительное число представителей старинных нобильских семейств, удельный вес «новых людей» в среде марианцев весьма высок, да и многие нобили относились, по выражению Н. Н. Трухиной (1986, 55), к «молодой» знати. Налицо более широкая

социальная база нового режима. Той же цели объективно служило и распространение прав гражданства на италийцев. Однако оно было вызвано скорее необходимостью, нежели «программными» установками победителей, ибо дальнейшее затягивание в этом вопросе грозило крупными осложнениями. Цинне и его окружению, как отмечал еще Т. Моммзен, вообще было свойственно не пытаться играть «на опережение», они реагировали лишь на самые неотложные проблемы — гражданскую, долговую. Меры в этих областях были «продиктованы потребностями момента. В основе их [...] лежал не какой-либо хотя бы и неправильный план, а вообще не было никакого политического плана. Угождали черни, но в то же время без малейшей надобности раздражали ее бесцельным нарушением законного порядка выборов. Могли бы найти опору в партии капиталистов, но нанесли ей чрезвычайно чувствительный удар изданием закона о долгах. В сущности, опорой режима были, без всякого с его стороны содействия, новые граждане. Пользовались их поддержкой, но не позаботились урегулировать странное положение самнитов, которые номинально стали теперь римскими гражданами, а на деле же, очевидно, считали настоящей целью борьбы свою территориальную независимость и не складывали оружия, готовясь защищать ее от всех и каждого. Убивали видных сенаторов, как бешеных собак, но палец о палец не ударили, чтобы преобразовать сенат в интересах правительства или хотя бы терроризировать его надолго, так что правительство не могло положиться и на сенат» (Моммзен 1994, 230). Г. Беннет, отчасти следуя Т. Моммзену, все же не столь категоричен: «Заслуги администрации Цинны носили по большей части негативный характер. За исключением уравнения италийцев в правах нет ни одного примера конструктивной государственной деятельности, который можно было бы поставить ей в зачет. Это могло быть отчасти обусловлено враждебностью историков, чьи труды послужили источниками для дошедших до нас сообщений, а также тем, что все следы циннанских новаций должна была полностью смести сулланская реакция, но едва ли возможно, чтобы сколь-либо крупная реформа могла быть осуществлена или задумана без того, чтобы о ней сохранились хоть какие-то упоминания» (Bennett 1923, 67).

С тем, что циннанцы вели себя достаточно безынициативно, спорить не приходится. Наглядный пример: явно нуждаясь в расширении социальной базы, они тем не менее не пошли даже на столь очевидную меру, как увеличение числа магистратур, что потом сделает Сулла. Вопрос в том, что служило причиной такой позиции — личные качества руководителей режима или их неуверенность в прочности своей власти?

Думается, второе, поскольку положение их действительно было довольно зыбким. Достаточно сказать, что после взятия Рима нет сведений о какой-либо армии под командованием Цинны — не приводится сомневаться, что она была распущена (Lovaño 2002, 76), по крайней мере, ее основная часть. После репрессий сенаторы не могли не относиться к победителям настороженно, не имелось оснований для симпатий к ним и у городского плебса, учитывая недавний голод, вызванный осадой, и неприязнь простонародья к италийцам, за чьи (среди прочего) права сражались Цинна и Марий. В этих условиях проводить что-то, кроме самых неотложных реформ (к тому же в условиях грядущей войны с Суллой), было не так-то просто. Рассуждения Моммзена о «преобразовании сената в интересах правительства» и уж тем более о еще большем его устраниении, представляются неубедительными. Вообще непонятно, что понимал немецкий исследователь под таким «преобразованием», а еще более масштабные репрессии грозили полной деморализацией сената и падением его авторитета до критической отметки, тогда как новая власть нуждалась в нем для легитимизации своей политики. Если же говорить о раздражении народа нарушением процедуры выборов, то в источниках о нем речи не идет. «Партии капиталистов», в которой Моммзен видел потенциальную опору циннанцев, не существовало вообще, но то, что их финансовые мероприятия могли наряду со стабилизацией положения в сфере денежного обращения и кредита вызвать сильное недовольство значительной части сенаторов и всадников, сомневаться не приходится. Однако это свидетельствует лишь о сложности того положения, в котором оказался новый режим. Напомним также об ограниченности финансовых ресурсов, имевшихся в распоряжении циннанских властей. Что же касается наличия плана, то вопрос в том, что под ним понимать. План ближайших мероприятий, вполне вероятно, был — расправа с политическими противниками, урегулирование италийского вопроса, стабилизация финансов, — но говорить о полномасштабном переустройстве политической системы, которую подразумевает Моммзен, не имеет смысла. Не стоит забывать и о предстоявшей войне с Суллой, которая не слишком располагала (по крайней мере, психологически) к коренным реформам; сам он взялся за них также лишь после победы в гражданской войне, причем в значительной степени опираясь на достижения предшественников.

Неудивительно, что в этих условиях циннанцы проводили достаточно осторожную политику, ограничиваясь преимущественно узурпацией консулата. Сенат и комиции функционировали по-прежнему, хотя и под контролем новой власти. На основании суждений Цицерона

предполагается, что снизилась активность судов, в прежние десятилетия являвшихся средоточием общественной активности^[786]. В то же время Цицерон называет немало имен видных мастеров красноречия середины 80-х гг. Это Кв. Гортензий Гортал, П. Антистий, Л. Марций Филипп, Г. Папирий Карбон Арвина^[787], Кв. Серторий, Г. Гаргоний, М. Вергилий и др. (Brut. 179-180, 308). Кроме того, он сообщает о гибели во времена проскрипций многих судебных ораторов (пусть и не поименованных), истребление которых сравнивает с побоищами при Тразименском озере и Каннах^[788]. И когда он (Brut. 227) говорит о «безлюдности» форума, в условиях которой блистал талант П. Антистия (*hoc etiam magis probabatur, quod erat ab oratoribus quaedam in foro solitudo*), о поправии права и достоинства (*temporibus [...] iis, quibus inter profectionem reditumque L. Sullae sine iure fuit et sine ulla dignitate res publica*), то это следует понимать лишь как риторические фигуры речи, а также как исчезновение с форума выдающихся ораторов прежних лет — Л. Красса, М. Антония, Г. Цезаря Страбона, Кв. Катула, что и позволяло Антистию снискать славу, о которой пишет Цицерон. О статистике судебных дел данных у нас нет. Можно говорить лишь о том, что не было таких громких процессов, о которых мы слышали применительно к предшествующим и последующим периодам^[789]. В чем именно состояло поправие *ius et dignitas*, Цицерон не конкретизирует^[790], что, кстати сказать, явно контрастирует с началом речи «За Росция Америкского», где он жалуется на «неблагоприятные обстоятельства» для судебных выступлений в то время, когда победили враги Мария и Цинны (1: *iniquitatem temporum; taceant auterti idcirco, quia periculum vitant*). Незримый контроль власти в важнейших случаях, безусловно, ощущался, но насколько часто и в какой мере, сказать невозможно из-за отсутствия данных. Само это молчание в известном смысле характерно — учитывая практически единодушную неприязнь античных авторов к циннанцам, логично было бы ожидать соответствующих примеров, и, вполне вероятно, что дело тут не только в скудости источникового материала. Причина этого, очевидно, в том, что циннанцы избегали явных нарушений (за исключением репрессий 87—86 и 82 гг. и переизбрания их вождей в консулы год за годом), которые стали бы достойным сюжетом для обличений со стороны их недругов.

Таким образом, время власти Цинны вряд ли можно считать в прямом смысле *dominatio* (*dominatus*), как его подчас называли античные авторы^[791]. Для этого у него просто не хватало сил. В то же время не приходится отрицать, что и продолжением прежних порядков

установившийся режим не был. Правление Цинны, как полагает Г. Беннет, сыграло свою роль в том, что эволюция римской государственности пошла в направлении абсолютной власти под прикрытием конституционных форм. Г. Флауэр же настаивает на том, что непрерывные консулаты Цинны, как и диктатура Суллы, означали конец прежнего порядка, и не считает режим Цинны относящимся к истории Республики^[792]. Что касается последнего высказывания, то вопрос этот в немалой степени схоластический. Однако большей концентрации власти в руках у Цинны, чем у любого другого консула Республики в предшествующий период, отрицать не приходится. Можно говорить как минимум о «бархатной» диктатуре (в современном, разумеется, смысле слова), хотя магистратуру диктатора Цинна не принял даже в условиях приближения войны с Суллой, что, вне сомнения, не случайно. В спокойных условиях созданный им режим имел шансы продержаться еще не один год, поскольку сумел добиться лояльности большинства жителей Рима и Италии, в том числе (и прежде всего) элиты. Однако существовать он мог, судя по всему, не столько потому, что пользовался активной поддержкой, сколько потому, что в целом удовлетворял представлениям большинства о том минимуме, которого большинство ожидало от власти. Обеспечивавшийся режимом *status quo*, в любом случае, был лучше новой гражданской войны, без которой смена власти в те годы являлась невозможной. Но если в самой Италии пока смуты ожидать не приходилось, то это еще не устраняло угрозу извне, а вот к ее отражению Цинна и его преемники, как это продемонстрировали события 83—82 гг., оказались не готовы. Сплотить Рим и Италию перед угрозой со стороны Суллы, не остановившегося перед разжиганием новой гражданской войны, новый режим не смог, тем более что он лишился двух наиболее авторитетных вождей — Мария и Цинны. Гибель последнего, по видимости случайная, на деле таковой не была — она отражала достаточно скромный авторитет главы режима (напомним также, что нет никаких сведений о наказании его убийц). Трудно представить, чтобы в такую ситуацию попал Марий. Его смерть, в сущности, стала катастрофой для врагов Суллы (причем ни сами они, ни их недруги, похоже, так этого и не осознали), поскольку в условиях неустойчивого равновесия 80-х гг. личность арпината — не только выдающегося полководца, но и, вопреки распространенному мнению, авторитетнейшего и весьма талантливого политика — являлась тем «довеском», который мог склонить чашу весов на сторону нового режима. Преемники же Мария, не обладавшие не только его влиянием, способностями и связями, но и опытом, похоже, не до конца понимали, что

им делать с властью и как обеспечить успех в столкновении с Суллой. Они сумели в целом — что, конечно, тоже немало — избежать раскола в своих рядах, однако этого, как продемонстрировали последующие события, оказалось в сложившихся условиях недостаточно для достижения победы над таким опасным врагом, как Сулла.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начало правления Цинны и Мария, захвативших власть в Риме силой оружия, ознаменовалось репрессиями против их врагов — прежде всего, конечно, сенаторов. Хотя их масштабы сильно преувеличены в античной традиции, это была первая расправа с таким числом *patres* (в том числе консульского ранга), осуществленная к тому же без санкции сената.

Тем не менее уже в начале 86 г. репрессии прекратились, и Цинна стал налаживать отношения с сенатом. Немало (по-видимому, значительное большинство) видных его членов предпочло остаться в Риме и сотрудничать с новым режимом, тогда как в лагерь Суллы бежали лишь немногие, причем среди них до 83 г. не было ни одного консуляра. Цинна и его преемники не выпускали из рук консульских должностей, однако об их контроле над избранием других магистратов сведений нет (в первую очередь, впрочем, из-за недостатка источников). Циннанское руководство добилось финансовой стабилизации, а также распределило италийцев по 31 трибе.

Однако в целом оно действовало недостаточно инициативно и не сумело обеспечить себе со стороны италийцев такой поддержки, которая позволила бы ему должным образом подготовиться к борьбе с Суллой, после Дарданского мира открыто взявшим курс на продолжение гражданской войны.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
РЕШАЮЩИЙ ЭТАП
ПРОТИВОСТОЯНИЯ: 83—82 гг. до н. э.

НАКАНУНЕ СХВАТКИ

Борьба в Италии в 83—82 гг. нередко считают отдельной гражданской войной^[793], что верно в узком смысле, но в широком, несомненно, она являлась лишь частью противостояния 88—82/81 гг. Во всяком случае, странно называть ее, как это иногда делается, первой гражданской войной^[794]. До нее были и марш Суллы на Рим в 88 г., и осада Города войсками Цинны и Мария, сопровождавшаяся операциями в других районах Италии (см. гл. 2). Теперь же боевые действия достигли наивысшего за эти годы размаха и продолжались как минимум вдвое дольше. В них приняло участие наибольшее число людей со времен Союзнической войны, и результат предопределил развитие Рима на несколько десятилетий.

Сулла собрал для вторжения достаточно скромные силы: 5 легионов — всего 40 000 воинов, среди них 6000 всадников; в рядах его армии находились вспомогательные отряды из Греции и Македонии (App. BC. I. 79. 363). Веллей Патеркул пишет и вовсе о 30 000 солдат (II. 24. 3) — цифры, по мнению Э. Габбы, восходящие к мемуарам Суллы и потому вряд ли заслуживающие доверия (Gabba 1958, 218). Возможно, имелись в виду собственно римские части (если, например, предположить, что Сулла укомплектовал легионы до 6000 воинов каждый), но в любом случае это не вся армия (Brunt 1971, 441). К тому же, необходимо учитывать войска вставших на сторону будущего диктатора Метелла Пия^[795], Помпея, Красса^[796]. Важно учитывать также, что под командованием Суллы находились закаленные в боях и лично ему преданные воины^[797], а их командиры по большей части были не только опытными, но и способными военачальниками. Кроме того, главенство Суллы в антимарианском лагере никто не оспаривал — в результате репрессий 87 г. практически все потенциальные конкуренты Суллы в руководстве антимарианской группировкой погибли (Егоров 1989, 135).

Иная ситуация складывалась в Италии. Гибель Цинны лишила марианцев их наиболее авторитетного (и, по-видимому, способного) вождя. В условиях надвигающейся войны это привело к усилению коллективного начала, не способствующего удачному руководству боевыми действиями. Как верно заметил В. Шур, «преждевременная смерть Цинны стала одним из тех многочисленных счастливых случаев, которым Сулла имел

привычку, и не без основания, приписывать значительную долю своего успеха»^[798]. В Риме произошли изменения в верхах: Карбон, вызвавший, по всей видимости, недовольство излишне самовластными действиями в качестве *consul sine collega*^[799], не был избран консулом на 83 г. Высшую должность заняли Луций Корнелий Сципион Азиатский и Гай Норбан (MRR II, 62). Это рассматривается как компромисс, т. к. одним из консулов стал представитель высшего слоя нобилитета, а другим - выходец из италийского муниципия^[800]. «*Nobilis* и “новый” гражданин, — как пишет Э. Бэдиан, — должны были символизировать *concordia*»^[801]. Однако вызывает сомнения тезис о том, что избрание обоих стало «последней и бесплодной уступкой умеренной коалиции»^[802]. В отношении Норбана его «умеренности» ничто не доказывает даже косвенно — он отказался от переговоров с Суллой в 83 г. (см. ниже, с. 257), а после разгрома марианцев диктатор потребовал его выдачи у родосцев^[803]. Что касается Сципиона, он вел переговоры с Суллой в 83 г. и позднее не был убит, хотя его и внесли в проскрипции одним из первых (Oros. V. 21. 3). Однако переговоры могли обуславливаться неблагоприятной обстановкой, а фактическое помилование — знатностью (Hinard 1985 a, 345), не говоря уже о том, что Сципион отказался перейти на сторону Суллы, когда попал в плен к нему, а позже даже попытался продолжить борьбу с ним^[804]. Стоит также отметить несправедливость оценок Сципиона и Норбана как людей бездарных и даже ничтожных^[805]. Первый, как уже говорилось, успешно воевал в Иллирии, второй имел боевой опыт в Киликии, а во время Союзнической войны сумел удержать Сицилию и Регий в условиях атак со стороны италийцев^[806]. Другое дело, что способности и авторитет обоих были явно недостаточными для того, чтобы на равных вести борьбу с таким опасным противником, как Сулла (Last 1932, 270-271).

Что касается Карбона, то он стал проконсулом (MRR II, 64) и продолжал подготовку к войне^[807]. Как минимум четверо из преторов, избранных на 82 г., являлись активными врагами Суллы^[808]. Голоса сторонников мира умолкли (Bulst 1964, 324) — опасность стала слишком очевидной, да и договориться с Суллой на приемлемых условиях не удавалось. Вероятно, еще накануне вторжения был издан *senatus consultum ultimum*, наделявший консулов особыми полномочиями (Ehur. 7.43Z)^[809]. Они начали собирать войска, и в результате предпринятых ими мобилизационных мероприятий в их распоряжении оказались весьма внушительные силы. Веллей Патеркул (II. 24. 3) утверждает, будто Сулле

противостояло 200 тыс. врагов, а Плутарх (Sulla 27.6) пишет и вовсе о 450 когортах, т. е. о 225 тыс. чел., что, весьма вероятно, восходит к мемуарам Суллы^[810]. Впрочем, ненавидящий Суллу Флор (III. 21. 18) говорит даже о 500 когортах (= 250 тыс. чел.). Эти цифры могут отражать, пожалуй, лишь общее число мобилизованных за оба года войны (Schur 1942, 158, Anm. 4). Аппиан (BC. I. 82. 373) пишет, что когда в 83 г. Сципион, Норбан и Карбон выступили в поход, под их командованием находилось 200 когорт по 500 человек в каждой, а по дороге они пополнили свои силы; это дает цифру в 100 000 воинов и более. Выходит, что у каждого из них было порядка 40 тыс. чел. даже с учетом определенного пополнения. С другой стороны, в Италии, как мы увидим, действовали армии и других марианских военачальников. Каков был среди мобилизованных процент участников, имевших боевой опыт, мы не знаем, но готовность большинства воевать за марианский режим, как покажут события 83—82 гг., оказалась намного ниже, чем у их противников. Показательно, что далеко не сразу вступили в войну самниты, чьи войска, похоже, обладали достаточно высокой боеспособностью. Кроме того, оставляли желать много лучшего военные дарования противостоявших Сулле полководцев. Даже Серторий, который продемонстрировал несомненный военный талант в Испании в 70-х гг., и там не мог на равных сражаться с Метеллом Пием иначе как в условиях партизанской войны, к чему обстановка в Италии явно не располагала. К тому же здесь пришлось бы иметь дело и с самим Суллой. Наконец, как уже говорилось, отсутствовало единое руководство. Все это во многом предопределило поражение марианцев. Но и недооценивать их силы не приходилось^[811], иначе война не продлилась бы два года.

КАМПАНИЯ 83 г. В ИТАЛИИ

Весной 83 г. Сулла, переправившись с армией через Адриатическое море на 1200 судах, высадился в Брундизии^[812], жители которого впустили его без боя^[813]. Это позволяет с уверенностью предполагать лояльную по отношению к будущему диктатору позицию жителей города. Несколько сложнее обстоит дело с вопросом о его гарнизоне: он мог здесь отсутствовать, а мог и перейти на сторону Суллы. Можно лишь отметить, что последний, по словам Аппиана, даровал населению Брундизия *ἀχέλεια*^[814], тогда как ни о гарнизоне, ни о его начальнике, ни об их поощрении за переход на сторону сил вторжения ничего не сказано.

Щедрая награда жителям первого занятого им италийского города была своего рода «посланием» Суллы другим общинам Апеннинского полуострова, которые могли надеяться на немалые льготы в случае скорейшего перехода на его сторону^[815].

Однако наиболее действенным аргументом в пользу лояльности ему стало отсутствие в юго-восточной Италии марианских войск, и неудивительно, что Сулла неспешно двигался по Аппиевой дороге к Таренту, не встречая сопротивления^[816]. Не вполне понятна пассивность правительственных войск, источники на сей счет никаких объяснений не содержат. Ясно лишь, что марианцы не были уверены в своих силах, но обуславливалось ли это слабой спаянностью новых частей, их недостаточной подготовкой или уверенностью, что население юго-восточной Италии поддержит Суллу, сказать трудно. В любом случае вызывает удивление, что за столь длительный срок марианцы не приняли должных мер по защите Апулии и Лукании от неприятеля. С другой стороны, в источниках не сохранилось сведений о том, что их пассивность вызвала какие-либо нарекания, как то будет в начале 82 г., когда Серторий выступит с критикой действий марианского руководства. Обращает на себя внимание и то, что оно не применяло и тактику «выжженной земли» — несомненно, из опасений вызвать массовое недовольство италийцев. В свою очередь, воины Суллы, поклявшиеся ему накануне похода не чинить насилий в Италии (Plut. Sulla 27.5), пока неукоснительно соблюдали свою клятву (Veil. Pat. II. 25. 1). Несомненно, это укрепляло позиции мятежного проконсула в Италии.

Когда Сулла дошел до Сильвия (совр. Гравина ди Пулья), местечка на

границе Апулии и Калабрии, к нему, если верить Плутарху, явился раб некоего Луция Понтия^[817] с предложением поспешить. В противном случае, предупреждал он, вскоре сгорит храм Юпитера Капитолийского. Это и произошло 6 июля 83 г. (Plut. Sulla 27. 12-13), в чем стороны, естественно, стали обвинять друг друга (App. BC. I. 86. 390). Понтий, хозяин раба, был, скорее всего, самнитом, чьи края находились совсем рядом. В. А. Сираго противопоставляет его прочим самнитам, настроенным промариански. Он сравнивает Понтия с кампанцем Минацием Магием, который во время Союзнической войны набрал легион в области гирпинов, захватил Компсу, помог овладеть Геркуланумом, а вместе с Суллой осаждал Помпеи^[818]. Другие исследователи, напротив, считают хозяина упомянутого раба Понтием Телесином, который сразится с Суллой в решающей битве при Коллинских воротах 1 ноября 82 г. (см. ниже, с. 296-300)^[819], т. е. человеком, римлянам отнюдь не лояльным. Впрочем, на тот момент его позиция могла быть иной^[820]. Вскоре войска Суллы пересекли границу Самния, не встретив сопротивления со стороны его обитателей^[821]. Это свидетельствует, по-видимому, не столько о просулланских настроениях самнитов, сколько об их нейтральной позиции. Причины этого Э. Сэлмон видит в недостаточности уступок со стороны марианцев, М. Ловано — в пропаганде Суллы^[822], который сумел убедить их, что им нечего бояться его возвращения. Ни о том, ни о другом источники ничего не сообщают, кроме того, что Цинна и Марий приняли условия самнитов в 87 г. Пропаганда, конечно, могла сыграть свою роль, особенно если учесть, что самниты понесли серьезный урон в ходе Союзнической войны и, вероятно, без крайней необходимости вступать в новую войну не спешили. С другой стороны, они не могли не помнить о победах Суллы над ними в 89 г. Так или иначе, визит понтиева раба можно считать одним из проявлений дружественного нейтралитета, которого в те месяцы придерживались самнитские общины.

За некоторое время до столкновения с армией Норбана в Кампании (см. ниже) к Сулле присоединился со своим войском Метелл Пий^[823], до той поры выжидавший развития событий в Лигурии (App. BC. I. 80. 365)^[824]. Если Аппиан не умалчивает о каких-то фактах, то получается, что Метелл спокойно прошел большую часть Италии, не встречая препятствий со стороны правительственных войск. Впрочем, если его силы насчитывали несколько тысяч человек, он мог переправить их по морю, коль скоро сумел перебраться в Лигурию из Африки, где оставался до 84 г. (см. ниже, с. 325) — сухопутный маршрут при этом исключался. В любом случае, марианцы

никак не попытались воспрепятствовать ему.

Наконец в Кампании, близ Тифатской горы^[825], путь Сулле и Метеллу преградили войска консула Гая Норбана. Его легионы стояли на пересечении Аппиевой и Латинской дорог, одновременно прикрывая переправу через р. Вольтурн^[826]. Примечательно, что Норбан и Сципион не попытались разгромить врага комбинированным ударом, а действовали поодиночке. Возможно, армия второго консула просто не успела еще подойти, в том числе и из-за умелого маневрирования Суллы, который оперировал по внутренним линиям и потому имел больше возможностей для разъединения сил врагов^[827]. Сулла, однако, не спешил дать бой и отправил к врагу послов. Какие условия они предъявили Норбану, неизвестно. Эпитоматор Ливия (per. 85) уверяет, будто послы «претерпели насилие» от консула (*legatis, qui de pace agerent, et ab cos. C. Norbano violatis*). Однако эти сведения восходят к явно просулланскому источнику, и что подразумевается под «насилием», избиение или брань и несколько толчков, мы не знаем^[828]. Ясно лишь, что Сулла мог объявить о срыве попытки примирения не по его вине.

В состоявшемся после этого сражении войска мятежного проконсула разбили правительственную армию (App. BC. I. 84. 382; Plut. Sulla 27.10; Liv. Per. 85; Veil. Pat. II. 25. 4; Flor. III. 21. 20; Eutr. V. 7. 4; Oros. V. 20. 2). В мемуарах Сулла уверял, будто не стал строить войско, а бросил его в бой, полагаясь на всеобщее воодушевление (Plut. Sulla 27.10). Очевидно, перед нами иллюстрация любимой идеи диктатора (высказанной в тех же мемуарах)^[829], согласно которой ему лучше удавались не те дела, которые он считал хорошо обдуманными, а те, что он начинал по внезапному побуждению^[830]. К просулланским источникам восходят, очевидно, и данные о явно непропорциональных потерях — 6000 или даже 7000 убитых и 6000 пленных марианцев, при 70 или 124 павших победителях^[831]. Однако примечательно, что не сообщается о характере поражения — бегстве, беспорядочном отходе или чем-то подобном, Аппиан (BC. I. 84. 382) лаконично замечает только, что после битвы Норбан просто отступил в Капую (Νορβανός ἐς Καπύην ἀνέζηυξε). Все это заставляет подозревать, что армия консула понесла отнюдь не столь тяжелые потери, отступила в должном порядке и сохранила боеспособность.

Поскольку пытаться овладеть Капуей было бессмысленно, Сулла со своей армией продвинулся на северо-запад, где между Калами и Теаном Сидицинским столкнулся с легионами Сципиона^[832]. Аппиан (BC. I. 85. 383) характеризует войско последнего как «вялое и желавшее мира»

(στρατοῦ, πάνυ ἀθύμως ἔχοντος καὶ ποθοῦντος εἰρήνην γενέσθαι). Связано это было, видимо, с общим нежеланием большинства италийцев воевать^[833]. Легионы Сципиона состояли, очевидно, из новобранцев, понимавших, насколько опасный перед ними враг. Не лучшим образом, надо думать сказалось на их боевом духе и известие о поражении Норбана^[834]. Примечательно также и то обстоятельство, что к армии Сципиона отказался присоединиться прикомандированный к ней квестор Марк Пупий Пизон^[835], не пожелавший даже взять выделенные для армии деньги (Cic. Verr. II. 1. 37).

Но почему пошел на переговоры Сулла, если враг был не так уж опасен? Заметим, что он сам предложил переговоры и выдал заложников^[836]. Согласно Плутарху (Sulla 28.5), в тот момент у него под рукой было только 20 когорт^[837]. К тому же в тылу оставалась еще не уничтоженная армия Норбана^[838]. Почему же Сципион не атаковал вдвое уступавшего ему по численности противника? Во-первых, он мог не знать о размерах неприятельского войска, а во-вторых, как уже говорилось, армия не горела желанием сражаться.

В переговорах участвовало по трое делегатов (App. BC. I. 85. 384). С одной стороны, как предполагают, участвовали Сулла и Метелл Пий, с другой — Сципион и Серторий^[839], единственный из офицеров штаба консула, чье имя мы знаем^[840]. Аппиан замечает, что из-за такой секретности содержание переговоров неизвестно. Однако Цицерон сообщает подробности — «Сулла и Сципион между Калами и Теаном, когда один привлек цвет знати, другой — союзников по войне, обсуждали между собою законы и условия, касавшиеся авторитета сената, народного голосования, власти в государстве (*de auctoritate senatus, de suffragiis populi, de iure civitatis leges inter se et condiciones contulerunt*)» (Phil. XII. 27). Некоторые авторы пишут просто о восстановлении сулланской «конституции» 88 г.^[841] Другие практически повторяют Цицерона, говоря, что речь шла о полномочиях сената, законодательной власти комиций и расширении гражданского коллектива, т. е. правах *cives novi*^[842]. А. Кивни добавляет к этому списку вопрос о контроле над уголовными судами. Р. Сигер еще более конкретен: Сулла соглашался на распределение италийцев по всем трибам^[843] в обмен на признание проведенной им в 88 г. реформы голосования в комициях и мер по восстановлению власти сената, Э. Габба особо подчеркивает то обстоятельство, что персональные вопросы отступили на второй план перед проблемами государственного

устройства^[844].

Однако все это не более чем гипотезы. Дальнейшее Плутарх описывает следующим образом: «Начались встречи и совещания, но Сулла, постоянно находя новые предлоги, все откладывал окончательное решение, а тем временем разлагал солдат Сципиона с помощью собственных воинов, которые были столь же искусны во всякого рода хитростях и кознях, как и сам их полководец. Они приходили в лагерь к неприятелям и, оказываясь среди них, одних сразу сманивали деньгами, других обещаниями, третьих лестью и уговорами. Наконец Сулла с двадцатью когортами подошел вплотную к лагерю Сципиона. Солдаты Суллы приветствовали солдат Сципиона, а те ответили на приветствие и присоединились к ним. Покинутый Сципион был схвачен в своей палатке, но отпущен» (Sulla 28. 2-5). В биографии Сертория Плутарх приводит дополнительные подробности происшедшего: когда «Сулла, став лагерем возле лагеря Сципиона и разыгрывая из себя друга, ищущего мира, подкупом перетянул на свою сторону войска противника — Серторий заранее предупреждал Сципиона, чем все это кончится^[845], но тот не прислушался к его словам» (Sert. 6. 3-4). Примерно то же пишет Экуперанций: «Консулы выступили [в поход] и, хотя Серторий тому противодействовал, допустили общение между своим и сулланским войском^[846]. Совершилась измена, и все войско перешло на сторону Суллы»^[847].

Несколько иная версия событий у Аппиана: «Сципион отложил окончательный ответ и отправил вестником Сертория [сообщить об] условиях переговоров своему товарищу по должности Норбану, войска же противников оставались в бездействии, ожидая ответа Норбана. Серторий на пути захватил Суэссу^[848], бывшую на стороне Суллы. Сулла выразил за это Сципиону недовольство, а последний, или потому, что он знал о том, что произошло с Суэссой, или потому, что он не получил еще ответа от Норбана, — образ действия Сертория, действительно, был неожиданным, — отослал Сулле заложников. Немедленно после этого армия Сципиона, обвинившая консулов в беспричинном захвате Суэссы во время перемирия и в отсылке заложников, чего никто не требовал, тайно согласилась перейти на сторону Суллы, когда он подойдет ближе. После того, как это произошло, тотчас же все войско Сципиона перешло на сторону Суллы, так что последний захватил консула Сципиона и его сына Луция, которые оставались одни из всего войска в шатре... Сципиона и его сына, не будучи в состоянии их переубедить^[849], Сулла отослал обратно, не причинив им никакого вреда» (BC. I. 85-86)^[850].

Происшедшее вызвало самые разноречивые комментарии ученых. «И в Риме, и в лагере самого Сципиона были люди, которые имели основания ненавидеть Суллу и не желали никакого соглашения с ним^[851]. Одним из наиболее известных в их числе был претор Кв. Серторий», которому Сулла в свое время помешал стать плебейским трибуном. «К несчастью для себя, Сципион теперь назначил такого человека для отправки сообщения Норбану. Однако, по-видимому, у него не было другого выбора — он сделал так потому, что Серторий, вероятно, являлся офицером наиболее высокого ранга в его армии», — пишет А. Кивни^[852]. А. Шультен считает, что Серторий, срывая переговоры, хотел спасти армию, в рядах которой активно действовали сулланские агитаторы, от окончательного развала^[853].

Но речь могла идти не только о желании Сертория сорвать переговоры^[854]. В случае отступления обладание Суэссой обеспечивало безопасный отход по Аппиевой дороге и позволило бы отрезать Суллу от долины Лириса^[855]. Высказывалось мнение, что Сулла, контролируя Суэссу, создавал угрозу правому флангу консульской армии^[856]. Стратегическая важность города подтверждается, в частности, тем, что для его захвата Серторий отклонился от маршрута на Капую (а не «на пути» (*ἐν παρόδῳ*), как пишет Аппиан)^[857].

Каковы бы ни были причины этого поступка (одна другую не исключает), не вполне ясно, когда именно перешла Суэсса Аврунка на сторону Суллы — из рассказа Аппиана как будто следует, что уже к этому времени Суэсса определила свою позицию. Однако высказывалось весьма резонное предположение, что жители города заявили о своей поддержке будущего диктатора не до, а во время переговоров, и тогда именно они, а не Серторий оказались нарушителями перемирия^[858].

С этим вопросом связан еще один: действовал ли Серторий по собственной инициативе^[859] или по приказу консула? Аппиан называет акцию по захвату города странной (*ἀλλοκότῳ*), да и Сципион, судя по рассказу того же автора, поспешил продемонстрировать свою непричастность к случившемуся, из чего как будто следует, что Серторий действовал на свой страх и риск^[860]. Другие исследователи допускают обе возможности^[861]. Ф. Гарсиа Мора решительно утверждает, что Сципион сам поручил своему помощнику захватить Суэссу, иначе откуда у Сертория были бы войска для такой операции^[862]? Еще дальше пошел К. Г. Рийкоек. Он оспорил утверждение А. Кивни, согласно которому Сципиону пришлось отправить к Норбану Сертория как самого старшего по рангу

среди офицеров, ибо ранг последнего в данном случае не имел значения. Кроме того, Норбан явно не поддержал бы идеи соглашения с Суллой. «Почему же Сципион в этой ситуации не обратился к сенату, у которого, вероятно, нашел бы одобрение и поддержку своих мирных планов?» И, наконец, почему Сертория не привлекли к ответу? «Только тем, что Сципион планировал захват Суэссы, и можно объяснить, почему консул доверил одному из своих легатов, к тому же опытному военачальнику, миссию, для выполнения которой вполне хватило бы трибуна или префекта конницы, если бы речь шла, как утверждалось, лишь о передаче информации». Но это не все. Исследователь предложил весьма оригинальную трактовку всего замысла консула: «После поражения коллеги Сципиону стало ясно, что его армия в битве с ветеранами Суллы будет точно так же разбита. Но если прямое столкновение грозило разгромом, то можно было хотя бы попытаться победить Суллу его же оружием. В том случае, если бы начались мирные контакты между солдатами обеих сторон, вполне можно было попробовать апеллировать к лояльности рядового состава сулланской армии по отношению к законному правительству и перетянуть их на свою сторону. Такой образ действий был рискованным, но не бесперспективным», тем более что сам Сулла писал о своих сомнениях в верности ему армии (Plut. Sulla 27.11). Очевидно, что от этой-то тактики Серторий и отговаривал командующего. Видя, что затея с агитацией в рядах сулланской армии проваливается, Сципион, возможно, решил отступить к Суэссе, захват которой закрывал противнику доступ в долину нижнего Лириса и мешал ему двигаться на север. Однако все планы консула (если они были таковы) рухнули, поскольку армия перешла на сторону неприятеля^[863].

Эта версия заслуживает самого серьезного рассмотрения. К. Г. Рийкоек не вполне прав, считая не обязательной отправку к Норбану именно Сертория — ведь он как участник переговоров мог бы лучше других обрисовать ситуацию. То, что Сертория не привлекли к ответственности, понятно — он уже находился вне пределов досягаемости, а другие марианские вожди могли считать его действия правильными. Наконец, вполне понятно, почему Сципион обратился к Норбану — сенат, конечно, мог ратифицировать мир с Суллой, но если бы его не признал Норбан, обладавший реальной боевой силой, согласие *patres* вряд ли имело бы решающее значение.

Однако остальные аргументы К. Г. Рийкоека и Ф. Гарсиа Мора звучат достаточно убедительно, и весьма вероятно, что Сципион знал о предстоящем захвате Суэссы. Но вот предположение о том, будто он сам

собирался агитировать воинов будущего диктатора в пользу «законной» власти, представляется неверным: в описании событий под Теаном у Аппиана явно чувствуется влияние мемуаров Суллы (Spann 1987, 37) или какого-либо просулланского источника. Сомнительно, что они обошли бы вниманием бесполезную попытку распропагандировать воинов Суллы — хотя бы с целью высмеять ее. Более логичной представляется следующая ситуация: в условиях поражения Норбана солдаты второй консульской армии предпочли оказать давление на командующего и заставить его тем самым пойти на переговоры. Серторий протестовал, но в случае прекращения переговоров оставалось лишь отступить. Это могло привести к развалу деморализованной армии. Сципион тянул время, явно рассчитывая на подход Норбана, который сохранил часть войска, но безуспешно. К тому же от марианцев отпала стратегически важная Суэсса. Теперь уже консул встревожился не на шутку и отправил Сертория в Капую, велел по дороге захватить Суэссу. Легат выполнил приказ, но это не спасло положения. Возможно, именно давление воинов (или, скорее, центурионов, которых было меньше, а потому они проще поддавались воздействию, не говоря уже о том, что именно они держали в руках армию), которых подговорили сулланские агитаторы, заставило Сципиона выдать заложников вражескому полководцу. То, что выдачи никто не просил (των ομήρων οὐκ ἀπαίτουμένων ἀπολέμψει), касается лишь отсутствия формального требования со стороны Суллы, который прекрасно обошелся и без этого и лишний раз поставил консула в глупое положение. Поскольку давление на Сципиона с целью возвращения заложников оказывалось наверняка негласно^[864], другие об этом не знали и возмутились. Сципион окончательно лишился авторитета, и армия перешла на сторону Суллы. Фраза Ливия (рег. 85), что тот собирался штурмовать лагерь, — либо риторическое преувеличение, либо неверное истолкование движения войск Суллы к лагерю Сципиона - не для приступа, конечно, а для братания.

Каковы же бы ли цели будущего диктатора, когда он вступал в переговоры с консулом? Мирные предложения Сулла делал и Норбану, но тот, как уже говорилось, отверг их. Означало ли это искреннее стремление Суллы к миру, как считают некоторые ученые^[865]? Весьма сомнительно, если вспомнить, насколько жестко вел он себя во время переговоров с сенатом в 85—84 гг. Речь шла, вероятнее всего, о его стремлении изобразить из себя миротворца, но главное — любое соглашение, как верно заметил Р. Сигер, превращало Суллу в повелителя Рима^[866]. При любом

исходе переговоров он, таким образом, ничего не терял. В случае успеха он обретал власть, а в случае провала получал возможность переложить ответственность за последующее кровопролитие на врагов, что в итоге и сделал: после победы Сулла объявил, что расправится с теми, «кто помогал его врагам с того дня, когда консул Сципион не выполнил заключенного с ним соглашения» (App. BC. I. 95. 441). Между тем нет никакой уверенности, что такое соглашение действительно состоялось, а не было пропагандистской выдумкой Суллы^[867].

Но собирался ли Сулла с самого начала переманивать на свою сторону армию консула, как то следует из Плутарха и Аппиана (Plut. Sulla 28. 2-5; App. BC. I. 85. 383)^[868]? Думается, это некоторое преувеличение. Судя по всему, будущий диктатор рассматривал такое развитие событий лишь как один из вариантов — перед ним был все-таки консул римского народа, сам располагавший более крупным войском. Но то, что Сулла не побоялся сблизиться с превосходящими силами врага, говорит о его уверенности в не слишком воинственном настрое неприятелей или в их невысоких боевых качествах (которые позволили бы Сулле выйти сухим из воды в случае боя или вообще вовремя отступить). Но своих агитаторов он заслал, по-видимому, сразу, и это себя оправдало, благо его агенты уже имели опыт работы с солдатами Фимбрии (см. ниже, с. 313-314). Но то, что Сулла тянул время, могло быть связано не только и, возможно, даже не столько с желанием подольше подвергать вражескую армию интенсивному «промыванию мозгов», сколько со стремлением подтянуть резервы — это стало бы лишним козырем в агитационной работе в неприятельском лагере. Но, в любом случае, Цицерон имел основания для своей саркастической оценки поведения Суллы: *pacem cum Scipione Sulla sive faciebat sive simulant* (Phil. XIII. 2).

«Мне кажется, что несчастье Сципиона обнаружило недостаток в нем способности командовать, коль скоро все войско без его ведома могло заключить столь важный договор» (μοι δοκεῖ τόδε οὐ στρατηγού παθεῖν ὁ Σκιλίῳν ἀγνοήσας οἴου στρατοῦ τοσῆνδε συνθήκην), — замечает по поводу случившегося Аппиан (BC. I. 85. 387). Ж. Арман пишет о неспособности Сципиона предусмотреть реакцию воинов на свои действия и вообще держать их в повиновении, а заодно проводит параллель между Серторием и Фимбрией, с одной стороны, и Сципионом и Валерием Флакком — с другой^[869]. Первое возражений не вызывает, а вот второе, возможно, является преувеличением. Как мы видели, есть основания для серьезных сомнений в полном отсутствии согласия между командующим и легатом,

иначе Сципион не дал бы Серторию столь ответственное поручение.

Но если консул все-таки был причастен к захвату Суэссы, то почему же этот факт не отразился в просулланской традиции? Объяснить это можно, как представляется, несколькими причинами. Следует отметить, что Сципион принадлежал к одной из славнейших фамилий Рима, и авторы, сочувствовавшие делу нобилитета (как они его понимали), предпочли не обличать в вероломстве аристократа безупречного происхождения, а все свалить на безродного Сертория. Этот вариант устраивал даже тех писателей, которые не собирались обелять Сципиона в силу каких бы то ни было причин - военачальник, чьими приказами с легкостью пренебрегает легат, выглядел в их глазах еще более жалко, нежели тот кто сорвал перемирие.

Итак, Сципион остался без воинов, однако был отпущен Суллой^[870]. Диодор рассказывает, что великодушный победитель дал ему конный эскорт, а лишившийся армии консул сложил с себя знаки своей власти. Всадники доставили Сципиона в город по его выбору, где он (очевидно, уже оставленный кавалеристами) вновь принял консульские инсигнии и командование над армией (XXXVIII. 16).

Рассказ этот основан, несомненно, на просулланских источниках и призван продемонстрировать милосердие Суллы (Dowling 2000, 321). Поэтому вполне вероятно, что поведение Сципиона здесь по контрасту с Суллой намеренно представлено в столь неприглядном виде — сложение инсигний^[871], как считают исследователи, означало отказ от дальнейшей борьбы, а ее продолжение выглядело как нарушение слова^[872]. Но в целом изложение Диодора выглядит вполне правдоподобно — Сулла проявил насмешливое почтение к консулу, предоставив ему защиту, которой не обеспечила ему собственная армия^[873].

Это был крупнейший успех будущего диктатора: он унизил врага, чья армия отказалась сражаться за своего консула, и пополнил за ее счет собственные силы. Тем не менее Сулла не стал спешить с активными действиями: он сделал еще один демонстративный жест примирения, вновь отправив делегацию для переговоров к Норбану в Капую. Тот не дал ответа на мирные предложения — как пишет Аппиан, боясь, что его армию переманят, как переманили армию Сципиона (BC. I. 86. 388-389), хотя, по всей вероятности, это было не более чем предлогом, которым консул мог оправдывать свою несговорчивость перед более осторожными помощниками. По мнению А. Кивни, Сулла поступил так, опасаясь враждебных настроений значительной части жителей Италии. Однако он

отдавал себе отчет в том, что надежды на успех соглашения мало (Keaveney 2005a, 114). Думается, при этом стоит учитывать и другую сторону вопроса: в случае отказа со стороны Норбана Сулла мог в очередной раз возложить ответственность за продолжение войны на неприятеля, что было немаловажно в условиях, когда многие италийцы ее отнюдь не желали. Аппиан не сообщает, что именно собирался предложить второму консулу Сулла. Но поскольку Сулла делал вид, будто считает, что его переговоры со Сципионом привели к соглашению^[874], то он, вероятнее всего, просто собирался предложить Норбану признать таковое. Естественно, со стороны последнего ни о чем подобном не могло идти и речи.

В это время, 6 июля, произошло еще одно, крайне неприятное для марианцев событие. Сгорел храм Юпитера Капитолийского^[875], а вместе с ним и Сивиллины книги^[876]. Стороны, разумеется, начали обвинять в этом друг друга, но ответственность в глазах общества, очевидно, *de facto* ложилась на тех, в чьих руках находился Рим, т. е. врагов Суллы.

Сулла считал, что теперь, когда враг не пошел на мир, можно воевать не столь гуманными методами, как прежде, и его армия начала разорять территорию, подвластную неприятелю, чего прежде не делала. Тем же занялся и Норбан (App. BC. I. 86. 389), — несомненно, в качестве ответной меры^[877]. Карбон тем временем прибыл в Рим и добился объявления *hostes publici* тех, кто поддержал Суллу; источник называет из таковых только Метелла Пия^[878]. Если хронология Аппиана верна^[879], то обращает на себя внимание то обстоятельство, что это не было сделано раньше. Очевидно, до последнего момента марианцы (надо полагать, под давлением сената) надеялись на компромисс если не с самим Суллой, то хотя бы с некоторыми из его сторонников.

Видимо, вдохновленный успехами Суллы, активизировал свои действия Помпей. Унаследовав от отца влияние, которым тот пользовался в Пицене, его сын взял там власть. В знак этого он воздвиг в Ауксуме судейское возвышение — трибунал. Особым эдиктом он повелел покинуть Ауксим сторонникам Карбона — братьям Вентидиям. Этим он, с одной стороны, продемонстрировал свою враждебность марианскому режиму, а с другой — нежелание идти на крайние меры. Остальные приверженцы Карбона^[880] также бежали из Пицена. Если исходить из данных Плутарха, никого из них не казнили — если не считать убитого на месте Ведия, насмеявшегося над тем, что местные жители подчиняются такому юнцу, как Помпей. Последний набрал три легиона^[881] и начал боевые действия против марианцев, поднимая восстание против Карбона (Plut. Pomp. 6).

По словам Плутарха, молодому полководцу противостояли сразу три вражеских военачальника — Гай Карринат, Гай Целий Антипатр^[882] и Луций Юний Брут Дамасипп^[883]. «Они ударили на него не все разом и не в лоб, а совершали обходное движение тремя отрядами с целью окружить и уничтожить противника. Помпей, однако, не испугался, но, собрав свои силы в одном пункте, во главе конницы напал на войско Брута». Он убил дротиком командира галльского конного отряда, из-за чего остальные всадники повернули вспять и расстроили ряды пехотинцев, в результате чего началось общее бегство (Plut. Pomp. 7. 1-3).

Эта картина, насколько известно, не вызывающая возражений историков^[884], порождает серьезные сомнения. Совершенно очевидно, что перед нами очередной пример безудержного восхваления Помпея, каковыми полны первые главы его биографии у Плутарха: стоило ему сразить вражеского командира, как терпит поражение все войско (позволим себе не вполне академическую параллель: «командир убит, конница разбита, армия бежит»). Если описанный эпизод действительно имел место, то речь идет, вероятнее всего, лишь о скромном по численности вражеском отряде, видимо, передовом, а под бегством пехоты подразумевается то, что Дамасипп после неудачного боя кавалерии не решился ввести в бой основные силы. Не исключен и другой вариант: Плутарх преувеличил роль самого Помпея, а победа оказалась достигнута благодаря различным факторам. Кроме того, вызывает серьезные сомнения то, что речь шла о трех неприятельских армиях. По словам Диодора (XXXVIII. 9), поначалу сенат не обращал внимания на активизировавшегося Помпея, но, убедившись, что тот представляет собой серьезную силу, направил против него войско Дамасиппа, но и только, о Карринате и Целии речи не идет. Согласно Плутарху (Pomp. 7.4), двое других не начали действовать против Помпея, поскольку между ними «пошли раздоры, и каждый отступил в полном беспорядке (έκ δέ τούτου στασιάσαντες οἱ στρατηγοί πρός ἀλλήλους ἀνεχώρησαν, ὡς ἕκαστος εὐτυχέ)». Вновь повторяется та же схема, что и при описании боя с кавалерией Дамасиппа, но уже в увеличенном масштабе: Помпей поражает одного, и все враги бегут. Правда, это не означает, что описанная картина совершенно не соответствует действительности, но она, думается, требует серьезной корректировки. Учитывая, что об армиях Каррината и Целия у Диодора не сказано, можно полагать, что их формировали на месте, и процесс этот еще не закончился. Поэтому-то и потребовалась отправка войска Дамасиппа. После его поражения было бы тем более странно

ожидать от Каррината и Целия активности.

Затем Плутарх (Rom. 7.5) рассказывает еще более странную историю о новом успехе Помпея, на сей раз бескровном: «Вскоре на него напал консул Сципион^[885]. Однако не успели еще оба войска пустить в ход дротики, как воины Сципиона, приветствуя воинов Помпея, перешли на его сторону, Сципиону же пришлось бежать»^[886].

Некоторые ученые считают, что изложенный эпизод является лишь вариантом рассказа о переманивании на свою сторону армии консула Суллой^[887]. Однако никаких доказательств этого не приводится, А. В. Коптев (2013, 105) лишь излагает свое видение причин того, почему вместо Суллы речь здесь идет о Помпее. По его мнению, Плутарх, таким образом, хотел связать Помпея со Сципионом Африканским (!), который, как и будущий соперник Цезаря, изображается в античной традиции как *privatus cum imperio*, чего, по мнению исследователя, в действительности не было. Однако совершенно очевидно, что такая «связь» между обоими Сципионами надуманна, поскольку контекст ее слишком уж невыгоден для победителя Ганнибала. К тому же трудно себе представить, что античная аудитория поняла бы столь странный намек, ибо консул 83 г. ассоциировался бы в ее глазах с его прямым предком, Сципионом Азиатским, а не его братом^[888].

Тем не менее если историчность рассказа Плутарха вряд ли возможно отвергать, то его точность порождает определенные сомнения^[889]. Недоумение вызывает прежде всего сама быстрота происшедшего — воины, сблизившись, просто начали приветствовать друг друга, и солдаты Сципиона перешли на сторону Помпея. Если же взять рассматривавшийся выше случай под Теаном, то там измене войска предшествовала его пропагандистская «обработка», более или менее длительная^[890].

Здесь же для нее просто не было времени^[891]. В этой связи можно провести прямую параллель с рассматривавшимся во второй главе эпизодом, когда произошла встреча между воинами Метелла Пия и Цинны, которые начали нечто вроде братания, из-за чего Метелл почел за благо отвести свою армию. Весьма вероятно, что во многом схожая ситуация имела место и здесь, т. е. кто-то из воинов Сципиона, шедших в передних рядах, перешел на сторону Помпея^[892], увидев там своих знакомцев. Это побудило консула отвести остальное войско, что Плутарх (или его источник) и истолковал как бегство. К тому же Сулла захватил Сципиона в плен, хотя потом и отпустил его, в случае же с Помпеем, консул успел

бежать^[893]. Думается, переход войска к Помпею *en masse* вряд ли остался бы незамеченным в других источниках — случай, когда военачальника дважды оставила армия, не имел аналогов, и такое наверняка было бы отмечено многими античными авторами (как то произошло с изменой под Теаном), и их молчание в данном случае можно рассматривать как серьезный аргумент в пользу того, что Плутарх или его источник позволили себе значительное преувеличение. Однако не приходится отрицать, что воины армий марианского режима вновь продемонстрировали свою неустойчивость, и это явно не сулило ему успеха.

Итоги кампании 83 г. были неутешительными для марианцев: одна консульская армия потерпела поражение (хотя и не перестала существовать как боевая единица), другая перешла на сторону неприятеля. Апулия, Калабрия, Пицен, часть Кампании оказались в руках Суллы и его военачальников^[894]. Предстояла борьба за остальную Италию.

ПОДГОТОВКА К КАМПАНИИ 82 г.

Очевидно, во время своего визита в Рим летом 83 г., о котором шла речь выше, Карбон не только инициировал объявление врагами приверженцев Суллы, но и провел консульские выборы (Keaveney 2005a, 115). В результате высшая магистратура досталась ему в третий раз, а Гаю Марию Младшему — в первый^[895]. Избрание последнего в источниках вызвало резкие суждения — ему было на тот момент всего 26 лет^[896]. В периодах Ливия (86) говорится, будто Марий добился высшей магистратуры *per vim*. Однако это отнюдь не значит, что выборы сопровождались насилием^[897] — скорее можно полагать, что речь идет о грубом нарушении *lex annalis*^[898]. От кого исходила инициатива столь нестандартного шага — от самого Мария, от Карбона или от кого-то из других руководителей марианского режима, — неизвестно, но ясно, что вопреки воле Карбона этого не произошло бы. Не вызывает сомнений, что само имя нового консула должно было привлечь (и привлекло) под знамена противников Суллы многих ветеранов Мария-старшего (см. ниже), да и не их одних. Однако столь же очевидно, что без «группы поддержки» Марий Младший не добился бы успеха.

Исследователи высказывали различные предположения относительно других кандидатов на высшую магистратуру. Г. Самнер полагает, что на нее рассчитывал Марий Гратидиан, однако ему предпочли Мария Младшего, а племяннику победителя кимвров в «утешение» предоставили вторую претуру (Sumner 1972, 119). Но никакими доказательствами эта версия не подтверждается, мы даже не знаем, на какой год приходится вторая: претура Мария Гратидиана (как, впрочем, и первая — см. выше).

Более правдоподобно выглядит предположение о том, что на консульство рассчитывал Квинт Серторий^[899], который имел для того серьезные основания, т. к. сыграл значительную роль в операции по захвату Рима в 87 г. К тому же Экуперанций (8. 49-50Z) прямо говорит о его критике в адрес консулов: «Серторий, не боясь могущества Мария, прибыл в Город и стал обличать всеобщую вялость, восхвалять на основании очевиднейших фактов энергию и доблесть Суллы, который, если не оказать ему должного сопротивления, одержит победу. Тогда консулы и другие вожди клики, порицаемые такими словами, решили - или для того, чтобы убрать с глаз долой ревностного и пылкого обличителя их небрежения, или

для того, чтобы поставить надежного правителя во главе воинственной провинции, чьей неверности они опасались, — отправить его в Ближнюю Испанию, и ему было приказано по пути привести в порядок дела в Трансальпийской Галлии». Плутарх (Sert. 6. 1-4) пишет, что Марий был избран вопреки воле Сертория (ἀκοντος αὐτοῦ), который, среди прочего, видел бездарность Карбона^[900], Норбана, Сципиона - заметим, речь шла исключительно о лицах консульского ранга. Однако на момент выборов его явно не было в Риме, а потому он мог лишь выражать свое недовольство в запоздалых lamentациях.

М. Ловано не вполне понимает, зачем Карбон вновь занял консульскую должность (Lovano 2002, 122). Однако как главный соратник Цинны и двукратный консул он, вероятно, оставался самым влиятельным лицом в лагере марианцев и наряду с Марием являлся наиболее подходящим кандидатом для занятия высшей магистратуры с политической точки зрения, не говоря уже просто о его честолюбии. Стоит отметить, что ни о каких трениях его с Марием неизвестно, а политическое единство в тех условиях было особенно важно. Однако ни он, ни его коллега, судя по всему, не обладали необходимыми полководческими дарованиями, а Карбону, как показало недалекое будущее, к тому же недоставало воли к победе. Наряду с не слишком активной позицией италийцев (чего нельзя сказать о врагах правящего режима) это ускорило поражение врагов Суллы.

Гаю Норбану были, очевидно, продлены полномочия^[901], чего явно нельзя сказать о Луции Сципионе, что неудивительно, учитывая катастрофу под Теаном и конфуз с Помпеем. Вероятно, проконсулом стал и Квинт Серторий, которому, однако, пришлось отбыть в Испанию. По словам Плутарха (Sert. 6.4), он видел, что война проиграна, а потому хотел сделать Испанию убежищем для своих сторонников после их поражения (καταφυγή τοις πταίοισιν ενταύθα των φίλων ἐσόμενος). П. Гринхол принял версию Плутарха^[902]. Однако Аппиан (BC. I. 86. 392) пишет, что Серторию Испания была назначена в качестве провинции уже давно (ἐκ πολλοί)^[903], но до сей поры тот не воспользовался возможностью принять ее под свое руководство, желая, по-видимому, оставаться в Италии, где происходили решающие события.

К. Г. Рийкоек считает, что в конце 83 г., несмотря на поражение Норбана и измену армии Сципиона, положение марианцев отнюдь не было безнадежным — они сохраняли поддержку большей части Италии (App. BC. I. 86. 393). «В высшей степени маловероятно, чтобы в такой ситуации Серторий стал уклоняться от участия в боевых действиях из желания

спасти свою голову или создать *refugium*». Важной причиной отъезда Сертория из Италии ученый считает необходимость принять командование в «воинственной провинции» (*feroci provinciae*, по выражению Эксуперанция), а по дороге привести в порядок дела в Галлии (об этом см. Ехур. 8.50). Серторий должен был сместить Гая Валерия Флакка, наместника обеих испанских провинций, а также Трансальпийской Галлии. Поскольку брата Гая, Луция Флакка, убил Фимбрия, то у Гая не было причин любить марианский режим, руководители которого это понимали и потому поручили Серторию лишить его власти^[904].

Нельзя не признать определенной логичности этой конструкции. Но вряд ли можно полностью отвергнуть данные о трениях Сертория с другими деятелями марианского режима. Его недовольство избранием совсем еще молодого и менее опытного Мария Младшего вполне вероятно. К тому же, в условиях поражений было бы странно отсылать человека, хорошо зарекомендовавшего себя как военачальника. В таких людях марианцы явно не ощущали избытка, и куда более логично предположить, что причиной его отъезда стали именно разногласия с другими *principes factionis*, причем разногласия явно не принципиального характера. Мария Младшего, как мы увидим, в влости обвинять не приходилось: по словам Веллея Патеркула (II. 26. 1), он «никогда не ронял славы своего имени». Серторий же, выступая со своей критикой, видимо, намекал, что уж он-то сумеет принять нужные меры (Konrad 1994, 78). Однако со смертью Цинны влияние Сертория явно ослабело (Spann 1987, 38). Тем не менее некоторую компенсацию он все же получил, поскольку был облечен не пропреторскими^[905], а проконсульскими полномочиями, поскольку Плутарх (Sert. 6.6) называет его *ἀνθύλατος*. Зафиксирован его проконсульский ранг и в эпитафике^[906].

Марианцы энергично набирали новые войска (App. BC. I. 86. 393). Еще до прибытия в Рим Серторий на вербовал 40 когорт^[907]. Следует отметить, что сведений о сопротивлении набору в источниках нет. В армию стали записываться ветераны Мария (Diod. XXXVIII. 12), — ведь сражаться предстояло под знаменами его сына. Для удовлетворения финансовых нужд консулы пошли на такую чрезвычайную меру, как конфискация храмовых сокровищ (Val. Max. VII. 6. 4) — после взятия сулланцами Пренесты осенью 82 г. там будет захвачено из этих средств 14 000 фунтов золота и 6000 фунтов серебра (Plin. NH. XXXIII. 16).

Стремился пополнить армию за счет италийцев и Сулла. Его вербовщики иногда даже сталкивались с вербовщиками марианцев (Diod.

XXXVIII. 13). Однако последние имели больше успеха, и попытка провести набор в италийских общинах не дала Сулле тех пополнений, на какие он рассчитывал^[908]. О трудностях, с которыми была связана вербовка новых воинов, косвенно свидетельствует эпизод, когда Красс, которому поручили провести набор в земле марсов, попросил дать ему охрану, т. к. дорога к марсам проходила вблизи неприятеля (Plut. Crass. 6. 3-4). В лучшем положении находился Помпей, пополнявший армию за счет преданных ему обитателей Пицена.

Чтобы по возможности ослабить сопротивление италийцев, Сулла на рубеже 83 и 82 гг. заключил договор со многими италийскими общинами о сохранении за ними прав римского гражданства, включая *ius suffragii* (Liv. Per. 86: *Sylla cum Italicis populis. ne timeretur ab his velut erepturus civitatem et suffragii ius nuper datum, foedus percussit*). Судя по событиям 82 г., это соглашение принесло свои плоды, поскольку италийцы в целом заняли выжидательную позицию. В историографии высказывалось мнение, что самниты были явно исключены из договора^[909]. Однако действие договора, надо полагать, распространялось только на тех, кто прислал к Сулле своих представителей, а самниты могли не решиться на это — опасаясь, например что послов возьмут в заложники. Не исключено также, что они выдвинули какие-то условия, которые будущий диктатор принимать не захотел, а потому самниты не пошли на соглашение. Так или иначе, массовые расправы Суллы с ними в 82 г. показывает, что римскими гражданами он их не признавал. Посему не приходится удивляться, что отряд самнитов оказался в составе армии Мария Младшего уже весной 82 г.

Следует отметить, что этот договор демонстрировал отказ Суллы от бескомпромиссной позиции 88 г., когда причиной конфликта стало именно его полное нежелание идти хоть на какие-либо новые уступки италийцам. Однако последующие события, очевидно, убедили будущего диктатора в том, что такая позиция чревата опасными последствиями^[910].

По-видимому, еще до открытия кампании 82 г. начался переход на сторону будущего диктатора видных сенаторов и действующих магистратов. Первым в их числе следует назвать консула 91 г. и цензора 86 г. Луция Марция Филиппа^[911]. Это было важнейшим успехом Суллы, в лагере которого консуляры до сей поры отсутствовали. Решительный шаг Филиппа объясняли недовольством политикой Карбона (Frier 1971, 596.), уверенностью в том, что Сулла — надежда для Рима (Letzner 2000, 230), наконец, просто вполне нормальным для политика желанием поддержать

берущую верх сторону (Long 1866, 340). Однако известные нам действия Карбона не задевали личных интересов Филиппа, о его высокой оценке Суллы ничто не свидетельствует, а близкая победа последнего не требовала перехода на его сторону — во время осады Рима Марием и Цинной Филипп сохранил нейтралитет. Поэтому требуется дополнительное объяснение его позиции.

Действия консуляра объясняются, по-видимому, тем, что во время ценза 86—85 гг. он, очевидно, вычеркнул Суллу из списка сенаторов, теперь же, чтобы сохранить значительный политический вес при будущих победителях, одного нейтралитета было мало. Перейдя же на сторону еще не добившегося успеха Суллы, Филипп оказал ему слишком значительную услугу, чтобы стать для сулланцев если не своим, то, по крайней мере, не чужим, без чего последний взлет консуляра в 78—77 гг. вряд ли стал бы возможен.

Куда более симптоматичным стал переход к Сулле Публия Корнелия Цетега — одного из тех, кто был объявлен *hostis* в 88 г. (App. BC. I. 80. 369). Уже после избрания Карбона консулом к Сулле присоединился, прихватив вверенную ему казну, квестор Карбона Гай Веррес (Cic. Verr. II. 1. 11 и 34) [\[912\]](#).

Как предполагает Э. С. Грюэн, когда стала очевидной победа Суллы, к нему явился Гней Корнелий Долабелла (Gruen 1966, 394), который станет претором в 81 г. и, стало быть, в 83 г. он уже сенатор. Сменил фронт, очевидно, и Луций Сергий Катилина [\[913\]](#) — на тот момент еще, видимо, даже не квестор [\[914\]](#). Зато нет сведений, чтобы кто-то перебежал к марианцам. Это наглядно характеризовало крайне неблагоприятную для марианцев обстановку в среде правящего слоя, что и подтвердила кампания 82 г.

КАМПАНИЯ 82 г. В ИТАЛИИ

Марию Младшему предстояло действовать в Лации и Кампании, Карбону — в Этрурии, Умбрии и Цизальпинской Галлии (Lovano 2002 122). По словам Аппиана (BC. I. 87. 397), Сулла захватил Сетию, после чего Марий отступил к Сакрипорту (примерно в 40 км к востоку от Рима). Плутарх же пишет о сражении близ Сигнии (Sulla 28.7), и многие ученые принимают, в силу топографических соображений, именно эту версию, причем в таком случае Сулла шел по *via Latina*. Э. Поцци уточняет изложение Аппиана: Сулла «со своим войском двинулся в начале сезона боевых действий (*buona stagione*) по *via Latina* навстречу консулу Гаю Марию, который преграждал ему путь. Внезапность, с которой он захватил Сигнию (Сеньи) на правом фланге Мария, вынудило последнего оставить свои позиции и отступить к Сакрипорту»^[915]. Иногда предполагается, что его помощник Гней Корнелий Долабелла^[916] двигался по *via Appia Vetus* между Велитрами и Таррациной, он-то и захватил Сетию^[917]. Так или иначе, армии обоих противников столкнулись под Сакрипортом^[918]. Описания сражения в источниках сильно отличаются. Плутарх пишет, что воины Суллы были измучены ливнем и просили отложить сражение. «Но когда Сулла нехотя согласился, а солдаты стали насыпать вал для лагеря и рыть ров, на них напал Марий. Гордо скакал он перед строем, надеясь, что рассеет войско, в котором царит замешательство и беспорядок^[919]. И тут волею божества свершилось то, что Сулла слышал во сне», когда ему приснился Марий-старший, убеждавший сына остерегаться наступающего дня. Разъяренные воины Суллы вступили в рукопашный бой с неприятелями. Те вскоре обратились в бегство, «и множество их было убито. Марий бежал в Пренесту, но нашел ворота запертыми.

Он обвязался спущенною ему веревкой и был поднят на стену. Некоторые (в их числе и Фенестелла) говорят, что Марий и не заметил, как началось сражение: отдав все распоряжения, измученный бессонницей и усталый, он прилег на землю и заснул где-то в тени, лишь потом, когда началось бегство, его с трудом разбудили^[920]. В этом сражении Сулла, говорят, потерял только двадцать три человека, а врагов перебил двадцать тысяч»^[921].

Аппиан гораздо более сух и краток. Он пишет, что Марий храбро сражался, но в какой-то момент его левый фланг подался под натиском

неприятеля, и пять когорт и две турмы (?)^[922] перешли на сторону врага. Войско обратилось в бегство и пыталось укрыться в Пренесте. Однако его жители пустили лишь первых беглецов и потом закрыли ворота, чтобы враги не ворвались в город на плечах отступающих, поэтому Мария втащили на веревках. У стены произошла резня, многих взяли в плен^[923]. Среди захваченных были и самниты; Сулла приказал перебить их^[924]. Спаслось, если верить Диодору (XXXVIII. 15), 15 тысяч марианских воинов.

В сущности, одна версия не противоречит другой, речь может идти лишь о взаимодополнении, различия состоят лишь в вопросе об участии Мария в битве, да и то это лишь один из вариантов, приводимых Плутархом, который никем из ученых не принимается. Марий укрепился в Пренесте. Сулла обвел город рвом и укреплениями и тем самым отрезал от внешнего мира. Руководство осадой было поручено Квинту Лукрецию Афелле^[925].

Рассказ Плутарха о битве при Сакрипорте напоминает историю с битвой при Тифатской горе, где воины, в сущности, самостоятельно разбили врага. Разница лишь в том, что здесь они поначалу не хотели вступать в бой, но затем стали действовать по собственному почину (если это имело место в реальности, то в лучшем случае лишь на одном из участков). И если победе над Норбаном предшествовало видение схватки двух козлов, то здесь речь шла о сне, но это лишь разница форм. Плутарх не упоминает факт измены нескольких когорт — хотя он вряд ли имел серьезное значение для исхода битвы, однако несколько портил картину блестящей победы. Не говорится и об избиении самнитов. Есть в рассказе Плутарха сведения о численности армии Мария — 85 когорт (Plut. Sulla 28.7), но не упоминается о размерах армии Суллы, которые, видимо, были больше, в противном случае о них сообщалось бы. Все это позволяет предполагать использование мемуаров диктатора^[926] или, по крайней мере, основанного на них источника^[927]. Второй вариант заставляет вспомнить, что обычно Плутарх охотно ссылается на воспоминания диктатора, хотя при этом не забывает упомянуть Фенестеллу в связи с версией о неучастии Мария в битве^[928].

Успешно для сулланцев развивались боевые действия и к северу от Лация. Метелл Пий двинулся через Пицен и Умбрию в Цизальпинскую Галлию — «циннанскую твердыню», как ее называет А. Кивни (2005а, 116). На реке Эзин он столкнулся с армией претора (Oros. V. 21. 10) Гая Каррината и в ожесточенном сражении разбил ее; окрестные общины

перешли на сторону победителей. Тем временем подоспевший Карбон, очевидно, располагая заметным численным превосходством, осадил лагерь самого Метелла^[929], однако после вести о поражении Мария при Сакрипорте отступил в Аримин (App. BC. I. 87. 395-396)^[930].

Не исключено, что Карбон дожидался подхода его армии, чтобы вместе с коллегой заблокировать Метелла, однако теперь об этом не могло быть и речи. Вскоре Метелл нанес поражение еще одному войску кого-то из легатов Карбона, пять неприятельских когорт, «чтобы спастись», перешли на сторону сулланцев (λέντε κάνταῦθα σπειρών ἐν τῇ ἐργῶ σεσωσμένων ἐς Μέτελλον). Вполне возможно, что их измена помогла решить исход боя^[931]. Помпей в свою очередь нанес поражение Цензорину при Сене Галльской и разграбил сам городок^[932].

Что же касается Мария, то он, согласно Аппиану, из осажденной Пренесты отправил в Рим и отдал приказ убить консуляров великого понтифика Кв. Муция Сцеволу^[933], Л. Домиция Агенобарба, эдилиция П. Антистия и трибуниция Г. Папирия Карбона Арвину. Городской претор Л. Юний Брут Дамасипп созвал *patres* на заседание, «двое из поименованных лиц были, согласно приказанию Мария (καθὰ Μάριος προσέταξε), умерщвлены в сенате, причем убийцы были допущены прямо в курию. Домиций был убит, когда он пустился бежать, выбираясь из сената, а недалеко от него погиб и Сцевола. Тела убитых были брошены в Тибр» (App. BC. I. 88. 403-404)^[934]. Согласно Флору (III. 21. 21), приговоренных выводили из курии^[935] одного за другим, причем Сцевола припал к алтарю Весты и сгорел в его пламени (очевидно, упал на него, пронзенный мечами). Эпитоматор Ливия (per. 86) при этом пишет про избиение знати (*L. Damasippus omnem quae in urbe erat nobilitatem trucidavit*), из-за чего иногда делается вывод о том, будто были убиты не только эти сенаторы^[936]. Другие же источники называют тоже только эти имена. Автор периох вполне мог позволить себе риторические преувеличения, а потому куда вероятнее, что дело ограничилось этими четырьмя лицами^[937]. Почему именно они подверглись расправе, судить трудно^[938].

Тем временем Сулла дошел до Рима^[939], жители которого страдали от голода^[940], и расположил армию на Марсовом поле^[941]. Очевидно, второй раз занимать Город войсками он не решился (Gabba 1958, 235). Противники его, естественно, бежали^[942] и успели вывезти значительные средства, которые потом Сулла захватит в Пренесте^[943]. Победитель конфисковал и продал имущество врагов^[944], а затем созвал сходку^[945], на которой

обосновал необходимость своих действий и обещал через недолгое время восстановить в государстве порядок. Перед сенатом он, судя по молчанию источников, выступать не стал^[946]. О каких-либо расправах с неугодными в Городе в это время не сообщается.

Любопытно, что в источниках никак не отразилось впечатление, которое могло произвести на современников взятие Рима. Видимо, все понимали, что судьба государства решается на полях сражений, а не в Городе. У марианцев оставалось еще несколько армий, и они продолжали борьбу. Оставив в Риме верных ему людей, Сулла двинулся в Этрурию, навстречу Карбону. Он разделил армию на три части^[947] и взял на себя командование центральной колонной, которая наступала по Кассиевой дороге. На реке Кланис (приток Тибра)^[948] его кавалерия встретила с кельтиберской конницей Карбона, которую, по словам Аппиана, прислали наместники Испании (ὄλο των ἐν Ἰβηρία στρατηγῶν ἀπεσταλμένοι), т. е., очевидно, Серторий^[949]. В бою, как утверждает Аппиан, погибло 50 испанских всадников, еще 270 перешли на сторону Суллы, остальных перебили из опасения, как бы не изменили и они^[950]. Другая, левофланговая колонна, двигалась по Клодиевой дороге и нанесла поражение марианцам при Сатурнии. Это был важный успех, поскольку Сатурния находилась вблизи Аврелиевой дороги, откуда шли пути к альпийским проходам и в западные провинции^[951].

Карбон же, покинув Аримин и избежав столкновения с Метеллом и Помпеем, благодаря искусному маневру прорвался в Этрурию (Seager 1994, 195). Близ Клузия он столкнулся с армией Суллы. Сражение, длившееся целый день, закончилось вничью^[952]. Как подчеркивает Аппиан, стороны сражались на равных (φάνέντες ἀλλήλοις ἰσόμεχοι). В стратегическом отношении Карбон победил, поскольку наступление остановилось (Моммзен 1994, 238). Это была первая (но и единственная) неудача Суллы в ходе кампаний 83—82 гг. (Schur 1942, 171).

Той порой Красс^[953], захватив Тудер (Тудертию) в Умбрии^[954], поставил под угрозу левый фланг армии Карбона. Гай Карринат попытался помешать ему, но подоспел Помпей, и в битве на Сполетийской равнине марианцы потерпели поражение, потеряв, если верить Аппиану, до 3000 человек^[955]. Победители осадили лагерь Каррината^[956]. Карбон направил ему подмогу, но высланный им корпус попал в засаду, подстроенную Суллой, и потерял, согласно тому же источнику, 2000 человек. Карринат, правда, сумел вырваться из окружения, воспользовавшись непогодой. Хотя

сулланцы заметили какое-то движение у врагов, особого внимания на него не обратили, и те ускользнули (App. BC. I. 90. 413-414).

Важного успеха добились сулланцы на юге Италии. С помощью изменников они проникли в один из крупнейших городов Кампании — Неаполь, перебили большинство его жителей и захватили стоявшие в порту триремы (App. BC. I. 89. 411)^[957].

Между тем положение в Пренесте становилось все хуже. Осажденные страдали от голода. Зная об этом, Карбон направил на помощь коллеге восемь легионов под командованием Марция Цензорина^[958]. Однако боеспособность этих войск была явно невысокой (Geizer 1942, 29). Помпей атаковал Цензорина - вероятно, в узком проходе между Нарнией и Окрикулом (южная Этрурия)^[959] - и обратил его воинов в бегство. Остальные укрылись на одном из холмов и были осаждены Помпеем. Но марианцы обманули бдительность неприятеля, оставив гореть зажженные костры, и сумели уйти. Оказавшись в безопасности, солдаты устроили бунт, обвинив Цензорина в том, что из-за него попали в засаду^[960]. Целый легион, сохраняя боевые значки, покинул его и вернулся в Аримин — ставку Карбона. Остальные, за исключением семи когорт (с ними Цензорин и возвратился к консулу), разошлись по домам (App. BC. I. 90. 414-416).

Тогда на помощь Пренесте двинулись объединенные силы италийских союзников. К городу направились войска луканца Марка Лампония, самнита Понтия Телесина и кампанца Гутты^[961]. Аппиан пишет, под их командованием находилось до 70 тысяч воинов^[962]. Но Сулла сумел отрезать им путь к Пренесте^[963], однако в бой с ними вступить не рискнул. Марий пытался прорваться из Пренесте собственными силами, но, несмотря на отчаянные усилия, потерпел неудачу (App. BC. I. 90. 416-417).

Успешно действовал и Метелл Пий. Очевидно, не желая сталкиваться с основными силами Карбона под Аримином (Gabba 1958,1236), он перевез армию морем, высадился в Равенне и отправился оттуда к Фавенции. Сюда подоспели войска Норбана, усиленные подкреплениями от Карбона^[964]. Вероятно, в надежде на численный перевес Норбан атаковал Метелла всего за час до наступления темноты в местности, покрытой виноградниками и потому непригодной для сражения. В завязавшейся схватке марианцы были разбиты и потеряли, если верить Аппиану и Орозию, 9000 или почти 10 000 павшими, и еще 6000 перешли на сторону победителей (это могли быть пленные). Остальные разбежались, в строю осталось, согласно Аппиану, не более 1000 человек, с которыми Норбан и вернулся в Аримин (App. BC. I. 91. 418-419; Veil. Pat. II. 28. 1; Oros. V. 20. 7).

В этих условиях луканский легион под командованием Публия Альбинована заволновался и также перешел к сулланцам (грозный симптом для марианцев, хотя, конечно, это еще не отражало позиции всех луканов). Сам Альбинован, не решаясь сразу последовать их примеру, вступил в переговоры с неприятелем. Хотя он был одним из тех, кого объявили врагом вместе с Марием в 88 г.^[965], ему гарантировали безопасность, «если он совершит нечто замечательное (εἴ τι πράξειεν ἀξιόλογον)» (еще один из *hostes* 88 г., Цетег, как уже говорилось, ранее перешел на сторону Суллы, что не могло не ободрить Альбинована). Он понял намек и пригласил на пир марианских военачальников Целия Антипатра Флавия Фимбрию (брата Гая Фимбрии) и других, менее важных командиров. Всех их перебили, за исключением Норбана, который воздержался от участия в пире. После этого Альбинован перешел к сулланцам^[966].

Еще один удар марианцам на севере Италии нанес Марк Теренций Варрон Лукулл. Осажденный войсками марианского военачальника Квинкция, он прорвал вражеское кольцо и разбил неприятеля под Фиденцией^[967] (на Эмилиевой дороге между Плаценцией и Пармой). Если верить Плутарху, он имел всего 15 когорт против 50^[968], но перебил при этом будто бы 18 тысяч врагов (Plut. Sulla 27. 14—15^[969]; см. также: Liv. Per. 88; Veil. Pat. II. 28. 1; Oros. V. 20. 8)^[970]. Теперь Цизальпинская Галлия перешла под контроль сулланцев^[971].

Карбон вновь решил предпринять попытку деблокирования Пренесты и отправил на помощь Марию Младшему два легиона под командованием Дамасиппа. И на сей раз Сулла не пожелал вступить в бой и предпочел отрезать Дамасиппу пути на юг. Карбон после этого бежал в Африку, хотя, как замечает Аппиан, под Клузием он располагал 30 тысячами воинов, не считая двух легионов Дамасиппа и стольких же под началом Каррината и Цензорина. Продолжали сопротивление и самниты (App. BC. I. 92. 423-425; Sail. Hist. I. 38). Аппиан объясняет поведение Карбона тем, что консул утратил всякую надежду на успех и малодушно покинул Италию, надеясь закрепиться в Африке (ἀπογνοῦς ἀπάντων ἀσθενῶς ἐφευγε σὺν τοῖς φίλοις ἐς Λιβύην ἐξ Ἰταλίας ὑπατος ἐτι ὢν, ὡς Λιβύην παραστησόμενος ἀντί τῆς Ἰταλίας). Вероятнее всего, Карбон хотел собрать здесь новые силы (в Африке находились колонии марианских ветеранов) и продолжить борьбу, но успеха не добился.

Положение марианцев стремительно ухудшалось. На сторону сулланцев перешел Аримин. После этого Норбан, отчаявшись в успехе, бежал на Родос. Войска Карбона, стоявшие под Клузием, дали бой

Помпею^[972], но потерпели поражение и потеряли будто бы до 20 тыс. чел.^[973] Цифры эти наверняка преувеличены (с учетом дезертировавших они могут быть близки к истине, но подразумеваются явно убитые и пленные), однако факт крупной неудачи марианцев очевиден. Дамасипп, Цензорин и Карринат сохранили часть армии и попытались вновь прорваться к Пренесте^[974], но неудачно. Тогда они решили объединить силы и идти к Риму. Двигаясь, вероятно, по *via Labicana*, они ночью 30-31 октября пересекли в Тускуле *via Appia*^[975] и 31 октября разбили лагерь в 100 стадиях (18 км) от Города в альбанской области (App. BC. I. 91. 422; 92. 426-427; 94. 434)^[976].

С юго-востока на Рим наступала армия самнита Понтия Телесина^[977], лукана Марка Лампония и кампанца Гутты^[978] — Плутарх утверждает, что они шли освобождать от осады Пренесту (Sulla 29.2). «Цель маневра была ясна — угрожая захватить лишенный на тот момент защиты Рим, выманить Суллу с неприступных позиций под Пренестой и разгромить его в чистом поле»^[979].

Плутарх пишет, что Телесин едва не вошел в беззащитный Город (καὶ μικροῦ μὲν ἐδέησεν ἐμπλοεῖν εἰς ἀφύλακτον), но в 10 стадиях (ок. 2 км) от Коллинских ворот остановился (Sulla 29.4). Однако он, вопреки мнению Моммзена^[980], очевидно, и не собирался захватывать Рим, поскольку задача перед ним стояла иная — соединиться с войском марианцев и разгромить Суллу. Примечателен рассказ того же автора об отряде всадников из аристократической молодежи, который выступил навстречу самнитам и был отогнан с серьезными потерями (среди убитых оказался юный нобиль Аппий Клавдий) (Plut. Sulla 29.5). Видимо, он атаковал не главные силы врага, что было бы полным безумием, а авангард неприятеля, главные силы которого, следовательно, в непосредственное соприкосновение с врагом не вступали. Что же до вражеских кавалеристов, с которыми сразились молодые римские нобили, то они, возможно, просто проводили рекогносцировку.

Тем временем Сулла уже приближался к Риму^[981] и выслал вперед 700 всадников во главе с Октавием Бальбом, который после короткой передышки атаковал неприятеля. Затем Сулла подоспел и сам, расположившись у храма Венеры Эрицинской примерно в полукилометре от Коллинских ворот^[982]. Армия Суллы сильно утомилась после марша, а потому Луций Манлий Торкват и Гней Корнелий Долабелла уговаривали полководца дать людям отдохнуть. Сразу воинов в бой не бросили, но и

полноценного отдыха они не получили, поскольку им пришлось возводить лагерь, о чем пишет Аппиан (BC. I. 93. 428), утверждая, что войско Суллы расположилось лагерем (ἑστρατοπέδευσεν). Какое-то время ушло на завтрак, в котором полководец своим солдатам все же не отказал. Около трех или четырех часов пополудни 1 ноября он дал сигнал к бою (Plut. Sulla 29. 7-8) [\[983\]](#).

В ходе начавшегося сражения Сулла поначалу, очевидно, взял на себя командование центром. Кто руководил в начале битвы левым крылом, сведений нет, правый же фланг он поручил Крассу [\[984\]](#). Последний вполне справлялся с поставленной перед ним задачей, тогда как на левом фланге сложилась чрезвычайно опасная обстановка. Сулла направился туда, принял личное участие в схватке, в которой его чуть не убили, однако предотвратить бегства воинов не смог. Они достигли городской стены, но ветераны [\[985\]](#), находившиеся на стенах, не пустили их в Город [\[986\]](#). Погибло немало людей, вышедших посмотреть на сражение [\[987\]](#). Далее версии Плутарха и Аппиана несколько расходятся. Первый пишет, что Сулла, «смешавшись с бегущими [\[988\]](#), укрылся в лагере, потеряв много товарищей и близких». Причем, по Плутарху, кто-то даже бежал в Пренесте сообщить Лукрецию о разгроме, и лишь поздно ночью Сулла узнал от прибывших к нему за продовольствием людей Красса, что сражение выиграно (Sulla 29.14; 30.1; Crass. b.7). Аппиан же утверждает, что уцелевшие в бою перед стенами «в силу необходимости обратились против неприятеля; сражение продолжалось всю ночь, и много народа было перебито» (BC. I. 93. 430-431). Хотя теоретически эта версия не исключает последующего бегства воинов Суллы и его самого в лагерь, однако контекст предполагает, что последний не скрылся в лагере, а оказывал сопротивление до тех пор, пока не переломил ход битвы в свою пользу [\[989\]](#). Несостоятельно, по-видимому, и предположение Х. Малдена о том, что неприятели перестали атаковать на левом фланге, узнав о победе Красса, — это явно противоречит тексту Аппиана. К тому же, если бы враги разбили Суллу, то, как указывает А. Кивни, они попытались бы атаковать Красса [\[990\]](#). Но как в таком случае понимать сообщение Плутарха? Думается, здесь в целях драматизации изложения писатель сгустил краски. Вероятнее всего, речь шла о перерыве в ходе затянувшейся битвы, и сообщение об успехе Красса просто воодушевило воинов Суллы, после которого они опрокинули врага — на поле боя остались Понтий Телесин [\[991\]](#) и (Постумий?) Альбин [\[992\]](#); Понтий, опытный и способный военачальник, вряд ли имел дело с Крассом, именно его натиск, судя по всему, поставил Суллу в трудное положение, и его

гибель была возможна лишь при поражении от войск Суллы. Плутарх пишет, что неприятеля преследовали до Антемны воины одного лишь Красса (Sulla 30.1), и это довершает картину битвы, при которой именно Крассу принадлежит вся слава победы; налицо влияние благосклонного к будущему триумвиру источника (или фрагмента такового)^[993]. Однако такая роль Красса вызывает сомнения. Вероятнее, что Красс выполнял свою часть задуманного командующим плана, пока тот сдерживал натиск наиболее мощных сил врага^[994].

Утром Сулла отправился к Антемне, где, закончив преследование неприятеля, расположились на отдых солдаты Красса. Здесь к проконсулу явились парламентары от уцелевших вражеских воинов, и он посулил им жизнь, если они нападут на своих товарищей. Однако когда это условие было выполнено, то уцелевших, вопреки обещанию, обезоружили и вскоре перебили в помещении *Villa Publica* вместе с уцелевшими воинами из числа тех, на кого они напали (Plut. Sulla 29. 3-4).

Вскоре победители захватили в плен Марция Цензорина, Брута Дамасиппа, Гая Каррината^[995]. Им, как и Понтию Телесину, отсекали головы, которые были пронесены вокруг Пренесты для устрашения ее защитников^[996]. Между тем возможности обороны города оказались исчерпаны — прежде всего из-за истощения запасов продовольствия. Марий Младший попытался спастись по подземному ходу, но тщетно. По одной версии, его убили, когда он пытался выйти наружу, по другой — он покончил с собой вместе с младшим братом Понтия Телесина, когда увидел, что и подземный ход занят врагами. (Не исключено также, что Марий, узнав о проникновении неприятеля в тоннель, попытался задержать его и погиб в схватке.) Бывший марианец Публий Цетег уговаривал пренестинцев довериться Сулле и сложить оружие, и вскоре они сдались на милость победителей (Liv. Per. 88; Vell. Pat. II. 27. 4; Plut. Sulla 32.1; App. BC. I. 94. 434)^[997].

Вслед за Пренестой пала Норба^[998]. Ее осаждало войско под командованием Эмилия Лепида^[999]. Город оказывал упорное сопротивление, и овладеть им, как и Леаполем, удалось лишь с помощью измены. Когда неприятели проникли в Норбу, жители ее, согласно Аппиану, начали совершать массовые самоубийства, поджигая собственные дома, в результате чего основная часть города выгорела (App. BC. I. 94. 439).

В 80 г. сулланцы овладели двумя итальянскими городами, оказывавшими сопротивление еще со времен Союзнической войны - Нолой и Эзернией^[1000] (Liv. Per. 89; Gran. Lic. 32F). Нолу обороняли самниты,

которые капитулировали, по словам Грания Лициниана, «из страха перед осадой» (*metu obsidionis*) — очевидно, перед ее продолжением в условиях исчерпания дальнейших возможностей обороны. Нельзя исключить и определенных обещаний со стороны осаждающих.

Последним очагом антисулланского сопротивления стали города Этрурии — Популония и Волатерры^[1001]. Об осаде и взятии первого из них подробностей нет, мы знаем лишь, что он находился на мысе, круто спускавшемся к морю (Strabo V. 2. 6), а потому овладеть им было нелегко. Дж. Лонг предполагает, что город был разрушен, т. к. Страбон пишет применительно к своему времени лишь о храмах и нескольких домах (Long 1866, 363); но можно допустить и избиение его жителей. Волатерры продержались до 79 г. — несомненно, благодаря неприступности своего расположения^[1002]. Оборону держали этруски и кое-кто из проскрибированных, составившие *τέτταρα τάγματα* (Strabo V. 2, 6), что обычно переводят как «четыре легиона». Однако это не более чем трактовка, и о численности защитников города судить трудно. В его осаде в 81 г. принимал участие сам Сулла (Cic. Rose. Am 20, 127-128), но, очевидно, без успеха. В войске по неизвестным причинам вспыхнул мятеж, во время которого воины побили камнями^[1003] Гая Карбона — брата консула 85, 84 и 82 гг., по-видимому, легата Суллы^[1004].

В конце концов, защитники Волатерр сдались, выговорив себе право свободного прохода (Strabo V. 2. 6; Gran. Lic. 32F). Вдогонку им были высланы всадники, которые перебили проскриптов, находившихся среди тех, кто покинул город^[1005]. Не исключено, что их судьба была оговорена с руководителями обороны заранее втайне от самих проскриптов, как одно из важнейших условий капитуляции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Хотя марианцы располагали более многочисленными силами, нежели Сулла и его сторонники, они уступали ему в качестве войск, не говоря уже об отсутствии единого руководства и невысоком уровне командования. Об ослаблении их внутривнутриполитических позиций свидетельствовало возобновившееся в 83 г. бегство сенаторов в лагерь Суллы. Последний сумел взять верх над своими врагами в ходе политико-дипломатической игры. Он воздержался на первых порах от грабежей и насилий в отношении мирного населения, а позднее заключил со многими италийскими общинами соглашение о признании их прав, в силу чего те не проявили большого желания сражаться. Неоднократно с их стороны имел место переход войск на сторону врага, а вмешательство в 82 г. самнитов и луканов, которых Сулла изображал своими главными врагами, уже не смогло спасти положения. Итогом стало полное поражение марианцев и их союзников, которые в ходе двухлетней борьбы не сумели выиграть хотя бы одной сколько-нибудь значимой битвы. Длительное сопротивление отдельных италийских городов после падения Пренесты исхода войны уже изменить не могло.

ГЛАВА ПЯТАЯ
ПАДЕНИЕ МАРИАНСКОГО РЕЖИМА В
ПРОВИНЦИЯХ

ВОСТОЧНЫЕ ПРОВИНЦИИ

Важнейшей проблемой для нового сената являлись дела на Востоке. Там шли войны с Митридатом, там же находилась армия Суллы, который после войны наверняка пожелал бы вернуться в Италию. И в случае победы над Митридатом лавры победы достались бы ему одному, под его контролем оказались бы восточные провинции. Это в планы Цинны и его окружения наверняка не входило (Meier 1966, 233). Потому в 86 г. в Азию было направлено войско под командованием консула-суффекта Луция Валерия Флакка^[1006]. Исследователи давно спорят о том, какие цели были поставлены перед ним. Плутарх (Sulla 20.1) утверждает, что на словах его задачей была борьба с Митридатом, а на деле — с Суллой. Однако всерьез принимать это невозможно. У Суллы, как мы видели, было пять легионов (пусть и с учетом потерь), тогда как у Флакка — всего два^[1007]. Рассчитывать на то, что Сулла добровольно расстанется с командованием или что солдаты пойдут за новым командующим, после событий 88 г. также не приходилось^[1008]. Мемнон (34.1) говорит, что Флакк был послан для сотрудничества с Суллой в том случае, если последний признает власть сената^[1009]. Но как тогда мыслилось положение обоих командующих? Означает ли это, что Флакк должен был признать власть Суллы? Это настолько же маловероятно, как и то, что Сулла признает первенство Флакка. Вероятнее всего, последний, по мысли отправлявших его, должен был завладеть Азией, пока Сулла будет сражаться на Балканах^[1010]. Привлечение богатых ресурсов этой провинции значительно облегчило бы борьбу с мятежным проконсулом, который, в свою очередь, этих ресурсов оказался бы лишен (напомним, что даже захватив их, он полтора года готовился к высадке в Италии). Возрастала надежда на то, что итальянцы, явно не стремившиеся участвовать в боевых действиях, изменили бы свою позицию и пополнили достаточно немногочисленную восточную армию циннанцев.

Экспедиция Флакка началась неудачно — корабли с войсками, вышедшие из Брундизия, попали в бурю, часть их, если верить Аппиану, была уничтожена врагами (не менее вероятно, впрочем, что неприятелю приписали гибель судов от шторма). В Греции один из отрядов консульской армии перешел на сторону Суллы (App. Mithr. 51.206)^[1011]. Тем временем сам будущий диктатор, занятый войной с понтийцами, не стал вступать в

противоборство с главными силами Флакка. Это позволило последнему продолжить путь к проливам, который не сопровождался, если исходить из молчания источников, какими-либо эксцессами в отношениях консула с его армией. По сообщению Диодора (XXXVIII. 8. 1) в пути солдаты ограбили земли союзников и кое-кого из них поработили, в чем греческий автор обвиняет Фимбрию^[1012], искавшего популярности у воинов. Пострадавшие обратились к Флакку, который приказал воинам вернуть награбленное, а Фимбрию сделал выговор. Последний заявил, что солдаты действовали без его ведома, и обещал выполнить распоряжение командующего, но воинам заявил, что делать это совершенно не обязательно. Флакк продолжал настаивать, и в итоге вспыхнул мятеж (ταραχή καί στάσις κατείχε το στρατεύμα).

Согласно Диону Кассию, консул отличался жадностью и наживался за счет солдатских пайков, а когда его воины достигли Византия, велел воинам располагаться за пределами стен, сам же отправился в город. Но его помощник Фимбрия начал обличать алчность командующего. Солдаты ворвались в город и начали грабить жителей, убивая тех, кто пытался сопротивляться. Затем у Фимбрию разгорелся спор с квестором, Флакк принял сторону квестора, Фимбрия стал осыпать командующего бранью, и тот лишил его должности. В ответ смещенный легат произнес речь перед воинами и спровоцировал их на мятеж (fr. 104. 16).

По версии же Аппиана (Mithr. 51-52), Фимбрия, пользовавшийся немалой популярностью у воинов, удержал их от перехода на сторону неприятеля после измены упоминавшегося отряда, что тем не менее не помешало Флакку взять сторону квестора в его споре с Фимбрией. Фимбрия стал угрожать командующему своим возвращением в Рим. Консул в ответ назначил на его место Минуция Терма, но когда он уехал в Халкедон, Фимбрия отнял у Терма, замещавшего консула, фасции и провозгласил себя главнокомандующим, ссылаясь на волю войска. Флакк бежал в Никомедию, где спрятался в колодце, однако его разыскали и убили^[1013].

Весьма странен рассказ об этих событиях Мемнона (34. 1-2). По его словам, сенат поставил во главе войска, шедшего против Митридата, Флакка и Фимбрию (ἡ δέ σύγκλητος Φλάκκων Ούαλερίων καὶ Φιμβρίαν λέμλει πολεμεῖν Μιθριδάτῃ). Получается, что они оказываются, вопреки очевидности, равными величинами — тут явное влияние на рассказ последующих событий. Воины больше любили второго, ибо он командовал ими более («человеколюбиво» (φιλανθρώπως), а Флакк поносил и

Фимбрию, и его лучших воинов, двое из которых в итоге убили консула, когда армия дошла до Никеи (не Никомедии).

В этих описаниях много неясного^[1014]. Из Диодора, например, трудно понять, где имели место грабежи — весьма вероятно, что Фимбрия изображен как фактический глава войска еще до мятежа. То, что он пользовался огромным влиянием среди легионеров, вполне возможно, хотя история с удержанием солдат от перехода на сторону Суллы вряд ли достоверна, ибо к последнему переметнулся лишь отряд, действовавший отдельно от основных сил. Вполне вероятно также, что описанные Диодором грабежи относятся к событиям в Византии^[1015]. Но главное тут в другом: в источниках все описано на уровне личного противостояния Флакка и Фимбрии (причем оба изображены людьми порочными), только консул заботится исключительно о себе, тогда как его вероломный легат потакает дурным наклонностям воинов, стремясь обрести власть через их поддержку. При этом в источниках ничего не говорится о «группе поддержки» помимо войска, без которого Фимбрия ничего не добился бы и вообще вряд ли посмел бы вести себя столь дерзко. Очевидно, его подержали не только солдаты, но и центурионы, а также основная часть военного совета^[1016] — нет сведений, чтобы кто-то из его членов покинул Фимбрию или был убит за неповиновение ему, о чем источники вряд ли умолчали бы — хотя бы для обличения его жестокости. Более того, сенат (и, очевидно, циннанское руководство), как уже говорилось, утвердил Фимбрию на посту главнокомандующего^[1017], что вряд ли оказалось бы возможно без активной поддержки со стороны влиятельных *patres*. Наиболее вероятной причиной их явно отрицательного отношения к Флакку был его закон *de aere alieno*. Конечно, несколько странно, как они могли одобрить мятеж в войсках. Однако вполне вероятно, что в своем донесении Фимбрия изобразил случившееся в сильно искаженном виде, а в Риме закрыли глаза на «инцидент», тем более; что узурпатор отнюдь не проявлял нелояльности по отношению к циннанскому режиму^[1018].

Как известно, Фимбрия активно повел войну с понтийцами, ибо только победа над ними и могла оправдать захват им командования. Однако условия гражданской войны не позволили ему, несмотря на все его победы^[1019], добиться решающего успеха — взять в плен Митридата, что могло изменить течение римской истории в последующие десятилетия. После своего изгнания из Пергама царь заперся в Питане и разослал приказы о доставке туда кораблей. Фимбрия же, не располагавший судами, предложил Лукуллу блокировать неприятеля с моря но тот отказался, что

позволило царю уплыть в Митилену на Лесбосе^[1020]. Г. Беннет считает, что задача по овладению Питаной была отнюдь не столь простой, как может показаться, поскольку потребовалась бы длительная осада. Да и вообще неясно, достаточно ли была сильна эскадра Лукулла, чтобы удержать блокаду^[1021]. Однако если бы дело обстояло так, он сам и/или симпатизировавшие ему античные авторы, бесспорно, сослались бы на эти обстоятельства. Но Плутарх, приводящий разные варианты возможных причин такого поведения Лукулла (Лис. 3.8), о его слабости ничего не пишет. Истинная же причина достаточно очевидна — в случае пленения Митридата слава успеха досталась бы действовавшему на суше Фимбрию (Magie 1950, I, 228). Последствия этого для Суллы нетрудно представить — он оказался бы лицом к лицу с победоносной неприятельской армией, одоление которой потребовало бы от него немалых потерь в условиях отсутствия подкреплений. К тому же он предстал бы в отнюдь не выигрышной роли губителя войск, разгромивших злейшего врага Рима. Конечно, можно было попытаться пойти на соглашение с циннанцами, но его условия оказались бы во много раз менее выигрышными, чем то, что он получил в результате победы в гражданской войне. В этих условиях отказ Лукулла сотрудничать с Фимбрией^[1022], несомненно, был оптимальным решением для соблюдения интересов Суллы и его группировки, хотя это решение очевидным образом и противоречило интересам *res publica*^[1023].

Примечательно, что Фимбрия, предложивший фактический союз Лукуллу, не предпринимал подобных попыток в отношении Суллы. Весьма возможно, что помимо пленения Митридата он рассчитывал также переманить на свою сторону Лукулла и его офицеров. Однако если такие планы и имели место, им также не суждено было осуществиться.

Неудача под Питаной обернулась для Фимбрии катастрофой. Он не сумел захватить в плен понтийского царя, а затем пожать плоды своих побед и завершить войну, поскольку его опередил Сулла, предложивший царю весьма выгодные условия^[1024]. Дарданский мир оказался для царя даже более благоприятным, чем вызвавшее возмущение многих римлян соглашение с Югуртой в 111 г.^[1025] Фактически это был союз, если учесть военную помощь, оказанную Митридатом Сулле (Гуленков 1998, 59-60). В сущности, под давлением обстоятельств^[1026] будущий диктатор сделал то, о чем говорил Архелай, предлагая ему в обмен на уступки Митридату деньги и корабли, столь нужные для борьбы с марианцами. Как резонно замечает А. Н. Шервин-Уайт, «это предложение, восходящее к мемуарам Суллы, не так глупо, как может показаться»^[1027].

Фимбрия стал первой жертвой Дарданского договора. Он оказался в безвыходном положении, не сумев сделать того, что, как уже говорилось, только и могло оправдать расправу с Флакком и узурпацию командования. Продолжать войну со столь скромными силами, да еще имея в тылу армию Суллы, было опасно. Все это явно не способствовало сохранению им прежнего авторитета у воинов и командиров.

Вскоре Сулла подступил к Фиатирам^[1028], где стояло войско Фимбрии, и расположился в двух стадиях от него. Он потребовал от марианского полководца передать ему свою армию, которой тот командует незаконно. Фимбрия отвечал, что Сулла тоже командует точно так же. Воины Суллы стали окружать рвом лагерь фимбрианцев, которые начали перебегать на их сторону^[1029]. Фимбрия созвал сходку и принялся уговаривать воинов не покидать его, но те заявили, что не будут воевать с согражданами, после чего он, как уверяет Аппиан (Mithr. 59.242), бросился им в ноги, чем вызвал у них еще большее отвращение.

Число перебежчиков выросло, и Фимбрия, если верить Аппиану (*loc. cit.*), стал подкупать командиров, а затем собрал их и потребовал, чтобы подчиненные поклялись ему в верности. Самые преданные из их числа стали требовать поименного принесения клятвы. Но когда глашатай вызвал ближайшего помощника полководца, Нония, тот отказался присягать. Фимбрия обнажил меч и хотел убить его, но из-за всеобщего возмущения не решился. Он будто бы подослал во вражеский лагерь раба, соблазнив его деньгами и обещанием свободы, и приказал ему убить Суллу. Но раб будто бы выдал себя нерешительностью, был схвачен и во всем сознался. Фимбрия пытался вызвать Суллу на переговоры, но тот не явился сам, а прислал к нему Рутилия Руфа^[1030], который гарантировал неприятельскому командующему беспрепятственный проход до побережья, если тот хочет отплыть из Азии. В ответ Фимбрия заявил, что «у него есть другая, лучшая дорога», удалился в Пергам и покончил с собой вместе со своим рабом в храме Асклепия^[1031].

В этом рассказе следует оговорить несколько моментов. Совершенно очевидно, что он основан на враждебных Фимбрии источниках^[1032]. Говорится о попытке подкупа Фимбрией своих подчиненных, но умалчивается об аналогичных действиях Суллы, которые, как мы видели на примере армии Сципиона, в таких ситуациях имели место. Нет полной уверенности и в правдивости истории с рабом, подосланным убить Суллу — это мог быть обычный перебежчик, согласившийся дать нужные его новым хозяевам показания. Наконец, не говорится о такой очевидной

причине измены воинов Фимбрии, как заметный численный перевес противника^[1033]. (Вопрос о том, была ли в действительности предоставлена марианскому военачальнику свобода передвижения, будет рассмотрен в следующей главе.)

Так или иначе, в результате событий под Фиатирой циннанское правительство постигла катастрофа — оно лишилось единственной боеспособной армии, а также окончательно потеряло все провинции к востоку от Италии, которые стали теперь базой для наступления Суллы на Апеннинский полуостров, начавшегося в 83 г.

САРДИНИЯ И СИЦИЛИЯ

О положении на Сардинии наши сведения крайне скудны. Мы знаем лишь, что её наместником в 82 г. был Квинт Антоний Бальб^[1034], претор 83 или 82 г.^[1035] Известно, что в качестве претора он чеканил в Риме денарии с победными символами, очевидно, демонстрировавшими решимость марианцев отразить нападение возвращавшегося из Азии Суллы^[1036]. Во вверенной ему провинции он это сделать не смог, как и другие марианские военачальники в Италии, Испании, Африке и на Сицилии. Как сообщает эпитоматор Ливия (рег. 86), на острове высадился Л. Марций Филипп, перешедший на сторону Суллы и ставший его легатом. Он разбил войско наместника (сам Антоний погиб) и овладел островом^[1037].

Что касается Сицилии, то её наместником еще во времена Союзнической войны был Гай Норбан, хорошо показавший себя в ходе борьбы с италийцами^[1038]. Затем его сменил Марк Перперна Вейентон^[1039]. Диодор, повествуя о событиях 82 г., называет Перперну «стратегом Сицилии» (XXXVIII. 14). Учитывая, что этим термином греческие авторы обычно обозначали претора, многие исследователи решили, что именно в 82 г. он и занимал эту должность^[1040], т. е. тогда же стал и наместником.

Однако, по мнению Э. Бэдиана, сообщение Диодора не дает бесспорных оснований для такой датировки^[1041]. С этим трудно не согласиться — мы имеем дело лишь с эксцерптом, да и под стратегом мог иметься в виду просто наместник. Логично предположить, что Перперна занимал претуру в 83 г., после чего и отправился на Сицилию (Konrad 1994, 146). Не исключено также, что он управлял в 82 г. островом уже не первый год^[1042].

Так или иначе, в 82 г. Перперна занимал пост наместника Сицилии. Диодор пишет: «В то время как Марий [Младший] из-за недостатка необходимого был покинут воинами, лишь стратег Сицилии Марк Перперна, хотя Сулла и присылал к нему [для переговоров] и предлагал перейти на его сторону, до такой степени не поддавался увещаниям, что не только сохранял верность Марию, но даже надменно заявлял, будто переправится с Сицилии со всеми силами и вызволит Мария из Пренесты» (XXXVIII. 14). Более краток Плутарх: «Спустя некоторое время пришла весть о том, что Перпенна укрепляется на Сицилии, стараясь превратить остров в опорный пункт (ὀρμητήριον) для остатков... приверженцев

Мария... Против них был послан Помпей с большим войском. Перперна немедленно (εὐθύς) уступил ему остров» (Ромр. 10. 1-2).

Рассмотрим эти сообщения. Э. Бэдиан предполагает, что Перперна отправился на Сицилию еще в начале войны (проверить это трудно) и сравнивает его с Серторием, отбывшим той порой в Ближнюю Испанию. Оба имели связи в своих провинциях: дед первого подавлял на Сицилии восстание рабов, а второй воевал на Пиренейском полуострове в 90-х гг. (Badian 1958, 269). Однако если о деятельности Сертория в качестве наместника *Hispania Citerior* довольно подробно рассказывают Плутарх и Экуперанций (см. с. 330-338), то о Перперне таких сведений нет. Поэтому вопрос об отношениях Перперны с жителями острова, насколько мне известно, в историографии практически не ставился, если не считать замечания о вероятных связях Перперны благодаря его деду с сицилийцами. Но на основании косвенных данных можно высказать и другие предположения. Плутарх рассказывает (Ромр. 10.11), что Помпей хотел покарать Гимеру, державшую сторону врага (μετά των πολεμίων), т. е. марианцев. Промарианскую позицию занимала, видимо, и Мессена, коль скоро Помпей не пожелал обойтись с нею милостиво (φιλανθρώπως λάσας ἐχρήτο πλὴν Μαμερτίνων τῶν ἐν Μεσσήνῃ — 10.2). По словам Плутарха, Помпей карал лишь наиболее знатных и явных врагов Суллы (ἐν δόξῃ μάλιστα τῶν Σύλλα πολεμίων — 10.10), остальных же щадил, причем ясно, что было их не так уж и мало, причем в их число входили и сицилийцы. Об этом свидетельствует упоминание чуть ниже сторонника марианцев Стенния из Гимеры (10. 11-13). Вряд ли *factio Mariana* имела бы столь значительную поддержку на острове, если бы его наместник вел себя слишком уж неподобающим образом. Обращает на себя внимание, что Цицерон в своих весьма пространных «верринах» нигде не упоминает о злоупотреблениях Перперны (хотя бы для того, чтобы представить их как не столь вопиющие по сравнению с верресовыми). Молчит и явно враждебный Перперне Плутарх. Правда, по его словам, Помпей, высадившись на Сицилии, πόλειс ἀνελάμβανε τετροχωμένας (10.2), что Г.А. Стратановский переводит как «начал восстанавливать разрушенные города» (Плутарх 1994, 66). Но из Плутарха следует, что боев на острове не было, откуда же взяться разрушениям? Глагол μναλαμβάνω имеет также значение «вновь занимать», а τρούχωι— «разорять», так что можно говорить просто о занятии армией Помпея городов, чьи жители были разорены (например, налогами)^[1043]. Но вполне возможно, что перед нами обычное для Плутарха риторическое преувеличение, тем более что оно никак не связано с предыдущим и последующим изложением.

Как же понимать отказ Перперны перейти на сторону Суллы и его угрозу переправиться в Италию, вместо чего последовала сдача острова без сопротивления? Прежде всего надо учитывать характер изложения Диодора, который, желая продемонстрировать примеры умеренного и милосердного поведения, в то же время весьма благосклонен к Сулле — последний у Диодора предлагает наместнику Сицилии договориться, а тот надменно (μετ' ἀνατάσεως) отказывается и раздражается пустыми угрозами, а сам, как мы знаем из Плутарха и как, очевидно, сообщал далее и Диодор, позорно бежит с острова перед наступающим Помпеем. В то же время нельзя не отметить и другое: Перперна был, по словам греческого историка, единственным (μόνος), кто не оставил попавшего в тяжелое положение Мария Младшего. Возможно, симпатии автора к Сулле и, соответственно, неприязнь к его врагам наложились здесь на благоприятный для Перперны рассказ, восходящий к местной традиции. Собственно, кроме замечания о надменности ответа наместника Сулле, ничего предосудительного о Перперне в данном пассаже не сказано. То, что он не пошел на помощь Марию, как собирался, могло объясняться в источнике Диодора или его полном тексте обстоятельствами, от наместника Сицилии не зависевшими. Что же касается бегства Перперны из вверенной ему провинции, которое, очевидно, контрастирует с его гордыми заявлениями о походе на Пренесту, то для местного населения оно было благом, ибо избавило его от бедствий войны^[1044]. Сторонники Суллы, разумеется, изображали дело иначе. Вспомним для сравнения события 49 г., когда Катон Младший, управлявший Сицилией, оставил ее без боя, чтобы не подвергать цветущую провинцию разорению — неизбежному спутнику боевых действий (Plut. Cato Min. 53.4; App. BC. II. 40. 162; Dio Cass. XLI. 41. 1). Это, впрочем, не помешало Цезарю изобразить его уход с острова как бегство — *ex provincia fugit* (BC. I. 30. 5).

Ф. Мюнцер указывает, что своим поведением Перперна продемонстрировал, как позднее в Испании, высокомерие, трусость и нежелание подчиняться консулу Гнею Папирию Карбону (Münzer 1937b, 898). Бесспорно, с точки зрения военной дисциплины бегство Перперны без санкции сверху оправданий не находит. Но справедливости ради заметим, что и сам Карбон точно так же бежал из Италии, причем еще не исчерпав всех возможностей для борьбы, тогда как сопротивление наместника Сицилии вряд ли уже что-то изменило бы.

Как известно, Перперна был внесен в проскрипции (Veil. Pat. II. 30. 1), но при Сулле избежал гибели. Ф. Мюнцер объяснял это тем, что наместник Сицилии получил от Помпея обещание личной безопасности в обмен на

сдачу Сицилии без боя^[1045]. Он удалился в изгнание, как то сделал другой проскрипт, Луций Корнелий Сципион, уехавший в Массилию (Cic. Sest. 7). Точка зрения Ф. Мюнцера вполне приемлема, но требует некоторых дополнений. Перперна не относился к числу опасных противников нового режима, хотя в свое время и отказался, в весьма нелюбезной форме, пойти на соглашение с Суллой. В марианских репрессиях он, похоже не участвовал, да и в ходе кампаний 83—81 гг. его хватило лишь на то, чтобы благоразумно сдать свою провинцию Помпею. Это, очевидно, облегчило его договоренность с Помпеем и обеспечило ее соблюдение в дальнейшем.

Куда менее удачно, как уже говорилось, сложилась судьба Карбона^[1046]. Он бежал на остров Коссуру^[1047], намереваясь, если верить Орозию (V. 21.11), отплыть в Египет, и послал Марка Брута (очевидно, претора 88 г.) к Лилибею разведать положение дел^[1048].

Лодку Брута окружили неприятели, и он покончил с собой^[1049]. Вскоре люди Помпея захватили в плен Карбона и доставили его на Сицилию, несмотря на то, что, как уверяет Плутарх, всех прочих, подлежащих казни, Помпей приказывал убивать, не приводя к нему. Хотя Карбон и помог будущему победителю Митридата во время судебного процесса, это его, разумеется, не спасло, поскольку отпустить под свою ответственность столь важного пленника Помпей не решился бы, даже если бы захотел. Как пишет Р. Сигер, «связь с Карбоном оказалась для него лишним поводом подчеркнуть преданность Сулле актом примерной суровости», и Карбон был немедленно казнен^[1050].

Несколько слов необходимо сказать о такой немаловажной детали, как полномочия Помпея, на основании которых он действовал на Сицилии, а затем и в Африке. По словам эпитоматора Ливия (per. 89), облеченный империем Помпей был отправлен на Сицилию сенатом (*Cn. Pompeius in Siciliam cum imperio a senatu missus*). Граний Лициниан (31F) уточняет, что над Африкой, покорение которой стало продолжением операции на Сицилии, молодой полководец справил триумф^[1051] в качестве *pro praetore*, в связи с чем ученые предполагают получение им статуса пропретора^[1052]. В самом наделении частного лица империем, как показывают случаи с Марием и Фимбрией, ничего удивительного не было. Беспрецедентность ситуации заключалась в другом: если Марий являлся консуляром, то Помпей оставался простым всадником, прежде не занимавшим ни одной должности — как и Октавиан четыре десятилетия спустя^[1053]. Но даже и это, насколько известно, не вызвало особых нареканий — таковы были реалии гражданской войны. Следует также отметить, что власть Помпея

распространялась не только на Сицилию, но и на Африку, поскольку марианцы находились в обеих провинциях. Задача же его состояла не столько в управлении этими территориями, сколько в очищении их от противника, причем то, что Сулла просто отозвал полководца в Рим после выполнения этой задачи (Plut. Pomp. 13.1), говорит об особом характере пропретур. В отличие от обычных наместничеств, она была ограничена сроком, необходимым для разгрома неприятеля и умиротворения вверенных военачальнику областей^[1054]. Так было положено начало необычной карьере Помпея, который пять раз оказывался обладателем империя, но лишь однажды получил его потому, что перед этим занимал соответствующую магистратуру — консулат (Steel 2013, 240).

АФРИКА

Ситуация в Африке после победы марианцев не вполне ясна. Известно, что там находился со своими войсками Метелл Пий, удалившийся туда после участия в обороне Рима и предполагаемого соглашения с Цинной (см. выше, с. 161-163)^[1055], а затем в 84 г. был изгнан оттуда Г. Фабием Адрианом (Liv. Per. 84)^[1056]. Известно также, что к нему на какое-то время присоединился прибывший из Испании М. Лициний Красс, который, однако, вскоре с ним поссорился и уехал к Сулле (Plut. Crass. 6.2).

В каком статусе пребывал в Африке Метелл, неясно. Обычно считается, что он удалился в Африку, чтобы готовиться там к борьбе с циннанцами^[1057]. Однако это вызывает серьезные сомнения: ни о какой его активности до 84 г. мы не слышим. К тому же если в 84 г. марианцы достаточно легко вытеснили его оттуда (см. ниже), то имеются все основания подозревать, что они могли в случае враждебной позиции Метелла сделать это и раньше. Возникает, однако, вопрос, в каком статусе он там находился. Трудно себе представить, что Метелл был наместником^[1058] — во-первых, отдавать богатейшую провинцию отнюдь не самому лояльному человеку было небезопасно, а во-вторых, *eo ipso* Цинна демонстрировал бы свою слабость, да и его окружение вряд ли согласилось бы на это. К тому же вряд ли Плутарх, говоря об уходе Метелла из-под Рима, не упомянул бы о том, что последний открыто перешел на сторону победителей. Обращает также на себя внимание то, как легко Фабий его, одного из лучших полководцев Рима, изгнал из Африки. Это заставляет думать о том, что с Метеллом не было его ветеранов или их было совсем немного (вероятнее второе). Кроме того, будь он наместником, то смог бы подготовить достаточно сильное для отпора войско. Все это позволяет предложить следующую реконструкцию: Метелл распустил значительную часть войска, сохранив лишь небольшой отряд, с которым и отбыл в Африку, где занял какой-то из районов провинции и не предпринимал враждебных действий против циннанцев^[1059]. В 84 г., после смерти Цинны^[1060], одна из сторон разорвала соглашение (какая — неизвестно), и начались боевые действия. Именно тогда Метелл мог собрать «большое войско (στρατιάν οὐκ ευκαταφρόνηταν)»^[1061], о котором пишет Плутарх (Crass. 6.2), что, впрочем, может быть сильным преувеличением^[1062]. Еще неизвестна была его боеспособность (если

говорить о новобранцах), тогда как Фабий мог привлечь к операции проживавших в Африке ветеранов Мария (Рома 1981, 33).

Обращает на себя внимание то, что Метеллу не помешали покинуть Африку; как считается, последний отправился из Африки в Лигурию, поскольку именно там он упоминается применительно к началу гражданской войны Аппианом^[1063]. Поскольку отвергать это сообщение нет оснований, то приходится предположить, что Метелл пересек Средиземное море без особых препятствий. К тому же *hostis* его объявили только в 83 г. (см. выше, с. 270). Все это позволяет предположить, что марианцы и на сей раз не стремились вести с ним войну на уничтожение — целью операции было его вытеснение из Африки, и когда он на это согласился, ему дали возможность удалиться оттуда.

Если события развивались именно так, то становится понятно, что могло вызвать ссору Метелла и Красса, которую обычно объясняют просто личными причинами^[1064]. Последний вел в Испании активные боевые действия против марианцев, и нет никакого сомнения, что то же самое он собирался делать и в Африке. Однако Метелл, судя по всему, либо уже заключил новое соглашение с Фабием, либо был близок к этому, и не собирался в данный момент обострять ситуацию^[1065]. Недаром Красс отплыл именно на Восток, чтобы присоединиться к Сулле, который готовился к решительному удару. Метелл, по-видимому, также не собиравшийся полностью отказываться от борьбы, решил тем не менее сохранять для себя автономное положение, пока позволяют обстоятельства.

Фабий удерживал в повиновении марианцам не только Африку, но и, очевидно, Нумидию, что, несомненно, требовало немалых затрат и жесткости. Посему, надо полагать, он и навлек на себя обвинения в алчности и тирании^[1066]. При этом античные авторы утверждают, что он опирался на рабов (Oros. V. 20. 3; Ps.-Ascon. 241 St.), а Орозий даже уверяет, будто Фабий с их помощью стремился завладеть *regnum* в Африке — очевидный результат искажения событий в позднем источнике. Так или иначе, в 82 г. недовольные расправились с наместником, сжегши его в Утике в собственном доме или в претории — если верить Орозию, со всей его фамилией^[1067]. Конечно, со стороны Фабия вполне могли иметь место злоупотребления, но вероятнее, что основная масса собиравшихся им денег шла на военные нужды. Не вполне ясно, что означают упоминания Псевдо-Аскония о *corruptum servitium*, и Орозия о *manus servitium* Фабия. Сомнительно, что он решился бы использовать рабов в качестве главной вооруженной силы; не исключено, что речь шла об отряде телохранителей-

вольноотпущенников. Орозий (V. 20. 3) утверждает, что [бывшие] хозяева рабов Фабия и убили его. Возможно, что он просто выкупил в свое время кого-то из них у своих будущих убийц (или того, кого таковым считала молва). Валерий Максим (IX. 10. 2) сообщает, что убийство совершили римские граждане, тогда как Цицерон (Verr. II. 1. 70) прямо этого не утверждает, хотя и пишет об их сильном недовольстве действиями наместника (Рота 1981, 23). Однако напрямую участвовать в расправе с наместником им и не требовалось.

По словам Цицерона (*loc. cit.*), все считали убийство Фабия настолько справедливым, что не было даже назначено следствия. Ф. Мюнцер объясняет это приходом к власти сулланцев, которым было неинтересно разбираться в том, кто умертвил враждебного им наместника (Münzer 1909, 1771). Однако власть марианцев в Африке продержалась как минимум до рубежа 82—81 гг. (см. ниже), а потому времени для расследования вполне хватало. Другое дело, что преемник Фабия, видимо, решил не портить отношения с местной верхушкой и предал случившееся забвению — по крайней мере, до победы над сулланцами, если бы ее удалось одержать.

После разгрома основных сил марианцев в Италии Африка продолжала оставаться под их контролем — серьезных политических последствий убийство Фабия Адриана не имело (Рота 1981, 34). Их силы там^[1068] возглавил зять Цинны Гней Домиций Агенобарб^[1069]. В каком статусе он действовал — неизвестно (MRR II, 69), однако в тех условиях это уже не имело значения — других претендентов на командование не было. Ему оказал поддержку нумидийский царь Ярба, который в свое время изгнал с помощью марианцев прежнего царя Гиемпсала и занял его место^[1070]. Против них Сулла направил Помпея, завершившего покорение Сицилии. Помпей отплыл оттуда на 120 боевых и 800 грузовых кораблях после окончания операции по захвату Сицилии, оставив там Меммия — мужа своей сестры (Plut. Pomp. 11.2). Одна часть армии Помпея, насчитывавшей шесть легионов, высадилась в Карфагене, другая — в Утике. На сторону Помпея, как сообщают Плутарх (Pomp. 11.3) и Зонара (X. 2), сразу же перешло 7000 вражеских воинов, что не только ослабило Домиция, но и явно породило у него неуверенность в своих силах, отнюдь, кстати, не столь уж многочисленных — Плутарх (Pomp. 11.4) пишет о его 20-тысячном войске на момент решающего сражения^[1071]. Атаковать Помпея Домиций не решился из-за сильного дождя и ветра, а также оврага, отделявшего их от врага, и начал отход. Неприятель воспользовался этим и начал наступление сам, перейдя упомянутый овраг, переправиться через

который уже никто ему не мешал. Важную роль сыграла, вероятно, более высокая боеспособность воинов Помпея, прошедших кампанию 83—82 гг. и вряд ли сомневавшихся в победе. Ряды воинов Домиция и Ярбы, если верить Плутарху, расстроились при отходе, что усугубило их положение. Обратив противника в бегство, легионеры Помпея провозгласили его императором, однако он потребовал прежде захватить вражеский лагерь, что солдаты и сделали. Из 20 000 воинов Домиция и Ярбы спаслись, как уверяет Плутарх, лишь 3000. Домиций, судя по всему, попал в плен и был казнен^[1072]. Города Африки быстро перешли под власть Помпея, лишь некоторые пришлось брать штурмом. Он также совершил поход в Нумидию, взял в плен и казнил Ярбу, а его престол передал Гиемпсалу. Вся операция и последующее урегулирование, если верить Плутарху, заняла сорок дней (Plut. Pomp. 12; см. также: Sail. Hist. I. 53; Liv. Per. 89; Eutr. V. 9. 1; Oros. V. 21. 13-14). О самом этом урегулировании ничего конкретного неизвестно, если не считать того, что Помпей в доказательство своей силы и ловкости устроил охоту на слонов и львов (Plut. Pomp. 12. 6-8). Неудивительно, что в Африке мы не встречаем такого множества Помпеев, как в Испании — у молодого полководца просто не было времени обзавестись там обширной клиентелой.

О позиции местного населения следует сказать особо. Мы уже видели на примере убийства Фабия Адриана, что она не была совершенно пассивной. В то же время больше ни о каких действиях провинциалов мы не слышим — судя по всему, они просто не видели в них смысла, поскольку победа или поражение любой из сторон заметно на их жизнь не влияла. В той легкости, с какой Помпей овладел штурмом несколькими африканскими городами, можно усмотреть косвенное указание на безучастность населения, а сломить сопротивление немногочисленных марианских отрядов большого труда явно не составляло, о чем и свидетельствуют краткие сроки, в которые уложилась операция по захвату провинции.

ИСПАНИЯ

Во времена циннанского господства наместником в Испании был проконсул Гай Валерий Флакк, управлявший с 92 г. Ближней Испанией, а затем, видимо, и (с 85 г.) Трансальпийской Галлией (Badian 1964b, 82, 90, 95-96). В 85 г. в Дальнюю Испанию прибыл с тремя друзьями Марк Красс. Восемь месяцев он скрывался в поместье своего клиента Вибия Пакциана, а после гибели Цинны набрал отряд в 2500 человек и повел боевые действия против марианцев, захватив и разграбив Малаку (сам он, правда, последнее отрицал), но позднее отплыл в Африку к Метеллу Пию (Plut. Crass. 4-6).

Возникает вопрос, с какой целью приехал в Испанию Красс. По словам Плутарха, он считал себя окруженным со всех сторон и выслеживаемым врагами (αὐτός δέ νέος ὢν παντάλασι τό μὲν αὐτίκα δεινόν ἐξέφυγε, πάντη δέ περιβαλλόμενον ἑαυτὸν αισθανόμενος καί κυνηγετούμενον ὑπὸ τῶν τυράννων). Однако будущий триумвир, по словам того же автора, появился здесь более чем за полгода до смерти Цинны, т. е. в 85 г. [\[1073\]](#), когда репрессии давно прекратились [\[1074\]](#), и вряд ли ему что-то угрожало [\[1075\]](#). К тому же если бы речь шла о безопасности, куда проще было доехать до Греции и присоединиться к войску Суллы, что, собственно, позднее Красс и сделал [\[1076\]](#). Остается думать, что Красс ехал с целью начать то, к чему в 84 г. и приступил — повести активную борьбу с режимом, уничтожившим его отца и брата. Характерно, что он уехал далеко не сразу, а примерно через два года после прихода к власти Цинны и Мария [\[1077\]](#). Вполне возможно, что Красс рассчитывал на поддержку наместника Валерия Флакка [\[1078\]](#), чей брат к этому времени погиб от рук Фимбрии, а потому можно было надеяться, что проконсул захочет отомстить [\[1079\]](#). Однако обстановка явно не благоприятствовала планам Красса, и лишь после смерти Цинны он сумел вступить в борьбу с марианцами. Возможно, он рассчитывал на скорое падение их власти, но этого не произошло, а неприятель, по видимому, сумел противопоставить ему достаточно серьезные силы, коль скоро ему пришлось эвакуироваться в Африку [\[1080\]](#).

В 82 г. в Ближнюю Испанию, как уже говорилось, был направлен новый наместник — проконсул Квинт Серторий. По дороге, как пишет Эксуперанций (8.50Z), «ему было приказано по пути привести в порядок дела в Трансальпийской Галлии (*ei mandatum est, ut transiens res in Gallia*

Transalpina componeret)»^[1081]. В самой Испании он застал «начальников, которые, желая угодить Сулле, не передавали Серторию своих полномочий (στρατηγούς, οὐ παραδιδόντας οἱ τὴν ἀρχὴν ἐς χάριν Σύλλα)». Марианский проконсул вытеснил их оттуда — если верить Аппиану (BC. I. 86. 392; 108. 506), с помощью кельтиберов. Что же касается местных жителей, то они, по словам Эксуперанция (8.51Z), готовы уже были к отпадению, однако Серторий «ласкою и благоразумным попечением (*modeste tuendo ac blandiando*)» склонил союзников на сторону своей «партии» (*in favorem partium suarum*).

Ученые предлагают различные трактовки случившегося. Дж. Лонг, а вслед за ним и некоторые другие ученые (в том числе и автор этих строк), основываясь на цитированном выше сообщении Эксуперанция, а также данных Плутарха (Sert. 6.7), считали, что главной проблемой были мятежные настроения среди местных жителей, возмущенных алчностью и произволом римских наместников^[1082], т. е. не связывали сложную ситуацию в испанских провинциях с гражданской войной в Риме.

Ф.О. Spann указывает, что одним из «стратегов» был Г. Валерий Флакк, который управлял, по-видимому, как уже говорилось, и Трансальпийской Галлией, а в Дальней Испании находился в качестве легата М. Фонтей^[1083]. По поводу сообщения Аппиана об изгнании прежних наместников из Испании Spann добавляет: «по-видимому, без труда». Плутарх же и Эксуперанций не упоминают о борьбе с ними при первом прибытии туда Сертория, «и вполне вероятно, что силы Фонтея и второго ответственного лица существовали лишь на бумаге. Если так, то очень возможно, что наместник Ближней Испании бежал на юг, к Фонтею, когда Серторий пересек Пиренеи, и что тот "изгнал" их из Испании лишь позднее, когда начал проводить свои известные административные реформы и тем снискал себе множество горячих приверженцев среди туземцев, прежде всего кельтиберов» (Spann 1987, 41).

Иначе смотрит на ситуацию К. Г. Рийкоек. Как уже говорилось (см. выше, с. 277-280), причиной отправки Сертория он считает необходимость сместить Гая Валерия Флакка. Последний, видимо, находился в Галлии, потому-то Серторий и должен был сначала урегулировать ситуацию именно там. Однако главной его целью была Ближняя Испания, ибо Нарбонская Галлия еще не имела статуса самостоятельной провинции. Попытка сместить Флакка в Галлии могла окончиться полным фиаско — все помнили о судьбе Помпея Руфа (уместно добавить сюда и несостоявшуюся передачу армии Суллы Марию). А в случае овладения

Ближней Испанией Серторий оказывался бы в тылу у Валерия Флакка и тем как минимум удержал бы его от антимарианского выступления. При этом Серторий очень торопился, отправившись в путь еще зимой (Plut. Sert. 6.5: $\chi\epsilon\iota\omega\sigma\iota$), и даже согласился уступить туземцам, потребовавшим плату за проезд через горные проходы^[1084].

Точка зрения Дж. Лонга основывается на очень позднем и крайне неконкретном сообщении плохо представлявшего себе реалии того времени автора. К тому же у Эксуперанция отмечается, что Серторий склонил туземцев «в пользу своей группировки (*in favorem partium suarum*)», т. е. вероятнее, что в источнике подразумевается назревавшее восстание не против римлян, а против *partes suas*, т. е. марианцев. Правда, Плутарх (Sert. 6.7) пишет о враждебности испанцев ко всему, связанному с владычеством (Рима) ($\delta\iota\alpha\kappa\epsilon\iota\mu\epsilon\nu\alpha\ \tau\acute{\eta}\nu\ \eta\gamma\epsilon\mu\omicron\nu\acute{\iota}\alpha\nu$). Но здесь следует учитывать два обстоятельства. Во-первых, Плутарх был склонен к широким мазкам — достаточно вспомнить анекдот об убийствах тех, на чьи приветствия не отвечал Марий, или слова Архелая, который у Плутарха предлагает Сулле оставить Понт. Во-вторых, здесь мы, возможно, имеем дело с отголосками пропаганды самого Сертория или благосклонных к нему писателей — чтобы защитить последнего от обвинений в союзе с врагами Рима, они могли изобразить его реформы на пользу провинциалов как средство предотвращения их мятежа против Рима. Не исключено, в-третьих, что в высшей степени небрежный Эксуперанций, подобно Аппиану, просто перепутал события 82—81 гг. и 80—73 гг.

Если говорить о гипотезе Ф. О. Спанна, то американский ученый слишком всерьез воспринимает слова не отличавшегося точностью Аппиана о кельтиберах, упоминание о которых играет важную роль в его построениях^[1085]. Ведь сразу после упоминания об изгнании с их помощью наместников Аппиан сообщает о присылке Метелла Пия, а потому более чем вероятно, что он имел в виду появление Сертория в Испании в 80 г.^[1086]

Что же касается реконструкции К. Г. Рийкоека, то она в целом убедительна. Однако не совсем понятно, что означало урегулирование ситуации в Трансальпийской Галлии, если потом Серторий должен был оказаться в тылу Флакка — в тексте Эксуперанция последовательность событий вполне четкая. Кроме того, совершенно не очевидно, что марианский проконсул располагал необходимыми силами — воинов в его распоряжении, как признает сам К. Г. Рийкоек, было немного^[1087].

Как справился со своей задачей Серторий в Галлии, неясно; судя по

тому, что об участии Г. Валерия Флакка в кампании 82 г. ничего не известно, можно предполагать его нейтралитет^[1088]. Не исключено также, что по причине болезни или ранения он на значительное время утратил активность. Примечательно, что Плутарх рассказывает о том, как Серторию пришлось платить горцам за проход через их владения, но ничего не говорит о смещении правителя или правителей провинции — очевидно, все произошло вполне мирно, а Фонтей, возможно, просто признал его власть.

Серторий предпринял ряд мер с целью добиться лояльности провинциалов: «Знать он привлек на свою сторону обходительностью (ἀνελάμβανε ομιλία τε τοὺς δυνατοὺς), а народ — снижением податей (φόρων ἀνέσει τοὺς πολλοὺς); особое расположение он завоевал, отменив постоя: он принуждал воинов устраивать зимние квартиры в пригородах и сам первый показал пример. Впрочем, он строил свои расчеты не на одном только расположении варваров: он вооружил способных носить оружие римских поселенцев (Ῥωμαίων... μετοικοῦντων), а также приказал изготовить всевозможные военные машины и построить триеры. Города он держал под пристальным наблюдением. Он был мягок в решении гражданских дел, враги же испытывали ужас, видя его военные приготовления» (Plut. Sert. 6. 7-9). Однако когда весной 81 г.^[1089] Сулла, завершивший основные операции в Италии и проскрибировавший Сертория в числе первых^[1090], направил против него проконсула Г. Анния Луска^[1091], все эти меры не помогли. Командир шеститысячного войска, охранявшего пиренейские проходы, Ливий Салинатор, был убит неким Кальпурнием Ланарием, а воины разбежались. Сколь-либо серьезного сопротивления силы вторжения^[1092], судя по всему, не встретили. С 3000 человек Серторий отступил в Новый Карфаген^[1093], а оттуда вышел в море^[1094]. Испания перешла под власть сулланцев (Plut. Sert. 7. 1-4; также см. Sail. Hist. I. 96).

Возникает вопрос, находилась ли под властью Сертория только Ближняя Испания, или также и Дальняя^[1095]? Эксуперанций пишет лишь о *Hispania Citerior* (8.50Z), и многие ученые считают, что ею дело и ограничилось. Ведь Серторий после прорыва неприятеля через Пиренеи и не пытался укрыться в южной провинции^[1096]. Но так вопрос стоял лишь на момент отправки в Испанию, а позднее ситуация могла измениться. Поэтому неоднократно высказывалась точка зрения, согласно которой Серторий являлся наместником обеих испанских провинций^[1097]. В источниках, правда, на сей счет ничего определенного не сообщается^[1098],

да и после прорыва Анния через Пиренеи Серторий, отступив до Нового Карфагена (крайний юг Ближней Испании), не попытался уйти в Бетику. Кроме того, Аппиан (BC. I. 89. 409) пишет об отряде кельтиберских всадников, в 82 г. отправленных в Италию τῶν ἐν Ἰβηρία στρατηγῶν и участвовавших в неудачном для марианцев сражении при Глании (Гурин 2001, 38). Однако все это само по себе ничего не доказывает: управлявший на юге легат (очевидно, Фонтей) мог перейти на сторону победителей, и Серторий, узнав об этом, естественно, не пошел бы в Hispania Ulterior. Что же касается упомянутых Аппианом «стратегов», то это слово могло обозначать и квестора, и легата (Brennan 2000, 11). Кроме того, помощь наместника Дальней Испании, где кельтиберские племена не жили, для отправки их всадников Серторию не требовалась. Таким образом, полностью исключить возможность того, что под его властью находились обе испанские провинции, нельзя.

Стоит обратить внимание на то, что хотя Серторий желал снискать симпатии туземцев (τῶν βαρβάρων εὐνοία), вооружал он, как мы видели из цитированного выше текста Плутарха (Sert. 6.9), римских поселенцев (Ῥωμαίων δὲ τῶν αὐτόθι μετοικούντων τοὺς ἐν ἡλικία καθολίσας). Это не значит, конечно, что он вообще не имел в своем распоряжении отрядов из местных жителей, о чем свидетельствует упомянутый случай с отправкой кельтиберских всадников в Италию. Но налицо стремление опереться на вооруженные силы, состоявшие именно из *Hispanienses*, тогда как от местного населения требовалась в основном лишь лояльность. В итоге оно не оказало Серторию поддержки при вторжении сулланцев, что привело к его быстрому поражению^[1099]. Не оказали ее марианскому проконсулу, очевидно, и римские поселенцы; не была, наконец, настроена сражаться и армия, о чем свидетельствует дезертирство воинов Ливия. Кроме того, не могло не сыграть своей роли впечатление от недавних побед сулланцев, в том числе и над теми из их врагов, кто пытался сопротивляться в провинциях. Все это предопределило быстрое поражение марианцев и в Испании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Роль провинций в ходе гражданской войны обозначилась не сразу, но даже когда она стала очевидной, то оставалась вспомогательной. Исход борьбы определялся на италийском театре военных действий — в отличие, например, от гражданской войны Цезаря и Помпея, все главные сражения которой проходили за пределами Апеннинского полуострова. Именно победа Суллы в Италии, очевидно, побудила Перперну без боя оставить Сицилию, а Кальпурния Ланария — убить командира и тем самым пропустить сулланцев через Пиренеи. После этого вся оборона Испании рухнула в одночасье, особенно если учесть явное нежелание испанцев сопротивляться. В Африке марианцы даже обратились за помощью к нумидийцам, однако и это не спасло положения, что отчасти могло быть обусловлено превосходством Помпея как полководца и уровнем боеспособности его армии. Впрочем, даже в случае разгрома Помпея вряд ли можно было бы сомневаться в конечном успехе наступления сулланцев на Африку.

ГЛАВА ШЕСТАЯ
ИДЕОЛОГИЯ И ПРОПАГАНДА В ГОДЫ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

ИДЕОЛОГИЯ И ПРОПАГАНДА СУЛЛЫ

Сулла, который предпринял действия, ставшие началом полномасштабной гражданской войны, естественно, был особо заинтересован в том, чтобы представить свою позицию в максимально благоприятном свете, что он сделал прежде всего в своих «Воспоминаниях». Однако нас в первую очередь интересуют идеологические и пропагандистские мероприятия и суждения Суллы в 88—82 гг., а не те, что впервые отразились лишь на страницах его мемуаров, которые он писал до последних дней жизни.

Dignitas. В историографии не раз указывалось на ту роль, какую играла защита Суллой собственной *dignitas* в его действиях^[1100]. Едва ли нужно говорить о том, сколь она была важна для любого нобиля, будучи наряду с *gloria* и *clientelae* его привилегией и являя собой совокупность социального статуса, престижа и чести^[1101]. Стоит отметить, что слово *dignitas* в источниках в связи с Суллой вообще не встречается^[1102]. Но отсюда, разумеется, отнюдь не следует, что нет оснований рассматривать вопрос о ней. Он имел все основания усмотреть покушение на свою *dignitas*, когда Сульпиций лишил его командования в пользу Мария. Однако если Цезарь прямо писал в связи с событиями 49 г. о его задетой *dignitas* (BC. I. 4. 4; 7.8; 9.2), то применительно к походу Суллы на Рим у нас нет сведений, чтобы он тогда ссылался на это^[1103]. Нельзя, конечно, исключить, что Сулла не упоминал об ущербе для своей *dignitas* перед воинами, Аппиан же просто не привел его слов, тем более что он и в связи с Цезарем об этом мотиве не говорит.

Зато во втором письме Суллы сенату, привезенном в Рим на рубеже 85-84 гг. (см. выше, с. 209-210), опальный проконсул *expressis vjerbis* выразил возмущение по поводу своей оскорбленной *dignitas*, хотя это слово, естественно, не звучит, поскольку интересующее нас сообщение содержится у Аппиана. В награду за заслуги перед отечеством он объявлен врагом, дом его разрушен, друзья убиты и т.д. При этом он, в отличие от Цезаря, откровенно грозил расправой своим врагам, которые нанесли ущерб его *dignitas*, что, впрочем, было вполне естественно для нобиля.

Антимарианская пропаганда и идея ultio. Это касается в первую очередь описания событий 88 г. и личности Сульпиция. В рассказе о первых Плутарх (Mar. 35.4) прямо ссылается на воспоминания диктатора, который, по его словам, был силой отведен в дом Мария во время *seditio*

Sulpiciana (HRR. I². 200), а характеристика Сульпиция восходит к ним предположительно, хотя и с большой степенью вероятности (Angeli Bertinelli 1997, 327). Изображение Сульпиция как «человека, не знавшего себе равных в самых гнусных пороках (άνθρωπον οὐδενός δεύτερον ἐῖ ταῖς ἀκραῖς κακίαις), так что не стоило и задаваться вопросом, кого он превосходит испорченностью: можно было спрашивать только, в чем он испорченнее самого себя (ἀλλὰ πρὸς τί μοχθηρότατος ἑαυτοῦ)» с последующим перечислением его прегрешений (создание антисената, содержание отряда из 3000 «меченосцев») *etc.* (Sulla 8. 1-4) вполне можно представить как своего рода «некролог» покойному недругу; нельзя исключить, что многие из этих обвинений звучали уже в 88 г., чтобы оправдать его убийство.

Фимбрию же, как дают понять источники, Сулла оклеветал еще при его жизни. До столкновения с ним будущий диктатор воспользовался именем этого военачальника в пропагандистской борьбе: оправдывая перед воинами заключение Дарданского мира, Сулла заявил, что если бы в противном случае «Фимбрия и Митридат объединились против него, то воевать сразу с обоими было бы ему не по силам» (Plut. Sulla 24.7). Вне всякого сомнения, это заявление не соответствовало действительности^[1104] — именно Фимбрия предлагал Лукуллу объединиться против Митридата (с. 310-312), от чего верный исполнитель воли Суллы отказался, а вот никаких сведений о попытке Фимбрии договориться с царем против мятежного проконсула у нас нет. Тем не менее воинов объяснение Суллы, судя по всему, удовлетворило^[1105].

Как уже говорилось, решающую роль в бескровной победе над Фимбрией сыграл перевес в силах, однако не пренебрег будущий диктатор и пропагандистскими средствами. Прежде всего он заявил, что Фимбрия должен сдать командование, поскольку командует не по закону (οὐ παρὰ νόμῳ ἀρχοῖ). Последовало аналогичное обвинение со стороны Фимбрии, на которое Сулла странным образом даже не ответил — как, впрочем, и его оппонент (App. Mithr. 59.242). Не исключено, впрочем, что это объясняется характером источника Аппиана, где больше внимания уделено риторическим ухищрениям, нежели подлинному содержанию беседы.

Если учесть откровенно клеветнические обвинения Фимбрии в возможном союзе с Митридатом, то вполне вероятно, что и история с рабом, подсланным убить Суллу, могла быть вымышлена самим Суллой (см. с. 314) — нет сведений, чтобы стороны в ходе всей смуты 80-х гг.

прибегали к террористическим актам (специфическое исключение — App. BC. I. 91. 420-421)^[1106]. После подлинного или мнимого изобличения раба воины Суллы, как утверждает Аппиан (Mithr. 59.245), стали поносить Фимбрию именем Афиниона, по аналогии с предводителем второго сицилийского восстания рабов. Сыграло ли это какую-либо роль в разложении неприятельской армии, неясно, но вполне вероятно, способствовало созданию образа врага в глазах воинов самого Суллы, для которых (по крайней мере многих из них) необходимость противостояния с Фимбрией, возможно, отнюдь не была самоочевидной.

Важнейшую роль играло обличение жестокости марианцев. В письме сенату в 85 г. Сулла сурово упрекал их в убийстве его друзей, преследованиях семьи и т. д. И дальше следовала недвусмысленная угроза: «Теперь он немедленно же явится на помощь Риму и отомстит врагам за все ими содеянное (καί τέκνα μόλις τρός έαυτόν διαφυγεΐν. άλλ' αύτίκα και τοΐσδε και τή πόλει πάση τιμωρός ήξειν επί τούς εΐργασμένους)» (App. BC. I. 77. 351). Здесь впервые звучит идея *ultio*, причем в безоговорочной форме - никакой попытки примирения или компромисса. Правда, в ответе явившимся к нему вскоре послам сената Сулла заявил, что «никогда не будет другом людей, совершивших такие преступления, однако не имеет ничего против, если само государство предоставит им возможность спастись (αύτός μέν οϋποτε ανδράσι τοιάδε έργασαμένοις εσεσθαι φίλος, τη πόλει δ' ού φθονήάειν χαριζομένη τήν σωτηρίαν αύτοΐς)» (BC. I. 79. 360). Совершенно очевидно, что такое предложение довольно сложно считать компромиссным. Оно предполагало не только отстранение марианских вождей от власти, но и их изгнание, тем более что на деле их жизнь оказывалась во власти Суллы. В верности же его слову позволительно было усомниться — достаточно вспомнить, как во время марша на Рим он продвинул войска к самому Городу после того, как обещал сенату совсем иное (Plut. Sulla 9. 9-10). В любом случае, речь шла о мести, хотя и в более мягкой форме.

Весьма характерен и эпизод, рассказанный Плутархом применительно уже ко времени италийской кампании: «Красс, которому поручено было отправиться в землю марсов для набора войска^[1107], просил дать ему охрану, так как дорога проходила вблизи неприятеля. Сулла же, разгневавшись на него, резко ответил: “Я даю тебе в провожатые твоего отца, брата, друзей, родных — за них, незаконно и без вины казненных, я мщу убийцам!”» (Crass. 6. 3-4)^[1108].

Идея мести марианцам нашла отражение и в монетной чеканке.

Известен денарий Г. Мамилия Лиметана^[1109] с идущим Улиссом и узнавшим его Аргусом на реверсе^[1110]. Как известно, изображение этого мифологического персонажа встречалось и на монетах, чеканившихся представителем семьи Мамилиев столетием раньше, но одного, без его верного пса^[1111]. Не вызывает сомнения, что здесь подразумевается возвращение Улисса домой и грядущая расправа с женихами. В свое время предполагалось, что имеется в виду возвращение Мария, завершившееся кровавой расправой с его врагами. Однако высказывалась и другая точка зрения, согласно которой речь идет о Сулле^[1112]. По мнению Р. Роуланда, Мамилии, считавшие себя потомками сына Улисса Телегона, отца Итала и Мамилии, демонстрировали свою связь с италийцами^[1113]. Однако присутствие на монете Аргуса однозначно указывает на тему возвращения и грядущей мести, что несколько странно в контексте, подразумеваемом Р. Роуландом. Более убедительной представляется точка зрения Т. Дж. Люса. Монета, как указывает ученый, датируется 82—81 гг.^[1114], когда возвращение Мария совершенно утратило актуальность. Стоит также указать на отсутствие сведений о том, что Марий и его соратники пропагандировали идею мести — Цинна, как мы видели, жаловался лишь на незаконное лишение его консульской власти. Сулла же совершенно открыто и неоднократно заявлял о желании отомстить своим врагам, и изображения на денарии Лиметана хорошо соотносятся с его идеологией *ultio*.

Clementia Sullae. Обратной стороной обличий жестокости марианцев стала пропаганда Суллой собственной готовности щадить жизни сограждан, пусть даже ему и враждебных, того, что условно можно назвать *clementia* (сам он это слово в своей пропаганде явно не использовал)^[1115]. Первый известный нам случай такого рода — обращение с поверженным Фимбрией в Фиатире: он не убил вражеского полководца и не организовал его убийство воинами, а отпустил, заявив, что тот может переправляться из Азии, если захочет (App. Mithr. 60.246). Тем самым Сулла явно демонстрировал свою *clementia*, противопоставляя ее жестокости самого Фимбрии и его товарищей по *factio*. Выдавая тело Фимбрии после самоубийства его вольноотпущенникам, Сулла, если верить Аппиану, заявил, что не будет подражать Марию и Цинне, которые не только многих обрекли на смерть, но еще и лишили погребения (Mithr. 60.248). Как уже говорилось (см. выше, с. 182), обвинение марианцев в том, будто они не давали похоронить убитых, едва ли соответствует действительности. И если впервые Сулла высказал его не в мемуарах, а именно тогда, то не

вызывает сомнений, что оно звучало не раз и не два в ходе пропагандистской борьбы и затем нашло отражение в сулланской историографической традиции, откуда попало в сочинение Аппиана.

С. Криссантос, однако, предположил, что Фимбрию отпустили лишь для виду, на деле же он оставался под надзором людей Суллы и искал убежища в храме Асклепия, где и покончил с собой (Chrissanthos 1999, 58). Не свидетельствует ли в пользу этой версии то что Сулла выдал тело Фимбрии его вольноотпущенникам? Думается, все же нет. Марианский военачальник получил право отправиться к побережью, если он хотел покинуть Азию, что отнюдь не исключает надзора за ним сулланских воинов, которые могли и не отдать тело Фимбрии. Но отсюда еще не следует, будто они собирались причинять ему какое-то зло — тот находился в их власти после измены его армии, а потому необходимость устраивать такой спектакль отсутствовала. (К тому же Сулла, оставляя жизнь поверженному врагу, мог насладиться его унижением, ибо для Фимбрии самоубийство оставалось, в сущности, единственным выходом, поскольку рассчитывать на благоприятный прием в Риме можно было лишь в случае успеха на театре военных действий.)

Другой демонстрацией *dementia* стало заявление в первом послании сенату: «На всех прочих граждан, в том числе и новых, Сулла обещал нисколько не гневаться (τοῖς δ' ἄλλοις πολίταις τε καί νεοπολίταις προὔλεγε οὐδενί μέμψεσθαι περί οὐδενός)» (App. BC. I. 77. 352)^[1116]. Перед высадкой в Италии воины Суллы дали ему клятву «не чинить в Италии никаких насилий» (Plut. Sulla 27.3) — очевидно, по просьбе самого полководца, явно заинтересованного в поддержке населения. И эту клятву воины до определенного момента выполняли — по словам Веллея Патеркула (II. 25. 1), «можно было бы подумать, что Сулла прибыл в Италию не как зачинщик войны, но как провозвестник мира (*putares Sullam venisse in Italiam non belli vindicem, sed pacis auctorem*), (...) такую удивительную заботу он проявил о плодах, полях, городах Кампании». Очевидно, то же имело место и на других территориях, где шло войско Суллы, и это, надо полагать, сыграло определенную роль в том, что он дошел до Кампании, не встречая сопротивления. Как уже отмечалось, не подверглись разорению даже южные районы Самнии, но и самниты заняли нейтральную позицию.

Здесь Сулла не только одержал победу над Норбаном при Тифатской горе, но и переманил на свою сторону армию Сципиона, а его самого, преданного собственными солдатами, отпустил вместе с сыном и даже дал им эскорт (см. с. 259-269). Несомненно, этот жест был рассчитан прежде всего на представителей нобилитета. Каких-то видимых выгод он Сулле не

принес, однако его репутация в глазах аристократии, несомненно, серьезно пострадала бы, если бы он позволил себе насильственные действия (не говоря уже об убийстве) в отношении консула и патриция, отпрыска знатнейшего рода. Однако «это был последний акт милосердия Суллы в той войне» (Rijkhoek 1992, 174-175). Именно после освобождения Сципиона он начал грабить подконтрольные неприятелю области Италии и совершать массовые расправы над италийцами. В то же время нельзя не отметить, что пленных римлян из числа рядовых Сулла щадил, и даже после взятия Пренесты отпустил их, предав смерти лишь предводителей и подчеркнув при этом, что дарует рядовым римлянам прощение, хотя они и заслужили казнь (App. BC. I. 94. 438).

Легитимность власти и действий Суллы. Важнейшим пропагандистским постулатом Суллы стала идея о том, что он идет на Рим с целью защитить его от тиранов (ἐλευθερωσῶν αὐτῖν (τὴν πατρίδα. — А. К.) ἀπὸ τῶν τυραννοῦντων), о чем он и заявил, причем неоднократно, послам сената, когда они спросили его о цели похода на Город (App. BC. I. 57. 253-254). Та же идея звучит и при описании мероприятий Суллы после взятия Рима, когда он ограничил полномочия плебейских трибунов, «власть которых приняла по преимуществу тиранический характер (τῆς τῶν δημάρχων ἀρχῆς, τυραννικῆς μάλιστα γεγενημένης)» (I. 59. 267). Любопытно, однако, что не объясняется, в чем эта тирания, с точки зрения Суллы, проявилась (в том, что цитированная ремарка отражает его взгляды, сомневаться не приходится). Кажется бы, все достаточно очевидно - в противостоянии сенату, разжигании мятежей и т.д., благо обвинения мятежных трибунов в стремлении к тирании звучали еще со времен Гракхов (Keaveney 2005a, 53). У Плутарха (Sulla 9.3) *expressis verbis* говорится, будто во время марша Суллы на Рим сенат «уже не был свободен в своих решениях, но руководился предписаниями Мария и Сульпиция (ἡ δὲ σύγκλητος ἦν μὲν οὐχ αὐτῆς, ἀλλὰ τοῖς Μαρίου καὶ Σουλπικίου διφκεῖτο προστάγμασι)»^[1117]. Почти наверняка это сообщение восходит к сулланской пропаганде, поскольку отлично вписывается в ее задачи. Необходимо отметить, что фактов давления на сенат со стороны Сульпиция и Мария в эти дни в источниках нет^[1118], хотя упомянуть о них для их врагов было бы чрезвычайно выгодно, а ведь именно они формировали дошедшую до нас письменную традицию об этих событиях. Зато нам хорошо известно о том давлении, которое оказали Сульпиций и Марий на консулов, устроив нападение на них. Кроме того, Сульпиций провел закон о лишении Суллы командования явно в обход сената, поскольку тот мог не дать согласия на

это, т.к. сам же и поручил будущему диктатору ведение войны с Митридатом. Иными словами, ведя речь о тирании, Сулла имел в виду прежде всего нелояльные действия трибуна, т. е. Сульпиция, по отношению к себе самому. В то же время, овладев Римом, он неустанно подчеркивал, что сам ни в коей мере тираном не является: постарался придать законное оформление расправе с Марием, Сульпицием и их сторонниками; через какое-то время вывел войска из Города; не оказывал давления на комиции во время консульских выборов. Плутарх (Sulla 10.6), рассказав о поражении кандидатов Суллы на выборах, отмечает, что тот «делал вид, будто это его радует (ὁ δὲ τοῦτοις τε προσελοίετο χαίρειν), ведь благодаря ему народ, дескать, и пользуется свободой поступать, как хочет (ὡς τοῦ δήμου τῆ ποιεῖν α βούλοιο δι' αὐτόν ἀπολαύοντος τῆς ἐλευθερίας)». Сулла, видимо, публично дал оценку результатам выборов как свободных, и подчеркнул собственную заслугу в этом. Однако слабым местом подобной саморекламы было то, что на свободу выборов и вообще деятельности комиций Сульпиций и Марий, чтобы об этом ни говорили будущий диктатор и его сторонники, явно не посягали — сведений на сей счет в источниках, во всяком случае, нет.

Важным пропагандистским мероприятием стала клятва Цинны и Октавия на верность законам Суллы и Помпея^[1119]. Это была клятва *per Iovem lapidem*, о которой писал еще Полибий (III. 25. 6-7). Цицерон (Fam. VII. 1. 2) относит ее применение к сфере частного права, и ее принесение объяснялось здесь исключительными обстоятельствами^[1120], что может свидетельствовать о нетривиальном подходе Суллы к подобным мероприятиям. В то же время Плутарх, красочно описав указанную процедуру, не сообщает о реакции на нее зрителей и о том, напоминали ли Цинне о принесенной клятве, когда он вновь предложил распределить италийцев по всем трибам, что может объясняться скудостью источников, умалчивающих об обсуждении рогации Цинны на сходках. Неизвестно, на какой эффект рассчитывал Сулла, принуждая консулов к клятве, но в сравнительно подробном описании событий у Аппиана она не упомянута, соответственно и обвинения Цинны в клятвопреступлении тоже. Примечательно, что и при изложении содержания писем Суллы сенату о нарушении Цинной клятвы ничего не говорится, хотя изложение это достаточно пространно^[1121]. По-видимому, мало кто воспринял упомянутую клятву всерьез, и будущий диктатор, очевидно, это учел. Все свидетельствовало о том, что первый тур в пропагандистской войне он проиграл.

По окончании Митридатовой войны пропагандистская деятельность

Суллы вновь активизировалась, и первым ее объектом и жертвой, как мы видели, стал Фимбрия. Обращает на себя внимание заявление Суллы, что тот командует не по закону (οὐ παρὰ νόμῳ ἀρχοῖ: App. Mithr. 59.242). Это утверждение весьма любопытно: ведь таким образом решение сената о назначении Фимбрии командующим (очевидно, в ранге проконсула — см. с. 309-310, прим. 12) оказывалось незаконным (см. Wosnik 1963, 73-75). (При этом, если исходить из текста источника, Сулла даже не сослался на убийство Флакка.) Надо полагать, здесь имела место та же логика, что и в Plut. Sulla 9.3 — *patres*, по мысли Суллы, действовали не по собственной воле, и потому исходившее от них назначение было не их решением, а истинных властителей Рима — марианцев. Это было, в сущности, одно из краеугольных положений пропаганды Суллы, ибо позволяло ему не подчиняться «неудобным» решениям сената, а единственной законной властью до уничтожения марианцев оказывался он сам. Именно потому он, видимо, считал допустимым рассуждать в послании сенату о том, что не гневается на сограждан, за исключением Цинны и его сторонников (см. выше).

К 84—83 гг., т. е. к кануну высадки в Италии, или к первым месяцам после нее, относят монетную серию Суллы, вызвавшую столько споров в науке^[1122]. Речь идет об ауреях и денариях, на аверсе которых мы видим голову Венеры в диадеме^[1123], Купидона, держащего пальмовую ветвь, и надпись *L SULLA*, а на реверсе — два трофея, между которыми находятся авгурские жезл (*lituus*)^[1124] и сосуд для жертвоприношений, сверху надпись *IMP*, внизу — *ITERVM* или *ITERV*. Изображения на этих монетах вызвали различные трактовки. Прежде всего следует отметить, что это одно из первых появлений титула *imperator* на монетах (Martin 1889, 2S)^[1125]. По мнению Э. Бэдиана, авгурские символы означают авгурат не самого Суллы, а его предков (в этом была новизна серии). Сам он этой жреческой должности на тот момент занимать не мог, поскольку членом соответствующей коллегии уже являлся Луций Корнелий Сципион (консул 83 г.) (CIL I², p. 60 = ILS 9338), тогда как закон запрещал двум представителям одного и того же рода входить в одну и ту же жреческую коллегию (Dio Cass. XXXIX. 17. 2). В послании же своему сенату (App. BC. I. 79. 362), требуя вернуть ему жречество (ἱερωσύνη), Сулла подразумевал понтификат, а авгуром он стал не ранее ноября 82 г., лишь после внесения в проскрипции Сципиона Азиатского^[1126]. Б. Фрир полагает, что Сулла не имел в виду авгурат своих предков, скорее речь шла о его собственном, поскольку запрет представителям одного рода входить в состав одной и той

же жреческой коллегии соблюдался не особенно строго, а потому ничто не мешает считать Суллу авгуром и раньше. Если бы Сулла был понтификом, то он, скорее всего, и возглавил бы эту коллегию в 82 г., тогда как на самом деле сан *pontifex maximus* принял Метелл Пий. В целом эта серия, по мнению исследователя, символизировала независимость мятежного проконсула от правительства в Риме; кроме того, ауреи Суллы стали первыми золотыми римскими монетами после 109 г. (Frier 1969, 187-199). А. Кивни также считает, что авгуральные символы не носят фамильного характера. С их помощью подчеркивались законность власти Суллы как проконсула, его право проводить ауспиции^[1127] и ожидать добрых знамений, и тем самым давалось понять, что боги не отвернулись от него, хотя враги и объявили его *hostis*. Идее *iustum imperium* Суллы служили и отчеканенные пре квестором Л. Манлием монеты с изображением Ромы на аверсе и увенчиваемого Викторией триумфатора с кадуцеем на квадриге и надписью *L SULLA IMP (IMPE)* на реверсе^[1128]. А. Альфёльди также настаивает на том, что до своего возвращения из Греции Сулла еще не был авгуром, а потому *lituus* на упомянутых монетах не имел отношения к авгурату, представляя собой символ высшей власти, впоследствии, после определенной эволюции, — императорской (Alföldi 1976, 156-157). Р. Стюарт также разделяет точку зрения, согласно которой Сулла не был авгуром до 82 г., авгурские же символы связаны с легитимностью военной власти. Он стал первым, кто сделал жезл и кувшин центральными эмблемами реверса. Последующие полководцы, чеканившие такие символы на монетах (Метелл Пий, Антоний, Брут и Кассий, С. Помпей), подобно Сулле. Делали это в условиях, когда в Риме у власти находились их недруги, а полномочия самих этих полководцев выглядели в глазах многих весьма спорно^[1129]. Наконец, Р. Стюарт решительно (и вполне резонно) возражает Т. Мартину, который считал, что монеты с авгурскими символами, трофеями и легендой *IMP ITER* были выпущены после победы при Коллинских воротах^[1130] — куда вероятнее, что их отчеканили после побед над понтийцами при Херонее и Орхомене^[1131]. Наконец, в 2008 г. Э. Драммонд высказал интересную точку зрения, согласно которой упомянутый запрет на пребывание в одной и той же коллегии двух представителей одного рода появился, судя по всему, уже после смерти диктатора, а потому вполне вероятно, что Сулла имел сан авгура еще до 82 г. Что же касается понтификата, то сосуд на монетах республиканского времени не ассоциировался с понтификами и понтификатом^[1132].

С учетом изложенного представляется наиболее близкой к истине

следующая трактовка рассмотренных монет: они были выпущены после побед при Херонее и Орхомене, т. к. трудно представить, чтобы после них воины не провозгласили Суллу императором, и до окончания гражданской войны; жезл и кувшин на монетах означают его авгурат, но также подразумевают и связанные с ним коннотации, т. е. идею легитимности проконсульского империя Суллы^[1133]; излишне говорить, что указанные серии, помимо прочего, имели целью прославить победы будущего диктатора^[1134].

Несомненно «легитимизации» войны, демонстрации того, что речь идет не о братоубийственной резне, а о борьбе с внешним врагом, должно было способствовать и то, что Сулла, как уже говорилось, щадил пленных из числа простых римлян, но уже после битвы при Сакрипорте устроил избиение пленных самнитов, несмотря на то что всего год назад они без боя пропустили его через свои земли. «Возможно, это было мстью за аналогичные варварские акции, совершенные самнитами во время Союзнической войны в Венафре и Ноле и, несомненно, способствовало тому, чтобы подчеркнуть националистический аспект войны, который Сулла так стремился разрекламировать» (Salmon 1964, 73, 78). Следует уточнить, что такая «реклама» вряд ли имела место раньше 82 г. — до той поры он не был заинтересован нанести себе столь сильного врага; по крайней мере, до битвы при Сакрипорте признаков его вражды с самнитами в ходе гражданской войны незаметно. Если же говорить о мести за убийства пленных римлян в Союзническую войну, то она, думается, могла стать лишь поводом для этой «рекламы». Еще более кровавой оказалась расправа с самнитами после битвы при Коллинских воротах. Обращает, однако, на себя внимание то, что такая «смена акцентов» произошла уже в ходе войны — в посланиях сенату после победы над Митридатом ни о каких самнитах речи не шло, поскольку Сулла в силу ограниченности собственных ресурсов, очевидно, не хотел заранее умножать число своих врагов. В то же время нет признаков, чтобы сколь-либо значительная часть римлян всерьез стала воспринимать последний этап *bellum civile* как продолжение *bellum sociale*.

Сулла и боги. По выражению Е. Линдерского, «в Риме борьба за политическую власть помимо прочего была борьбой за контроль над богами» (Linderski 1986, 2207). Сулла, по-видимому, первым из римских полководцев (возможно, за исключением Сципиона Африканского) стал стремиться обрести репутацию человека, связанного с небожителями (Carcosino 1947, 99-100). Отношение Суллы к богам вряд ли сводилось к

«циничному использованию мистически-религиозных настроений масс для укрепления своего господства в римском государстве» (Alföldi 1976, 143). Как верно замечает К. Крист, «такая современная оценка так же мало соответствует как античным реалиям, так и самосознанию и намерениям Суллы»^[1135]. Последний не раз демонстрировал, что боги благоволят ему, чтобы снискать также и поддержку людей, однако ничто не указывает на его цинизм — напротив, данные источников не оставляют сомнений, что он сам вполне верил в благоволение к нему небожителей. Рассмотрим соответствующие эпизоды из истории гражданской войны.

Ф. Гарсиа Мора считает, что уже в 88 г. Сулла распространял слухи о знаменьях, предвещавших ему величие. Он ссылается на Плутарха (Sulla 5-6), т. е. на эпизоды с халдеем, предсказавшим ему могущество в будущем, и огненный столп близ Лаверны^[1136]. Однако ничуть не менее вероятно, что перед нами *vaticinium* (или *interpretatio*) *post eventum*, восходящее, скорее всего, к мемуарам самого Суллы.

Первый относительно надежно зафиксированный из интересующих нас случаев — жертвоприношение гарусника Постумия, который уверенно предсказал Сулле победу накануне штурма Рима (Plut. Sulla 9.6; Aug. De civ. Dei. II. 24), что, впрочем, было вполне стандартной процедурой. Учитывая, что благоприятные предсказания Постумия сбывались и прежде, в годы Союзнической войны см. Cic. Div. I. 72; Val. Max. I. 6. 4, его слова должны были произвести немалое впечатление, что было особенно важно, если учесть сугубую нелегитимность затеянного дела^[1137].

Когда по прибытии в Италию в 83 г. близ Тарента состоялось очередное жертвоприношение, на печени жертвенного животного гарусник Постумий обнаружил очертания лаврового венка и двух лент, что предвещало победу^[1138]. А. Кивни соотносит это жертвоприношение с поимкой сатира близ Нимфея накануне высадки в Италии, в чем Сулла, по его мнению, увидел дурное предзнаменование для предстоящей экспедиции, теперь же его сомнения должны были рассеяться^[1139]. Однако стоит ли воспринимать всерьез историю с сатиром, о которой и сам Плутарх сообщает с оговоркой «рассказывают» φασί^[1140]? Что же касается эпизода с видением схватки двух козлов^[1141] в небе над Тифатской горой, где вскоре Сулла одержал победу над Норбаном^[1142], то текст Плутарха (Sulla 27. 8-10) не дает возможности определить, сообщил ли об этом знамении Сулла уже в мемуарах (или другие авторы в своих сочинениях), или все-таки распространил весть о нем (пусть и после битвы) еще во время войны. Нет ясности и в отношении битвы при Фиденции, где щиты и

шлемы воинов Марка Лукулла будто бы были обсыпаны цветами, что воодушевило их и способствовало исключительно успешному исходу битвы (Plut. Sulla 27. 14-16).

Есть и еще один любопытный пример демонстрации Суллой в те годы его связей с богами, рассчитанной на соотечественников. К 87—86 гг. относится наречение им своих детей-близнецов только что родившихся у Метеллы^[1143], Фавстом и Фавстой^[1144] — именами, к тому уже времени вышедшими из употребления^[1145]. Это, как считает А. Альфёльди, стоит в одном ряду с объявлением Суллой себя в Греции Эпафродитом (так передавали имя его сына Фавста по-гречески, а затем, уже в Риме, — Феликсом^[1146]). Называя таким образом своих детей, «он думал о [...] небесной покровительнице своей *Felicitas*», т. е. Венере (Alföldi 1976, 148). Сложно, однако, сказать, о чем думал в этом случае Сулла; вряд ли была необходимость в греческих параллелях; не очевидна и связь между прозвищем «Эпафродит» и именами детей будущего диктатора (Balsdon 1951, 4-6). А. Кивни счел трактовку А. Альфёльди неверной, полагая, что речь шла о связи сына и дочери Суллы с самой *Felicitas* — разумеется, его собственной (Keaveney 1983a, 48, п. 23).

Плутарх (Sulla 29. 11-12) сообщает, что в опасный момент битвы при Коллинских воротах Сулла обратился с молитвой к вывезенному из Дельф изображению Аполлона Пифийского, которые носил на груди. Весьма сомнительно, что в горячке боя на это обратило внимание больше чем несколько десятков человек, а потому неясно, насколько такой жест можно считать пропагандистским^[1147]. Обращает на себя также внимание то, что Аполлона нет на монетах Суллы; он появляется лишь на денарии М. Метелла, который датируется 82—80 гг.^[1148] Однако относить его к сулланской пропаганде рассматриваемого периода сложно, учитывая довольно нечеткую датировку денария, а также то, что Метелл мог поместить изображение Аполлона на монету независимо от пожеланий Суллы. Следует учитывать, что последний, по всей видимости, чтил этого бога больше других небожителей (Keaveney 1983a, 56-60). Отсутствие Аполлона на монетах Суллы можно объяснить как недостатком нумизматических материалов, так и дистанцированием от марианцев, на монетах которых этот бог появляется не раз и не два (см. ниже, с. 362-366). По мнению Т. Дж. Люса, «ответом на марианского Аполлона» стал в 86 г. выбор Суллой Венеры в качестве своей семейной патронессы (Luce 1986, 34). Трактовка весьма интересная, но приемлемая лишь как предположение. Стоит отметить, что до окончания гражданской войны

изображение Венеры появляется на сулланских монетах лишь один раз, на аверсе упоминавшихся выше аурея и денария с авгурскими символами — мы видим ее в диадеме (рядом с нею — Купидон с пальмовой ветвью). Несомненно, перед нами *Venus Victrix*, символизирующая победы Суллы и легитимность его действий. На ауреях и денариях проквестора Манлия, как уже говорилось, присутствует голова Ромы в шлеме на аверсе и Виктория, увенчивающая триумфатора на квадриге, — на реверсе. Смысл этих изображений очевиден — намек на грядущий триумф Суллы и отождествление его дела с делом *res publica*^[1149].

Как писал А. Альфёльди, Сулла «после каждого военного успеха расширял круг своих небесных покровителей, чтобы показать миру, что он может целиком и полностью довериться божеству». Формулировка, конечно, излишне конкретная, но в целом она, по-видимому, верно отражает положение вещей, поскольку новые победы укрепляли уверенность Суллы в том, что боги на его стороне^[1150]. При этом, как мы видели, он умел демонстрировать собственный подход к отношениям с богами, отказавшись от изображений Аполлона на монетах, но нося при себе его статуэтку, а также избрав Венеру своей патронессой, причем предпочитавшийся им культ *Venus Victrix* был впоследствии позаимствован Помпеем и Цезарем (Alföldi 1976, 145).

Выводы. М. Крофорд писал, что Сулла занял «новую, индивидуалистическую позицию по отношению к *res publica*, позицию, несовместимую с коллективной идеологией олигархического правления» (Crawford II, 1974, 732). Хотя исследователь опирается прежде всего на нумизматические данные, этот вывод подтверждают и другие источники. Мятежный полководец не пытался демонстрировать склонности к компромиссу, открыто угрожая расправой свои врагам, и не обращался к сенату через их голову, поскольку, как уже говорилось, объявил сенат несвободным в своих решениях, а сам *de facto* «оказался» единственной законной властью в государстве. Возникает вопрос, почему Сулла занял столь бескомпромиссную позицию. Прямого ответа наши источники не дают. Но логично предполагать, что будущий диктатор, учитывая перевес противников в силах, решил сделать ставку на раскол неприятельского лагеря. Он попытался «отсечь циннанцев от двух их главных опор — сената и недавно обретших гражданство италийцев» (Keaveney 2005a, 99), и тем максимально уменьшить число своих врагов, давая понять, что борется лишь против *rauculi et mali*, которые не стоят того, чтобы их защищали. С другой стороны, Сулла понимал, что сосуществовать с

марианцами он не сможет, и лишь их удаление из Рима обеспечит ему безопасность и высокое положение. Сыграла свою роль и его склонность к риску, которая в итоге оправдала себя.

ПРОПАГАНДА МАРИЯ, ЦИННЫ И ИХ СТОРОННИКОВ

Первые «образцы» марианской пропаганды связаны, судя по всему, с проектами расширения прав италийцев, которым Марий был не чужд — достаточно вспомнить дарование им право гражданства воинам двух когорт камерийцев прямо на поле боя под Верцеллами. Подобные взгляды нашли отражение в монетной чеканке его сторонников — на денариях Гая Марция Цензорина (по Крофорду — 88 г.) мы видим головы бородатого Нумы Помпилия и безбородого Анка Марция^[1151]. Эти цари считались предками Цензорина, но в контексте политики 80-х гг. они, видимо, символизировали нечто большее — союз сабинов и римлян; у Ливия (I. 33. 1-5) Анк дает гражданство латинам (Row and 1966, 415-416). На другом денарии Цензорина мы видим голову Аполлона в диадеме, что П. Ассанмаке считает полемическим ответом Цензорина, врага Суллы (особенно если монета отчеканена действительно в 88 г., когда тот стал консулом), на пропаганду последнего, который провел с неслыханной пышностью Аполлоновы игры во время претуры^[1152].

Важнейшим примером пропаганды стала речь Цинны к солдатам Аппия Клавдия после бегства из Рима под Нолу после стычек на улицах Города из-за законопроекта о распределении новых граждан из числа италийцев по 35 трибам. В речи он особо подчеркивал, что лишен консульской власти без согласия воинов, т. е. народа: «Ведь *народ* избрал меня, а теперь сенат лишил меня этой власти без *вашего* на то согласия (ὁ γὰρ δῆμος εἰροτόνησενή βουλή δ' ἀφείλετό με χωρίς υμῶν)» (App. BC. I. 65. 298). Налицо ловкий демагогический ход: с одной стороны, воины — лишь часть народа, но, с другой, явно намекается на их отождествление со *всем* народом. Это тем более понятно потому, что значительная, если не большая часть городского плебса Рима Цинну не поддержала, а потому старая идея Гракхов о суверенитете народа предстает здесь в весьма причудливом обрамлении. Так или иначе, учитывая успех опального консула в деле агитации среди воинов Аппия Клавдия, можно предполагать, что выступление Цинны было построено грамотно и сыграло в его успехе не меньшую роль, нежели возможный подкуп, обещания наград, добычи *etc.*^[1153]

Мы уже видели, что Сулла открыто угрожал своим врагам расправой.

Цинна и Марий как будто бы старались не объявлять о своих намерениях на сей счет — Марий, как известно, лишь мрачно молчал во время переговоров Цинны с сенаторами, а сам Цинна дал уклончивый ответ (Plut. Mar. 43. 1-2; App. BC. I. 70. 320—322). Однако вполне вероятно, что эта тема нашла отражение в монетной чеканке — на реверсе денариев Гаргония, Огульния и Вергилия (Вергиния), датированных М. Крофордом 86 г., мы видим Юпитера на квадриге, мечущего молнии^[1154]. Трудно здесь не усмотреть параллель с денариями Сентия, отчеканенными, по мнению английского ученого, в 101 г. — в год победы над кимврами. На этих денариях мы также видим Юпитера на квадриге с перуном в руке^[1155]. Если учесть, что в образе этого божества предстал перед согражданами триумфатор^[1156], то намек на Мария кажется здесь вполне вероятным, поскольку именно ему еще в 102 г. сенат назначил триумф, который тот отложил до победы над кимврами (Plut. Mar. 24.1)^[1157]. На денарии 86 г. речь, конечно, не шла о триумфе как таковом (в лучшем случае это был своего рода анонс), но вполне логично предположить, что в его символах содержался очевидный намек на благоволение Юпитера к Марию, врагов которого карает верховное божество римлян.

Монеты сохранили кое-какие сведения об идеологии и пропаганде марианцев в период их господства. Выше уже говорилось, что на них можно неоднократно видеть Аполлона — по наблюдениям Т. Дж. Люса, в 87—82 гг. из 20 монетариев 13 чеканили изображения этого бога. Он дважды появляется на монетах незадолго до Союзнической войны, а в течение 30 лет после 82 г. всего четыре раза. «Таким образом, Аполлон с примечательной точностью, не раз и не два, [появляясь на монетах,] следует за удачами марианской группировки от ее возрождения в конце девяностых и до ее поражения в 82 г.» (Luce 1968, 28). Возникает вопрос, почему марианцы сделали Аполлона чем-то вроде своего «партийного» символа. Ж. Гаже указывал на распространенность у италийских повстанцев культа Аполлона, который таким образом мог послужить делу примирения их с римлянами. Его популярности, вероятно, способствовала и эпидемия 87 г. Кроме того, обращение к культу Аполлона в тяжелые годы Союзнической войны напоминает аналогичную ситуацию во время войны с Ганнибалом, когда были учреждены *ludi Apollinares* (Gagé 1955, 392-393). А. Альфёльди считал, что Аполлон олицетворял собой *saeculum aurèum* (приводится по: Luce 1968, 33). Т. Дж. Люс отмечает, что ни одна из этих теорий, будь даже они верны, не объясняет рост интереса к Аполлону накануне *bellum sociale*. (Стоит, однако, заметить, что до 91 г. этот интерес

был весьма незначителен по сравнению с последующим временем.) Что же касается 87—82 гг., то «выбор Аполлона в качестве фракционного символа был весьма удачным. Ни одна аристократическая фамилия Рима не возводила себя к нему, как то имело место в Греции. [...] Более того, во времена ранней Республики, похоже, существовала тесная связь между ним и чаяниями плебеев на обретение ими места в системе государственной религии, и хотя изначально Аполлон не ассоциировался с плебеями, он, по крайней мере, являлся символом *Concordia* и примирения». Кроме того, как пишет Т. Дж. Люс, марианцы «нуждались в любой поддержке, какую только могли получить: от жителей Рима, от италийцев, от всех народов Италии в целом. В Аполлоне они имели божество, чей культ был распространен и популярен, а также не отягощен связями с оптиматами или региональным партикуляризмом. Он являлся богом, чьи юность и прекрасная внешность особенно привлекали: покровитель мира, культуры, безопасности и суеверий. Трудно представить себе более подходящего кандидата» (Luce 1968, 33-34). «Нежелательные» ассоциации культ Аполлона все же вызывал, если вспомнить, что именно один из предков Суллы учредил *ludi Apollinares* в годы Ганнибаловой войны, но в целом приведенные соображения достаточно убедительны.

Немало споров вызвало изображение на реверсе денария Луция Марция Цензорина (брата Гая) Марсия с винным мехом на плече, стоящего рядом с колонной, увенчанной статуей Виктории^[1158]. Ж. Гаже высказал точку зрения, что это символизировало римскую *libertas*^[1159], а попутно было знаком уважения к марсам — одному из сильнейших италийских племен^[1160]. Трактовка этого изображения как «послания» марсам энергично развивалась в других работах — указывалось, например, что Марсий считался мифическим царем этого племени^[1161]. М. Крофорд оспорил эту точку зрения, видя в изображении Марсия лишь аллюзию на имя монетария^[1162], но никак не проявление «идеологии популяров» или призыв марсов к свободе; апелляция же к сообщению Сервия в данном случае неуместна (Crawford 1974,1, 378). Т. Дж. Люс, развивая точку зрения Г. Грюбера, указывает на присутствие на аверсе Аполлона, «фракционного символа» марианцев, а также на то, что монета была отчеканена в 82 г., т. е. в разгар последнего этапа гражданской войны, и делает вывод, что речь идет о наказании за наглость и высокомерие — очевидно, Суллы (Luce 1968, 38). Наконец, Дж. Смолл предполагает, что изображение Марсия отражает провозглашавшуюся Марциями связь их рода с землей сабинов, развитие же цивилизации у этого народа, в свою очередь, связывалось с

Марсием. Присутствие же Аполлона может объясняться другим важным эпизодом в истории Марциев, когда в 212 г. сенат, обсудив обнаруженные прорицания (*carmina*) предсказателя Марция, постановил ежегодно проводить игры в честь Аполлона^[1163].

Однозначное решение данного вопроса вряд ли возможно. Но маловероятно, что марсы были адресатами этого «послания» (мех с вином здесь явно неуместен). Сомнительно также, что речь шла об «аллюзии» на номен Марциев — как резонно указывает Б. Капосси, Гай Цензорин уже чеканил изображение другого мифического предка своей фамилии, куда более близкого римлянам — Анка Марция, после чего отсылка к Марсию выглядела бы странно; к тому же «народная этимология» Марций — (Марсий не более чем натяжка^[1164], особенно если учесть, что *Marcius* звучало как *Markius*^[1165]. Наконец, версия Дж. Смолла, по выражению Ф. Сантанджело, «слишком стройна, чтобы быть убедительной»^[1166], а главное (как, впрочем, и все предыдущие трактовки), не позволяет объяснить, как на одной монете оказались мучитель (Аполлон) и жертва (Марсий). Это обстоятельство представляется ключевым для объяснения легенды рассматриваемого денария. В контексте противостояния марианцев и сулланцев версия Т. Дж. Люса о покарании зарвавшегося врага представляется наиболее удачной^[1167]. Хотелось бы, однако, уточнить смысл изображения Марсия на фоне колонны с Викторией. Ничто не препятствует считать его намеком на Суллу — известны его страсть к чувственным наслаждениям и, среди прочего, склонность к вину (Val. Max. VI. 9. 6; Plut. Sulla 2.41; 36.1), которые давали повод врагам изобразить его в виде сатира. Не случайна и колонна, увенчанная статуей Виктории — мы видели, что к этому времени Сулла также чеканил монеты с этой богиней на реверсе, претендуя на связь с ней, и изображение олицетворявшего его Марсия на фоне колонны с Викторией выглядело как откровенная карикатура^[1168].

В 87 г. выпустили серию денариев Л. и Г. Меммии — как предполагается, уже после победы Мария и Цинны^[1169]. На их аверсах мы видим увенчанную лавром голову Сатурна, а на реверсе — Венеру в биге и летящего купидона с венком^[1170]. Р. Роуланд видит в этих изображениях и написании их имени подчеркивание этим своих симпатий к италийцам (Rowland 1966, 411). Стоит отметить, что эти денарии воспроизводили те, которые были выпущены в 106 г. Л. Меммием — скорее всего, их отцом^[1171], а потому говорить о каких-то проиталийских мотивах здесь

рискованно.

Известный интерес представляют денарии эдилов М. Фанния и Л. Критония, на аверсе которых изображена голова Цереры^[1172], тогда как на реверсе мы видим двух мужчин на скамье (*subsellium*) и рог изобилия^[1173]. С учетом обязанностей эдилов по снабжению Города зерном смысл этих символов не вызывает сомнений (Crawford 1974, I, 367); помимо того, что названные магистраты прославляли собственные заслуги в деле обеспечения Рима хлебом, речь могла идти в более широком смысле о наступлении благодатных времен после тяжких испытаний гражданской войны и предшествовавшей ей Союзнической.

Следует отметить и еще одну особенность этих монет: на них, а затем и на денариях Мания Фонтя и Луция Юлия Бурсиона^[1174] появляется указание на то, что они отчеканены *ex a[r-gento] p[ublico]*^[1175] — возрождение традиции 102—100 гг., «период расцвета *iusiurandum in legem*», когда «утверждение прав народа играло выдающуюся роль»^[1176]. Кроме того, это было временем первенства Мария, многие из сторонников которого играли заметную роль и в событиях 80-х гг., что дополнительно объясняет заимствование «лозунга» 15-летней давности^[1177]. Э. Ло Кашо конкретизирует смысл легенды *ex argento publico*, связывая её с реформой Гратициана — она, по его мнению, подразумевала возрождение права *populus* на контроль над выпуском монет с целью его упорядочения (Lo Cascio 1979, 233-234).

Когда над Италией нависла угроза вторжения армии Суллы, вожди марианцев попытались мобилизовать на борьбу с врагом жителей Италии. Как пишет Аппиан, Цинна и Карбон в 85 г. «в италийских городах возбуждали в особенности новых граждан, указывая на то, что из-за них они подвергаются такой опасности (ὡς δι' αὐτάς ὄντες ἐν τοσφδε κινδύνου)» (BC. I. 77. 348). Он также пишет о страхе перед Суллой римлян, помнивших захват Города в 88 г. и опасавшихся жестокой мести за объявление врагом, конфискацию его имущества, разрушение дома и т. д. (BC. I. 81. 371-372). Не приходится сомневаться, что во многом, если не по большей части, это было результатом пропагандистских усилий врагов Суллы, причем, как показали дальнейшие события, страх этот оказался не настолько силен, чтобы те, кто испытывал его, стояли насмерть в борьбе с будущим диктатором. Поэтому слова Аппиана о тех, кто понимал, что у них лишь один выбор — либо победа, либо смерть (καί οὐδέν σφίσι νίκης), в действительности могли относиться лишь к активным сторонникам марианского режима.

Пропаганда предвоенных и военных лет нашла отражение и в монетной чеканке. На реверсе денария Гая Лициния Макра^[1178] мы видим Минерву на квадриге с копьем и щитом^[1179]. Следует отметить, что Макр последовал возникшей около 20 лет назад традиции — изображать эту богиню на денариях^[1180] (до этого она появлялась по большей части на триенсах). На квадриге она впервые появляется в 90 г. на денариях Г. Вибия Пансы^[1181], с копьем и трофеем в руках^[1182], что, очевидно, было связано с первыми успехами римлян в Союзнической войне. Что же касается чеканки Макра, то здесь, вероятно, можно увидеть призыв к борьбе с Суллой, который уже совершенно недвусмысленно заявил о своих воинственных намерениях.

На аверсах денариев Гая Норбана^[1183] изображена голова Венеры, которую следует рассматривать вкуче с символами империя на реверсе — рогом изобилия, фасциями, кадуцеем и топором. По мнению Р. Роуланда, перед нами *Venus Genetrix* или *Venus Frutis*, являющая собой своего рода оппозицию сулланской *Venus Victrix* (Rowland 1966, 412).

Наместник Сардинии Квинт Антоний Бальб помещал на своих денариях изображение Юпитера — увенчанную лавром голову бога, на квадриге (на аверсе) мы видим Викторию с венком и пальмовой ветвью в руках^[1184]. Учитывая, что речь, если исходить из датировки М. Крофорда, идет о 83—82 гг., когда в Италии шла гражданская война, то смысл этих символов представляется самоочевидным.

И еще один «осколок» марианской пропаганды — характеристика Суллы Карбоном, который, «говоря, сказал, что, воюя с жившими в душе Суллы лисицей и львом, он больше терпел от лисицы (δε καί Κάρβωνά φασιν εἶπειν ὡς ἀλώλεκι καί λέοντι πολέμων ἐν τῇ Σύλλα ψυχῇ κατοικοῦσιν ὑπό τῆς ἀλώλεκος ἀνίφτο μάλλον)» (Plut. Sulla 28.6)^[1185]. Нетрудно заметить, что Карбон стремится подорвать репутацию Суллы как истинного римлянина, который должен быть совсем иным: «Предки вели войны, не прибегая ни к засадам, ни к ночным вылазкам, ни к притворному бегству и неожиданному нападению на беспечного врага; не гордились они и коварством в большей степени, нежели истинной доблестью (*vera virtute*)» (Liv. XLII. 47. 5; см. также: Polyb. XIII. 3. 7). Бесспорно, слова Карбона в немалой степени соответствовали истине, хотя тоже можно было сказать и о многих его соратниках. Примечательно другое — нередко нарушая политические традиции, марианцы (как, впрочем, и их враги) продолжали апеллировать именно к ним.

Таким образом, хотя у нас и меньше данных об идеологии и

пропаганде марианцев, они позволяют сделать некоторые выводы. Марианцы развивали, хотя и не очень активно, идею союза с италийцами, частью борьбы за который стал культ Аполлона. Он стал своего рода их идеологической новацией, так же, как у Суллы — культ *Venus Victrix*, в дальнейшем он найдет свое развитие в пропаганде Октавиана (см. Gagé 1955, 479-522). Идеология марианцев выглядит менее стройной и оформившейся, чем у их врага, а пропаганда, соответственно, менее целенаправленной (за исключением вопроса о сопротивлении Сулле), что, в общем-то, и понятно, учитывая известную разнородность марианского лагеря.

ИДЕОЛОГИЯ И ПРОПАГАНДА ИНЫХ СЕНАТСКИХ ГРУПП. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ

Трудность рассмотрения этой темы связана с тем, что здесь подчас еще сложнее определить, в каких случаях речь идет о передаче настроений того времени, а в каких это является результатом «послезнания», позднейшей трактовкой современников и их потомков. Это касается прежде всего вопроса о ситуации в начале *bellum civile*, когда, как считают многие исследователи, среди римлян, италийцев и жителей восточных провинций распространились настроения (среди прочего и ожидание гибели Рима), которые можно *mutatis mutandis* считать эсхатологическими. Этому способствовали опустошительные войны (Союзническая, Первая Митридатова, гражданская), многочисленные пророчества и знамения, в том числе различные катастрофические явления природы (землетрясение в Апамее, комета Галлея и др.)^[1186]. Плутарх (*Sulla* 7. 4-12) рассуждает о зловещих знамениях, предвещавших гражданскую распрю, а также о предсказаниях этрусских гадателей (*Τυρρηῶν δὲ οἱ λόγιοι*)^[1187], которые заявили, что трубный глас среди ясного неба «предвещает смену поколений и преобразование всего сущего (*μεταβολὴν ἐτέρου γένους ἀπεφαίνοντο καὶ μετακόσμησιν ἀποσημαίνειν το τέρας*). Существует, говорили они, восемь человеческих поколений, различающихся между собой нравами и укладом жизни, и для каждого божеством отведено и исчислено время, ограниченное кругом большого года (*ἐνιαυτοῦ μεγάλου*)» *etc.* О том же эпизоде и аналогичных пророчествах про восемь поколений рассказывает (местами почти теми же словами, что и Плутарх)^[1188] Диодор (XXXVIII. 5).

Примерно к этому времени некоторые исследователи относят пророчество Вегойи^[1189], в котором идет речь об истекающем этрусском *novissimum octavum saeculum*^[1190]. В нем шла речь о страшной каре тем, кто передвинет межевые столбы, причем среди этих кар называются не только бури, ураганы и неурожай, но и гражданские распри (*multae dissensiones in populo*)^[1191].

А. Мастрочиккве указывает на мрачное пророчество Вегойи о каре тем, кто переместит межевые камни, в том числе и рабам, указывая на то, что это перемещение является ниспровержением порядка, установленного

самим Юпитером, и сопоставляет его с освобождением рабов Марием в Италии и Митридатом в Азии. Согласно его трактовке, речь шла о потрясении основ общества, угроза же этому порядку, чреватая самыми тяжелыми последствиями, исходила от прежних рабов, ставших гражданами, из чего он делает вывод, будто «на Востоке низшие классы признавали в Митридате харизматического царя, который мог положить конец невыносимому правлению римлян, в то время как в Италии те же самые классы видели в Марии времен гражданской войны харизматического вождя, который установил бы новый порядок и новую справедливость» (Mastrocinque 2005, 139-140).

Эта конструкция представляется не вполне убедительной. О поддержке Мария «низшими классами» (безо всякой конкретизации) говорить вряд ли можно — в Италии он, несомненно, пользовался значительной поддержкой, причем явно не только низов, однако население Рима в 87 г. отнюдь не стремилось перейти на его сторону, и начало это делать лишь в конце осады из-за нехватку продовольствия, а не из-за симпатий к победителю кимвров. О восприятии его как учредителя «нового порядка и новой справедливости» сведения в источниках и вовсе отсутствуют. (Вопрос о Митридате не относится к теме данной работы).

Ф. Гарсиа Мора, указав на шедшие в 88 г. войны и имевшие место зловещие природные явления (к перечисленным выше он добавляет гибель Помпея Страбона от молнии), отмечает, что «природные катастрофы и необыкновенные знамения рассматривались как проявление недовольства среди богов по причине раздоров между людьми». По его мнению, итальянская и понтийская пропаганда (причем Митридат, возможно, заимствовал в этом отношении кое-что у итальянцев, с которыми поддерживал контакты), ссылаясь на указанные предзнаменования, распространяли идеи о наступлении новой эры, которая, среди прочего, положит конец и господству Рима (García Morá 1999, 83-90).

Мысль о связи между итальянцами и Митридатом, думается, требует серьезных доказательств — после резни в Азии жители Италии вряд ли могли быть дружественно настроены в отношении царя, и речь может идти разве что о тайных связях с некоторыми из их вождей, еще не сложивших оружия. Насколько массовыми были настроения, связанные с указанными знамениями, также неясно. То же можно сказать и о рассуждениях Ю. Г. Чернышова (1994, 71-75), который, рассмотрев прорицания одной из Сивиллиных книг и предсказание Вегойи, сделал вывод, будто эти «пророчества не могли не усилить и без того обостренные ожидания “конца времен”». В 88 г., когда закончилась Союзническая война, обстановка не

очень им соответствовала — с одной стороны, италийцы потерпели поражение, но, с другой, их требования в целом были удовлетворены. Какими-то особо жестокими расправами, вроде разрушения городов с уничтожением части населения, которые походили бы на «конец времен» в миниатюре, война, за редчайшими исключениями, не сопровождалась. Вероятнее, что на тот момент среди большинства италийцев царила обычная усталость и стремление вернуться к мирному образу жизни. Настроения же племен, которые и в 88 г. продолжали борьбу (прежде всего самнитов), нам известны не настолько, чтобы мы могли делать выводы относительно эсхатологических ожиданий.

Несколько лучше мы осведомлены о настроениях после взятия Рима Суллой. Взятие Рима штурмом и убийство плебейского трибуна (к тому же, по всей видимости, пользовавшегося популярностью) никакого оправдания иметь не могли, а потому репутация консула (или консулов) заметно ухудшилась. Валерий Максим (III. 8. 5) передает слова Сцеволы Авгура в сенате при обсуждении эдикта против Мария, Сульпиция и их соратников: «Ты можешь выставлять своих солдат, которыми окружил курию, можешь сколько угодно угрожать мне смертью, но никогда не добьешься того, чтобы я из-за своей старости и слабости объявил врагом Мария». Бесспорно, конкретные выражения (окружение курии воинами, угроза смертью) принадлежат самому Валерию Максиму, неся на себе отпечаток более поздних времен, однако отношение к Сулле как к тирану (если речь Сцеволы не выдумана от начала до конца, за исключением возражения против санкций в адрес Марии) уже в то время передано в ней, по-видимому, верно. Другое дело, что мы не можем судить о том, какая часть сенаторов подобные взгляды разделяла; впрочем, то, что они в итоге согласились все же объявить Сульпиция, Мария и их сторонников *hostes*, показывает, что большая часть *patres* могла придерживаться любых взглядов, но в данном случае ими не руководствовалась — в городе стояли войска консула.

Однако, если в тот раз сенаторы ограничились лишь моральным осуждением Суллы, то на выборах римляне, как уже говорилось, провалили многих его кандидатов, чего не могло произойти без активного участия *patres*. Надо полагать, не без их поддержки (а то и прямого участия) сторонники Мария «из людей зажиточных и многие богатые женщины» стали выступать за его возвращение^[1192]; похоже, ходатаи (вероятно, наиболее уважаемые матроны) обратились к Метелле — жене Суллы^[1193]. Эта «общественная кампания» не достигла успеха, пока Сулла не покинул

Италию, однако наглядно показала, что его противники не намерены занимать пассивную позицию.

Но после отъезда Суллы, когда Цинна внес свой законопроект, он встретил куда меньшую поддержку, чем год назад. Если трибун провел закон об италийцах и вольноотпущенниках без сопротивления со стороны комиций (иначе Сулле не потребовалось бы тормозить голосование с помощью неприсутственных дней), то на сей раз обстановка складывалась явно иная, многие трибуны наложили вето на его *rogatio*, Сульпицию же, как указывалось, не помешал ни один. Что же произошло?

В источниках прямого ответа на этот вопрос нет, а потому возможны лишь более или менее вероятные предположения. Верхи стремились к сохранению стабильности, а законопроект Цинны означал ее подрыв, тем более что за этой рогацией могло последовать предложение вернуть марианцев, которое наверняка уже обсуждалось на сходках^[1194] и вряд ли вызывало сочувствие у большинства влиятельных сенаторов. Кроме того, если теперь принятие законов перешло в ведение центуриатных комиций (см. выше), где влияние состоятельных граждан, больше приверженных стабильности, было сильнее, чем в трибутных, то неудивительно, что ситуация стала складываться не в пользу Цинны.

С началом нового тура гражданской войны, видимо, оживились эсхатологические настроения. Вновь источники фиксируют зловещие знамения — в частности, Валерий Максим (I. 6. 10) рассказывает о том, как от статуи Аполлона сама собой отвалилась голова, которую будто бы не могли оторвать от земли. Именно с этим событием связывает, проводя аналогию с событиями 461 г.^[1195] Ж. Гаже обращение сенаторов к Сивиллиным книгам (*libri fatales*), в которых нашли сообщение о том, что изгнание Цинны и шести трибунов обеспечит спокойствие на будущее (Grav. Lic. 15F)^[1196]. Во время осады Рима, как уверяет Обсеквент (Prod. 56a), видели, как небо рушится на Землю, удары поражают оружие и значки, а воины гибнут. (Характерно, что применительно к 88 г. Обсеквент рассказывает лишь о знамениях, связанных с Союзнической и Первой Митридатовой войнами, но ничего не говорит о захвате Суллой Рима.) Неясно, когда появились сообщения об этих знамениях, равно как и толкование смерти Помпея Страбона как гибели от удара молнии. Думается, однако, что осквернение его тела во время похорон произвело впечатление уже тогда, коль скоро этот, не столь уж значительный сам по себе факт, сохранился в памяти потомков.

Однако имели место и иные настроения. На монетах, призванных

отражать установки официальной пропаганды (но также, несомненно, и настроения определенной части общества, их разделявшей), встречаются изображения в ином духе. На аверсах денариев Л. Рубрия Доссена (87 г.)^[1197] мы видим голову увенчанного лавровым венком Юпитера со скипетром, Юноны в диадеме, с покрывалом и скипетром, Минервы в шлеме и с эгидой, а на аверсе квинария — голову увенчанного лавром Нептуна с трезубцем на реверсах денариев — Викторию на квадриге или биге^[1198], квинария — стоящую Викторию с венком и пальмовой ветвью, напротив нее — украшенный цветами алтарь со свернувшейся кольцом змеей^[1199]. Г. Мэттингли (2005, 58) видел в этом выражение благодарности богам за победу в гражданской войне, не уточняя, в какой именно, что, в общем, понятно, поскольку речь могла идти как о марианцах, так и об их врагах (после изгнания Цинны). Более вероятным, как уже говорилось (см. с. 200), представляется второе. Обращает на себя внимание, что изображены все боги капитолийской триады, что, очевидно, призвано подчеркнуть важность этой победы.

О настроениях римлян и италийцев в период *triennium sine armis* мы можем судить лишь по косвенным данным, за исключением одного яркого эпизода — почитания Мария Гратиана со стороны народа в благодарность за его эдикт, стабилизировавший денежное обращение. Как пишет Цицерон «во всех городских кварталах (*omnibus vicis*) ему воздвигли статуи^[1200], перед которыми сжигались благовония и горели восковые светильники» (Cic. Off. III. 80; Plin. NH. XXXIII. 132; XXXIV. 27; Sen. De ira. III. 18. 1).

Здесь обращают на себя внимание следующие обстоятельства. Это почитание явно напоминает то, что имело место в отношении братьев Гракхов (Plut. C. Gr. 17.3), но налицо и важное различие — трибунов-реформаторов почитали после их смерти, тогда как теперь шла речь о здравствовавшем^[1201]. Кроме того, «очевидная связь Гратиана, живого человека, с миром богов, представляла собой нечто новое в римском мире», причем связь эта «возникла как спонтанное проявление народной религиозности»^[1202]. Здесь хотелось бы внести уточнение: еще Сципион Африканский претендовал на такую связь, нечто подобное мы наблюдаем и в отношении Мария, но в данном случае перед нами не полководец, прославляемый за свои победы, а человек, как и Гракхи, почитавшийся за деяния на мирном поприще. Очевидно, в лице Гратиана народ приветствовал стабильность, которую нес его эдикт, и которой люди так жаждали в условиях смуты^[1203]. Стоит отметить также, что подобное

почитание, причем не полководца и не инициированное сверху, было не только новым, но и совершенно уникальным явлением, не имевшим аналогов и позднее.

О каких-либо волнениях италийцев мы ничего не знаем; как уже говорилось, с началом подготовки к борьбе с Суллой в Италии местами оказывали сопротивление набору, но при этом, следует заметить, не прозвучало требований о каких-либо уступках в обмен на участие в войне. Солдаты, убившие Цинну, хотели, судя по источникам, лишь одного — не участвовать в боевых действиях. Похоже, сложившееся к тому моменту *status quo* их вполне устраивало, и именно попытка поколебать его путем втягивания в войну с Суллой вызывала наибольшее неприятие. Правда, как мы видели, марианцам удалось все же собрать весьма крупные силы. Но ход боевых операций показал, что италийцы не очень стремились сражаться с Суллой, который сумел противопоставить неприятельской пропаганде собственную и вполне успешную. Это прежде всего отказ от разорения занимаемых территорий в первое время после высадки в Италии, а также договор с италийскими общинами о признании их гражданских прав, заключенный с ними на рубеже 83—82 гг. не говоря уже о победах на поле брани.

Следует отметить, что именно к 83 г., по-видимому, относится всплеск эсхатологических ожиданий. Аппиан (BC. I. 83) и Обсеквент (Prod. 57) относят к данному периоду как различные зловещие знамения (землетрясение, обрушение святилищ, гибель в огне храма Юпитера Капитолийского^[1204] и др.), воспоминания о старинных мрачных пророчествах, так и связанные с этим ожидания — «все это воспринималось массою как указания на предстоящую гибель Италии и самих римлян, как на завоевание самого Города и ниспровержение существующего государственного строя (πάντα δ'εδοξεν ἐς τό πλῆθος τῶν ἀπολουμένων καί τήν ἀλωσιν τῆς Ἰταλίας καί Ῥωμαίων αὐτῶν τῆς τε πόλεως κατάληψιν καί πολιτείας μεταβολήν προσημῆναι)» (App. BC. I. 83. 378). Подобные настроения были связаны с началом новой полосы гражданской смуты^[1205], которая не без оснований ассоциировалась с новыми бедствиями, причем сознание их неотвратимости не могло не усилить мистического оттенка ожиданий «конца света». Конечно, какая-то часть перечисленных Аппианом и Обсеквентом знамений (рождение женщиной змеи, разрешение мула от бремени и т. п.) могла быть вымышлена позднее, не исключены и хронологические aberrации, однако обстановка кануна и начала гражданской войны создавала благоприятную почву для подобного

рода слухов.

Особо следует остановиться на пожаре храма Юпитера Капитолийского, будто бы предсказанном Сулле рабом Понтия. По мнению Ж. Каркопино, «очевидно, когда несколько часов спустя [после сообщения раба] легионы узнали о случившейся катастрофе, они уверовали, что их полководец является воплощением бога на земле» (Carcopino 1947, 104). Однако это сомнительно: у Плутарха не сказано, сколько времени миновало между встречей в Сильвии и пожаром на Капитолии^[1206], и маловероятно, чтобы такое совпадение осталось бы не отмеченным в источнике. Можно не сомневаться, что речь шла о небольшом сроке, за который Сулла при всем желании не успел бы взять Город (как известно, он овладел им лишь весной следующего года)^[1207]. К тому же насколько широко было известно о появлении раба и его предсказании в тот момент — вопрос очень спорный, и какое-то значение оно могло приобрести лишь в мемуарах Суллы. Ясно одно — храм находился на территории, подконтрольной марианцам, а потому ответственность за него лежала на них, тем более что никаких доказательств причастности к пожару сулланцев, насколько известно, предъявлено не было. Аппиан (BC. I. 86. 390) сообщает лишь о слухах (ἑλογολοίου), распространители которых обвиняли в случившемся как сулланцев, так и марианцев.

Так или иначе, теперь уже Сулла, в отличие от 88—87 гг., явно выигрывал пропагандистскую войну. И если в 88—87 гг. некоторая часть жителей Рима оказала ему сопротивление и в военном, и в политическом отношении, то в 82 г. ни о чем подобном не было и речи. Но, с другой стороны, не проявляли они враждебности и в отношении марианцев. Италийцы из марианских легионов не проявляли особой доблести на поле боя, легко разбегались и даже переходили на сторону Суллы. Резко враждебную позицию по отношению к Сулле заняли лишь самниты, луканы и этруски, однако их сил оказалось недостаточно, чтобы сокрушить его. Остальные же хотели мира и постарались сделать все, чтобы он наступил как можно скорее.

О ПРИМЕНИМОСТИ ТЕРМИНОВ «ОПТИМАТЫ» И «ПОПУЛЯРЫ» К СОБЫТИЯМ 80-х гг.

Эти термины нередко можно встретить в историографии при описании политической борьбы в Риме в 80-х гг. Впервые как противостояние оптиматов и популяров гражданскую войну 80-х гг. стал рассматривать Т. Моммзен, хотя эта точка зрения не сразу нашла множество сторонников и обрела популярность уже в XX в. Оптиматами, естественно, считают Суллу^[1208] (или, еще конкретнее, их главой)^[1209], а также тех, кто правил в Риме в 87 г., т. е. после отъезда Суллы и до победы Цинны и Мария, Гнея Октавия и его приверженцев^[1210]. Популярами же объявляют Сульпиция^[1211], Мария, Цинну, их сторонников^[1212]. Помогают ли эти термины понять суть происшедшего?

Прежде всего необходимо уточнить, кто имеется в виду под оптиматами. Согласно определению Х. Штрасбургера, *optimales* — «обозначение господствующего слоя в Риме, сенатского сословия», зачастую они противостоят *plebs-populus* (Strasburger 1939, 773). М. А. Робб конкретизирует этот термин: «Цицерон использует слово *optimas* в нескольких смыслах. Им может просто обозначаться правящий класс государства — аристократия. Оно может также означать вождей аристократии, *principes civitatis*. В более узком смысле Цицерон иногда употребляет слово *optimates* как взаимозаменяемое по отношению к *boni*^[1213], чтобы обозначить им своих сторонников и тех, чье мнение важно для него» (Robb 2010, 109). Несколько иначе расставляет акценты С. Л. Утченко (1965, 163-164): если «оптиматы в понимании Цицерона никак не политическая партия или группировка, и тем более не сословие нобилитета, но гораздо более широкое, межсословное и, в первую очередь, социальное понятие, то *principes, conservatores civitatis* — это и есть политические вожди, политическое руководство, однако их реальная политическая ориентация может быть различной».

Весьма скептически настроен Э. С. Грюэн: «Термин *optimates* не отождествлялся с [какой-либо] политической группировкой. По сути, Цицерон мог использовать его для обозначения не только вождей аристократии, но также и италийцев, сельских жителей, предпринимателей и даже вольноотпущенников. Чтобы подпадать под данное определение,

требовалось быть лишь честным, рассудительным и непоколебимым. Это не более чем способ воздать хвалу». Ж. Эллегуар определяет оптиматов как аристократов, составлявших *ordo senatorius* и заинтересованных не только в поддержке сената, но и в упрочении и сохранении привилегий одной касты. Достаточно широкое толкование предлагает Р. В. Лапырёнок: «Цицерон, говоря об оптиматах, подразумевал римских собственников различного ранга»^[1214].

С тем, что Цицерон вкладывал в понятие *optimates* в разных контекстах не один и тот же смысл, спорить не приходится. Однако оптиматами, вопреки мнению С. Л. Утченко, Цицерон называет и политических вождей — ученый сам приводит место из речи Цицерона, где говорится о распрях между оптиматами Марием и Суллой, Октавием и Цинной (Сic. Наг. resp. 53-54). Правда, С. Л. Утченко (1965, 163) оговаривает, что это, по мнению Цицерона, оптиматы, «сошедшие с правильного пути, испортившиеся вследствие взаимных раздоров и соперничества». Тем не менее оптиматами они в глазах оратора быть от этого не перестают — очевидно, потому, что остаются *principes*. Вряд ли прав и Э. С. Грюэн, сводя все к способу воздать хвалу — ведь Цицерон не одобряет Мария, Суллу, Цинну и Октавия за их распри. Что же касается М. А. Робб, то, согласно ее мнению, в Наг. resp. 53-54 термин *optimates* — просто синоним слова «сенаторы» (Robb 2010, 89, п. 122). Думается, однако, что речь не о сенаторах вообще, а лишь о виднейших из них, *principes civitatis*, но, в любом случае, интересующий нас термин не является оценочным и не служит для характеристики тех или иных политических течений.

Зато Ливий (per. 79, 80) и Веллей Патеркул (II. 20. 3)^[1215] вполне конкретно называют оптиматами противников Цинны. В 87 г. Ливий именует так Метелла Пия (per. 84) применительно к событиям 84 г., когда его вытеснили из провинции Африка^[1216]. В то время, напомним, он действовал самостоятельно, а потому нет оснований безоговорочно переносить его характеристику на Суллу, к которому он присоединился лишь в следующем году, и будущий диктатор, таким образом, оказывается за пределами круга оптиматов, если не считать упоминавшегося фрагмента из Цицерона, где под таковыми понимаются просто *principes civitatis*^[1217].

Однако у Цицерона есть определение интересующего нас понятия, имеющее, так сказать, универсальный характер: «Кто стал бы терпеть оптиматов, которые присвоили себе это наименование не с согласия народа, а в собственных собраниях (*nam optimatis quidem quis ferai, qui non populi*

concessu, sed suis comitiis hoc sibi nomen adrogaverunt)?» (De rep. I. 50). Иными словами, речь идет о самоназвании римской олигархии^[1218], т. е. наиболее активной в политическом отношении части нобилитета, прежде всего тех, кто контролировал сенат^[1219] и, соответственно, стоял за его господство в политической жизни^[1220]. Очевидно, что и Марий, и Сулла в условиях гражданской войны господство этой олигархии своими действиями подрывали, а потому вряд ли в данном смысле могут считаться оптиматами. К Сулле это понятие можно применить лишь по результатам его деятельности как диктатора, да и то *mutatis mutandis*. Зато (также, впрочем, *mutatis mutandis*) он применим (как это и делается в периодах Ливия и у Веллея Патеркула) к Гнею Октавию и его сторонникам, оказавшим сопротивление Цинне и Марию, среди которых оказались не только сенаторы и всадники, но и тысячи плебеев, боровшиеся, судя по всему, не за права римской верхушки, а за свое привилегированное положение по отношению к италийцам. Но здесь отождествление с оптиматами верно лишь в том случае, если принять цicerоновское определение последних как свободных любого социального положения, готовых защищать сложившийся порядок от «смутьянов». Оптиматами, если угодно использовать это слово, можно считать и тех представителей верхушки во главе с Валерием Флакком, которые поддержали идею мирного урегулирования в 85—84 гг. Однако нет сведений, что этот термин использовался в то время^[1221]; мы знаем лишь, что сулланцы в 81 г. считались сторонниками *nobiles* и *causa nobilitatis*, а как именовали их врагов — неизвестно^[1222].

Теперь обратимся к термину «популяры». По мнению Х. Виршубского, популярями в античности называли самых разных людей с различными и подчас расходящимися целями и мотивами: реформаторов и авантюристов, выскочек и аристократов, умеренных и экстремистов. Что у них было общего, так это тактика, а именно стремление снискать поддержку народа». К. Майер, рассуждая в том же духе, придал своему определению термина почти чеканную форму: «Словом *populares* в эпоху Поздней республики обозначали, как правило, политиков, которые стремились достигать определенных целей при поддержке народного собрания». Р. В. Лапырёнок считает, что Цицерон называл популярями «демагогов, [людей] низкого происхождения, а также оптиматов (т. е. имущих — Р. Л.), которые в силу определенных обстоятельств приняли сторону противников “лучших”». Так, Л. Апулей Сатурнин и П. Сульпиций «стали популярями только вследствие психологической неустойчивости и душевных травм»^[1223].

Довольно расплывчаты выводы М. А. Робб: «Цицерон использует слово *popularis* противоречиво, нередко противопоставляя его негативный и позитивный смыслы. (...) Если в одних случаях этот термин означает действующего методами грубой демагогии противника согласия среди сенаторов, то в других он вполне совместим с поведением добропорядочного государственного мужа. В отрыве от контекста смысл [термина] неясен, и эта двойственность сводит на нет попытки использовать его для точного определения характера политика. (...) Семантические вариации не означают, что были не “дружественные народу” политики. (...) Использование Цицероном слова *popularis* не настолько конкретно, чтобы служить обозначением определенного типа политика или сенатора» (Robb 2010, 111).

Н. Н. Трухина (1986, 58), напротив, высказывается куда более конкретно: «Настоящими популярями Цицерон считал только “мятежников” (*seditiosi*) и прямых вождей плебса, которые вооружали простой народ, организовывали его в отряды, побуждали к действию широкие массы. Популярь мог проводить полезное, с точки зрения Цицерона, мероприятие — по мнению оратора, оно не окупало революционной тактики народного вождя».

Интересные наблюдения сделал Х. Штрасбургер: термин «популяр» применялся либо в абстрактном смысле, либо по отношению «к определенным личностям или политической тематике, но никогда какой-либо политической общности (*Gemeinschaft*). *Popularis* также соответствует коллективному понятию *optimates* исключительно в идеологическом, а не в социологическом смысле» (Strasburger 1939, 782).

Ж. Эллегуар отмечает, что популяров (как и оптиматов) связывали отношения родства, дружбы и клиентелы. Популяреры не были «демократичны» в современном смысле, поскольку благо народа не было их осознанной целью — даже Гракхи предпочитали опираться, по мнению ученого, на всадников, а не на плебс. Тем не менее Гракхи все же были инициаторами демократического движения, тогда как «партия популяров» преследовала чисто личные интересы (Hellegouarc'h 1963, 524-525).

А. Б. Егоров (2009, 214, 216) пишет, что «анализ использования прилагательного *popularis* демонстрирует наличие вполне определенного идейно-политического течения, а возможно, и некоего “партийного” объединения с определенной идеологией, совокупностью организационных форм и “стилем политики” и, наконец, со своими лозунгами и методами манипуляции массами. Даже если мы оставим вопрос о “партии”, нельзя не признать наличие того, что Хр. Мейер именовал “политикой популяров”

(*popula e Politik*), проводимой определенными людьми и их объединениями. [...] Термин *popularis* имел не только собирательное значение, но обозначал некую общность, имеющую определенные внутренние связи».

А. Н. Токарев (2011, 60-52), наконец, считает, что, «говоря о *popularis*, следует подразумевать определенную группу римских политиков (родом из высших сословий), опиравшихся на народное собрание, которые, вне всяких сомнений, не формировали политической партии. Но в то же время не следует впадать в другую крайность и сводить эту традицию до уровня политического стиля или линии поведения большинства римских политиков». Скорее, как и в случае с оптиматами, речь идет об идейно-политическом течении.

Возникает вопрос, можно ли считать Сульпиция, Мария, Цинну демагогами, искателями народного расположения, опиравшимися на комиции и угрождавшими народу? С популярами еще Цицерон (Sest. 103) связывал земельные и хлебные законы, демократизацию системы выборов. Однако в законодательстве П. Сульпиция^[1224], а затем циннанцев эта тематика, как известно, не отразилась^[1225]. Если говорить о методах, разве что Марий добился командования благодаря голосованию народа^[1226]. Цинна и вовсе столкнулся с вооруженным сопротивлением сограждан, а во время осады о его опоре на комиции говорить не приходится тем более^[1227].

Таким образом, даже если в отдельных случаях можно использовать понятие «оптиматы» при рассмотрении событий 83—82 гг., это мало что дает — мы не знаем, использовались ли эти термины в то время^[1228], и уж тем более мы не можем говорить о противостоянии в ходе гражданской войны оптиматов и популяров.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ НЕКОТОРЫЕ СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 80-х гг.

В этой главе рассматриваются некоторые сюжеты, связанные с социально-политической обстановкой в Риме во время гражданской войны, уже проанализированные выше, но требующие, на мой взгляд, дополнительной проработки. Поэтому содержание главы носит несколько выборочный характер.

СЕНАТ, ВСАДНИЧЕСТВО И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО СУЛЬПИЦИЯ

В историографии господствует мнение о конфликте трибуна с сенатом или его большинством^[1229] (других точек зрения на сей счет, насколько мне известно, нет). В то время как всадники, чьи интересы как будто выражал Сульпиций, стали одной из важнейших сил, на которые он опирался, или даже сами во многом направляли его действия^[1230]. На чем же основываются эти тезисы?

В пользу мнения, о враждебных отношениях Сульпиция с сенатом многие исследователи указывают на *lex Sulpicia de aere alieno senatorum*^[1231], «согласно которому сенаторам запрещалось иметь долг, превышающий две тысячи драхм (денариев. — А. К.) (νόμον δέ κυρώσας μηδένα συγκλητικόν ὑπέρ δισχιλίας δραχμάς ὀφβίλειν)» (Plut. Sulla 8.4)^[1232]. Это сообщение включено в состав инвективы против Сульпиция как человека глубоко порочного (ἄνθρωπον οὐδενός δεύτερον ἐν ταῖς ἀκραῖς κακίας), ожидать от которой полноты и объективности изложения не приходится. О каких долгах идет речь, а также имелись в виду сенаторы уже действующие или будущие, неизвестно.

Еще Т. Моммзен высказывал точку зрения, что трибун, предлагая свой закон, подразумевал под ним борьбу с «чрезмерной задолженностью сенаторов»^[1233], по мнению других ученых — с коррупцией^[1234]. Т. Франк полагал, что целью этого «безрассудного плебисцита»^[1235] «было, очевидно, удержать аристократию от принятия на себя таких финансовых обязательств, которые побудили бы ее использовать свои органы власти (сенат и суды) против всадников и ростовщиков»^[1236]. Однако это не более чем декларация, поскольку аргументов в пользу такого толкования ученый не приводит. Налицо также очевидные несообразности: Т. Франк отделяет ростовщиков от всадников, хотя первые зачастую были представителями *ordo equester*. Закон преподносится как акт, принятый в защиту всаднического сословия^[1237], однако у Плутарха говорится лишь об ограничениях, наложенных на сенаторов; кроме того, мы не знаем, у кого больше они брали в долг — у других *patres* или у *équités*. Неясно также, были ли заинтересованы последние в резком сужении возможностей кредитования сенаторов.

Л. Томмен считает, что эта мера, относившаяся, по сути, к числу

законов о роскоши (*Luxusgesetze*), имела целью разрешить проблему не только задолженности сенаторов, но и кризиса кредитной системы, в конечном же счете — улучшить экономическое положение. Предполагалось что задолжавшие *patres* продадут свои земельные владения, чтобы всадники обрели новые возможности для надежного вложения денег. Помимо этого, Сульпиций стремился сохранить старинный «идеал», в соответствии с которым сенаторы не должны заниматься ни торговлей, ни денежными операциями^[1238].

Эта точка зрения не может быть принята по причинам, частью уже изложенным выше — ни о каких «новых возможностях» для всадников речи не шло, так как они утрачивали обширную клиентуру в лице сенаторов, да и всадников в данном контексте не следует жестко отделять от сенаторов, поскольку многие *patres* также занимались (достаточно вспомнить Катона Старшего) ростовщичеством и коммерцией, а многие всадники, подобно сенаторам, имели земельные владения^[1239]. К тому же в источнике не сказано, что сенаторы должны были продавать земельные владения — мелкие долги могли быть покрыты и иными средствами. Спорен и вывод о стремлении реформатора помешать сенаторам заниматься торговлей и финансовыми сделками — деньги требовались для самых разных видов деятельности, в том числе и для политической борьбы.

А. М. Стоун предполагает, что мотивы Сульпиция носили карательный характер — он желал очистить сенат от всех, у кого была хоть какая-то задолженность, а заодно ограничить возможности финансирования «улицы» со стороны Цезарей. Впрочем, как признает исследователь, и сам Сульпиций, когда-то весьма богатый, по той же причине увяз в долгах, что стало известно лишь после его смерти. Кроме того, этот закон снискал ему поддержку тех самых ростовщиков, которые всего год назад убили Семпрония Азеллиона (Stone 2002, 210).

Прежде всего непонятно, как сам Сульпиций избежал бы исключения из сената за долги — скрыть таковые, учитывая их масштабы (если, конечно, верить Плутарху), было бы невозможно. А такие ограничения для сенаторов, как уже говорилось, резко сузили бы сферу кредитования, в чем ростовщики вряд ли были заинтересованы. И уж вовсе умозрительный характер носит предположение А. М. Стоуна относительно Цезарей, не подтверждаемое даже косвенными данными источников.

По мнению Р. Эванса, посветившего этому закону специальную статью, цель Сульпиция состояла в том, чтобы очистить сенат от большинства его тогдашних членов и открыть дорогу новому поколению

patres из числа всадников^[1240]. При этом Марий, союзник трибуна, никакого ущерб, как человек очень богатый, от закона не нес (Evans 2007, 85-94).

Согласиться с этой трактовкой также невозможно. Прежде всего необходимо учитывать, что в источнике не сказано об исключении из сената тех, чьи суммы превышали 2000 денариев, а также не уточнено, идет ли речь о действующих сенаторах, или о будущих. Наконец, если бы закон предусматривал чистку среди сенаторов, как обычно считается^[1241], «это стало бы революцией куда большей, чем те, какие видел Рим»^[1242]. Ведь речь шла о сумме, даже не относительно маленькой (Evans 2007, 85), а просто ничтожной (Neumann 1881, 512). Это вызвало бы взрыв возмущения в сенате, что, безусловно, отразилось бы в античной традиции. Однако мы узнаем о законе, как отмечает сам Р. Эванс, лишь из одного источника, и притом почти случайно (Evans 2007, 87). Посему весьма вероятно недопонимание Плутархом рассматриваемой меры (Long 1866, 219). То же касается и рассуждений Р. Эванса о причинах огромной задолженности Сульпиция — цифра «три миллиона (*μυρίαδας τριακοσίας*)»^[1243] вызывает серьезные сомнения. И дело тут не только в сугубо инвективном характере всего пассажа Плутарха, что уже само по себе настораживает. (Достаточно вспомнить абсурдное утверждение, будто Сульпиций прямо на форуме подсчитывал доходы от продажи прав гражданства (!), торговать которыми он не мог просто в силу отсутствия необходимых полномочий.) Напомним также, что Веллей Патеркул (II. 18. 5) в характеристике Сульпиция пишет о его богатствах (*opibus*), зато о другом плебейском трибуне, Г. Скрибонии Курионе, чьи долги были вдвое меньше сульпициевых^[1244], отзывается как о *suae alienaeque et fortunae et pudicitiae prodigus*, расточителе своего и чужого состояния и целомудрия (II. 48. 3). Таким образом, достоверность сведений об астрономической задолженности Сульпиция как минимум оказывается под вопросом^[1245] и потому вряд ли может служить опорой для каких-либо выводов. Поэтому и рассуждения о том, будто ее причиной стало то, что Сульпиций на свои деньги содержал небольшую армию, также очень спорны, тем более что в существовании столь крупного отряда есть основания усомниться (см. ниже).

Как же тогда трактовать этот пассаж Плутарха^[1246]? Мы можем ограничиться лишь догадками, учитывая неконкретность сообщения греческого писателя, который вслед за своим источником имел целью не объяснить суть закона, а показать порочность Сульпиция. Речь шла, видимо, лишь о каком-то конкретном виде долга. Можно также

предположить, что *lex Sulpicia de aere alieno senatorum* каким-то образом стеснил Суллу или кого-то из его друзей, чем и обусловлена столь враждебная реакция на закон, отразившаяся у Плутарха. Так или иначе, но видеть в этом вырванном из контекста сообщении свидетельство антисенатской позиции трибуна оснований явно недостаточно^[1247].

Рассмотрим теперь широко используемое для доказательства упомянутого тезиса сообщение Плутарха о 600 молодых всадниках, которых Сульпиций будто бы именовал «антисенатом» (ἀντισύγκλητον ὠνόμαζεν: Mar. 35.2; Sulla. 8.3). Обычно это сообщение принимается учеными^[1248], хотя еще Моммзен резонно указал, что оно восходит к рассказам врагов трибуна^[1249]. Несомненно, что Сулла, чьи воспоминания активно использовались последующими авторами, был заинтересован в том, чтобы изобразить себя защитником сената, а своих врагов — его недругами. Э. Бэдиан настаивает на недостоверности сообщения Плутарха, поскольку для «термина» «антисенат» нет латинского слова, а потому он является ученой конструкцией. Кроме того, в эпоху, когда сенат насчитывал примерно 300 человек, у Плутарха вдруг заходит речь о 600^[1250], а столько их стало только после реформ Суллы^[1251]. А. Кивни возразил на это, что слово ἀντισύγκλητος могло передаваться описательно, как предположил Э. Линтотт^[1252], число же сенаторов не так важно — главное, указать на существование «антисената» (Keaveney 1983b, 55). В этих аргументах много верного, тем более что численность *patres* в сенате после пополнения его Суллой могла быть и меньше, порядка 450-500 человек^[1253]. Но само по себе указание на столь значительное число членов сугубо неформального объединения, «антисената», понятно с пропагандистской точки зрения, но абсурдно с любой другой. Кто и как считал этих людей? Почему это единственное сообщение, прямо предполагающее враждебные отношения Сульпиция и сената, содержится в крайне пристрастном источнике, каковым является соответствующий пассаж Плутарха? Почему у других античных авторов оно не встречается вообще (Werner 1995, 322, Anm. 469), что крайне странно, учитывая исключительность этого факта? Неясно, наконец, в какой обстановке произносились интересующие нас слова, что имеет немаловажное значение — одно дело, если они прозвучали на сходке или в сенате, и совсем другое, если во время пирушки. Вероятнее, что трибун называл своих друзей в шутку^[1254] просто сенатом, не имея в виду задеть этим *patres* — никто же не рассматривает как политический выпад выражение «сенат собутыльников (*senatus congerronum*)» у Плавта (Most. 1049). Однако противники Сульпиция могли осуществить нехитрую

подмену понятий: сенат в Риме только один, и любой другой, поскольку самим фактом своего существования оспаривает его права^[1255], может быть лишь враждебным ему, т. е. «антисенатом». Не исключено, что это слово, отсутствующее в латинском, появилось в грекоязычном источнике, каковым вполне могли быть мемуары Суллы.

Так или иначе, сколь-либо убедительных оснований считать, что Сульпиций пребывал в конфликте с сенатом или его большинством, причем уже к моменту внесения своих законопроектов, у нас нет^[1256]. Напротив, имеются косвенные данные в пользу того, что отношения реформатора с *patres* в указанное время были не так уж плохи — не сообщается о недовольстве *patres* ни законопроектами Сульпиция^[1257], ни даже его насильственными действиями в отношении консулов, ни о том, что сами эти действия затрагивали сенат. Можно, конечно, объяснив все неполнотой изложения античных авторов, считавших это чем-то само собой разумеющимся. Или же просто тем, что их интересовало противостояние Суллы и Мария, а не позиция сената. Но тогда перед нами тот случай, когда к молчанию источников можно применить цicerоновское *cum tacent, clamant*. Ведь ни один из девяти плебейских трибунов — коллег Сульпиция не наложил вето на его законопроекты, что было бы практически неизбежно в случае противостояния реформатора с сенатом^[1258]. Кроме того, после введения неприсутственных дней люди Мария и Сульпиция совершили вооруженное нападение на консулов, в ходе которого погиб сын одного из них, Помпея. Случай этот был вполне подходящим для издания *senatus consultum ultimum*, но его, насколько известно, не последовало, хотя ничто не мешало принять таковое сразу же после отмены *feriae* Суллой.

Оборотной стороной отношения сенаторов к трибуну-реформатору было, видимо, их отношение к консулам того года. Сулла, чьи предки после 277 г. не занимали консульской должности, добился ее лишь в 50 лет, т. е. через 7 лет после *suo anno*, а когда он женился на Метелле, это породило недоброжелательные разговоры^[1259]. Вряд ли улучшению его репутации в глазах нобилей способствовал происшедший незадолго до этого инцидент, когда он не покарал воинов, убивших легата Авла Постумия^[1260]. У коллеги Суллы, Помпея Руфа, был только один предок-консул в роду, а сам он вел себя весьма вызывающе по отношению к нобилитету. Во время своей городской претуры в 91 г. он запретил пользоваться имуществом сыну прославленного Фабия Аллоброгского, под предлогом его непомерной страсти к роскоши^[1261]; Сулла же с ним, как известно, породнился, отдав за его сына свою дочь от первого брака^[1262]. Не

вызывает удивления инертная позиция *patres* в условиях противостояния консулов с трибуном^[1263].

Но почему же тогда Сулла после взятия Рима провел закон, расширявший права сената, поскольку теперь плебейским трибунам без его одобрения запрещалось вносить законопроекты в комиции (App. BC. I 59. 266)? Причина, думается, проста: сделал он так во избежание ситуации, в которую попал сам, когда незадолго до этого народное собрание по инициативе «смутьянов» лишило его командования. В случае, если бы такой законопроект прошел предварительное обсуждение в курии, вероятность его одобрения оказалась бы близкой нулю, поскольку нового возвышения Мария, судя по событиям Союзнической войны, сенаторы явно не желали.

Каковы же были отношения реформатора с *ordo equester*? На чем основывается популярный в историографии тезис о его союзе с всадниками? Сторонники этой точки зрения ссылаются на слова Плутарха о том, что при Сульпиции находилось 600 молодых людей из всаднического сословия^[1264], которых он называл «антисенатом» (Mar. 35.2: ἑξακοσίους μὲν εἶχε περὶ αὐτόν τῶν ιπλικῶν οἶον δορυφόρους; см. также: Sulla. 8.3). Л. Парети полагает, что рассказ Плутарха (Sulla 8.2) о том, как трибун прямо на форуме подсчитывал деньги за продажу им гражданских прав (ὅς γε τὴν Ῥωμαίων πολιτείαν ἐξελευθερικοῖς καὶ μετοίκοις πῶλῶν ἀναφανδὸν ἠρίθμει τμηὴν δια τραπεζῆς ἐν ἀγορᾷ κείμενης), свидетельствует о подкупе его всадниками^[1265], они же, по мнению итальянского ученого, содержали и упоминавшийся выше трехтысячный вооруженный отряд Сульпиция (Pared 1953, 556).

Однако эти аргументы представляются неубедительными. В научной литературе уже указывалось, что присутствие при Сульпиции 600 молодых людей из всаднического сословия^[1266] отнюдь не означает массовой поддержки трибуна всадниками. Речь могла идти, как резонно указывает А. Кивни, о сыновьях сенаторов (Keaveney 1983b, 54, п. 4). Эпизод же с подсчетом денег на форуме^[1267] был связан с дарованием прав гражданства вольноотпущенникам и «метекам», многие из которых вполне могли заплатить за себя сами, не говоря уже о других возможных трактовках^[1268].

Но исследователи не ограничились прямыми сообщениями источников (увы, весьма скудными), подкрепляя теорию о союзе Сульпиция с *ordo equester* также и косвенными соображениями. Высказывалась, в частности, точка зрения, согласно которой всадники, или, конкретнее, публиканы, опасались, что в случае назначения в Азию Суллы в ущерб их интересам

там будут распоряжаться оптиматы, и предпочли ему Мария и его союзника Сульпиция^[1269]. Источниками это суждение не подтверждается, и прежде всего противопоставление откупщикам «оптиматов» — термин, для 80-х гг., как уже говорилось, надежно не зафиксированный. Не приводится доказательств того, что Сулла к тому времени давал публиканам основания для опасений - вполне вероятно, что за отсутствием таковых. Э. Габба (1976, 82-84) предложил иную формулировку: господство «консерваторов» вело к снижению активности Рима на Востоке, тогда, как их противники выступали за энергичную военную и экономическую экспансию. По словам Б. П. Селецкого (1983, 160), Сулла, «несмотря на все свои громкие победы над Митридатом», в итоге лишь «восстановил *status quo*, не приобретя ни вершка новой территории». Следует, однако, отметить, что побед над самим царем Понта будущий диктатор не одерживал, мир с ним заключил лишь устно и не пошел на аннексии только из-за нехватки сил, которые требовались ему для войны с марианцами (Keaveney 2005a, 89-90). Строго говоря, нет доказательств того, что и Марий присоединил к Риму какие-либо земли в результате побед над Югуртой и германцами. Стоит напомнить, что всадническое сословие не было чем-то единым, его представители поддерживали различных политиков^[1270], а потому Марий, даже пользуясь популярностью у большинства *équités*, в разных ситуациях мог выражать интересы отнюдь не всего их сословия^[1271]. В 88 г., правда, шла речь «лишь» о том, чтобы очистить от врага Азию, здесь арпинат, казалось бы, мог быть выразителем интересов откупщиков — наиболее сплоченной и активной группы в сословии всадников (Meier 1966, 75-76); тем более что и сам он имел материальные интересы в Азии^[1272]. Однако, как уже отмечалось, в источниках нет даже косвенных указаний, которые позволяли бы как-то объяснить острое неприятие Суллы публиканами, а выступать против него «на всякий случай», да еще прибегая к подобным методам, они вряд ли стали бы — в предшествовавшие десятилетия их отличала консервативность в политических вопросах (Meier 1966, 75-77). Кроме того, союз Сульпиция с Марием, как уже говорилось, возник не сразу, и потому связи всадников с последним никак на их отношение к трибуну не влияли. Можно предполагать, что он пользовался поддержкой лишь определенной части всадников, а именно тех, «чьи личные контакты и деловые интересы тесно связывали их с контрагентами в латинских и италийских городах» (Williamson 2005, 330).

Поистине грандиозную теорию развивает Эд. Майер: «Вся внутренняя история Рима в эту эпоху, вплоть до уничтожения всадничества Суллой (!

— А. К.) — это борьба сената и всадников за господство. Марий всегда защищал интересы всадников, и когда Сульпиций захотел передать ему от Суллы командование, то это представляло собой попытку забрать у сената лучшую (*wichtigste*) армию и, что следует особенно учитывать, важнейшую из провинций (Азию) и [тем] укрепить [позиции] всадничества. Речь шла отнюдь не о “третьестепенном вопросе о том, кто из офицеров будет назначен командующим на Востоке” (Mommsen, *röm. Gesch.* II⁷, 256), но о господстве над римской державой». Ослабление же всадников, по мнению Эд. Майера, произошло в результате *lex Plautia iudiciaria* 89 г., подорвавшего их влияние в судах (Meyer 1910, 433, Anm. 1). Как видим, немецкий ученый сильно преувеличил политическое влияние и единство *ordo equester*, о котором после известной монографии К. Николе говорить не приходится^[1273].

В подобном же духе рассуждает и К. Майер. По его мнению, распределение новых граждан по всем трибам давало преимущества всадникам, которые могли теперь рассчитывать на поддержку новых граждан в борьбе против сенатского большинства, особенно на выборах. К тому же в случае успеха Сульпиция всадники могли вернуть себе господство в судах. С первым из названных тезисов согласился Э. Бэдиан^[1274]. Однако это, как представляется, не более чем умозрительные конструкции — ведь влиятельные нобильские фамилии могли рассчитывать равным образом на поддержку их новыми гражданами не меньше, чем старыми.

Иными словами, каких-то «особых отношений» со всадниками у Сульпиция не просматривается. Но это отнюдь не означает, что он игнорировал их интересы. Более вероятно, что трибун-реформатор «был выдвинутым влиятельных группировок в сенате и среди всадничества, которые стремились проводить политику, используя новые возможности, возникшие в результате [Союзнической] войны»^[1275].

Думается, проделанный анализ позволяет сделать следующие заключения. Традиционная картина противостояния Сульпиция римским верхам сменяется иной: в сущности, единственными активными противниками законопроектов трибуна оказались лишь консулы Луций Корнелий Сулла и Квинт Помпей Руф. Их позиция явно оказалась для него неожиданностью, что неудивительно: Помпей был его другом (Cic. *Lael.* 2), к тому же совсем недавно, в декабре 89 г., Сульпиций помог ему и Сулле в предвыборной борьбе, выступив против незаконно домогавшегося консулата Цезаря Страбона, а потому он имел все основания рассчитывать

как минимум на их лояльность^[1276]. Тем не менее консулы пошли на конфликт с трибуном, но о сколь-либо серьезной поддержке их сенаторами источники не сообщают. И это несмотря на значительное влияние на многих античных авторов, сулланской традиции, представители которой были заинтересованы в том, чтобы изобразить Суллу защитником сената.

Несостоятельна и еще одна версия Аппиана (или, вероятнее, его источника) — утверждение, будто Марий сначала хотел осуществить распределение *cives novi* по всем 35 трибам, а потом с их помощью добиться своего избрания на должность командующего армией, которой предстояло воевать с Митридатом. При этом Сульпиций, по словам Аппиана, «после того как неприсутственные дни были отменены и Сулла уехал из Рима, провел утверждение законопроекта [об италийцах] и то, ради чего все это было устроено: немедленно же вместо Суллы полководцем в войне против Митридата был избран Марий (οὐ χάριν ἀπαντα ταῦτα ἐγίνετο, Μάριον εὐθύς ἐχειροτόνει τοῦ πρὸς Μιθριδάτην πολέμου στρατηγεῖν ἀντί Σύλλα)» (App. BC. I. 55. 242; 56. 249). Обращает на себя внимание «фигура умолчания» — александрийский автор не говорит прямо, что именно принятие закона Сульпиция о *cives novi* и обеспечило назначение Мария командующим на Востоке (т. е. *cives veteres* за него не проголосовали бы), хотя это достаточно очевидно следует из текста. Однако такая трактовка событий Аппианом (или его источником) не выдерживает критики: принятие решения о распределении новых граждан не означало, что они успеют проголосовать за передачу командования Марию^[1277]. Ведь нужно было еще осуществить процедуру внесения италийцев в списки граждан, а это требовало времени куда больше, чем оставалось до плебисцита по вопросу о командовании^[1278]. И то, что Аппиан, как и в предыдущем случае, лишь намекает (пусть и весьма прозрачно) на «правильный» вариант трактовки событий, но от прямых утверждений воздерживается, весьма показательно. Вполне возможно, что он просто воспроизводил позицию своего информатора, который не решился изложить свои сомнительные интерпретации *expresses verbis* и ограничился намеками.

Таким образом, картина видится следующей. Публий Сульпиций вопреки распространенному в историографии мнению обеспечил себе поддержку или как минимум благожелательный нейтралитет большей части сената и всадничества; за его проект готовы были проголосовать (и проголосовали) комиции, однако он не учел опасностей, которые таило в себе сопротивление консулов. Это заставило его прибегнуть к союзу с

Марием, обернувшись походом Суллы на Рим и началом гражданской войны. Но предвидеть этого ни Сульпиций, ни его новый союзник, да и вообще кто-либо в то время не мог.

PLEBS URBANA В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Роль плебса в событиях гражданской войны прослеживается преимущественно на ее начальном этапе. Его позиция серьезно заботила Сульпиция — если верить Цицерону (Brut. 306), во время трибуната он (напомним, выдающийся оратор) ежедневно выступал на сходках (*in tribunatu cotidie contionatus*). Это скорее всего, преувеличение, но в том, что Сульпиций агитировал за свои законопроекты чрезвычайно энергично, сомневаться не приходится — как известно, одобрение закона на сходках практически гарантировало успех во время голосования в комициях (Morstein-Marx 2004, 124). По Аппиану (BC. I. 55. 243-244), многие *cives veteres* возражали против *rogatio* Сульпиция, чем, надо полагать, и была обусловлена его исключительно высокая активность. Правда, *lex de novorum civium libertinorumque suffragiis* лишь продолжал серию аналогичных мероприятий (*lex Iulia, lex Plautia Papiria*) (Lanzani 1915, 17), а потому, казалось бы, не должен был вызвать особого неприятия, но война уже заканчивалась, и большой вопрос, насколько римляне были склонны к дальнейшим уступкам. Как известно, до 90 г. комиции раз за разом проваливали законопроекты о расширении прав италийцев, охотно принимая законы об их ограничении. Последний из их числа, *lex Licinia Mucia*, был принят семью годами ранее, в 95 г. (Millar 1986, 9-10). На улицах Города происходили схватки противников трибуна с его сторонниками (App. BC. I. 56. 244), однако масштабы их неясны. Аппиан изображает дело так, будто столкновение достигло угрожающих масштабов (μείζονος αἰεὶ γυνόμενου τοῦ κακοῦ) и консулы накануне голосования объявили неприсутственные дни^[1279]. О цели этого решения прямо не говорится, но намек вполне понятен — Сулла и Помпей Руф хотели избежать беспорядков. Однако способ достичь этого был весьма странным, ибо сами по себе неприсутственные дни положить конец стычкам не могли. Если же подразумевается, что консулы не желали допустить ненужных жертв во время голосования то и это соображение малоубедительно: в стычках на улицах Города участвовали *cives novi*, заинтересованные в законе Сульпиция^[1280], тогда как в комиции их не допустили бы, что обеспечило бы куда более выгодные условия их противникам. В бесконечных же уличных схватках могло пострадать людей едва ли не

больше, чем в предполагаемой схватке в комициях. Таким образом, причины были явно иные, и единственным возможным объяснением нам представляется нежелание консулов ставить вопрос на голосование из-за опасения перед его неблагоприятным для них исходом^[1281]. Однако ни о каких беспорядках или насилии в комициях во время голосования уже после того, как Сулла отменил *feriae*, источники не сообщают, хотя просулланская традиция вряд ли умолчала бы о таком обстоятельстве^[1282]. К тому же Сульпиций и Марий просто не смогли бы оказать давление на комиции — такое было по силам лишь полководцам, располагавшим преданной армией.

Если к трибуну плебс в целом отнесся лояльно, то Сулле, как известно, некоторая его часть оказала сопротивление при штурме Рима (Plut. Sulla 9.11; App. BC. I. 57. 258). Однако число сторонников Сульпиция и Мария оказалось, судя по всему, небольшим, поскольку борьба на улицах Рима продолжалась недолго судя по той легкости, с которой консулы овладели Городом, а также отсутствию сообщений о множестве убитых жителей, что наверняка отразилось бы в источниках. Основная масса плебса, похоже, вообще не участвовала в столкновении с армией Суллы^[1283]. В то же время, нет сведений, чтобы на сходке после взятия Города ему выразили неудовольствие — вероятнее всего, народ был ошеломлен случившимся. Зато во время выборов, когда сенат и народ пришли в себя и увидели, что консулы не угрожают репрессиями «конституционной» оппозиции, кандидаты Суллы, как уже говорилось, были провалены на выборах, а избранными оказались люди, по большей части ему как минимум не симпатизировавшие.

После отъезда Суллы, когда Цинна предложил восстановить законы Сульпиция, в Город прибыли вооруженные италийцы, которым другой консул, Октавий, противопоставил толпу своих сторонников, причем в результате побоища якобы погибло порядка 10 тысяч сторонников Цинны (см. выше, с. 193). И пусть цифра эта явно преувеличена, ясно, что речь шла о кровавом столкновении на улицах Рима, недаром Цинне пришлось бежать — не вызывает сомнений, что он попросту опасался за свою жизнь. Столь же несомненно, что значительная часть плебса активно выступила против него, хотя еще совсем недавно проголосовала за те самые законы, которые Цинна теперь пытался восстановить. При этом в источниках умалчивается об участии в столкновениях на стороне Цинны римских плебеев, что крайне маловероятно, и в то же время легко объясняется тенденциозностью источников — вспоминается рассказ о Марии, чье

избрание командующим в войне с Митридатом подается как результат поддержки *cives novi*. Трудно поверить в то, что никто из римского простонародья не поддержал Цинну (хотя бы за деньги), другое дело, что таковых вряд ли было так уж много.

Почему же менее чем за год так резко изменилась позиция *plebs urbana*? Поскольку прямого ответа источники не дают, приходится ограничиться на сей счет более или менее вероятными предположениями. Наверняка в Риме велась активная пропаганда против проиталийского закона, тем более что среди трибунов оказались его противники, к тому же принятые однажды законы Сульпиция привели к взятию Города, и не было уверенности; что нечто подобное не повторится (и повторилось в 82 г., хотя уже наряду с другими причинами).

Когда же началась осада Рима войсками Цинны, а затем и Мария, об активности плебса при его обороне источники не сообщают; не упоминается даже о воинском наборе — за помощью сенат отправил гонцов в другие города (τάς ἑτέρας πόλεις), в Цизальпинскую Галлию и к Помпею Страбону (App. BC. I. 66. 303). Единственный ее всплеск связан отнюдь не с сопротивлением неприятелю — речь идет об осквернении останков Помпея Страбона во время похорон, когда толпа стащила тело покойного с погребальных носилок и протащила его по грязи, хотя потом сенаторы и плебейские трибуны^[1284] вмешались и восстановили порядок^[1285]. В. Друман полагает, что эту акцию плебса организовали оптиматы (Drumann 1908, 331), т. е., надо полагать, недруги Помпея Страбона среди влиятельных сенаторов, каковых у него, судя по всему, хватало; однако куда вероятнее, что это было спонтанное проявление ненависти толпы по отношению к военачальнику, считавшемуся плебсом во многом ответственным за то тяжелое положение, в котором оказался Город^[1286].

В дальнейшем мы узнаем лишь о том, что сенат опасался выступлений плебса из-за начавшегося голода. Как следует из Аппиана, страх перед народными волнениями, если голод не прекратится (εἰ βραδύνειεν ἡ σιτοδεία)^[1287], заставил сенат пойти на переговоры с Цинной, а после первой встречи с ним, не принесшей конкретных результатов, «многие свободнорожденные массами стали устремляться к Цинне (ἐλανελθόντων, πολλοί καί τῶν ἐλευθέρων ἤδη κατά πλήθος πρός τόν Κίνναν ἐξελήδων, οἱ μὲν), одни из страха перед голодом (περί τῷ λιμῶ δεδιότες), другие же потому, что они и раньше стояли на его стороне» (BC. I. 69. 316-317). Не вызывает сомнений, что под теми, кого пугал голод, имеется в виду городская беднота.

Более о плебсе в источниках в связи с событиями гражданской войны не упоминается. Очевидно, после неудачной попытки сопротивления воинам Суллы плебс быстро понял свою неспособность эффективно бороться с армией. Нет сведений также о готовности множества римских бедняков служить в армии для отпора Марию, Цинне или Сулле. Не слышно также и о выдвижении каких-либо требований в пользу плебса^[1288]. Единственный эпизод, где отразилась также и его позиция, это эдикт Гратициана, за который он, как уже говорилось, удостоился почитания «во всех городских кварталах (*omnibus vicis*)» (Cic. Off. III. 80). По всей вероятности, плебс не имел оснований быть недовольным циннанским режимом^[1289] (после прекращения боевых действий в 87 г., разумеется). В 82 г. жителям Города, т. е. опять-таки прежде всего простолюдинам, пришлось испытать голод (App. BC. I. 88. 406), однако нет признаков того, что они проявили хоть какую-то активность на последнем этапе борьбы — как и большинство италийцев. Причем, если выказавшие благожелательный нейтралитет по отношению к Сулле италийские общины от него не пострадали, то *plebs urbana* в результате его победы понес серьезный ущерб, лишившись одного из своих крупнейших завоеваний со времен Гракхов — хлебных дотаций^[1290]. С момента введения они служили предметом ожесточенных нападков со стороны консерваторов, с которыми ассоциировал себя Сулла, и их сохранения от него ожидать было трудно.

АРМИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Гражданская война 88—82 гг. началась с военного мятежа, который подняли Сулла и его солдаты. Это был далеко не первый случай вмешательства солдат в политическую жизнь, однако на сей раз оно приняло крайние формы (Nicolet 1976, 188). В историографии долгое время бытовало мнение о том, что реформа Мария привела к профессионализации римской армии и сделала «возможными гражданские войны, закончившиеся лишь с установлением принципата»^[1291]. Однако процесс этот завершился намного позже начала гражданских войн, уже в эпоху Империи (Nicolet 1988, 385-386), а потому преувеличивать значение реформы Мария в этом отношении не стоит — нет никаких оснований считать, что малоимущие составляли большинство в армии и имели какие-то особые интересы, не говоря уже о лоббистском ядре, чтобы эти интересы отстаивать^[1292]. Кроме того, даже если воины владели земельными участками, ничто не мешало им добиваться новых, тем более что многие имели двух и более сыновей, которые при дроблении надела могли оказаться в очень стесненном положении.

Однако то, что войско не стало «пролетарским», не означает, что оно не могло изменить свое отношение к полководцу и государству — другое дело, насколько это связано именно с реформой Мария, а не с общей политической эволюцией вообще и условиями смуты в частности. Речь идет о возникновении т.н. клиентских армий. В историографии вопрос обсуждался неоднократно, однако противники точки зрения о существовании военной клиентелы и «клиентских армий» оказались в меньшинстве^[1293]. Такие армии появились в годы Союзнической войны — ими стали армии Суллы и Помпея Страбона^[1294]. Первая оставалась под командованием до окончания гражданской войны и последующего ее роспуска, вторая — до смерти полководца. Другими формированиями такого рода были армии Метелла Пия, Помпея, Красса. Во многом это относится и к войску Мария в 87 г. Все это свидетельствует о том, что речь идет уже не о единичных случаях, а о системе. Причем именно эти армии — что, впрочем, неудивительно — были наиболее устойчивы и боеспособны, и именно то, что большинство из них держало сторону врагов Суллы, обеспечило последнему победу.

Важным показателем изменившегося морального состояния войск являлись умножившиеся солдатские мятежи, с одного из которых и

началась сама гражданская война. И если в «клиентских армиях» они вспыхивали потому, что воины желали сохранить собственного полководца, то солдаты, призванные по набору, поднимали бунт, чтобы сменить существующего. Примерами первого являются события в легионах Суллы и Помпея Страбона, второго — в войсках Флакка и Цинны. Была и еще одна форма солдатского своеволия, особенно характерная как раз для гражданских войн — переход на сторону неприятеля, впервые происшедший в 87 г., когда легион Аппия Клавдия поддержал Цинну. Затем аналогичные случаи имели место в армиях Фимбрии, Сципиона, Карбона, Мария Младшего. Однако предводители «клиентских армий» также не были полностью застрахованы от этого — во время осады Рима воины Метелла Пия начали братание с циннанцами, что могло кончиться и сменой фронта, да и войско Фимбрии, которое вполне можно считать уже его собственной армией, легко перешло на сторону Суллы, когда сочло это более выгодным. При этом следует учесть одно обстоятельство: воинам, прослужившим уже какое-то время вместе, было проще осознать свои интересы, примером чего является армия того же Цезаря (Alston 2002, 33). Между тем воины марианских легионов, бунтовавшие против своих командиров, сплошь и рядом были еще новобранцами, но собственные интересы уже вполне осознавали, коль скоро боролись за них таким образом. Дело, видимо, в характере целей: ни в одном случае солдаты марианских армий не выдвигали экономических требований, столь популярных у воинов Цезаря^[1295]. Последние явно договаривались между собой о том, чего они ждут от *seditio*, причем при удовлетворении их пожеланий они изъявляли готовность прекратить мятеж. Требования же солдат марианских армий были не таковы, чтобы военачальники могли их выполнить — это либо отказ воевать, либо стремление перейти на сторону врага^[1296]. Они отличались большей простотой, что делало несложным их усвоение основной массой солдат, даже не осознавших себя еще в должной мере единым коллективом.

Весьма примечательно, что изменение роли армии далеко не сразу стало понятно современникам. Марию, который *mutatis mutandis* немало сделал для изменения характера армии, и в голову не пришло открыто использовать армию в борьбе за свое положение, хотя его ветераны в 100 г. сыграли заметную роль в политической борьбе. Первым это сделал его враг Сулла^[1297], да и то лишь оказавшись в очень тяжелом положении. Но даже он при принятии решения о передаче армии Помпея Страбона Помпею Руфу не подумал о собственном примере, который он явил, отказавшись

уступить командование Марию (Keaveney 1983b, 84). Объясняется это, по-видимому, не только силой инерции, но и вероятной (и очень наивной) уверенностью Суллы в принципиальной разнице ситуаций — его самого отстранили от командования *per vim*, тогда как на сей раз решение принято законным порядком. Отметим одно важное отличие этого случая от взятия Рима: если Сулла, пусть и в нарушение всех норм, брал Город, ссылаясь на то, что решение о лишении его командования незаконно, поскольку принято под давлением (насколько это соответствовало действительности — вопрос отдельный), то люди Помпея Страбона убили консула безо всяких ссылок на закон или хотя бы на справедливость, они открыто прибегли к праву сильного. При этом вряд ли можно считать, «что Помпей Страбон, как думают некоторые, обнаружил скрытый потенциал своей армии до Суллы или, во всяком случае, выступал как его подражатель» (Keaveney 2007, 79).

У нас очень мало сведений о том, как именно предводители «клиентских» армий обеспечивали их преданность. Плутарх рассуждает в связи с реквизицией храмовых сокровищ Суллой, сравнивая его с Титом Фламинином, Ацилием Глабрионом и Эмилием Павлом, которые их не тронули: «Ведь они в согласии с законом распоряжались людьми воздержными, привыкшими беспрекословно повиноваться начальствующим [...], а лезть войску почитали более позорной, нежели страх перед врагом; теперь же полководцы добивались первенства не доблестью, а насилием, и, нуждаясь в войске больше для борьбы друг против друга, чем против врагов, вынуждены были, командуя, заискивать перед подчиненными и сами не заметили, как, бросая солдатам деньги на удовлетворение их низменных потребностей и тем покупая их труды, сделали предметам купли-продажи и самое родину, а желая властвовать над лучшими, оказались в рабстве у худших из худших» (Sulla 12. 9-13). Однако здесь, как резонно замечает А. Кивни, Плутарх явно переносит на 80-е гг. реалии эпохи триумвиров^[1298], когда отношения между солдатами и военачальниками были уже совсем иными, и первые диктовали свои условия вторым, Сулла же являлся полновластным хозяином армии^[1299], тогда как Цезарю придется уже столкнуться с солдатскими бунтами^[1300].

Бесспорно, обильная добыча поддерживала симпатии солдат к полководцу^[1301], но одной ее было вряд ли достаточно — как известно, Эмилий Павел, давший воинам разграбить Эпир, популярностью у них не пользовался (Liv. XLV. 34. 1-7; Plut. Aem. 30.4). Репутация военачальника основывалась на разных составляющих, которые сформулировал Цицерон:

«Истинный полководец (*summus imperator*) должен обладать следующими четырьмя дарами: знанием военного дела, доблестью, авторитетом, удачливостью (*scientia rei militaris, virtus, auctoritas, félicitas*)» (De imp. Pomp. 28). Бесспорно, всеми этими качествами Сулла обладал, продемонстрировав их еще в Союзническую войну. К ним, несомненно, нужно добавить еще одно — умение находить общий язык с солдатами и центурионами (об этом Цицерон, естественно, умолчал, поскольку оно не укладывалось в рамки образа истинного полководца, не опускающегося до «заискивания» перед подчиненными). Наглядным примером этого стала речь Суллы к воинам накануне похода на Рим в 88 г., когда и он, и его воины прекрасно поняли друг друга^[1302]. Другой случай такого рода (даже два) мы наблюдаем накануне высадки в Италии: по словам Плутарха, солдаты по собственной инициативе (*ἄφ' αὐτῶν*) поклялись не покидать своего предводителя^[1303] и обещали не чинить насилий в Италии, а заодно предложили ему свои сбережения, считая, что он нуждается в деньгах^[1304]. Полководец поблагодарил воинов, но отказался принять, как выразился Дж. Бэйкер, «материальное выражение их лояльности»^[1305]. Почему же Сулла так поступил? Весьма вероятно, что он не хотел иметь лишних обязательств перед воинами. К тому же, столь красивый жест еще больше поднимал его в глазах солдат. Что же касается клятвы не чинить насилий в Италии, то воины соблюдали ее, судя по источникам, только до тех пор, пока Сулла после срыва соглашения со Сципионом не начал разорять неприятельскую территорию (App. I. BC. 86. 389).

Однако отношения будущего диктатора с армией не всегда были безоблачными. Как уже говорилось, ему пришлось оправдываться перед солдатами, возмущенными Дарданским миром, прибегая к измышлениям по поводу якобы возможного союза между Митридатом и Фимбрией. Примечательно также, что Сулла, если верить Плутарху, собираясь перевезти воинов в Италию, боялся, как бы, достигнув ее берегов, его воины не разошлись по домам^[1306] — для этого и понадобилась клятва^[1307], о которой только что шла речь. Но важно, что в обоих случаях все обошлось для полководца благополучно — даже если инициатива присяги исходила от воинов лишь отчасти (Сулла мог их подтолкнуть к этому умело выстроенной речью, как и в случае с походом на Рим), это мало что меняет.

Примечательно поведение солдат Помпея Страбона: после его смерти они не разбрелись и не предложили свои услуги на выгодных условиях неприятелю, но пожелали, чтобы ими командовал более достойный

полководец Метелл Пий, нежели консул Октавий, не пользовавшийся их уважением, и перешли на сторону врага лишь после того, как им отказали. Несомненно, само такое требование резко противоречило римской традиции и свидетельствовало о серьезных переменах в психологии воинов, но также и о том, что они руководствовались не только сугубо материальными соображениями — налицо проявление корпоративного сознания и, если угодно, самоуважения.

Своим «правом» на более «достойного» предводителя воспользовались и солдаты Валерия Флакка. Сначала они взбунтовались против него, предпочтя ему талантливому и удачливому Фимбрию, к тому же не обделявшего их добычей, но когда им пришлось столкнуться с превосходящими силами Суллы, они спокойно перешли на его сторону. Не случайно тот оставил *Fimbriani* в Азии (Plut. Luc. 7. 1-2; App. Mit. h. 64.265), поскольку быть уверенным в их верности или хотя бы управляемости в схватке за Италию, естественно, не мог. Сомнительно, во всяком случае, что они проявили бы ту сдержанность во время марша по Южной Италии, которая была призвана обеспечить (и наверняка обеспечила) Сулле симпатии, а то и поддержку многих жителей Апеннинского полуострова.

В то же время обращает на себя внимание поведение воинов Метелла Пия — их братание с солдатами Цинны во время осады Рима (см. выше) не переросло в массовое дезертирство, хотя обстановка к тому располагала, и войско Метелла, пусть, видимо, и небольшое, сохранялось до конца гражданской войны. Очевидно, огромную роль играла здесь личность полководца.

Таким образом, во время первой гражданской войны армия, что вполне естественно, стала играть намного более важную роль в римской политике, чем прежде, начав осознавать себя как политическая сила. Но она еще не заставляла подчиняться себе политиков в такой степени, как то произойдет во времена второго триумvirата. «Клиентские армии» оказались опорой многих честолюбивых военачальников, и именно они демонстрировали наибольшую боеспособность. При этом и воины, призванные по набору, также стали проявлять неслыханное прежде своеволие, о чем говорят убийство Цинны и неоднократные переходы на сторону неприятеля. Превращение же армии в *самостоятельную* политическую силу было еще впереди.

ОСОБЕННОСТИ ПОЗИЦИИ НОБИЛИТЕТА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

К 39 г. многие знатные фамилии утратили прежнее влияние. После 168 г. до указанного срока ни разу не были консулами Эмилии Павлы^[1308], после 164 г. — Манлии Торкваты, после 152 г. — Клавдии Марцеллы, 143 г. — Клавдии Пульхры, 134 г. — Корнелии Сципионы, 126 г. — Эмилии Лепиды, 125 г. — Фульпии Флакки, 116 г. — Фабии Максимы *etc.*^[1309] В то же время вновь укрепили свои позиции Валерии Флакки (консулаты 100 и 93 гг. после 131 г., цензура 97 г.), Лицинии Крассы (консулаты 97 и 95 гг. также после 131 г., цензура 89 г.), Домиции Агенобарбы (консулаты 96 и 94 гг. после 122 г., цензура 92 г.), Юлий Цезари (консулаты 91 и 90 гг. после 157 г., цензура 89 г.). Впервые стал консулом (99 г.) и цензором (97 г.) представитель странного, но прежде не имевшего среди своих членов обладателей этих магистратур рода Антониев. Значительно выросло число *homines novi* среди консулов — Тит Дидий (98 г.), Г. Целий Кальд (94 г.), М. Геренний (93 г.), П. Рутилий Луп (90 г.; впрочем, тогда же он и погиб).

У нас очень мало данных о политических группировках на 89 г. Союзническая война, по-видимому, серьезно повлияла на расстановку политических сил. В результате Союзнической войны, как считает К. Г. Рийкоек, перестал существовать союз Домициев Агенобарбов — Кассиев Лонгинов (Rijkhoek 1992, 119), который дал между 96 и 92 гг. трех консулов и одного цензора (Gruen 1968, 191). То же можно сказать, как полагает немецкий ученый, и о приверженцах одного из крупнейших политиков того времени — Л. Марция Филиппа (Rijkhoek 1992, 119). Но это могло быть вызвано не Союзнической войной, как думает Рийкоек, а тем, что цель — отмена реформ Друза — оказалась достигнута. (Что, впрочем, не помешало Филиппу достичь при циннанцах вершины сенаторской карьеры — цензуры.) Об ослаблении группировки Метеллов говорилось выше.

Однако очевидно, уже в конце 89 г. появляются новые группировки — сторонников и противников избрания Цезаря Страбона, а также союз Суллы, Помпея Руфа и Метеллов (см. с. 59-60, 65-66)^[1310]. Первые две *factiones* явно прекратили существование после провала Цезаря Страбона при его попытке добиться участия в выборах, с последней же дело обстоит несколько сложнее. С одной стороны, упомянутый союз просуществовал достаточно долго — Метелл Пий поддержал Суллу в гражданской войне на

ее заключительном этапе и стал его коллегой по консулату в 80 г. Но, с другой стороны, мы видели, что он не спешил присоединиться к нему и в течение кампаний 83 и 82 гг. действовал не просто автономно, а на значительном удалении от Суллы, который позднее считал великой удачей свои добрые отношения с ним во время совместного консулата в 80 г. [\[1311\]](#)

Весьма интересен вопрос о поддержке нобилиями Сульпиция. Лояльная позиция сената — т. е. прежде всего наиболее влиятельных консуляров, которые и определяли его политику — не могла быть обеспечена без группы поддержки. Источники сообщают о союзе Сульпиция с Марием, но такой союз трибун заключил уже в ходе борьбы за свои законы [\[1312\]](#). Здесь уместно вспомнить о предполагаемой дружбе Сульпиция и Друза (см. Keaveney 1979, 454 + η. 11). Можно допустить, что Скавр, в свое время советник Друза (Cic. Dom. 50), обещал поддержку и Сульпицию, чьи проиталийские проекты перекликались с замыслами трибуна 91 г., а проект *lex de libertinorum suffragiis* — с аналогичным законом Скавра, проведенным им еще в 115 г. (auct. de vir. ill. 72.5). Учитывая, что последний, возможно, умер лишь в начале 88 г. [\[1313\]](#), это тем более не исключено. К тому же Скавр как принцепс сената мог обеспечить поддержку одних и дружественный нейтралитет других сенаторов, прежде всего консуляров [\[1314\]](#). Стоит также отметить, что многим из них — прежде всего тем, кто был связан с италийскими общинами (и тем более являлся патроном какой-либо из них), распределение италийцев по всем трибам теоретически сулило определенные выгоды. Что же касается менее влиятельных союзников Сульпиция, то Аппиан (BC. I. 60. 271) называет в их числе тех, кого после взятия Рима Суллой по его инициативе объявили *hostes*, Публия Корнелия Цетега и (Марка?) Юния Брута [\[1315\]](#). В принципе они, конечно, могли быть людьми Мария, а не Сульпиция, но о прежних связях арпината с ними ничего не известно, а потому резонно предположить, что они являлись союзниками именно Сульпиция.

Взятие Рима Суллой вряд ли произвело на нобилитет положительное впечатление [\[1316\]](#), поскольку продемонстрировало пренебрежение будущего диктатора к традиционным порядкам, не предполагавшим ввода войск в Город, да еще без санкции сената. И хотя сенат не был тождествен знати, все же нет оснований полагать, что сама знать не сохраняла свой контроль над ним. Можно было бы считать, что лучше всего позицию нобилитета отражало предложение Антония сложить оружие обеим сторонам еще до взятия Города, однако неизвестно, было ли это предложение принято.

Активного сопротивления Сулле сенаторы не оказали — очевидно,

дали себя знать неожиданность ситуации и страх перед армией, однако стоит напомнить, что против расправы над Марием выступил его родственник, видный нобиль — Сцевола Авгур. В поддержку же предложения выступил, как уже говорилось, Лутаций Катул, чью позицию определяла его давняя зависть к Марию. Выражал ли он еще чьи-либо воззрения, можно только гадать, хотя это и вероятно. Во всяком случае, об активной поддержке инициативы Суллы со стороны других нобилей данных нет.

Позиция нобилитета по отношению к Сулле до его отъезда на Восток, очевидно, была умеренно оппозиционной, о чем свидетельствуют и настроения в Риме в целом — те нобили, которые сочувствовали будущему диктатору, судя по всему, прямо об этом заявлять не спешили. Не вызывает сомнений то, что трибун Вергиний (Вергилий), подавая в суд на Суллу, рассчитывал на поддержку влиятельных сенаторов, т. е. прежде всего нобилей.

Гораздо более определенная ситуация имела место во время осады Рима Цинной и Марием. В источниках упоминается немало представителей знати, принимавших участие в обороне Города. Помимо консулов Гнея Октавия и Луция Корнелия Мерулы, это Публий Лициний Красс, отец и сын (?) Катулы, Марк Антоний, Гней Помпей Страбон, Квинт Цецилий Метелл Пий, возможно, Атилий Серран. В отношении Помпея и Метелла Пия необходимы оговорки, поскольку, как мы видели, первый вел боевые действия без должной активности и даже начал переговоры с неприятелем, а Метелл Пий вообще признал Цинну консулом и удалился из Города, бросив Октавия на произвол судьбы^[1317]. В отношении Серрана мы знаем лишь, что он погиб после взятия Рима Цинной и Марием, но сведений о каких-либо его действиях в то время нет. Примечательно также, что Октавий стал первым из представителей своего рода консулом после 128 г., а последний из Мерул занимал высшую магистратуру и вовсе в 193 г. (более ста лет назад), у Цинны же был только один консул в роду, т. е. он принадлежал к числу «молодой» знати. Все это лишний раз свидетельствует о продолжавшейся «ротации» правящей верхушки, а не о ее закаменелости.

С другой стороны, часть нобилитета поддержала Цинну — иначе, собственно, он вряд ли решился бы на выступление. В числе его приверженцев мы видим достаточно знатных людей (по крайней мере, имевших в роду консулов) — Гнея Папирия Карбона и Гая Марция Цензорина. Возможно, к нему присоединился и укрывшийся после поражения Сульпиция Брут. Фимбрия был, по-видимому, теснее связан с

Марием, ибо, скорее всего, его отец или дядя был коллегой арпината по консульству в 104 г.

Во время *dominatio Cinnana* в Риме оставались виднейшие нобили — Луций Валерий Флакк (консул 100 г., цензор 97 г.), Квинт Муций Сцевола Понтифик (консул 95 г.), Марк Перперна Вейентон (консул 92 г.), Луций Марций Филипп (консул 91 г.), Луций Домиций Агенобарб (консул 94 г.). Хотя они активными сторонниками новой власти себя не зарекомендовали, но само их пребывание в Риме уже во многом легитимировало режим, законность которого особых сомнений у граждан не вызвала [\[1318\]](#).

В числе консулов в те годы мы видим, помимо вождей режима — Мария (а также его сына), Цинны и Карбона — Луция Валерия Флакка, Луция Корнелия Сципиона и Гая Норбана. Из них первые двое принадлежали к патрицианской знати, но с той оговоркой, что фамилия второго после 134 г. не имела доступа к консулату, так что времена ее расцвета остались уже в далеком прошлом [\[1319\]](#).

Нобилиями были оба цензора 86 г. — Луций Марций Филипп и Марк Перперна Вейентон, причем Перперна относился к числу «молодой» знати, поскольку являлся лишь вторым консулом в роду, а Филипп, консул 91 г., восстановил положение своей фамилии — до него последний раз ее представитель занимал консульскую должность в 169 г.

Что касается претуры, то сведения о ней применительно ко временам господства марианцев крайне скудны; к числу нобилей из тех, кто ее занимал в те годы, мы можем отнести только М. Перперну (сына цензора 86 г.) и Кв. Антония Бальба. Знатность и того, и другого (всего два консула в роду у первого и один у второго) весьма относительна.

Таким образом, римская знать оказывается представлена в кругу обладателей высших магистратур очень скромно. Однако среди марианцев были молодые нобили, которые просто еще не достигли необходимого возраста, а о ком-то соответствующие данные могли не сохраниться. Это Гней Домиций Агенобарб, Марк Юний Брут, Публий Корнелий Цетег, Квинт Минуций Терм. Следует отметить, что из них первые двое погибли, третий перешел на сторону неприятеля, судьба четвертого неясна: он был назначен Валерием Флакком во время кампании против Митридата вместо Фимбрии, который в итоге отнял у него знаки власти (App. Mithr. 52.208; Dio Cass. Fr. 104.5). Больше никаких данных о Терме нет, однако сомнительно, чтобы после этого он остался на стороне марианцев, благо его брат, у которого позднее служил Цезарь, был сулланцем (Ridley 2000, 227-228).

Что же касается других нобилей, бежавших в лагерь Суллы до 83 г., то наиболее видным из них можно считать Публия Сервилия Ватию (впоследствии Исаврийского) — претория и триумфатора. Претором успел побывать и его коллега по консулату 79 г. Аппий Клавдий Пульхр. Гней Корнелий Долабелла, консул 81 г., несомненно, до 87 г. уже входил в состав сената и, возможно, даже был претором^[1320]. Другой Гней Долабелла, поскольку он в 81 г. стал претором, также, очевидно, являлся сенатором уже во время гражданской войны (см. выше, с. 281). Катул-младший, ставший в 78 г. консулом, наверняка уже успел побывать квестором^[1321], но в состав сената, скорее всего, ещё не вошел: поскольку он, скорее всего, бежал из Рима к Сулле^[1322], то явно не попал в список сенаторов при *lectio senatus* в 86 г. (если таковое имело место вообще), а его составление проходило в 97 г.^[1323]

К окружению Суллы стоит присмотреться внимательнее. А. Кивни относит к нему преторов Ап. Клавдия Пульхра, Л. Лициния Мурену, П. Сервилия Ватию, квесторов Г. Клавдия Маррелла, М. Юния Силана, Л. Лициния Лукулла, Л. Манлия Торквата, М. Теренция Варрона Лукулла, легатов Л. Гортензия, С. Сульпиция Гальбу, А. Теренция Варрона, префекта конницы Г. Антония (Гибриды), военных трибунов А. Габиния, Л. Минуция Басила, Эруция, Гн. Корнелия Лентула Клодиана, Г. Муммия, Л. Мунация Планка, Г. Скрибония Куриона, Кв. Лутация Катула, Гн. и Л. Октавиев, П. Корнелия Лентула Суру, очень возможно — М. Антония и С. Иония Суффената. Итого 24 человека, из них 2 лишь предположительно. Менее ясно, когда присоединился к Сулле Гн. Корнелий Долабелла^[1324]. Среди перечисленных немало известных имен — Антоний, Сервилий Ватия, Сульпиций Гальба, Корнелий Долабелла, Лицинии Лукуллы, Клавдий Марцелл, Клавдий Пульхр, Юний Силан, Манлий Торкват. Однако обращает на себя внимание то, что знатность большинства из них сильно поблекла — предки Сервилия Ватии (не носившие еще этого когномена) были последний раз консулами в 202 г., Торквата — в 165 г., Долабеллы — в 159 г.^[1325], Марцелла — в 152 г., Лукулла — в 151 г., Пульхра — в 143 г., Силана — в 109 г., Гортензия и Гальбы — в 108 г. При этом Лукуллы, Силаны и Гортензии могли похвастаться лишь одним консулом в роду, а Ватии не были консулами вообще, не говоря уже о менее именитых персонажах. Таким образом, в окружении Суллы находилось немало представителей «захудавших» родов и *homines novi*, что, в общем-то, неудивительно — одни стремились возратить своим фамилиям прежний блеск (как и сам Сулла), другие — добиться «места под солнцем».

(Символично, что Плутарх сравнил мофака Лисандра и «гипомейона» Суллу.)

Вернемся, однако, к позиции основной части нобилитета. В 85 г. принцепс сената Луций Валерий Флакк выступил за соглашение с Суллой, и основная часть сенаторов его поддержала. Не вызывает сомнений, что ту же позицию заняло и большинство нобилей, т. к. новый виток гражданской войны означал непомерное усиление победителей в ущерб и без того пошатнувшемуся положению знати.

Накануне или в начале кампании 83 г. на стороне Суллы с оружием в руках выступили Метелл Пий, Гней Помпей, Марк Красс, а затем к нему начали переходить, как уже упоминалось, и другие представители верхушки, в том числе нобили Л. Марций Филипп, П. Корнелий Цетег, Л. Сергей Катилина, возможно, Гн. Корнелий Долабелла (претор 81 г.). Это означало крупный военно-политический успех Суллы, учитывая рост его военных сил, а также переход на его сторону консуляра и цензория, одного из самых видных политиков того времени — Марция Филиппа^[1326].

Своего рода ответной мерой марианцев стала расправа над четырьмя сенаторами, из которых трое были нобилиями — Сцевола Понтифик (консул 95 г.), Домиций Агенобарб (консул 94 г.) и Карбон Арвина. Обращает на себя внимание то, что Сцевола Понтифик являлся двоюродным племянником консула 115 г. Сцеволы Авгура, на чьей внучке был женат Марий Младший, Карбон Арвина — двоюродным братом его коллеги Гнея Карбона, Луций Агенобарб — дядей видного марианца Луция Агенобарба, который погибнет в Африке в 81 г.^[1327] Более или менее ясно, за что пострадал Антистий — он был тестем Помпея^[1328]. О Сцеволе известно лишь, что он готов был скорее принять свою судьбу, нежели выступить с оружием против отечества^[1329], но это в большей степени можно считать упреком в адрес Суллы, чем его врагов. Агенобарб вообще не упоминается в источниках с конца 90-х гг. (Bulst 1964, 328), однако его сестра была женой и матерью Катулов, консулов 102 и 78 гг. соответственно, второй из которых принадлежал к числу ближайших сторонников Суллы^[1330]. О Карбоне Арвине Цицерон пишет, как о «единственном гражданине» среди Карбонов, что можно понимать как указание на его антимарианскую позицию^[1331]. По мнению А. Кивни, «все четверо, очевидно, в предыдущем году навлекли на себя подозрение тем, что поддержали попытку [Валерия] Флакка достичь примирения с Суллой» (Keaveney 2005a, 118). Однако, во-первых, эта попытка имела место не в предыдущем, а в позапрошлом году по отношению к 82 г., а во-вторых, ее поддержало гораздо большее число

сенаторов, и не вполне понятно, почему кара постигла столь немногих мнимых или действительных оппозиционеров. Во всяком случае, явно ошибочным представляется утверждение У. Лаффи, будто теперь нобилитет сплотился против группировки, которая «угрожала задушить его» (Laffi 1967, 260). Напомним также, что некоторые нобили до последней возможности сражались с Суллой, не желая переходить на сторону победителей — в их числе Марк Юний Брут, покончивший с собой у берегов Сицилии, и Гней Домиций Агенобарб, погибший в Африке, что, несомненно, свидетельствовало об ожесточенности борьбы внутри нобилитета, а не его сплоченности.

В заключение можно сказать, что нобили встречались как среди сулланцев, так и среди их недругов, но в целом позицию знати лучше всего продемонстрировало поведение сената в 85 г., когда он пытался предотвратить гражданскую войну. И хотя большинство *patres* вряд ли были нобилиями, инициатива исходила от Валерия Флакка — человека, чья родовитость не вызывала сомнений, отпрыска старинной патрицианской фамилии, который наверняка выражал не только собственную позицию — ведь если бы знать была недовольна ею, это наверняка нашло бы отражение в источниках. Посему вряд ли можно считать Суллу «аристократическим генералом» (Трухина 1986, 53). Как резонно замечают Ф. Кассола и Л. Лабруна, «сулланцы и антисулланцы составляли меньшинство, не соблюдавшее правил игры, на которое поэтому без особой симпатии взирали прочие нобили» (Cassola, Labruna 1991, 317). Среди же тех нобилей, которые играли активную роль в гражданской войне, большинство составляли достаточно молодые люди, вероятно, надеявшиеся в ходе *bellum civile* добиться для себя куда большего, нежели в условиях мира.

УЧАСТИЕ РАБОВ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

Естественно, что рабы не представляли собой ни в политической жизни Рима вообще, ни во время гражданской войны в частности сколько-либо самостоятельной силы. Однако мы могли видеть, что их участие в событиях было достаточно заметным. Их обрекало на это прежде всего положение исполнителей воли господ — в таком качестве они использовались еще во время гракханского движения, причем обеими сторонами (Plut. Tib. Gr. 18.3; C.Gr. 14.4; 17. 2-3; App. BC. I. 26. 117). Рассмотрим сначала случаи их участия (или попыток привлечения к таковому) в крупных столкновениях 88—82 гг.

При описании взятия Рима Суллой в 88 г. источники упоминают об обещании Марием свободы тем рабам, которые примут участие в бою на их стороне. По Плутарху, на этот призыв откликнулось всего трое, по Аппиану же и вовсе ни одного (Plut. Mar. 35.7; App. BC. I. 58. 262-263). Аппиан пишет, что в 87 г. Цинна, терпя поражение от сторонников Октавия, «пустился бегом по Городу и стал сзывать к себе рабов, обещая им свободу (ἀνα τὴν πόλιν εθεῖ τοὺς θεράποντος ἐπ' ἐλευθερία συγκαλῶν). Но ни один раб к нему не присоединился» (BC. I. 65. 293).

Как будто бы более удачлив оказался Марий, который, если верить древним авторам, после высадки в Италии в 87 г. набрал в Этрурии целую армию из невольников. По словам Флора (III. 21. 11), он «легко собрал войско, вооружив рабов и — о ужас! — [открыв] эргастулы» (*servitia — pro nefas! — et ergastula armantur*). О том же пишут и другие античные авторы (Plut. Mar. 41.4; de vir. ill. 67.4).

Еще один примечательный эпизод произошел, если верить античным авторам, уже во время осады Рима Цинной и Марией. Цинна будто бы объявил через глашатаев (κῆρυκας), что все рабы, которые перейдут на его сторону, получают свободу, и многие откликнулись на его призыв (App. BC. I. 69. 316; de vir. 111. 69.1). Когда же совет пообещать свободу рабам, которые примут участие в обороне Города, дали консулу Октавию, тот гордо отказался (Plut. Mar. 42.4).

Наконец, некоторые античные источники отводят рабам значительную роль в осуществлении марианских репрессий. По словам Плутарха, «многих они убили по приказу или по знаку Мария (οὗτοι πολλοὺς μὲν ἀπὸ φωνῆς, πολλοὺς δ' ἀπὸ νεύματος ἀνήρουν προστάσσοντος αὐτοῦ)» (Mar. 43.5), причем многие будто бы успели уже стать людьми влиятельными

(ισχυρούς) и богатыми (πλουσίους) (Sert. 5.7). Аппиан приписывает бесчинства людям Цинны (BC. I. 74. 343). Эксуперанций уверяет, будто знать избивали по произволу беглых невольников (4. 28Z: *nobilitas omnis ad fugitivorum trucidaretur arbitrium*). Закончилось все это, как уже говорилось, уничтожением вчерашних рабов Серторием по приказу Цинны (см. с. 185-189).

Последнее упоминание о сколь-либо заметной роли рабов в ходе *bellum civile* относится к событиям в Африке в 84 или 83 г., когда марианский наместник Фабий Адриан будто бы пытался завладеть *regnum* в еврейской провинции, опираясь на рабов (Oros. V. 20. 3; Ps.-Ascon. 241 St., см. с. 326-327).

Насколько достоверны перечисленные сообщения?

Нередко указания источников о призыве Мария и Сульпиция в 88 г. [\[1332\]](#) и Цинны в 87 г. [\[1333\]](#) к рабам взяться за оружие во время боев на улицах Города на их стороне принимаются как подлинные (см. прим. 104 и 105). В отношении второго из эпизодов, однако, высказывались сомнения — соответствующие сообщения, по мнению некоторых ученых, являются отражением антициннанской пропаганды [\[1334\]](#). Действительно, трудно представить себе, чтобы Цинна бежал по Городу, призывая рабов поддержать его — не сказано даже, что он отправил для данной цели своих людей в разные концы Рима. Это выглядит откровенной карикатурой, которая была на руку врагам Цинны и им самим абсурдом не казалась, коль скоро они такую версию распространяли. Кроме того, рабы не представляли собой серьезной военной силы, не были организованы, большинство из них вообще вряд ли поверило бы в обещания, данные в такой обстановке, к тому же это грозило испортить отношения со всей верхушкой, которая могла в таком поступке усмотреть покушения на ее владельческие права [\[1335\]](#). Конечно, в истерике человек может совершать самые абсурдные вещи, однако при всей отчаянности положения вряд ли Цинна до такой степени утратил чувство реальности. То же самое можно сказать о Сульпиции и Марии. Следует также отметить, что мы узнаем о подобных призывах из источников, не только враждебных названным политикам, но и отстоящих от событий самое малое на два столетия, что также не может не настораживать. Правда, Аппиан (BC. I. 60. 271) утверждает, что среди причин объявления Мария, Сульпиция и их сторонников врагами значилось и обещание свободы рабам (δοῦλοις κηρύξαντας ἐλευθερίαν εἰς ἀπόστασιν). Аналогичное прегрешение приписывал Цинне сенат, отрешая его от должности (App. BC. I. 65. 296:

ἀνά την πόλιν εθει τούς θεράποντα;: ἐπ' ἐλευθερία συγκαλών). Перед нами как будто бы современные событиям документы. Однако отнюдь не очевидно, что таков был текст официальных решений, а не их позднейшая реконструкция Аппианом или его информаторами. Впрочем, основой для таких обвинений (тогда или позже) мог стать тот достаточно элементарный факт, что Цинна и его люди привлекли к участию в стычках *собственных* рабов, которых имели полное право освобождать. Это, разумеется, не могло стать поводом для юридических претензий — в подобных целях рабов еще с гракханских времен использовали обе стороны, — но противники консула вполне могли «подкорректировать» факты, приписав ему обещание свободы и *чужим* рабам.

Вызывает серьезные сомнения упоминание о том, как Цинна стал призывать в свой лагерь городских рабов, обещая им свободу^[1336]. Не вполне понятно, зачем ему были нужны городские рабы — напротив, их присутствие в Риме увеличивало нехватку продовольствия и, надо полагать, усиливало криминогенную ситуацию в Городе, а большого вреда исчезновение невольников, значительная часть которых была всего лишь домашней прислугой, обороне Рима нанести не могло. Вероятно, Цинна и Марий просто не возвращали пришедших в их войско рабов хозяевам (но вряд ли отпускали на волю по всем правилам манумиссии), чем фактически поощряли и остальных к бегству, однако трудно представить, чтобы они звали их к себе через глашатаев (!). Кроме того, совершенно не очевидно, что осаждающие выясняли личности бежавших к ним, а в этой ситуации рабам было легко выдать себя за свободных.

Важнейшую роль в преувеличении роли рабов сыграло то, что какое-то их число находилось в войске Мария. Он явился к Цинне во главе 6000 человек (App. BC. I. 69. 306). Иногда считают, что не менее 4000 человек составляли бывшие рабы, т. к. именно столько бардиеев впоследствии перебил Серторий^[1337]. Однако даже если цифры верны, то часть этих рабов могла присоединиться к Марию и во время осады. Но и численность бардиеев могла быть куда меньше. О 4000 пишет Плутарх, о 8000 — Орозий (V. 19. 24), а это авторы, жившие через два и почти пять столетий после описываемых событий соответственно, причем у куда более позднего Орозия цифры вдвое больше, чем у греческого автора. Вполне вероятно, что Марий не набирал их в армию в Этрурии^[1338] — он, как пишет Аппиан, «отплыл с бывшими при нем изгнанниками и с *их рабами*, явившимися к нему из Рима (τοις συνεξελαθεῖσι καὶ θεράπουσιν αὐτῶν ἐπέλθοῦσιν ἀπο Ῥώμης) в числе до пятисот человек, в Этрурию». При этом ни слова не

говорится о том, что победитель кимвров обещал свободу рабам, а о 6000 набранных им воинах говорится как об этрусках (Τυρρηνῶν ἑξακισχίλιονχῶ, т. е. явно свободных (ВС. I. 67. 305-306). Все это представляется куда более правдоподобным, поскольку освобождение рабов (вопреки воле их хозяев, как подразумевают источники, говоря об открытии эргастулов), грозило испортить отношения с их господами, чья поддержка была очень нужна Марию. Учитывая верность Этрурии ему и его сторонникам в последующем, можно полагать, что ни о каком самовольном (и тем более официальном) освобождении им рабов речи не шло. Однако присутствие рабов среди тех, кто пришел с ним, породило легенду о толпах рабов, вступивших в войско Мария в Этрурии; достоверности этой легенде^[1339] могло придать весьма вероятное освобождение его соратниками своих рабов уже тогда, или позже, за верную службу. Под беглыми рабами могли иметься в виду те, кто бежал из Рима во время осады, не исключено, что такая характеристика распространялась на многих простолюдинов — достаточно вспомнить ядовитый намек Сципиона Эмилиана на рабское прошлое римской толпы (Val. MaxJ VI. 2. 3); самому Марию Плутарх (Mar. 9.1) приписывал прием в армию рабов еще во время Югуртинской войны^[1340].

Столь же сильно преувеличена в античной традиции, как представляется, их роль в репрессиях 87—86 гг. Рабы лишь выполняли приказы, да и то мы знаем лишь один конкретный случай убийства ими жертвы победителей — расправу с Анхарием^[1341]. Никаких примеров инициативы с их стороны нет (кроме умерщвления тех, на чьи приветствия Марий не отвечал — о недостоверности этого сюжета уже говорилось), равно как и того, чтобы кто-то из них стал богат и влиятелен, как уверяет Плутарх. Мы не знаем ни одного имени вольноотпущенника, сражавшегося на стороне Цинны и Мария. Что же касается грабежей и насилий, приписываемых бардиеям, то сообщения о них также присутствуют лишь в довольно поздних источниках, хотя полностью отрицать их вряд ли возможно. Другое дело, что даже немногие факты убийств, грабежей и изнасилований недавними рабами или теми, кого таковыми считали, если они имели место, должны были восприниматься крайне болезненно. То, что расправа с ними прошла явно без затруднений, может свидетельствовать о сравнительно небольшом числе бардиеев.

В то же время стоит отметить, что нет сведений о рабах, выдававших своих господ победителям — напротив, рабы Цецилия Корнута, как мы видели, помогли ему спастись от убийц и бежать из Рима; Антония выдал

не раб, лишь по неосторожности проговорившийся о его местонахождении, а торговец вином (то же, кстати, можно сказать и о ситуации во время проскрипций). В этом смысле особняком стоит случай в 88 г. с выдачей местонахождения Публия Сульпиция рабом, после чего Сульпиций был убит. Сулла за услугу отпустил осведомителя на волю, как и обещал, но затем велел сбросить его со скалы за предательство хозяина^[1342]. Е. М. Штаерман (1964, 178) не уверена в аутентичности этого сообщения. Нельзя исключить, что эта история появилась позднее, когда проверить ее подлинность было крайне трудно, но зато она позволяла смягчить отрицательный эффект происшедшего для Суллы, проявившего хотя бы задним числом суровую справедливость. К тому же она хорошо вписывается в представления о непредсказуемом характере Суллы. Так или иначе, Сулла мог действительно расправиться с рабом, особенно если учесть весьма враждебное отношение к нему сограждан после взятия Рима (см. с. 114-117, 123-126). Во времена же проскрипций Сулла, ставший диктатором, чувствовал себя куда увереннее и потому не погнушался привлечь к участию в них рабов, уже не наказывая их, но, напротив, поощряя за предательство хозяев. Любопытно, что конкретных случаев такого предательства мы не знаем.

В качестве эпилога остается добавить, что во время кампании 82 г., когда положение марианцев стало отчаянным, они не пожелали принимать рабов в армию, как то сделал сенат после битвы при Каннах. Причем такие предложения, насколько известно, в отличие от 87 г., когда Рим осаждали Цинна и Марий, даже не вносились. В связи с этим вызывают возражения оценки активности рабов в 80-х гг., встречающиеся в историографии. По мнению Х. Кюне, в 87 г. рабы «очень многому научились. С этого времени слова *servitia sollicitare* заставляли сенат вздрагивать». Ф. Сартори, сочувственно цитируя последнюю фразу, пишет: «В длинном ряду движений рабов в первый год *Cinnana tempora*, когда два призыва к рабам оказались удачными, знаменует собой начало осознания частью рабов того, что они составляют определенный класс, а не пассивную массу в рамках римского общества. Пятнадцать лет спустя те же настроения, но уже более зрелые и осмысленные (*disciplinati*), вдохнули жизнь в трехлетнее предприятие Спартака»^[1343].

Суждение Х. Кюне вызывает сомнения хотя бы из-за отсутствия ссылок на источники, подтверждающие, что уже после 87 г. в сенате имели место настроения, которые он ему приписывает. Цицерон немало критикует Мария и его сторонников, но нигде не упрекает их за

использование рабов, хотя это было бы весьма важным аргументом против них^[1344]. Так что, похоже, за рамки общераспространенной практики марианцы в данном случае не выходили. Не менее спорны и выводы Ф. Сартори, поскольку причины восстания Спартака и его размаха, не говоря уже о настроениях восставших и их лозунгах, остаются объектом более или менее убедительных реконструкций. Рассуждения о «длинном ряде движений рабов в первый год *Cinnana tempora*», как мы постарались показать выше, также весьма спорны.

Думается, активное участие рабов в гражданской войне 80-х гг. — не столько исторический факт, сколько результат преувеличений, допущенных в античной традиции, причем зачастую весьма поздней. Сохранившиеся источники не позволяют уверенно утверждать, что они являлись частью пропагандистских акций 80-х гг., как это происходило во 2-й трети I в. (достаточно вспомнить обвинения в адрес Клодия и Секста Помпея) — вполне возможно, что, напротив, именно события последующего времени серьезно повлияли на изображение роли рабов в годы первой гражданской войны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гражданская война 80-х гг. I в. стала грозным предвестием неизбежного падения Римской республики. Однако стоит отметить то немаловажное обстоятельство, что началась она лишь через 45 лет после выступления братьев Гракхов, положивших начало эпохе *bella civilia*, и не привела к возникновению принципата, до победы которого оставалось еще полстолетия. Это свидетельствует о том, что римское общество, несмотря на нарастание кризиса, долгое время не было готово смириться с мыслью, что преодолеть его возможно лишь с помощью установления единовластия. Иными словами, республиканская система, несмотря на все меньшую ее пригодность в менявшихся политических условиях, продемонстрировала значительную устойчивость перед лицом нарастающих трудностей. Но в начале 80-х гг. ситуация стала иной. Внешне все выглядело как личный конфликт между двумя полководцами, в отсутствие которого войны могло и не быть, ибо, в отличие от 50-х и 40-х гг., ее никто не готовил, началась она спонтанно. Но рано или поздно столкновение было неизбежно, и особенность событий 88 г. как раз и состояла в том достаточно уникальном стечении обстоятельств, приведшем к гражданской войне, которая при иных условиях могла начаться значительно позднее. Следует, однако, учитывать, что личное соперничество полководцев лишь кажется чем-то второстепенным и случайным — речь шла о реализации теми или иными политиками в свою пользу политических возможностей армии и ее предводителей, что и выявили события 80-х гг. Ведь и гражданская война после разгрома республиканцев в 42 г. носила не принципиальный, а персональный характер.

Bellum civile 80-х гг. весьма значительно отличалась от последующих. В ходе ее не имели особого значения земельный вопрос и обеспечение хлебом городского плебса, в центре же оказались соперничество политиков и их окружения, а также союзнический вопрос — это было вполне естественно, учитывая, что *bellum civile* выросла из *bellum sociale*. Долговая проблема при всей своей остроте не служила предметом пропагандистских лозунгов. Популярны в историографии рассуждения о противостоянии аристократии и демократии, оптиматов и популяров, сената и народа, думается, не отражают сути политической борьбы. Ни сенат, ни нобилитет, ни всадничество, ни плебс не представляли собой чего-то единого, их различные части поддерживали одну из конфликтующих сторон. В 87 г.

сенат и *plebs urbana* (по крайней мере в целом) и вовсе оказались союзниками в борьбе против Цинны, Мария и италийцев. Нобили же отнюдь не являлись безусловными сторонниками Суллы, вождем которых он считается многими исследователями. При этом как в собственном окружении Суллы, так и в стане его противников весьма значительную роль играла так называемая «молодая знать», которая боролась за «место под солнцем». Во многом именно она, судя по всему, была одной из движущих сил конфликта. Обращает на себя внимание то, что Марий происходил из *homines novi*, Цинна имел среди предков всего одного консула, а Сулла стал первым консулом в роду после почти двухвекового перерыва. При этом все они долгое время не демонстрировали склонности к массовым репрессиям — масштабы расправ 88—82 гг. сильно преувеличены, — и лишь в последний год *bellum civile*, начиная с избиения пленных самнитов после битвы при Сакрипорте, они стали действительно массовыми. Однако особое впечатление произвело убийство марианцами в 87—86 гг. без санкции сената нескольких лиц консульского ранга, что с точки зрения римской верхушки было куда более вопиющим нарушением аристократической традиции, чем бессудные расправы с десятками, если не сотнями *cives seditiosi* на основе полулегальных *senatus consulta ultima*.

Что же касается италийского вопроса, то он был в основном разрешен и в прежних масштабах более не возникал. В результате мероприятий марианского руководства оказались заложены основы организации Италии, которая *mutatis mutandis* просуществует не одно столетие. Но в то же время оказалось, что наделение италийцев гражданскими правами и распределение их по всем сельским трибам, которое стало одной из причин начала конфликта в 88 г., не привело к серьезным переменам в характере и структуре римской политики. Доминировать в ней продолжал римский нобилитет, так и не пополнившийся за счет представителей италийской верхушки. Судя по всему, италийцы быстро осознали, что положение их не так уж сильно изменилось. Это и обусловило их недостаточно активное участие в гражданской войне на заключительном ее этапе и неоднократный переход на сторону сулланцев, что, конечно, не исключало отдельных случаев активного сопротивления Сулле, преимущественно в Этрурии и Самнии. Превратить италийцев в свою надежную опору марианцам так и не удалось, поскольку это, очевидно, требовало от них явно больших уступок, чем те, на которые они оказались готовы пойти. Сыграла свою роль и гибкая политика Суллы, который отказался от жесткой позиции в италийском вопросе, занятой им в 88 г., и пошел на уступки италийцам, пообещав соблюдать обретенные ими права. Вполне возможно, что многие

италийские племена, прежде всего самниты и луканы, проявили бы себя куда более враждебно по отношению к Сулле с самого начала, если бы знали, что их ожидало, но он сумел своевременно усыпить их бдительность, а когда они выступили против него в 82 г., изменить положения это уже не смогло.

События 80-х гг. показали, насколько еще сильны были в Риме традиционалистские тенденции. Цинна после репрессий 87—86 гг. быстро перешел к политике сотрудничества с сенатским большинством и добился его поддержки. И хотя в 85-84 гг. он проигнорировал желание этого большинства избежать нового витка гражданской войны (для него и его окружения это был вопрос физического выживания), в то же время он воздержался и от новых репрессий против оппозиции. Впоследствии и сам Сулла лишь недолгое время сохранял власть и принял меры по укреплению не только собственного господства, но и сената. Однако пример использования армии в политических целях не мог оказаться не востребованным в недалеком будущем. Хотя сенат и не был единым, его противостояние (причем не слишком эффективное) как активным сторонникам гражданской войны, будь то Сулла, Марий, Цинна, так и их войскам не вызывает сомнений. В новый центр власти стала превращаться армия. В то же время она еще не до конца осознала свою силу и пока не выдвигала конкретных требований, что во многом и определило ее лицо в гражданской войне 80-х гг. Это станет делом будущего. Куда скромнее, нежели обычно считается, оказалось и участие в первой гражданской войне рабов, к которым: вопреки явно тенденциозным указаниям источников представители сторон обращались за помощью очень мало. В целом же можно сказать, что силы, поддерживавшие Суллу (т. е. прежде всего подчиненная ему армия и некоторые круги нобилитета, также располагавшие определенными военными силами) оказались более активными и организованными, чем их оппоненты. Власть последних держалась лишь на отсутствии в Италии сильного врага (т. е. Суллы), по возвращении которого дала себя знать слабость их опоры.

Любопытным примером роли традиций в нововведениях стало возрождение практики наделения частных лиц империей. Она не была ни новой, ни частой, но возвращение к ней говорило о многом (как и возвращение к диктатуре в конце войны). К тому же, начавшись с облечения империем *homo privatus* — консуляра, что выглядело в глазах большинства вполне оправданно и почтенно, дело дошло до того, что империй получил Гней Помпей — всадник, не занимавший прежде ни одной магистратуры. Впрочем, долгое время это оставалось

беспрецедентным случаем, но начало отделению империя от магистратуры, получившему распространение в последующие десятилетия, было положено.

В то же время в некоторых отношениях события первой гражданской войны оказались уникальными. Пример тому — *lex Valeria de aere alieno*, который вряд ли мог быть принят и проведен в жизнь в более спокойной обстановке, но не имел аналогов и в ходе других гражданских войн. Другой случай — совершенно беспрецедентное почитание плебсом Мария Гратидиана, который удостоился его при жизни, причем не за военные заслуги и без всяких инициатив сверху.

Но в целом, конечно, первая гражданская война представляла собой совершенно новое и неожиданное для всех событие — даже Сулла не знал, что начинается ее. Она означала переход социально-политической борьбы в качественно иную фазу — как в отношении числа ее участников, так и куда более жестоких форм и последующих перемен. Окончание этой фазы наступило лишь с крушением Республики.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Adnotationes super Lucanum: primum ad vetustissimorum codicum fidem. Lipsiae, 1909.

Ambrosius Mediolanensis. Explanatio psalmorum XII / Ed. M. Petschenig. Wien, 1919.

M. Annaei Lucani Commenta Bernensia. Lipsiae, 1869.

Appian's Roman History. With an Engl. transi, by H. White. Vol. 1-4. Cambr. (Mass.); L., 1953-1958.

Appiani bellorum civilium liber primus / A cura di E. Gabba. Firenze, 1958.

Asconii Pediani O. orationum Ciceronis quinque enarratio / Rec. A. C. Clark. Oxonii, 1907.

Sancti Aurelii Augustini De civitate Dei. Libri I-X / Ed. B. Dombart et A. Kalb. Turnhout, 1955.

Aurelii Victoris Sexti liber de Caesaribus. Praecedunt origo gentis Romanae et liber de viris illustribus urbis Romae; subsequitur epitome de Caesaribus / Ed. F. Pichlmayr. Lipsiae, 1911.

Cicero Marcus Tullius. De Senectute, de Amicitia, de Divinatione. With an Engl. transi, by W. A. Falconer. Cambr. (Mass.); L., 1979.

Cicero M. Tullius. Epistulae ad Atticum (Cicero's letters to Atticus) / Trans. and comm, by D. R. Shackleton Bailey. Vol. I—VII. Cambridge, 1965-1970.

Ciceronis M. Tullii scripta quae manserunt omnia / Ed. C. F. W. Mueller. Vol. 1.1. Leipzig, 1908.

Cicero Marcus Tullius. Pro Plancio / Edited, with introduction, notes, etc. by R. C. B. Kerin, and A. H. Allcroft. L., 1903.

Ciceronis M. Tulli scripta quae manserunt omnia. Fasc. 4: Brutus / Ed. H. Malcovati. Lipsiae, 1965.

Ciceronis M. Tulli scripta Quae Manserunt Omnia. Fasc. 42: Academicorum reliquiae cum Lucullo / Ed. O. Plasberg. Leipzig, 1922.

Ciceronis M. Tulli scripta quae manserunt omnia. Fasc. 4: Brutus / Ed. H. Malcovati. Lipsiae, 1965.

Ciceronis orationum scholiastae: Asconius. Scholia Bobiensia. Scholia

Pseudoasconii Sangallensia. Scholia Cluniacensia et recentiora Ambrosiana Acuaticana. Scholia Lugdunensia sive Gronovia et eorum excerpta Lugdunensia / Ed. Th. Stangl. Wien 1912.

Corpus inscriptionum Latinarum / Ed. Th. Mommsen. Vol. I, I², X. B., 1853, 1893-1986.

Die Chronik des Hieronymus = Hieronymi Chronicon / Rec. R. Helm. B., 1956.

Die Fragmente der griechischen Historiker. Tl. III. Geschichte von Staedten und Voelkern (Hprographie und Ethnographie). — B. Autoren ueber einzelne Staedte (Laender) [Nr. 297-607] / Ed. F. Jacoby. Brill; Leiden, 1954.

Dio Cassius. Roman History. Vol. III / With an Engl, transi, by E. Cary. Cambr. (Mass.); L, 1914.

Diodorus of Sicily. Works. With an Engl, transi, by C. H. Oldfather, C. L. Sherman, R. M. Geer, F. R. Walton. Vol. XII. Cambr. (Mass.); L., 1967.

Dionysius of Halicarnassus. Roman Antiquities / With an Engl, transi, by E. Cary. Vol. II, V. Cambr. (Mass.); L, 1939, 1945.

Eutropii Breviarium ab condita / Rec. C. Santii. Stutgardiae; Lipsiae, 1992. Iulii Exuperantii opusculum / Ed. N. Zorzetti. Leipzig, 1982.

Fabii Quintiliani Institutionis oratoriae libri duodecem / Ed. M. Winterbottom. Vol.I.L., 1970.

Florus Lucius Annaeus. Epitome of Roman History / With an Engl, transi, by E. S. Forster. Cambr. (Mass.); L.,1929.

Frontinus Gaius Iulius. Strategematon libri IV. De aquaeductibus urbis Romae. With an Engl, transi, by C. E. Bennett, M. B. McElwain. Cambr. (Mass.); L, 1925.1

Grani Liciniani quae supersunt / Ed. M. Flemisch. Lipsiae, 1904.

Gromatici Veteres. Vol. 1 / Ed. K. Lachmann. B., 1848.

Historicorum Romanorum reliquiae / Ed. H. Peter. Vol. I—II. Stutgardiae, 1967.

Inscriptiones Italiae XIII: Fasti et Elogia / A cura di A. Degrassi. Roma, 1937.

Inscriptiones Latinae liberae rei publicae. Fase. I—II. Firenze, 1957,1963.

Inscriptiones Latinae Selectae. Vol. I, II (pt. 2), III. B., 1892, 1906,1914/1916.

Ioannis Zonarae Epitome Historiarum / Ed. L. Dindorfius. Vol. II. Lipsiae, 1869.

Livy. History of Rome / With English Translation by E. T. Sage, A. C. Schlesinger. Vol. XII, Books 40-42. L., 1938.

Obsequens Iulius. Prodigiorm liber // *Livy*. History of Rome. Vol. XIV.

Summaries, fragments and Obsequens. With an Engl, transi, by A. C. Schlesinger. Cambr. (Mass.); L., 1959. P. 238-319.

Orientis Graecae inscriptiones selectae. Vol. I / Rec. W. Dittenberger. Leipzig, 1903.

Paul Orosii Historiarum adversum paganos libri VII. ex recogn. Caroli Zangemeister. Lipsiae, 1889.

Pliny. Natural History. Vol. IX / By H. Rackham. Cambr. (Mass.); L., 1961. Plutarch's Lives. Vol. V. Cambr. (Mass.); L., 1967.

Plutarchi vitae parallelae 22. Lipsiae, 1933.

Plutarchi vitae parallelae. Vol. 1-3.1. Leipzig, 1964, 1971.

Polyaeni strategematon libri VIII / Ed. E. Woelfflin and J. Melber. Leipzig, 1887.

Polybius. Histories / With an english translation by W. R. Paton. Vol. IV. 1925.

Psemdoasconiana. Textgestaltung und Sprache der anonymen Scholien zu Ciceros vier ersten Verrinen auf Grund der erstmals verwerteten ältesten Handschriften / Ed. Th. Stangl. Paderborn, 1909.

C. Sallusti Crispi historiarum reliquiae / Ed. B. Maurenbrecher. Fase. I—II. Lipsiae 1891—1893.

Sallustius Crispus C. Catilina. Iugurtha. Fragmenta amphora / Ed. A. Curfess. Lipsiae, 1957.

Scholia in Ciceronis orationes Bobiensia / Ed. P. Hildebrandt. Lipsiae, 1907.

Strabo. Geography. Vol. 2 / Transi. L. Jones. Cambr. (Mass.); L., 1923.

Suetoni Tranquilli C. quae supersunt omnia / Rec. C. L. Roth. Lipsiae, 1886.

Valeri Maximi factorum et dictorum memorabilium libri novem / Ed. C. Halm. Lipsiae, 1865.

Аппиан Александрийский. Римская история / Отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1998.

Бревиарий Юлия Эксуперанция Пер., вступит, ст. и комм. А. В. Короленкова / ВДИ. 2004. №1. С. 259-268.

Веллей Патеркул. Римская история // Малые римские историки: Веллей Патеркул. Анней флор. Луций Ампелий / Изд. подг. А. И. Немировский. М., 1996. С. 9-96.

Ливий Тит. История Рима от основания Города / Пер с лат. под ред. М. Л. Гаспарова, Г. С. Кнабе, В. М. Смирнова. Т. III. М., 1993.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания / Изд. подг. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров, С. П. Маркиш. Т. I—II. М., 1994.

Саллюстий Крисп Г. История / Пер. и комм. В. С. Соколова // ВДИ. 1950. №1. С. 271-316.

Флор Анней. Две книги римских войн // Малые римские историки. С. 97-190.

Цицерон Марк Туллий. Речи / Пер. В. О. Горенштейна. Т. I—II. М., 1993.

Цицерон Марк Туллий. Письма / Пер. В. О. Горенштейна. Т. I—III. М., 1994.

Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве / Под ред. М. Л. Гаспарова. М., 1972.

Использованная литература

Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография. К вопросу о месте классика жанра в истории жанра. М., 1973.

Горбулин И. С. Династический брак как политическое орудие в карьере Помпея Великого // Мнемон. Вып. 5. СПб., 2006. С. 287-298.

Грант М. Юлий Цезарь: Жрец Юпитера. М., 2003.

Гуленков К. Л. Дарданский мир. Об одном аспекте политики Суллы // Античность: политика к культура. Казань, 1998. С. 55-62.

Гурин И. Г. Серторианская война (82—71 гг.). Испанские провинции Римской республики в начальный период гражданских войн. Самара, 2001.

Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. Т. I—II. М., 1958.

Дуров В. С. Художественная историография Древнего Рима. СПб., 1993.

Егоров А. Б. Рим на грани эпох: проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985.

Егоров А. Б. Социально-политическая борьба в Риме в 80-е гг. I в. до н. э. (К истории диктатора Суллы) // Социальная борьба и политическая идеология в античном мире. Л., 1989. С. 108-143.

Егоров А. Б. Римские популяры — терминология, структура движения и идеология // Мнемон. Вып. 8. СПб., 2009. С. 199-232.

Егоров А. Б. Подъем и упадок демократического движения в Риме в эпоху гражданских войн // Проблемы античной демократии. СПб., 2010. С. 341-396.

Еремин А. В. Диктатура Суллы (социально-политические и правовые основания сулланского режима). Дисс.... канд. ист. наук. СПб., 2003.

Еремин А. В. Сулланские проскрипции // Древнее право. 2004. №2 (14). С. 69-78.

Заборовский Я. Ю. Очерки по истории аграрных отношений в Римской республике. Львов, 1985.

Игнатенко А. В. Древний Рим: от военной демократии к военной диктатуре (историко-правовое исследование). Свердловск, 1988.

Ким С. Р. Участие рабов и либертинов в гражданских войнах Поздней Римской республики // Античность и средневековье Европы. Пермь, 1996. С. 54-63.

Ковалёв С. И. История Рима. Л., 1986.

Коптев А. В. Гней Помпей Магн — *privatus cum imperio* II ВДИ. 2013. №4. С. 85-111.

Коптев А. В. Ранние триумфы Гнея Помпея в 80 и 71 гг. до н. э.: проблема легитимности // Мнемон. Вып. 16. №2. СПб., 2016. С. 119-152.

Коптев А. В. Г. Марий, Г. Фимбрия, Гн. Помпей и военный империй *sine magistratu* в 80-х гг. до н. э. // Мнемон. Вып. 19. №1. СПб., 2019. С. 113-144.

Короленков А. В. Квинт Серторий: политическая биография. СПб., 2003.

Короленков А. В. Сулла в сочинениях Саллюстия // ВДИ. 2004. №3. С. 180-191.

Короленков А. В. Цинна глазами Аппиана // *Antiquitas aeterna*. Вып. 3. Н. Новгород, 2011. С. 132-140.

Короленков А. В. Луций Корнелий Сципион: консул, дважды оставленный войском // История и историография зарубежного мира в лицах. Вып. XI. Самара, 2013. С. 5-25.

Короленков А. В. Законодательство Публия Сульпиция и особенности его социально-политического контекста // ВДИ. 2015. №3. С. 30-45.

Короленков А. В. *Privati cum imperio* во время гражданской войны 80-х гг. до н. э. в Риме // *Studia historica*. Вып. XV. М., 2017. С. 103-112.

Короленков А. В., Смыков Е. В. Сулла. М., 2007.

Кофанов Л. Л. К проблеме эволюции межполисного суда Латинского союза в VI—II вв. до н. э. // Восток, Европа и Америка в древности. Вып. 2. М., 2012. С. 169-181.

Кузищин В. И. Обострение социальных противоречий в римском обществе. Падение Римской республики // История Древнего Рима / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1993. С. 132-185.

Лапырёнок Р. В. Гай Марий и Публий Сульпиций // *Studia historica*. Вып. IV. М., 2004. С. 62-74.

Лапырёнок Р. В. Наследие аграрного закона Тиберия Гракха: земельный вопрос и политическая борьба в Риме 20-х гг. II в. до н. э. М., 2016.

Лапырёнок Р. В. *Consensus omnium bonorum*. Общественные противоречия в позднереспубликанском Риме в зеркале политической терминологии. Иркутск, 2007.

Любимова О. В. Политическая позиция консула 97 г. Публия Лициния Красса и судьба его сыновей // *Studia historica*. Вып. XII. М., 2012. С. 84-104.

Любимова О. В. Еще раз об империи Гнея Помпея // ВДИ. 2014. № 3. С. 75-99.

Любимова О. В. Марк Лициний Красс и транспаданцы: *nitium parcus in largienda civitate?* // ВДИ. 2017. №1. С. 66-90.

Махлаюк А. В. Войсковая клиентела в позднереспубликанском и раннеимперском Риме // ВДИ. 2005. №3. С. 36-57.

Махлаюк А. В. Римский полководец в ситуации солдатского мятежа: жесты и эмоции // ВДИ. 2008. №4. С. 114-131.

Махлаюк А. В. Комментарии // *Кассий Дион Коккейан*. Римская история. Книги LI-LXIII. СПб., 2014. С. 13-649.

Машкин Н. А. История Древнего Рима. М., 1948.

Моммзен Т. История Рима. Т. II. СПб., 1994.

Мэттингли Г. Монеты Рима с древнейших времен до падения западной империи. М., 2005.

Немировский А. И. Три малых римских историка // Малые римские историка: Веллей Патеркул. Анней Флор. Луций Ампелий. М., 1996. С. 223-310.

Нечай Ф. М. Рим и италики. Минск, 1963.

Нич К. В. История Римской республики. М., 1908.

Новичков Ю. А. Армия Л. Валерия Франка в Первой Митридатовой войне // История и историография зарубежного мира в лицах. Вып. VIII. Самара, 2007. С. 14-28.

Новичков Ю. А. Г. Флавий Фимбрия во главе армии популяров в Первой Митридатовой войне // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 1. С. 34-40.

Селецкий Б.П. Финансовая политика оптиматов и популяров в конце 90-80-х годов I в. до н. э. // ВДИ. 1983. №1. С. 148-162.

Селецкий Б.П. Значение реформы Мария Гратидиана в борьбе между римской аристократией и демократией в период гражданских войн // Античная гражданская община: Межвуз. сб. научных трудов. М., 1984. С.

86-92.

Сергеев В. С. Очерки по истории Древнего Рима. Ч. I. М., 1938.

Смирин В. М. Диктатура Суллы (классовая сущность и историческая роль). Дисс.... канд. ист. наук. М., 1955.

Сморчков А. М. Религия и власть в римской республике: магистраты, жрецы, храмы. М., 2012.

Смыков Е. В. [Комментарии к XI филиппике Цицерона] // Хрестоматия по истории древнего мира. Саратов, 1995. С. 274-300.

Токарев А. Н. Становление официальной идеологии принципата императора Августа. Харьков, 2011.

Трухина Н. Н. Политика и политики «золотого века» Римской республики. М., 1986.

Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965.

Утченко С. Л. Древний Рим: События. Люди. Идеи. М., 1969.

Фролов Р. М. Интерпретация Р. Бауманом отстранения консула Л. Корнелия Цинны от должностных обязанностей в 87 г. до н.э. // Вестник Томского государственного университета. История]. 2018. № 52. С. 142-149.

Циркин Ю. Б. Движение Сертория // Социальная борьба и политическая идеология в античном мире. Л., 1989. С. 144-162.

Циркин Ю. Б. Гражданские войны в Риме. Побеждённые. СПб., 2006.

Циркин Ю. Б. Помпей в политической борьбе конца 80-70 гг. // Мнемон. Вып. 6. СПб., 2007. С. 309-328.

Циркин Ю. Б. Восстание Лепида // Античный мир и археология. Вып. 13. Саратов, 2009. С. 225-241.

Чеканова Н. В. Римская диктатура последнего века Республики. СПб., 2005.

Чернышов Ю. Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в древнем Риме. Ч. I. Новосибирск, 1994.

Штаерман Е. М. расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964.

Aigner H. Die Soldaten als Machtfaktor in der ausgehenden römischen Republik. Innsbruck, 1974.

Alexander M. C. Trials in the Late Roman Republic, 150 to 49 BC. Toronto; Buffalo; London, 1990.

Alföldi A. Tempesta Mariana I. Das Zeugnis der Kupferprägung 87-84 v. Chr. // Chiron. Bd 4 1974a. S. 207-241.

Alföldi A. Tempesta Mariana II. Ergänzende Bemerkungen zur Münzprägung der Jahre 88 bis 84v. Chr. // Schweizer Münzblätter. Jg. 24. Ht 94. 1974b. S. 37-45.

Alföldi A. Redeunt Saturnia régna V: Zum Gottesgnadentum des Sulla // *Chiron*. Bd 6. 1976. S. 143-158.

Allély A. La déclaration d'hostis sous la République romaine. Bordeaux, 2012.

Alonzo-Núñez J. M. La autobiografía de Sila // *Acta Classica Universitatis Scientiarum Debreceniensis*. T. XL-XLI. 2004-2005. P. 95-107.

Alston R. The Role of the Military in the Roman Revolution I I *Aquila legionis*. Vol. 3. 2002. P. 7-41.

Alston R. Rome's Revolution. Death of the Republic and Birth of the Empire. Oxford, 2015.

Amela Valverde L. Cneo Pompeyo Magno: el defensor de la republica romana. Madrid, 2003.

Amela Valverde L. El toro contra la loba. La Guerra de los Aliados (9187 a. C.). Madrid, 2007.

Amidani C. L'assassinio di A. Postumio Albino e l'assegnazione del commando mitridatico a L. Cornelio Silla // *Aevum*. Vol. 68. 1994. P. 89-94.

Andreau J. Banking and Business in the Roman World. Cambr., 1999.

Antonelli G. Crasso, il banchiere di Roma. Roma, 1995.

Angeli Bertinelli M. G. [Introduzione, commento alia biografia di Crasso] // *Plutarco*. Le Vite di Nicio e di Crasso. Milano, 1993. P. XXVIII-XLVI, 317-422.

Angeli Beninelli M.G. [Introduzione, commento alia biografia di Silla] // *Plutarco*. Le Vite di Lisandro e di Silla. Milano, 1997. P. XXI-XXXVII, 289-418.

Arbizu J. M. Res publica oppressa. Política popular en la crisis de la Republica (133-44 aiC.). Madrid, 2000.

Arena V. *Libenas* and the Practice of Politics in the Late Roman Republic. Cambr., 2012.

Assenmaker P. *Li Sulla imperator et imperator iterum*: pour une réévaluation de la chronologie des émissions monétaires de Sylla (*RRC* 367-368 et 359) // *Review Numismatique*. Vol. 170. 2013. P. 247-277.

Assenmaker P. Dé la victoire au pouvoir. Développement et manifestations de l'idéologie impérioriale à l'époque de Marius et Sylla. Bruxelles, 2014.

Assenmaker P. Zur Datierung der stadtrömischen Münzprägung der Jahre 88-82 // *Neue Forschungen zur Münzprägung. Beiträge zum internationalen Kolloquium im Residenzschloss Dresden 19.-21. Juni 2014 / Hrsg. F. Haymann, W. Hollstein, M. Jehne*. Bonn, 2016. S. 99-123.

Babeion E. Monnaies de la République Romaine. T. II. R, 1885.

Badian E. The Date of Pompeys First Triumph // *Hermes*. Bd 83. 1955. P. 107-118.

Badian E. Caepio and Norbanus. Notes on the Decade 100-90 B. C. //

Historia. Bd 6. Ht 3. 1957. P. 318-346.

Badian E. Foreign Clientelae (264-70 B.C.). Oxford, 1958.

Badian E. Waiting for Sulla // JRS. Vol. 52. 1962. P. 47-61.

Badian E. Marius and the Nobles // Durham University Journal. Vol. 36. 1964a. P. 141-154.

Badian E. Studies on Greek and Roman History. N. Y., 1964b.

Badian E. The Testament of Ptolemy Alexander // RhM. Bd 110. 1967. P. 178-192.

Badian E. Sulla's Augurate // Arethusa. Vol. 1.1968. P. 26-46.

Badian E. Quaestiones Variarum // Historia. Bd 18. Ht 4. 1969. P. 447-491.

Badian E. Lucius Sulla: the Dead y Reformer. Sydney, 1970.

Badian E. Marius' Villas: The Testimony of the Slave and the Knave // JRS. Vol. 63. 1973. P. 121-132.

Baker G. P. Sulla the Fortunate. Roman General and Dictator. L., 1927.

Ballesteros Pastor L. Mitridates Eupâtor, rey del Ponto. Granada, 1996.

Baisdon J.P.V.D. Sulla Felix // JRS. Vol. 41. 1951. P. 1-10.

Balsdon J.P.V.D. Julius Caesar. A Political Biography. N. Y., 1967.

Bang M. Marius in Minturnae // Klio. Bd 10. 1910. S. 178-191.

Barbagalio C. Una misura eccezionale dei romani, il senatus-consultum ultimum. Roma, 1900.

Barlow Ch. T. The Sanctius Aerarium and the Argento Publico Coinage // AJPh. Vol. 98. 1977. P. 290-302.

Barlow Ch. T. The Roman Government and the Roman Economy, 9280 B. C.// AJPh. Vol. 101. 1980. P. 202-219.

Bauman R. A. The Abdication of Collatinus // Acta classica. Vol. 9. 1966. P. 129-141.

Bauman R. A. The *hostis* Declarations of 88 and 87 B. C. // Athenaeum. N. S. Vol. 51. 1973. P. 270-293.

Becker G. H. Form, Intent, and The Fragmentary Roman Historians 240 to 63 B. C. E. Diss. Ph. D. [Gainesville,] 2008.

Behr H. Die Selbstdarstellung Sullas: Ein aristokratischer Politiker zwischen persönlichem Führungsanspruch und Standessolidarität. Frankfurt a/M. u. a., 1993.

Beloch K. J. Der italische Bund unter Roms Hegemonie. Leipzig, 1880.

Beloch K. J. Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt. Leipzig, 1886.

Beltrdn Lions F. La «pietas» de Sertorio // Gerión. T. 8. 1990. P. 211-226.

Bengtson H. Römische Geschichte. Republik und Kaiserzeit bis 284 n. Chr. München, 1995.

Bennett H. Cinna and His Times. A Critical and Interpretative Study of Roman History during the Period 87-84 BC. Diss. Ph. D. Menasha, 1923.

Berthelet J. La crose et la cruche Symboles de légitimité de l'imperium ou symboles de l'augurat ? // Cahiers «Mondes Anciens». Vol. 4. 2013. P. 1-18.
Serve H. Lustrum // RE. Hbd 26. 1927. Sp. 2040-2059.

Berve H. Sertorius // Hermes. Bd 64. Ht 2. 1929. S. 199-227.

Berve H. Gestaltende Kräfte der Antike. Aufsätze zur griechischen und römischen Geschichte. München, 1966.

Beschorner A. Das «Opusculum» des Iulius Exuperantius // Hermes. Bd 127. Ht 2. S. 237-253.

Bessone L. Flore: un retore storico e poeta // ANRW. Tl. II. Bd 34.1. B.; N. Y., 1993. P. 80-117.

Bieńkowski P. R. v. Kritische Studien über Chronologie und Geschichte des sertorianischen Krieges//Wiener Studien. Jg. 13. 1891. S. 129-158, 210-230.

Billows R.A. Caesar: the Colossus of Rome. L.; N. Y., 2009.

Bispham E. From Asculum to Actium. The Municipalization of Italy from the Social War to Augustus. Oxford, 2007.

Bispham E. The Civil Wars and the Triumvirate //A Companion to Roman Italy Oxford; Malden, 2016. P. 90-102.

Bispham E. Sulla and Populi Italici // L'età di Silla. Atti del convegno Istituto italiano per la storia antica Roma, 23-24 marzo 2017 / A cura di M. T. Schettino, G. Zecchini. Roma, 2018. P. 1-44.

Bleicken J. Lex publica. Gesetz und Recht in der römischen Republik. B.; N. Y., 1975.

Bloch G. La République romaine. Les conflits politiques et sociaux. P., 1913.

Bloch G., Carcopino J. Histoire Romaine. T. II. P., 1935.

Blois de L. Army and Society in the Late Roman Republic: Professionalism and the Role of the Military Middle Cadre // Kaiser, Heer und Gesellschaft in der Römischen Kaiserzeit. Stuttgart, 2000. P. 11-31.

Blois de L. Army and General in the Late Roman Republic // A Companion to Roman Army. Malden (Mass.); Oxford, 2007. P. 164-180.

Blösel W. Die römische Republik. Forum und Expansion. München, 2015.

Bollan J.M. Pontificalis Honor: A Re-evaluation of Priestly *auctoritas* and Sacro-Political Violence in the Transition from Republic to Principate. Diss. Pn.D. Glasgow, 2013.

Bradford Churchill J. Ex qua quod vellent facerent: Roman Magistrates' Authority over Praeda and Manubiae // TAPhA. Vol. 129. 1999. P. 85-116.

Brennan T.C. The Praetorship in the Roman Republic. Vol. 1-2. Oxford,

2000.

Bringmann K. Krise und Ende der römischen Republik (133-42 v. Chr.). B.,

2003.

Brizzi G. Silla. Roma, 2002.

Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. I—II. N. Y., 1951-1952.

Broughton T. R. S. Candidates Defeated in Roman Elections: Some Ancient Roman «Also-Rans». Philadelphia, 1991.

Brunt P. A. Italian Manpower. 225 B.C. — 14 A. D. Oxford, 1971.

Brunt P. A. The Fall of the Roman Republic and Related Essays. Oxford, 1988.

Bulst Ch. M. Cinnanum Tempus: A Reassessment of the Dominatio Cinnae // *Historia*. Bd 13. Ht 3. 1964. P. 307-337.

Burchhardt L. Rez.: *Lovano M.* The Age of Cinna: Crucible of Late Republican Rome. Stuttgart, 2002 // *Gnomon*. Bd 76. 2004. S. 377-378.

Cagniard P. F. The Life and Career of Lucius Cornelius Sulla through his Consulship in 88 B. C. A Study in Character and Politics. Diss. Ph. D. Austin, 1986.

Calabi I. Icommentarii di Silla come fonte storica // *Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. Memorie Classe di Scienze morali, storiche e filologiche. Serie VIII. Vol. III. Fase. 5.* P. 247-302.

Calore A. Silla e la fa done mariana // *Seminari di storia e di diritto / A cura de A. Calore.* Milano, 1995. P. 29-63

Cantalupi P. La magistratura di Silla durante la guerre civile. Roma, 1899.

Carcopino J. Sylla ou la monarchie manqué. R, 1947.

Carney T. F. The Death of Marius // *Acta Classica*. Vol. 1. 1958. P. 117-122.

Carney T. F. The Promagistracy at Rome 121-81 B. C. // *Acta Classica*. Vol. 2. 1959. P. 72-77.

Carney T. F. Cicero's Picture of Marius // *Wiener Studien*. Bd 73. 1960a. P. 83-122.

Carney T. F. The Death of Ancharius // *Hermes*. Bd 88. 1960b. P. 382-384.

Carney T. F. A Biography of Marius. Assen, 1961a.

Carney T. F. The Flight and Exile of Marius // *G&R*. 2nd Ser. Vol. 8. 1961b. P. 98-121.

Carney T. F. The Picture of Marius in Valerius Maximus // *RhM*. Bd 105. 1962. P. 289-337.

Cassola F., Labruna L. Linee di una storia delle istituzioni repubblicane. Napoli, 1991.

Chapman Ch. M. Cicero and Sulpicius Rufus (tr. pi. 88 B.C.) // *Acta*

Classica. Vol. 22. 1979. P. 61-72.

Chrissanthos S. J. Seditio. Mutiny in the Roman Army 90-40 B. C. Diss. Ph. D. Ann Arbor, 1999.

Christ K. Krise und Untergang der römischen Republik. Darmstadt, 1979.

Christ K. Sulla. Eine römische Karriere. München, 2002.

Christ K. Pompeius. Der Feldherr Roms. Eine Biographie. München, 2004.

Cichorius K. Römische Studien. Berlin; Leipzig, 1922.

Corbellini C. La presunta guerre tra Mario e Cinna e l'episodio dei bardieci // *Aevum*. Vol. 50. 1976. P. 154-156.

Coşkun A. Zu den Rechtsgrundlagen der römischen Bürgerrechtsvergabe infolge des Bundesgenossenkrieges // *Revue Internationale des Droits de l'Antiquité*. T. 51. 2004. S. 101-132.

Courrier C. La Plèbe de Rome et sa culture (fin du Ile siècle av. J.-C. — fin du 1er siècle ap. J.-C.). Roma, 2014.

Crawford M. H. The Coinage of the Age of Sulla // *The Numismatic Chronicle and Journal of the Royal Numismatic Society*. 7th Ser. Vol. 1964. P. 141-158.

Crawford M. H. Money and Exchange in the Roman World // *JRS*. Vol. 60. 1970. P.40-48.

Crawford M. H. Roman Republican Coinage. Vol. I—II. Cambr., 1974.

Criniti N. L'epigrafe di Asculum di Gn. Pompeo Strabone. Milano, 1970.

Criniti N. Granio Liciniano // *ANRW*. Tl. II. Bd 34.1. B.; N. Y., 1993. P. 119205.

Dahlheim W. Der Staatsstreich des Konsuls Sulla und die römische Innenpolitik der achtziger Jahre // *Colloquium aus Anlaß des 80. Geburtstages von Alfred Heuß*. Kallmünz, 1993. S. 97-116.

Dart K. J. The Social War, 91 to 88 BCE. A History of the Italian Insurgency against the Roman Republic. L: N. Y., 2014.

De Luca N. Tumultus e iustitium. Tesi di dottorato. Palermo, 2011-2012.

De Sanctis G. La guerra sociale. Firenze, 1976.

Deknatel Chr. De vita M. Licinii Crassi. Diss. Lugduni Batavorum, 1901.

Desrosiers V. R. The Reputation and Political Influence of Lucius Cornelius Sulla in the Roman Republic. Ph. D. Ann Arbor, 1970.

Dieckmann O. De fontibus Granii Liciniani et auctoritate. B., 1896.

Dowling M.B. The Clemency of Sulla // *Historia*. Bd 49. Ht 3. 2000. P. 303340.

Drumann W. Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung oder Pompeius, Caesar, Cicero und ihre Zeitgenossen. 2. Aufl. / Hrsg. P. Groebe. Bd II. Leipzig, 1902.

Drumann W. Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung oder Pompeius, Caesar, Cicero und ihre Zeitgenossen. 2. Aufl. / Hrsg. P. Groebe. Bd IV. Leipzig, 1908.

Drummond A. The Ban on *gentiles* Holding the Same Priesthood and Syllji's Augurate // *Historia*. Bd 57. Ht 4. 2008. P. 367-407.

Duruy V. Histoire des Romains. T. IL P., 1880.

Dyck A. R. Commentary // *Cicero*. Pro Sexto Roscio / Ed. A. R. Dyck. Cambr., 2010. P. 56-209.

Earley C. L. Popular Political Participation in the Late Roman Republic. Diss. Ph. D. Wellington, 2009.

Eckert A. Lucius Cornelius Sulla in der antiken Erinnerung. Jener Mörder, der sich Felix nannte. B.; N. Y., 2016.

Ehrenberg V. Ost und West: Studien zur geschichtliche Problematik der Antike. Brünn etc., 1935.

Ensslin W. Appian und die Liviustradition zum ersten Bürgerkrieg // *Klio*, d 20. 1926. S. 415-465.

Evans R. J. Candidates and Competition in Consular Elections at Rome between 218 and 49 BC // *Acta Classica*. Vol. 34. 1991. P. 111-136.

Evans R. J. Gaius Marius: A Political Biography. Pretoria, 1994.

Evans R. J. The Augustan 'Purge' of the Senate and the Census of 86 BC // *Acta Classica*. Vol. 40. 1997. P. 77-86.

Evans R. J. The Sulpician Law on Debt: Implications for the Political Elite and Broader Ramifications // *Acta Classica*. Vol. 50. 2007. P. 81-94.

Faszczka M. H. Bunty w poznorepublikahskiej armii rzymskiej (88-30 przed Chr.). Rozpr. dokt. Warszawa, 2014.

Ferrero G., Barbagallo C. A Short History of Rome: The Monarchy and the Republic from the Foundation of the City to the Death of Julius Caesar. 754 B.C. — 44 B.C. N. Y.; L., 1918.

Flower H. I. Roman Republics. Oxford; Princeton, 2010.

Frank T. Roman Census Statistics from 225 to 28 B. C. // *CPh*. Vol. 19. 1924. P. 329-341.

Frank T. On Some Financial Legislation of the Sullan Period // *AJPh*. Vol. 54. 1933. P. 54-58.

Frier B. Sulla's Priesthood // *Aretusa*. Vol. 2. 1969. P. 187-199.

Frier B. Sulla's Propaganda: The Collapse of the Cinnan Republic // *AJPh*. Vol. 92. 1971. P. 585-604.

Fröhlich F. Cornelius (392) // *RE*. Hbd 7. 1900. Sp. 1522-1566.

Fündling J. Sulla. Darmstadt, 2010.

Gabba E. Le origini della guerra sociale e la vita politica romana dopo l'89

- A. C. *II Athenaeum*. N. S. Vol. 32. 1954. P. 41-114, 293-345.
- Gabba E.* Appiano e la storia delle guerre civili. Firenze, 1956.
- Gabba E.* Commento // Appiani bellorum civilium liber primus. Firenze, 1958. P. 3-336.
- Gabba E.* Mario e Silla // ANRW. Tl. I. Bd 1. B.; N. Y., 1972. P. 764-805.
- Gabba E.* Esercito e società nella tarda Repubblica romana. Firenze, 1973.
- Gabba E.* Republican Rome, the Army and the Allies. Berkeley; Los Angeles, 1976.
- Gagé J.* Apollon romain. Essai sur le culte d'Apollon et le développement du 'ritus Graecus' a Rome des origines à Auguste. P., 1955.
- Galsterer H.* Herrschaft und Verwaltung im republikanischen Italien. Die Beziehungen Roms zu den italischen Gemeinden vom Latinerfrieden 338 v. Chr. bis zum Bundesgenossenkrieg 91 v. Chr. München, 1976.
- García Morá F.* Qu into Sertorio. Roma. Granada, 1991.
- García Morá F.* L'an 88 av. J.-C.: présages apocalyptiques et propagande idéologique // Dialogues d'Histoire Ancienne. T. 25/2. 1999. P. 83-90.
- Gardner R.* The Siege of Praeneste // Journal of Philology. Vol. 35. 1919. P. 1-18.
- Gardner R.* Sulla's Conquest of Italy: the Thirty Capture of Rome; Sertorius and Sertorian War // CAH. IX. 1932. P. 272-277, 318-326.
- Garzetti A.* Scritti di storia repubblicana e augustea. Roma, 1996.
- Gaughan J. E.* Murder was not a Crime: Homicide and Power in the Roman Republic. Austin, 2010.
- Geizer M.* Licinius (68; 104) // RE. Hbd 25.1926. Sp. 295-331,376-414.
- Geizer M.* Sergius (23) // RE. 2. R. Hbd 4. 1923. Sp. 1693-1711.
- Geizer M.* Cn. Pompeius Strabo und der Aufstieg seines Sohnes Magnus. B., 1942.
- Geizer M.* Pompeius. München, 1973.
- Gerlach F. D.* Marius und Sulla oder Kampf der Demagogie und der Oligarchie. Eine geschichtliche Darstellung. Diss. Basel, 1856.
- Gerrish J.* Sallust's Histories and Triumviral Historiography. Diss. Ph. D. [Philadelphia,] 2012.
- Ghilli L.* Commento [alla biografia di Silla] // Plutarco. Vite parallele. Lisandro. Silla. Milano, 2001. P. 300-514.
- Girardet K. M.* Imperia und provinciae des Pompeius 82 bis 48 v. Chr. // Chiron. Bd 30. 2001. S.1 153-209.
- Gowing A. M.* Empire and Memory. The Representation of the Roman Republic in Imperial Culture. Cambr., 2005.
- Greenhalgh P. A. L.* Pompey: The Roman Alexander. L., 1980.

Groebe P. [Kommentar] // *Drumann W.* Geschichte Roms in seinem Übergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung oder Pompeius, Caesar, Cicero und ihre Zeitgenossen. 2. Aufl. Bd II. Leipzig, 1902.

Gruen E.S. The lex Varia // *JRS*. Vol. 55. 1965. P. 59-73.

Gruen E.S. The Dolabellae and Sulla // *I JAJPh*. Vol. 87. 1966. P. 385-399.

Gruen E.S. Roman Politics and the Criminal Courts, 149-78 B. C. Cambr. (Mass.), 1968.

Gruen E.S. The Last Generation of the Roman Republic. Berkeley; Los Angeles; London, 1974.

Gsell S. Histoire de l'Afrique du Nord. T. VII. R, 1928.

Habenstein A. Abwesenheit von Rom. Aristokratische Interaktion in der späten römischen Republik und in der frühen Kaiserzeit. Heidelberg, 2015.

Hardy E. G. The Number of the Sullan Senate // *JRS*. Vol. 6. 1916. P. 59-62.

Harmand J. L'armée et le soldat à Rome de 107 à 50 av. n. e. P., 1967.

Harris W. V. Rome in Etruria and Umbria. Oxford, 1971.

Harris W. V. The Late Republic // The Cambridge Economic History of the Greco-Roman World. Cambr., 2007. P. 511-539.

Hawthorn J. R. The Senate after Sulla // *G&R*. 2nd Ser. Vol. 9. 1962. P. 53-60.

Heaton J. B. Mob Violence in the Late Roman Republic 133-49 B. C. Urbana, 1939.

Heftner H. Der Streit um das Kommando im Krieg gegen Mithridates (Diodorus Siculus 37,2, 12) und die versuchte Konsulatskandidatur des C. Iulius Caesar Strabo // *Tyche*. Bd 23. 2008. S. 79-100.

Heichelheim F. M., Yeo C. A. A History of the Roman People. Prentice-Hall, 1962.

Heinrichs J. Währungstechnische Regelungen im Amtsjahr des Prätors M. Marius Gratidianus (85/4 v.Chr.) // *ZPE*. Bd 166. 2008. S. 261-267.

Heitland W. E. The Roman Republic. Vol. II Cambr., 1909.

Helkgouarc'h J. Le Vocabulaire latin des relations et des partis politiques sous la République. P., 1963.

Henderson B. W. The Grant of Immunitas to Brundisium // *Classical Review*. Vol. 11. 1897. P. 251-255.

Heredia Chimeno C. El impacto de la Guerra Social en el bienio 88—87 a. C.: miedo y violencia como motores de transgresión // *Clio & Crimen: Revista del Centro de Historia del Crimen de Durango*. № 12. 2015. P. 251-276.

Heredia Chimeno C. *Cinnanum tempus y mos maiorum*: una nueva lectura // *PhaoS*. Vol. 18. 2018. P. 1-28.

Herzog E. Geschichte und System der römischen Staatsverfassung. Bd I. Leipzig, 1884.

Hill H. Sulla's New Senators in 81 BC // CO. N. S. Vol. 26. 1932. P. 170-177.

Hill H. M. A. The Roman Middle Class in the Republican Period. Oxford, 1952.

Hillard T. W. Death by Lightning, Pompeius Strabo and the People // RhM. Bd 139. 1996. P. 135-145.

Hillman Th. P. Cinna, Strabo's Army, and Strabo's Death in 87 B. C. II L'Antiquité classique. T. 54. 1996. P. 81-89.

Hillman Th. P. Notes on the Trial of Pompeius at Plutarch, Pomp. 4. 1-6 // RhM. Bd 141. 1998. P. 176-193.

Hinard F. La male mort. Exécutions et statut du corps au moment de la première proscription // Du châtement dans la cité. Supplices corporels et peine de mort dans le monde antique. Table ronde de Rome (9-11 novembre 1982). Rome, 1984. P. 295-311.

Hinard F. Les proscriptions de la Rome républicaine. Rome, 1985a.

Hinard F. Sylla. P., 1985b.

Hinard F. Les années noires // Histoire romaine / Sous la dir. F. Hinard. T. I. P., 2000. P. 611-661.

Hinard F. La terreur comme mode de gouvernement (au cours des guerres civiles du 1er siècle a.C. // *Terror et pavor.* Violenza, intimidazione, clandestinità nel mondo antico / Ed. G. Urso. Rome, 2006. P. 247-264.

Hinard F. Svllana varia: Aux sources de la première guerre civile romaine. P., 2008.

Hinard F. Rome, la dernière République. Recueil d'articles. Bordeaux, 2011.

Hodgson L. A Faded Reflection of the Gracchi': Ethics, Eloquence and the Problem of Sulpicius in Cicero's De oratore // CQ. N. S. Vol. 67. 2017a. P. 163 — 181.

Hodgson L. Res publica and the Roman Republic. Oxford, 2017b.

Hölkeskamp K.-J. Lucius Cornelius Sulla — Revolutionär und restaurativer Reformier // Von Romulus zu Augustus. Große Gestalten der römischen Republik. München, 2000. S. 199-218.

Holmes T. R. The Roman Republic and the Founder Empire. Vol. I. Oxford, 1923.

Hose M. Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker im Imperium Romanum von Florus; bis Cassius Dio. Stuttgart; Leipzig, 1994.

How W. W., Leigh H. D. A History of Rome to the Death of Caesar. New

York; Bombay, 1901.

Ihne W. Römische Geschichte. Bd V. Leipzig, 1879.

Ihne W. Römische Geschichte. Bd VI. Leipzig, 1886.

Ingrisch F. Sulla's «dictatura rei publicae constituendae» und Caesar's «dictatura rei gerendae»: ein Vergleich. B., 2007.

Itgenshorst T. Tota illa pompa. Der Triumph in der römischen Republik. Göttingen, 2005.

Jal P. Le «soldat des Guerres Civiles» à Rome à la fin de la République et au début de l'Empire // *Pallas*. Vol. 11. 1962. P. 7-27.

Jal P. La «Publicatio bonorum» dans la Rome de la fin de la République // *Bulletin de l'Association Guillaume Budé: Lettres d'humanité*. Vol. 26. 1967. P. 412-445.

Jal P. La guerre civile à Rome. Étude littéraire et morale. P., 1963.

Jehne M. Caesar. München, 1997.

Kapossy B. Marsyas und die Politik der Populären // *Schweizer Münzblätter*. Jg 15. Ht 59. 1965. S. 74-79.

Katz B. R. The First Fruits of Sulla's March // *L'Antiquité classique*. T. 44. 1975. P. 100-125.

Katz B. R. The Siege of Rome in 87 B. C. // *CPh*. Vol. 71. 1976a. P. 328-336.

Katz B. R. Studies on the Period of Cinna and Sulla // *L'Antiquité classique*. T. 45. 1976b. P. 497-549.

Katz B. R. Caesar Strabo's Struggle for the Consulship and More // *RhM*. Bd 120. 1977. P. 45-63.

Katz B. R. The Selection of L. Cornelius Merula // *RhM*. Bd 122. 1979. P. 162-166.

Katz B. R. Notes on Sertorius // *RhM*. Bd 126. 1983. P. 44-68.

Keaveney A. Sulla, Sulpicius and Caesar Strabo // *Latomus*. T. 38. 1979. P.451-460.

Keaveney A. Sulla Augur: Coins and Curiate Law // *American Journal of Ancient History*. Vol. 7. 1982a. P. 150-171.

Keaveney A. Young Pompey: 106-79 B. C. // *L'antiquité classique*. T. 51. 1982b. P. 111-139.

Keaveney A. Sulla and the Gods // *Studies in Latin Literature and Roman History*. Vol. III. Brussels, 1983a. P. 44-79.

Keaveney A. What Happened in 88? // *Eirene*. Vol. 20. 1983b. P. 53-86.

Keaveney A. Who were the Sullani? // *Klio*. Bd 66. 1984. P. 114-150.

Keaveney A. Rome and the Unification of Italy. L., 1987.

Keaveney A. Lucullus. A Life. L.; N. Y., 1992.

Keaveney A. Introduzione [alia biografia di Silla] // *Plutarco. Vite parallele.* Lisandro. Silla. Milano, 2001. P. 247-274.

Keaveney A. Sulla: the Last Republican. L.; N. Y., 2005a.

Keaveney A. Sulla the Warlord and Other Mythical Beasts I I The Statesman in Plutarch's Works. Vol. II. Leiden; Boston, 2005b. P. 297-302.

Keaveney A. The Army in the Roman Revolution. L.; N. Y., 2007.

Kelly G. P. A History of Exile in the Roman Republic. Cambr. etc., 2006.

Kendall S. The Struggle for Roman Citizenship. Romans, Allies, and the Wars of 91-77 BCE. Piscataway (NJ), 2013.

Kiene A. Der römische Bundesgenossenkrieg. Leipzig, 1845.

Klebs E. Albinovanus (2); Antistius (18); Antonius (28) // RE. Bd I. 1894. Sp. 1314, 2347, 2590-2594.

Klebs E. Atilius (38); Baebius (17) // RE. Bd II. 1896. Sp. 2098, 2730.

Konrad C. F. Plutarch's Sertorius. A Historical Commentary. Chapel Hill; London, 1994.

Konrad C. F. From the Gracchi to the First Civil War (133-70) // A Companion to the Roman Republic. Malden (Mass.), 2006. P. 167-189.

Koptev A. V. Cn. Pompeus Praetorship in Sicily and His Triumph ex Africa // Мнемон. Вып. 18. № 2. СПб., 2018. С. 49-68.

Kornemann E. Römische Geschichte. Bd I. Stuttgart, 1964.

Kubitschek W. De romanarum tribuum origine ac propagatione. Diss. Wien, 1882.

Kübler B. Mucius (22) // RE. Hbd 31. 1933. Sp. 437-446.

Kühne H. Zur Teilnahme von Sklaven und Freigelassenen an den Bürgerkriegen der Freien im I Jahrhundert v.u.z. in Rom // Studii Clasice. Bucuresti, 1962. T. 4. S. 189-209.

Labitzke M. Marius. Der verleumdete Retter Roms. Münster, 2013.

Lacey W. K. Boni atq; improbi // G&R. 2nd Ser. Vol. 17. 1970. P. 3-16.

Ładoń T. Caecilii Metelli i Sulla. Sojusznicy czy rywale? // Roczniki humanistyczne. T. LXVI. 2018. S. 189-205.

Laffi U. Il mito di Silla // Athenaeum. N. S. Vol. 45. 1967. P. 177-213, 255-277.

Lange L. Römische Altertümer. Bd III. B., 1871.

Lanzani C. Il console cjsuffectus» L. Valerio Flacco e la guerra mitridatica // Rivista di filologia e di istruzione classica. Vol. 39. 1911. P. 21-41.

Lanzani C. Mario e Silla. Storia della democrazia romana negli anni 87-82 a. C. Catania. 1915.

Last H. The Significance of the Jugurthine War; The *Leges Sulpiciae* and the First Capture of Rome; The First Consulship of Sulla; The Domination of

Cinna; The Return of Sulla // CAH. IX. 1932. P. 131-139, 201-210, 264-272.

Latte K. Römische Religionsgeschichte. München, 1960.

Leach J. Pompey the Great. L., 1978.

Letta C. Magistrature italiche e magistrature municipali: continuità o frattura? // *Campanile E., Letta C.* Studi sulle magistrature indigene e municipali in area italica. Pisa, 1979. P. 33-88.

Letzner W. Lucius Cornelius Sulla: Versuch einer Biographie. Münster, 2000.

Levick B. M. Sulla's March on Rome in 88 B.C. // *Historia*. Bd 31. Ht 4. 1982. P. 503-508.

Lewis R. G. A Problem in the Siege of Praeneste, 82 B. C. // *Papers of the British School at Rome*. Vol. 39. 1971. P. 32-39.

Loewis R. G. P. Sulpicius' Law to Recall Exiles, 88 B. C. // *CO. N. S.* Vol. 48. 1998L P. 195-199.

Liddell H. G. History of Rome, from the Earliest Times to the Establishment of the Empire. L., 1865.

Linden E. De bello civili Sullano. Friburgi Brisigavorum, 1896.

Linderski J. The Augural Law // *ANRW*. Tl. II. 3d 16. Tl. 3. B.; N. Y., 1986. P. 2146-2312.

Linke B. Die römische Republik von den Graechen bis Sulla. Darmstadt, 2005.

Lintott A. W. Violence in the Roman Republic. Oxford, 1968.

Lintott A. W. The Offices of C. Flavius Fimbrir // *Historia*. Bd 20. Ht 5-6. 1971a. P. 696-701.

Lintott A. W. The Tribunate of P. Sulpicius Rufus // *CO. N. S.* Vol. 21. 1971b. P. 442-453.

Lintott A. W. Political History, 146-95 B. C. // *CAH*. Vol. IX. Cambr., 1994. P. 40-103.

Lo Cascio E. Carbone, Druso e Gratidiano: la gestione della *res nummaria* a Roma tra la *lex Papiria* e la *lex Cornelia* // *Athenaeum*. N. S. Vol. 57. 1979. P. 215-238.

Lobur J. A. Consensus, Concordia, and the Formation of Roman Imperial Ideology. *Studies in Classics*. N. Y.; L., 2008.

Long J. The Decline of the Roman Republic. Voll. II. L., 1866.

Lovano M. The Age of Cinna: Crucible of Late Republican Rome. Stuttgart, 2002.

Luce T. J. Political Propaganda on Roman Republican Coins: Circa 92-82 B. C. // *AJPh*. Vol. 72. 1968. P. 25-39.

Luce T. J. Marius and Mithridatic Command // *Historia*. Bd 19. Ht 2. 1970.

P. 1614194.

Mackay Ch. S. Sulla and the Monuments: Studies in His Public Persona // *Historia*. Bd 19. Ht 2. 2000. P. 161-210.

Mackay Ch. S. The Breakdown of the Roman Republic: From Oligarchy to Empire. Cambr., 2009.

Magie D. Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century after Christ. Vol. I—II. Princeton, 1950.

Malden H. E. The Battle at the Colline Gate // *Journal of Philology*. Vol. 15. 1886. P 103-110.

Marastoni S. Fulminare i nemici: Silla, Postumio e Pars fulguratoria // *Klio*. Bd 90. 2008. P. 323-333.

Marco Simon F., Pine Polo F. Mario Gratidiano, los *compita* y la religiosidad popular a fines de la republica // *Klio*. Bd 82. 2000. P. 154-170.

Marin P. Blood in the Forum. The Struggle for the Roman Republic. L.; N. Y., 2009.

Marshall B. A. Crassus: A Political Biography. Amsterdam, 1976.

Martin J. Die Populären In der Geschichte der Späten Republik. Diss. Freiburg in Breisgau, 1965.

Martin T. R. Sulla Imperator Iterum: the Samnites and Roman Republican Coin Propaganda // *Schweizerische numismatische Rundschau*. Vol. 68. 1989. P. 19-44.

Marucci F. I luoghi della politica — la politica dei luoghi. La topografia della comunicazione negli anni della ‘Rivoluzione Romana’. Tesi di dottorato. Venezia, 2011.

Mastino A. Storia della Sardegna antica. Nuoro, 2005.

Mastrocinque A. L’incendio del Campidoglio e la fine del *saeculum* etrusco // *Geriön*. T. 23. 2005. P. 137-142.

Matthews K. D. jr. Cicero and the Age of Marius. Diss. Ph. D. [Philadelphia], 1961.

Mattingly H. B. The Consilium of Cn. Pompeius Strabo in 89 B. C. // *Athenaeum*. N. S. Vol. 53. 1975. P. 262-266.

Maurenbrecher B. Commentarii // *C. Sallusti Crispi historiarum reliquiae*. Fase. II. Lipsiae, 1893. P. 1-209.

Meier Ch. Populäres // *RE*. Splbd 10. 1965. Sp. 549-615.

Meier Ch. Res publica amissa. Eine Studie zu Verfassung und Geschichte der späten römischen Republik. Wiesbaden, 1966.

Meier Ch. Caesar. München, 1993.

Meister F. Der Krieg des Sertorius und seine spanischen Wurzeln: Untersuchungen zu Krieg und Akkulturation auf der Iberischen Halbinsel im 2.

und 1. Jh. V. Chr. Hamburg, 2007.

Mérimée P. Études sur l'histoire romaine. P., 1883.

Messer W. S. Mutiny in the Roman Army // CPh. Vol. 15. 1920. P. 158-175.

Meyer Ed. Die angebliche Centurienreform Sullas // Hermes. Bd 33. 1898. S. 652-654.

Meyer Ed. Kleine Schriften zur Geschichtstheorie und zur wirtschaftlichen und politischen Geschichte des Altertums. Halle, 1910.

Millar F. Politics, Persuasion and the People before the Social War (150—90 B. C.) // JRS. Vol. 76. 1986. P. 1-11.

Miltner F. Pompeius (31, 45) // RE. Hbd 42. 1952. Sp. 2062-2211, 2254-2262.

Mitchell T. N. The Volte-Face of P. Sulpicius Rufus in 88 B. C. // CPh. Vol. 70. 1975. P. 197-204.

Mitchell T. N. Cicerone: the Ascending Years. New Haven, 1979.

Mommsen Th. Geschichte des römischen Münzwesens. B., 1860.

Mommsen Th. Die römischen Patriciergeschlechter // RhM. Bd 16. 1861. S. 321-360.

Mommsen Th. Römische Geschichte. Bd II. B., 1881.

Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd I, III. Abt. 1. Leipzig, 1887.

Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd III. Abt. 2. Leipzig, 1888.

Moore C.L. Ex senatu eiecti sunt: Expulsion from the Senate of the Roman Republic, c. 319-50 BC. Diss. Ph. D. L., 2013.

Mora F. La scelta del «Princeps senatus» // Historia. Bd 52. Ht 4. 2003. P. 502-504.

Morstein-Marx R. Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic. Cambr., 2004.

Morstein-Marx R. Consular Appeals to the Army in 88 and 87: the Locus of Legitimacy in Late-Republican Rome // Consuls and *res publica*. Holding High Office in the Roman Republic. Cambr., 2011. P. 259-278.

Morstein-Marx R., Rosenstein T. The Transformation of the Republic // A Companion to the Roman Republic. Malden (Mass.), 2006. P. 625-637.

Mouritsen H. Italian Unification. A Study in Ancient and Modern Historiography. L., 1998.

Mouritsen H. Plebs and Politics in Late Republican Rome. Cambr., 2001.

Mouritsen H. Politics in the Roman Republic. Cambr., 2017.

Muniz Coello J. C. Flavivs Fimbria, consular y legado en la provincia de Asia (86/84 a. de C.) // Studia historica. Historia Antigua. T. 13-14. 1995-1996. P. 257-275.

Münzer F. Caecilius (98, 134) // RE. Hbd 5. 1897. Sp. 1221-1224,

12341235.

Münzer F. Claudius (296) // RE. Hbd 6. 1899. Sp. 2848-2849.

Münzer F. Cornelius (106, 134, 302, 338) // RE. Hbd 7. 1900. Sp. 1282-1287, 1297, 1422-1423, 1483-1485.

Münzer F. Domitius (22) // RE. Bd V. 1905. Sp. 1327-1328.

Münzer F. Fabius (82), Flavius (88) // RE. Bd VI. 1909. Sp. 1771, 2599-2601.

Münzer F. Gutta // RE. Hbd 14. 1912. Sp. 1952.

Münzer F. Iunius (58) // RE. Bd 10. 1919. Sp. 1025-1026.

Münzer F. Lutatius (7, 8) // RE. Bd 25. 1926. Sp. 2072-2094.

Münzer F. Marius (15, 42) // RE. Hbd 28. 1930. 1811-1815, 1825-1827.

Münzer F. Memmius (14) // RE. Hbd 29. 1931. Sp. 619-621.

Münzer F. Minucius (37) // RE. Hbd 30. 1932. Sp. 1947-1948.

Münzer F. Norbanus (5) // RE. Hbd 33. 1936. Sp. 927-930.

Münzer F. Octavius (20) // RE. Hbd 34. 1937a. Sp. 1814-1818.

Münzer F. Papirius (38) // RE. Hbd 36. 2. Dr. 1949. Sp. 1024-1031.

Münzer F. Perperna (6) // RE. Hbd 37. 1937b. Sp. 897-901.

Münzer F. Pontius (8), Popillius (27) // RE. Hbd 43. 1953. Sp. 33, 62-63.

Münzer F. Rutilius (34) // RE. 2. R. Hbd 1. 1914. Sp. 1269-1280.

Münzer F. Servilius (92) // RE. 2. R. Hbd 3. 1923. Sp. 1812-1817.

Münzer F. Sulpicius (92) // RE. 2. R. Hbd 7. 1931b. Sp. 843-849.

Münzer F. Valerius (176, 178) // RE. 2. R. Hbd 15. 1955. Sp. 22-30.

Neumann C. Geschichte Roms während des Verfalls der Republik. Bd I. Breslau, 1881.

Neumann C. Geschichte Roms während des Verfalls der Republik. Bd II. Breslau, 1884.

Neumann N. Der Ausnahmezustand in der Römischen Republik. Diss. Bd I. Wien, 2010.

Nicolet C. L'ordre équestre à l'époque républicaine (312-43 av. J.-C.). T. I. P., 1966.

Nicolet C. Le métier de citoyen dans la Rome républicaine. P., 1976.

Nicolet C. The World of the Citizen in Republican Rome. Berkeley; Los Angeles, 1988. I

Niebuhr B. G. Lectures on the History of Rome, from the Earliest Times to the Fall of the Western Empire. Vol. II. L., 1849.

Niese B. Grundriss der römischen Geschichte nebst Quellenkunde. München, 1923.

Noble F. M. Sulla and the Gods. Religion, Politics, and Propaganda in the Autobiography of Lucius Cornelius Sulla. Diss. Ph. D. Newcastle, 2014.

- Ooteghem J. Van.* Pompée le Grand, bâtisseur d'Empire. Bruxelles, 1954.
- Ooteghem J. Van.* Caius Marius. Bruxelles, 1964.
- Ooteghem J. Van.* Les Caecilii Metelli de la République. Bruxelles, 1967.
- Pareti L.* Storia di Roma e del mondo tomano. Vol. III. Torino, 1953.
- Parker V.* The Annalists and Marius' Early Career // *Würzburger Jahrbücher für die Altertumswissenschaft.* Bd 31. 2007. P. 131-145.
- Passerini A.* Caio Mario come uomo politico // *Athenaeum.* N. S. Vol. XII. 1934. P. 10-44, 109-143, 257-297, 348-380.
- Passerini A.* Caio Mario. Roma, 1941.
- Pedroni L.* L'Eredità di Tolomeo e le monete di Silla // *Pomoerium.* Vol. 3. 1998. P. 87-98.
- Pérez Vilatela L.* Notas // *Plutarco.* Vidas de Sertorio y Pompeo / Edición de Rosa Mª Aguilar y Luciano. Madrid, 2004. P. 44-101, 114-242.
- Petkovic Z.* Sulla and the Liburnian Campaign of Cinna // *Aevum.* Vol. 82. 2008. P. 119-125.
- Phang S. E.* Roman Military Service Ideologies of Discipline in the Late Republic and Early Principate. Cambr.; N. Y., 2008.
- Piccirilli L.* Commenta [alla vita di Lucullo] // *Plutarchus.* Le vite di Cimone e di Lucullo / Plutarco. Milano, 1997. P. 269-343.
- Piegdou M.* Krassus. Polityk niespelnionych nadziei. Krakow, 2014.
- Pina Polo F.* Las contiones civiles y militares en Roma. Zaragoza, 1989.
- Pina Polo F.* Contra arma verbis: Der Redner vor dem Volk in der später römischen Republik. Stuttgart, 1996.
- Pina Polo F.* The Consul at Rome: the Civil Functions of the Consuls in the Roman Republic. Cambr.; N. Y., 2011.
- Plaumann G.* Das sogenannte *senatus consultum ultimum*, die Quasidiktatur der späteren römischen Republik // *Klio.* Bd 13. 1913. S. 321-386.
- Poma G.* Un appello agli schiavi ad Utica e il ruolo della provincia d'Africa negli anni della lotta tra Mario e Silla // *Antiquités africaines.* T. 17. 1981. P. 21-35.
- Powell J. G. F.* The Tribune Sulpicius // *Historia.* Bd 39. Ht 4. 1990. P. 446-460.
- Pozzi E.* Studi sulla guerra civile sillana // *Atti della Reale Accademia delle Scienze di Torino.* Vol. 49. 1913/1914. P. 641-679.
- Prag J.* Roman Magistrates in Sicily, 227-49 BC // *La Sicile de Cicéron: lecture des Verrines.* Actes du colloque de Paris (19-20 mai 2006). Besançon, 2007. P. 287-310
- Rafferty D.* Princeps Senatus // *Melbourne Historical Journal.* Special Issue 2: Cultural (Re)constructions. 2011. P. 1-22.

- Ramage E. S.* Sullas Propaganda // *Klio*. Bd 73. 1991. P. 93-121.
- Ramsey J. T.* Sallust's *Bellum Catilinae*. Oxford, 2007.
- Rawson E. L.* Cornelius Sisenna and the Early First Century B. C. // *CO. N. S.* Vol. 29. 1979. P. 327-346.
- Rawson E.* Sallust on the Eighties? // *CO. N. S.* Vol. 37. 1987. P. 163-180.
- Reinach A.* L'origine du Marsyas du Forum // *Klio*. Bd 14. 1915. P. 321-337.
- Reinach Th.* Mithradates Eupator: König von Pontos. Leipzig, 1895.
- Ridley R. T.* The Dictator's Mistake: Caesar's Escape from Sulla // *Historia*. Bd 49. Ht 2. 2000. P. 211-229.
- Rijkhoek K. G.* Studien zu Sertorius. Bonn, 1992.
- Rivero Gracia M.P.* Imperator populi romani. Una aproximacion al poder republican. Zaragoza 2006.
- Robb M. A.* Beyond Populäres and Optimates: Political Language in the Late Republic. Stuttgart, 2010.
- Romanelli P.* Storia delle Province Romane dell'Africa. Roma, 1959.
- Rosenblitt J. A.* Roma after Sulla. London; Oxford, 2019.
- Rosillo Lopez C. R.* La corruption à la fin de la république Romaine (IIe— Ier s. av. J.-c.): aspects politiques et financiers. Diss. Ph. D. Neuchâtel, 2005.
- Rosillo Lopez C.* Public Opinion and Politics in the Late Roman Republic. Cambr., 2017.
- Rowland R. J.* Numismatic Propaganda under Cinna // *TAPhA*. Vol. 97. 1966. P. 407-419.
- Salmon E. T.* Notes on the Social War // *TAPhA*. Vol. 89. 1958. P. 159-184.
- Salmon E. T.* Sulla Redux // *Athenaeum*. N. S. Vol. 42. 1964. P. 60-79.
- Salmon E. T.* Samnium and Samnites. Cambr., 1967.
- Santalucia B.* Studi di diritto penale romano. Roma, 1994.
- Santangelo F.* Sulla and Senate: A Reconsideration // *Cahiers du Centre Gustave-Glotz*. T. 17. 2006. P. 7-22.
- Santangelo F.* Sulla, the Elites and the Empire: A Study of Roman Policies in Italy and the Greek East. Leiden; Boston, 2007.
- Santangelo F.* Romain Politics in the 70s B. C.: a Story of Realignment? // *1RS*. Vol. 104. 2014. P. 1-27.
- Santangelo F.* Marius. L.; N. Y., 2016a.
- Santangelo F.* The Statue of Marsyas // *Ruin or renewal? Places and the transformation of merrjory in the city of Rome*. Roma, 2016b. P. 49-71.
- Santangelo F.* La marcia su Roma dell'88 A. C. // *L'età di Silla. Atti del convegno Istituto italiano per la storia antica Roma, 23-24 marzo 2017* / A cura di M. T. Schettino, G. Zecchini. Roma, 2018. P. 191-204.

Santos Yanguas J. Sertorio: un romano contra Roma en la crisis de la republica? // Ordine e sowersione nel mondo greco e romano. Atti del convegno internazionale, Cividale del Friuli, 25-27 settembre 2008. Pisa, 2009. P. 177-192.

Sartori F. Cinna e gli schiavi // Actes du Colloque 1971 sur l'esclavage. P., 1973. P. 151-169.

Scardigli B. Sertorio: Problemi cronologici // Athenaeum. N. S. Vol. 49. 1971. P. 229-270.

Scardigli B. Die Römerbiographie Plutarchs. München, 1979.

Scardigli B. Marius und Sulla im Opusculum des Exuperantius // Ziva Antika.45. 1995. S. 303-312.

Schietinger G.-F. Ein I politischer Ziehsohn der Caecilii Metelli? Biographische Anmerkungen zu Sulla // Gymnasium. Bd 120. 2013. S. 207-227.

Schneider H. Die Entstehung der römischen Militärdiktatur. Krise und Niedergang einer antiken Republik. Köln; Darmstadt, 1977.

Schulten A. Sertorius. Leipzig, 1926.

Schur W. Sallust als Historiker. Stuttgart, 1934.

Schur W. Das Zeitalter des Marius und Sulla. Leipzig, 1942.

Schwartz E. Appianus (2) // RE. Bd II. 1896. Sp. 216-237.

Scullard H. H. From the Gracchi to Nero. A History of Rome from 133 B. C. to AID. 68. L.;N. Y. 2010.

Seager R. Pompey the Great. A Political Biography. Malden; Oxford, 2002.

Seager R. Sulla // CAH². IX. 1994. P. 165-207.

Sear D. R. Roman Coins and Their Values. Vol. I. L, 2000.

Shatzman I. The Roman General's Authority over Booty // Historia. Bd 21. Ht 2. 1972. P. 177-205.

Shatzman I. Senatorial Wealth and Roman Politics. Bruxelles, 1975.

Sherwin-White A. N. Roman Citizenship. Oxford, 1939.

Sherwin-White A. N. Roman Foreign Policy in the East 168 B. C. — A. D. 1. L., 1984.

Shotter D. The Fall of the Roman Republic. L.; N. Y., 1994.

Sigmund Ch. ‚Königtum‘ in der politischen Kultur des spätrepublikanischen Rom. B., 2014.

Simons B. Cassius Dio und die römische Republik. B.; N. Y., 2009.

Sirago V. A. Silla a Gravina (83 a. C). // Vedi Gravina IV. Gravina di Puglia, 1989. P. 21-27.

Small J. P. Cacus and Marsyas in Etrusco-Roman Legend. Princeton, 1982.

Smith R. E. Service In the Post-Marian Roman Army. Manchester, 1958.

Smith Ch. Sulla's Memoirs *I I* The Lost Memoirs of Augustus and the Development of Roman Autobiography / Eds Ch. Smith and A. Powell.

Swansea, 2009. P. 65-85.

Sordi M. La fuga di Mario nell'88 e gli Etruschi d'Africa // *Klio*. Bd 73. 1991. P. 408-412.

Southern P. Pompey the Great. Stroud; Charleston, 2002.

Spann Ph. O. Quintus Sertorius and the Legacy of Sulla. Fayetteville, 1987.

Stahl G. De beilo Sertoriano. Diss. Erlangen, 1907.

Steel C. The End of the Roman Republic 146 to 44 BC: Conquest and Crisis. Edinburgh, 2013.

Stewart R. The Jug and Lituus on Roman Republican Coin Types: Ritual Symbols and Political Power // *Phoenix*. Vol. 51. No. 2. 1997. P. 170-189.

Stone A. M. *Pro and anti: the dignitas of the Senate in 88 BC* // *Thinking Like a Lawyer: Essays on Legal History and General History for John Crook on his Eightieth Birthday* / Ed. P. McKechnie. Leiden; Boston; Köln, 2002. P. 191-212.

Strachan-Davidson J. L. Appian: Civil Wars, Book 1. Oxford, 1902.

Strasburger H. *Optimates I I RE*. Hbd 35. 1939. Sp. 773-798.

Straumann B. Crisis and Constitutionalism. Roman Political Thought from the Fall of the Republic to the Age of Revolution. Oxford; New York, 2016.

Strisino J. Sulla and Scipio 'not to be trusted'? The Reasons why Sertorius captured Suessa Aurunca // *Latomus*. T. 61. 2002. P. 33-40.

Sudrez Pineiro A. M. La reforma del sistema electoral romano durante el dit mo siglo de la Repiublica // *Gallaecia*. T. 17. 1998. P. 425-446.

Sumner G. V. Aspects of the History of the 'comitia centuriata' in the Middle and Late Republic // *Athenaeum*. N. S. Vol. 40. 1962. P. 37-84.

Sumner G. V. Orators in Cicero's Brutus: Prosopography and Chronology. Toronto, 1972.

Sundén J. M. De tribunicia potestate a L. Sulla imminuta quaestiones. Upsala, 1897.

Suolahti J. The Roman Censors: A Study on Social Structure. Helsinki, 1963.

Sydenham E. A. Coinage of the Roman Republic. L, 1952.

Syme R. The Roman Revolution. Oxford, 1939.

Syme R. Review pn: *Schur W.* Das Zeitalter des Marius und Sulla. Leipzig, 1942 // *JRS*. Vol. 34.11944. P. 103-109.

Syme R. Sallust. Berkeley; Los Angeles; London, 1964.

Tansey P. The Death of M. Aemilius Scaurus («Cos». 115 B. C.) // *Historia*. Bd 52. Ht 3. 2003. Pi 378-383.

Taylor L. R. The Rise of Julius Caesar // *G&R*. 2nd Ser. Vol. 4. 1957. P. 10-18.

Taylor L. R. The Voting Districts of the Roman Republic. The Thirty Five Urban and Rural Tribes. Rome, 1960.

Thein A. G. Sulla's Public Image and the Politics of Civic Renewal. Diss. Ph. D. [Pittsburgh] 2002.

Thommen L. Das Volkstribunat der späten römischen Republik. Stuttgart, 1989.

Thonemann P. J. The Date of Lucullus' Quaestorship // ZPE. Bd 149. 2004. P. 80-82.

Tibiletti G. Marsyas, die Sklaven und die Marsen // Studi in onore di Emilio Betti. Vol. IV. Milano, 1962. S. 351-359.

Timmer J. M. 'Bamatuli iuvenes' — Überlegungen zur Stellung der Jugend in der späten römischen Republik // Historische Anthropologie. Jg. 13. Ht 2. 2005. S. 197-219.

Treggiari S. Roman Freedmen During the Late Republic. Oxford, 1969.

Treves P. Sertorio // Athenaeum. N. S. Vol. 10. 1932. P. 127-147.

Turcan R. Encore la prophétie de Végoia // L'Italie préromaine et la Rome républicaine. I. Mélanges offerts à Jacques Heurgon. Rome, 1976. P. 1009-1019.

Ungern-Sternberg von Pürkel J. Baron. Untersuchungen zum spätrepublikanischen Notstandsrecht. Senatus consultum ultimum und hostis-Erklärung. München, 1970.

Urso G. Cassius Dio's Sulla: Exemplum of Cruelty and Republican Dictator // Cassius Dio: Greek Intellectual and Roman Politician / Ed. by C. H. Lange, J. M. Madsen. Leiden; Boston, 2016. P. 13-32.

Valgiglio E. Silla e la crisi repubblicana. Firenze, 1956.

Valgiglio E. Introduzione. Commento // *Plutarco*. Vita di Silla. Torino, 1960.

Valgiglio E. Commento // *Plutarco*. Vita di Mario. Firenze, 1967.

Valgiglio E. L'autobiografia di Silla nelle biografie di Plutarco // Atti del Convegno: gli storiografi latini tramandati in frammenti. Urbino, 1975. P. 245-281.

Verboven C. The Monetary Enactments of M. Marius Gratidianus // Studies in Latin Literature and Roman History / Ed. by C. Deroux. Vol. VII. Bruxelles, 1994. P. 117-131.

Vogt J. Weltreich und Krise. Römische Republik II. Freiburg im Breisgau, 1962.

Volkman H. Sullas Marsch auf Rom. Der Verfall der Römischen Republik. München, 1958.

Vretska K. Studien zu Sallusts Bellum Jugurthinum. Wien, 1955.

Ward A. M. Marcus Crassus and the Late Roman Republic. Columbia;

London, 1977.

Ward G. A. Centurions: the Practice of Roman Officership. Diss. Ph. D. Chapel Hill, 2012.

Watkins O. D. The Death of Cn. Pompeius Strabo // RhM. Bd 131. 1988. P. 143-150.

Weinrib E. J. The Prosecution of Roman Magistrates // Phoenix. Vol. 22. 1968. P. 32-56.

Weinstock S. Divus Julius. Oxford, 1971.

Werner V. Quantum bello optimus, tantum pace pessimus. Studien zum Mariusbild in der antiken Geschichtsschreibung. Bonn, 1995.

Weynand R. Marius // RE. Splbd VI. 1935. Sp. 1363-1425.

Wiehn A. K. E. Die illegalen Heereskommanden in Rom bis auf Caesar. Diss. Marburg, 1926.

Wiilems P. Le sénat romaine: sa composition et ses attributions. T. IL P., 1883.

Williamson C. The Laws of the Roman People. Public Law in the Expansion and Decline of the Roman Republic. Ann Arbor, 2005.

Wilsdorf D. Fasti Hispaniarum provinciarum. Lipsiae, 1878.

Wirszubski Ch. Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate. Cambr., 1968.

Wiseman T. P. The Census in the First Century B. C. // JRS. Vol. 59. 1969. P. 59-75.

Wiseman T. P. New Men in the Roman Senate (139 B. C. — A. D. 14). Oxford, 1971.

Wosnik B. Untersuchungen zur Geschichte Sullas. Diss. Bonn, 1963.

Zorzetti N. Praefatio // *Iulius Exuperantus.* Iulii Exuperantii opusculum / Ed. N. Zorzetti. Leipzig, 1982. P. V-XX.

Zumpt A. W. Studia romana, sive de selectis antiquitatum romanarum capitibus commentationes quattuor. B., 1859.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ** — Вестник древней истории
ANRW — Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt
AJPh — American Journal of Philology
CAH — The Cambridge Ancient History
CIL — Corpus inscriptionum latinarum
CPh — Classical Philology
CO — Classical Quarterly
G&R — Greece and Rome
ILLRP — Inscriptiones Latinae liberae rei publicae
ILS — Inscriptiones Latinae selectae
JRS — Journal of Roman Studies
MRR — *Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. I—II.*
N. Y., 1951-1952
OGIS — Orientis Graecae inscriptiones selectae
RE — Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft
RhM — Rheinisches Museum für Philologie
TAPhA — Transactions of the American Philological Association
TAPhS — Transactions of the American Philological Society
ZPE — Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

НЕКОТОРЫЕ ЛАТИНСКИЕ ТЕРМИНЫ И ФОРМУЛИРОВКИ

auctoritas — латинский термин, обозначавший влияние политика и условно переводимый как «авторитет»

bellum sociale — Союзническая война

boni — «добропорядочные», термин, обозначавший представителей элиты, сторонников существующего порядка вещей, т. е. власти этой элиты

cives novi — «новые граждане», применительно к событиям 80-х гг. до н. э. италийцы, получившие гражданство в результате Союзнической войны

cives seditiosi — «мятежные граждане»

cives veteres — «старые граждане», т. е. кто обладал правами римского гражданства еще до Союзнической войны

civitas Romana — римское гражданство; римский полис

consul sine collega — «консул без коллеги», т. е. в ситуации, когда консул умирал или не избирался

cursus honorum — дословно «путь почестей», т. е. карьера сенатора, начинавшаяся в досулланскую эпоху с включения человека после исполнения должности квестора в сенат при ближайшем обновлении его списков во время ценза. В *cursus honorum* входили магистратуры квестора, эдила, претора, консула и цензора

dignitas — термин, обозначавший формальное и фактическое положение представителя римской элиты и условно переводимый как «достоинство»

équités — представители всаднического сословия — единственного, чьи представители могли становиться сенаторами

flamen Dialis — фламмин Юпитера

homo privatus — частное лицо

hostis publicus (*hostis*), мн. ч. *hostes publici* — в эпоху гражданских войн — государственный преступник, официально таковым объявленный

inimicus (мн. ч. *inimici*) — личный враг (враги) (в политическом контексте)

iudex (*iudices*) *quaestionis* — председатель (председатели) судебной комиссии, назначавшийся претором

ius provocationis — право апелляции к комициям по поводу судебных приговоров

ius buffragii — право голосования в комициях (один из основных компонентов римского гражданина)

ius vitae necisque — «право жизни и смерти», т. е. право казнить римских граждан без суда, которым обладали за пределами померия высшие магистраты

lectio senatus — составление списков сената при проведении ценза

lex annalis (lex Villia annalis) — закон Виллия (180 г. до н. э.), предусматривавший порядок занятия магистратур

cursum honorum, минимальный возраст для них и временной интервал

lex de aere alieno — закон о долгах

lex de repetundis — закон о вымогательствах со стороны наместников

lex de novorum civium libertinorumque suffragiis — закон о даровании новым гражданам прав голосования

lex Plautia iudiciaria — закон Плавтия о судах

lustrum — процедура очищения, совершавшаяся после проведения ценза и неразрывно с ним связанная

ordo equestris — всадническое сословие

ordo senatorius — сенаторское сословие

patres (patres conscripti) — обозначение сенаторов («отцов»)

peculatus — хищение принадлежащего государству или богам

privatus cum imperio — частное лицо, наделенное империем

publicatio bonorum — конфискация имущества

quaestiones perpetuae — постоянные судебные комиссии по делам о вымогательствах (в отличие от судов, собиравшихся для рассмотрения одного дела)

regnum — царская власть, а также метафорическое обозначение; обвинение в стремлении

senatus consultum — постановление сената

senatus consultum ultimum (SCU) — постановление сената о чрезвычайном положении, дававшее консулам полномочия для бессудной расправы с мятежниками (*seditiosi*); поскольку это лишало потенциальных жертв расправы права на обращение к комициям, легитимность SCU была более чем сомнительной, и его фактической основой являлся удачный для сторонников такового расклад политических сил *suo anno* — «в свой год», т. е. первый год, предусмотренный *lex annalis* для занятия той или иной должности

virtus — термин, которым обозначался комплекс добродетелей образцового гражданина (*vir bonus*), но в основе его лежала прежде всего воинская доблесть.

АНТОН ВИКТОРОВИЧ КОРОЛЕНКОВ

ПЕРВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РИМЕ

Научное издание

Директор издательства *В. В. Чубарь*
Выпускающий редактор *Л. А. Галаганова*
Технический редактор *О. В. Новикова*
Подготовка макета ИП *Трофимов В. Ю.*

ООО «Издательство «Евразия»

197110, Санкт-Петербург, ул. Барочная, д. 2, лит. А, пом. 3-Н

Подписано в печать 31.08.2020.

Усл.-печ. л. 29. Формат 60 * 90 Vie

Гарнитура «PT Serif».

Тираж 1000 экз.

Печать офсетная.

Заказ №6109.

Отпечатано с готовых диапозитивов в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru Тел. 8 (495) 988-63-76, т/ф. 8 (496) 726-54-10

Началом эпохи гражданских войн в Риме стало выступление Гракхов в 133 г. до н. э., но собственно войны начались в 88 г. до н. э., когда Сулла повел свои легионы на Рим и взял его штурмом. В первый момент никто ещё, по-видимому, не осознал масштабов случившегося, однако уже через год противники установленных Суллой порядков сами пошли на Рим и овладели им. В 83 г. Сулла возвратился с Востока, прервав войну с Митридатом VI Понтийским, чтобы расправиться со своими врагами в Италии. Почти два года тяжелых боев закончились битвой у Коллинских ворот 1 ноября 82 г., страшным эпилогом которой стало избиение Суллой нескольких тысяч пленных, а сам он стал диктатором. Еще несколько месяцев продолжались бои в разных уголках Италии, в Африке, в Испании...

Но не только битвы наполняли эти годы. Медленно, но неуклонно решался вопрос о правах италийцев, менялось административное деление Италии, приводилась в порядок финансовая система Рима. Это было рубежное время, на которое пришлось последние годы Суллы, Мария, Антония Оратора, а Цезарь, Помпей, Красс, Цицерон делали первые шаги в политике. Впереди были новые гражданские войны и гибель Республики.

ISBN 978-5-8071-0475-5

9 785807 104755

ПЕРВАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РИМЕ

А. В. КОРОЛЕНКОВ

Примечания

Наряду с позднейшими текстами сохранилось немало трудов современников — Цицерона, Цезаря, Саллюстия и других, а также важные надписи (достаточно вспомнить «Деяния божественного Августа»).

В свое время не раз высказывалась точка зрения, согласно которой они были написаны на греческом языке (лит. см. Calabi 1950, 249), но сегодня в науке практически безраздельно господствует мнение о том, что их языком был латинский, учитывая обилие цитат на нем из мемуаров Суллы у латинских грамматиков (Calabi 1950, 249; Ooteghem 1964, 18; Valgiglio 1975, 245-251; Alonzo-Núñez 2005, 100; Keaveney 2005a, 217, п. 2; Noble 2014, 30, 46). Однако последнюю книгу мемуаров дополнил (*supplevit*) вольноотпущенник Корнелий Эпилад (Suet. De gramm. 12), — крайне странно, если бы эллину поручили править и/или дополнять латинский текст; логичнее думать, что воспоминания были написаны по-гречески. Что же до латинских цитат, то вполне возможно существование и латинского варианта мемуаров, как то имело место, например, в случае с трудом Фабия Пиктора (Gell. V. 4), изначально написанным по-гречески (Cic. Div. I. 43). Некоторые ученые, напротив, допускают существование греческой версии наряду с изначальной латинской (Alonzo-Núñez 2005, 104; Becker 2008, 149: он считает, что именно Эпиладу и принадлежит греческая версия, однако, учитывая отсутствие оговорок у Светония, остается думать, что именно она и была исходной). В целом вопрос остается спорным (Behr 1993, 9).

Он, например, уверял, будто Марий озлобился, когда Сулла поделился продовольствием с его солдатами (?!) во время войны с кимврами (HRR2 I, 196 = Plut. Sulla 4. 5-6), или что воины Мария в битве при Верцеллах заблудились в клубах пыли (!) и надолго упустили врага (Plut. Mar. 26.5).

Короленков, Смыков 2007, 78-79, 89-90, 94-95, 151-152; Drummond 2008, 400.

HRR I², 197-199, 201 = Cic. Div. I. 72; Plut. Sulla 6. 10-11; 17. 2-4.

См. Noble 2014, 99-123, 175-180, 212-223.

Syme 1964, 180, n. 1; Rawson 1979, 327, n. 1; Gerrish 2012, 36. По мнению Р. Сайма, подходящим финалом для «Истории» Сисенны могли стать похороны Суллы. Описание исключительно современных событий, бесспорно, было новым явлением в римской историографии (Becker 2008, 118, 153).

Это истолковывается и как просто слишком благоприятные высказывания о Сулле (Syme 1964, 177), и как преуменьшение Сисенной его жестокостей (Rawson 1979, 336, 338), и как отказ от критики диктатора во избежание вражды к себе со стороны видных сулланцев (Gerrish 2012, 18-19).

То, что Сисенна пользовался наряду с устными данными мемуарами Суллы и материалами архивов (Lovano 2002, 145), возможно, но недоказуемо.

По мнению Х. Петера (HRR, I², CCCLXXX), это консул 67 г. до н. э. Гай Кальпурний Пизон. К Пизону, как полагает М. Сорди, восходит та часть рассказа Плутарха о скитаниях Мария, где подчеркиваются его *dignitas* и *maiestas* (Sordi 1991, 409).

И это несмотря на то, что Посейдоний встречался с Марием во время творившихся последним убийств (Parker 2007, 142-143).

Mitchell 1979, 82-83 (с указанием соответствующих мест у Цицерона).

См. также: Cic. Brut. 227-228; Phil. I. 34; Lovano 2002, 150.

Werner 1995, 213. Нечто подобное мы наблюдаем у Цицерона и в отношении Гая Гракха и Клодия (см. Morstein-Marx 2004, 215-216). К. Братска не различает в данном случае речи перед народом и в сенате (Vretska 1955, 126-127), хотя рассматривает при этом почти исключительно речи перед народом или в суде.

Показательно освещение этого эпизода в речах по возвращении из изгнания перед народом (7,10,19-20) и сенатом (38) — оратор в обеих говорит об убийствах, учиненных Марием, но в первой он признает величие духа (*virtus animi*) земляка (19), тогда как во второй говорит о том, что Марий едва не уничтожил сенат (38) (см. Werner 1995, 177-182). К. Вретска отмечает только два случая критики Мария в речах Цицерона (Phil. VIII. 7; XI. 7; Vretska 1955, 126 + Anm. 78), что является очевидным недоразумением.

При этом «свирепость» (*crudelitas*) выделяется как важнейшая черта его характера.

Т. Ф. Кэрни отмечает, что это единственное упоминание такого рода о Цинне, причем как о военачальнике второго ряда, легата, и к тому же лишь на заключительном этапе Союзнической войны (Carney 1960a, 114), но такое упоминание представляется важным само по себе.

Cic. Alt. IX. 10. 3; Carney 1960a, 114.

Har. resp. 43; De orat. III. 11; Chapman 1979,61-72. Б. Г. Нибур и вовсе считал, что Цицерон «нежно любил» Сульпиция (Niebuhr 1849, 368). Л. Ходжсон, напротив, полагает, что Цицерон видел в Сульпиции человека, хорошо выучившегося ораторскому искусству, но не гражданской добродетели (Hodgson 2017a, 172-176). Однако Цицерон, насколько известно, не делал откровенно несимпатичных ему людей персонажами своих диалогов, а, кроме того, Л. Ходжсон не знакома со статьей К. Чапмен об образе Сульпиция у Цицерона, без чего ее выкладки сильно проигрывают.

И Цинну, и Мария за их репрессии Цицерон осуждал весьма сурово (см. классический пассаж: ND III. 81). Аналогичная критика Суллы относится ко времени его диктатуры, а не ко времени гражданской войны.

По мнению Р. В. Дерозьера, поведение Суллы в 83—82 гг. Цицерон оправдывал куда больше, чем в 88 г., когда тот взял штурмом Город (Desrosiers 1970, 184).

Образ Сертория у Саллюстия оценивался в литературе и как положительный, и как отрицательный, однако более убедительной кажется точка зрения, согласно которой писатель трактует его как двойственный персонаж (см. Gerrish 2012, 65-115).

Vreška 1955, 104; Syme 1964, 163 (o Марии); Короленков 2004, 184 (o Сулле).

Lovano 2002, 149; Parker 2007, 139.

Именно у Диодора впервые появляется версия о страхе Мария перед грядущим походом Суллы на Рим и вызванном этим страхом его самоубийстве (XXXVIII. 29. 4).

Diod. XXXVIII. 15; Linden 1896, 12.

Вполне возможно, что в такой утрированной форме это утверждение является уже результатом «творчества» эпитоматора.

Liv. Per. 84-85; Linden 1896, 9.

Жестокость Суллы, по мнению Веллея, превзошла даже жестокость Мария (II. 22. 1; Sigmund 2014, 297).

Впрочем, не без оговорок: отмечается, что он взял Рим силой оружия (*urbem... armis occupavit*) и казнил Сульпиция, чья голова на рострах стала предвестием проскрипций (Veil. Pat. II. 19. 1).

Впрочем, в следующей же главе Веллей себе противоречит, с похвалой отзываясь о подавлении Марием движения Сатурнина (II. 12. 6). Не говорится о его стремлении получить командование в войне против Митридата — сообщается лишь о передаче ему такового по закону Сульпиция (II. 18. 6; Kendall 2013, 428, п. 19), чем частично смягчается ответственность арпината за дальнейшие события. Однако ставить характеристику Мария в один ряд с оценкой Помпея (II. 29) как образец взвешенного похода (Gowing 2005, 37) вряд ли верно, ибо последний изображен (в отличие от арпината) как личность сугубо положительная (см. Немировский 1996, 243).

«он был опрометчив в решениях, но в [их] осуществлении — истинный муж (*in consultando temerarium, in exequendo virum*)» (Veil. Pat. II. 24. 5; вторая часть этой сентенции сходна с оценкой Суллы у Аппиана: ВС. I. 103. 487), по выражению М. Ловано, almost a sort of admiration (Lovano 2002, 153). По мнению К. Зигмунда, Марий, Цинна и Сулла в глазах Веллея являют контраст по сравнению с «образцовым республиканским политиком» Цезарем (Sigmund 2014, 298).

Veil. Pat. II. 18. 4-28.2; Немировский 1996, 243. Заметим, что события от трибуната Тиберия Гракха до гибели Сатурнина занимают почти столько же, 12 глав (И. 1-12).

Это характерно для труда Веллея в целом: Немировский 1996, 263.

См. Lovano 2002, 153; Gowing 2005, 59-62.

При этом стоит отметить особый интерес Валерия Максима к Марию, который упоминается у него 94 (!) раза, тогда как Сулла — только 28, Сципион Африканский — 46, Сципион Эмилиан — 30 (Carney 1962, 219).

Убитые по воле Мария, Цинны и Суллы образуют у Лукана, по выражению П. Жаля (1963, 51), *la sinistre trilogie* — *Sulla potens Mariusque ferox et Cinna cruentus* (IV. 822).

Lucan. II. 169: meque ipsum memini; Gowing 2005, 85.

Balsdon 1951, 2 + п. 16-17 (со ссылками на тексты Плутарха). Э. Вальджильо пишет о 25 случаях цитирования (Valgiglio 1975, 253), но не указывает их. Мнение о том, что мемуары Суллы — главный источник его биографии у Плутарха (Keaveney 2001, 249), представляется, однако, недоказанным (см. Calabi 1950, 281); можно лишь *предполагать* с высокой степенью вероятности, что они привлекались чаще других источников.

Прежде всего в биографии Сертория (Stahl 1907, 32; Schulten 1926, 5; Syme 1964, 178; Гурин 2001, 4).

Plut. Sulla 6.9; 28.14; Mar. 45. 7-9; Crass. 5.6. По мнению М. Ванга, одним из источников в рассказе о пребывании Мария в Минтурнах мог быть Корнелий Непот (Bang 1910, 183-184). К. Вителли считает основными источниками Плутарха для биографии Суллы Посейдония, Страбона и Ливия, причем двое последних частично восходят к тому же Посейдонию (см. Scardigli 1979, 90), однако фрагменты этих авторов для столь ответственных выводов, как кажется, не дают достаточно оснований.

В одной только биографии Суллы — 23 (Valiglio 1960, IX), впрочем, из них в разделах о гражданской войне всего 4.

Аверинцев 1973, 223. Любопытно, что тираном у Плутарха Сулла назван лишь в синкрисисе (Sulla 39.7; 41.1; Scardigli 1979, 89).

Кроме того, указывается, что он пощадил Суллу, когда тот укрывался в его доме, а будущий диктатор обрек его на смерть (Sulla 10.3).

Plut. Mar. 34-45; Werner 1995, 318-366 (с указанием литературы).

Sigmund 2014, 343-344 + Anm. 223 (со ссылками на источник).

См. Powell 1990, 450; Werner 1995, 322.

Bessone 1993, 107 + п. 115; 109 + п. 122; Nose 1994, 139; Немировский 1996, 270.

Своего рода литературная миниатюра, каких немало у Флора (Носе 1994, 94).

Вряд ли такое сравнение содержалось у Ливия; по-видимому, это пример «культурного эклектизма» в труде Флора (см. Bessone 1993, 107). Восходит оно к какому-то другому автору или принадлежит самому Флору, сказать трудно.

Это характерно и для других глав второй части труда Флора (Дуров 1993, 115).

Флор оживляет изложение тремя риторическими вопросами (III. 21. 17; 19; 25; Nose 1994, 94) — больше, чем в любой другой главе его сочинения.

Цитаты из античных авторов даются в переводах из отечественных изданий, указанных в списке источников (иногда с изменениями), а в случае отсутствия таковых — в переводе автора книги.

Э. Габба указывает, что начиная именно с ВС. I. 55 изложение Аппиана становится более подробным (Gabba 1956, 90. Также см. Hinard 2008, 19 + п. 19, где рассказ об этих событиях ошибочно определяется в 153 параграфа, хотя на деле их не менее 200: I. 55. 240-95. 440), но это не касается затишья, наступившего с весны 87 по лето 85 г. до н. э. — Аппиана, естественно, больше интересовали яркие события.

См. Ensslin 1926, 415-465; Gabba 1956, 89-92 (Ливий как главный источник Аппиана в рассказе о гражданской войне); Lovano 2002, 157-158.

См. Короленков 2011, 133-139.

За: Carcopino 1947, 237; Alonzo-Nimez 2005, 105; против: Calabi 1950, 281.

Schwartz 1896, 222; также см. Linden 1896, 8,19. Правда, Э. Шварц полагает, что Посейдоний использовался Аппианом не напрямую.

App. BC. I. 80; cp. Sail. Hist. V. 20 (Schwartz 1896, 223).

Schwartz 1896, 222; Lovano 2002, 158.

Даже Э. Габба, считающий Ливия главным источником Аппиана, признает отклонения образа Суллы у Аппиана от ливианского (Gabba 1956, 94).

См.: ВС. I. 3. 10; 79. 361; 99. 461-462. Правда, М. Хозе считает, что почти во всех случаях речь идет просто о царской власти, к которой Аппиан относится положительно, исключение составляет ВС. I. 79. 361, но и здесь он не уверен, имеется ли в виду царская власть или тирания в традиционном смысле (Hose 1994, 267-268 + Anm. 7). Однако настойчивое повторение слова «тиран» вряд ли случайно.

Впрочем, это может означать и просто диктатора (Дворецкий П, 1958, 1107).

Hose 1994, 265-266, 280-281. Ни того, ни другого не делается в отношении Мария и Цинны.

См. Criniti 1993, 173-174 + п. 404 (с библиографией).

Gran. Lic. 16-17 F; Plut. Mar. 41.3; App. BC. I. 67. 306; Dieckmann 1896, 51-52.

См. Criniti 1993, 181 + п. 448; Hose 1994, 457.

Dio Cass. XLIII. 15. 3-4; LXXVI. 8. 1; Urso 2016, 13-14, 17-18.

Dio Cass. Fr. 89.2; Simons 2009, 54.

Urso 2016, 16. По подсчетам Дж. Урсо, Сулла упоминается у Диона Кассия 62 раза, Марий — 33, из них 14 раз вместе.

Речь идет прежде всего о Лукреции Офелле (Афелле) (Gabba 1958J233).

Dio Cass. Fr. 109.2; также см. Simons 2009, 286. Б. Зимонс демонстрирует связь между образами Гракхов, Мария и Суллы — людей, не удовлетворявших требованиям, которые предъявляются Führungspersönlichkeiten (Simons 2009, 284-285).

Rawson 1987, 173; Scardigli 1995, 303-304; Lovano 2002, 148.

Возражения против версии Н. Цорцетти см. Beschoner 1999, 238-245; К. Ф. Конрад также не согласен с ней (Konrad 1994, XLIV, п. 57), но контраргументов не приводит.

Scardigli 1995, 304-311. В то же время стоит отметить одну деталь — саллюстиев Марий, как уже говорилось, не наделен *virtue*, тогда как у Эксуперанция (1.1Z) он ею обладает, что, впрочем, можно объяснить не столь трепетным отношением позднеантичного писателя к этому понятию, как у Саллюстия.

Вероятно, вполне сознательных (Beschoner 1999, 240, 248-249).

Lovano 2002, 152. Соотнесение с предполагаемой ливийской традицией о гражданской войне 88—82 гг. до н. э. см.: Ensslin 1926, 434-437, 453-459 и.а.

Обоснование такой датировке аскуланской надписи см. Criniti 1970, 57-61.

Сетования Ф. Инара на то, что монеты этого периода больше ставят вопросов, чем дают ответов (Hinard 2008, 10), пожалуй, слишком пессимистичны.

Niebuhr 1849, 367-385 (материалы лекций 1826—1829 гг.).

Попытка заменить Помпея Страбона Помпеем Руфом вызывает в его памяти сильно отличавшуюся ситуацию с Боливаром, а марианский режим после смерти Марка — Францию в 1799 г. (Niebuhr 1849, 371, 381).

Drumann 1902 (1-е изд. - 1835), 367-373, 386-399, 500-508, 1908 (1-е изд. — 1838), 330-341 и др. (указаны страницы, на которых речь идет о событиях гражданской войны).

Mommsen 1881, 250-262, 301-333; в русском переводе см. Моммзен 1994, 184-192, 220-242.

Long 1866, ch. XVII-XIX, XXIII-XXIV; Lange 1871, 118-135, 138-144; Ihre 1879, 284-294, 345-392; Neumann 1881, Cap. V; Нич 1908, 365-370, 372-377, 380-385; Ferrera, Barbagallo 1918, 332-340, *etc.*

Lanzani 1915. Тема гражданской войны 80-х гг. до н. э. затрагивается и в ее книге «Сулла-диктатор» (1936), но она, к сожалению, пока мне недоступна.

Обе цитаты см. Bennett 1923, 68-69.

Last 1932, 201-210, 261-272; Gardner 1932, 272-277.

См. Last 1932, XVIII, 261, 365, 280.

Schur 1942, 130-175 (раздел о гражданской войне 80-х гг. до н. э.).

Valgiglio 1956, 3-51. См. также его комментарий к плутарховой биографии Суллы: Valgiglio 1960, 32-54, 117-118, 124-146.

Badian 1957, 318-346; 1962, 47-61; 1968, 26-46; 1969, 447-491 *et al.*

Bulst 1964, 307-337, цитата — на с. 328.

Gabba 1958, 158-253; 1972, 793-799; 1976, cap. II-IV *et al.*

Katz 1975, 100-125; 1976a, 328-336; 1976b, 497-549; 1977, 45-63; 1979, 162-166; 1983, 44-68.

Keaveney 1979, 451-460; 1983a, 44-79; 1983b, 53-86; 1984, 114150; 2001, 247-274; 2005a, cap. 4, 6-7; 2005b, 297-302 *et al.*

Hinard 1985b, ch. 1-4; 2008, introd., ch. I, IV.

Seager 1994, 165-197; см. также его биографию Помпея: Seager 2002, 14-28.

Burckhardt 2004, 378. Следует также отметить незнание (или игнорирование?) автором немецкой историографии.

Kendall 2013, 431-630 (события гражданской войны).

Linden 1896; Ensslin 1926, 415-465; Calabi 1950, 247-252, 269-271, 279-281, 295-299; Valgiglio 1975, 245-256, 263-270, 274-275; Behr 1993, 9-121; Noble 2014.

Valgiglio 1960, 32-54, 117-118, 124-146; Konrad 1994, 59-105; Angeli Bertinelli 1997, 326-341, 374-380; Ghilli 2001, 349-364, 431-463 *et al.*

Beloch 1880, 37-43; Kubitschek 1882, 61-76; Taylor 1960, 101-118; Harris 1971, 236-250; Bispham 2007, 192 -204 *et al.*

Reinach 1915, 321-337; Rowland 1966, 407-419; Luce 1968, 25-39; Frier 1969, 187-199; 1971, 585-604; Stewart 1997, 170-189; Drummond 2008, 367-407; Santangelo 2016a, 49-71, *et al.*

Frank 1933, 54-58; Barlow 1980, 202-219; Evans 2007, 81-94; Lo Cascio 1979, 215-238.

Сергеев 1938, 220-228; Машкин 1948, 240-242, 244-245; Ковалёв 1986, 385-387, 389-394; Кузицин 1993, 132-134, 136-137.

Утченко 1969, 31-42; Селецкий 1983, 148-162; 1984, 86-92; Трухина 1986, 48-59; Егоров 1989, 131-136; 2010, 374-378; Лапырёнок 2004, 62-74.

Sall. lug. 42.1; Hist. I. 17; Veil. Pat. II. 3. 3; Flor. III. 13-14; App. BC. I. 9-26 *etc.*

Если верить Орозию (V. 12. 10), жертвами расправ (а не боевых действий!) стали 3 тыс. чел. Вполне вероятно, конечно, что эти цифры преувеличены, но казнь и нескольких сот римских граждан была случаем экстраординарным.

С.Л. Утченко (1965, 179) пишет, что до той поры наделение ветеранов землей проводилось лишь спорадически. Однако интервал в два десятилетия позволяет утверждать, что такая ситуация сохранялась и после Мария.

Моммзен 1994, 154; How, Leigh 1901, 301; Ooteghem 1964, 249-250; Scullard 2010, 51; Bengtson 1995, 235.

Luce 1970, 177-178; Kallet-Marx 1990, 130-134.

Badian 1957, 333. Возможна, впрочем, и уточняющая трактовка этого закона — верхи италийских городов стали жаловаться, что из-за эмиграции эти города лишаются налогоплательщиков и призывников, и закон Лициния — Муция стал позитивной реакцией на их жалобы (см., напр., Steel 2013, 35-36). В этом случае мы наблюдаем либерализм цензоров 97 г. в отношении представителей средних и низших слоев италийцев и готовность консулов 95 г. пойти навстречу их высшим слоям.

Э. Бэдиан также отказывается отнести сообщение Веллея к концу 89 г. (Badian 1958, 230). С этим не согласен Т. Дж. Люс (также без аргументации): Luce 1970, 190.

О страстном желании Мария получить седьмой консулат и командование в войне с Митридатом пишет и Орозий (V. 19. 3): *Marius... adfectavit septimum consulatum et bellum suscipere Mithridaticum*). Однако этот пассаж не тождествен указанию на участие в выборах на 88 г. (см. разбор этого места: Wosnik 1963, 64), отрицать же, что такие желания у арпината имелись, не приходится.

Gruen 1968, 226; Luce 1970, 190, 191; Lintott 1971b, 449-450; Katz 1977, 49; Amidani 1994, 92-93.

Keaveney 1979, 452-453. Г. Хефтнер, принимая точку зрения А. Кивни, полагает, что накануне выборов в консулы на 88 г. обсуждалась идея экстраординарного империя для командования в Азии, на которое и претендовали Марий и Цезарь Страбон. Однако сенат объявил Азию консульской провинцией, и тогда арпинат предпочел отступить, а его конкурент попытался принять участие в консульских выборах (Heftner 2008, 8293). Однако эта реконструкция не имеет сколь-либо серьезной опоры в источниках.

App. BC. I. 46. 201-202; см. также: Plut. Mar. 33.3.

Плутарх пишет, что Марий «по причине телесной немощи и болезни (ὡς ἑξαδυνατῶν τῷ σώματι δια τήν ἀσθένειαν)» сам сложил с себя полномочия (Mar. 33.6), однако, как представляется, правы те исследователи, которые не сомневаются, что речь шла об отказе сената продлить ему их (Bloch, Carcopino 1935, 381; Schur 1942, 120; Carney 1958, 120-122; Ooteghem 1964, 274; Luce 1970, 184). Правда, есть и те, кто считает, что Марий все-таки отказался от командования сам (Passerini 1934, 360; Weynand 1935, 1407).

Неудивительно, что победы Мария по сравнению с успехами Помпея Страбона и Луция Цезаря откровенно игнорировались (Kiene 1845, 242).

См. Badian 1957, 333; Carney 1961a, 47.

В отношении Цезаря Страбона это можно говорить не юридически, а лишь в смысле его стремления стать консулом, поскольку собственно до выборов он допущен не был (см. ниже).

Steel 2013, 90, п. 42; также см. Короленков, Смыков 2007, 168, 171. Разумеется, нельзя исключить, что имена других соискателей консулата на 88 г. остались нам неизвестными.

Münzer 1900, 1422-1423 (с указанием источников).

См. Letzner 2000, 128; Cagniard 1986, 261.

Keaveney 2005a, 45. П. Каньяр задается вопросом, почему Метеллы допустили Суллу в свой круг (Cagniart 1986, 255), однако ввиду ослабления их собственных позиций такая постановка вопроса вряд ли верна.

При этом вряд ли уместно называть союз Метеллов и Суллы «формальным» (см. *hadoû* 2018, 193).

MRR II, 33; Brunt 1988, 445 + η. 3. Т. Ладонь считает, что союз был результатом длительного сотрудничества Метеллов и Суллы, чему способствовала их общая вражда с Марием (Ładoń 2018, 193-194). Источники на сей счет молчат, а до 91 г. никаких признаков вражды между Марием и Суллой нет; думается, что раньше побед последнего над самнитами это сотрудничество вряд ли могло иметь место.

Gruen 1965, 61, 65, 67; Badian 1969, 457; Alexander 1990, 54, № 101.

Pareti 1953, 545 (раньше я разделял это мнение: Короленков, Смыков 2007, 170). См. более высокую оценку его личности: Stone 2002, 209.

Liv. Per. 77; App. BC. I. 56. 247; Veil. Pat. II. 18. 6; Drumann 1902, 432; Fröhlich 1900, 1532; Keaveney 2005a, 45; Assenmaker 2014, 145.

Cic. Brut. 304; Inscr. It. XIII. 3. 6; MRR II, 26, 30, n. 6.

Т. Н. Митчелл указывает в данном контексте на тесные связи Катула с влиятельными консулярами Л. Лицинием Крассом, М. Эмилием Скавром, а также Муциями Сцеволами (Mitchell 1975, 200), но отсюда поддержка ими Цезаря напрямую еще не следует.

Г. Хефтнер считает, что Цезари были особенно заинтересованы в избрании Цезаря Страбона консулом и назначении командующим против Митридата, учитывая их обширные клиентские связи в Азии (Heftner 2008, 93-94).

Katz 1977, 54-57. См. также: Mitchell 1975, 200. Учитывая, что речь шла о наделении земель ветеранов Мария, Б. Р. Кац предполагает связи Цезаря Страбона и с арпинатом (Katz 1977, 51), однако отсюда, как и в случае с Крассом, Скавром и Сцеволами, поддержки Мария притязаниям Цезаря на консулат не вытекает. Стоит иметь в виду его родство с враждебным арпинату Катулом.

Katz 1977, 59; о датировке эдилитета Цезаря Страбона см. MRR II, 26, 30, п. 6.

Münzer 1931b, 848; Gruen 1965, 72; Lintott 1971b, 446-449; Mitchell 1975, 197-204; Stone 2002, 202-203.

Luce 1970, 191, п. 128 (с указанием источников и литературы).

См. Badian 1969, 482-483; Katz 1977, 45-47; Powell 1990, 453;
Лапырёнок 2004, 63-64.

Mitchell 1975, 202-203; Lihtott 1971b, 448; Katz 1977, 59; Heftner 2008, 93, 94.

А. Стоун считает, что ссора между Сульпицием и Цезарем Страбоном была на руку Л. Марцию Филиппу (Stone 2002, 207), однако неясно, какие плоды последний мог из нее извлечь.

Э. Клебс по недосмотру отнес сообщение об участии Антистия в борьбе с Цезарем Страбоном к Сис. Brut. 192 (Klebs 1894, 2347).

К. Амидани, относя эти события к 88 г., предполагает, что Сулла в качестве консула подавлял беспорядки и склонил сенат назначить его за это командующим в войне против Митридата (Amidani 1994, 93). Однако, как уже говорилось, эта хронология весьма сомнительна, да и полное молчание источников на сей счетстораживает.

Mitchell 1975, 199. Эта точка зрения нашла сторонников: Cagniat 1986, 286; Heftner 2008, 94, 99.

Katz 1977, 62; Keaveney 1979, 460.

Т. е., как отмечает Е. В. Смыков (1995, 281, прим. 418), Бестия мог сослаться в свою пользу лишь на один пример, да и тот неудачный. При этом Е. В. Смыков, правда, считает, что речь шла о выборах на 87 г. и о сторонниках Мария, противостоявших Цезарю — как представляется, ошибочно (см. выше).

Lintott 1971b, 447-448; Katz 1977, 45.

Эта точка зрения имеет как сторонников (Lintott 1971b, 449450; Mitchell 1975, 202; Katz 1977, 47; Лапырёнок 2004, 64; Konrad 2006, 179), так и противников (Luce 1970, 191-192; Keaveney 1979, 460; Cagniard 1986, 286-287; Broughton 1991, 26). Но почему Цезарь Страбон в нарушение всех норм так рвался к консулату именно тогда? Попытка П. Каньяра (1986, 283-284) в данной связи отнести начало 1-й Митридатовой войны с 89 на 88 г. выглядит неубедительно.

Это лишний довод в пользу того, что Марий в выборах не участвовал — ведь если бы еще одним кандидатом был он, то невероятно, чтобы Цезарь Страбон рассчитывал получить командование (см.: Broughton 1991, 26).

Katz 1977, 55 + п. 51; Konrad 2006, 179; Steel 2013, 91. Правда, Б. Р. Кац указывает, что в 86 г. консулами были патриции Л. Корнелий Цинна и Л. Валерий Флакк, однако ситуация 86 г. слишком изменилась по сравнению с концом 89 г.

Цицерон (Brut. 305) сообщает лишь о его ежедневных выступлениях на сходках, которые тоже нельзя сбрасывать со счетов, но если бы этим дело и ограничилось, вряд ли Цезарь Страбон чувствовал бы себя столь уверенно.

Plut. Sulla 5.5; Katz 1977, 52; Keaveney 1979, 454; Chilli 2001, 323, n. 94. Впрочем, высказывалось также мнение, что имеется в виду Секст Цезарь, консул 91 г. (Valgiglio 1960, 18; Angeli Bertinelli 1997, 311). Вероятнее, однако, что речь именно о Цезаре Страбоне, известном своим остроумием.

Их дружба, по-видимому, подразумевается и в Cic. De orat. III. 11 (Mitchell 1975, 201, n. 14; Hodgson 2017a, 180).

Keaveney 1979, 454 + п. 11. Высказывалось предположение о близости к окружению Друза и в отношении Суллы — друга М. Катона (отца Катона Утического), женатого на сестре Друза (Gabba 1976, 134).

А. Кивни считает, что *factio Sullana* существовала уже в 89 г. (Keaveney 1979, 459), против чего возражает Р. В. Лапырёнок (2004, 67), однако в конце года нечто подобное уже могло сложиться, учитывая победу Суллы на выборах.

См. Münzer 1897, 1221-1222 (с указанием источников).

См. Miltner 1952, 2250-2251; Schietinger 2013, 213.

Р. В. Лапырёнок (2004, 67) считает этот союз «козырной картой» Суллы, обеспечившей все его дальнейшие успехи. Однако непонятно, какую роль сыграл этот союз, например, в победах на Востоке, без которых оказался бы невозможен успех в Италии. Некоторые историки ставят брак Суллы с Метеллой в один ряд с его связью с гетерой Никополой, чье богатство позволило ему покончить с финансовыми трудностями (Schietinger 2013, 209-210 со ссылкой на С. Марастони). Однако, хотя женитьба на Метелле и была престижной, преувеличивать ее роль в возвышении Суллы не стоит (Hölkeskamp 2000, 209). Иногда предполагается, что будущий диктатор был политическим выдвиженцем Метеллов (Marshall 1976, 9; Schietinger 2013, 222), однако речь скорее шла о взаимовыгодном сотрудничестве на равных, нежели о выдвижении — победы, прославившие его, Сулла одержал раньше.

Münzer 1897, 12341235. Любопытно отметить известное сходство в карьере Скавра и Суллы: оба — представители «захудалых» патрицианских родов, консулата добились много позже *suo anno*, пользовались покровительством Метеллов *etc.* (Brizzi 2002, 33; Schietinger 2013, 217).

Plut. Sulla 6. 18-21. Судя по контексту изложения Плутарха, брак имел место после избрания Суллы. П. Теней предполагает, что самая ранняя возможная дата его заключения — октябрь 88 г. (!) (Tansey 2003, 381-383). Думается, однако, что брак был оговорен еще до выборов и уж, во всяком случае, имел место до законопроектов Сульпиция. С другой стороны, крайне маловероятно, что он состоялся уже в 91 г. (см. Blösel 2015, 189).

Katz 1977, 53. По мнению Ф. Инара, недовольны браком были и родственники Метеллы, т. к. во время консулата Сулла опасался вражды с Метеллом Пием (Plut. Sulla 6.9; Hinard 1985b, 28). Однако за прошедшие годы обстановка успела многократно измениться, и относить к 89—88 г. ситуацию 80 г. вряд ли правомерно.

Veil. Pat. II. 18. 3; App. BC. I. 55. 241; Mithr. 22.84. Утверждение К. Амидани, будто Сулла получил провинцию в обход *lex de provinciis consularibus*, предполагавшего назначение консульских провинций еще до выборов (Amidani 1994, 93), выглядит странно — ведь речь шла о назначении Азии не консулам вообще, а лично Сулле.

App. Mithr. 22.84; Crawford 1974, II, 637.

Если быть совсем точными, с 213—212 гг. (Crawford II, 1974, 640).

У. Харрис пишет, что «историки, по-видимому, не уделяли должного внимания тому, сколь часто вмешивались политики в дела кредитного рынка в эпоху поздней Республики или, по крайней мере, угрожали или предлагали сделать это» (Harris 2007, 520). Не вполне понятно, каковы критерии «должного внимания», работы на данную тему достаточно многочисленны. При этом У. Харрис в качестве примера такого вмешательства приводит закон Порция (118?), само существование которого стоит под вопросом (см. Williamson 2005, 461), и не упоминает *lex Marcia de fenore* 104 г.

Drumann 1902, 372; Fröhlich 1900, 1537.

Моммзен 1994, 191, прим. 1; некоторые ученые поддержали данную точку зрения, но при этом приняли лишь один тезис — либо о 10 % (Neumann 1881, 523; Last 1932, 209), либо $8\frac{1}{3}$ % в год (De Sanctis 1976, 127-128; Verboven 1994, 117).

Last 1932 209; Frank 1933, 54; Hill 1952, 13; Katz 1975, 121. Сенат ограничит ссудную ставку 12 % в 51 г., то же сделает Цицерон и в Киликии (Cic. ad Att. V. 21. 13), т. е. *lex Cornelia Pompeia unciaria*, как отмечает Ж. Андро, долго не продержался (Andreau 1999, 92). Вполне вероятно, что Сулла во время своей диктатуры сам не восстановил этот закон после его отмены при Цинне.

Т. Моммзен весьма скептически оценивает эффективность этого закона (Моммзен 1994, 191). Ч. Барлоу, напротив, предполагает, что закон помог разрядить ситуацию, но затем вторжение Митридата в Азию нанесло новый удар по кредитной системе (Barlow 1980, 215). Очевидно, автор относит начало 1-й Митридатовой войны к 88 г., что в настоящий момент можно считать устаревшей точкой зрения.

Аппиан пишет, что претор апеллировал к некоему древнему закону, направленному против кредиторов, в котором одни исследователи видят *lex Genucia de feneratione*, другие — *lex Iunia de feneratione*, третьи — *lex Marcia de fenore* (см. Andreau 1999, 91 со ссылками на литературу; сам Ж. Андро склонен отдать предпочтение первому варианту). Говоря о «древнем законе (νόμου τινός παλαιού)», запрещавшем ростовщичество (I. 54. 232), а затем ссылаясь на его возобновление (τόν νόμον παλαιόν όντα άνεκαίνιζε) (I. 54. 236), Аппиан явно подразумевает *lex Genucia* (см. Liv. VII. 42. 1; Tac. Ann. VI. 16. 3). И хотя нет уверенности, что он правильно понял свой источник (см. Badian 1969, 479-480, п. 98), такое решение отнюдь не исключено, если учесть предельно жесткую реакцию ростовщиков и фактическое бездействие их противников — возвращение к закону Генуция было невозможно при всех благих намерениях Семпрония Азеллиона.

Drumann 1902, 372; Моммзен 1994, 189-190; Fröhlich 1900, 1537; Last 1932, 209; Katz 1975, 121-122; De Sanctis 1976, 127-128; Lo Cascio 1979, 221; Keaveney 1983b, 73; Селецкий 1983, 153.

В то же время еще Б. Г. Нибур, например, называл плебейского трибуна 88 г. просто П. Сульпицием (Niebuhr 1849, 367-369).

Mommsen 1861, 358. Тезис о переходе П. Сульпиция в плебеи поддержали многие другие ученые, зачастую не оговаривая его гипотетичности: Herzog 1884, 500-501; Fröhlich 1900, 1532; Heitland 1909, 451; Holmes 1923, 47; Münzer 1931b, 844; Hill 1952, 140; Vogt 1962, 52; Wosnik 1963, 61; Pina Polo 1996, 56; Лапырёнок 2004, 68, 69, 74; Циркин 2006, 49.

Münzer 1931b, 843-844; Mattingly 1975, 265; Morstein-Marx 2011, 263, n. 18.

В другом месте (I. 8. 3) Валерий Максим ошибочно назвал Юнону Царицу Юноной Монетой (Сморчков 2012, 479, прим. 68) — случай, во многом сходный с нашим.

Mommsen 1861, 358; Pint Polo 1996, 56. У Т. Моммзена Долабелла ошибочно назван Гнеем; см. ad hoc: Dio Cass. XLII. 29. 1.

Mattingly 1975, 264-266. Ему осталась неизвестной точка зрения В. Дюрюи, который считал П. Сульпиция представителем плебейской ветви *gens Sulpcia* и не опускал при его имени когномен «Руф» (Duguy 1880, 570).

Не склонны видеть в Сульпиции обладателя когномена «Руф» и другие ученые (Seager 1994, 167; Evans 1994, 134, п. 161; Morstein-Marx 2011, 263 + п. 18; Л. Томмен считает этот случай неясным: Thommen 1989, 30, Anm. 62). По мнению М. Анджели Бертинелли, Сульпиций имел когномен «Руф», но был плебеем по происхождению (Angeli Bertinelli 1997, 326).

Cic. De or. II. 89, 107-109; Lintott 1971b, 447 + n. 4.

Cic. De or. I. 25. Ссылки на Cic. De or. I. 97 (Münzer 1931b, 844) и III. 11 (Mitchell 1975, 197-198 + n. 1; Lintott 1971b, 447 + n. 4) как доказательство дружбы Друза и Сульпиция, думается, не вполне корректны: в первом случае говорится только о помощи Друза Сульпицию в его попытках «разговорить» Красса на тему ораторского искусства, что свидетельствует лишь об общности интереса к красноречию, во втором — о близости Сульпиция к Крассу. Последний был советником Друза (Cic. Dom. 50), но в данном случае близость могла проистекать все из того же интереса к риторике (см. также: Steel 2013, 90).

Mitchell 1975, 201; Keaveney 1983b, 53; Powell 1990, 459; Seager 1994, 167; Letzner 2000, 130; Stone 2002, 207-208; Steel 2013, 90-91. Любопытно, что Плутарх, обличая пороки Сульпиция в Sulla 8. 1-5 (ср. Mar. 35. 1-5), борьбу с Цезарем Страбоном, хотя она и велась насильственными методами, в вину трибуну не ставит (и даже ее не упоминает) — скорее всего, как и сам Сулла, если Цезарь имеется в виду в Plut. Sulla 5.5 (см. выше).

У Плутарха (Sulla 8.4) речь, конечно, о 2000 драхм (δισχιλίας δραχμάς).
А. Кивни пишет о 4000 денариев (Keaveney 1983b, 55) — по-видимому, опечатка.

Что предполагало отмену ограничений в отношении вольноотпущенников; предусмотренных *lex Aemilia* 115 г. и *lex Iulia* 90 г. (Last 1932, 203; Suarez Pineiro 1998, 441).

Источники см.: MRR II, 41. А. Кине пишет также про законопроект о передаче ведения войны на севере Италии от консула Помпея Руфа проконсулу Помпею Страбону (Kiene 1845, 249), что является очевидным недоразумением.

Gerlach 1856, 28; Herzog 1884, 501; Ferrero, Barbagallo 1918, 332; Passerini 1934, 363, 365; Schur 1942, 130; Pareti 1953, 556; Ooteghem 1964, 281; Keaveney 1983b, 55; Игнатенко 1988, 95.

См.: Liv. Per. 77; Veil. Pat. IL 18. 6; Piut. Mar. 34.1; Sulla. 8. 5-6.

Bloch, Carcopino 1935, 395; Holmes 1923, 48; Last 1932, 204; Valgiglio 1956, 7-12; Van Ooteghem 1964, 280-281; Levick 1982, 508; Cagniard 1986, 293; Циркин 2006, 49; De Luca 2011-2012, 105; Assenmaker 2014, 145.

Cm.: Lintott 1971b, 445-446; Keaveney 1983b, 56; Powell 1990, 451.

Lanzani 1915, 19-20; Coskun 2004, 117-121 (обзор дискуссии — 119, Anm. 60).

См. Gabba 1954, 96; Salmon 1958, 179-180.

Cic. Arch. 11; Salmon 1958, 181 (см. также: Cantalupi 1899, 8; Lanzani 1915, 21).

Last, 1932, 203-204; Mouritsen 1998, 169. Э. Бисфем более осторожен, отмечая лишь отсутствие в источниках сведений об агитации по данному вопросу до внесения Сульпицием его законопроекта (Bispham 2007, 198).

Т. Франк уверенно пишет о возмущении среди новых граждан решением создать для них отдельные трибы (Frank 1924, 335), С. Кендалл более осторожно говорит о том, что в этом почти не приходится сомневаться (Kendall 2013, 437), однако источники на сей счет молчат. То же можно сказать и о предположении Э. Бисфема, что вопрос приобрел неожиданную остроту из-за недовольства дедитициев при включении в новые трибы, которые голосовали последними (Bispham 2007, 186-187).

Taylor 1960, 143-144; Treggiari 1969, 49. В. Друман пишет в связи с этим, что неудовлетворенные своим положением либертины требовали для себя полных гражданских прав (Drumann 1902, 370), однако в источниках ни о чем подобном не сообщается.

А. Кине сомневается в достоверности этого сообщения, поскольку оно предполагает, что в законе было написано не *exules*, а *vi eiecti*, но в перифразе 77-й книги Ливия речь идет именно об *exules* (Kiene 1845, 250). Однако в «Риторике для Геренния» явно подразумеваются устные объяснения Сульпиция — другое дело, что они представляли собой не более чем словесную эквилибристику (Badian 1969, 487; Lewis 1998, 196), при которой была вполне возможна и определенная «корректировка» фактов в нужную сторону (Keaveney 1979, 455-456).

См. Моммзен 1994, 185; Drumann 1902, 370; Herzog 1884, 501.

Подборку более новой литературы см. Kelly 2006, 95, п. 7. В. М. Смирин (1955, 116) предполагает, что Сульпиций предлагал вернуть из изгнания тех, кого осудили новые судьи после принятия закона Плавтия, однако ни прямыми, ни косвенными данными источников это не подтверждается.

Машкин 1948, 240; Утченко 1969, 34; Lintott 1971b, 453 (автор характеризует свою гипотезу как *very speculative*); Игнатенко 1988, 95. Импонирует эта точка зрения и Т. Н. Митчеллу (1975, 198, п. 2).

Эту идею первым высказал (впрочем, не настаивая на ней) Э. С. Грюэн, однако Э. Бэдиан счел ее весьма плодотворной и наиболее предпочтительной из существующих (Gruen 1965, 73; Badian 1969, 488-490).

Kelly 2006, 97-98. Утверждение о том, будто речь шла о возвращении всадников (*sic*), изгнанных после политического поражения Мария в 89 г. (Ferrero, Barbagallo 1918, 332), об изгнанных Суллой (!) (Early 2009, 87) или просто судами присяжных (!!) (Чеканова 2005, 162), всерьез принимать не приходится. По мнению В. Шура, предполагалось возвращение из изгнания только сенаторов (Schur 1942, 132), однако в источниках такое уточнение отсутствует.

Р. Льюис допускает даже, что Сульпиций хотел добиться признания недействительными самого закона Вария и приговоров по нему (Lewis 1998, 198-199), но возникает вопрос, приговоры первого или второго состава суда имелись в виду?

Gruen 1965, 73; Badian 1969, 488; Kelly 2006, 95.

Эту точку зрения принимает Х. Шнайдер (1977, 114).

Обычно именно законопроекты Сульпиция считаются причиной разрыва дружбы между Сульпицием и Помпеем (Cic. Amic. 2; Keaveney 1983b, 53; Powell 1990, 448), тогда как Р. Льюис предполагает, будто консул счел себя оскорбленным действиями трибуна потому, что именно он, Помпей, стал автором законопроекта о возвращении изгнанников, принятие которого Сульпиций провалил (Lewis 1998, 199). Думается, однако, что в преддверии собственных рогадий Сульпиций вряд ли стал бы портить отношения с консулами, ибо ссора с Помпеем неизбежно влекла за собой конфликт и с его союзником Суллой.

Одни ученые считают, что речь идет о *feriae* (праздничных днях, когда запрещалась всякая общественная деятельность), другие — о *iustitium* (приостановке функционирования судов в чрезвычайной ситуации). Представляются вполне убедительными доводы А. Кивни в пользу первого из вариантов (Keaveney 1983b, 57-58 с указанием литературы; Н. Де Лука, не зная его аргументов, по-прежнему уверенно пишет о *iustitium* и строит на этом основании ответственные выводы: De Luca 2011-2012, 104-107). М. Риверо Грасиа ошибочно приписывает соответствующее решение сенату, а не консулам (Rivero Gracia 2006, 53), Ф. Маруччи — и первому, и вторым (Marucci 2011, 46). У. Хайтленд (1909,453) полагает, будто оно стало ответом на насильственные действия Сульпиция (см. ниже).

А не из-за *crowd control*, как считает С. Кендалл (2013, 453).

Того самого, близ которого претору в свое время сообщили о победе Мария над кимврами (Flor. III. 3. 20; Marucci 2011, 47).

Т. е., очевидно, тренируя их (Phang 2008, 265).

По мнению А. Пассерини, сообщение Плутарха о выдвижении кандидатуры Мария Сульпицием в *Mag. 34.1* является плодом промарианской традиции (Passerini 1934, 366). Это, однако, вызывает сомнения — тут же Сульпиций назван «предерзостным» (ἀνὴρ θρασύτατος). Вряд ли поклонники Мария стали бы так называть его ближайшего на тот момент союзника, бросая *eo ipso* тень и на самого арпината. Даже если эта оценка добавлена самим Плутархом (что останется не более чем предположением), сама ситуация, в которой Марий оказывается чуть ли не марионеткой очередного трибуна, выглядит отнюдь не выигрышной для него.

Drumann 1902, 370; Ihne 1879, 286; Сергеев 1938, 220-221; Schur 1942, 128; Lintott 1971b, 451; Keaveney 1983b, 53-54; Seager 1994; 168; Moritsen 1998, 169; Letzner 2000, 132; Ingrisch 2007, 37-39; Bispham 2007, 179-180; Santangelo 2007, 6. Р. Олстон считает, что Марий стал сотрудничать с Сульпицием не сразу, но законопроект о передаче ему командования в Азии был предложен еще до бегства Суллы в его дом (Alston 2015, 32, 48).

Дж. Пауэлл отмечает, что в источниках не сообщается о необходимости регистрации новых граждан в их трибах, чтобы они имели право голосовать, и что она могла пройти в том же году (Powell 1990, 451). Однако самоочевидно, что человек просто не сумел бы доказать свое право участвовать в голосовании, если бы не прошел эту процедуру, а регистрация в том же году и до голосования — далеко не одно и то же.

Аппиан (BC. I. 55.242) пишет о каких-то обещаниях Мария Сульпицию (Μάριος... ὑπηγάγετό οἱ συμπράσσειν ἐς τοῦτο Ποῦλλιον Σουλλίκιον), из чего иногда делают вывод, будто речь шла об уплате долгов трибуна за счет азиатской добычи (Diamann 1908, 370; Neumann 1881, 511; Сергеев 1938, 221; Valgiglio 1956, 7). Однако уже Г. Де Санктис назвал это *insinuazione odiosa ed arbitraria* (De Sanctis 1976, 109), особенно если учесть, что масштабы долгов Сульпиция явно преувеличены.

В чем не сомневаются многие авторы: Long 1866, 221; Ihne 1879, 286; Neumann 1881, 512; Bloch 1913, 277; Münzer 1931b, 847; Weynand 1935, 1408; Сергеев 1938, 221; Schur 1942, 130; Ковалёв 1986, 386; Volkmann 1958, 9; Valgiglio 1967, 158; Shatzman 1975, 286; Chapman 1979, 61; Christ 1979, 186; 2002, 79; Thommen 1989, 182; Кузицин 1993, 133; Fündling 2010, 65, 72; Courrier 2014, 511, п. 320; Blösel 2015, 189. Между тем еще Т. Моммзен резонно указывал, что сведения об этом исходят от врагов Сульпиция (Моммзен 1994, 186). Особенно удивляет, что названные ученые не усомнились даже в цифре 3000; свиту аналогичной численности приписывали и Тиберию Гракху (Plut. Tib. Gr. 20.2; Mouritsen 2001, 23, п. 20; Коптев 2019, 117). Но в обоих случаях полезно задаться вопросом: кто считал этих людей?

На это обратил внимание С. Кендалл: Kendall 2013, 453, п. 60.

У Аппиана (BC I. 55. 244) стычки с противниками трибуна устраивают νεοπολίται, т. е. италийцы (Taylor 1960, 103). Однако вряд ли их было так мало, что ради дальнейшей борьбы Сульпицию пришлось заключать союз с Марием (см. ниже). Скорее всего, речь шла о сторонниках Сульпиция из числа римлян.

Badian 1958, 233-234; Luce 1970, 192-193 + п. 132; Evans 1994, 135;
Heredia Chimeno 2015, 258.

Сделка сулила выгоды обеим сторонам, а потому рассуждения о том, что арпинат передал себя «в руки Сульпиция» (Inhe 1879, 285) или, напротив, трибун оказался «орудием в руках Мария» (Valgiglio 1956, 7; Ooteghem 1964, 263), по сути, лишены смысла. Утверждение Плутарха (Mar. 35.1), что Сульпиций с его дерзостью стал отличным орудием в руках Мария (εὐφρέστατον... οὐράνον), трудно принимать всерьез ввиду риторического характера всего фрагмента. Как обтекаемо выражается С. Кендалл, «Марий и Сульпиций... нашли друг друга с пользой для своих целей» (Kendall 2013, 441).

Bringmann 2003, 61, Ф. Хайхельхайм и С. Ео считают, что ветераны нужны были для голосования (Heichelheim, Yeo 1962, 199), однако, учитывая дальнейшие силовые действия Сульпиция, речь шла как минимум не только о голосовании. Х. Ласт полагает, что трибун хотел привлечь голоса сограждан, объявив о поддержке его популярным в народе Марием (Last 1932, 203). Но на тот момент Сульпиций еще не был заинтересован предавать огласке свой союз с победителем кимвров.

Linke 2005, 110. Т. Дж. Люс (возражая, впрочем, против тезиса о стремлении арпината к установлению военной монархии) пишет, что мариевы «ветераны, поселенные за пределами Италии, не могли быть использованы ни для устрашения его врагов, ни для поддержки политики Мария в Городе» (Luce 1970, 194). Однако оставались еще ветераны, так и не получившие земли (Badian 1958, 208). Р. Эванс, допуская, что к активным действиям в духе Сатурнина Сульпиция побудил Марий, не связывает это с использованием ветеранов последнего (Evans 1994, 135); вообще не очень понятно, в чем же видит исследователь выгоду для трибуна в союзе с победителем кимвров.

Veil. Pat. II. 18. 6; Plut. Sulla 8.6; App. BC. I. 56. 247; Liv. Per. 77. (К. Барбагалло (1900, 27, п. 5) по недосмотру пишет о гибели Помпея-отца). По Аппиану, его убили за слишком независимые речи (παρρησιαζόμενόν), т. е. надменные (Keaveney 2005a, 49) или в духе Сципиона Назики о Тиберии Гракхе (Kendall, 2013, 455). Неясно, погиб ли еще кто-то. А замечание Плутарха (Sulla 8.6) о гибели «многих других» (άλλους τε πολλούς), иногда принимаемое учеными (Моммзен 1994, 186; Cantalupi 1899, 17; Seager 1994, 169), встречается только здесь (в Plut. Mar. 35.2 сообщается о гибели одного лишь Помпея-младшего) и носит явно просулланский характер (Passerini 1934, 366, п. 2).

Э. Вальджильо со ссылкой на Аппиана пишет о том, что имелся приказ убить консулов в случае дальнейшего сопротивления (Valgiglio 1967, 159), но у греческого автора говорится лишь об угрозе убийством (τους υλοιτους οντίλεγοντοισ Τπβίλουν κτενειν) (App. BC. I. 56. 247), которая могла быть блефом.

Plut. Sulla 35. 3-4. Сомнительно, что Суллу туда отвели силой, хотя так иногда и считают (Hinard 1985b, 63; Brizzi 2002, 96) — пока не в интересах Мария было продемонстрировать свою прямую вовлеченность в события и тем более враждебность консулам.

Plut. Mar. 35. 2-4; Sulla. 8.7. Версия, согласно которой Марий выпустил Суллу, и тот отбыл к войску (Mar. 35.3), по мнению А. Кивни (1983b, 58, п. 22), неправдоподобна — еще до своего отъезда консул отменил *feriae* (Ф. Фрелих (1901, 1533), напротив, считает ее наиболее вероятной). Не исключено, однако, что здесь просто «скомканы» события, поскольку главное было показать: только благодаря великодушию арпината Сулла спасся и смог добраться до армии, силу которой против него же и обратил (см. также: Plut. Sulla 10.3). Явно антисулланский характер носит и изображение отъезда консула в лагерь как бегства (Sulla 9.1: διαφυγεῖν εἰς τό στρατόπεδον), которое без должных оснований подчас принимается в литературе на веру (Long 1866, 222; Reinach 1895, 146, Сергеев 1938, 221 ; Earley 2009, 92). Так же мало оснований утверждать и то, что «Сульпиций изгнал консулов из города» (Straumann 2016, 77).

Holmes 1923, 48; Сергеев 1938, 220; Смирин 1955, 114; Volkmann 1958, 9; Keaveney 1983b, 54; Cagniat 1986, 262, Christ 2002, 68; Konrad 2006, 179; Mouritsen 2017, 129. Предполагается даже, что союз с Метеллами имел целью создание мощной антимакианской и антипопулярской коалиции (Assenmaker 2014, 145).

Нарисованная Плутархом картина едва не переросшего в кровавую схватку противостояния между сторонниками Мария и Суллы после установки памятника, принимаемая многими учеными, как достоверная (Neumann 1881, 482; Keaveney 2005a, 38-39; Kendall 2013, 451), выглядит маловероятно (см. Короленков, Смыков 2007, 151-152; Drummond 2008, 400). В то же время это, по-видимому, первый не вызывающий сомнений пример серьезных трений между обоими полководцами (Dahlheim 1993, 99, Anm. 2 со ссылкой на Т. Хельшера).

Основанное на путаном рассказе Плутарха мнение о том, будто с самого начала встал вопрос, кто возглавит армию для борьбы с Митридатом, Сулла или Марий (Weynand 1935, 1407-1408; Heichelheim, Yeo 1962, 198-199; Ooteghem 1964, 277-278; Утченко 1969, 33-34; Marir 2009, 47), противоречит куда более логичному и связному рассказу Аппиана, да и просто здравому смыслу.

Т. Дж. Люс считает, что раз Сулла явился в дом Мария, то о его союзе с Сульпицием он знал (Luce 1970, 192, п. 132). Однако нет ничего удивительного в том, что Сулла спасся от преследователей в находившемся рядом с Форумом доме (Plut. Sulla 32.1) своего старого начальника, даже и не зная о его соглашении с трибуном.

А. Кивни (2005а, 49) пишет об этом безо всяких оговорок, хотя сам же признает, что содержание беседы полководцев неизвестно (Keaveney 1983b, 58). Кстати сказать, распространенное представление о том, будто жизни консулов угрожала опасность (Моммзен 1994, 86; Mérimée 1883, 129-130; Ihne 1879, 286; Neumann 1881, 513; Vadian 1970, 14; Ingrisch 2007, 38), достаточно спорно. Думается, целью нападавших было не убийство, а запугивание консулов — технически их уничтожение труда не составляло.

Ф. Инар полагает, что о плане передать командование Марию даже не упоминалось (Hinard 1985b, 63, 83), тогда как другие ученые допускают, что Марий пообещал не добиваться его (Hill 1952, 142; Keaveney 1983b, 59). Некоторые авторы в этом просто уверены (Bloch, Carcopino 1935, 395). Вероятнее, думается, первое. К.-Й. Хёлькескамп осторожно пишет, что роль Мария в данном случае неясна (Hölkeskamp 2000, 209).

Нич, 1908, 366; Cantalupi 1899, 17; Schur 1942, 133, Ann. 3; Смирин 1955, 117; Ковалёв 1986, 385; Jal 1963, 92; Levick 1982, 508; Cagniard 1986, 306; Seager 1994, 169; Lovano 2002, 20; Stone 2002, 195; Mackay 2009, 138, n. 2.

Angeli Bertinelli 1997, 330-331 (с обзором различных вариантов чтения).

Некоторые ученые, поэтому, пишут о принятии соответствующего закона (Schur 1942, 133, Anm. 3; Badian 1970, 15).

Многие ученые склонны отвергнуть это сообщение Плутарха: Lintott 1971b, 443; 1983, Keaveney 1983b, 60-61; Morstein-Marx 2011, 263; Kendall 2013, 457, п. 64; Labitzke 2013, 209. А. Кивни (1983, 61, п. 32) оспаривает точку зрения Э. Бэдиана (1970, 15), который, очевидно, полагал, что отстранение от должности Помпея являлось частью сделки Суллы с Марием и Сульпицием. На деле же, за лишение Помпея Руфа консулата, скорее всего, выдавали его бегство из Города.

Plut. Sulla 9.6: Πομπήϊς λαθῶν ἐξέφυγε. Утверждение Р. Мэтьюза, что Сулла уехал, оставив дела на Помпея Руфа (Matthews 1961, 23), явно ошибочно.

Предположение о том, что Сульпиций также отменил в угоду всадникам судебный закон Плавтия (Dig. 1880, 575), представляется лишеным оснований и не нашло поддержки в историографии.

App. BC. I. 56. 249. X. Сантос Янгуас называет этот закон «декретом Сульпиция» (Santos Yanguas 2009, 179), что, естественно, не более чем курьез.

MRR II, 42. На это указывает сообщение Плутарха (Маг. 41.6) о том, что в 87 г. Цинна отослал Марию знаки проконсульской власти (Carney 1959, 76, п. 34).

Поэтому тезис о применении в данном случае Сульпицием насилия (Mérimee 1883, 130; Смирин 1955, 226; Carney 1961a, 54; Mackay 2009, 138) или угрозы такового (Gaughan 2010, 129-130) кажется неосновательным. Толкование М. Тиммером (2005, 203) *Plut. Mar.* 35.2 как сообщения о насилии по отношению к народному собранию (также см. Утченко 1965, 129) ошибочно. Речь шла о нападении не на комиции, а на консулов, собравших народ (ἐπελθὼν δὲ μεθ' ὀπλῶν ἐκκλησιάζουσι τοῖς ὑλάτοις), что к тому же в данном случае не может означать комиции по причине введения неприсутственных дней — имеется в виду явно *contio* (Keaveney 1983b, 58; Letzner 2000, 132; Morstein-Marx 2004, 59, п. 88). Л. Томмен пишет, что трехтысячная свита Сульпиция, возможно, помогла ему взять верх и во время голосования, учитывая скромное по размерам пространство Форума (Thommen 1989, 182). Но если бы консулы имели сильную поддержку, они вполне сумели бы организовать сопротивление, чего, однако, не произошло — и, как показывают дальнейшие события, вряд ли из-за нерешительности или миролюбия, но скорее из-за отсутствия такой поддержки среди городского плебса.

Ihne 1879, 286-287; Seager 1994, 168; Morstein-Marx 2011, 263.

Единственное исключение, кажется, Валерий Максим (IX. 7. Mil. rom. 1), который с явным неодобрением отмечает, что командование декретировали Марию — *private*. Однако это еще не означает, что данная мера была незаконной — во всяком случае, отнюдь не беспрецедентной. Практика облечения *homines privati* империем нередко применялась во время Второй Пунической войны и в первое десятилетие после нее (см. Girardet 2001, 164; пример Т. Кэрни с Г. Клувием, проконсулом в 104 г., о претуре которого нет сведений (Carney 1959, 76), неудачен, ибо мы вообще не слишком осведомлены о многих преторах конца II в.), и назначение Мария стало возвращением к ней. Но в любом случае это было «прямой атакой на традиционные прерогативы консулата и его роль в ведении войны» (Morstein-Marx 2011, 264; см. также: Hodgson 2017b, 83).

Keaveney 1983b, 61; Cagniard 1986, 292; Ingrisch 2007, 38-39; Mackay 2009, 138. Иначе см.: How, Leigh 1901, 414; Baker 1927, 181; Vogt 1962, 52; Shotter 1994, 40.

Плутарх пишет о Ноле (Sulla 9.5; ср. 8.8), Аппиан (BC. I. 56. 248) — о Капуе. Э. Габба (1958, 165) считает, что, возможно, ставка находилась в Капуе, а сам лагерь — у Нолы, которую осаждало войско Суллы (Veil. Pat. II. 18.4). Его точка зрения нашла немало сторонников (Keaveney 1983b, 59, п. 34; Seager 1994, 169; Ghilli 2001, 354, п. 216). Однако В. Энслин резонно предположил, что под Капуей подразумевалась Кампания (Ensslin 1926, 419-420). По мнению В. Шура, Аппиан спутал события 88 г. с войсковым собранием в Ноле в 87 г. (Schur 1942, 131, Anm. 3). Ошибочным считают сообщение Аппиана и другие ученые (Valgiglio 1960, 44; Angeli Bertinelli 1997, 331). В пользу этой точки зрения говорит то, что александрийский автор (или его переписчики) был не слишком аккуратен, когда речь шла о топонимах, называя Лирус (BC. I. 43. 191) вместо Толена, а битву при Тифатской горе он локализует в районе Канузия (I. 84. 382; Gabba 1958, 138, 224). Да и сложно представить, чтобы ставка Суллы находилась на таком удалении от войска.

Консулом Сулла, как известно, стал в 50 лет (Plut. Sulla 6.18) — через семь или восемь лет после *suo anno* (Angeli Bertinelli 1997, 320).

Keaveney 1983b, 62; 2005a, 50-51; Cagniart 1986, 302-303.

Plut. Mar. 35.5: Σύλλας δε τοὺς στρατιώτας παροξύνας; в биографии же Суллы (9.1) инициатива, напротив, принадлежит солдатам (Passerini 1934, 369, п. 1). У Аппиана говорится, что воины испугались, будто вместо них наберут другое войско (BC. I. 57. 250). Если это так, то вряд ли можно сомневаться в том, что подобные мысли звучали в речи Суллы (Моммзен 1994, 188). Р. Морстейн-Маркс и Н. Розенштейн отмечают, что ничего не говорится об ожидании воинами земельных раздач после победы (Morstein-Marx, Pmsenstein 2006, 632), но неизвестно, имели ли такие ожидания место — как показала судьба аграрного закона Сатурнина 100 г., получить наделы было непросто, тогда как в возможности грабежа богатых городов Азии сомневаться не приходилось.

Так у Плутарха (Mar. 35.6; Sulla. 9.1: χιλιάρχους). У Валерия Максима (IX. 7. Mil. rom. 1) и Орозия (V. 19. 4) речь идет о легате Мария Гратидии (В. Блэзель пишет о побиении камнями не трибунов, а легатов: Blösel 2015, 192). Весьма странно, что Марий к войску не приехал сам (Carney 1961a, 55, п. 253). Т. Ф. Кэрни считает, что Гратидий явился уже после убийства военных трибунов (Carney 1961b, 100).

Дж. Бэйкер отмечает серьезность этого инцидента, указывая на сакросанктность трибунов (Baker 1927, 181). Это очевидное недоразумение, ибо речь не о плебейских, а о военных трибунах.

К. Л. Гуленков (устное наблюдение).

По-видимому, в отличие от Октавиана, который, как уверяет Дион Кассий (XLVI. 43. 6), начал поход на Рим в 43 г. якобы по принуждению воинов (ἐκβιασθεις δῆθεν ὑλό των στρατιωτών).

В ночь перед выступлением Сулле будто бы был сон об уничтожении 12 его врагов при участии богини, которую обычно отождествляют с Мабеллоной (Plut. 9. 7-8; очевидно, почерпнуто из мемуаров диктатора: Smith 2009, 70). С. Марастони отмечает влияние представлений этрусков на описание этого сна (Marastoni 2008, 324, 327); заметим, что и предсказавший Сулле победу Г. Постумий был гаруспиком (Cic. Div. I. 72), а гаруспиции, как известно, были переняты римлянами также у этрусков.

Вероятно, о них же идет речь у Плутарха (Sulla 9.2; Keaveney 1983b, 64). Станным образом У. С. Мессер расценивает как мятеж неповиновение офицеров Суллы, не усматривая такового в действиях самого проконсула (Messer 1920, 170).

Badian 1962, 54-55. Эта точка зрения ныне общепринята (лит. см.: Letzner 200, 136, Anm. 120; А. Кивни даже пишет об участии Лукулла в марше Суллы на Рим как о бесспорном факте (Keaveney 1992, 7), хотя это только предположение, пусть и правдоподобное. Т. Ладонь указывает в данном контексте на связи Лукулла с Метеллами: hadoh 2018, 194 + adn. 30 с литературой). Правда, эпиграфические данные позволяют считать Лукулла квестором 87 г., одной из надписей он назван ταμίας (квестор), тогда как в других он именуется ἀντιταμίας (проквестор), и тогда, очевидно, первая надпись относится к 87 г., поскольку ранее Лукулл в Греции, где она сделана, не появлялся (Thonemann 2004, 80-82). Впрочем, по мнению Ф. Сантанджело, «это гипотеза основывается на излишней уверенности в точности официальной титулатуры, использовавшейся в надписях; убедительных аргументов в пользу того, чтобы отвергнуть или принять ее, нет» (Santangelo 2007, 7, п. 17). Правда, он признает, что отсутствие упоминаний об этом эпизоде в других источниках, прежде всего в плутарховой биографии Лукулла, создает определенные затруднения (Santangelo 2018, 195), однако Плутарх вообще не пишет об уходе от Суллы ἀρχοντες τοῦ στρατοῦ, а посему не имелось повода сообщить и о том, что Лукулл остался. Вполне возможно, что в его источнике (прежде всего мемуарах диктатора) этот эпизод отсутствовал — тот же Сулла вряд ли был заинтересован упоминать о том, что его покинули командиры высокого ранга.

Volkman 1958, 10; Smith 1958, 68, п. 2; Carney 1961b, 99; Ooteghem 1964, 284; Balsdon 1967, 23; Gabba 1976, 27; Seager 1994, 170; Christ 2002, 80; Linke 2005, 113; Mackay 2009, 139.

Befehlshaber: Drumarm 1902, 371; höheren Offiziere: Mommsen 1881, 255; Ihne 1879, 287; Neumann 1881, 515; Fröhlich 1900, 1534; Bringmann 2002, 61; Stabsoffiziere: Labitzke 2013, 208; superior officers: Liddell 1865, 492; Long 1866, 223; Cagniard 1986, 305; chief officers: Heitland 1909, 454; high-ranking officers: Lovano 2002, 21; higher officers and staff: de Blois 2007, 171.

Schur 1942, 133; Behf 1993, 71, Anm. 363; Letzner 2000, 136, Anm. 120;
Hölkeskamp 2000, 210 (сенаторы или их сыновья).

Keaveney 1983b, 64; Hinard 1985b, 65-66; Brizzi 2002, 98.

Mitchell 1979, 69-71; строго говоря, это не противоречит предыдущей версии, ибо не все командиры-нобили обязательно были сенаторами.

См. Keaveney 2005a, 177-178. Это не мешает тому же автору считать, что легаты покинули Суллу (Keaveney 1984, 123).

Это позволяет снять проблему, о которой пишет Ф. Сантанджело, указывающий, что трудно ожидать от текста Аппиана четкого разграничения, он обозначал разницу лишь в самом общем виде, т. е. между разными «уровнями» внутри войска (Santangelo 2018, 195). Между тем его источник вполне мог точно отделять легатов сената и военных трибунов от командиров, назначавшихся самим Суллой.

Б. Линке пишет о распаде структуры командования (Kommandokette) из-за ухода «всех офицеров» (Linke 2005, 113), но это явное недоразумение — на ее восстановление потребовалось бы слишком много времени; скорее всего, поход на Рим в таком случае просто не состоялся бы.

Plut. Sulla 9.5; App. BC. I. 57. 253. Однако в Mar. 35.6 Плутарх пишет о 35 000 воинов Суллы, т. е. о 7 легионах. В таком случае, весьма вероятно, что один из них остался осаждать Нолу (Liv. Per. 79; Pareti 1953, 558, п. 5). Иногда, правда, считается, что цифра в 36 000 воинов как раз соответствует численности 6 легионов, поскольку в то время они насчитывали 6000 человек (Angeli Bertinelli 1997, 332; Faszczka 2014, 81); однако полностью укомплектованные легионы были редкостью (Brunt 1971, 439, п. 6). В любом случае, не оставить под Нолой осадный корпус Сулла не мог.

По одним предположениям, армия Суллы шла по *via Latina* (Gabba 1958, 167; Volkmann 1958, 11), по другим — по *via Appia* (Pareti 1953, 558), по третьим — по *via Labicana* (Angeli Bertinelli 1997, 333).

Антимарианскую позицию сената Сулла и симпатизировавшие ему авторы наверняка отметили бы.

Плутарх (Mar. 35.7; Sulla. 9.1) уверяет, будто в Риме люди Мария начали убивать друзей Суллы и грабить их имущество (οἱ περὶ τὸν Μάριον αὐθις ἐν τῇ πόλει τοὺς Σύλλα φίλους ἀνήρουν καὶ χρήματα διήρπάζον αὐτῶν), что принимается многими учеными (Neumann 1881, 515; Baker 1927, 181; Weynand 1935, 1410; Matthews 1961, 24; Keaveney 1983b, 62; Santangelo 2016a, 80. П. Жаль признает факт разграбления имущества сторонников Суллы: Jal 1967, 421). Однако тенденциозность этого сообщения, явно имевшего целью оправдать дальнейшие репрессии со стороны Суллы, слишком очевидна; к тому же оно содержится только у слишком уж склонного к яркости описания Плутарха, а какие-либо имена отсутствуют (Carney 1961b, 101; Kendall 2013, 460).

δύο των στρατηγών (Plut. Sulla 9.3). С. Л. Утченко (1965, 191) пишет о квесторах, что возможно, т. к. стратегами греческие авторы могли называть и квесторов (Brennan 2000, 11), но это маловероятно, учитывая важность задач посольства.

Первый из них, как считается, — марианец Марк Юний Брут, который погибнет в 82 г.; личность второго установить невозможно (MRR II, 40-41; Keaveney 1983b, 66; Angeli Bertinelli 1997, 332; Ghilli 2001, 221-222, 355). А. Кивни позднее предположил, что это был Сервилий Авгур, старый враг Лукуллов (Keaveney 1992, 7).

Прибытие преторов отнесено у Плутарха ко времени до гаданий Постумия и сна Суллы, но эти события явно предшествовали выступлению армии в поход, не говоря уже о том, что о таком сообщается лишь позже (Plut. Sulla 9.8). Либо преторы не требовали остановить движение армии на Рим, либо Плутарх исказил хронологию событий, что ему свойственно. Как представляется, вероятнее второе (см. Keaveney 1983b, 63, п. 42), т. к. гадание Постумия тоже должно было предшествовать началу похода на Рим (см. также: Behr 1993, 74; Seager 1994, 170; Letzner 2000, 137-138). Тем не менее последовательность событий у Плутарха принимается некоторыми учеными (Ooteghem 1964, 284-285; Hinard 1985b, 66-68).

App. BC. I. 57. 253. У Аппиана послы по имени не названы, но и у него, и у Плутарха это первое посольство сената, а потому слова об освобождении от тиранов были обращены, несомненно, к ним (Keaveney 1983b, 66).

App. BC. I. 57. 255. Плутарх (Sulla 9.8) упоминает Помпея Руфа после посольства преторов, но до гадания Постумия. Высказывалось мнение, что коллега Суллы тогда же и бежал в его лагерь, спасаясь от врагов (Gerlach 1856, 29; Нич 1908, 366; Keaveney 1983b, 62, п. 41; Cagniat 1986, 308). Однако большинство ученых считает, что Помпей присоединился к армии уже по дороге (Моммзен 1994, 188; Long 1866, 223; Fröhlich 1900, 1535; Schur 1942, 133; Carney 1961b, 100; Matthews 1961, 24; Ooteghem 1954, 284; Christ 2002, 80; Konrad 2006, 179); К. Нойман, опираясь, очевидно, на Плутарха, относит прибытие Помпея к Сулле на марше, но еще до появления преторов (Neumann 1881, 515— 516). Предпочтительнее, думается, версия Аппиана, поскольку, как мы видели, хронология Плутарха в изложении этих событий ненадежна. Кроме того, даже если Помпею в Риме угрожали враги, то какое-то время он мог от них прятаться, как позднее М. Антоний (см. ниже); имело смысл не спешить, предварительно выяснив обстановку.

См. Keaveney 1983b, 67; Cagniard 1986, 306.

Согласно Плутарху (Sulla 9.2), к Сулле присоединились и другие «изгнанники и беглецы (μεταστώσεις καί φυγαί)», среди которых мог быть, по мнению С. Кендалла, Аппий Клавдий Пульхр, командовавший в 87 г. легионом под Поллой (Kendall 2013, 460). Исключить этого нельзя, однако слово «изгнанники» представляется сильным преувеличением, ибо решения об изгнании в то время, насколько известно, не принималось. Скорее всего, перед нами еще одна пропагандистская «утка» в духе рассказа об избиении людьми Мария и Сульпиция друзей Суллы.

Явная параллель предложению Г. Скрибония Куриона в 50 г. распустить войска и Цезарю, и Помпею (Plut. Rompr. 58. 4-10; App. BC. II. 2-28; Dio Cass. XL. 62. 3-4).

По мнению В. Лецнера, этот эпизод имел место перед первым посольством к Сулле (Letzner 2000, 138).

Liddell 1865, 492; Ihne 1879 287; Neumann 1881, 516; Weynand 1935, 1410.

Нередко пишут лишь о двух посольствах к Сулле (Mérimée 1883, 132; Ihne 1879, 287-288; Ooteghem 1964, 284-285; Volkmann 1958, 10-11; Утченко 1969, 35; Marin 2009, 47-48), однако это слишком очевидно противоречит тексту Аппиана. Другие авторы принимают его данные (Long 1866, 223-224; Keaveney 1983b, 66; Hinard 1985b, 66, 68; Seager 1994, 170-171; Letzner 2000, 138-139). К. Нойман пишет о трех посольствах (Neumann 1881, 516), что не лишено логики, ибо известно содержание переговоров именно с тремя посольствами, а третье, если верить Аппиану, услышало от Суллы (и, надо думать, и предложило ему) лишь то же, что и второе. Между тем, учитывая стремительное развитие ситуации, это вызывает определенные сомнения. Ж. ван Отегем называет его *deputation de préteurs* (Ooteghem 1964, 285), что не подтверждается источниками.

Обзор дискуссии см.: Angeli Bertinelli 1997, 333-334.

Это посольство отождествляется как со вторым или третьим у Аппиана (Gabba 1958, 167; Ghilli 2001, 358, n. 238), так и с четвертым (Keaveney 1983b, 66). В пользу первой точки зрения говорит то, что от Суллы просят не остановиться, а лишь не подходить к Городу ближе чем на 40 стадиев, к тому же у Аппиана речь лишь об обсуждении сенатом ситуации (μέχρι ἐπισκέψαιντο περί των παρόντων), у Плутарха уже обещаны некие постановления (ψηφισαμένης). В пользу второй говорит то, что в обоих случаях Сулла, обещав остановиться, продолжает наступление. Кроме того, просьба не приближаться на 5 миль и означала остановку, если армия уже была достаточно близка к этой точке. Наконец, обсуждение создавшегося положения не исключает и принятия определенных решений, тем более что Аппиан далеко не всегда точен в выражениях.

Э. Габба (1958, 168) многозначительно указывает на то обстоятельство, что как раз в 40 стадиях от Рима на Латинской дороге находились Fossae Cluiliae, близ которых, по преданию, разбил свой лагерь Кориолан (Dion. Hal. AR. VIII. 22. 1; Liv. II. 39. 5; Plut. Cor. 30.1). Однако это неприятное для Суллы сходство внимания античных авторов (в отличие от современных историков: Fröhlich 1900, 1535-1536; Berge 1966, 386), насколько известно, на себя не обратило.

Эту версию принимают и некоторые ученые: Neumann 1881, 516; Hinard 1985b, 68; Seager 1994, 171.

Возможно, один из членов военного совета Помпея Страбона при взятии Аскула (CIL I². 709. 11; Münzer 1932, 1947).

Т. Броутон называет Муммия просто *officer under Sulla*, а Басила — легатом (см. Münzer 1932, 1947), отсылая читателя к разделу о легатах 86 г., где последний числится среди военных трибунов (App. Mithr. 50.201: ταξίαρχος) (MRR II, 44, 55). Именно ими и склонны считать некоторые ученые обоих командиров (Keaveney 1984, 123-124; Angeli Bertinelli 1997, 335; Santangelo 2018, 199). Другие видят военного трибуна только в Басиле (Valgiglio 1960, 49; Garcia Morâ 1991, 245). Однако равным образом они могли быть и легатами, поскольку полностью полагаться на греческие эквиваленты не всегда аккуратного Аппиана несколько рискованно.

Очевидно, Pons Sublicius (Gabba 1958, 169; Carney 1961b, 100).

Т. Ф. Кэрни пишет, что Сулла повел лишь один легион (Carney 1961b, 100). Это противоречит тексту Аппиана, но причин своего недоверия к нему, как и того, где находился еще один легион, ученый не объясняет.

Plut. Sulla 9.12. Этот эпизод (независимо от его достоверности) словно являет собой мрачную пародию на знаменитую историю, когда Сулла будто бы увлек за собой воинов в битве при Орхомене в 86 г. (см. Plut. Sulla 21.3; App. Mithr. 49.195; Polyæn. VIII. 9. 2; Front. Strat. I. 8. 12), но там он бросился на врагов, а здесь — на сограждан, и не с мечом, а с факелом, чтобы поджигать родной город.

Точно то же самое пригрозил сделать Опимий при подавлении выступления Гая Гракха (App. BC. I. 26. 118).

Flor. III. 21. 7 Oros. V. 19. 5; Passerini 1934, 370.

Слово *έκολαζε* не обязательно означает смертную казнь, но в данном случае речь явно идет именно о ней, особенно если наказывали воинов (см. след прим.).

А. Кивни считает, что речь шла о горожанах (Keaveney 2005a, 55), однако более вероятно, конечно, что грабежу предавались победители, т. е. солдаты (Mérimée 1883, 133; Long 1866, 225; Neumann 1881, 517; Volkmann 1958, 18; Hinard 1985b, 69).

Тем не менее нередко считается, что первым Сулла обратился все-таки к сенату (Neumann 1881, 517; Carney 1961b, 101; Katz 1975, 100; Hinard 1985b, 70; Letzner 2000, 142; иначе см.: Liddell 1865, 493; Lonk 1866, 225; Ihne 1879, 288-289). Б. Р. Кац и Ф. Инар даже считают, что сенат мог собраться уже в день штурма.

См.: Lange 1871, 122; Keaveney 1983b, 70; Pina Polo 1989, 284.

Meier 1966, 224; Dahlheim 1993, 102. В связи с этим трудно всерьез воспринимать оценку действий Суллы как «консервативной реакции на радикальные меры» Мария и Сульпиция (Desrosiers 1970, 3), поскольку действия Суллы были не менее (правильнее сказать, значительно более) радикальными и столь же мало вписывавшимися в политическую традицию.

Hodgson 2017b, 85. Но тут же Л. Ходжсон пишет, что нелегко решить, чьи действия обладали большей политической легитимностью — той части *populus*, которая голосовала внутри Города за законы Сульпиция, или другой, т. е. армии Суллы, которая двинулась на Рим. Неясно, однако, какой политической традицией мог быть обоснован штурм Города собственными войсками, да еще без санкции сената. Во всяком случае, это было куда менее легитимно и с политической, и с юридической точки зрения, чем назначение командующим *homo privatus* Мария, на что комиции имели полное право.

К. Ланцани ошибочно пишет о Марии и его 12 сторонниках (Lanzani 1915, 4), а А. В. Махлаюк (2014, 320, прим. 205) — о приказе Суллы (!) казнить «около 10 тыс. сторонников Мария» (!).

Так, правда, называет его только Аппиан; в других источниках он — племянник Мария, сыном же его, как можно предположить, он стал по усыновлению (см. Münzer 1930, 1811). Однако если это, как обычно считается, тот же человек, что и консул 82 г., то маловероятно, что в 26 лет консулом мог стать племянник, а не сын победителя кимвров. См. Pozzi 1913/1914, 664, п. 1; Lovano 2002, 122; Letzner 2000, 235; Keaveney 2005a, 115 *etc.* Тем не менее А. Калоре безо всяких оговорок называет Мария Младшего приемным сыном арпината, к тому же ссылаясь на Ф. Мюнцера, который излагает эту точку зрения, но не склонен ее принять (Calore 1995, 31).

Под Гнеем у Аппиана, возможно, подразумевается Гней Папирий Карбон, т. к. этот автор знает только одного Грания, т. е. Квинта (Münzer 1949, 1024-1025).

App. BC. I. 60. 271; Cic. Brut. 168; Carney 1961b, 101. Т. Броутон (MRR II, 47, 52, п.-2) считает, что Гратидиана в списке не было. А. Аллели предполагает, что в список могли попасть Марк Марий Гратидиан, Гай Марций Цензорин, Гней Папирий Карбон и претор Сервилий (Allély 2012, 239-240).

См. также: Cic. Brut. 168; Liv. Per. 77; Val. Max. I. 5. 5, III. 8. 5; Flor. III. 21.8.

Во всяком случае, подобная мера в источниках упоминается впервые (Bauman 1973, 270 + п. 1 с указанием литературы). Следует отметить, что обычно законы о преследовании тех или иных групп лиц инициировали плебейские трибуны, и этот — одно из немногих исключений (см. Bleicken 1975, 115, Anm. 32).

Bauman 1973, 277. Нередко со ссылкой на Плутарха (Sulla 8), предполагается, будто в отношении Сульпиция и его сторонников был издан *senatus consultum ultimum* (Willems 1883, 250, п. 5; Cassola, Labruna 1991, 427; De Luca 2011-2012, 131, п. 461; Arena 2012, 204); Г. Плауман оговаривает, что предположение П. Виллемса о SCU до марша Суллы на Рим вероятно, но недоказуемо: Plaumann 1913, 364), однако в источнике речь идет лишь о введении консулами неприсутственных дней, после же их разгрома издавать SCU было уже нелогично, это всегда делалось только до подавления мятежа или того, что таковым объявлялось. Тем более невероятна гипотеза П. Виллемса (1883, 250, п. 5) о том, что SCU был издан еще до объявления неприсутственных дней, а затем после марша Суллы на Рим (см. Barbagallo 1900, 27, п. 5, 59). В первом случае он начинает свои доказательства с того, что Плутарх подразумевает введение *iustitium*, предполагавший *tumultus etc.* Однако, во-первых, это не очевидно, а во-вторых, как уже отмечалось, вероятнее, что речь шла не о *iustitium*, а о *feriae*. Г. Блок пишет, что Сулла мог для оправдания своих действий воспользовавшись SCU, «но кто тогда думал о законности?» (Bloch 1913, 278). Однако законность SCU, строго говоря, также весьма спорна.

Α. Μ. Στουν, таким образом, ошибается, утверждая, будто даже враги Мария не поддержали предложение объявить его врагом (Stone 2002, 212, п. 98), хотя у Аппиана (*loc. cit.*) говорится о том, что Катул выступил за изгнание (т. е. объявление его *hostis*) именно арпината (πικροτάτω περί την έξέλασιν [Μάριου] γενομένω).

У Плутарха говорится о награде только за голову Мария (Sulla 10.2: Μαρίας δ' ἐλεκήρυξεν ἀργύρων). Весьма вероятно, однако, что ее назначили и за остальных. Помимо соображений здравого смысла, за это говорят слова Валерия Максима (VI. 5. 7) о том, что Сулла отпустил на волю раба, выдавшего Сульпиция, дабы не нарушить собственный эдикт (*ut fides edicti sui constaret*) — обычного в таких случаях обещания свободы рабу и денежной награды свободному.

Plut. Sulla 10.1; App. BC. I. 60. 271; Diod. XXXVII. 29. 3; Val. Max. I. 5. 5; III. 8. 5.

Veil. Pat. II. 19. 1: Sulla... lege lata exules fecit; Ihne 1879, 289, Anm. 1; Katz 1975, 102-103 + n. 8; Cagniard 1986, 324; Williamson 2005, 464; Gaughan 2010, 127; Allély 2012, 23-25, 27. Тем не менее многие ученые считают, что решение принимал только сенат, а сообщение Веллея без должных оснований объявляется сомнительным (лит. см.: Katz 1975, 102, п. 6).

Еремин 2004, 72-73. Автор указывает, что если в 88 г. решение было принято от имени сената (так в большинстве источников, см. Cagniat 1986, 323-324; Letzner 2000, 142, Anm. 153), то закон о проскрипциях в 82 г. утвердили комиции. Однако в 88 г., как мы видели, решение приняли и народное собрание, и сенат, а что касается проскрипций, то здесь определенно имело место голосование *только* комиций (App. BC. I. 95. 441-442; Hinard 1985a, 108-109; Еремин 2004, 71).

Keaveney 1983b, 70; Letzner 2000, 142; Christ 2002, 81.

К. Уильямсон пишет о гибели нескольких сенаторов-марианцев (Williamson 2005, 331), А. Хабенштайн — о казни «многих» врагов Суллы (Habenstein 2015, 197), однако, кроме Сульпиция, судя по всему, из опальных в то время никто не погиб (Bennett 1923, 2; Schur 1942, 134; Keaveney 1983b, 71, п. 77; Hinard 1985a, 124, п. 92; Cagniat 1986, 335; Hölkeskamp 2000, 211).

App. BC. I. 60. 271. А. В. Еремин (2004, 73) делает на этом основании сомнительный вывод, будто прав Веллей Патеркул (II. 19. 1), когда пишет, что речь шла только об изгнании, а не о казни опальных (иначе см. Вауман 1973, 272). Однако такому заключению противоречат данные всех остальных авторов, пишущих об этом сюжете, а также судьба Сульпиция и Мария — последний спасся почти чудом.

Liv. Per. 77; Plut. Sulla 10.2; Veil. Pat. II. 19. 1; Val. Max. VI. 5. 7 (здесь Сульпиций ошибочно назван *proscriptus*); Oros. VI. 19. 6; App. BC. I. 60. 271. О значительной задержке с похоронами Сульпиция см. Rhet. ad Her. IV. 31.

А.В. Коптев (2019, 118) пишет про «все распоряжения Сульпиция, изданные за время после объявления неприсутственных дней», хотя это были не распоряжения, а законы, и Сульпиций их не издал, а лишь инициировал.

Кем — в источниках не указано. У Аппиана об этом идет речь в контексте обращения консулов к народу. Однако рассказ носит обобщающий (и не совсем точный, учитывая смешивание законов 88 и 81 гг.) характер, а потому исходить из этого контекста рискованно; поскольку политика Суллы была направлена на укрепление роли сената обычно предполагают, что именно сенат отменил *leges Sulpiciae*: Liddell 1865, 495; Botsford 1909, 58; Bennett 1923, 3; Valgiglio 1956, 20, n. 1; Lintott 1968, 134; Gabba 1958, 173; Keaveney 1983b 71. Впрочем, нет ничего невозможного в том, что Сулла для демонстрации законности провел решение об отмене *leges Sulpiciae* именно через комиции (Katz 1975, 120), оформив его как закон (Hinard 1985b, 75).

Cic. Phil. VIII. 7. По-видимому, это единственный случай отмены группы законов по причине того, что они были приняты *per vim* (Lintott 1968, 141). В некоторых источниках (Liv. Per. 77; Veil. Pat. IL 18. 6) законы Сульпиция названы *periculosae leges*, каковая характеристика, по мнению В. Дальхайма (не учитывающего, кстати, указания Ливия), восходит к самому Сулле (Dahlheim 1993, 101).

Некоторые исследователи склоняются к тому, что в 88 г. дело ограничилось отменой постановлений Сульпиция, а остальные мероприятия, описанные Аппианом, дублируют законы Суллы 81 г. (Cantalupi 1899, 26, п. 2; Strachan-Davidson 1902, 62). Это недоразумение имеет место как минимум в одном из случаев, т. к. в 81 г. никакой реформы центуриатных комиций не проводилось. Иногда ученые затрудняются решить, какие законы Сулла провел в 88 г. (Badian 1970, 16; Linke 2005, 114-115).

В. Шур пишет, что запрет касался именно плебейских трибунов (Schur 1942, 134. Anm. 1), однако он равным образом касался также преторов и консулов, т. к. они тоже имели право законодательной инициативы (Keaveney 1983b, 72).

Многие ученые пишут применительно к 88 г. только об этой реформе Суллы 88 г. (Schur 1942, 134; Егоров 1985, 53; Dahlheim 1993, 110-111; Christ 2002, 81).

Schur 1942, 134. Anm. 1. Й. Сунден указывает на то, что у эпитоматора Ливия о реформе трибуната говорится при описании диктатуры, а не первого консулата Суллы (per. 89), Аппиан же пишет об уменьшении власти плебейских трибунов уже применительно к 88 г., и отдает предпочтение хронологии Ливия (Sundén 1897, 32-33). Однако за скупыми словами эпитоматора *L. Sulla civitatis statum ordinavit* (Liv. Per. 77) может скрываться что угодно, тем более что эти узаконения большого значения не имели, т. к. их отменили уже в следующем году.

Поэтому ошибаются те, кто склонен считать, будто в 82—81 гг. Сулла восстановил все законы, принятые им в 88 г. (Утченко 1969, 44; Чеканова 2005, 191) или что он ограничился лишь реформой трибуната (см. прим. 207).

В переводе С. А. Жебелёва — ошибочно Тулл Гостилий (Аппиан 1998, 340).

Mommsen 1887, III, 270, Anm. 1; Herzog 4884, 502; How, Leigh 1901, 417-418; Groebe 1902, 372, Anm. 1; Ковалёв 1986, 387; Gabba 1958, 171-172; Volkmann 1958, 13; Taylor 1960, 104, n. 9; Трухина 1986, 53; Hinard 1985b, 74-75; Кузищин 1993, 133. По мнению Г. Самнера, с учетом изменившихся обстоятельств, первому классу теперь отводилось 70 центурий вместо 80 центурий, как при Сервии Туллии, а низшие же получали 100 вместо 90 (Sumner 1962, 47).

Long 1866, 227; Ihne 1879, 290; Sunden 1897, 22; Meyer 1898, 652654; Botsford 1909, 406; Last 1932, 208 + n. 1; Katz 1975, 116; Keaveney 1983b, 72; Seager 1994, 172; Arbizu 2000, 152; Billows 2009, 43; Mackay 2009, 140; Fündling 2010, 73-74; Allély 2012, 27. Критический анализ обеих точек зрения см.: Sumner 1962, 45-47.

Машкин 1948, 241; Fündling 2010, 73-74.

П. Канталупи пишет, что «Сулла и его коллега на тот момент не обладали полномочиями, чтобы изменять конституцию по собственной инициативе» (Cantalupi 1899, 26, п. 2). Однако никто не мешал им как консулам, по крайней мере, предлагать законопроекты, в том числе и такой.

Katz 1975, 116. Правда, у Плутарха (Mar. 43.4) говорится о голосовании триб по поводу возвращения Мария из изгнания (φυλάς ἐνεγκεῖν τὴν ψήφον), однако степень достоверности этого рассказа неясна (Katz 1975, 116).

У. Лаффи считает, что смысл реформы народного собрания — не в изменениях тех или иных видов комиций, а в восстановлении *auctoritas patrum*, т.е. предварительном обсуждении законопроектов в сенате (Laffi 1967, 208-209). Фактически он предлагает рассматривать только первую меру, ограничивавшую права плебейских трибунов, тогда как у Аппиана (BC. I. 59. 266) вполне определенно идет речь о двух.

Long 1866, 228; Herzog 1884, 502; Mommsen 1888, 847; Groebe 1902, 372, Анн. 1; Ковалёв 1986, 386; Valgiglio 1956, 21; Bengtson 1995, 247; Кузицин 1993, 133; Letzner 2000, 145; Billows 2009, 43; Marin 2009, 49.

Hardy 1916, 61; Last 1932, 208-209; Gabba 1958, 173; Keaveney 1983b. 72-73. Так же полагает и Г. Скаллард, но с оговоркой «если Сулла думал пополнить сенат» (Scullard 2010, 60), т. е. он мог этого на тот момент и не думать. Нередко просто сообщается об указанном решении без уточнения того, было ли оно проведено в жизнь (Fröhlich 1900, 1537; Niese 1923, 200; Машкин 1948, 241; Seager 1994, 172; Williamson 2005, 332). С. Кендалл предполагает, что как этот, так и другие законопроекты могли быть даже отвергнуты при голосовании (Kendall 2013, 467).

325

Katz 1975, 115 + n. 72 (с указанием литературы).

App. BC. I. 103. 482; см. Моммзен 1994, 247, прим. 2.

Между тем нередко утверждается, что сенат пополнился именно сторонниками Суллы (Сергеев 1938, 223; Ковалёв 1986, 386; Кузицин 1993, 133; Letzner 2000, 145).

Hawthorn 1962, 54. По мнению А. В. Еремина (2003, 119), в 88 г. в сенате могло заседать 20—22 консуляра.

Cagniard 1986, 367; Еремин 2003, 120. Правда высказывалось мнение, что цензоры в 88 г. еще оставались в должности (Hardy 1916, 60), однако источники на сей счет хранят молчание (напомним, что перепись в 89 г. не проводилась, что значительно сокращало объем их задач).

Keaveney 1983b, 73; Santangelo 2007, 134 (оба — без ссылки на источник, но, очевидно, с опорой на Схс. Саес. 102). Высказывалось предположение, что именно тогда была основана колония в Помпеях, однако оно представляется сомнительным (см. Keaveney 1983b, 73). Целью обнародования плана (очевидно, законопроекта) выведения колоний могло быть успокоение недовольного плебса (Carney 1961a, 56, п. 256; Katz 1975, 121) — или, точнее, той его части, которая выражала недовольство, а также, что еще более возможно, демонстрация воинам тех перспектив, которые их ожидают после похода.

По мнению Р. Эванса, одним из проигравших консульские выборы был Л. Корнелий Мерула (Evans 1991, 120), который станет консулом-суффектом после изгнания Цинны (см. с. 142-143).

Drumann 1902, 372; Neumann 1881, 523.

Long 1866, 229; Valiglio 1960, 52 (предполагает, что это мог быть и сын Сервия, *eo ipso* племянник Суллы).

Mommsen 1860, 36; Groebe 1902, 372, Anm. 6; Münzer 1923, 1812; Badian 1964b, 83 + 100, n. 74; Katz 1976b, 538-539; Keaveney 1983b, 77; 1984, 128; Marshall, 1985, 154; Broughton 1991, 17; Evans 1991, 120; Rijkhoek 1992, 127; Seager 1994, 17; Ängeli Bertinelli 1997, 338; Ghilli 2001, 362-363, n. 260; Kendall 2013, 477. Г. Беннет пишет, что скорее это был тот Сервилий, который в 87 г. потерпел поражение от марианцев под Армином (Gran. Lic. 20F; Bennett 1923, 4), однако не исключено, что тот Сервилий также был Ватией (MRR II, 51; Gabba 1958, 189).

Badian 1964b, 83. Это был первый триумф *pro praetore* более чем за десять лет (Katz 1976b, 522).

Groebe 1902, 372, Anm. 6; Mommsen 1860, 626; Bennett 1923, 4; Keaveney 1983b, 77; 1984; 128; Broughton 1991, 46; Seager 1994, 173; Angeli Bertinelli 1997, 338.

Bennett 1923,4; Katz 1976b, 539-541; Keaveney 1983b, 76; Broughton 1991, 46; Garcia Mora 1991, 255; Seager 1994, 173. Г. Беннет и Ф. Гарсия Мора предполагают, что и Сервий баллотировался в плебейские трибуны. Это возможно лишь в том случае, если речь не идет о П. Сервии Ватии, который, как известно, был патрицием.

Правда, поражение Сертория на выборах в плебейские трибуны нередко относят к 89, а не 88 г. (Neumann 1881, 547; Spann 1987, 162-163; Rijkhoek 1992, 121-123; Meister 2007, 212). Однако традиционная датировка этого эпизода 88 г. (Herzog 1884, 505; Schulten 1926, 31-33; Treves 1932, 131; Schur 1942, 134; Scardigli 1971, 233-234; Katz 1983, 58-61; Keaveney 1983b, 75-76; Garcia Mora 1991, 250-252; Hinard 2000, 636, Santos Tanguas 2009, 179) представляется более вероятной, поскольку в 89 г. Серторий вряд ли интересовал Суллу, тогда как год спустя прежняя служба Сертория у Мария могла вызвать у него подозрение, да и как у консула, у него имелось больше способов (разумеется, неформальных — выборами трибунов он не руководил) повлиять на исход выборов. К тому же в 89 г. собственное избрание должно было занимать его больше, чем противодействие Серторию.

Предполагаются (нередко в сочетании): незнатное происхождение Сертория (Schulten 1926, 33); служба Сертория у Мария (Greenhalgh 1980, 40; Meister 2007, 212); выступление на стороне Сульпиция (Schur 1942, 134; Scardigli 1971, 233-234); опасения, что Серторий при его популярности проявит себя в должности трибуна как демагог (Schulten 1926, 33; Циркин 1989, 146); наличие у Суллы собственного кандидата (Циркин 1989, 146); трения во время совместной службы у Мария во время войны с германцами (Spann 1987, 24); связи со сторонниками Цезаря Страбона конкурента Суллы на консульских выборах (Rijkhoek 1992, 121-123) и т. д. Первые две причины, думается, можно исключить — будущий диктатор сам в свое время служил у Мария, а относительную незнатность даже Сулла вряд ли считал непростительным недостатком. Можно с большой долей вероятности констатировать, что к 88 г. Серторий своей политической позиции не определил (Ehrenberg 1935, 180; Циркин 1989, 145), а также не имел сильного покровителя, что делало его уязвимым перед лицом могущественного противника, каким и оказался Сулла (Katz 1983, 61-62), который опасался независимого и непредсказуемого кандидата (Циркин 1989, 145-146).

Б. Р. Кац считает также свидетельством слабости позиций Суллы то, что его личный враг Марций Цензорин, подававший на него в суд в конце 90-х гг. (Plut. Sulla 5.12), был *monetalis* в 88 г. (Crawford 1974, I, 357-361, № 346; Katz 1983, 61, п. 43). Впрочем, как полагает М. Крофорд, Цензорин мог быть изгнан, находясь среди других сторонников Мария (Crawford 1974, I, 78).

Соображения по поводу разных чтений имени см.: Katz 1976b, 515 + n. 61; Angeli Bertinelli 1997, 340. Б. Р. Кац также пишет о весьма вероятных связях Вергилия с откупщиками, что свидетельствует о сотрудничестве Цинны через него с публиканами в частности и *ordo equester* в целом (Katz 1976b, 516-517, 549). Скорее можно говорить лишь о некоторых группах публиканов.

MRR II, 47, 52, п. 2. Единственным известным нам успехом Суллы в ходе выборов на 87 г. оказалось избрание Лукулла квестором — если только верны выкладки П. Дж. Тоунмена (см. выше, с. 93, прим. 145). При этом Лукулл, судя по надписям, получил преторские полномочия (см. Thonemann 2004, 81-82), в чем можно видеть известное проявление лояльности сената в отношении если не Суллы, то самого Лукулла.

Mérimée 1883, 135; Liddell 1865,496; Long 1866, 229; Herzog 1884, 503; Fröhlich 1900, 1537; Münzer 1900, 1283; Heitland 1909, 456457; Lanzani 1915, 5; Bennett 1923, 5; Passerini 1934, 375; Schur 1942, 136; Valgiglio 1956, 25; Volkmann 1958, 13; Latte 1960, 122, Anm. 4; Meier 1966, 226; Утченко 1969, 36-37; De Sanctis 1976, 128-129; Schneider 1977, 116; Cagniart 1986, 380-381; Hinard 1985b, 76; Shotter 1994, 40; Arbizu 2000, 153; Brizzi 2002, 104; Christ 2002, 82; Linke 2005, 115; Ingrisch 2007, 40; Mackay 2009, 140; Labitzke 2013, 224; Steel 2013, 94-95; Assemaker 2014, 149; Dart 2014, 196; Blösel 2015, 194.

Моммзен 1994, 192; Neumann 1881, 523; Машкин 1948, 241; Gab-ba 1958, 181; Katz 1976b, 544; Keaveney 1983b, 82; Seager 1994, 173; Letzner 2000, 147; Lovano 2002, 31, n. 22; Циркин 2006, 50; Amela Valverde 2007, 177; Billows 2009, 44; 138; Kendall 2013, 484, n. 9. Й. Мартину известно сообщение гроновиевых схолий, но он, никак его не объясняя, принимает точку зрения о клятве одного лишь Цинны (Martin 1965, 205).

Этого не учитывает П. Каньяр, отвергающий сообщение схолий на том сомнительном основании, что Плутарх и Дион Кассий об Октавии в данном контексте не упоминают (Cagniat 1986, 407, п. 84).

Lovano 2002, 31, n. 22; Kendall 2013, 484, п. 9.

Если же Цинна и Октавий все же заупрямились бы, Сулла мог пригрозить им отказом в *renuntiatio*, без чего выборы не считались бы действительными (Meier 1966, 226, Anm. 122; Keaveney 1983b, 79-80). Вряд ли с учетом сказанного можно согласиться с В. М. Смириным (1955, 125), который считает эту церемонию свидетельством «полной беспомощности» Суллы. С другой стороны, сомнительно и утверждение Л. Амелы Вальверде, будто Сулла был уверен, что новое «правительство» его поддерживает (Amela Valverde 2007, 177). Думается, что он действовал по принципу *feci quod potui*.

Baker 1927, 185; De Sanctis 1976, 113. П. А. Брант упоминает также армию Аппия Клавдия Пульхра, допуская, что она была не слабее армии Суллы (Brunt 1971, 440 + n. 3), а Э. Вальджильо даже определяет ее численность в 24 тыс. чел. (Valgiglio 1956, 30, n. 1). Однако это, судя по дислокации, был тот легион, который оставил в Кампании Сулла (Bennett 1923, 10; MRR II, 48; Carney 1961a, 61; Weinrib 1968, 42; Arbizu 2000, 154; Steel 2013, 93), а потому о таких цифрах вряд ли можно говорить.

А. В. Цумпт считал, что в качестве провинций Помпею Руфу сенат назначил не только Италию, но и Галлию (Zumpt 1859,42-43).

Моммзен 1994, 192; Geizer 1942, 17.

Miltner 1952, 2258-2259; Christ 2004, 22.

Leach 1978, 19; Southern 2002, 17; Amela Valverde 2003, 35.

Такое чтение предложил еще в 1615 г. С. Пигиус. А. Кине возражал, считая его произвольным (Kiene 1845, 261), однако, как показал Э. Бэдиан (1969, 465-475), оно гораздо больше соответствует политическому контексту того времени.

Моммзен 1994, 192; Long 1866, 230; Neumann 1881, 523.

Drumann 1908, 330; Geizer 1942, 17; Ooteghem 1954, 45; Gabba 1958, 179; Keaveney 1983b, 83-84; Cagniard 1986, 385; Seager 2002, 22. По мнению В. Энслина, предполагаемая ошибка Аппиана объясняется тем, что в своем источнике он нашел нечто подобное *invita civitatis* у Валерия Максима (IX. 7. Mil. rom. 2; Ensslin 1926, 431).

Drumann 1908, 341; Carcopino 1947, 141-142; Geizer 1942, 31; MRR II, 80; Ooteghem 1954, 65.

Kiene 1845, 263-264; Badian 1955, 109-112.

Leach 1978, 19; Keaveney 1983b, 84; Hinard 1985a, 356, 357, n. 8; Seager 2002, 22; Southern 2002, 17; Amela Valverde 2003, 35.

Как выражается Э. Бэдиан, *Herennius was forcibly dissuaded*. Впрочем, наряду с этой возможностью он допускает и то, что вето просто проигнорировали (Badian 1955, 112), но тогда не возникло бы нужды убивать консула — Помпею Страбону было бы достаточно просто отказаться сдавать ему армию, сославшись на незаконность своего отстранения от командования.

Val. Max. IX. 7. Mil. rom. 2; App. BC. I. 63. 284-285; Liv. Per. 77; Veil. Pat. II. 20. 1. Иногда эти события относят уже к 87 г. (Schur 1942, 136. Anm. 1; Valgiglio 1960, 32). Однако источники единодушно указывают на то, что в момент гибели Помпей Руф еще оставался консулом; ошибку В. Шура отметил еще Ф. Мильтнер (1952, 2259).

Miltner 1952, 2259. В отсутствие явных доказательств причастности Помпея Страбона к убийству консула, именно это однозначно компрометировало его (Faszczka 2014, 110).

Э. Габба пишет, что это были как представители оппозиционной Сулле сенатской аристократии, так и всадничества (Gabba 1958, 179), что, в общем-то, самоочевидно, но с поправкой — речь могла идти и о рядовых сенаторах.

Этому способствовала, по мнению К. Ланцани, среди прочего, и гибель Помпея Руфа (Lanzani 1915, 7).

К этому времени армия наверняка уже давно покинула Город (Badian 1958, 235, п. 4; Katz 1976b, 499; Keaveney 1983b, 75).

Gruen 1968, 229; Weinrib 1968, 42; Alexander 1990, 59, № 113; Lovano 2002. 32. Речь, таким образом, должна была идти о *perduellio* (Rivero Gracia 2006 221). Ю. Унгерн-Штернберг считает вероятным поводом объявление вне закона Мария и его сторонников (а также убийство одного из них) без суда, что являлось нарушением *lex Sempronia de capite civis* (Ungern-Sternberg 1970, 76).

В общей форме см.: Schur 1942, 136.

Подборку мнений см.: Katz 1976b, 547, п. 191. О подобных намерениях Цинны, но вне связи с действиями Вергилия (возможно, это обусловлено краткостью эксцерпта), пишет Дион Кассий (fr. 102. 1).

Seager 1994, 173-174. А. Кивни, высказывая ту же мысль, замечает, что Цинна очень скверно все рассчитал, и в результате дело ограничилось обвинением со стороны трибуна — Сулла находился при армии и был недосягаем для недругов (Keaveney 1983b, 86). Вряд ли, однако, Цинна отличался такой глупостью, что ставил перед собой заведомо недостижимые цели.

См. Weinrib 1968, 39-42; Katz 1976b, 549.

Lovano 2002, 32. Налицо параллель с Алкивиадом в 415 г. — хотя, конечно, в силу различий в ситуации, отнюдь не полная.

371

Gruen 1968, 6-7; также см. Plut. Luc. 1.3.

Gruen 1968, 230; Ungern-Sternberg 1970, 76.

Независимо от подлинности этого пророчества (Plut. Mar. 36.10) теоретически не исключено, что Марий рассказывал о нем спутникам (Carney 1961b, 106).

С учетом надписи, в которой упоминается раб Мария Филемон, предполагается, что в тех краях у Мария была вилла, к которой он и хотел пройти напрямик (Passerini 1934, 372; Carney 1961b, 105; Van Ooteghem 1964, 297). Против этого возражает Э. Бэдиан (1973, 124), считая, что речь скорее идет о Мариях, упомянутых в надписи из Фабратерии Новы (CIL X. 5614). Не исключено, однако, что Марий был связан с ними и хотел найти прибежище у них.

Plut. Mar. 37.10. У Аппиана (BC. I. 62. 278) говорится о том, что Марий наткнулся на лодку (отнесено ко времени после пребывания арпината в Минтурнах, см. ниже); о том же, возможно, сообщает и Саллюстий, во фрагменте которого имя Мария не названо (Hist. I. 25; Maurenbrecher 1893, 13-14; Passerrini 1934, 373).

Этот рассказ, отсутствующий у Цицерона, встречался, по-видимому, уже у Посейдония (Bang 1910, 190-191; Ensslin 1926, 428).

Cic. Plane. 26; Liv. Per. 77; Plut. Mar. 39-40. Аппиан рассказывает, что после пребывания в Минтурнах Марий прятался от преследовавших его всадников в какой-то хижине и спасся благодаря тому, что заставил рыбака отплыть на лодке в море (ВС. I. 62. 277-278). Это живо напоминает рассказ Плутарха о Марии и рыбаке, хотя детали существенно различаются. Однако порядок изложения у Плутарха признается учеными более предпочтительным (Passerini 1934, 373; Carney 1961b 109).

Очевидно, тот, чья резиденция находилась в Лилибее (Carney 1961b, 112).

Carney 1961b, 112; Badian 1964a, 153; Ooteghem 1964, 298; Sordi 1991, 409; Letzndr 2000, 143, Anm. 184.

Weynand 1935, 1415; Carney 1961b, 114; Dahlheim 1993, 103.

Ihne 1879, 352, Aim. 1; Weynand 1935, 1415.

По Орозию (V. lip. 8), сын Мария находился в заключении в Утике, что, по-видимому, ошибка (Gsell 1928, 278, n. 1; Carney 1961b, 114, n. 3).

Очевидно, Марии находился среди гетулов (их земли находились напротив Керкины), которые были, по-видимому, ему дружественны (Carney 1961b, 114).

Иногда ошибочно пишут о восстановлении законов Сульпиция (Neumann 1881, 547; Billows 2009, 46), хотя *de iure* речь шла о новом законе. Тогда же был поднят и вопрос о вольноотпущенниках (Schol. Gronov. P. 286 St.: *Coepit Cinna de libertinorum suffragiis agere, Octavium cum senatu contra ipsum habuit; ortum est bellum civile*, т. е. именно вопрос о либертинах сочтен главным, а об италийцах даже не упомянуто). По мнению С. Треджари, допускающей достоверность этих сведений, более вероятно все же, что либертинов распределили по 35 трибам в 84 г., «если мы можем верить одному нашему источнику», т. е. эпитоматору Ливия (рег. 84; Treggiari 1969, 49-50). Впрочем, в схолиях и не сказано, что по приходе к власти в конце 87 г. Цинна провел этот закон. Говорится лишь о рогации накануне *bellum Octavianum*, но даже если сразу по приходе к власти Цинна такой закон принял, до его реализации мог пройти не один год, и противоречия здесь нет.

Cic. Phil. VIII. 7; Veil. Pat. II. 20. 2; App. BC. I. 64. 287; Flor. III. 21. 9; de vir. ill. 5p.2. Эпоматор Ливия (per. 79), не конкретизируя содержание рогадий, называет их, как и законы Сульпиция (per. 77), *perniciosae leges* (Lanzani 1915, 26, п. 2). По мнению А. Кивни, действительным автором проекта об италийцах был скорее всего кто-то из плебейских трибунов, тогда как Цинна, используя свое влияние, прилагал все усилия в деле агитации за него (Keaveney 1987, 180).

См. Cic. Brut. 180; Spann 1987, 29-30.

App. BC. I. 65. 295, где Марий назван Гаем, но, видимо, имеется в виду Марк, т. е. Марий Гратидиан (Gabba 1958,184; Katz 1976b, 502; без указания на преномен — Strachan-Davidson 1902, 69). Милоний (Г. Беннет ошибочно пишет о Милоне: Bennett 1923, 9) — возможно, плебейский трибун этого года (MRR II, 47, 52, п. 3), — теперь, очевидно был легатом Цинны (MRR II, 51) или (что менее вероятно), Мария (Dieckmann 1896, 53). В. Ине ошибочно относит Милония к военачальникам армии сената (Ine 1879, 355).

Münzer 1900, 1283; Lanzani 1915, 23; MRR II, 46; Gabba 1958, 181; Bulst 1964, 308; Kelly 2006, 98, n. 18.

Этого не учитывает С. Кендалл, предполагающий одновременное рассмотрение вопросов о распределении *cives novi* по всем трибам и судьбе Мария и его сподвижников. В то же время, он прав, указывая, что второй из этих вопросов имел для Цинны вспомогательное значение — тем самым он хотел снискать поддержку марианцев законопроекту о новых гражданах (см. Kendall 2013, 488-490).

Schur 1942, 134-135; Volkmann 1958, 13; Christ 2002, 82.

Last 1932, 210; Valgiglio 1956, 25; Brizzi 2002,104; Bringmann 2003, 62; Assenmaker 2014, 149 (Цинна — открытый сторонник и Сульпиция, и Мария).

Lange 1871, 125; Нич 1908, 368; Bloch 1913, 278; Holmes 1923, 50; Машкин 1948, 241; Hill 1952, 143; Valgiglio 1956, 25; Bengtson 1995, 252; Циркин 2006, 50; Marin 2009, 49; Courier 2014, 455.

Neumann 1881, 523; Fröhlich 1900, 1537; Lanzani 1915, 5.

Herzog 1884, 503; Valgiglio 1956, 25; Ooteghem 1964, 303.

Sundén 1897, 33; Letzner 2000, 147; Marucci 2011, 48. Л. Перес Вилатела называет Цинну даже «вождем партии популяров» (Pérez Vilatela 2004, 54, п. 36).

Ihne 1879, 292; Long 1866, 229; Herzog 1884, 503; Holmes 1923, 50;
Утченко 1969, 36; Кузицин 1993, 133.

Ковалёв 1986, 223; Машкин 1948, 241. К. Эредиа Чимено пишет об Октавии как о стороннике «режима Суллы» (Heredia Chimeno 2015, 267), однако о таком вряд ли корректно говорить до установления диктатуры Суллы.

Моммзен 1994, 192; Fröhlich 1900, 1537; Lanzani 1915, 5; Last 1932, 209; Vogt 1962, 52-53; Letzner 2000, 146-147; Arbizu 2000, 153; Brizzi 2002, 104; Scullard 2010, 60; Marucci 2011, 48; Labitzke 2013, 224.

Neumann 1881, 523; De Sanctis 1976, 129.

Merimée 1883, 135; Ooteghem 1954, 45.

Bennett 1923, 6; Kornemann 1964, 459; Ooteghem 1964, 303.

Seager 1994, 173. Л. Амела Вальверде, напротив, называет Цинну бывшим легатом Суллы (Amela Valverde 2003, 35), что невозможно, если говорить о Союзнической войне, во время которой последний сам был легатом.

Martin 1965, 205; Seager 1994, 173 (об отсутствии данных о связях с Марием).

Liv. Per. 76; Kendall 2013, 482. Возможно, Цинна действовал в качестве легата Помпея Страбона (MRR II. 36).

Обычно ученые просто сомневаются в этом сообщении Аппиана (Bennett 1923, 6-7; Lovano 2002, 28; Kendall 2013, 489-490, п. 14; Bispham 2018, 3), не учитывая, что полученные деньги (не обязательно, конечно, 300 талантов) могли быть отнюдь не взяткой.

Seager 1994, 173. Правда, в другом месте Плутарх (Sert. 4.7) прямо пишет об Октавии как о стороннике Суллы (Ὀκτάβιος μὲν ἐπὶ τῆς Σύλλας προαίρεσέως εἰμενε), однако он, очевидно, исходит из того, что Октавий защищал законы Суллы, и не более того. О расположении последнего к Октавию как человеку, который не затеет смуты, пишет и Дион Кассий (fr. 102.3), но это не означает того, что Октавий был сторонником будущего диктатора, да и в чем проявлялось расположение к нему Суллы, неясно.

См.: Katz 1976b, 523; Riikhoek 1992, 136.

Cic. Brut. 176. Цицерон пишет просто о *contiones*, не уточняя, идет ли речь о событиях до бегства Цинны или после, однако гораздо вероятнее первое (Pina Polo 2011, 245), поскольку во втором случае Октавий и так уже был хозяином положения.

Веллей Патеркул (II. 20. 2) пишет, что Цинна *ingentem totius Italiae frequentiam in urbem acciverat*. По мнению Х. Моритсена, это является риторическим преувеличением, однако он придает решающее значение слову *acciverat* — роль италийцев оказывается пассивной (Mouritsen 1998, 169). Но это слово может означать простое извещение италийцев о законопроекте, после чего они явились вполне добровольно, да и как мог воздействовать на них Цинна? Кроме того, строить предположения на одном слове, тем более исходящем из уст не симпатизировавшего Цинне Веллея, вряд ли корректно.

Правда, у Ливия (рег. 79) и Грания Лициниана (15F), как считается, говорится о шести трибунах, впоследствии бежавших из Рима с Цинной, на основании чего данные Аппиана нередко отвергаются как ошибочные (лит. см. Scardigli 1971, 232, п. 15). Однако они могли переменить свою позицию в результате подкупа или обещания со стороны Цинны восстановить полномочия трибунов (Bennett 1923, 8, п. 36). К тому же, возможно, требовалось повлиять на позицию всего лишь двух трибунов (Katz 1976b, 500). К. Ланцани допускает, что речь идет о трибунах и присоединившихся к Цинне после его бегства сенаторах, т. е. Милонии, Сертории и Марии (App. BC. I. 65. 295; Lanzani 1915, 44, п. 2). Следует также отметить, что текст Ливия в разных рукописях дает разные чтения, а Грания Лициниана и вовсе неисправен.

Возможно, после заседания сената, который облек его чрезвычайными полномочиями (Gabba 1958, 182).

Вероятно, у храма Диоскуров происходила сходка сторонников Цинны (Pina Polo 1989, 184, п. 284).

Г. Беннет уверен, что сам Октавий намеревался лишь рассеять толпу приверженцев Цинны, а не учинять кровопролитие (Bennett 1923, 8). Однако замечание Аппиана о том, что Октавий хотел избежать встречи с Цинной, приемлемо лишь в том случае, если речь шла о встрече с ним лицом к лицу, а не столкновения с его сторонниками.

Утверждение К. Ланцани, будто поведение Октавия было «корректным и разумным» (Lanzani 1915, 33), спорно в любом случае: если консул хотел избежать столкновения, то у него ничего не вышло, поскольку он просто не понимал, что его сторонники неуправляемы; если же речь шла об организации нападения, то Октавий удачно притворялся миротворцем, но показал себя человеком, не способным контролировать действия своих людей, что также не свидетельствует о его разумности, не говоря уже о печальном для него итоге противостояния.

Niebuhr 1849, 373; Long 1866, 237; Bennett 1923, 8, n. 35; Carney 1961a, 61; Konrad 1994, 64. Тем не менее многими авторами она принимается (Neumann 1881, 548; Ковалёв 1986, 390; Hinard 1985, 138; Егоров 1989, 133; Fündling 2010, 80; Labitzke 2013, 224).

См. также: Cic. Cat. III. 24; Sest. 77; Phil. VIII. 7; Liv. Per. 79; Veil. Pat. II. 20. 2-3; Flor. III. 21. 9; de vir. 111. 69.1; Exup. 4. 23-26Z; Schol. Gronov. 286 St.

Его инициатором был, очевидно, Октавий (Bispham 2018, 5).

Аппиан (BC. I. 65. 296) пишет о лишении Цинны еще и гражданских прав (πολίτην), что принимается многими учеными (Münzer 1900, 1283; Cantalupi 1899, 32, 33; Lanzani 1915, 46; Bennett 1923, 8; Bauman 1966, 133; Balsdon 1967, 24; Утченко 1969, 37; Sartori 1973, 155; Kendall 2013, 493; Labitzke 2013, 224225). Между тем это крайне маловероятно (Gruen 1968, 231), ибо гражданство римлянин мог утратить лишь в том случае, если становился гражданином другого полиса (Cic. Caec. 100; Dom. 78; Kelly 2006, 45-47; Moore 2013, 32). Конечно, в условиях *bellum civile* законы нередко нарушались, но примечательно, что в своей речи перед воинами в изложении (судя по всему, вполне достоверном: Morstein-Marx 2011, 271) того же Аппиана (BC. I. 65. 295-299), Цинна на лишение его гражданства не жалуется (Ungern-Sternberg 1971, 77; также см. Фролов 2018, 142-143).

Обвинение, бесспорно, надуманное, если учесть, что Цинну вытеснили из Города силой (Kendall 2013, 491-492).

App. BC. I. 65. 296. Неоднократно высказывалось также предположение об объявлении Цинны *hostis* (How, Leigh 1901, 435; Heitland 1909, 460; Ferrero, Bärbagallo 1918, 339; Passerini 1941, 125; Valgiglio 1956, 28-29; Bauman 1966, 133; Lintott 1968, 155; Bauman 1973, 273; Arbizu 2000, 154; Mackay 2009, 143; Neumann 2010, 261), а также об издании *senatus consultum ultimum* (Plaumann 1913, 364; Bulst 1964, 311). Р. А. Бауман считает, что имел место особый род объявления *hostis*, поскольку Цинна лишился и консулата, и гражданства, вместо *hostem esse* в постановлении сената могло говориться *neque consulem neque civem esse* (Bauman 1973, 287-288), однако, как уже отмечалось, нет оснований считать, будто Цинна лишился гражданства (также см. Фролов 2018, 142-149).

Vell. Pat. II. 20. 3; Niebuhr 1849, 373; Willems 1883, 109; Bennett 1923, 8; Ungern-Sternberg 1970, 77-78; Schneider 1977, 117; Katz 1979, 162; Lovano 2002, 35-36 Rivero Gracia 2006, 73; Fündling 2010, 80. Р. А. Бауман, однако, не считает решение сената однозначно незаконным, и именно этим объясняет униженное поведение Цинны перед войском (см. ниже) (Bauman 1973, 288). Но вполне возможно и иное объяснение — воины просто могли не захотеть рисковать жизнью из-за Цинны.

См. Lovano 2002, 35; Allély 2012, 29.

Ungern-Sternberg 1970, 78 (в этом смысле, по мнению ученого, показателен случай с Лентулом Сурой, который, как следует из Цицерона (Cat. III. 15), перестал быть претором в силу не *senatus consultum*, а собственного отказа от должности).

В 137 г. такой процедуре подвергся за капитуляцию перед кельтиберами консул Гай Гостилий Манцин (App. Hisp. Тут же Аппиан пишет и о лишении консулата Марка Эмилия Лепида Порцины, однако ещё с XIX в. достоверным признаётся лишь сообщение того же автора о присуждении его к штрафу, см., напр., Моммзен 1994, с. 16), в связи с чем (хотя и без ссылок на этот пример) А. Аллели пишет о том, что консулы могли быть отстранены за неудачное ведение военных действий (Allély 2012, 29). Думается, здесь необходимо уточнение: Манцина отстранили за сочтенный позорным договор. Кроме того, вряд ли вообще существовали какие-то регламентации относительно лишения должности, здесь явно исходили из конкретной ситуации. Стоит также отметить, что пример с Манцином опровергает утверждение Й. Блейкена о том, будто во времена Республики облеченных империем магистратов не отстраняли от власти (см. Bleicken 1975, 122 + Anm. 48).

Высказывалось также предположение об отстранении от должности трибунов, бежавших из Рима вместе с Цинной (Hinard 2000, 637).

Gran. Lic. 15F. Весьма вероятно, что обращение к ним инициировал Октавий (Katz 1979, 165; Bollan 2013, 147). Остается лишь удивляться уверенности К. Ланцани в том, что Октавий был «скрупулезным блюстителем закона (*osservatore scrupoloso della legge*)» (Lanzani 1915, 36).

Это сообщение принимает Б. Р. Кац (1979, 163).

См. Lovano 2002, 35; Arena 2012, 138, п. 176. К. Стил просто пишет о спешных выборах Мерулы (Steel 2013, 95), а К. Ланцани подчеркивает, что речь шла о центуриатных комициях, в которых Октавий зачитал и нужный ответ Сивиллиных книг (Lanzani 1915, 49 + п. 2). Х. Сантос Янгуас по недосмотру называет вторым консулом Помпея Страбона (Santos Yanguas 2009, 181).

Об этих запретах см. Latte 1960, 202-203 (с указанием источников).

См. Badian 1958, 236; Bulst 1964, 312.

Katz 1979, 164-166. X. M. Арбису пишет, будто Мерула поддержал Суллу в 88 г. (Arbizu 2000, 155), однако данными источников это не подтверждается. Сулланцем считает его и Дж. А. Лобур (2008, 65).

Веллей Патеркул (II. 20. 3) сообщает просто о бегстве Цинны в Кампанию. Экуперанций (4.27Z) ошибочно пишет о его бегстве в Африку (Münzer 1900, 1284; Zorzetti 1982, XV), явно путая Цинну с Марием (Bennett 1923, 9, п. 40).

У Грания Лициниана (15F), как считают, говорится о бегстве с Цинной шести плебейских трибунов, т. е. теперь уже большинство их, прежде ему враждебное, оказалось на его стороне. Однако текст в этом месте испорчен (Bennett 1923, 8, п. 36), а потому делать сколь-либо ответственные выводы было бы неосторожно.

Обычно считается, что он был сыном консула 104 г. (Münzer 1909, 2599; Badian 1958, 201, п. 9; Wiseman 1971, 231). Однако существует также точка зрения, что консул 104 г. и видный марианец — одно и то же лицо (Muniz Coello 1995-1996, 258; Heredia Chimeno 2018, 5). Однако Веллей Патеркул (II. 24. 1) называет его *adulescens*, а Аппиан (Mithr. 60.246) — *véος*, что невозможно не только для консуляра.

Как считается, консул 79 г. (MRR II 48, 82; Münzer 1899, 2849).

Аппиан пишет о Капуе (BC. I. 65. 298), словно забыв, что сам только что говорил о Ноле (I. 64. 294; Gabba 1958, 185).

По мнению Р. А. Баумана, вся эта процедура означала переизбрание Цинны, а не возвращение ему власти, причем все это время он лежал на земле (Baumanl 1973, 288-289) — предположение, по мнению Р. М. Фролова (2018, 148), почти курьезное (думается, слово «почти» здесь лишнее).

Liv. Per. 79; Veil. Pat. II. 20. 4; Schol. Gronov. 286 St.; Bennett 1923, 10; Jal 1963, 131; Chrissanthbs 1999, 53; Kelly 2006, 185; Keaveney 2007, 38-39; Kendall 2013, 495-496). Б. Мауренбрехер относит к Цинне фрагмент Саллюстия (Hist. I. 27: exercitum argento fecit), не уточняя, впрочем, имеет ли он в виду войско Клавдия Пульхра или набор среди италийцев (Maurenbrecher 1893, 14).

См.: App. Illyr. 5.14; Mithr. 59. 242; BC. II. 17. 62; 26.101; 30.116; III. 30. 119; 77. 31; V. 70. 295; 78. 330 *etc.*

Дж. Хитон пишет о подкупе именно командиров (Heaton 1939, 39).

По Аппиану (BC. I. 66. 305), с ним было 500 человек, по Гранию Лициниану (16 F) и Плутарху (Mor. 41.3) — 1000, в том числе и мавретанские всадники. Плутарх же (loc. cit.) сообщает еще и о 40 кораблях, на которых приплыл Марий.

Sordi 1991, 411-412. По мнению М. Сорди, такое решение подсказали Марию этруски, получившие землю в Африке. Указывалось, что в тех краях проживало немало ветеранов кимврских войн, поддержавших теперь Марию (Badian 1958, 238; Ooteghem 1964, 306; более скептическую точку зрения см. Wiehn 1926, 59), а также, что в сильно латифундизированной Этрурии нашлось немало рабов, охотно вступивших в войско Мария (Passerini 1941, 126-127; Schur 1942, 137). Однако вряд ли доля рабов была велика — ветераны и в военном, и в политическом отношении представляли куда большую ценность, не говоря уже о том, что степень латифундизации Этрурии является предметом дискуссий.

Граний Лициниан (17F) обобщенно пишет о *legio voluntariorum*.

Напомним, что Марий, согласно Аппиану (BC. I. 66. 305), отплыл в Италию, узнав о новой смуте (τούτων πυθόμενος), а не по приглашению Цинны. Он, собственно, ни в каких приглашениях и не нуждался (Ihne 1879, 353. Anm. 1; Bulst 1964, 309).

А. В. Коптев (2019, 124) пишет по данному поводу: «А. В. Короленков полагает, что Цинна восстановил Мария в должности проконсула, на которую тот был избран годом раньше. Однако при республике магистратуры проконсула еще не существовало. [...] Грекоязычный писатель эпохи империи, скорее всего, в такие нюансы не вникал. Этот “проконсулат” Мария, якобы полученный от изгнанного из Рима консула, скорее напоминает статус легата». Налицо явные несообразности: проконсулами не избирали, и в моей статье, на которую ссылается А. В. Коптев, говорится об облечении Мария проконсульским полномочиями (Короленков 2017, 103-104). Ни в источниках, ни в моей статье не идет речи о проконсульской магистратуре, что имеет важное значение в аргументации А. В. Коптева, как видим, отождествляющего должность и магистратуру, а это не одно и то же. Проконсулат не был магистратурой, но был должностью, в каковой Цинна вполне мог его восстановить (насколько законно — вопрос отдельный). Наконец, получается, что Марий отказался даже от легатства, хотя куда логичнее, что он предпочел статус легата, отвергнув проконсульство.

Любопытно, что некоторые ученые восприняли лишь выгодную для Сертория часть рассказа, сочтя, будто именно из опасения перед жестокостью Мария (в отношении врагов) он выступил против союза с ним (Моммзен 1994, 224-225; Neumann 1881, 551; Schulten 1926, 36), хотя Плутарх называет среди возможных причин его неприятия арпината, как мы видели, и куда менее благородные мотивы. Более нейтральный подход см.: Long 1866, 239; Carney 1961b, 118; Spann 1987, 30; Hinard 1985b, 143; 2000, 639.

Lanzani 1915, 68; Ooteghem 1964, 305, n. 2; Katz 1976a, 335-336.

Прежде я полагал, что эта история восходит к самому Серторию, который хотел таким образом дистанцироваться от Мария (Короленков 2003, 65). Однако ему пришлось бы выставить не в лучшем свете Цинну, что могло привести к весьма неприятным последствиям для нурсийца.

Flor. III. 18. 13. Об идентификации этого Карбона со сторонником Цинны см. Münzer 1949, 1024.

App. BC. I. 67. 307; Liv. Per. 79; Flor. III. 21. 13; Oros. V. 19. 9.

По всей видимости, одним лагерем (Bennett 1923, 13, п. 62). Не исключено, что именно поэтому Плутарх (Sert. 5.6) говорит лишь о трех предводителях сил повстанцев.

App. BC. I. 67. 307; Bennett 1923, 13; Geizer 1942, 18. По мнению К. Ланцани, Серторий стоял также на западном берегу (Lanzani 1915, 78), что менее вероятно. Ф. Сантанджело, в свою очередь, полагает, что Серторий блокировал Рим с севера (Santangelo 2016a, 89). Общую численность войск, осадивших Рим в 97 г., Веллей Патеркул оценивает в 300 когорт (II. 20. 5), т. е. 30 легионов. П. А. Брант полагает, что сюда вошли все иррегулярные части присоединившихся позднее самнитов и луканов etc., в общей сложности 150—180 тыс. чел. (Brunt 1971, 440). По мнению Г. Беннета, речь должна идти о 12 легионах (Bennett 1923, 13). В пользу этого свидетельствуют не только трудности снабжения 150-тысячной армии, но и подозрительно округленное число когорт (ср. 300 тыс. павших в Союзнической войне: Vell. Pat. II. 15. 3). В любом случае, силы сената явно уступали по численности армиям Цинны и Мария (Brunt 1971,440).

По мнению П. А. Бранта, армия Помпея Страбона состояла из шести легионов (Brunt 1971, 440).

CIL I². 709. 9; Criniti 1970, 98-101; Hinard 1985a, 363.

Val. Max. VI. 2. 8; V. 3. 5; Katz 1976a, 331, n. 15.

По мнению М. Гельцера, ненужным соглашение с Помпеем Страбоном сделало взятие Марием Остии (Geizer 1942, 18). Однако само по себе это победы осаждающим еще не обеспечивало — решительными действиями закаленная в боях армия Помпея могла переломить ситуацию.

Lanzani 1915, 83; Schur 1942, 137; Valgiglio 1967, 196; Labitzke 2013, 227. Орозий (V. 19. 17) пишет как о причине захвата Остии о страсти Мария к добыче, однако это могло быть лишь дополнительной мотивацией, но скорее всего для обогащения не самого Мария, а его армии.

Plut. Mar. 42.3 (без упоминания имени Валерия); Gran. Lic. 18F. Аппиан и Орозий пишут о захвате Остии силой (App. BC. I. 67. 308: εἶλε; Oros. V.19. 17: vi ingressus), эпитоматор Ливия — прямо о штурме (per. 79: expugnavit).

Высказывалось предположение (Bennett 1923, 40; Münzer 1955, 28), что предателем был Луций Валерий Флакк — впоследствии консул-суффект 86 г. (см. о нем ниже).

Скорее это, нежели политические принципы (Lanzani 1915, 82), могло подтолкнуть к измене и самого Валерия — если, конечно, измена имела место.

Р. Сигер пишет, что даже попытка покушения на него не подвигла Помпея Страбона к тому, чтобы помешать захвату Остии (Seager 2002, 22). Однако удар мог быть нанесен слишком быстро, так что Помпей просто не успел на него отреагировать, да и покушение на него (если оно вообще имело место), видимо, состоялось уже после падения Остии (см. об этом ниже).

Стало быть, как отмечает Г. Беннет, районы между Тибром и Яникулом, формально в пределы померия еще не включенные, уже перешли в руки Цинны и Мария. Судя по данным раскопок, на Яникуле имелись укрепления, хотя сплошной оборонительной линии они не образовывали (Bennett 1923, 18-19). Поэтому сообщение об открытии Аппием Клавдием ворот (ύλανοιχθείσης αὐτφ πύλης) не вполне понятно.

О. Дикман считает, что Милоний был, по мнению Грания Лициниана (17F), пятым вождем марианцев наряду с Марием, Цинной, Серторием и Карбоном (Dieckmann 1896, 53). Однако Граний пишет лишь о том, что Милонию была подчинена, по слухам, только часть конницы (*item Milonio traditur equorum pars*), и хотя это сообщение следует после упоминания четырех названных полководцев, оно представляется совершенно недостаточным для приравнивания Милония к ним.

Граний Лициниан (19F) не уточняет, кто имеется в виду, но речь, скорее всего, о Публии Крассе, консуле 97 г. (Bennett 1923, 18; MRR II, 50; Любимова 2012, 87).

Lovano 2002, 41. Тацит (Hist. III. 51. 2) именно к сражению за Яникул относит случай, когда один из воинов Помпея Страбона обнаружил на поле боя труп убитого им брата и покончил с собой — о нем же рассказывает в упомянутом пассаже и Орозий, который уточняет, что воин закололся прямо на погребальном костре (см. также: Val. Max. V. 3. 5). Веллей Патеркул (II. 21. 3) упоминает лишь об одном сражении между Помпеем Страбоном и Цинной (*magno atrocique proelio*). П. Грёбе (1902, 502, Anm. 6) относит сообщение Веллея к бою между Помпеем и Серторием, о котором пишет Орозий (см. выше). Г. Беннет, однако, полагает, что называть «великим и ожесточенным» сражение, где погибло всего лишь 600 человек с каждой стороны, вряд ли уместно, да и следует предположить, что Серторий спутан с Цинной (Bennett 1923, 18, p. 85). Второе вполне естественно, ибо Серторий был подчиненным Цинны, к тому же с ним сражались воины шести когорт, отправленных на подмогу Октавию Помпеем Страбоном, а первое может объясняться склонностью Веллея к риторике. Поэтому представляется более вероятным, что Тацит и Орозий пишут об одной и той же битве.

Bennett 1923, 18; Geizer 1942, 19; 1973, 35; Miltner 1952, 2260.

Марий Гратириан: Bennett 1923, 15; Schur 1942, 138; MRR II, 50, 51;
Марий Младший: Münzer 1930, 1826; Сервилий Ватия: Münzer 1923, 1812;
MRR II, 51; Courier 2014, 763.

Как предполагает К. Ланцани, инициатором этого шага стал Помпей Страбон (Lanzani 1915, 99-101), чему «его прежняя позиция в вопросе о союзниках... по крайней мере, не противоречит» (Miltner 1952, 2260), однако это могло произойти и после смерти Помпея (Lange 1871, 129).

См. Letta 1979, 82; Bispham 2018, 10.

Очевидно, речь идет об отце и сыне Квинтах Лутациях Катулах, консулах 102 и 78 гг., а также о консуле 99 г. и цензоре 97 г. М. Антонии (MRR II, 49).

Несомненно, Гая Флавия Фимбрию (Lange 1871, 128; Münzer 1909, 2599; MRR 11, 50; Gabba 1958, 198; Lovano 2002, 40; Amela Valverde 2007, 180).

Liv. Per. 80; Gran. Lic. 20-21F; App. BC. I. 68. 309-310; Dio Cass. Fr. 102.7. По мнению Л. Р. Тэйлор, самнитам было также обещано распределение по старым трибам (Taylor 1960, 104), однако их требования перечислены в источниках достаточно подробно, и странно, если бы такой факт остался не упомянут.

Судя по всему, легат Метелла Пия (MRR II, 51) — тот самый, что успешно сражался против умбров в 89 г. (Liv. Per. 74; Oros. V. 18. 17); не исключено, что это был Плавтий Сильван, один из авторов закона Плавтия — Папирия 89 г. (MRR II, 51, 53, п. 10; Amela Valverde 2007, 180). Любопытно, что сообщение о поражении Плавтия следует у эпитоматора Ливия сразу после упоминания о соглашении самнитов с Цинной и Марием (Bispham 2007, 182-183) — совпадение, надо думать, не случайное.

Gran. Lic. 21-22F; Oros. V. 19. 18. Весьма вероятно, что это произошло в разгар лета (Münzer 1937a, 1816), когда погода в Италии особенно способствует эпидемиям. По мнению Дж. Лонга, число жертв сильно преувеличено (Long 1866, 241).

Упоминается среди членов военного совета Помпея Страбона в аскуланской надписи, как и его брат, Тит (CIL I². 709. 8; Cichorius 1922, 158, 160-161), который также, возможно, участвовал в заговоре (Criniti 1970, 127).

Seager 2002, 195, п. 32; см. также: Hillman 1996, 86.

Plut. Pomp. 1. 1-2. Ж. Арман допускает, что причиной неприязни воинов к Помпею была его жадность при дележе добычи (Harmand 1967, 411, п. 21), однако непонятно, почему тогда солдаты не захотели перейти под командование Помпея Руфа, после смерти которого у Помпея Страбона вряд ли была возможность разозлить воинов скупостью, которая к тому же по отношению к ним вообще не засвидетельствована.

Katz 1976a, 333. А. Кивни, соглашаясь с этим, указывает, что Помпея Страбона могла удерживать в палатке болезнь (Keaveney 1982b, 112).

Bennett 1923, 15; Geizer 1942, 18; Badian 1958, 240, n. 6; Hillman 1996, 82, 88-89; Seager 2002, 195, n. 32. Иначе см.: Miltner 1952, 2064; Ooteghem 1954, 47; Gruen 1974, 373; Greenhalgh 1980, 8.

К слову сказать, так и не названный в описании этого эпизода Плутархом по имени (Hillman 1996, 82).

Hillman 1996, 81-89. Иногда считается, что описанные события в лагере Помпея Страбона произошли до битвы за Яникул (Bennett 1923, 15 + n. 74; Qelzer 1942, 18; Miltner 1952, 2260; Katz 1976a, 332; Greenhalgh 1980, 8; Seager 2002, 22; Southern 2002, 19; этой точки зрения придерживался в свое время и автор этих строк: Короленков 2003, 66).

Это мог быть как консул 96 г. Г. Кассий Лонгин (Seager 2002, 23), так и другое лицо (MRR II, 48).

Gelzer 1942, 18; Miltner 1952, 2259; Aigner 1974, 15; Циркин 2006, 140; Keaveney 2007, 95; Махлаюк 2008, 122.

Впоследствии мы обнаруживаем у Сертория во время войны в Испании членов военного совета Помпея Страбона, Луция Инстея и Квинта Гиртулея, равно как и братьев того и другого, Гая и Луция соответственно — а ведь именно Серторий противостоял в тот момент покорителю Аскула, и потому есть все основания думать, что как раз тогда они и перешли на сторону врага (Sichorius 1922, 167-168). Вполне возможно, что к циннанцам ушли Луций и Тит Теренции — уроженцы Пицена, где было много клиентов Помпея (Criniti 1970, 127). Среди серторианцев мы встречаем и Тарквиция Приска, но нет уверенности, что это тот Тарквиций, который упомянут среди членов военного совета Помпея Страбона (CIL I². 709. 9; Wiseman 1971, 264).

Вряд ли верно говорить о том, будто Помпей Страбон не контролировал ситуацию в своем лагере (Amela Valverde 2003, 37). В условиях заметного перевеса сил врага дезертирство могло оказаться куда более масштабным, чего, однако, не случилось.

Plut. Pomp. 1.2; App. BC. I. 68; Oros. V. 19. 18; Obseq. Prod. 56a. Эту точку зрения восприняли и многие ученые нового и новейшего времени: Drumann 1908, 331; Long 1866, 241; Niese 1923, 201; Geizer 1942, 20; Schur 1942, 138, Anm. 6; Pareti 1953, 566; Gabba 1958, 191; Егоров 1989, 133; Циркин 2006, 140; Faszczka 2014, 111.

В Риме известны случаи выживших после удара молнии (РНп. NH. II. 145; Hillard 1996, 144, n. 32).

Как резонно замечает О. Д. Уоткинс, соответствующий пассаж Грания Лициниана представляет собой не столько сообщение о подлинном факте, сколько сочетание обеих известных автору версий (Watkins 1988, 149-150).

Высказывались мнения, что о том же сообщалось и у Веллея Патеркула — перед *decessit* шли слова *ictus, de caelo tactus* или *fulmine tactus*, но до нашего времени они не сохранились (см. Dieckmann 1896, 93, п. 1), однако эти предположения представляются малообоснованными (Watkins 1988, 148-149, п. 25; Т. Хиллард, хотя и считает эти гипотезы привлекательными, все же признает, что они недоказуемы: Hillard 1996, 137).

Niebuhr 1849, 374; Lange 1871, 129; Syme 1944, 108; Miltner 1952, 2261; Katz 1976a, 333; Leach 1978, 21; Meier 1997, 115; Seager 2002, 23; Amela Valverde 2003, 38; Christ 2004, 24; Steel 2013, 96; Махлаюк 2014, 72, прим. 27. Гипотеза об убийстве Помпея Страбона (Carcopino 1947, 122, п. 1; Greenhalgh 1980, 9) представляется в высшей степени маловероятной, тем более что рассказ Плутарха (Ромр. 3), на который ссылается в данном случае Ж. Каркопино, как мы видели, вряд ли отражает истинное положение дел.

App. BC. I. 69. 315; Gran. Lic. 23F; Bennett 1923, 20; Hillman 1996, 88.

Об их принятии в свой лагерь Октавием сообщает Граний Лициниан (23F).

См.: Hillman 1996, 88; Meier 1997, 115.

См. Bennett 1923, 20 + n. 99; Gabba 1958, 192.

Gran. Lic. 23F. Ф. Мюнцер ссылается при этом и на Плутарха (Mar. 42.5; Münzer 1897, 1222), однако тот ни о чем подобном не сообщает. Граний Лициниан явно намекает на то, что Метелл Пий стал инициатором этого посольства (Lovano 2002,44, п. 64).

См. Bennett 1923, 21; Katz 1976a, 330, 335.

Моммзен 1994, 227; Bennett 1923, 21; Ooteghem 1967, 181.

Весьма лояльное отношение Цинны к Метеллу Пию отмечает и Т. Ладонь, объясняя его отнюдь не агрессивным поведением последнего в отношении Цинны (Ładon 2018, 197).

По мнению Ж. ван Отегема, Цинна признал за Метеллом звание и достоинство императора (Ooteghem 1967, 181), что, однако, маловероятно — однажды провозглашенный императором полководец вряд ли мог быть лишен этой чести.

См. Gell. NA. XV. 13. 6; Katz 1976a, 335.

В переводе М. Л. Гаспарова — Мурена (Ливий 1993, 579), чтение старое (см., напр.: Long 1866, 208) и давно отвергнутое. Впрочем, С. Кендалл считает, что под Цецилием Пием подразумевается Цецилий Корнут, который, как он полагает, действовал против пелигнов, Цинна против марсов, Метелл Пий же воевал с апулийцами (Diod. XXXVII. 2. 10; Kendall 2013, 793-807). Однако в любом случае все это юго-восток Италии, и Цинна наверняка взаимодействовал как с Корнутом (если речь о нем), так и с Метеллом.

Поэтому вряд ли прав был Т. Моммзен, считавший, будто Метеллу «удалось бежать от убийц» (Моммзен 1994, 230). П. Жаль ставит это братание в контекст возвращения Мария, которое, по его мнению, повлияло на разложение армии «оптиматов» и утрату ими надежды на успех (Liv. Per. 80; Jal 1967, 15).

Gran. Lic. 23-24F; Hinard 2000, 641.

Ф. Инар утверждает (а не предполагает, несмотря на гипотетичность его мнения), что попутно Цинна потребовал восстановить в их должности бежавших с ним плебейских трибунов (Hinard 2000, 641). Это логично, если их лишили трибуната (см. выше); менее вероятно, что, как считает Ф. Инар, такое же требование предъявлялось Метеллу Пию — Цинна ждал от него скорее признания собственного статуса.

Diod. XXXVIII. 3; Veil. Pat. II. 22. 2; App. BC. I. 70. 318-319. Весьма вероятно, что Мерула сам предложил отказаться от должности, чтобы спасти себе жизнь и совершить акт посредничества (Seager 1994, ,177-178; Bollan 2013, 148).

App. BC. I. 70. 321. Дж. Лонг допускает, что Цинна действительно хотел спасти Октавия (Long 1866, 243), но более вероятно, что таким образом он стремился снять с себя ответственность за убийство консула (см. Bennett 1923, 22).

В. Шур не только принимает эту версию, но и трактует ее таким образом, будто «Марий и Цинна затем заключили соглашение, согласно которому Октавий мог безбоязненно жить в Риме и оставаться консулом, если полностью откажется от участия в общественной жизни» (Schur 1942, 139). Это представляется явным выходом за пределы данных источника, не говоря уже о том, что историчность такого соглашения в высшей степени сомнительна.

Münzer 1937a, 1817. М. Ловано осторожно пишет о данных Цинной «туманных обещаниях» безопасности (Lovano 2002, 47), однако предложение покинуть Город во избежание худшего скорее было прозрачным намеком на отсутствие каких-либо гарантий.

Gabba 1958, 194; Carney 1961a, 65, п. 83.

Думается, перед нами обычный пример «послезнания»: Марий демонстрировал свой статус человека, лишённого полномочий, т. е. признавал соответствующее решение сената и народа (Ooteghem 1964, 311 — упоминается, впрочем, только о сенате).

Carney 1961b, 118; Rijkhoek 1992, 148-149.

И, несомненно, его товарищей (Jal 1967, 440).

App. BC. I. 70-71; Plut. Mar. 43. 1-4; Bloch, Carcopino 1935, 402; Carney 1961b, 121. По Плутарху (Mar. 43.4), трибы начали подавать голоса, но Марий вошел в Город, не дожидаясь окончания процедуры. По Аппиану же (BC. I. 70. 324), направленный против него и его товарищей закон отменили трибуны (по мнению Й Сундена, это подтверждает и Цицерон (Post red. suo in sen. 10; Sundén 1897, 29), однако у оратора идет речь не о Марии, а о Попилии Ленате и Метелле Нумидийском). У Веллея Патеркула (II. 21. 6) и Диона Кассия (fr. 102.8) говорится, что предложение внес Цинна. Очевидно, речь идет о том, что они не отменили его, а собрали народ, который и вынес соответствующее решение — председательствовал же, вполне вероятно, сам Цинна (Lovaño 2002,45). Что же касается отказа Мария дожидаться конца голосования, то это представляется невероятным (иначе см. Neumann 1881, 555): коль скоро арпинат пожелал соблюсти формальности, так грубо нарушать процедуру не имело смысла, тем более что исход голосования сомнений не вызывал (Carney 1961b, 121).

Очевидно, Гай Марций Цензорин, бывший обвинитель Суллы (Münzer 1930, 1551; Gabba 1958, 195; Hinard 1985a, 373; Assanmaker 2016, 1109). На тот момент он был, как предполагают, военным трибуном или префектом конницы (лит. см. Assanmaker 2016, 108, п. 69).

Плутарх (Mor. 42. 8-9) явно ошибочно приписывает убийство Октавия Марию (Gabba 1958, 195 со ссылками на источники).

Аппиан в ВС. I. 71. 329 пишет о том, что обычай выставлять головы убитых пошел именно с Октавия. Однако Веллей Патеркул (II. 19. 1) сообщает, что еще раньше на рострах была выставлена голова Публия Сульпиция, так что Аппиан, очевидно, ошибается (Bennett 1923, 27, п. 13; тем не менее Ф. Инар — как известно, горячий поклонник Суллы — приписал «приоритет» в деле выставления на рострах голов убитых марианцам: Hinard 1984, 301). Понимать его слова таким образом, что именно начиная с Октавия это стало «системой», поскольку случай с Сульпицием был единичным, можно лишь с некоторой натяжкой, т. к. о случае с Сульпицием Аппиан не упоминает (или не знает?) вообще.

Самому Октавию также предлагали бежать, и даже подвели коня, но он отказался (App. BC. I. 71. 327).

Ф. Инар ошибочно называет его отцом Антония-триумвира (Hinard 2000, 643).

Г. Бекер пишет (Becker 2008, 22), будто Антоний был убит Суллой в 88 г. (?!), что сложно признать иначе, как труднообъяснимым недоразумением.

Val. Max. VIII. 9. 2; IX. 2. 2; Plut. Mar. 44. 1-7; Lucan. II. 121-124; Flor. III. 21. 13; App. BC. I. 72. 333-335. История с головой Антония вызывает в памяти очевидные параллели с судьбой другого великого оратора — Цицерона, убитого по приказу внука этого самого Антония. Впрочем, у Валерия Максима есть также рассказ о голове сенатора Цезетия Руфа, которую принесли триумвиру (IX. 5. 4); сходство этих рассказов наводит на мысль о том, что они являются отголоском войны памфлетов между Октавианом и Антонием (Carney 1962, 325-326, п. 82).

Очевидно, что рассказ о гибели Антония дошел до нас в риторической переработке (Valgiglio 1967, 207).

Cic. Tusc. V. 55; Lanzani 1915, 135, п. 2.

Дж. Хитон явно путает отца и сына Крассов, называя сына *a senatorial leader* (Heaton 1939, 39).

На это указывал еще в 1876 г. Э. Клебс (приводится по: Ensslin 1926, 439).

Любимова 2012, 102. Там же дан подробный обзор античной традиции о гибели обоих Крассов (также см. Marshall 1985, 140-141).

Любопытно, что еще один шокирующий и уникальный вариант традиции о кровавых деяниях, передаваемый Аппианом, также связан с Крассом, на сей раз с будущим триумвиром. Это версия, согласно которой он казнил 4000 (!) воинов в ходе децимации во время войны со Спартаксом (BC. I. 118. 550; более достоверным представляется сообщение Плутарха (Crass. 10.4) о казни всего 50 солдат: Gabba 1958, 326-327).

У Аппиана по ошибке говорится о Сексте (Gabba 1958, 196) — если речь идет о консуле 90 г., в чем, впрочем (как и в том, что под Гаем подразумевается Цезарь Страбон), никто из исследователей не сомневается.

Более кратко — Flor. III. 21. 16. О подобной «технике» «опознания» жертв, не называя имен, пишут и другие авторы: Dio Cass. Fr. 102.10; Aug. De civ. Dei. III. 27).

Менее убедительна версия Г. Беннета (1923, 27), согласно которой Марий приносил жертвы в честь своего возвращения (см. Flor. III. 21. 14; Carney 1960b, 383).

Если у Плутарха акцент делается на отказе в приветствии как знаке для расправы, то у Аппиана, судя по всему, нашла отражение традиция, где Марий представлен среди прочего и как осквернитель священного места, что в действительности маловероятно (Lanzani 1915, 133).

Carney 1960b, 382-384. К. Ланцани считает, что Марий порой не отдавал приказы, а просто разрешал воинам действовать по своему усмотрению (см. Lanzani 1915,134). Однако речь именно о рабах, которые в обычных условиях чаще всего и выполняли грязную работу палачей.

См. также: Labitzke 2013, 234. Тем не менее эту риторическую версию всерьез восприняли: многие антиковеды: Моммзен 1994, 228; Weynand 1935, 1418; Schur 1942, 140; Утченко 1969, 38. Стоит отметить ее сходство с убийством некоего Антиллы (Антуллия) в изложении Аппиана в 121 г.: ВС. I. 25. 109-111.

Liv. Per. 80; Plut. Mar. 45.3. Плутарх, явно впадая в ошибку, хронологически отделяет расправу с Анхарием от других казней 86 г. (Carney 1960b, 383-384).

Vell. Pat. II. 24. 2; Badian 1957, 339-340, n. 177.

Münzer 1926b, 221; Badian 1957, 339-340, n. 177.

Münzer 1930, 221; MRR II, 54; Keaveney 1984, 117. Звучали мнения и в пользу 84 г. (!): Long 1866, 328; Münzer 1953, 63 (со ссылкой на М. Циглера).

Надо думать, все же бывших (Bennett 1923, 38).

Bennett 1923, 38; Carney 1960b, 383; 1961a, 70.

У Валерия Максима (IX. 2. 2) говорится о *consularis et censorius*, которым был Луций Цезарь. Однако, как показал Г. Беннет, это, вероятно, ошибка, и подобная участь постигла его младшего брата — Цезаря Страбона (Bennett 1923, 26, п. 8; Carney 1962, 325-316, п. 75; Gruen 1968, 217, 220, 226).

Lucan. II. 119-121 (только о Бебии); Flor. III. 21. 14. Aug. De civ. Dei. III. 27.

Вероятно, Марк Цецилий Корнут, бывший легатом во время
Союзнической войны (Cic. Font. 43; Münzer 1897, 1200; Gabba 1958, 198).

App. BC. I. 74. 341; Diod. XXXVIII. 41 2-3; Schol. Bern, ad Lucan. II. 173.

App. BC. I. 74. 341; Bennett 1923, 27; Bulst 1964, 317.

Cm. Bennett 1923, 27; Gabba 1958, 201.

Cm. Gran. Lic. 20 F; Bulst 1964, 317.

В историографии данный пассаж понимается лишь в этом смысле (Lanzani 1915, 140; Bennett 1913, 28 — пересказ Аппиана без конкретной ссылки на него).

Г. Беннет объясняет вызов Катила и Мерулы в суд тем, что в отношении их участи среди победителей не было единства (Bennett 1923, 28). К. Ланцани, затрудняясь ответить на вопрос, почему ни того, ни другого не тронули во время репрессий, допускает, что Меруле некоторое защитой служил его сан жреца (Lanzani 1915, 139).

App. I. 74. 341; Gabba 1958, 201 ; Gruen 1968, 233. Ф. Инар пишет применительно к данному случаю о «пародии на правосудие» (Hinard 1985a, 112).

Schol. Bern, ad Lucan. II. 173, jp. 62 U; Münzer 1926, 2079; Gabba 1958, 201.

Gruen 1968, 233; Alexander 1990, 60, № 115 (под знаком вопроса).

Диодор (XXXVIII. 4. 3) пишет, будто Катул явился к Марию сам, однако более правдоподобной представляется версия Цицерона и Плутарха (Bennett 1923, 27, п. 15).

Lanzani 1915, 140; Münzer 1926, 2079; Valgiglio 1967, 208. При этом К. Ланцани полагает, что хотя речь и шла о предрешенном смертном приговоре, он мог быть легко заменен на изгнание, но Катул не стал дожидаться решения суда. Это противоречит и очевидности, и прямым указаниям Цицерона, Диодора и Плутарха об отказе Мария пощадить его.

К. Ланцани пишет, будто Мерула презрел всякую попытку соглашения (*transazione*) и, подобно Октавию, принес себя в жертву собственному «я» (Lanzani 1915, 142), но неясно, что могло быть почвой для такого соглашения.

Carney 1961a, 66, п. 286. Никак не опровергая соображений Т. Ф. Кэрни, К. Дж. Дарт тем не менее называет репрессии Мария и Цинны «массовой резней» (Dart 2014, 197). Другие авторы пишут о «царстве террора» (Heaton 1939, 37; Billows 2009, 46).

Keaveney 1984, 115-117 (с указанием источников).

Badian 1957, 339-340, п. 177. В отношении Фимбрии возможна ошибка (Keaveney 1984, 116).

См. Carney 1961a, 67; Bulst 1964, 314.

Bulst 1964, 314. В свою очередь, утверждение А. Б. Егорова (2010, 375) о гибели десятков и сотен всадников в ходе «чистки» представляется серьезным преувеличением.

Об этом в самой общей форме сообщает Лукан (II. 101): *nobilitas cum plebe périt*.

Bennett 1923, 24, 34; Ooteghem 1964, 317; Labitzke 2013, 235-236.

Э. Габба и Ф. Инар это утверждают безоговорочно (Gabba 1958, 197; Hinard 1985b, 149; 2000, 643). Э. Клебс — лишь в порядке предположения (Klebs 1896, 2098).

К. Эредиа Чимено не учитывает Красса среди погибших консуляров (Heredia Chimeno 2015, 279).

ф. Инар ставит марианские репрессии в один ряд с проскрипциями второго триумvirата как пример «режима террора», призванного способствовать водворению нового порядка (Hinard 2006, 247), не упоминая при этом сулланскую «чистку». Между тем явно «выборочный» и кратковременный характер марианских убийств, которые невозможно всерьез считать «режимом террора», заставляет думать, что на первом месте стояла все-таки месть, да и Сулла, сам того не ведая, также создавал новый порядок.

Флор упоминает также о зверской казни другого Бебия во время проскрипций (III. 21. 26), и Ф. Инар допускает, что он был причастен к гибели М. Бебия, убитого марианцами, и за это подвергся столь жестокому наказанию (Hinard 1983a, 337; 2011, 125-126).

См. MRR I, 565; Keaveney 1984, 116.

566

Э. Клебс не идентифицирует этого Бебия с трибуном 103 г (Klebs 896,2730).

Badian 1957, 322-324, 339, п. 177; 1962, 55; 1964a, 153.

Badian 1957, 322-323. Кроме того, он наверняка сыграл свою роль в сохранении за Катулом командования, когда тот продемонстрировал свою некомпетентность как военачальник под Тридентом и на Атесисе (см. Kendall 2013, 448).

Badian 1957, 336. Эту точку зрения поддержал Б. Маршалл (1976, 9).

Bulst 1964, 316-317; Ward 1977, 50; Keaveney 1984, 117; Любимова 2012, 91-92.

Э. Клебс объясняет расправу с Антонием тем, что тот принадлежал к числу оптиматов (Klebs 1894, 2591). Предполагалась и более конкретная причина. В свое время, в 112 г., Антоний обвинял Гнея Напирия Карбона, консула 113 г., потерпевшего поражение от германцев в битве при Норее и принявшего в итоге яд (Cic. Fam. IX. 21. 3; Apul. Apol. 66). И теперь Марий в угоду одному из своих соратников, сыну покойного, также Гнею Папирию Карбону, предал Антония в руки убийц (Carney 1961a, 67, п. 289; Ooteghem 1964, 315; Gruen 1968, 232). Э. Бэдиан допускает также, что Марий, несший, по его мнению, известную долю ответственности за развязывание Союзнической войны, счел предательством либеральное отношение Антония к *socii*, которое тот продемонстрировал во время своей цензуры и после нее (Badian 1957, 343-344). Очевидно, что принадлежность к оптиматам — причина слишком неопределенная, как и само понятие «оптиматы». Мотивы мести за гибель Карбона, консула 113 г., и отношений с союзниками, как и участия в посольстве к Метеллу Пию, не позволяют объяснить, почему Марий испытал такую радость, когда узнал, где скрывается Антоний.

Gabba 1958, 184; Sartori 1973, 155; Lovano 2002, 34 (констатирует существование самой гипотезы, не высказывая отношения к ней); против: Bulst 1964, 311.

К. Ланцани связывает это с беспорядками, возникшими во время похорон Мария (Lanzani 1915, 156), однако никаких сведений о таких беспорядках в источниках нет.

Явная параллель — Cic. Sest. 80 (Kübler 1933, 440; Dyck 2010, 102).

Duck 2010, 103. Обычно считается, что Фимбрия действительно подал на Сцеволу в суд (Моммзен 1994, 229; Reinach 1895, 179; Lanzani 1911, 27; 1915, 156; Weinrib 1968, 43, п. 46; Lintott 1971a, 696-698; Alexander 1990, 61-62, № 119; Новичков 2008, 35), однако куда вероятнее, что речь шла лишь об угрозе (Münzer 1909, 2599; Kübler 1933, 440), носившей явно риторический характер. Не исключено, что фраза вообще (или отчасти) носит апокрифический характер (Gruen 1968, 235). Впрочем, Фимбрия, по мнению Э. С. Грюэна, не повел процесс только потому, что его отвлек восточный поход. Однако трудно представить, чтобы он решился на столь скандальный процесс.

Утверждение Р. В. Дерозьера о том, будто Фимбрия позднее все же убил Сцеволу (Desrosiers 1970, 30), — явное недоразумение (см. ниже, с. 287-288).

См. Bennett 1923, 39; Gruen 1968, 235. Правда, Г. Беннет путает Сцеволу Понтифика с Авгуром, а Э. С. Грюэн пишет об *adfinitas* Мария и Сцеволы (так же см. Vadian 1957, 329), что, впрочем, не вполне доказано.

Предположение, что Фимбрия действовал с санкции Цинны (Larzani 1915, 156), даже если оно и верно, вопросов о причинах покушения не снимает. Можно лишь допустить, что резкое недовольство Цинны вызывал как минимум дружественный нейтралитет великого понтифика по отношению к его врагам и среди прочего молчаливое (если не более) согласие на отстранение Цинны от должности и замену его Мерулой. Тем не менее убийство великого понтифика стало бы беспрецедентным шагом, и победители на него не решились, предпочтя обойтись угрожающей демонстрацией (см. Volla 2013, 154-155).

Любопытно, что Плутарх (Mor. 44.3) называет виноторговца нечестивым (ἀσεβής) и мерзким (μιαρός), но не алчным.

Plut. Sulla 22.2; App. BC. I. 73.340; 77.351; Mithr. 51. 204; Eutr. V. 7. 3.

Судя по всему, *Sullani* на тот момент назывались те, кто находился непосредственно при Сулле (Badian 1962, 54-55; Seager 1994, 180). В историографии нередко говорится о репрессиях против приверженцев Суллы (Gerlach 1856, 41; Gabba 1958, 201; Ooteghem 1964, 316; Утченко 1969, 38; Кузицин 1993, 134; Calore 1995, 33-34; Циркин 2006, 54; Lobur 2008, 64; Gaughan 2010, 131), хотя свидетельств, позволяющих считать их сторонниками будущего диктатора, очень мало (см. Keaveney 1984, 115-117). Скорее, жертвами расправ становились просто враги победителей (Bulst 1964, 318).

В отношении Цинны на это указывает К. М. Балет (1964, 314).

Известно, в частности, о разграблении войнами Цинны дома Помпея Страбона (Plut. Pomp. 4.3).

Марианцами далее именуются либо сторонники лично Мария, либо преемники Цинны.

Моммзен 1994, 228; Heichelheim, Уес 1962, 200; Santangelo 2016a, 92.

См. Plut. Sulla 22.2; Eutr. V. 7. 5. Стоит заметить, что разрушение домов в других известных нам ситуациях (да и в этой тоже, если иметь в виду дом Суллы) производилось по решению сената или в соответствии с особым законом (Mommsen 1888, 1190, Anm. 2).

Возможно, именно эта кровавая акция дала повод поздним авторам писать о войне между Марием и Цинной (!) (Schol. Gronov. 286 St.; St. Ambros. Exp. Ps. XLV. 21), что, скорее всего, является отголоском антимирианской пропаганды (Corbellini 1976, 156).

App. BC. I. 69. 319; 74. 343; Corbellini 1976, 155, 156. К. Эредиа Чимено пишет о расправе с рабами и вольноотпущенниками (Heredia Chimeno 2018, 12). Нельзя исключить, что юридически не за всеми бывшими рабами из войска Цинны и Мария был закреплен статус либертинов, но из-за молчания источников это не более чем предположение. Дж. Розенблитт называет вольноотпущенниками всех бардеев (Rosenblitt 2019, 38).

О происхождении понятия «бардиеи» от названия различных племен в Иллирии, Греции, Африке, Испании см. Sartori 1973, 160; Pérez Vilatela 2004, 57, п. 42. Существует также версия, что оно возникло по аналогии с наименованием военной обуви (Bennett 1923, 23, п. 112; Spann 1987, 31) — мрачный юмор полководца.

Plut. Mar. 43. 4-5; Sert. 5.7; Oros. V. 19. 24; Gabba 1958, 203; см. также:
Bennett 1923, 30, n. 29.

Аппиан не уточняет, где это произошло, но, судя по всему, придерживается той же версии, что и Плутарх (Sartori 1973, 161). К. Ф. Конрад сравнивает эту операцию с уничтожением группы кельтиберов в районе Коленды Т. Дидием, под начальством которого служил в Испании Серторий (App. Hisp. 100. 434-436; Konrad 1994, 72).

Орозий (V. 19. 24) связывает избиение бардиеев, которых именует просто *fugitivi*, не с чинившимися ими насилиями, а с тем, что они не отдали консулам добычу (!). Эти подробности вряд ли достоверны (Sartori 1973, 161). Но одна существенная деталь его рассказа правдоподобна — в отличие от Плутарха и Аппиана, он относит расправу с бардиеями ко времени *после* смерти Мария. Это принимается некоторыми учеными (Моммзен 1994, 229; How, Leigh 1901, 438; Schur 1942, 147; Ковалёв 1986, 391), тогда как другие следуют рассказу Плутарха и Аппиана (Long 1866, 249; Münzer 1900, 1285-1286; Bennett 1923, 30; Last 1932, 265; Weynand 1935, 1418; Ooteghem 1964, 316-317; Hinard 1985b, 152; Rijkhoek 1992, 146-148 Meier 1997, 116; Santangelo 2016a, 92-93), делая на его основе такой последовательности событий важные выводы. Так, Г. Беннет видит в расправе с бардиеями пример того, что союзники Мария вполне могли поступать не только без согласия арпината, но и против его воли (Bennett 1923, 30). К. Рийкоек усматривает в ней своего рода «знак» Марию, который в итоге лишился эффективного средства давления на соперников (Rijkhoek 1992, 148 + Анн. 632). Однако опираться при этом на хронологию Плутарха и Аппиана, как то делает Г. Беннет (1923, 30, п. 30), вряд ли верно, поскольку они не говорят *expresses verbis*, что расправа с бардиеями имела место до смерти Мария, а упоминают о ней, забегая вперед, чтобы, что называется, закрыть вопрос. Трудно представить, что Цинна решился бы на такую операцию при жизни Мария, под командованием которого явно были не одни рабы, не говоря уже о крайне отрицательной реакции его приближенных, в которой сомневаться не приходилось. (Э. Вальджильо считает, что Марий дал согласие на расправу (Valgiglio 1967, 209), однако вряд ли можно игнорировать единодушное молчание источников на сей счет.) Таким образом, у нас есть, как представляется, веские основания считать, что избиение бардиеев произошло лишь после смерти арпината. Вероятно, из этого же исходит А. Экерт, которая уверенно пишет, что беглых рабов перебили в январе 86 г. после пяти дней террора (Eckert 2016, 208). Последнее уточнение источниками не подтверждается (да и падение Города произошло явно не в самом конце декабря); тем не менее его принимает также и Ф. Инар, который, однако, не датирует расправу *expressis verbis* январем 86 г. (Hinard 2000, 645).

Э. Бэдиан пишет, что после этого Цинна, не склонный к убийствам (?!), смог действовать законными методами (Badian 1964a, 153). Не вполне понятно, что имеет в виду американский исследователь.

Моммзен 1994, 228; Schulten 1926, 37; Greenhalgh 1980, 41; Трухина 1986, 55; Spann 1987, 32.

Саллюстий в отрывке (Hist. I. 90), в котором, как традиционно считается, речь идет о Сертории, пишет о его желании снискать себе добрую славу во времена гражданской войны (*inter arma civilia aequi bonique famas petit*).

Именно так я полагал раньше (Короленков 2003, 71).

Liddel 1865, 499; Spann 1987, 32. Некоторые историки приписывали уничтожение бардеев одному Серторию (Моммзен 1994, 229; How, Leigh 1901, 438, Wiehn 1926, 11), что верно лишь в техническом смысле.

Если в биографии Мария Серторий в данном контексте упомянут Плутархом вместе с Цинной, то в его собственном жизнеописании о Цинне не говорится (Corbellini 1976, 155). Удивляться не приходится, если вспомнить, насколько идеализирован в нем Серторий — в отличие, скажем, от биографии Помпея (Короленков 2003, 11-13).

Bennett 1923, 30, n. 31; Rijkhoek 1992, 148, Anm. 632. С. Р. Ким (1996, 56) сочла, будто имели место две расправы с рабами — одну-де устроил Серторий, другую — Цинна, что не более чем курьез.

Аппиан сообщает об этом шесть (!) раз: BC. I. 73. 340; 77.351; 81. 370-371. Mithr. 52. 204-205; 60.249; Bauman 1973, 289 + п. 103; Lovano 2002, 49, п. 93.

Предполагается также, что был разрушен памятник на Капитолии, изображавший выдачу Югурты Сулле (Maskey 2000, 164; Santangelo 2007, 3, п. 7). Хотя это вполне логично, упоминаний в источниках на сей счет, однако, нет. Мы знаем лишь об уничтожении Суллой трофеев Мария (Suet. Div. Iul. 11), но не наоборот (Noble 2014, 77, п. 14). Это, конечно, может объясняться плохой сохранностью источников, но все же показательно, если учесть, как скрупулезно фиксировала антисулланская традиция все подлинные и мнимые злодеяния Мария и Цинны. В письме сенату с перечислением нанесенных ему обид (App. BC. I. 77. 351) Сулла ни о чем подобном также не упоминает.

Plut. Sulla 22.2; App. BC. I. 77. 351. По всей видимости, Метеллу никто и не преследовал, хотя некоторые авторы и пишут об угрозе её жизни (Letzner 2000, 170; Brizzi 2002, 120). К. М. Балет не исключает, что разрешение ей покинуть Италию было любезным жестом со стороны Цинны (Bulst 1964, 319), хотя, вероятнее всего, что ее судьба просто не интересовала победителей. Женщины и дети из семейств представителей верхушки в 80-х гг., насколько известно, репрессиям не подвергались, даже если речь шла о родственниках врагов. Другое дело, что чувствовала себя Метелла в Риме, где разрушили дом ее мужа и конфисковали его имущество, явно неуютно.

Cic. Dom. 83. Предполагается, что в отношении Аппия Клавдия имела место *aquae et ignis interdictio* (Weinrib 1968, 43, п. 45; Kelly 2006, 185; Moore 2013, 33). Обычно предполагается, что Клавдий был пропретором (MRR II, 48 (под знаком вопроса); Münzer 1899, 2849), поскольку занимал претуру в 89 г. (Cic. Arch. 9). Возможно, именно он подразумевается у Диона Кассия (fr. 102.12) под одним из изгнанных в начале 86 г. στρατηγού (Weinrib 1968, 43, п. 45; Kelly 2006, 185).

Santalupi 1899, 37. К. Ланцани, правда, считает, что Марий стал консулом-суффектом (Lanzani 1915, 144, 148), но тогда в 86 г. он стал бы консулом уже в восьмой, а не в седьмой раз, как в один голос утверждают источники (Bennett 1923, 36, п. 2).

Вероятно, в ноябре или декабре (Rijkhoek 1992, 147, Anm. 629). Орозий (V. 19. 23) ошибочно пишет, что Цинна тогда стал консулом в третий раз (Münzer 1900, 1286).

Liv. Per. 80: citra ulla comitia consules in sequentem annum se ipsos renuntiaverunt; см. также: de vir. ill. 69.3.

App. BC. I. 75. 345: τού δ' ἐπιόντος έτους ύπατοι μέν η ρητό Κίννας τε
αύθις καί Μάριος έβδομον.

Drumann 1902, 506; Cantalupi 1899, 37; Münzer 1900, 1286; Heaton 1939, 40; Taylor 1960, 105; Kornemann 1964, 467; Christ 1979, 191; Hinard 1985b, 152; Егоров 1989, 133; Evans 1991, 120; Linke 2005, 117; Сморгчов 2012, 75; Steel 2013, 97; Любимова 2014, 9798 + прим. 59.

Ihne 1879, 362, Anra. 4: Lanzani 1915, 147-148; Bennett 1923, 37; Carney 1961a, 70 + n. 294; Циркин 2006, 55; Alston 2015, 50.

Хотя Т. Моммзен и подчеркивает, что ренунциация (Liv. Per. 80: renuntiavemnt) означала узурпацию должности (Mommesen 1887, I, 626, Ann. 2), ее совершение в любом случае делало выборы законными (Сморчков 2012, 75).

Марий скончался, очевидно, от пневмонии, описание болезни у Плутарха (Mar. 45. 4-11) в целом соответствует ее симптомам (Lanzani 1915, 153, п. 1; Carney 1958, 118-120; Phang 2008, 270). Сообщения о самоубийстве Мария (Diod. XXXVII. 29. 4; De vir. ill. 67.6) доверия не вызывают (см. Weynand 1935, 1419-1420; Schur 1942, 141 + Anm. 44; Santangelo 2016a, 94).

612

Единоличное, без коллеги, пребывание Цинны в должности консула зафиксировано в надписи из Кал (CIL I. 1505 = X. 4669 = TU,RP 1267).

MRR II, 53. Ф. Мюнцер пишет, будто Цинна оставался единоличным консулом долгое время (Münzer 1900, 1286), что, однако, опровергается датированной началом февраля надписью на тессере (CIL I². 891 = X. 8070. 2 = ILLRP 1004), где говорится уже о консулах Цинне и Флакке (впоследствии ученый учтет этот источник: Münzer 1955, 29). См. также: Bennett 1923, 40, п. 25 (без упоминания указанной надписи).

Л. Перес Вилатела пишет о «триумвирате» командующих — Марии, Цинне и Сертории (Pérez Vilatela 2004, 56, n. 40).

Х. Муньис Коэльо связывает избрание Л. Валерия Флакка консулом-десигнатом с влиянием его родственника и тезки — принцепса сената, т. к. решение принимал сенат (Muniz Coello 1995-1996, 266-267), однако на тот момент, после взятия Рима, влияние Цинны, как представляется, было куда более значительным.

MRR II, 54, 58; Brennan 2000, 747 (в обоих случаях — под знаком вопроса); Konrad 1994, 79 (без оговорок). Ф. Мюнцер (1900, 1484) относил претуру Сципиона к 88 г.

Hinard 1985b, 238; Seager 1994, 201; Hillman 1998, 177-178.

Schur 1942, 147, 151. Критику см. Syme 1944, 107.

87 г.: Schulten 1926, 38; Berve 1929, 219; 85-84 гг.: Spann 1987, 164; 83 г.: Scardigli 1971 242 + п. 60 (с указанием литературы); 82 г.: Rijkhoek 1992, 160-163.

620

См.: Bennett 1923, 65, п. 18; Katz 1983, 63.

Х.М. Арбису даже считает, что Серторий сыграл решающую роль в успехе циннанцев в ходе осады Рима (Arbizu 2000, 158), но это явное преувеличение.

Причем даже во времена Августа (Wiseman 1971, 155).

Evans 1991, 120. Ф. Инар безоговорочно пишет о самоназначении Цинны и Карбона консулами (Hinard 1985b, 154), что как минимум некорректно.

85 и 84 (MRR II, 57, 60; Münzer 1930, 1826), 85 и 82 (Sumner 1972, 119), 85 и 82 (Brennan 2000, 748), 85 и 83 гг. (Marshall 1985, 338 (указатель); на с. 290-291 Б. Маршалл пишет, что решение вопроса вообще не представляется возможным).

Cic. Font. 1-5; Sail. Cat. 33.2; Veil. Pat. II. 23. 2. Естественно, речь шла лишь о долгах, сделанных до 86 г. (Lovano 2002, 73) или, точнее, до принятия закона, т. е. включая и первые месяцы этого года. Дж. Т. Рэмси считает, что речь шла о внесении четверти от невыплаченной части долга (Ramsey 2007, 152), однако текстом источников это не подтверждается.

Неудивительно, что она не нашла подражателей: Цезарь в 49 г. простил лишь четверть долгов, т. е. втрое меньше (если верить Светонию). От него многие ждали *tabulae novae* (Caes. III. 1. 3; Suet. Div. Iul. 42.2; Harris 2007, 519 — У. Харрис ошибочно приписывает сообщение о таких ожиданиях Цезарю, а не Светонию).

Last 1932, 266; Barlow 1980, 216; Lovano 2002, 72; Thein 2002, 127. Хотя Саллюстий не упоминает *lex Valeria* прямо (Münzer 1955, 29; Lo Cascio 1979, 234, п. 77), контекст не оставляет сомнений, что речь идет именно о нем.

См. Münzer 1955, 291 В связи с этим предположение Ч. Барлоу о том, что ростовщики к *boni* не относились (Barlow 1977, 300), вряд ли верно особенно если они давали займы через посредников..

В связи с этим представляется требующей серьезных оговорок точка зрения Э. Ло Кашо, который рассматривает *lex Valeria* в рамках программы примирения Цинны с нобилитетом (Lo Cascio 1979, 234).

Barlow 1980, 216; Lovano 2002, 73.

Cic. Font. 2; Frank 1933, 57; Lo Cascio 1979, 221; Brunt 1988, 159, Lovano 2002, 73.

См. Мэттингли 2005, 380. Ф. М. Нечай (1963, 155) связывает принятие закона Валерия с необходимостью улучшить положение беднейшего крестьянства накануне набора в легионы для похода в Азию, однако это не более чем умозрительное построение.

По мнению Л. Педрони, это могло произойти уже в январе-феврале 87 г. (Pedroni 1998, 95).

Badian 1967, 187-188. По-видимому, речь шла о богатствах Птолемея X Александра I (Badian 1967, 178-190; Crawford 1974, II, 605; Pedroni 1998, 87-93).

Frank 1933, 57. Высказывалось мнение, что закон Валерия продолжал действовать еще в 81 г. (Cic. Quinct. 17; Nicolet 1966, 382; Селецкий 1983, 157), согласно же другой точке зрения, Сулла отменил его (одно другому не противоречит, ибо его могли отменить чуть позже, но акценты имеют значение) (Frank 1933, 57; Hill 1952,150). Второе представляется маловероятным, поскольку он вызвал бы слишком сильное недовольство у многих представителей как раз тех кругов, защитником которых Сулла себя представлял. См. Lozano 2002, 76.

Ф.М. Нечай (1963, 155) считает, что lex Valeria максимум на два года смягчил «положение крайне обедневшего крестьянства», однако столь категоричное утверждение не подкреплено серьезными аргументами.

Автором этого закона считают как претора 81 (?) г. Гая Карбона (MRR II, 34), так и консула 85, 84 и 82 гг. Гнея Карбона (Lo Cascio 1979, 225-226). О датировке lex Papiria см. ниже.

Frank 1933, 54-55. Селецкий 1983, 149-154. Т. Франк ссылается в данном контексте на закон Ливия Друза (*lex Livia nummaria*), предусматривавший понижение курса серебряной монеты (Plin. NH. XXXIII. 46).

По мнению М. Крофорда, они не были коллегами Доссена, вступив в должность уже после него (Crawford 1964, 143-144). Л. Меммий, возможно, идентичен видному оратору того времени, о котором пишет Цицерон (Brut. 304; Münzer 1931a, 620621).

М. Крофорд и Ф. Мюнцер, на которых ссылается Б. П. Селецкий, так не пишут (см. Crawford 1974, И, 603; Münzer 1931a, 620), но относят чеканку Меммиев не просто к 87 г., а ко времени после победы Цинны и Мария, что сейчас, насколько известно, учеными не оспаривается. М. Крофорд считает, что «избрание Л. и Г. Меммиев монетариями на остаток 87 г., несомненно, настолько же отклонялось от нормы (*was doubtless as irregular*), насколько и избрание Мария и Цинны консулами на 86 г.» (Crawford 1974, И, 603).

Впрочем, если это и облегчало положение должников, то незначительно, поскольку даже в денариях Доссена с наименьшим содержанием драгоценного металла все равно было около 90 % серебра, а в монетах из других чеканенных им партий — 93 % и 91,20 % (см. Lo Cascio 1979, 218).

О нетождественности понятий «сенаторы» и «нобили» применительно к данной эпохе см., например: Трухина 1986, 38-45.

90 г.: Sydenham 1952, XXXIV; 89 г.: Мэттингли 2005, 36; Frank 1933, 55, п. 1; Heaton 1939, 35; MRR II, 34; Nicolet 1966, 381, п. 1; Williamson 2005, 463.

92 r.: Lo Cascio 1979, 227-228 + n. 55; Barlow 1980, 203; 91 r.: Crawford 19)4,1, 77; II, 1974, 596, 677.

Ее допускает М. Крофорд: Crawford 1974, I, 77-78. Впрочем, А. Альфельди считает, что закон Папирия не был принят еще в 86 г. (Alföldi 1974a, 236-237). Однако это суждение основывается на пометке *ex s[enatus] c[onsulto]* на денарии Г. Лициния Макра, которая была бы не нужна, если бы к этому времени уже действовал *lex Papiria*. Впрочем, назначение этой пометки вообще не вполне ясно, и закон Папирия лишь делал ее необязательной, а не вовсе «изгонял» ее с монет (см. Crawford 1974, II, 606, 608, п. 1).

Об этом порой забывают даже в новейших работах (см., напр., Heredia Chimeno 2018, 8).

Отсюда, разумеется, не следует, что Гратидиан положил начало проверке монет, которая проводилась еще в VI в. до н. э. — речь шла, видимо, о более всеохватной и тщательной проверке — не только подделок, но и общего соответствия монет установленным требованиям (Verboven 1994, 120-121, 127-130).

Э. Бернарджиа считает, что данные Цицерона и Плиния противоречат друг другу, однако они скорее являются взаимодополняющими (см. Santalucia 1994, 83).

Селецкий 1984, 87. По мнению того же автора, это не могли быть монеты, чеканенные Доссеном — речь шла, скорее всего, о монетах, выпущенных в соответствии с законом Друза, предусматривавшим примешивание к ним 1/8 меди (Plin. NH. XXXIII. 46; Селецкий 1984, 87-88). Однако этот закон, весьма возможно, так и не вступил в силу, о чем, кстати, ученый пишет и сам (о дискуссии по поводу закона Друза и его влияния на финансовую систему Рима см. Heinrichs 2008, 262-264). Вполне могли иметь место и другие выпуски серебряных монет с примесью меди, до нас не дошедших и в источниках не упомянутых.

Lo Cascio 1979, 235-236; Santalucia 1994, 84.

Crawford 1970, 45; II, 1974, 620. М. Крофорд указывает на аналогичную ситуацию в Пергаме при Адриане, когда император по просьбе местных торговцев урегулировал обменный курс денария и асса (OGIS 484; Crawford 1970, 42).

Это последний, известный нам случай *contio* с участием претора (Pina Polo 1989, 144).

Датировка эдикта неясна (она зависит, вероятно, от датировки первой претуры Гратиана, о которой см. выше, с. 194). Правы, видимо, те авторы, которые пишут просто о 86 или 85 г. (Barlow 1980, 218; Селецкий 1984, 87). В. Шур считает, что эдикт Гратиана был обусловлен приготовлениями к войне с Суллой (Schur 1942, 156).

По словам Цицерона (Off. III. 81), Гратидиан, издавая свой эдикт, явно метил в консулы. Так ли это на самом деле, сказать сложно.

Cic. Off. III. 80; Plin. NH. XXXIII. 132; XXXIV. 27; Sen. De ira. III. 18. 1.

656

См. Nicolet 1966, 381-382; Селецкий 1983, 158.

Источники о расправе над Гратидианом см. Münzer 1930, 1827.

Schol. Bern, ad Lucan. II. 173 U. K. M. Балет специально подчеркивает, что Гратидиана казнили именно в отместку за Катула, а не в наказание за упомянутый эдикт (Bulst 1964, 335). В свое время я также разделял точку зрения Б. П. Селецкого, хотя и учитывал возможность мести Катула за отца (Короленков, Смыков 2007, 301-302).

Crawford II, 1974, 620. По мнению Й. Хайнрикса, эдикт Гратидиана являлся лишь одноразовой мерой, направленной на преодоление трудностей текущего момента, оформление же на уровне *lex* он получил лишь во времена диктатуры Суллы (Heinrichs 2008, 262, 267).

Часть их, возможно, покрывалась за счет *sanctius aerarium*, первоначально предназначенного для финансирования войн с галлами (Barlow 1977, 302).

Судя по легенде на монетах, именно для этой цели чеканили денарии эдилы Л. Критоний и М. Фанний (Crawford 1974, I, 367). Обычно их датируют 86 (Luce 1968, 28; Crawford 1974, I, 367; Barlow 1977, 300) или 85 (Sydenham 1952, LXIII; Rowland 1966, 412) г. Т. Броутон допускает и более позднюю датировку (MRR II, 1952, 62, 65, п. 4). Предпочтительным представляется первый из вариантов.

Cic. Quinct. 24, 28; Caes. BG. I. 47. 4; Gran. Lic. 31F.

Barlow 1977, 300-301; 1980, 209-210; Lovano 2002, 76 (без учета кампании Г. Валерия Флакка, которого автор считает врагом циннанцев).

Bennett 1923, 42-43; Gruen 1968, 245; Hillman 1998, 181, 182, n. 22 (с серьезными оговорками).

И. Шацман указывает на параллель с Эмилием Павлом, который также отдал библиотеку Персея сыновьям (Plut. Aem. 28.11; Shatzman 1972, 195).

Вероятно, во время досудебных слушаний (προάγωγες) (Hillman 1998, 182).

Александр, по предположению Т. Хиллмена, был в результате арестован (Hillman 1998, 182), хотя не менее вероятно, что он вовремя скрылся. Р. Сигер считает, что Александр стал не более чем козлом отпущения (Seager 2002, 25).

Plut. Pomp. 4. 1-3. Орозий (V. 18. 26) вообще уверяет, будто Помпей Страбон ничего не внес в эрарий после триумфа, хотя сенат и надеялся на это. Думается, христианский писатель сильно преувеличил, ибо такая пощечина согражданам значительно осложнила бы его положение в будущем (вряд ли Помпей надеялся командовать армией в Пицене бесконечно). Скорее речь шла о том, что он внес в казну меньше ожидаемого и какую-то часть добычи действительно у себя удержал, и это в условиях тяжелейшего финансового кризиса наверняка вызывало у многих возмущение. Недруги полководца, а за ними позднейшие авторы (Орозий, напомним, писал через пять веков после событий) вполне могли превратить «недостаточно» (т. е. не все) в «ничего», особенно если учесть двусмысленную позицию Помпея в ходе осады Рима Цинной и Марием.

Lange 1871, 133; Bennett 1923, 43; Miltner 1952, 2064; Bulst 1964, 328; Greenhalgh 1980, 10; Christ 2004, 26; Горбулич 2006, 289.

Shatzman 1972, 177-205; Hillman 1998, 180-181. Этому, казалось бы, противоречит случай в 103 г. с Сервилием Цепионом, осужденным; среди прочего, за присвоение конфискованных им храмовых сокровищ (Strabo IV. 1. 13; Oros. V. 15. 25; Bradford Churchill 1999, 105-106; Сморгчов 2012, 418). Однако храмовые сокровища обладали несколько иным статусом, чем иная добыча и уж тем более такие предметы, как книги и охотничьи сети.

Shatzman 1972, 195. Дж. Брэдфорд Черчилль считает, что, хотя Помпей Страбон и имел право не сдавать добычу и доходы от нее в казну, он должен был потратить их на общественные нужды, чего не сделал в полной мере, чему свидетельство — оставшиеся у его сына книги и охотничьи сети (Bradford Churchill 1999, 107). Однако, насколько известно, юридически такая ситуация не регулировалась.

Klebs 1894, 2547. Плутарх (Ромр. 4.4) пишет об Антистии как о преторе (στρατηγούοντα), тогда как у Веллея Патеркула (II. 26. 2) он на момент гибели (82 г.) назван эдилицием. Теоретически речь может идти о разных лицах, но вероятнее, что Плутарх спутал претора, наблюдавшего за проαῶνες, с *iudex quaestionis* на этом процессе (Hillman 1998, 186). Иногда Антистия считают претором, не оговаривая проблему идентификации этого лица (Long 1866, 253; Geizer 1973, 35; Горбулич 2006, 289).

Поддержка Филиппом Помпея может объясняться связями первого с отцом второго — не исключено, что упомянутый среди членов военного совета Помпея Страбона под Аскулом Кв. Марций (CIL I². 709. 9-10) был сыном Филиппа (Lanzani 1915, 190; Geizer 1942, 21; Hillman 1996, 84, n. 14).

Drumann 1908, 334; Lanzani 1915, 190, п. 1; Geizer 1942, 21; Miltner 1952, 2064; Ooteghem 1954, 51; Gruen 1968, 244; Leach 1978, 21; Seager 1994, 181; Hillman 1998, 177-180; Amela Valverde 2003, 41; Christ 2004, 26.

Sumner 1972, 111; Hillman 1998, 177-178.

Некоторые исследователи допускают, что процесс мог быть как в 86, так и в 85 г. (Alexander 1990, 62, № 120; Lovano 2002, 65).

Keaveney 1984, 134. Вряд ли К. Дж. Дарт прав, относя это письмо (как и последующее, в отношении которого это более вероятно) к 84 г. (Dart 2014, 202)

Keaveney 1984, 134-135. Б. Фрир считает, что это также была первая попытка Суллы повлиять на нобилитет (Frier 1971, 590) в годы гражданской войны. Думается, однако, что речь идет лишь о первой открытой попытке такого рода — тайные контакты он наверняка поддерживал и прежде.

Тем же потом будет хвалиться Цезарь, который приютит у себя бежавших из Рима плебейских трибунов Марка Антония и Квинта Кассия Лонгина (Keaveney 1984, 135, п. 139).

Этот пассаж весьма напоминает начало 22-й главы биографии Суллы у Плутарха (Vadian 1962, 57).

App. BC. I. 77. 350-352; Liv. Per. 83. Не следует путать это послание с предыдущим (Gabba 1958, 206), как то делает Э. Вальджильо (1956, 44-45). Первое письмо являло собой по форме обычный доклад победоносного полководца, а второе — своего рода политический памфлет.

App. BC. I. 77. 353. П. Жаль ошибочно датирует эти события 83 г. (Jal 1963, 291).

Это одна из немногих речей, которую упоминает эпитоматор Ливия (per. 83; Badian 1962, 58, n. 11).

Эпитоматор Ливия (рег. 83) пишет о самоназначении Цинны и Карбона консулами на два года вперед (*a se ipsis coss. per biennium creati*), причем еще до приезда послов. Эту версию целиком принимает Э. Габба (1958, 208), тогда как Г. Беннет (1923, 59-60) считает, что Цинна и Карбон просто не успели бы вернуться, поскольку собирали войско. К тому же могли иметься в виду вообще выборы на 85 г., почему и говорится о двухлетнем консульстве. Формальности, по-видимому, были соблюдены — скорее всего, никто просто не решился выдвинуть альтернативные кандидатуры, — но, по сути, конечно, выборы свободными не являлись, что и дало основания просулланским авторам говорить о самоназначении.

Дж. Т. Рэмси ошибочно пишет о планах переправы в Эпир (Ramsey 2007, 182).

Несмотря на успешное командование в ходе Союзнической войны, Цинну, тем не менее, иногда считают неопытным в военном деле (Frier 1971, 593; Keaveney 1984, 136).

Рассмотрение вопроса об их датировке см. Короленков 2013, 5-7.

Ж. Петкович считает, что именно это стало причиной мятежа (Petkovic 2008, 123). Однако воины первого отряда, переправившегося без помех, сражаться не отказывались. См. ниже.

App. BC. I. 78. 355-358. См. также: Liv. Per. 83; Vell. Pat. II. 24. 5; de vir. ill. 69.4; Eхur. 4.29Z; Oros. V. 19. 24. Убийство Цинны произошло, как считается, не позднее марта — апреля 84 г. (Frier 1971, 594 + п. 49 с подборкой литературы).

690

В более кратком варианте эта история рассказана и у Зонары (X. 1).

Drumann 1902, 507, Anm. 6; Münzer 1900, 1286; Leach 1978, 23; М. Фаца называет рассказ Плутарха «обычным пасквилем на Цинну» (Faszczka 2014, 127). Однако Г. Уорд безоговорочно принимает его, даже не упоминая о версии Аппиана, и проводит параллель с гибелью самого Помпея в 48 г., также убитого центурионом (Ward 2012, 230 + п. 51).

Л. Перес Вилатела ошибочно пишет о мятеже против Цинны в Брундизии, а не Анконе (Pérez Vilatela 2004, 55, п. 36).

Lovano 2002, 110. Иначе см. Lanzani 1915, 224, где мятеж рассматривается как результат политического противостояния, поскольку де Помпей был связан с группой просуллански настроенных сенаторов. Однако источниками эта гипотеза не подтверждается; более того, во время процесса, как уже говорилось выше, ему оказал поддержку Карбон — один из виднейших деятелей циннанского режима.

Frier 1971, 593. Неожиданным (см. Last 1932, 271) это убийство могло казаться лишь «издалека», тем, кто плохо знал обстановку.

Вполне вероятно, что подразумевалось избрание более склонного к компромиссу высшего магистрата, чем Карбон (Frier 1971, 596).

Ἰδιώτην ἀποφανεῖν (App. BC. I. 78. 358). Это один из немногих случаев в истории Римской республики, когда речь шла о лишении полномочий консула (см. Mommsen 1887,1, 630, Anm. 4), пусть и не состоявшемся.

Дж. Лонг пишет со ссылкой на Веллея Патеркула, будто по приказу Карбона сбросили с Тарпейской скалы оппозиционного ему трибуна Секста Луцилия (Long 1866, 328), однако эта гипотеза, подаваемая ученым как бесспорный факт, основывается на сомнительной датировке гибели Луцилия в 84 г. (см. выше, с. 174 + прим. 23).

App. BC. I. 78. 358-359; Liv. Per. 83; Veil. Pat. II. 24. 5; CIL I2. 683 = ILLRP 1267. К. Стил пишет, что Карбон «не смог» (was unable) провести выборы из-за возражений со стороны авгуров (Steel 2013, 102-103), однако весьма сомнительно, что он вообще имел такое желание; неясно также, действовали авгуры по собственной воле или решили «подыграть» консулу.

Иногда считается, что послов Суллы даже не допустили в Рим (Моммзен 1994, 232), однако сенат рассмотрел переданные ими пожелания Суллы (Liv. Per. 84), а, стало быть, в сенат их допустили (Frier 1971, 594).

Keaveney 1984, 136; Lovano 2002, 108.

Примерно в таком духе рассуждает П. Жаль, ошибочно датирующий эти события, как уже говорилось, 83 г. (см. Jal 1967, 440).

Моммзен 1994, 232; Badian 1962, 59. Вероятно, именно к этому эпизоду относятся слова Сцеволы Понтифика о том, что он предвидел случившееся (приход к власти марианцев или даже, конкретнее, покушение на него Фимбрии), но предпочитает его приходу с оружием под стены отечества (Cic. Att. VIII. 3. 6). Р. В. Дерозьер называет Сцеволу поборником мира и единственным человеком, который мог спасти Рим от гражданской войны (Desrosiers 1970, 30), но мы слишком мало знаем о позиции других сенаторов, чтобы выносить столь категорические суждения. Ничто не мешает считать таковым и принцепса сената Валерия Флакка. Сомнительно также, что Сцевола мог спасти Рим от смуты.

Liv. Per. 84. Думается, К. Дж. Дарт не совсем прав, утверждая, что взятие заложников было заблокировано лишь по решению сената (Dart 2014, 202) — свою роль наверняка сыграло и недовольство итальянцев.

По мнению К. Майера, сенат готов был восстановить Суллу в правах, даже несмотря на его отказ распустить армию (Meier 1966, 236), однако данными источников это не подтверждается.

MRR II, 54. В. Шур отождествляет его с Г. Перперной, потерпевшим поражение в 90 г. от италийцев во главе с Г. Пресентием (App. BC. I. 41. 183). При этом он называет каждого разными преноменами (Schur 1942, 117, 147), что создает ощущение путаницы (см. Syme 1944, 107). С. Кендалл допускает, что это действительно одно и то же лицо, поскольку остальные легаты в первый год Союзнической войны были консулярами или преориями (Kendall 2013, 312, п. 45). Аргумент не очень убедительный, т. к. Г. Перперна вполне мог быть преторием, о чем просто не сохранилось сведений в источниках.

Letta 1979, 84. Единственной крупной группой, получившей гражданские права от Цинны, если видеть в нем обобщенный образ всего циннанско-марианского лагеря, были, насколько известно, самниты.

Schur 1942, 148; Kornemann 1964, 469; Schneider 1977, 118-119; Arbizu 2000, 160.

Badian 1958, 242, n. 2; Bulst 1964, 325; Dart 2014, 198. В прежние времена ценз сочли бы незавершенным, если бы воинов, находившихся в действующей армии, не учли (Лапырёнок 2016, 109), однако гражданская война, надо думать, диктовала свои условия.

Last 1932, 268; Bulst 1964, 325; Letta 1979, 84 (ни один из авторов не учитывает войн 114—92 гг.).

Kendall 2013, 542. Прирост составил, таким образом, лишь 17 % (Taylor 1960, 105; Bispham 2007, 198, п. 185). У. Харрис пишет о 18 %, добавляя, что в действительности процент был выше, поскольку остались неучтенными воины Суллы (Harris 1971, 234).

Frank 1924, 336. Л. Амела Вальверде, изложив эту точку зрения (Amela Valverde 2007, 180), своего отношения к ней не высказывает.

Lange 1871, 135; Heitland 1909, 406, п. 1; Заборовский 1985, 55.

Wiseman 1969, 63 (поэтому Я. Ю. Заборовский (1985, 55) не прав, утверждая, будто на этот факт не обратил внимания никто из ученых).

Wiseman 1969, 64. Ф. Сантанджело называет гипотезу Т. П. Уайзмена *speculative*, но возражений против нее не выдвигает (Santangelo 2014, 19).

По мнению С. Кендалла, этот пассаж Цицерона опровергает тезис Т. П. Уайзмана о том, что *lustrum* без переписи граждан проводиться не мог (Wiseman 1969, 63-64; Kendall 2013, 470, п. 83). Однако ситуация 89 г. была исключительной, и судить по ней о норме явно некорректно. Выяснить в тех условиях число граждан вряд ли кто-то смог бы, зато установить наиболее платежеспособных лиц было куда проще, что в условиях тяжелейшего финансового кризиса имело огромную важность.

Steel 2013, 86, n. 26. Правда, Я. Суолахти допускает, что Цицерон преувеличил — цензоры проводили ценз, но в условиях войны не могли завершить его, а затем отложили вопрос (Suolahti 1963, 450). Однако он не объясняет, почему тогда Цицерон решился пойти на очевидное искажение фактов в публичном выступлении. Кроме того, не вполне понятно, зачем было начинать перепись, если изначально не вызывало сомнений, что закончить ее не удастся.

В тех случаях, когда *lustrum* не проводился и ценз, соответственно, оставался незавершенным, это было связано со смертью или преждевременной отставкой цензоров (Wiseman 1969, 64; сводку данных см. Berve 1927, 2051-2052). Между тем Филипп и Перперна благополучно пережили свою цензуру, а сведений об их досрочном отказе от должности нет. На неосновательность мнения о незавершенности ценза 86-85 гг. указывал еще Г. Беннет (1923, 44).

Beloch 1886, 352; Valgiglio 1956, 11; Lovano 2002, 61-62. Некоторые ученые осторожно допускают ее лишь как возможный вариант (Nicolet 1976, 69; Kendall 2013, 542).

Liv. Per. 84: *novis civibus S. C. suffragium datum est*. Год, естественно, в перифразе не указан, но названное событие описывается как происшедшее после смерти Цинны (конец зимы или начало весны 84 г.), но до высадки в Италию Суллы (весна 83 г.).

Brunt 1971, 92-93; 1988, 135. А. Б. Егоров (2010, 376) считает, что так и остались в статусе союзников самниты, хотя данные источников свидетельствуют о том, что гражданство они получили (см. Salpon 1964, 65-66).

Как то имело место с данными о цензе 209/208 гг. (Beloch 1886, 350), который повторяются и в периодах, а потому вряд ли могут вызывать сомнение (см. Лапырёнок 2016, 109-110). Против его поправки цифр ценза 86—85 гг. некоторые ученые высказались *expresses verbis* (Frank 1924, 336; Заборовский 1985, 55).

Taylor 1960, 105-106; Kendall 2013, 543. К сожалению, при этом С. Кендалл не ссылается на книгу Л. Р. Тэйлор.

По мнению Ф. Мюнцера, Перперна, связанный с Клавдиями, помог в 92 г. Филиппу, племяннику его коллеги по консулату Гая Клавдия Пульхра, самому стать консулом (также см. Suolahti 1963, 456), и избрание в цензоры стало формой благодарности со стороны Филиппа (Münzer 1937b, 896). Э. Бисфем ограничивается предположением, что Перперна был политическим союзником Филиппа (Bispham 2007, 195).

Taylor 1960, 105; Suolahti 1963, 457; К. Дж. Дарт просто пишет о состоянии нестабильности в Италии (Dart 2014, 198). У. Харрис же считает, что в 70-69 гг. итальяцам столь же нелегко было добираться до Рима, сколь и в 86-85 гг. (Harris 1971, 234). Однако к 70 г., несмотря на восстание Спартака, всерьез затронувшее лишь некоторые районы Апеннинского полуострова, обстановка стала куда более благоприятной, тогда как после тяжелейшей Союзнической войны, носившей, выражаясь современным языком, тотальный характер, итальяцев, думается, заботы о хлебе насущном беспокоили куда больше, чем явка для участия в цензе. Да и условия для путешествий по Италии с 80-х гг. наверняка улучшились.

См.: Mackay 2009, 173-174; Steel 2013, 101-102. Э. Т. Сэлмон осторожно пишет о том, что цензоры были не особенно энергичны при занесении итальянцев в списки граждан (Salmon 1967, 367-377); К. Дж. Дарт счел этот тезис неубедительным (Dart 2014, III).

Badian 1958 240-243; Frier 1971, 589; см. также: Schur 1942, 154.

Meier 1966, 230, Anm. 147; Gabba 1972, 797, п. 204. Напомним также, что наиболее влиятельные сенаторы от распределения италийцев по трибам ничего не теряли — наоборот, расширялась их клиентела. Против этого был обычно *plebs urbana* (Millar 1986, 9-10), но вряд ли у него хватило бы духу не утвердить столь важную для победителей меру, особенно сразу после взятия Города.

На распределение *cives novi* именно по 31 трибе (4 городских трибы в процессе задействованы не были) в историографии указывалось и раньше: Beloch 1880, 37, 41; Taylor 1960, 106-107; Harris 1971, 233.

Еще В. Кубичек связывал этот *senatus consultum* с инициативой Папирия Карбона (Kubitschek 1882, 62).

Судя по всему, этот закон, в отличие от распределения новых граждан по всем трибам, был отменен Суллой, коль скоро его пришлось реанимировать в 66 г. плебейскому трибуну Гаю Манилию (Ascon. 64C; Dio Cass. XXXVI. 42. 2; Treggiari 1969, 50).

731

См. Taylor 1960, 107-109; Harris 1971, 237.

Самнитов записали в Вольтинию, марсов и пелигнов — в Сергию, френтанов и марруцинов — в Арнскую трибу (Beloch 1880, 43; Taylor 1960, 111, 114-115). Тезис Э. Т. Сэлмона о том, будто участники *bellum sociale* были распределены по восьми трибам (впрочем, без создания новых), что, как известно, и предполагалось еще в 89 г. (Salmon 1958, 179-184), был отвергнут Л. Р. Тэйлор (1960, 113, п. 31a), и сторонников, насколько известно, не нашел. Впрочем, очень многие (но не все) активные участники восстания оказались внесены лишь в семь триб в рамках крупных блоков — весьма вероятно, с целью создать невыгодное для них положение (Harris 1971, 239-240, 250; Bispham 2007, 196).

Taylor 1960, 111, 114-115; цифры уточнены по: Vispham 2007, 197.

См.: Beloch 1880, 38-42; Kubitschek 1882, 61-76; Sherwin-White 1939, 156-157; Harris 1971 239-250.

Taylor 1960, 113, с обзором дискуссии; также см. Salmon 1967, 376.

Bispham 2007, 196-197 (с обзором различных точек зрения).

Вероятно, это позволило этрускам и умбрам контролировать некоторые трибы (Bispham 2007, 197).

Taylor 1960, 107-117 (с указанием источников и литературы).

См. Taylor 1960, 117; Bispham 2007, 197.

Taylor 1960, 312. Это касается также этрусков и умбров, находившихся в явно привилегированном положении (Taylor 1960, 114, 118; Harris 1971, 236-250; Lovano 2002, 63).

Bispham 2007, 199-200. Точка зрения, согласно которой эта система восходит к т. н. «оскскому кваттуорвирату», основывается на неверном понимании данных эпиграфики (см. Letta 1979, 74).

CIL X. 113-114 =f ILS 6468-6469; Bispham 2007, 202-203 (с библиографией).

Gabba 1976, 56-59, 211—213 (со ссылками на литературу).

Впрочем, сообщение Цицерона о преторах — главах капуанской колонии, у некоторых ученых вызвало сомнения — как представляется, малообоснованные (см. Sherwin-White 1939, 88).

Cic. de lege agr. II. 93. Несколько десятилетий спустя Гораций будет посмеиваться над Ауфидием Луском как над претором Фунд (Sat. I. 5. 34-36; Galsterer 1976, 122).

Sherwin-White 1939, 88. В принципе, ничего удивительного в этом не было, поскольку преторами (или преторами-дуовирами) называли магистратов и в других городах. Однако к тому времени это обозначение все больше вытеснялось словом «дуовир» (Galsterer 1976, 121-122), и то, что капуанцы, судя по всему, настояли на наименовании «преторы», а Цицерон по данному поводу немало возмущался и, стало быть, рассчитывал на понимание публики, свидетельствовало о немалой значимости этого слова.

Таким же очевидным преувеличением является и надменность кампанцев в обращении с Цицероном при его визите в Капую (Gabba 1976, 59).

См. Gabba 1976, 59; Santangelo 2007, 135. Сулла раздал часть капуанских земель своим ветеранам без вывода колонии (Lib. Col. 232.1; Santangelo 2007, 135).

Mommsen 1887, III, 180. Bennett 1923, 44; Lovano 2002, 63.

Badian 1958, 243-244. См. также: Gabba 1972, 797-798.

Как пишет Э. Бисфем, «новые граждане понимали, что являются разменной монетой в более крупной игре, очевидно, их поддержка любой из соперничающих партий в гражданской войне, которая последовала за Союзнической (87—82 гг. до н. э.), была в лучшем случае вялой» (Bispham 2016, 92). Это не совсем верно в отношении 87 г., но вполне справедливо применительно к последующим годам.

Л.Л. Кофанов (2012, 179) пишет, будто «римский сенат, начиная с 90 г. до н. э., превращается в орган, включающий в себя представителей самых разных народов Средиземноморья». Учитывая, что даже италийцы не вошли в его состав в ближайшие несколько десятилетий после 90 г., это как минимум недоразумение.

753

Это видно хотя бы из отзывов Цицерона: Cat. III. 24; ND. III. 8081; Brut. 30 *etc.*

Cm. Meier 1966, 229-230, Anm. 143.

Кого Э. Корнеман подразумевает под бежавшими к Сулле «вождями нобилитета» (пусть и немногими — Корнеманн 1964, 467), остается загадкой.

Тем не менее иногда слова Веллея воспринимаются всерьез: Lanzani 1911, 27-28; Селецкий 1983, 158.

Wiehn 1926, 15; Kornemann 1964, 470. Параллель между этим «антисенатом» и серторианским, которую проводят некоторые ученые (впрочем, весьма осторожно: Wiehn 1926, 48; Schur 1934, 24 5), другими исследователями оспаривается (Berve 1929, 215 (сугубо декларативно); Gabba 1973, 430). То, что Сулла по окончании войны с Митридатом отправил письмо с отчетом о своих достижениях в сенат, находившийся в Риме, бесспорно, свидетельствует о признании им законности последнего (Martin 1965, 207).

Отголоском таких представлений могло быть сообщение Мемнона (32.1) о том, что разрушить Афины Сулле помешал сенат (κατέσκαπτο αν ή πόλις, εί μή θάπτον ή σύγκλητος 'Ρωμαίων τήν τού Σύλλα γνώμην άνέκοψε) — очевидно, речь о сенаторах, сопровождавших Суллу (Eckert 2016, 92),

Gruen 1968, 238-239; Keaveney 1984, 130; Seager 1994, 180. Явным недоразумением представляется утверждение Р. Т. Ридли, будто ни Метелл Пий, ни Красс не покидали в те годы Италию (Ridley 2000, 228-229).

MRR II, 54. По мнению Э. Бисфема, «избрание Филиппа и Перперны следует рассматривать как свидетельство не того, что они решили сотрудничать с Цинной, но того, что Цинне пришлось идти на компромисс с сенатом в этом вопросе». Он считает их избрание цензорами, случившееся, по его предположению, лишь после смерти Мария, одним из первых примеров взаимодействия Цинны с сенатом (Bispham 2007, 196; также см. Harris 1971, 236). Что же касается Сцеволы, тот мог отказаться от борьбы за цензуру в силу странной семейной «традиции» — отсутствия у представителей его фамилии интереса к этой магистратуре (Cic. Brut. 161; Badian 1962, 52).

В 89 г. *lectio senatus*, как предполагает Я. Суолахти (1963, 450), не проводили.

Обоснование датировки см.: Münzer 1955, 24. По иронии судьбы, это был коллега Мария по шестому консулату, который в 82 г. внесет предложение назначить Суллу диктатором (App. BC. I. 98. 419; Münzer 1955, 23-24; Gabba 1958, 268-269).

Mora 2003, 503; Rafferty 2011, 14; Heredia Chimeno 2018, 7. Это стало возвращением к прервавшейся на несколько десятилетий традиции выбирать принципсов сената из числа цензориюв (см. Mora 2003, 502-503). Ф. Инар пишет, что это был, вероятно, единственный патриций-консуляр (Hinard 2000, 647), забывая: 1) о его кузене, консуле 93 г. Г. Валерии Флакке (правда, он отсутствовал в Риме, но это уже другой вопрос), и 2) о статусе Луция Валерия как цензория.

Suolahti 1963, 435; Rafferty 2011, 14.

Аппий Клавдий подлежал этой мере по *lex Cassia de abactis damnatis*, предусматривавшему исключение из сената его членов, осужденных народом или лишенных империя (Ascon. 78 C), — он подходил под оба этих пункта (Moore 2013, 33-34).

Evans 1997, 82. Кроме того, крайне сомнительно, что за Метеллом все это время сохраняли проконсулат; мнение о том, что он удерживал империй до 83 г. (Koptev 2018, 49), представляется не более чем курьезом.

Bennett 1923, 44; Gabba 1954, 98; Santangelo 2006, 8. Г. Беннет пишет не о популярях, а о сторонниках Цинны, что представляется более корректным.

Г. Флауэр пишет, как о бесспорном факте, о контроле циннанцев над выборами вообще (Flower 2010, 93), однако это можно считать несомненным лишь в отношении консульских выборов.

Вопрос о лицах, находившихся при Сулле, рассмотрен ниже, см. с. 426-428.

Характеристика Цинны как «врага знати» (Brunt 1988, 25) представляется несколько упрощенной.

771

Vell. Pat. II. 41. 2; Plut. Caes. 1.1; Suet. Div. Iul. 1.1. Цезарю пришлось для этого разорвать помолвку с Коссуцией.

Cic. Phil. II. 110; Vell. Pat. II. 43. 1; Suet. Div. Iul. 1.1; Dio Cass. XLIV. 6.
4.

Но в итоге после смерти Мерулы фламмин Юпитера не будет назначен в течение 75 лет (Тас. Ann. III. 58. 2; Dio Cass. LIV. 36. 1).

Р.Т. Ридли безо всяких оговорок называет всех троих Котт сулланцами (Ridley 2000, 218), однако применительно к 80-м гг. это можно с уверенностью утверждать лишь в отношении Гая. Марка Котту А. Кивни склонен считать на тот момент «центристом» (Keaveney 1984, 138-139).

Taylor 1957, 11; Грант 2003; 16; Jehne 1997, 12.

Weinstock 1971, 30. Причастность Мария к этому назначению, зафиксированная лишь у Веллея Патеркула (II. 43. 1), весьма спорна — вряд ли на рубеже 87-86 гг. вождей нового режима интересовала замена фламина Юпитера. Да и Цезарь был тогда еще совсем ребенком, не говоря уже о подозрениях, которые вызывает молчание более обстоятельных Плутарха и Светония. Веллей мог упомянуть Мария, просто основываясь на логике, поскольку тот был соратником Цинны и родственником Цезаря.

Meier 1993, 120. По мнению М. Йене, фламинат мог быть со стороны Цинны чем-то вроде приданого (Jehne 1997, 12).

Taylor 1957, 11-12; Balsdon 1967, 28; Ridley 2000, 215; Billows 2009, 47, 50.

В том числе, несомненно, и сенаторов (Heredia Chimeno 2018, 7).

Э. Бисфем пишет о «непростом сотрудничестве между циннанскими экстремистами и более умеренно настроенным сенатом» (Bispham 2007, 195). Однако это не более чем игра словами: когда сенат обладал необходимыми силами, он действовал по отношению к своим врагам или тем, кого считал таковыми, ничуть не менее «экстремистскими» методами — достаточно вспомнить 121 и 100 гг.

781

Cic. Verr. II. 1. 35; Meier 1966, 219; Wiseman 1971, 6.

Münzer 1900, 1282 безоговорочно); Bennett 1923, 3 (в порядке гипотезы).

Н. Н. Трухина (1986, 55), таким образом, не совсем точно, считая Л. Сципиона «единственным знатным консулом при марианцах».

784

Карринат, как предполагается, был умбром или этрусском (Syme 1939, 90, 93).

785

См. Wiseman 1971, 210, 222, 230, 240, 241, 245, 260, 269.

Cic. Brut. 227; Gruen 1968, 240.

Р. Сигер полагает, что в Brut. 308 Цицерон имеет в виду под Карбоном консула 85, 84 и 82 гг. (Seager 2002, 196, п. 3), тогда как, судя по контексту, речь идет о Карбоне Арвине (Hillman 1996, 84, п. 15).

См. Cic. Rose. Am. 89-91; Lovano 2002, 67.

«Без необычных горячности и злобы 90-х гг.», по выражению М. Ловано (2002, 68). Впрочем, последние годы II в. не уступали в этом отношении 90-м.

Можно, конечно, полагать, что речь идет об убийствах Красса, Антония и других дорогих сердцу оратора *viri optimi*, но у Цицерона (loc. cit.), как мы видели, речь шла обо всем периоде циннанского господства (*inter profectionem reditumque L. Sullae*).

Cic. Att. VIII. 3. 6; Phil. I. 34; Val. Max. VI. 9. 6. Т. Ф. Кэрни ссылается также и на Cic. Phil. V. 17 (Carney 1960a, 115), но там речь о *regnum*. Также см. Cic. ND. III. 81 (Cinna regnavit); Har. resp. 54. Т. Ф. Кэрни приводит еще и ссылку на Cic. Cat. III. 9 (Carney 1960a, 115), однако там просто пересказывается мнение Лентула Суры. Без оговорок правление Цинны называют тиранией и некоторые исследователи (Neumann 1881, 572; Keaveney 1984, 139; 2005a, 98; Hinard 1985b, 153). Г. Беннет называет Цинну «первым тираном Рима после изгнания Тарквиния», а его режим — деспотизмом (Bennett 1923, 62). Иначе см. Bulst 1964, 328-329; Lovano 2002, 11; Burckardt 2004, 377.

Bennett 1923, 69; Flower 2010, 28, 92-93.

Long 1866, 333; Letzner 2000, 218; Flower 2010, 93 *etc.*

Ferrero, Barbagallo 1918, 349; Keaveney 2005a, 105.

Дион Кассий (fr. 106) уверяет, будто присоединение к Сулле Метелла с его безупречной репутацией привело к переходу на сторону Суллы кое-кого из тех, кто был настроен оппозиционно по отношению к нему. Не исключено, что поведение Метелла действительно оказало определенное влияние на некоторых сенаторов, но вряд ли из-за его моральной репутации.

Впрочем, возможно, Красс присоединился к Сулле еще в Греции (Marshall 1976, 13), а потому его люди вошли в число указанных 40 тысяч ВОИНОВ.

797

στρατόν εὔνουν, как пишет Аппиан (BC. I. 79. 361).

Schur 192, 155; также см. Егоров 1989, 135.

Bulst 1964, 324. В то же время, действия Карбона вряд ли дают основания называть его и тех, кто стоял за ним, *la fazione estremista*, как это делает У. Лаффи (1967, 260). Единственной жесткой мерой, на которую он решился, да и то ненадолго, была попытка взять заложников в итальянских городах.

Münzer 1929, 929-930. Правда, распространенное мнение о Норбане как о выходце из Норбы (Münzer 1929, 927; Gabba 1958, 252; Lovano 2002, 111; Циркин 2006, 67) основано на спорной аргументации, но то, что он не был «коренным» римлянином, очень вероятно (Badian 1957, 334-335). Р. Сайм пишет о (предположительно) этрусских корнях Норбана (Syme 1939, 200, п. 3).

Badian 1958, 243. См. также: Bulst 1964, 324; Hinard 1985a, 344345; Rijkhoek 1992, 166; Циркин 2006, 64. Правда, в другой работе Э. Бэдиан оговаривает, что «новым» гражданином Норбан являлся лишь предположительно (Badian 1962, 59).

Frier 1971, 600. М. Ловано ошибочно приписывает соответствующий взгляд на обоих Э. Бэдиану и Э. Габбе (Lovano 2002, 111 + п. 19). Дж. Бэйкер пишет, что Сципион и Норбан были «людьми умеренных взглядов, не участвовавшими в марианских проскрипциях» (Baker 1927, 23\$). Думается, что это не очень надежный критерий.

App. BC. I. 91. 422. Классический пример того, что проскриптам не было спасения нигде (Sail. Hist. II. 14; Hinard 1985a, 79), хотя, как показал пример его коллеги Сципиона, из этого правила бывали исключения.

Lovano 2002, 112. К. Барбагалло без обиняков называет обоих *fautori di Mario* (Barbagallo 1900, 28), однако, если быть точными, мы знаем лишь о том, что Сципион был врагом Суллы, а не сторонником Мария.

Моммзен 1994, 232; Duguy 1880, 668; Neumann 1881, 576; Ковалёв 1986, 392; в отношении только Сципиона: Ihne 1879, 368; How, Leigh 1901, 439.

См.: Münzer 1929, 928-929; Konrad 1994, 78-79; Lovano 2002, 111-112.

Лишение Карбона консулата, надо думать, дополнительно ослабило единство марианского руководства (Bengtson 1995, 254).

Гай Карринат, Брут Дамасипп, Антоний Бальб и Перперна Вейентон
(Steel 2013, 104 + n. 99).

Б. Фрир относит SCU ко второй половине 83 г. (Frier 1971, 586), а Н. Нойман допускает его датировку временем как накануне, так и сразу вскоре после высадки Суллы (Neumann 2010, 156). Хотя более логичным представляется первый вариант, пока не началось еще вторжение, что давало время для подготовки к отпору (Spann 1987, 35; Seager 1994, 189; Lovano 2002, 113).

Cantalupi 1899, 94; Gabba 1958, 212. Веллей, возможно, просто округлил эту цифру (Brunt 1971, 442).

По мнению А. Кивни, нервная реакция Суллы на сатиropодобное существо, которое к нему привели в Эпире незадолго до похода в Италию (Plut. Sulla 27. 3-4), была вызвана тем, что он воспринял его как предвестие дурного исхода грядущей кампании (Keaveney 1983a, 53).

Т.Н. Митчелл допускает, что высадка могла состояться и в конце 84 г. (Mitchell 1979, 81), однако в источниках нет даже косвенных данных в пользу этого.

ἀμαχεί (App. BC. I. 79. 364). Э. Бэдиан уверен, что такая позиция жителей Брундизия была обусловлена непоследовательностью политики Цинны и его преемников в вопросе о римском гражданстве (Badian 1958, 243-244).

Поскольку Брундизий к тому времени был уже общиной римских граждан, то о трибуте здесь речи идти не может; скорее всего, имеется в виду освобождение от портория (Henderson 1897, 251-255; Ф. Сантанджело, придерживающийся той же точки зрения (Santangelo 2007, 73-75), странным образом не знаком со статьей Б. Хендерсона), что является продолжением аналогичных мер Суллы в Азии (Gabba 1958, 213). Эксуперанций (5.34Z) уверяет, будто Сулла даровал многим общинам освобождение от податей (*multis civitatibus immunitates vectigalium*), однако достоверность этого сообщения оценить сложно (Gabba 1958, 213).

Santangelo 2007, 73. Ф. Сантанджело (2007, 73-75) также указывает на рост экономической активности в Брундизии и его окрестностях, который он связывает с отменой портория, причем этот город оказался притягательным для людей из окружения самого Суллы — Тарулы, Эпикада.

Утверждение В. А. Сираго, будто высадка Суллы произвела действие, подобное землетрясению, не вполне корректно, поскольку он ссылается за активизацию Помпея, Марка Лукулла и Красса и их победы над марианцами (Sirago 1989, 21). Однако не вполне понятно, были одержаны эти победы уже тогда или спустя несколько месяцев после высадки Суллы. Другое дело, что эта высадка знаменовала начало нового (и последнего) тура гражданской войны, но это слишком самоочевидно, чтобы нуждаться в акцентировании.

Преномен Понтия сообщает Августин (Civ. Dei. II 24).

818

Vell. Pat. II. 16. 2; Sirago 1989, 22.

Carcopino 1947, 104; Salmon 1964, 74; Frier 1971, 598; Hinard 1985b, 169; Marastoni 2008, 332. Так полагал прежде и автор этих строк (Короленков, Смыков 2007, 275). Между тем это не более чем догадка, источниками не подкрепляемая; некоторые исследователи считают Понтия лицом, ближе не известным (см. Angeli Bertinelli 1997, 379; Santangelo 2007, 219-220). Другие допускают, что это член военного совета Помпея Страбона (CIL I2. 709. 10; Münzer 1953, 33; Noble 2014, 195).

Что же касается самого раба, то Э. Т. Сэлмон предполагает, что он был беглым (Salmon 1964; 73; более осторожно — 1967, 382).

Schur 1942, 161; Salmon 1964, 74; 1967, 382; Frier 1971, 598; Lovano 2002, 116.

Salmon 1964, 74; Lovano 2002, 116.

Ф. Мюнцер считает, что Метелл принял заново командование в качестве проконсула (Münzer 1897, 1222). Однако в этом не было нужды — вряд ли Метелл считал, что утратил проконсульский империй.

По мнению Ж. ван Отегема, это произошло уже в Апулии (Ooteghem 1967, 181), однако точных данных на сей счет нет.

По Аппиану, битва произошла при Канузии (BC. I. 884. 382), однако это явная ошибка, ибо Канузий находится в Апулии, речь идет, видимо, о Казилине (Linden 1896, 14, 58; Pozzi 1913/1914, 655, п. 1; Gardner 1932, 272, п. 4; Salmon 1964, 74, п. 84; 1967, 382, п. 1; Angeli Bertinelli 1997, 378-379).

Pareti 1953, 600; Gabba 1958, 222; Keaveney 2005a, 111; Seager 1994, 189.

827

Schur 1942, 165 (применительно ко всей кампании Суллы).

М. Ловано не исключает такого же нелюбезного обращения с послами, какое позволили себе воины Суллы в 88 г., но вполне возможно, что Норбан просто отказался говорить с пришедшими от Суллы людьми (Lovano 2002, 116).

См. Noble 2014, 202; Eckert 2016, 53.

Plut. Sulla 6.8. Как замечает Дж. Балсдон, странное заявление для опытного военачальника (Balsdon 1951, 2-3), однако нельзя забывать, что это писалось уже после окончания всех кампаний, когда Сулла мог дать волю фантазии и/или оценивать случившееся задним числом, тем более что такой подход «работал» на его образ любимца богов.

Вполне возможно, этим источником стали мемуары самого Суллы: Gabba 1958, 223. О 6000 убитых воинах Норбана при 70 у Суллы сообщает Аппиан, о 6000 убитых и 6000 пленных и 124 соответственно — Евтропий, те же данные и у Орозия за исключением цифры в 7000 павших солдат из армии консула. П. Канталупи предполагает, что 70 убитых — результат ошибки переписчика при передаче текста: 120 (СХХ), округленное 124, превратились в LXX (приводится по: Ensslin 1926, 450). В любом случае, такие диспропорции вызывают серьезные сомнения (Faszczka 2014, 129, п. 103). Э. Поцци считает, что общая цифра потерь (6000 или 7000) включает в себя и убитых, и пленных (Pozzi 1913/1914, 656, п. 1). Многие ученые принимают максимальные данные о потерях Норбана, причем Ф. Инар и М. Ловано делают то же в отношении минимальных потерь Суллы (Ooteghem 1954, 56; Hinard 1985b, 169; Lovano 2002, 117).

В. Шур предполагал также, что в Кампанию двигался Карбон, хотя об этом и не сообщается в источниках (Schur 1942,162), однако это предположение представляется сомнительным (Angeli Bertinelli 1997, 381); более вероятно, что Карбон тогда находился на севере Италии (Long 1866, 336).

Frier 1971, 598; Badian 1958, 243-244.

Lovano 2002, 117. Склонный к хлестким оценкам, Т. Моммзен пишет о «бесхарактерности» Сципиона (Моммзен 1994, 235), однако правильнее, по-видимому, говорить о его осторожности.

Очевидно, тот самый, что станет консулом в 61 г. (MRR II, 63, 178). Между прочим, он был женат на вдове Цинны, с которой развелся после победы Суллы (Veil. Pat. II. 41. 2; Badian 1962, 60).

App. BC. I. 85. 383. Высказывалось предположение о выдаче заложников и со стороны Сципиона (Spann 1987, 35), что менее вероятно.

Как я предполагал ранее, Сулла преуменьшил свои силы, и именно ему принадлежит высказывание о том, что он переманил 40 вражеских когорт с помощью своих 20, как на подсадных птиц (Короленков, Смыков 2007, 280). Однако в настоящий момент я согласен с мнением о том, что это отголосок антисулланской пропаганды (см. Ghilli 2001, 447, п. 658), а не выдумка диктатора. С. Дж. Крисантос считает, что перевес был на стороне Суллы, который высадился с пятью легионами и во главе их встретился с четырьмя сципионовыми (Chrissanthos 1999, 59). При этом причины, на основании которых отвергаются данные Плутарха, не приводятся.

См. Konrad 1994, 80; Strisino 2002, 37.

Conrad 1994, 80; Lovano 2002, 117. Б. Фрир считает, что Сципион вел переговоры один (Frier 1971, 600).

Вероятно, Серторий был не претором, как часто считается (см. с. 193), а легатом (Cantalupi 1899, 75; Spann 1987, 35).

Frier 1971, 600; Rijkhoek 1992, 169.

Fröhlich 1900, 1545; Volkmann 1958, 54; Lovano 2002, 118.

Эту идею поддерживает также У. Лаффи (1967, 187, п. 39).

Gabba 1972, 799; Seager 1994, 190; Keaveney 2005a, 112-113.

Ю. Б. Циркин (2006, 74) пишет как о несомненном факте, будто Серторий предлагал воспользоваться численным превосходством и ударить по врагу, однако источниками это не подтверждается.

К этому же эпизоду, как предполагается, относится фрагмент «Истории» Саллюстия (I. 34; Maurenbrecher 1893, 17).

847

Ехир. 7.45Z. Относительно обоих консулов Эксуперандий, конечно, ошибается.

Несомненно, имеется в виду Суэсса Аврунка. Наличие там приверженцев Суллы засвидетельствовано эпиграфически (CIL X. 4751 = ILS 870; Scardigli 1971, 237-238; Konrad 1994, 81).

Очевидно, присоединиться к нему (Long 1866, 336; Schur 1942, 163; Keavensy 2005a, 114).

См. также: Diod. XXXIII. 16; Liv. Per. 85; Veil. Pat. II. 25. 2-3; Flor. III. 21. 20; Eutr. V. 7. 4. Слова Флора о разгроме армии Сципиона уже после того, как она обрела надежду на мир (*Scipionis copiae ostentata spe pads oppressae*), — явное недоразумение.

851

Elementi mariani estremisti, по выражению Э. Габбы (1972, 799).

Keaveney 2005a, 113; см. также: Schur 1942, 163.

Schulten 1926, 38-39. Р. Гарднер в более общем виде пишет о недоверии к Сулле как одном из побудительных мотивов Сертория (Gardner 1932, 273).

См. также: Scardigli 1971, 238; Seager 1994, 190.

Gardner 1932, 273; Schur 1942, 163; Spann 1987, 37; Hinard 1985b, 170. По мнению Ф. Гарсиа Мора, речь шла о том, чтобы вынудить Суллу к отступлению из долины Лириса, а не отрезать его от нее (Garcia Morâ 1991, 366).

856

Pozzi 1913/1914, 658; см. также: Gabba 1958, 224.

Gabba 1958, 224; Lovano 2002, 118; Strisino 2002, 39.

Cm. Konrad 1994, 83-84; Strisino 2002, 36.

Некоторые историки пишут в данной связи о «недисциплинированности» Сертория (Berve 1929, 219; Treves 1932, 131), однако это ничего не дает для понимания ситуации — неукоснительное следование инструкциям не раз оборачивалось поражением.

Fröhlich 1900, 1545; Schulten 1936, 38; Keaveney 2005a, 113; Seager 1994, 190.

Spann 1987, 36; Strisino 2002, 38 (склоняется, скорее, к признанию непричастности Сципиона к захвату Суэссы).

Garcia Mora 1991, 365-366.

863

См. Rijkhoek 1992, 169-175.

864

Недаром и решение воинов перейти на сторону врагов названо тайным (κρύφα) (App. BC. I. 85. 386).

См. Hinard 1985a, 121; Keaveney 2005a, 112; Faszczka 2014, 129.

Seager 1994, 189. Любопытно, что в центре переговоров оказались проблемы государственного устройства, а не персональные вопросы (Gabba 1972, 799). Во-первых, это позволяло Сулле подчеркнуть свою респектабельность. Во-вторых же в случае успеха он и так получил бы возможность решать судьбу тех или иных лиц по своему усмотрению. Да и отсутствие гарантий кому бы то ни было лично окончательно развязывало ему руки.

Lovano 2002, 118. А. Мачрочинкве, ссылаясь на Аппиана (Илуг. 5.14), пишет, что сулланские авторы возлагали на Сципиона ответственность за обострение противостояния, коль скоро он позволил варварам подкупить себя храмовым золотом (вопрос об историчности этого факта в данном случае не важен). Мачрочинкве включает это сообщение Аппиана в контекст таких событий, как зловещие знамения накануне вторжения Суллы и пожар на Капитолии летом 83 г. (App. BC. I. 83; Mastrocinque 2005, 141). Однако у Аппиана говорится лишь об одном авторе (τις εφη των Ἰταλικῶν συγγραφέων), и нет оснований считать, что его взгляд разделяло сколь-либо значительное число римлян, и, следовательно, помещать это в контекст событий, о которых знали тысячи людей.

Так же полагают и некоторые современные историки: Greenhalgh 1980,15 (автор пишет при этом о «макиавеллиевских» методах Суллы); Chrissanthos 1999, 59.

Harmand 1967, 422, 452 + п. 86. Вспоминает в этом контексте Ж. Арман, конечно, и Лукулла.

Ф. Ингриш пишет, будто Сципион перешел на сторону Суллы (Ingrisch 2007, 41), что является очевидным недоразумением.

871

Напрашивается параллель с Помпеем, который, как уверяет Цезарь, бросил инсигнии перед бегством из-под Фарсала (Caes. BC. III. 95. 3).

872

См. Münzer 1900, 1484; Geizer 1942, 24.

По отношению к воинам, бросившим Сципиона, Диодор (loc. cit.) не испытывает никакого почтения, называя их подкупленными (διαφθάρηται χρήμασι). Эти слова, возможно, взяты уже не из сулланского источника, поскольку в рассказе Аппиана, как мы видели, о подкупе солдат консула ничего не говорится.

При начале проскрипций Сулла объявит соглашение со Сципионом состоявшимся (App. BC. I. 89. 441).

App. BC. I. 86. 390-391; Plut. Sulla 27.13; Cic. Cat. III. 9; Dionys. RA. IV. 62. 6; Tac. Hist. III. 72; Ann. VI. 12. 3 (ошибочно говорится о Союзнической войне); Obseq. Prod. 57. Причиной пожара стала, скорее всего, халатность храмовой прислуги (Obseq. Prod. 57). Аппиан явно ошибочно относит пожар в храме ко времени, последовавшему после измены армии Сципиона под Теаном (Linden 1896, 57; Frier 1971, 599, п. 72). Э. Корнеман предполагал, что храм сгорел в день битвы при Тифатской горе (Kornemann 1964, 471), однако из текста источников этого не следует (Schur 1942, 165, Anm. 1).

Dionys. RA. IV. 62. 5; Plin. NH. XIII. 88; Tac. Ann. VI. 12. 3.

Высказывалось предположение, что Норбан отступил в Пренесту (Pozzi 1913/1914, 661; Gabba 1958, 226; Keaveney 2005a, 114).

App. BC. I. 86. 390. Вероятно, также и Помпея (Lovano 2002, 120).

Обычно ее не подвергают сомнению: Schur 1942, 165, Anm. 1; Keaveney 2005a, 114; Циркин 2006, 66; по поводу датировки пожара на Капитолии см. прим. 83.

В том числе и его посланцы (Plut. Romp. 6.3) — очевидно, вербовщики (Greenhalgh 1980, 14).

Возможно, именно тогда впервые под его знамена встали Тит Атий Лабиен, Авл Габиний и Луций Афраний (Southern 2002, 22).

Таково (*Coelius*), как считается, наиболее вероятное чтение сообщаемого Плутархом имя «Клелий», поскольку оно встречается у Аппиана (BC. I. 91. 421; Geizer 1942, 23 + Anm. 10; см. также: Hinard 1985b, 171; Seager 1994, 191 — все эти авторы пишут о Целии Антипатре — преномен у Плутарха не назван, но Аппиан упоминает именно Антипатра — хотя и без номена, но в Риме известны только Целии Антипатры); некоторые авторы воспроизводят версию Плутарха без комментариев (Mommsen 1881, 322; Schur 1942, 159), однако марианский вождь с таким именем неизвестен. Сомнительно также, что речь идет о консуле 94 г. Гае Целии Кальде (см. Drumann 1908. 335; Long 1866, 336; Neumann 1881, 577; Miltner 1952, 2066 Ooteghem 1954, 54; Christ 2004, 28; Pérez Vilatela 2004, 125, n. 28) или Тите Югуилии (MRR II, 65; Leach 1978, 24; Keaveney 1982b, 118; Lovano 2002, 121) — при описании событий этих лет они нигде не упоминаются. Л. Амела Вальверде предлагает причудливое сочетание «Клелий Антипатр» (Amela Valverde 2003 45).

Моммзен 1994, 234, прим. 1; Münzer 1919, 1025. Вероятнее всего, это член совета Помпея Страбона в 89 г. (CIL I². 709. 9; Leach 1978, 25). В 83 г., видимо, легат (см. MRR II, 65). О противостоянии Помпея трем вражеским военачальникам пишет и Зонара (X. 1), не называя, впрочем, их имен.

Long 1866, 338; Ooteghem 1954, 54; Geizer 1973, 37; Greenhalgh 1980, 14; Циркин 2005, 142.

Поскольку о Сципионе недвусмысленно говорится как о консуле (τοῦ ὑλάτου), то К. Ланцани совершенно напрасно относит этот эпизод к 82 г. (Lanzani 1915, 320), и ее точка зрения была отвергнута исследователями (Geizer 1942, 24; Miltner 1952, 2066).

Также см. Zonar. X. 1. Некоторые ученые пишут, Сципион, вновь приняв на себя командование, нарушил слово, данное Сулле (Münzer 1900, 1484; Geizer 1942, 24), однако так считал лишь сам Сулла, полагавший соглашение со Сципионом состоявшимся (App. BC. I. 95. 441). Едва ли нужно доказывать, что не ратифицированный договор всерьез расценивать как нечто обязывающее невозможно.

Drumann 1908, 335; Long 1866, 338; Amela Valverde 2003,45; Коптев 2013, 105 (мнение предшественников А. В. Коптеву осталось неизвестным). Другие историки, рассказывая о событиях 83—82 гг., просто не упоминают о переходе воинов Сципиона на сторону Помпея (см. Schur 1942, 158-175; Miltner 1952, 2066-2069; Christ 2004, 27-32; Southern 2004, 21-26); третьи принимают рассказ Плутарха: Münzer 1900, 1484; Geizer 1942, 23-24; Hinard 1985b, 171-172, 232; Blösel 2015, 198.

О том, что после измены войска под Теаном Сципион вновь принял командование, сообщает Диодор (XXXVIII. 16). Это сообщение хорошо укладывается в контекст рассказа Плутарха, ибо с новым войском Сципион, видимо, и выступил против Помпея. А. В. Коптеву этот важный факт остался неизвестным (Любимова 2014, 93).

В своей недавней работе автор этих строк также безоговорочно принимал версию Плутарха: Короленков 2013, 16-17.

Правда, под Фиатирой солдаты Фимбрии, если верить Аппиану, стали перебегать на сторону Суллы сразу после того, как он окружил рвом лагерь Фимбрии (App. Mithr. 59. 241, см. ниже, с. 313). Однако изложение Аппиана очень сжато, а потому нельзя исключить, что и здесь имела место определенная агитационная работа со стороны воинов Суллы в лагере Фимбрии. Кроме того, Сулла располагал заметным численным перевесом (см. Brunt 1971, 441, 452), что наряду с его талантами полководца служило для фимбрианцев сильным аргументом в пользу перехода на его сторону.

Ф. Инар предполагает некоторые агитационные усилия со стороны воинов Помпея (Hinard 1985b, 171), хотя Плутарх подчеркивает невероятную быстроту, с которой солдаты Сципиона покинули его (πριν ἐν ἐμβολαῖς ὑσσῶν γενέσθαι τάς φάλαγγας κτλ.).

Ю. Б. Циркин (2006, 142) также считает, что на сторону Помпея перешла лишь часть воинов Сципиона. То же допускает и С. Кендалл, отмечая, впрочем, что нет ничего неправдоподобного и в описании Плутарха (см. Kendall 2013. 604, п. 71).

Gelzer 1942, 24. Ф. Инар полагает, что Сципион попал в плен к Помпею, который его отпустил (Hinard 1985a, 345; 1985b, 171— 172), однако в источниках таких данных не содержится (налицо аналогия с поведением Суллы под Теаном).

Кампанию обычно исключают из этого списка (Lovano 2002, Keaveney 2005a, 115). Однако после победы над Норбаном часть ее Сулла наверняка контролировал,

MRR II, 65-66. У Эксуперанция к этому году отнесен седьмой консулат Мария-отца, что, естественно, является грубой ошибкой (Zorzetti 1982, XV).

Vell. Pat. II. 26. 1; App. BC. I. 87. 394. Согласно эпитамам Ливия (рег. 86), Марию было и вовсе около 20 лет, что, несомненно, ошибка (Ihne 1879, 373, Anm. 3; Münzer 1930, 1812; Wosnik 1963, 117, Anm. 1; Srlmon 1964, 77, n. 101). Э. Клебс предположил здесь описку — XX вместо XXX (цит. по: Ensslin 1926, 450, Anm. 5). Тем не менее эти данные иногда принимались (Моммзен 1994, 236; Neumanr 1881, 580).

См., напр., Münzer 1930, 1813.

См. Wosnik 1963, 117, Anm. 1. Примечательно, что Плутарх (Sert. 6.1) более осторожно говорит просто о нарушении закона (παρά τοὺς νόμους).

Gabba 19158, 229; Scardigli 1971, 242; Hinard 1985a, 398; Spann 1987, 37; Konrad 1994, 77-78; Seager 1994, 191. Сообщение Веллея Патеркула (IL 25. 3) о пленении и последующем освобождении Суллой Сертория вместе со Сципионом под Теаном явно недостоверно и отвергается практически всеми исследователями: Stahl 1907, 34; Schulten 1926, 39; Gabba 1958, 225; Spann 1987, 36; Rijkhoek 1992, 175. Анн. 730. Исключение составляет, насколько известно, лишь точка зрения В. Ине (1879, 392, Анн. 1).

Л. Перес Вилатела явно ошибочно думает, что речь идет о Гае Карбоне, а не о его старшем брате Гнее (Pérez Vilatela 2004, 57, п. 43; иначе см. Koniad 1994, 78).

901

См. Münzer 1929, 925; MRR II, 70.

Greenhalgh 1980, 41. По мнению Ф. О. Спанна, Сертория назначение устраивало, поскольку он получил в свое распоряжение обширную территорию с огромными ресурсами (Spann 1987, 39).

И.Г. Гурин (2001, 32) тем не менее пишет о том, что Сертория назначили наместником уже в ходе гражданской войны.

Rijkhoek 1992, 178-187. О подозрениях в адрес Флакка в Риме, хотя и без указания причины, писал еще В. Шталь (1907, 38).

Wilsdorf 1878, 113; Neulmann 1884, 30; Ihne 1886, 16; Wiehn 1926, 38; Ehrenberg 1935, 189, 192. Г. Берве пишет о Сертории и вовсе как о преторе Ближней Испании (Berve 1929, 219).

Spann 1987, 39; Garcia Morà 1991, 383; Beltran Lloris 1990, 215— 217; Konrad 1994, 87-83; Гурин 2001, 111. X. Сантос Янгуас знает об упомянутых надписях, но все равно пишет о пропретуре Сертория (Santos Yanguas 2009, 181).

Ехир. 7. 47-48Z. Возможно, это происходило как раз во время консульских выборов (Scardigli 1971, 242).

Schur 1942, 166; Hinard 1985b, 173.

Salmon 1964, 75; 1967, 382-383; Frier 1971, 601, п. 85.

Это подтверждает наблюдение Ф. Сантанджело, что в 84—83 гг. Сулла вел себя уже иначе, чем в 88 г. Однако аргументация ученого, как представляется, неудовлетворительна — он приводит в пример переписку Суллы с сенатом и переговоры со Сципионом, но и в 88 г. тот также принимал посольства от сената. Разницу исследователь видит в том, что в 88 г. это привело лишь к отсрочке решающего столкновения, т. е. исходные цели не менялись (Santangelo 2018, 197-198). Но и в 84—83 гг. имело место то же самое — обмен письмами с сенатом оказался лишь пропагандистской акцией, переговоры же со Сципионом привели не к соглашению, а к переманиванию Суллой на свою сторону армии неприятеля. А вот соглашение с италийцами, не учтенное Ф. Сантанджело в данном контексте, свидетельствовало о значительной корректировке Суллой позиции, занятой им в 88 г.

Это следует из того, что именно Филипп проведет операцию по захвату Сардинии (Liv. Per. 86; Münzer 1930, 1565-1566). Поэтому можно усомниться в оценке Филиппа как «умеренного» (Hinard 2011, 64) — он оставался таковым только до тех пор, пока считал это выгодным.

И это — несмотря на знаки благорасположения, которые выказывал Верресу Карбон (Cic. Verr. II. 1. 34 — правда, Цицерон утверждает, будто Карбон был очень недоволен, что ему назначили квестором ленивого и расточительного Верреса, но насколько верны его сведения на сей счет, учитывая, что они содержатся в речи, где последний являлся объектом обвинения, сказать трудно).

Geizer 1923, 1694; Badian 1962, 60; Keaveney 1984, 143. На это указывает тот факт, что Катилина был женат на сестре Мария Гратидиана (Schol. Bern, ad Lucan. II. 174 U), но в 82 г. он принял активное участие в гражданской войне на стороне сулланцев (см. ниже). М. Гельцер связывает его поведение с позицией Помпея, поскольку Катилина входил в состав военного совета при его отце в 89 г. (CIL I². 709. 11; Geizer 1912, 1694).

Cichorius 1922 173. Обычно считается перебежчиком Лукреций Афелла (Офелла) (MRR II, 72; Gabba 1958, 233; Badian 1962, 60; Keaveney 2005a, 117), однако чтение *Marianarum (...) partium proditor* (Veil. Fat. II. 27. 6), на котором основывается такая точка зрения, лишь одно из возможных. Впрочем, учитывая его последующую судьбу, это вполне вероятно. Предполагается также переход на сторону Суллы принцепса сената Л. Валерия Флакка (Schur 1942, 161, Anm. 4; Frier 1971, 597; Hinard 1985a, 121), поскольку его не было среди жертв Мария Младшего и Дамасиппа в 82 г. (см. ниже), однако само по себе это еще ничего не доказывает.

Pozzi 1913/1914, 667; также см. Gardner 1919, 3-4; Pareti 1953, 603; Gabba 1958, 230-231; Seager 1994, 192.

Несомненно, консул 81 г., которого не следует путать с претором того же года (Münzer 1900, 1297; MRR II, 71; Gruen 1966, 385-387).

Keaveney 2005a, 117; Letzner 2000, 237 (Плутарх (Sulla 28.8) сообщает о том, что лагерь Долабеллы находился неподалеку).

Этот пункт точно идентифицировать не удастся, но весьма вероятно, что он находился на пересечении *Vila Latina* и *via Labicana*, из-за чего именно здесь и было дано сражение (Gardner 1919, 5, п. 1 from p. 4).

Э. Поцци допускает, что Марий атаковал войско Суллы в тот момент, когда оно разбивало лагерь (Pozzi 1913/1914, 667).

Высказывалось мнение, что этот сюжет восходит к Гомеру (Одиссей, засыпающий уже в виду Итаки: Нот. Od. X. 31-34; Valgiglio 1960, 137; Ghilli 2001, 451). Аналогичную историю передают об Октавиане накануне сражения с Секстом Помпеем при Навлохе (Suet. Aug. 16.1), которое он, в отличие от Мария, выиграл.

Plut. Sulla 27. 8-15. По Евтропию, погибло 15 тысяч воинов Мария (V. 8. 1), по Орозию, чьи данные восходят к Клавдию Квадритарю, — 25 тысяч (V. 20. 6).

Аппиан (BC. I. 87. 398) выражается невнятно: *σπεῖραι πέντε πεζῶν καὶ δύο ἰππέων*. Вслед за ним многие ученые столь же неконкретно пишут о пяти когортах пехоты и двух - конницы (Neumann 1881, 581; Gardner 1919, 5; Lovano 2002, 124; Keaveney 2005a, 117), не смущаясь тем, что в кавалерии когорт не было. В. Ине говорит об «эскадронах», В. Шур — об алах, Э. Поцци — о турмах (Ihne 1879, 378; Schur 1942, 168; Pozzi 1913/1914, 667; о турмах идет речь и в переводе С. А. Жебелёва: Аппиан 1998, 354); последнее представляется наиболее вероятным.

Р. Гарднер считает абсурдным сообщение об уничтожении всех или почти всех людей Мария (Gardner 1919, 6, п. 1), но если они действительно оказались прижаты к стене, то это вполне вероятно. Нельзя, впрочем, исключить, что в окружение попали далеко не все воины Мария.

App. BC. I. 89. 397-400. Поэтому Дж. Бэйкер не прав, говоря, что самниты вступили в войну позже, уже после битвы при Сакрипорте (Baker 1927, 250). Вернее сказать, что позже начали действовать главные силы самнитов.

Liv. Per. 88; Veil. Pat. II. 27. 4; App. BC. I. 88. 402; de vir. ill. 68.4; Oros. V. 21. 8.

Э. Габба признает это лишь в отношении потерь Мария (Gabba 1958, 231).

И. Калаби пишет просто о просулланском источнике (Calabi 1950, 296), не оговаривая его возможную связь с мемуарами Суллы.

См. Plut. Sulla 28.14; Calabi 1950, 296.

Предположительно на севере Пицена (Strachan-Davidson 1902, 89).

Возможно, именно тогда перешел на сторону врага Веррес (Gabba 1958, 232).

App. BC. I. 88. 401. В переводе С. А. Жебелёва не вполне удачно передано как «Метеллу передались уцелевшие в битве пять когорт» (Аппиан 1998, 354).

App. BC. I. 88. 401. Дж. Лич объединяет это упоминание с рассказом Плутарха (Rom. 7.6.) о победе конницы Помпея над марианцами (Leach 1978, 26).

М. Пьегдонь ошибочно относит гибель Сцеволы Понтифика ко времени взятия Рима Цинной и Марием (Piegdon 2014, 37).

См. также: Diod. XXXVIII. 17. Согласно Веллею Патеркулу (II. 26. 2), избиение произошло во время битвы при Сакрипорте (*dum ad Sacriportum dimicatur*), а у других авторов и вовсе до нее (Liv. Per. 86 и 87; Flor. III. 21. 21 и 23; Oros. V. 20. 4; Ensslin 1926, 451). Однако более правдоподобна версия Аппиана (Gabba 1958, 233), т. к. после разгрома Мария падение Рима стало неизбежным, и расправа с теми, кого считали изменниками, в этой ситуации была куда естественнее, чем до сражения. Нет также полной уверенности, что приказ действительно отдал запертый в Пренесте Марий; вполне возможно, что решение приняли Дамасипп и другие марианцы, находившиеся в Риме.

935

Согласно Веллею Патеркулу (II. 26. 2), курии Гостилия.

Drumann 1902, 394; Ihne 1879, 379, Anm. 2; Ковалёв 1986, 393; Чеканова 2005, 179. При этом С. И. Ковалёв пишет об уничтожении «всех еще уцелевших там (в Риме. — А. К.) сулланцев», а Н. В. Чеканова ошибочно считает Брута и Дамасиппа разными лицами.

Badian 1962, 60; Bulst 1964, 327-328; см. также: Lovano 2002, 126.

К. Стил отмечает неясность того, стали ли причиной гибели четырех сенаторов личная вражда, их желание сдать Город Сулле (каким образом?) или сочетание этих факторов, но считает, что сдержанное отношение Сцеволы к марианцам «очевидно» — он не захотел инаугурировать нового фламينا Юпитера и, по-видимому, посодействовал срыву выборов консула-суффекта в 84 г, (Steel 2013, 104 + п. 102). В принципе весьма вероятно, что великий понтифик не являлся приверженцем марианцев, однако приведенные аргументы явно неудачны — ни о том, ни о другом в источниках сведений нет.

Как предполагается, тремя колоннами — по *via Labicana*, *via Latina* и *via Praenestina* — повторение маневра Мария в 87 г., который позволил ему отрезать Рим от снабжения по морю (Gabba 1958, 234).

App. BC. I. 88. 406. По мнению М. Ловано, причиной голода была блокада со стороны сулланцев (Lovano 2002, 126), однако вряд ли они располагали для этого необходимыми силами. Скорее сама полная опасностей обстановка войны мешала нормальному снабжению.

App. BC, I. 89. 407. О занятии Суллой Рима см. также: Liv. Per. 87.

А. Кивни пишет, что по иронии судьбы погибшие четыре сенатора могли бы уцелеть (Keaveney 2005a, 118). Однако очевидно, что их для того и убили, чтобы они не смогли присоединиться к Сулле, а потому марианцы и поспешили с расправой.

Возможно, туда же были вывезены мастера монетного двора, продолжившие в Пренесте чеканку (Assanmaker 2016, 104).

Ф. Инар объясняет такую меру нехваткой денег у Суллы (Hinard 1985b, 179), однако это, очевидно, была обычная репрессалия. О финансовых трудностях у Суллы во время гражданской войны источники не сообщают (см. Lovano 2002, 122).

Ф. Пина Поло по недоразумению относит ее ко времени диктатуры Суллы (Pina Polo 1996, 17, Anm. 42).

Из слов Аппиана (loc. cit.) αὐτός (Σύλλας. — А. К.) δ'εἶσω παρήλθεν следует, что Сулла вступил в Город, но как проконсулу ему нельзя было пересекать померий, если он не хотел терять империй. Нарушение обычая поставило бы Суллу в один ряд с его врагами, да и особой нужды в этом не было, т. к. он мог действовать через своих уполномоченных. Вероятнее всего, *contio* состоялась на том же Марсовом поле (Hinard 1985b, 179).

Согласно Э. Поцци, одна часть наступала по *via Clodia* на Сатурнию; вторая (во главе с самим Суллой) по *via Cassia* на главную базу Карбона — Клузий; третья под командованием Красса, двигаясь по *via Amerina*, должна была атаковать Г. Каррината близ Сполетия и обеспечить Сулле контроль над *via Flaminia* (Pozzi 1913/1914, 672)

948

Видимо, к северу от Вольсиний (Gabba 1958, 236).

App. BC. I. 89. 409; Spann 1987, 43; Lovano 2002, 127.

Аппиан приписывает этот жестокий приказ Карбону (BC. I. 89. 409). Однако он мог просто не знать имени марианского командира и назвал вместо него имя консула, которому тот подчинялся. Сам Карбон лишь приближался к тем местам. У. С. Мессер явно ошибочно относит этот эпизод к числу военных мятежей в Риме (Messer 1920, 171).

App. BC. I. 89. 409-410; Lovano 2002, 128.

Liv. Per. 88; App. BC. I. 89. 412; вероятно, эту же битву имеет в виду Веллей Патеркул (II. 28. 1; Fröhlich 1900, 1547; Keaveney 2005a, 208, п. 17). Ливий, правда, пишет о победе Суллы, но налицо явное преувеличение (Gabba 1958, 237-238). О. Линден объясняет это расхождение тем, что Аппиан пользовался трудом Посейдония (Linden 1896, 19).

Высказывалось мнение, что после победы над Карриноматом Красс стал контролировать всю область между Клузием и *via Flaminia* (DeKnatel 1901, 5).

Plut. Crass. 6.6. Плутарх пишет, что Красс присвоил львиную долю добычи, захваченной в городе, о чем даже, по некоторым сведениям, доложили Сулле (очевидно, подразумевается, что тот спустил ему это с рук).

Реконструкция Э. Габбы, датирующего битву июнем 82 г. Хотя у Аппиана эта баталия описана после сражения при Югузии, она, видимо, произошла еще до него (Pozzi 1913/1914, 672-673; Gabba 1958, 238)

Очевидно, в Сполетии (Gabba 1958, 238; Ward 1977, 60; Angeli Bertineili 1993, 339; Keaveney 2005a, 120).

Л. Парети считает, что речь идет не о Неаполе, а о *Castrum Novum* в Пицене (Pareti 1953, 606 + п. 2), но текст Аппиана, как представляется, не дает оснований для таких выводов (Gabba 1958, 235).

П. Гринхол пишет, что это намного больше, чем имел Сулла на момент высадки в Италии (Greenhalgh 1980, 18), однако нам неизвестна степень укомплектованности этих легионов, не говоря уже о том, что боеспособность их воинов была куда ниже, чем у закаленных ветеранов Суллы.

Pozzi 1913/1914, 677; Pareti 1953, 606; Gabba 1958, 239. По другой, менее вероятной версии, это произошло в Умбрии (Gardner 1919, 9).

С. Дж. Крисантос формулирует причину мятежа более широко — воины начали утрачивать веру в победу марианцев (Chrissanthos 1999, 60).

961

В какой связи находился этот человек с Гуттой (или Гуттами), о котором упоминает Цицерон (Cluent. 71, 75, 78, 98, 103, 127; Q. г. III. 8. 6), неясно (Münzer 1912, 1952).

П. А. Брант считает, что речь идет о 14 легионах, т. к. легион состоял из 5000 воинов (Brunt 1971, 443-444). Но не исключено, что в эти 70 тысяч входили и вспомогательные части. Кроме того, весьма вероятно, что цифры Аппиана преувеличены (Gabba 1958, 240), причем значительно (Pozzi 1913/1914, 673, п. 1).

По видимому, при этом Сулла, не имея сил самостоятельно перекрыть проход, взаимодействовал с Афеллой (Pozzi 1913/1914, 675—676; Lovano 2002, 127). Рассказ Аппиана не вполне ясен и допускает различные толкования (см. Gabba 1958, 240-241).

Согласно Аппиану (BC. I. 91. 418), вместе с Норбаном при Фавенции был разбит и Карбон, что обычно принимается учеными (Long 1866, 346-347; Mérimée 1883, 180; Neumann 1881, 584; Linden 1896, 47 Münzer 1949, 1029; Paretì 1953, 607; Keaveney 2005a, 129), но уже давно было высказано резонное возражение, согласно которому консул лишь направил подкрепления Норбану (см. Pozzi 1913/1914, 677-678, п. 1).

Klebs; 1894, 1314; Gabba 1958, 243; Seager 1994, 194; Keaveney 2005k
120.

App. BC. I. 91. 420-421. По Аппиану, с Альбинованом вел переговоры сам Сулла. Но Сулла, судя по всему, находился в это время южнее, а потому более вероятно, что речь идет о Метелле Пие, Сулла же назван здесь просто как олицетворение своей *factio* (Pozzi 1913/1914, 678; Pareti 1953, 607; Gabba 1958, 243; Steel 2013, 106).

А. В. Цумпт писал о битве при Фиденции как *Carbonis pugnae* (Zumpt 1859, 45), хотя Квинций вполне мог быть легатом Норбана (иначе см. MRR II, 82).

М. Анджели Бертинелли пишет о 7000 воинов у Лукулла и 25 300 у врага (Angeli Bertinelli 1997, 380), забывая о том, что когорты вряд ли имели полную численность. Подобное соотношение сил само по себе вызывает сомнения.

Орозий сообщает о гибели более 10 тысяч марианцев (V. 20. 8). Эпитоматор Ливия приписывает победу Сулле (рег. 88), но он, очевидно, назван здесь просто в качестве верховного главнокомандующего войсками антимарианского лагеря.

Этот рассказ приводится Плутархом в повествовании о событиях в 83 г., но относится к 82 г. (Gabba 1958, 245; иначе см.: Gardner 1932, 272). Аппиан пишет, что сражение произошло при Плаценции, однако, как указывалось, Фиденция находилась не так далеко от нее, а потому одно другому не противоречит. Расхождение иногда объясняют тем, что Фиденция являлась одной из баз сулланцев, тогда как Плаценция — марианцев; Аппиан отражал марианскую традицию, тогда как авторы, писавшие о Фиденции, — сулланскую (Linden 1896, 63, п. 71; Ensslin 1926, 455). Иногда считается, что М. Лукулл выиграл две битвы, под Плаценцией и Фиденцией, но это вряд ли верно (см.: Gabba 1958, 245).

App. BC. I. 92. 424; Gabba 1958, 244-245; Keaveney 2005a, 121.

По-видимому, он наступал на Клузий из Умбрии (Gabba 1958, 246).

Вероятно, именно к этой битве относится сообщение Веллея Патеркула (II. 28. 1) о победе неких «двух Сервилиев» над марианцами под Клузием (Geizer 1942, 29; Gabba 1958, 246).

Возможно, через проход в Альгиде (Gardner 1919,14), т. к. Аппиан пишет о неких στενά. По другой версии, речь идет о группе небольших ущелий или проходов вокруг Пренесты (Lewis 1971,39).

Gardner 1919, 16; Gabba 1958, 246-247; Angeli Bertinelli 1997, 386; Keaveney 2005a, 121. По другой версии, войска Суллы шли по *via Praenestina* (Malden 1886, 108; Lewis 1971, 39).

Видимо, недалеко от Бовилл (Pareti 1953, 609; Gabba 1958, 246).

Веллей Патеркул (II. 27. 1) определяет их численность в 40, Евтропий (V. 81 1) — в 70, Орозий (V. 20. 9) — в 80 тыс. чел. Цифра Аппиана совпадает с данными Евтропия, но относится к более раннему времени.

Плутарх (Sulla 29.8) пишет о самнитах и луканах, пришедших с этими военачальниками, но с Гуттой, как предполагает Т. Моммзен, явилась часть гарнизона Капуи (Моммзен 1994, 238), у Р. Льюиса речь просто о капуанцах (Lewis 1971, 36).

Gabba 1958, 247. Марий же между тем получал новую возможность совершить попытку прорыва блокады Пленесты (Seager 1994, 194).

Моммзен 1994, 234. Это лишает актуальности рассуждения ученою о бессмысленности захвата Рима, после которого самниты луканы и марианцы были бы разбиты. Х. Мадден, предполагавший, что от Рима на следующий день после разгрома Суллы и Красса, если бы таковой произошел, «не осталось бы камня на камне» (Malden 1886, 109; см. также: Моммзен 1994, 240), не учитывал, что главной задачей противников Суллы на тот момент являлась деблокада Пренесты, не говоря уже о том, что марианцы оказали бы активное сопротивление подобным планам италийцев, имея они место.

Скорее всего, по *via Praenestina* (Malden 1886, 108; Gabba 1958, 24t; Lewis 1971, 39; Keaveney 2005a, 122).

Plut. Sulla 29.6; App. BC. I. 93. 428; Malden 1886, 108; Fröhlich 1900, 1547; Gabba 1958, 247; Hinard 1985b, 184; Keaveney 2005a, 122; Angeli Bertinelli 1997, 387.

Плутарх (Sulla 29.8) пишет ο σχεδόν... δεκάτην, тогда как (Эрозий (V. 20. 9) — ad horam diei nonam (Fröhlich 1900, 1548; Gabba 1958, 248; Angeli Bertinelli 1997, 387).

Plut. Sulla 29.9; Ward 1977, 63; Angeli Bertinelli 1997, 387. По мнению К. Декнателя, Сулла командовал левым флангом (Deknatel 1901, 6), что может относиться лишь ко второму этапу сражения, когда Сулле, по-видимому, пришлось переместиться туда для выправления ситуации (см. Angeli Bertinelli 1997, 387).

γέροντες. Вероятно, это были ветераны Суллы, оставленные им в Городе еще после битвы при Сакрипорте (Gabba 1958, 248; Hinard 1985b, 186).

Аппиан (BC. I. 93. 430) пишет о закрытии ворот с помощью машины (τάς πύλας καθήκαν ἀπό μηχανής), однако речь, по-видимому, о подъемной решетке (Gabba 1958, 248).

App. BC. I. 93. 430. По мнению Э. Габбы, речь идет о тех сенаторах, которые погибли в конном бою еще до генерального сражения (Plut. Sulla 29.5; Gabba 1958, 249). Текст Аппиана такого толкования, как представляется, не допускает.

Очевидно, к этому моменту относится и фрагмент «Истории» Саллюстия (I. 42) о ночном бегстве сулланцев (Maurenbrecher 1893, 17).

Веллей Патеркул (II. 27. 3) пишет о том, что «лишь в первом часу ночи войско воспрянуло духом» (post primam demum horam noctis et Romana acies respiravit).

Malden 1886, 109; Keaveney 2005a, 209, n. 28.

По словам Веллея Патеркула (loc. cit.), Понтия нашли полуживым (*Telesinus postera die semianimis repertus est*) и отрубили ему голову, но неясно, обезглавили его уже после того, как он испустил дух, или перед этим.

Попытка отождествить Альбина с кампанцем Гуттой (Linden 1896, 64, 67) не представляется убедительной (Münzer 1912, 1952).

Аппиан, напротив, вообще не упоминает Красса, что А. Гарцетти считает неудивительным в силу краткости его рассказа (Garzetti 1996, 79). Добавим, что Аппиан, в отличие от Плутарха, не называет в рассказе о битве при Коллинских воротах ни одного из командиров Суллы.

Marshall 1976, 14. Тем не менее в литературе нередко принимается версия Плутарха (Ihne 1879, 385 + Anm. 4; Geizer 1926, 297-298; Garzetti 1996, 79; Ward 1977, 63-64; Christ 2002, 110; Fündling 2010, 111). Иногда всерьез повторяются и сведения Аппиана о 50 тысячах павших с обеих сторон (BC. I. 93. 432: θάνατος ἐκ τοῦδε τοῦ ἔργου πέντε μυριάδων ἐδόκει γενέσθαι παρ' ἀμφοτέρων) (Fündling 2010, 113 (с оговоркой angeblich; Piegdoh 2014, 45) или только со стороны италийцев (Schur 1942, 175), хотя на сомнительность этих цифр в историографии указывалось уже давно (см. Long 1866, 355; Евтропий (V. 8. 1) дает понять, что погибло 58 тысяч врагов Суллы, а Орозий (V. 20. 9) пишет и вовсе о 80 тысячах). К. Стил допускает, что рассказ о том, как битва едва не закончилась катастрофой для Суллы, восходит к его мемуарам — диктатор хотел показать, что самниты стремились разрушить Рим (Steel 2013, 106, п. 105). Теоретически это возможно, но скорее в отношении версии Аппиана, нежели Плутарха, у которого решающая роль в удачном исходе сражения отводится Крассу, Сулла же просто пользуется плодами его успеха.

995

Лампоний бежал (App. BC. I. 93. 431) и позднее погиб при неизвестных обстоятельствах (Plut. Sulla 42.15).

Vell. Pat. II. 27. 3; App. BC. I. 93. 433; Dio Cass. Fr. 109.4. Иногда утверждается, будто Дамасипп погиб в бою (Neumann 1881, 587; Seager 1994,195), однако из Саллюстия (Cat. 51. 32 и 34) определенно следует, что он был казнен Суллой (Münzer 1919, 1025-1026).

Пренеста сдалась, видимо, в середине ноября 82 г. (Gabba 1958, 250-251).

Датировка падения Норбы неизвестна, его относят и к 82 (Циркин 2006, 229), и 81 г. (Gabba 1958, 252), и к рубежу 82—81 гг. (MRR, II, 71).

Обычно считается, что это был консул 78 г. Марк Эмилий Лепид (Long 1866, 353; Neumann 1881, 588; Gabba 1958, 252; Циркин 2009, 227), хотя с равным успехом это мог быть и консул 77 г. Мамерк Лепид (Badian 1962, 53).

Любопытно, что Нолу осаждал во время Союзнической войны еще сам Сулла, а в отношении осажденной союзниками Эзернии он предпринимал деблокирующие действия (Fröhlich 1900, 1529-1530; Letzner 2000, 117, 124; Keaveney 2005a, 41-43).

Моммзен 1994, 241; Long 1866, 363; Christ 2002, 111. Эпитоматор Ливия упоминает Волатерры последними из городов, оказывавших сопротивление Сулле (рег. 89). Поэтому Ю. Б. Циркин (2009, 227) явно ошибается, когда пишет, что война в Италии прекратилась после взятия Норбы.

1002

Моммзен 1994, 241. Волатерры находились на высоком отвесном холме, подъем на который составлял 15 стадиев (Strabo V. 2. 6).

С. Дж. Крисантос предполагает, что убийство произошло во время *contio*, о чем свидетельствует отсутствие у воинов оружия, в связи с чем они, видимо, и воспользовались камнями (Chrissanthos 1999, 60).

Val. Max. IX. Mil. Rom. 7. 3; Gran. Lic. 32F; Chrissanthos 1999, 60. Т.
Моммзен считал, что Карбон руководил всей осадой (Моммзен 1994, 241),
но в источниках об этом не говорится.

Т. Моммзен считает, что речь шла о защитниках города вообще (Моммзен 1994, 241), но конструкция фразы Гранин Лициниана (32F) подразумевает именно проскриптов (*proscriptos ex oppido dimiserunt, quos équités a consulibus Claudio et Servilio missi conciderunt*). По мнению немецкого ученого, именно уступчивость Карбона в отношении осажденных вызвала гнев воинов, но мы не знаем, он ли руководил осадой.

1006

Liv. Per. 82; Memno. 34.1; Plut. Sulla 20.1; App. BC. I. 75. 346; Mithr. 5L205.

App. Mithr. 64.265; Brunt 1971, 441. X. Фолькман пишет, что больше Италия дать не могла (Volkman 1958, 29), но в 83—82 гг. она выставила против Суллы отнюдь не два легиона, и посему вероятнее, что италийцы просто устали от войн, а циннанцы не решились оказывать на них нажим. Примечательно также, что Цинна не отправился сам, а поручил командование Флакку, считая, очевидно, свое пребывание в Риме куда более важным — похоже, ни в 86, ни в 85 гг. он вообще не покидал Города (Pina Polo 2011, 246).

Wiehn 1926, 12; Meier 1966, 233. Тем не менее Х. Фолькман полагает, что именно это и должен был сделать Флакк (Volkman 1958, 29-30).

К. Майер склонен принять эту версию (Meier 1966, 233). Э. Вин считает, что скорее речь шла о равноправном сотрудничестве (Wiehn 1926, 12).

Sherwin-White 1984, 142; Lovano 2002, 98-99; Новичков 2007, 20-21.

В историографии не раз высказывалась точка зрения (к ней присоединился и автор этих строк), согласно которой армии Суллы и Флакка даже противостояли друг другу близ Мелитеи, но затем будущий диктатор ушел (Моммзен 1994, 215; Neumann 1881, 559; Reinach 1895, 179; Короленков, Смыков 2007, 227). Однако Плутарх (Sulla 20. 1-2) пишет лишь о том, что Сулла двинулся навстречу Флакку, а когда достиг Мелитеи, узнал о действиях Дорилая, но не о том, что сюда же подошли войска консула-суффекта. Таким образом вопреки безапелляционному утверждению Ю. А. Новичкова (2007, 27, прим. 41), обратившего внимание на эту ошибку, будто «решительно невозможно понять, на чем базируются такие предположения», дело в вольном толковании текста Плутарха.

Должность, которую Фимбрия занимал при Флакке, источники определяют по-разному: *legatus* (Liv. Per. 82; de vir. ill. 70.1; Oros. VI. 2. 9), *praefectus equitum* (IVell. Pat. II. 24. 1), ταμίης (Strabo XIII. 1. 27), ύποστράτηγος (Dip Cass. Fr. 104. 1). Квестором было другое лицо (App. Mithr. 52. 207; Dio Cass. Fr. 104. 4). Praefectus equitum Веллея не исключает занятия должности легата (Lintott 1971a, 698; X. Муньис Коэльо сомневается в приложимости этого термина к Фимбрии: Muniz Coello 1995-1996, 269; иначе см. Ballesteros Pastor 1996, 161), а термин Диона весьма неконкретен. Аппиан пишет о том, что Фимбрия был «частным лицом (ιδιώτης)» и последовал за Флакком «по его дружескому приглашению (ώς φίλω κελεύοντι συνεληλυθώς)», т. е., вероятнее всего, в качестве легата (Münzer 1909, 2599; MRR II, 56). Попытка Э. Линтотта доказать, что Фимбрия все же был квестором (Lintott 1971a, 696-701), представляется малоубедительной (см. Новичков 2008, 34-36). 1

1013

О гибели Флакка близ Никомедии (apud Nicomediam) пишет и Орозий (VI. 2. 9).

Следует, помимо прочего, отметить, что в ряде источников Флакк на момент гибели именуется консулом (Strabo XIII. 1. 13; Plut. Luc. 7(2; 34.3; Sulla. 23.11; App. Mithr. 52.209; Oros. VI. 2. 9), хотя куда более правдоподобным выглядит сообщение наиболее близкого к событиям хронологически Веллея Патеркула (II. 23. 2; 24.1) о Флакке в конце жизни, как о консуляре (Münzer 1955, 30).

1015

Иначе см., например: Münzer 1955, 29-30.

1016

Его членами, вероятно, являлись Л. Фанний и Л. Магий, которые впоследствии вели переговоры о союзе между Митридатом и Серторием (Oros. VI. 2. 12: Fannius et Magius de exercitu Fimbriae).

Μεμνο 34.2 (речь о назначении Фимбрии консулом, ὑλατείαν αὐτῷ ψηφίσθηναι διελράσατο, т. е., очевидно, о передаче ему командования и облечении его проконсульскими полномочиями: Ballesteros Pator 1991, 162; Muniz Coello 1995-1996, 270, 274. Э. Линтотт называет упоминание о консулате «странным» и считает, что Фимбрия стал pro quaestore pro praetore (Lintott 1971a, 701 ; Piccirilli 1997, 282-283, 293), однако это представляется куда более странным, чем предположение, что Фимбрия стал проконсулом. Дж. Мэйджи считал это ошибкой, указывая также на неконкретность выражения *imperium ad Fimbriam translatum* в Liv. Per. 82 (Magie 1950, II, 1109, п. 54). Т. Рейнак полагает, что Фимбрия обратился к сенату с просьбой назначить его проконсулом и получил согласие (Reinach 1895, 187). Второе представляется более вероятным, поскольку в противном случае Фимбрия и его окружение, не собиравшиеся идти на союз с Суллой, оказывались в политическом вакууме. А. В. Коптев (2019, 128) пишет, что «версия о признании сенатом единоличного командования Фимбрии и избрании его консулом была сочинена для внутреннего пользования в провинции». Точка зрения, в высшей степени парадоксальная: жители провинции признавали Фимбрию (как и Суллу) командующим безо всяких версий, исходя просто из того, что на его стороне была сила.

По выражению Л. де Блуа, Фимбрия был villain, but a loyal Marian (Le Blois 2000, 19). Г. О. Бернхардт предполагал, что причиной убийства Флакка стал его переход на сторону Суллы, но эта гипотеза никак не подтверждается источниками (Münzer 1909, 2600).

Х. Муньис Коэльо без ссылок на источники утверждает, что успехи Фимбрии одни восприняли с восторгом, а других они повергли в отчаяние (Muniz Coello 1995-1996, 274). Вторых, думается, было совсем немного.

Plut. Luc. 3.4-8; Oros. VI. 2. 10. Аппиан (Mithr. 52.210), также сообщающий об осаде Питаны и бегстве оттуда Митридата, о переговорах с Лукуллом ничего не пишет. Согласно Mithr. 56. 226, последний получил приказ от Суллы отправляться в Абидос, в связи с чем высказывалось мнение, что о предложении он уже узнать не мог (Piccirilli 1997, 283 со ссылкой на М. Виллорези). Орозий (VI. 2. 10) подчеркивает, что Лукулл предпочел гражданским раздорам заботу о благе государства (*civilibus discordiis curam rei publicae praetulisset*). А. Кивни оправдывает поведение Лукулла тем, что циннанцы не были законной властью (Keaveney 1992, 27), однако Фимбрию в этой ситуации не смутило, что Сулла был объявлен *hostis*, поскольку Митридат вел войну с Римом как таковым независимо от того, кто там находился у власти.

1021

Bennett 1923, 52. Также см. Geizer 1926, 379.

Обусловленный, как полагают, предварительными инструкциями Суллы на сей счет (Magie 1950, 1, 228; Ballesteros Pastor 1996, 176). Думается, что Лукулл и без них поступил бы точно так же, подчиняясь логике гражданской войны.

Рассуждения М. Гельцера о том, будто Лукулл поступил так в силу своей порядочности (Geizer 1926, 379), предполагают слишком специфическое понимание этого качества. Ж. Каркопино всерьез утверждает, что Лукулл, как и прочие римские аристократы, считал, будто в интересах пресыщенного завоеваниями Рима было подчинить Митридата, а не уничтожить царя и захватить его державу (Bloch, Carcopino 1935, 426). Это явная передержка. Митридат перебил тысячи римлян в ходе эфесской резни, что требовало отмщения (т. е. физического устранения царя), которое было возможно лишь в случае пленения понтийского властителя. К каковому и привели бы совместные действия Фимбрии и Лукулла (правда, Митридат мог покончить с собой, но это также решало вопрос о мести). Аннексия Понта для этого не требовалась.

Между прочим, во многом Сулла воспользовался результатами усилий Фимбрии, поскольку именно после его победы над понтийцами при Риндаке положение Митридата стало критическим (см. Sherwin-White 1984, 144).

Sherwin-White 1984, 145. Правда, указание А. Н. Шервин-Уайта в качестве параллели на резню италийцев, устроенную Югуртой, не вполне удачно, поскольку Митридат расправлялся с римскими гражданами.

Об этом прямо пишет Аппиан (Mithr. 54.217), указывающий на нужду Суллы в деньгах и кораблях, которые ему Митридат в итоге и предоставил. Точно так же, как и Серторию (Plut. Sert. 24.3), коалиционный характер соглашения с которым сомнений не вызывает (Гуленков 1998, 60). Любопытно, что инициатором переговоров, согласно Мемнону (35.1), выступил сам Сулла, а не Митридат, как утверждается в других источниках (Plut. Sulla 22. 3-4; App. Mithr. 54. 215; Sherwin-White 1984, 145, n. 59).

Sherwin-White 1984, 144. Как резонно предполагает английский ученый, речь шла о восстановлении *status quo ante* — сам Плутарх невнятно пишет о предложении «оставить Азию и Понт (ἀφέντα τήν Ασίαν καί τόν Πόντον)», хотя об оставлении Митридату Азии не могло идти и речи, а до Понта Сулла не дошел. Аппиан просто пишет, что Архелай просил Суллу предложить «справедливые условия (τά δίκαια)» (Mithr. 54.216).

1028

Видимо, осенью 85 г. (Reinach 1895, 202), а не в 84 г. (Neumann 1884, 569).

По словам Плутарха, воины Фимбрии, выходя из лагеря в одних туниках (и, очевидно, без оружия), приветствовали солдат Суллы и помогли им в возведении вала (Sulla 25.2; Ghilli 2001,431, п. 580).

Обычно считается, что речь идет о консуле 105 г. Рутилии Руфе (Reinach 1895, 201; Meyer 1910, 384 + Anm. 1; Münzer 1914, 1276; Lovano 2002, 100 + n. 70; правда, К. Нойман пишет о Рутилии как об «офицере», не идентифицируя его с консулом 105 г.: Neumann 1881, 570). Против этого выдвинул возражения Г. Беннет, по мнению которого, вряд ли Рутилий в его примерно 70 лет покинул бы безопасную Смирну ради встречи с несимпатичным ему Суллой (Bennett 1923, 56, n. 99). Однако о его неприязни к последнему в источниках речи не идет, а отказ принять предложение Суллы о возвращении в Рим ничего не доказывает, поскольку Рутилий мог поступить так по каким угодно причинам, тем более что не вернулся он и после смерти диктатора, хотя еще в 75 г., похоже, был жив (Münzer 1914, 1276).

1031

App. Mithr. 59-60; Diod. XXXVIII. 8. 4; Liv. Per. 83; Strabo XIII. 8. 27;
Veil. Pat. II. 24.1; Plut. Sulla 25.1-3; auct. de vir. ill. 70.4; Oros. VI. 2.11.

Например, на мемуарах Рутилия Руфа (Münzer 1914, 1277-1278; Meyer 1910, 384, Анн. 1; Calabi 1950, 293). В пользу этого говорит, кстати, не только участие Рутилия в переговорах с Фимбрией, но и в целом уважительное отношение к твердости духа последнего, понятное в глазах стойка, однако общей отрицательной оценки Фимбрии не отменяющее. Вполне возможно использование и воспоминаний Суллы.

М. Н. Фаца склоняется к тому, что именно это обстоятельство, а не отсутствие желания сражаться с согражданами, отбило у фимбрианцев охоту сопротивляться (Faszczka 2014, 120). В целом это так, но нельзя не заметить, что и сулланцы, имевшие немалый перевес над врагом, отнюдь не жаждали боя.

1034

Это единственный известный нам наместник Сардинии в рассматриваемый период (Brennan 2000, 481).

83 г.: Lovano 2002, 93; 83 или 82 г.: Crawford 1974,1, 79; 82 г.: MRR II, 67; Rowland 1966, 414; Brennan 2000, 379, 481, 587; Mastino 2005, 101.

Crawford 1974, I, 379. Высказывалось предположение, что чеканенные им монеты изготавливались из серебра, конфискованного из храмов по инициативе Мария Младшего (Rowland 1966, 414), однако это возможно лишь в том случае, если он был претором действительно в 82 г.

Liv. Per. 86: *L. Philippus legatus Syllae Sardiniam 0. Antonio praetore pulso et occiso occupavit.* По мнению А. Мастино, это произошло уже после битвы при Коллинских воротах (Mastino 2005, 10), что крайне маловероятно — о поражении и гибели Антония сообщается в перифразе 86-й книги, а о битве при Коллинских воротах — 88-й.

Cic. Verr. II. 5. 8; Diod. XXXVII. 2. 13-14. Любопытно, что явно не симпатизировавший Норбану Цицерон все же признает его заслуги (Münzer 1929, 929).

Отсутствие источников позволяет констатировать лишь то, что Норбан мог покинуть Сицилию в любой момент рассматриваемого периода (Vadian 1964b, 86), но, конечно, до своего консульства в 83 г. (Prag 2007, 302).

Münzer 1937b, 897; MRR II, 67; Keaveney 1982b, 125. М. Ловано более осторожно пишет, что 82 г. — лишь самая поздняя из возможных датировок претуры Перперны (Lovano 2002, 91, п. 30).

1041

Badian 1958, 269, п. 3; также см. Hinard 1985a, 392.

По мнению некоторых исследователей, он мог стать наместником уже в 85 г. (Brennan 2000, 588; Prag 2007, 303).

Б. Перрин вообще оставляет без перевода слово τετραχωμενας: he (Pompey. — A. K.) *recovered the cities there* (Plutarch's Lives 1967, 137). Дж. Прэг считает, что речь идет о дурном обращении Перперны с городами Сицилии (Prag 2007, 303).

Важность этого признавала и противная сторона, ставя это, правда, в заслугу исключительно Помпею, что нашло отражение у Цицерона: [*Porapeius Siciliam*] *non terrore belli sed consili celeritate explicavit* (De imp. Сп. Помп. 30).

1045

Münzer 1937b, 898; см. намек на это: Plut. Romp. 20.3.

А. В. Коптев (2016, 130) считает, что имели место две кампании Помпея на Сицилии — против Карбона и против Перперны. Однако в них не было необходимости — Перперна не оказала сопротивления, да и поимка Карбона, судя по источникам, много времени не потребовала. Вызывает также удивление трактовка им слов Евтропия (V. 9. 1) *occiso ergo Carbone Scilium Pompeius recepit* таким образом, что в награду за убийство Карбона Помпей получил Сицилию от Суллы в управление (Коптев 2018, 55). Хотя очевидно, что речь просто об отвоевании острова у марианцев (см. ниже).

1047

В русском переводе Аппиана (ВС. I. 96. 449) ошибочно передано как «Корсика» (Аппиан 1998, 359).

Очевидно, уже после бегства Перперны (Gabba 1958, 261).

К. Стил ошибочно пишет, что это был Брут Дамасипп (Steel 2013, 111).

1050

Liv. Per. 89; Val. Max. VI. 2. 8; Plut. Pomp. 10. 4-6; Flor. III. 21. 26; App. BC. I. 96. 449; 96. 458; Eutr. V. 8. 2; Seager 2002, 27. А. Б. Махлаюк (2014, 72, прим. 29) ошибочно пишет, будто Карбон был казнен в Африке.

Также см. Liv. Per. 89. Триумф Помпей справил, скорее всего, над Нумидией (см. ниже), чтобы подать его как празднование победы над внешними врагами, но при Цезаре Нумидия была превращена в провинцию *Africa Nova*, что и могло привести к смешению названий (см. Циркин 2007, 310).

Broughton II, 70; Leach 1978, 28; Girardet 2001, 163-165; Southern 2002, 32; Циркин 2007, 311. По мнению Т. К. Бреннана, Помпей был *legatus pro praetore* (Brennan 2000, 390, 543), однако в источниках о его легатстве нигде речи не идет.

Girardet 2001, 163-164. А. В. Коптев (2013, 92-94) попытался доказать, что на самом деле Помпей занимал должность претора Сицилии, иначе он не получил бы триумф. Его точка зрения была убедительно опровергнута О. В. Любимовой (2014, 82-83). Недавно А. В. Коптев развил свою точку зрения еще в трех статьях (Коптев 2016, 119-136; 2019, 129-139; Коптев 2018, 47-68), однако он так и не смог удовлетворительно объяснить слова Цицерона (*de imp. Pomp.* 61-62) о том, что первые свои триумфы Помпей праздновал, будучи всего лишь всадником, т. е. не занимал прежде магистратур, дававших право на вхождение в сенат. Предположение ученого, будто изначальный текст речи отличался от опубликованного, ничего не меняет, т. к. в любом случае оратор публично отрицал занятие Помпеем упомянутых должностей, чего, естественно, не решился бы сделать, если бы полководец успел побывать претором (Короленков 2017, 111).

1054

Циркин 2007, 311 (в связи с этим пропретора Помпея именуется чрезвычайной).

Прямо в источниках об этом не сказано, но то, что Метелл Пий оказался в 84 г. в Африке, позволяет предполагать, что он находился там после падения Рима, благо наверняка имел связи в тех краях еще со времен Югуртинской войны (Münzer 1897, 1222; Gsell 1928, 278; Ooteghem 1967, 181; Соçкуп 2004, 102, Анро. 2; Ładoń 2018, 196). Ж. ван Отегем — по-видимому, ошибочно — пишет о пребывании Метелла в Африке с 86 г., хотя Цинна и Марий взяли Рим в 87 г., а Р. Эванс (1997, 82, п. 28) уже к 86 г. относит изгнание Метелла из тех краев Фабием Адрианом (!).

Ливий (per. 84) применительно к 84 г. называет его претором, тогда как Псевдо-Асконий (241 St.) приводит наряду с этой версией, согласно которой он был легатом. Исследователи принимают первый вариант (MRR II, 60; Münzer 1909, 1771; Ootegem 1967, 181; Lovano 2002, 95).

Münzer 1897, 1222; Gsell 1928, 279; Ooteghem 1967, 181. К. С. Маккей допускает, что Метелл жил в середине 80-х гг. за пределами померия, сохраняя империй, но воздерживаясь от политической деятельности, и отбыл в Африку лишь после смерти Цинны (Маскау 2000, 188, п. 87).

Хотя Р. Смит явно считает именно так (см. Smith 1958, 17).

Правда, в перифразе 84-й книги Ливия говорится, что Метелл Пий держал сторону оптиматов, когда шла война в Африке (*Q. Metellus Pius, qui partes optimatum secutus erat, cum in Africa bellum moliretur*). Но здесь вполне могут подразумеваться только боевые действия в 84 г., когда он и был изгнан из Африки.

Ж. ван Отегем считает 85 г. последним годом пребывания Метелла в Африке (Ooteghem 1967, 191), М. Ловано допускает его наряду с 84-м (Lovano 2002, 95). Однако прежде следовало бы показать, что хронология периодов Ливия, действительно, не всегда надежная, в данном случае также неверна: о гибели Цинны (84 г.) говорится в рег. 83, о действиях Фабия Адриана — в рег. 84.

П. Романелли представляет дело так, будто Метелл еще до 84 г. собрал «довольно большое войско», чтобы сражаться на стороне Суллы против марианцев (Romanelli 1959, 91). И хронология, и мотивация вызывают сомнения — вполне возможно, что в тот момент Метелл еще не решил, чью сторону примет, допуская компромисс в дальнейшем.

Некоторые ученые пишут о легионах Метелла — в порядке гипотезы (Santalupi 1899, 68), а то и безо всяких оговорок (Cassorino L947, 122), что вряд ли приемлемо.

App. BC. I. 80. 365; Моммзен 1994, 233; Münzer 1897, 1222; Carcopino 1947, 122; Ooteghem 1967, 191). Л. Парети, однако, считает, что он сначала побывал в Лигурии, а потом появился в Африке, откуда было гораздо удобнее присоединиться к Сулле на юге Италии (Pareti 1953, 596, п. 1). Но в этом случае неясно, где же находился Метелл до весны 83 г., когда в Италии высадился Сулла. Если Метелл действительно преодолел путь от Африки до Лигурии, то это лишний раз подтверждает немногочисленность его отряда. Что касается утверждения М. Ловано об отбытии Метелла после поражения от Фабия в Нумидию к Гиемпсалу (Lovano 2002, 95), то неясно, на каких источниках оно основано.

1064

См. Ward 1977, 61; Antonelli 1995, 60.

Т. Ладонь также склонен объяснять конфликт Метелла и Красса осторожной позицией первого и стремлением к активным действиям второго (Ladon 2018, 197).

См. Cic. Verr. II. 1. 70; Lovano 2002, 95. П. Романелли пишет также о его жестокости (Romanelli 1959, 92), но в источниках об этом речи не идет.

Cic. Verr. II. 1. 70; Diod. XXXVIII. 11; Liv. Per. 86; Val. Max. IX. 10. 2; Ps.-Ascon. 24.. St.; Oros. V. 20. 3. К. Декнателъ ошибочно пишет о том, что Африку освободил от Фабия Адриана Помпей (Deknatel 1901, 6). Весьма спорна также точка зрения П. Романелли, который считает случившееся просулланским выступлением (Romanelli 1959, 92) — ничто в источниках на это не указывает.

Ф. Мюнцер считает, что Агенобарб бежал в Африку только после битвы при Коллинских воротах (Münzer 1905, 1327). Но это не более чем догадка, основанная на хронологически туманном сообщении Плутарха (Rom. 10.1) о вторжении туда Домиция, и ничто не мешает отнести приезд Домиция к более раннему времени и считать преемником Фабия (Southern 2002, 34), убитого еще до сражения при Коллинских воротах. Первое, судя по эпитамам, было описано в 86-й книге Ливия, второе — в 88-й.

На основании Schol. Bob. 103 (ad Cic. Sest. 130) считается, что марианские силы сосредоточились в районе Клупеи (Gsell 1928, 280; Ooteghem 1954, 62), Однако в указанных схолиях сказано лишь о победе Помпея над Домицием и «беглыми жителями Клупеи (*post oppressum Domitium Clupeanosque fugitives*)», что отнюдь не обязательно указывает на Клупею как на центр сосредоточения армии Домиция. Вполне возможно, что в его армии был просто отряд жителей Клупеи, особо выделявшийся боеспособностью и/или многочисленностью, а потому и отмеченный в источнике.

По мнению М. Гельцера, без его помощи войска Домиция не представляли бы собой серьезной силы (Geizer 1942, 30). В. Друман считает, что большинство воинов Домиция составляли нумидийцы наряду с местными жителями (Drumann 1908, 339).

С учетом 7 тыс. недавно перешедших на сторону неприятеля воинов, первоначальную численность армии Домиция и Ярбы ученые определяют в 27 тыс. чел. (Drumann 1908, 339; Miltner 1952, 2071; Leach 1978, 30). Однако отнюдь не очевидно, что у марианцев и нумидийцев не было других отрядов. По-видимому, ядро этих сил (независимо от их численности) составляли войска, собранные еще Фабием Адрианом (Brunt 1971, 451; Роша 1981, 33).

У Плутарха (Ромр. 12.3) и Орозия (V. 21. 13) Домиций Агенобарб гибнет в бою, тогда как Валерий Максим сообщает об обвинениях Помпея в казни Агенобарба, брошенных в лицо полководцу неким Гельвием Манцией (VI. 2. 8), который вряд ли стал бы публично говорить явную неправду. В то же время версия, согласно которой марианский военачальник пал в сражении, устраивала и сторонников Помпея, ибо снимала с него обвинения в жестокости, и его противников, поскольку была почетной для Агенобарба (Münzer 1905, 1327-1328).

Geizer 1926, 296. Плутарх ошибочно пишет о страхе перед жестокостью Мария (Crass. 4.2), который к тому времени уже умер, а потому речь может идти лишь о его «партии» (Angeli Bertinelli 1993, 333). М. Ловано ошибочно пишет о прибытии Красса в Испанию в 87 (Lovano 2002, 80), М. Пьегдонь — в 86 г. (Piegdori 2014, 37), Дж. Антонелли — в 84 г. (Antonelli 1995, 56).

А вовсе не нарастали, как говорит применительно к этим событиям М. Пьегдонь (Piegdori 2014, 37).

Иначе см. Romanelli 1959, 91. Слова К. Декнателя о том, что Красса накануне отъезда в Испанию преследовали воины Мария (Ecknatel 1901, 2), можно воспринимать, по меньшей мере, как неточность — Марий к тому времени уже умер, да и о воинах у Плутарха ничего не говорится. До прибытия в Испанию Красс, видимо, жил где-то в Италии (Keaveney 1984, 130).

Дж. Антонелли, обративший внимание на то, что Красс предпочел ехать не в Грецию, а в Испанию, объясняет это тем, что путешествие в сторону Пиренейского, а не Балканского полуострова вызвало бы куда меньше подозрений (Antonelli 1995, 56).

Поэтому, думается, нет достаточных оснований говорить о пребывании Красса в изгнании, как это делает Г. Хилл (1932, 174); А. М. Уорд более осторожно пишет о self-imposed exile (Ward 1977, 48, п. 11).

1078

«Неизвестная величина», по выражению А. Кивни (1987, 183).

Э. Бэдиан допускает, что Г. Флакк стал примерно с этого времени управлять еще и Дальней Испанией (Badian 1964b, 96).

Поэтому вряд ли прав Э. Бэдиан, по мнению которого, ситуация, описанная в Plut. Crass. 6, свидетельствовала о том, что в Дальней Испании не было ordered government (Badian 1964b, 104, п. 163).

А. В. Цумпфт (1859, 45-46) ошибочно пишет, что единственное сообщение о Галлии при марианцах — Plut. Serf. 7, хотя у Плутарха в этом месте о Галлии не говорится.

1082

Long 1866, 450; Holmes 1923, 139; Короленков 2003, 104.

Cic. Font. 6; 45. Т. Броутон относит легатство М. Фонтея в Дальней Испании к 81 г. (MRR II, 78), что вряд ли верно — Цицерон (Font. 6) указывает, что оно имело место в то время, когда Сулла вступил в Италию с войском (*Hispaniensis legatio consecuta est turbulentissimo rei publicae tempore, cum adventu L. Sullae maximi exercitus in Italiam*), т. е. в 83 г. (Spann 1987, 185, п. 9).

Plut. Seit. 6. 5-6; Rijkhoek 1992, 178-187. Речь идет, возможно, о живших в Пиренеях церретанах (Schulten 1926, 41), но столь же вероятно, что имеются в виду обитатели Альп салассии, заставившие в 43 г. заплатить за проход через свои земли Децима Брута (см. Strabo IV. 6. 7 ; Konrad 1994, 87).

Сообщение Аппиана о поддержке Сертория кельтиберами в 82—81 гг. принимают и другие ученые (Biehkowski 1891, 136; Stahl 1907, 37; Schulten 1926, 44; Gardner 1932, 320; иначе см. Гурин 2001, 35-36).

Gabba 1958, 228; Pareti 1953, 658, п. 1; Meister 2007, 216.

Rijkhoek 1992, 186-187; см. также: Stahl 1907, 37; Neumann 1884, 24; Schulten 1926, 41; Scardigli 1971, 244; Гурин 2001, 33. Обычная в этом случае ссылка на то, что, имея много воинов, Серторий не стал бы платить варварам, неубедительна — в горах продвижение крупных сил может задержать и небольшой отряд. Куда вероятнее другая причина — в условиях гражданской войны в Италии Серторию много сил выделить и не могли (Brunt 1971, 470; Гурин 2001, 33). Обращает также на себя внимание то, что соратники Сертория возражали против выплаты варварам, ссылаясь на его проконсульский ранг, носителю которого не подобает идти на такие уступки (Plut. Sert. 6.6), но не на многочисленность его войска. Ф. О. Spann предполагает, что Серторий взял с собой не менее легиона — он считает это возможным в силу проведения Карбоном и Марием нового призыва, да и сам Серторий успел набрать 40 когорт (Spann 1987, 40, 185, п. 2). Однако после столкновения с консулами он вряд ли получил бы от них серьезные силы, которые к тому же были куда более нужны для операций в Италии.

В источниках о просулланской позиции Г. Валерия Флакка не говорится (Lovano 2002, 83).

1089

Вероятнее всего, уже в марте (см. Meister 2007, 219 + Anm. 1112)

Oros. V. 21. 3. Тогда же, как предполагается, его объявили в Риме *hostis publicus* (Spann 1987, 103; Beltran Lloris 1990, 222). Однако на тот момент, как представляется, необходимость в этом отсутствовала, ибо для достижения соответствующих целей вполне достаточно было внести его в проскрипции.

MRR II, 77. К. Нойман (1881, 589) по недоразумению пишет о Г. Валерии Флакке (правильно — Neumann 1884, 24-25). Впрочем, Д. Вильсдорф вполне серьезно предполагал, что Флакка еще до Анния Сулла посылал в Испанию против Сертория, но успеха тот не добился (Wilsdorf 1878, 117). Однако эта точка зрения была не без основания отвергнута учеными (Biehkowski 1891, 141; Stahl 1907, 39).

Очевидно, не менее двух легионов (Gardner 1932, 320; Brunt 1971, 470), что с учетом вспомогательных войск предполагает численность примерно в 20 тыс. чел.

Сложив численность этого отряда с 6000 воинов Ливия, иногда определяют силы Сертория в 9000 человек (Schulten 1926, 44-45; Ooteghem 1954, 98), однако в число тех, кто отплыл с Серторием, могли входить и люди Салинатора. И наоборот, у него могли быть и иные части, в источниках не упомянутые (Гурин 2001,43).

Согласно не лишённому оснований предположению В. Ине, к этому времени Серторий уже заключил союз с пиратами, что и сделало возможной его эвакуацию (Ihne 1886, 17, Anm. 1).

Некоторые ученые писали о Сертории как о наместнике только Дальней Испании (Drumann 1908, 362; Wilsdorf 1878, 113), что не просто не подкрепляется данными источников, но и противоречит здравому смыслу. В этом случае Серторий не мог бы, как мы видели, контролировать проходы в Пиренеях (Meister 2007, 216, Anm. 1091). Кроме того, после вражеского прорыва он бежал в Нфвий Карфаген (Plut. Sert. 7.4), где находилась резиденция наместника Ближней Испании.

Wiehn 1926, 38; Berve 1929, 219; ГуриH 2001, 38; Christ 2002, 111.

Badian 1964b, 96; Spann 1987, 41; Rijkhoek 1992, 187.

Утверждение Э. Бэдиана, будто источники единодушно сообщают о власти Сертория над всей Испанией (Badian 1964b, 96), явно ошибочно, поскольку Экуперанций пишет только о Hispania Citerior, Аппиан, как уже говорилось, явно путает события 82 и 80 гг. (кстати, его упоминание о поддержке Серторием кельтиберов, может относиться только к ближней провинции), а у Плутарха не говорится о власти над обеими испанскими провинциями.

Гурин: 2001, 42-43. Ф. Майстер отмечает, что на этот момент не прослеживается массовой поддержки Сертория и со стороны испанских племен (Meister 2007, 218).

Mitchell 1979, 80; Letzner 2000, 321; Morstein-Marx, Rosenstein 2006; 632; Assenmaker 2014, 146.

Syme 1939, 13, 26, Ж. Эллегуар видит в *dignitas* социальное понятие, показывающее, каким должно быть поведение человека, находящегося в определенной ситуации, и обозначающее соответствие действия личности того, кто совершает его в данных обстоятельствах (Hellegouarc'h 1963, 391).

Недаром Ж. Эллегуар в разделе, посвященном этому понятию (Hellegouarc'h 1963, 388-420), о Сулле и связанном с ним материале не упоминает. Если мемуары диктатора были написаны по-гречески, то это отчасти объясняет, почему данный термин не попал в дошедшую до нас латинскую литературу.

Поэтому вряд ли можно утверждать, что общество было глубоко шокировано ссылками Суллы на данное обстоятельство (см. Morstein-Marx, Rosenstein 2006, 632) — думается куда больше их возмущал сам факт взятия Рима войсками консула уверенно говорить о том, что Цезарь в этом отношении являлся прямым наследником Суллы (Assenmaker 2014, 146) применительно к 88 г. тоже вряд ли корректно, оговорка «возможно» здесь представляется необходимой.

Это признает даже симпатизирующий Сулле А. Кивни (2005а, 89).

Версия, согласно которой Сулла спешил возвратиться в Италию, чтобы избавить ее от марианской тирании (Flor. III. 5. 12; de vir. ill. 76.5), возникла явно уже после окончания гражданской войны (см. Sherwin-White 1984, 145).

Многие авторы принимают рассказ о попытке убийства Суллы по приказу Фимбрии (Long 1866, 314; Neumann 1881, 569-570; Reinach 1895, 201; Fröhlich 1900, 1543; Baker 1927, 231), но чаще этот сюжет просто обходят молчанием.

1107

Возможно, речь идет о времени накануне взятия Крассом Тудертии (см. Ange i Bertinelli 1993, 337).

Плутарх подает слова Суллы в неблагоприятном для Красса контексте, а сами они были произнесены *συν ὀργῆ καὶ σφοδρῶς* (Crass. 6.4), которые адресуются не только марианцам, но и Крассу. Однако вполне возможно, что последнее является уже трактовкой самого Плутарха, тогда как Сулла хотел подбодрить его перед непростым походом.

1109

Как предполагается, сын плебейского трибуна 109 г. (Babelon II, 1885, 172 (трибунат Мамилия-старшего ошибочно отнесен к 110 г.); Rowland 1966, 414, п. 24; Crawford 1974,1, 375, 377).

1110

Babeion II, 1885, 172; Sydenham 1952, 119, № 741; Crawford 1974, I, 375, 377, № 362.

1111

Sydenham 1952, 42, № 369; Crawford 1974, I, 219, № 149 (1a, 2a); Luce 1968, 39.

1112

Возвращение Мария: Мэттингли 2005, 72; Суллы: Luce 1968, 39; Thein 2002, 68; Assanmaker 2016, 105.

Rowland 1966, 413. Исследователь также указывает, что Лиметан был сыном популяра предыдущего поколения, плебейского трибуна 109 г. (также см. Crawford 1974, I, 377), а его фамилия имела, по-видимому, тесные связи в Этрурии (Rowland 1966, 414, п. 24). Однако рассуждения о популярстве в данном контексте лишены оснований, потому что Лиметан лишь провел закон о преследовании тех, кто подозревался в получении взяток от Югурты. Причем председателем соответствующей комиссии стал принцепс сената Марк Эмилий Скавр, недруг тех, кого обычно называют популярами; напомним также, что во главе римской армии в Нумидии встал Метелл Нумидийский, который может именоваться популяром и того менее (Sali, lug. 40. 1-2 и 4; 43.1). В этих условиях считать действия Мамилия чем-то сугубо «популярским» не приходится — речь шла об обычной борьбе сенатских группировок. Что же до связей с Этрурией, которая весьма активно сопротивлялась Сулле, то они, во-первых, лишь предполагаемые, а во-вторых, само по себе это еще ничего не доказывает.

82—81 гг.: Sydenham 1952, 119, № 741; 82 г.: Crawford 1974,1, 375, № 362; Luce 1968, 39. Э. Баблон (II, 1885, 172) явно ошибочно относил денарий Мамилия к 84 г.

Удивляться этому не приходится, поскольку *clementia* подразумевала прощение низшего высшим (Ramsey 2007, 215), что слишком прозрачно намекало бы на стремление Суллы возвыситься над согражданами.

Э. Бэдиан считает обещание новым гражданам анахронизмом, взятым из мемуаров Суллы — ведь договор о закреплении за ними их прав будет заключен не ранее конца 83 г. (Badian 1962, 57-58). Однако ничего удивительного в том, что Сулла сначала дал предварительное обещание, а закрепил его в виде договора уже позднее, нет — это отнюдь не связывало руки будущему диктатору, т. к. неугодных можно было потом под разными предложениями не включать в соглашение.

Асконий (64С) в русле той же традиции пишет, что Сульпиций с помощью насилия завладел государством (*per vim rem p. possedisset*), связывая именно с этим, а не с маршем Суллы на Рим начало гражданской войны (Straumann 2016, 78).

Тем не менее это сообщение Плутарха принимается многими учеными (Neumann 1881, 516; Plaumann 1913, 364; Passerini 1934, 138; Heredio Chimeno 2015, 261). К. Стил пишет, что хотя Сулла действовал без одобрения сената, легко представить, как мог быть сформулирован тот аргумент, что сенат находится во власти Сульпиция (Steel 2013, 123). Именно такой аргумент Плутарх (очевидно, вслед за своим источником), как видим, и приводит.

Plut. Sulla 10.6. Иногда допускается, что вся эта сцена является плодом вымысла антициннанской пропаганды (Lanzani 1915, 5-6; Carney 1961a, 58, п. 266; Gruen 1968, 229, п. 69), однако такой скептицизм вряд ли основателен.

Latte 1960, 122, Anm. 4. Иногда описанную церемонию считают своего рода предвосхищением клятвы на верность *acta Caesaris* (Weinstock 1971, 222; Katz 1976b, 544). По мнению П. Каньяра, это клятва фециалов, нарушение которой превращало Цинну в *sacer* (Cagniat 1986, 380-381).

App. BC. I. 77. 350-352; 79. 360-362. Строго говоря, Цинна клятвы и не нарушал, поскольку предложил не восстановить старый закон, а издать новый (Bispham 2007,194-195; Kendall 2013, 487). Это верно в том случае (впрочем, весьма вероятном, см. выше, с. 118), если Цинна и Октавий присягали на верность законам вообще, а не законам Суллы и Помпея Руфа.

Frier 1969, 187, 193, n. 3; Crawford 1974, I, 373, № 359; Ramage 1991, 102; Stewart 1997, 170. Э. Баблон явно ошибочно датировал эти монеты 87 г. (Babeion I, 1885, 405-406), Э. Сайденхэм — 82—81 гг. (Sydenham 1952, 124, № 760-761).

Сулла, похоже, был первым из представителей своей фамилии, на чьих монетах изображена Венера — предположение о том, что на носу корабля на семесе П. Суллы, дяди диктатора, мы видим голову Венеры (Crawford 1974, I, 250; Sear 2000, 213, № 854), достаточных оснований под собой не имеет.

Urceus или gut(t)us, как иногда предполагают (см., напр., Berthelet 2013, 2). Категорические возражения против такой трактовки см. Drummond 2008, 392, п. 112.

Любопытно, что еще раньше появляется этот титул (оск. *embratur*) на монетах вождя самнитских повстанцев Г. Папия Мутила (Martin 1989, 25 + п. 8). Титул *imperator iterum* не имеет для того времени аналогов и в эпиграфике (Assenmaker 2013, 255).

Badian 1968, 26-146. См. также: Crawford 1974, I, 374; Keaveney 1982a, 152-154; Hinard 2008, 10-11.

Э. Рэмидж повторяет эту мысль, но считает, что Сулла имел авгурские полномочия, т.е. *eo ipso* сан авгура (Ramage 1991,103) — если только автор не смешивает полномочия авгура и право на ауспиции. Т. Дж. Люс прямо пишет, что имелся в виду авгурат самого Суллы, который намекал на незаконное лишение его марианцами (Luce 1968, 37).

Babelon II, 1 885, 177 (81 г.); Sydenham 1952, 124, № 756-759 (8281 гг.); Crawford 1974, I, 386, № 367 (82 г. — по всей видимости, еще до того, как Сулла стал диктатором, см. также: Alföldi 1976, 146); Reaveney 1982a, 150-171. Недавно была высказана точка зрения, что монеты Crawford 1974, I, № 367-368 были отчеканены еще во времена Союзнической войны, в 90—89 гг. (Assenmake 2013, 263-269).

Тезис весьма сомнительный. Денарии Метелла Пия с авгурскими символами сама Р. Стюарт относит к 84—81 гг. (Stewart, 1997, 179), а М. Крофорд и вовсе к 81 г. (Crawford 1974,1, 390, № 374), т. е. ко времени, когда в Риме властвовал уже Сулла, а потому Металл в подтверждении своих полномочий уже не нуждался. Неизвестно, впрочем, сохранял ли он их в 81 г., однако, во-первых, это все же не исключено, а во-вторых, монета могла быть отчеканена уже после взятия Суллой Рима в 82 г. Кроме того, к 71 г. относят ауреи Помпея с теми же авгурскими символами (Crawford 1974, I, 412-413, № 402), а в это время его империй никаких сомнений не вызывал, и в Риме у власти находились отнюдь не только его недруги.

Martin 1989, 24-32; Assenmaker 2013, 256; так считал в свое время еще М. Крофорд, позднее отказавшийся от этой датировки (Crawford 1964, 151). Подобную возможность допускал и Э. Бэдиан (1968, 38-39).

Stewart 1997, 170-189. См. также: Frier 1969, 195, п. 18; Crawford 1974 I, 373; Keaveney 1982a, 160; Ramage 1991, 103.

Drummond 2008, 391-392, 402. Совмещение понтификата с авгуром противоречило республиканской традиции и началось, по-видимому, лишь с Цезаря (Berthelet 2013, 7, 17-18).

Как к проконсулу обращались к Сулле в то время и греческие общины (Делос: CIL I². 711-721 = ILLRP 349-350; Wosnik 1963, 75). П. Ассанмаке считает, что императорский титул на монетах Суллы подразумевал скорее обладание империем, а не императорскую аккламацию (Assenmaker 2013, 252). Однако такое мнение представляется достаточно умозрительным.

1134

Эта монетная серия, как предполагается, продолжила традицию Мария, подхваченную и другими полководцами (Itgenshorst 2005, 107).

Christ 2002, 209. См. также: Keaveney 1983a, 46 + п. 8.

Garcia Morâ 1999, 84-85. Следует отметить, что второе из этих знаменей могло восприниматься и как дурное, особенно у эллинов (см. со ссылками на источники: Angeli Bertinelli 1997, 318; Ghilli 2001, 335, п. 157).

Что касается сна Суллы перед маршем на Рим, в котором богиня Мабеллона вручила ему молнии и велела поразить его врагов, а те падали и исчезали, пораженные перунами (Plut. Sulla 9. 7-8; С. Марастони отмечает, что в этрусской традиции выделялось 12 видов молний (Sen. Nat. II 49. 2), ровно столько же своих недругов Сулла объявил *hostes* (Marastoni 2008, 328-329). Неясно, однако, осознавал ли Сулла эту параллель. Но он, по словам Плутарха (Sulla 9.8), рассказал об этом сне лишь своему коллеге Помпею Руфу, а не воинам, и потому о пропагандистском эффекте в данном случае говорить явно не приходится.

Plut. Sulla 27. 6-7; Aug. De civ. Dei. II. 24. Ср. эпизод с военным трибуном, вынесшим венок Сулле накануне битвы при Херонее, что также воодушевило полководца (Plut. Sulla 17. 9-19; Carcopino 1947, 103).

1139

Plut. Sulla 27. 3-4; Keaveney 1983a, 53.

А. Кивни отмечает также, что это единственный случай неблагоприятного для Суллы знамения, о котором античные авторы сохранили сведения (Keaveney 1983a, 76, п. 154). Не исключено, что источником для данного сюжета были мемуары самого диктатора (Smith 2009, 71); правда, Плутарх не ссылается здесь на них, как в других случаях, но вряд ли это что-то доказывает, учитывая вольность писателя при изложении материала.

δύο τράγοι (Plut. Sulla 28.8). В другом чтении, перекликающемся с описанием битвы призраков на Тифатской равнине у Обсеквента (Prod. 57) и Августина (De civ. Dei. II. 25), — δύο στρατοί. Однако оно плохо сочетается с дальнейшим указанием Плутарха на то, что животные подражали движениям людей (α ουμβραίνει μαχομένοις άνθρώποις), что было бы неуместно в отношении воинов (Angeli Bertinelli 1997, 378; также см. Noble 2014, 194).

Plut. Sulla 27.3. Впоследствии (очевидно, во время своей диктатуры) Сулла даровал земельные угодья храму Дианы Тифатской (CIL X. 3828 = ILS 251).

Valgiglio 1960, 165-166; Angeli Bertinelli 1997, 403. Г. Берве относит их рождение к 89 г. (Berve 1966, 380), что полностью исключить нельзя, хотя и менее вероятно.

А. Альфельди вспоминает в этой связи Дионисия I, назвавшего своих дочерей Софросиной, Дикеосиной и Аретой (Alföldi 1976, 148-149).

Или очень редкими (Eckert 2016, 49). Аппиан (BC. I. 97. 452) утверждает, будто сам Сулла носил когномен *Faustus*, однако это явная ошибка (Gabba 1958, 265; Angeli Bertinelli 1997, 403; Ghillj 2001, 480, п. 811). Тем не менее она встречается и в новейшей литературе (см. Чернышов 1994, 121).

Plut, Sulla 34.3; App. BC. I. 97. 452. У Аппиана ошибочно говорится об объявлении Суллы Фавстом, а не Феликсом (слова, близкие по значению, но не идентичные). У Плутарха это происходит после триумфа, т. е. уже в 81 г., у Аппиана — в конце 82 г., что представляется более верным (см. Balsdon 1951, 4).

Не говоря уже о том, что этот эпизод мог быть плодом саморекламы Суллы в мемуарах (Eckert 2016, 57), хотя Валерий Максим (I. 2. 3) и Фронтин (Strat. I. 11. 11) утверждают, будто Сулла сделал это демонстративно на глазах у войска. Это вполне возможно, как, впрочем, и то, что они могли понять с рационалистических позиций рассказ о молитве полководца Аполлону.

Crawford 1974,1, 387, № 369. Э. Сайденхэм относит денарий Метелла к 85 г. (Sydenham 1952, 113, № 719). Если это так, то либо мы видим, что кое-кто из Метеллов ужился с новой властью, либо монета была отчеканена не в Риме. Впрочем, датировка М. Крофорда представляется более вероятной.

Crawford 1974, II, 732. Янус на реверсе асса 82 г. (Sydenham 1952, 125, № 767; Crawford 1974, I, 387, № 368) пропагандистского значения не имел, будучи обычным изображением для этих монет (см. Sear 2000, 30). Бюст Меркурия на аверсе денария Мамилия Лиметана с Улиссом на реверсе (если верна его трактовка Т. Дж. Люсом) связан с фамильными легендами Мамилиев (Мэттингли 2005, 59; Luce 1968, 38).

Alföldi 1976, 149. Это подтверждает идею Дж. Балсона о том, что не стоит преувеличивать значение Венеры для Суллы (Balsdon 1951, 1-10).

1151

Sydenham 1952, 111, 112, № 713, 715; Crawford 1974, 1, 357, № 346, 1 a
—i.

1152

Crawford 1974,1, 357, № 346, 2 а; Assanmaker 2016, 109.

1153

Именно на силе убеждения Цинны акцентирует внимание (в отличие от Веллея Патеркула и Ливия) Аппиан (BC. I. 66. 300; Lovano 2002, 36)

Sydenham 1952, 113, № 721-721d; Crawford 1974, I, 364, № 350a. Имена монетариев восстанавливаются по монограммам VER, GAR и OGV. М Крофорд полагает, что Вергилий (Вергиний) — это плебейский трибун 87 г., а Гаргоний — оратор, упоминающийся у Цицерона (Brut. 180). Однако следует иметь в виду, что применительно к тому времени известно о четырех Гаргониях (Rowland 1966,410), и в пользу любого из них серьезных доказательств нет.

1155

Sydenham 1952,184, № 600-600a; Crawford 1974,1, 327, № 325.

1156

См. Latte 1960, 149, 152; Itgenshorst 2005, 38.

Были, конечно, и выпуски с прямыми указаниями на победу Мария над варварами — например, денарии Гая Фундана (Crawford 1974,1, 328i № 326).

Sydenham 1952, 117-118, № 737; Crawford 1974, I, 377, № 363. Как считается, это «репродукция» статуи Марсия на Форуме (Reinach 1915, 322; Karossy 1965, 74). На голове у Марсия иногда (явно ошибочно) усматривают *pileus* (Reinach 1915, 337; Tibiletti 1962, 352-353).

Каросси 1965, 75-76; Small 1983, 77-83. Правда, ссылка Дж. Смолла на то, что Марсий исполняет авгурский ритуал, неудачна, поскольку винный мех на плече в таком случае явно неуместен (Santangelo 2016b, 61, п. 59); более убедительны ссылки Б. Каросси на Сервия, например, что именно в свободных, а не податных и союзных общинах было изображение Марсия (*in liberis civitatibus simulacrum Marsyaе erat*) (Aen. III. 20; также см. IV. 20; Каросси 1965, 76, Anm. 16).

1160

Gagé 1955, 392; *propaganda «filomarsa»*, по выражению Ч. Летты (1979, 76).

1161

Karossy 1965, 78-79; см. также: Tibiletti 1962, 352, 358, Ann. 37.

А. Рейнак полагал, что Марции Цензорины видели в Марсии своего предка (Reinach 1915, 322).

1163

Liv. XXV. 12. 2-9; Small 1982, 86-88.

Karossy 1965, 78. Следует отметить, что М. Крофорд на этот аргумент, противоречащий его выкладкам, не отреагировал.

На это очевидное обстоятельство указывает Ф. Сантанджело (2016b 54).

1166

Santangelo 2016b, 55. При этом сам ученый какого-либо позитивного решения предложить не решается (2016b, 67).

Ф. Сантанджело, подробно рассмотревшему различные трактовки изображения на анализируемой монете (Santangelo 2016b, 50-68), статья Т. Дж. Люса осталась неизвестной.

Впрочем, не исключено, что на колонне стоит не Виктория, а Сивилла (Small 1982, 89). Если это так (что, впрочем, не очевидно), то трактовка Т. Дж. Люса обретает еще большую убедительность, ибо Сивилла — олицетворение судьбы, т. е. страшной участи, ждущей Марсия (=Суллу).

1169

Судя по всему, это была первая монетная серия марианцев (Crawford 1964, 143).

1170

Sydenham 1952, 110, № 712; Crawford 1974, I, 363, № 349.

1171

Sydenham 1952, 79, № 574-575; Crawford 1974,1, 320, № 313.

А. Альфельди усматривает параллель в ее изображении на монетах Г. Вибия Пансы (Alföldi 1974b, 39), о которых см. ниже.

1173

Sydenham 1952, 112, № 717; Crawford 1974,1, 367, № 351.

1174

Sydenham 1952, 115, № 726-728; Crawford 1974, I, 368, 369, № 352 (lb), 353 (2).

1175

Т. е. из принадлежавшего государству серебра. Возможно, эти монеты были отчеканены из египетских денег, доставленных в 86 г. (Crawford 1974, II, 605).

1176

Crawford 1974, II, 605; Lo Cascio 1979, 232-233.

Впрочем, еще в 89 г. Л. Титурий Сабин указал на своем денарии, что он отчеканен *ex argento publico*: Crawford 1974, I, 352, № 344 (lc). М. Крофорд (1974, II, 605) не находит этому объяснения; однако исключить, что это была промарианская демонстрация, вряд ли возможно.

1178

Очевидно, плебейского трибуна 73 г. и историка (Babeion 1885, II, 132; Crawford 1974, I, 370; Alföldi 1974a, 226).

1179

Sydenham 1952, 116, № 732; Crawford 1974,1, 370, № 354, 1 (84 г.; датировка А. Альфельди (Alföldi 1974a, 226), 86 г., кажется менее убедительной, поскольку он, в отличие от М. Крофорда, не учитывает данных кладов).

1180

Crawford 1974,1, 309, № 269 (112 или 111 г.); 329, № 328 (100 г.); 346, № 342, 4а, 5а, 6а, 6Б (90 г.); 362, № 348 (87 г.).

М. Крофорд предположительно (Crawford 1974, I, 349), а П. Ассанмаке без тени сомнения (Assenmaker 2014, 85) пишут о том, что это приемный отец консула 43 г., позднее проскрибированный (Dio Cass. XLV. 17. 1).

1182

Sydenham 1952, 105-106, № 684-687; Crawford 1974, I, 346, № 342, 4a, 5a, 6a.

1183

Предположительно — сын консула 83 г., консул 38 г. (Crawford 1974, I, 372).

1184

Sydenham 1952, 81, № 742-742b; Crawford 1974,1, 379, № 364.

Ср. рассуждения Лисандра о необходимости подшить лисью шкуру к львиной (Plut. Lys. 7.6; Angeli Bertinelli 1997, 381; Ghilli 2011, 448, n. 660).

Чернышов 1994, 71-75; Garcia Morâ 1999, 83-90; Mastrocinque 2005, 137-142.

По мнению А. Кивни, речь идет не о гарусниках, которых Плутарх всегда называет μάντις (в Plut. Sulla 7.7 — Τυρρηνῶν δε οἱ λόγιοι), а об *Etrusci vates*, которых сенат иногда приглашал для толкования *prodigia publica* (Keaveney 1983a, 71, n. 130). Следует, однако, заметить, что μάντις их называет Диодор (XXXVIII. 5).

Поэтому не вполне понятно, почему Ф. Гарсиа Мора пишет только о Диодоре, когда проводит параллели между трубным гласом (у обоих авторов — σάλπιγγος) в его рассказе и в библейских книгах (García Morà 1999, 88).

Текст пророчества Вегойи см.: *Grom. vet.* I, 350-351 Lachmann. Его датируют либо временем реформ Гракхов, либо 91—90 гг. (обзор датировок см. Mastrocinque 2005,140, n. 17).

1190

У Плутарха истекающий век не назван восьмым и последним (Turcan 1976, 1013), хотя речь и идет именно об этом числе.

Здесь усматривается параллель с *oraculi Sibillini* и христианскими апокалиптическими текстами (Turcan 1976, 1011).

App. BC. I. 62. 282. Г. Келли сравнивает этих матрон с Porillianaе, которые выступали за возвращение из изгнания П. Попилия Лената в 120-х гг. (Kelly 2006, 73-74).

Plut. Sulla 6.22. В рукописи говорится о Вари (Ούάριον), Μάριον — конъектура Ж. Амие, принимаемая многими учеными. Однако есть и сторонники *lectio difficilior* Ούάριον, из чего следует, что речь идет о приверженцах плебейского трибуна Кв. Вария, изгнанного на основании собственного закона после смены состава судей согласно *lex Plautia iudiciaria* (Angeli Bertinelli 1997, 321 с указанием литературы).

По мнению К. Балета, это было далеко не главной целью Цинны, но могло увеличить его популярность (Bulst 1964, 309).

Согласно Ливию (III. 10. 6-7), из-за зловещих предзнаменований римляне накануне мятежа Гердония обратились к Сивиллиным книгам. Впрочем, историчность этих событий спорна.

1196

Gagé 1955, 124, 430-431. Т. Дж. Люс принимает его мнение (Luce 1968, 37, п. 62).

1197

Вероятно, последний монетарий, успевший выпустить монетную серию до взятия Рима Цинной и Марием (Lo Cascio 1979, 232).

В этих колесницах, которые можно было видеть во время *rompra circensis*, устраивавшихся эдилами, А. Альфельди видит указание на то, что Доссен был эдилом (Alfoldi 1974b, 39).

1199

Sydenham 1952, 705-708; Crawford 1974,1, 362, № 348, 1-4.

1200

Возможно, статуи могли быть поставлены также в *lares compitales*, на перекрестках улиц (Rosillo Lopez 2017, 228).

Marco Simon, Pina Polo 2000, 156; Rosillo Lopez 2017, 67. Другое различие, а именно то, что статуи Гратидиана были сброшены после победы Суллы (Plin. NH. XXXIV. 27), тогда как статуи Гракхов, как будто, такой участи избежали (Marco Simon, Pina Polo 2000, 156), думается, не столь уж важно. Об их судьбе просто неизвестно, да и очевидно, что после разгрома гракханцев их враги были вовсе не так сильны, как Сулла, захвативший власть в государстве в результате гражданской войны,

1202

Marco Simon, Pina Polo 2000, 163.

Ф. Инар уверенно пишет о падении популярности Мария Гратидиана в месяцы, предшествовавшие низвержению его статуи после взятия Рима Суллой (Hinard 1984, 307), однако это вполне могли сделать и те, кто не симпатизировал ему и ранее, пользуясь правом победителей.

Стоит напомнить, что вместе с храмом сгорели и Сивиллины книги (Dionys. Hal. Ant. rom. IV. 62. 6; Plin. NH. XIII. 88; на это же намекает и Тацит (Ann. VI. 12. 3), у которого ошибочно идет речь о Союзнической войне).

В этом смысле не вполне удачно указание Ю. Г. Чернышова (1994, 74) на то что Капитолийский храм сгорел «незадолго досулланских проскрипций» — опасались гражданской войны как таковой, проскрипции же затронули лишь часть римско-италийской верхушки.

По предположению С. Марастони, просулланская пропаганда связывала пожар с молнией Ма-Беллоны (Marastoni 2008, 328). Х. Бер проводит здесь параллель со сном Суллы перед походом на Рим на 88 г. (Behr 1993, 93).

Поэтому вряд ли верно говорить, что Сулла «не внял пророчеству» (Noble 2014, 195), не говоря уже о том, что речь, вполне возможно, идет о *vaticinium post eventum*.

Моммзен 1994, 236, 239; Машкин 1948, 239; Селецкий 1983, 154, 160;
Игнатенко 1988, 95, Shorter 1994, 38,42.

Drumann 1908, 389; Schur 1942, 160; Billows 2009, 42; Scullard 2010, 43;
Егоров 1989, 131.

1210

Моммзен 1994, 226; Last 1932, 209; Schur 1942, 136; Scullard 2010, 60; Bengtson 1995, 253; Егоров 1989, 133; Marucci 2011, 48.

1211

Sundén 1897, 21; Машкин :.948, 240; Селецкий 1983, 153; Кузицин 1993, 133; Meier 1965, 573; Утченко 1969, 34; Suarez Pineiro 1998, 445; Егоров 2009, 224.

Моммзен 1994, 236, 239; Sundén 1897, 29; Last 1932, 205; Машкин 1948, 239; Нечай 1963, 154-157; Scullard 2010, 43; Lacey 1970, 5; Селецкий 1983, 154, 160; Игнатенко 1988, 95, Shotter 1994, 38, 42; Christ 2002, 81; Егоров 2009, 221 (уточняется, впрочем, что это лишь часть их сторонников), 224; Billows 2009, 44; Marucci 2011, 48; Blösel 2015, 193.

См. также: Утченко 1965, 164; Lintott 1994, 49; Billows 2009, 118. Однако с таким отождествлением согласны далеко не все исследователи (см. обзор дискуссии: Токарев 2011, 47-49).

Gruen 1974, 50; Hellegouarc'h 1963, 505; Лапырёнок 2007, 47.

Это единственное использование Веллеем Патеркулом термина *optimates* применительно к событиям 88—82 гг., поэтому Р.В. Лапырёнок (2007, 57) явно ошибается, когда пишет, будто «историк использует понятие *optimates* преимущественно при описании гражданской войны между марианцами и сулланцами».

Егоров 2009, 219; Robb 2010, 118, 139, 140.

Правда, у Светония (Div. Iul. 1.2) Сулла изображен как человек, пекущийся об *optimatum partes*, однако это источник, слишком уж далеко отстоящий от событий, речь в указанном фрагменте идет о времени после гражданской войны, да и под оптиматами подразумеваются скорее противники Цезаря, нежели сам Сулла, который прямо оптиматом так и не назван.

Syme 1939, 22; Wirszubski 1968, 39; Lacey 1970, 6-7; Gruen 1974, 47; Shotter 1994, 27; Billows 2009, 14.

Lacey 1970, 4; Billows 2009, 14 (уточняется, что речь идет о консерваторах, но это менее очевидно).

Lintott 1994, 49; Shotter 1994, 27; Циркин 2006, 28.

То, что Цицерон называет оптиматами людей, из числа которых набирал сенаторов Ромул, или противников плебейского трибуна 232 г. Г. Фламиния (Рер. II. 23; De inv. II. 52; Hellegouarc'h 1963, 501), разумеется, не позволяет считать это терминологией столь отдаленных времен.

У нас есть только два современных событиям источника по данному вопросу — речи Цицерона в защиту Квинкция и Росция Америкского, в которых оратор, однако, обозначает врагов Суллы описательно, избегая устойчивых определений (см. Лапырёнок 2007, 30-34).

Wirszubski 1968, 39-40; Meier 1965, 549; Лапырёнок 2007, 47.

Любопытно, что Цицерон называет популярями и трибуна П. Сульпиция, и его врага, консула Кв. Помпея Руфа (Cic. Ac. II. 13; Har. resp. 43; Helleguarc'h 1963, 521). Правда, Й. Мартин отмечает, что Сульпиций нигде не назван прямо *popularis*, хотя и не раз упоминается в одном ряду с популярями (Martin 1965, 204 + Ann. 2), однако в De har. resp. 41-43 контекст практически исключает отделение трибуна от *populares*.

Mouritsen 2017, 113 (о Сульпиции именно в этом контексте). Й. Хайнрикс пишет о «неразрешенной аграрной проблеме» применительно к данному периоду (Heinrichs 2008, 265), однако полное отсутствие упоминаний о ней в источниках о событиях 80-х гг. позволяет усомниться в ее остроте.

Любопытно, что К. Майер относит Мария к популярам лишь в связи с предложенным им в 119 г. законом о подаче голосов (Meier 1965, 575). Цицерон указывает, что Мария называют популяром наряду с великими мужами прошлого, чтобы им подражать, «мятежные граждане (*seditiones cives*)» (Acad. II. 13), и Катул-младший, в чьи уста вложены эти слова, уточняет, что в данном случае *seditiones cives* не ошибаются, т. е. арпинат — такой же смутьян. Однако трудно сказать, не иронизировал ли слегка Цицерон, наверняка знавший о ненависти Катула к Марию — фактическому убийце его отца.

Поэтому трудно расценивать иначе как курьез утверждение А. Хабенштайн, будто Сулла «подавал себя как сторонник решительной антипопулярской политики» (Habenstein 2015, 197). Сам Цинна, равно как и Карбон, Фимбрия и Серторий, нигде в источниках популярами не именуется (Strasburger 1939, 786; Mouritsen 2017, 130). Э. Бисфем же, напротив, говоря о Марии, пишет, что «ни он, ни Сульпиций, ни Цинна и Карбон, с которыми тот позднее вступил в союз, и которые продолжали удерживать власть под именем “марианцев” вплоть до возвращения Суллы с Востока в 83 г., не могут быть причислены к серьезным популярским (*popularis*) идеологам» (Bisphara 2016, 92). Как, впрочем, и к популярам вообще.

Н. Н. Трухина (1986, 52) небезосновательно считает, что как политический термин, слово *optimates* появилось около 63 г. благодаря Цицерону, но быстро вышло из обихода и подзабылось, иначе оратору не пришлось бы разъяснять его смысл в 56 г. (Sest. 96). По мнению Р. В. Лапырёнка (2007, 29-50), некорректно применять термины «оптиматы» и «популярны» ко времени до заговора Катилины и после убийства Клодия. По мнению А. Н. Токарева (2011, 45), попытки доказать это «абсолютно неубедительны», но контраргументов он не приводит, что обесценивает его возражение.

Моммзен 1994, 186; Willems 1883, 104; Drumann 1902, 371; Niese 1923, 200; Baker 1927, 177-178; Schur 1942, 131; Машкин 1948, 240; Martin 1965, 203; Valgiglio 1967, 158-159; Schneider 1977, 114; Keaveney 1983b, 66-67; Егоров 1985, 53; Letzner 2000, 132; Stone 2002, 208; Циркин 2006, 50; Santangelo 2007, 6; Mackay 2009, 137, *etc.* Дж. Бэйкер даже пишет, что избрание Суллы стало ответом сената на враждебные действия Сульпиция и всадников, однако Сульпиций выступил со своими законопроектами намного позже консульских выборов на 88 г. А. Хабенштейн утверждает, что «оптиматы» добились избрания Суллы в консулы в борьбу с Сульпицием и марианцами (Habenstein 2015, 197).

Игнатенко 1988, 95; Машкин 1948, 240; Утченко 1969, 34; Gabba 1976, 84; Pareti 1953, 556. Куда более скептическую позицию занимает Й. Мартин (Martin 1965, 203).

Игнатенко 1988, 95; Машкин 1948, 240; Селецкий 1983, 153; Утченко 1969, 34; Schur 1942, 130. Нередко считается, что *lex de aere alieno senatorijum* был внесен на обсуждение вместе с законопроектами об изгнанниках, италийцах и вольноотпущенниках (Gerlach 1856, 28; Baker 1927, 177-178; Passerini 1934, 363, 365; Schur 1942, 130; Pareti 1953, 556; Ooteghem 1964, 280-281; Keaveney 1983b, 55; Игнатенко 1988, 95). Однако то, что он не упомянут вместе, с указанными *rogationes*, заставляет усомниться в этом. По мнению К. Росильо Лопес, закон о долгах сенаторов был принят уже в 89 г. (Rosillo Lopez 2005, 300); это не исключено, но и недоказуемо.

В. Ине ошибочно пишет о *zwanzigtausend Denare* (Ihne 1879, 280), а Г. Хилл — о 2000 сестерциев (Hill 1952, 141).

Моммзен 1994, 185. Б. П. Селецкий (1983, 150, прим. 23) также считает, что этот законопроект свидетельствовал о массовой задолженности «нобилитета в этот период вообще, и сенаторов в частности»; но никаких доказательств того, что она была «массовой», не приводит. Кроме того, вряд ли корректно смешивать сенаторов и нобилей.

1234

Heichelheim, Yeo 11962, 199; Angeli Bertinelli 1997, 327.

1235

Аналогичную оценку этому закону давал еще В. Ине (1879, 280).

Frank 1933, 56. С. Кендалл просто пишет, что Сульпиций хотел помешать тому, чтобы сенаторы оказались опутаны долгами из-за займов под высокие проценты, т. е. проводил свой закон для их же блага (Kendall 2013, 434). Однако Плутарх ничего не пишет о процентах, да и крайне скромная сумма допустимого размера займа вряд ли может объясняться таким образом.

1237

Carney 1961, 54, 250; Scullard 2010, 59.

Thommen 1989, 63, 68; Arbizu 2000, 146 (без ссылки на Л. Томмена). Мысль о том, что закон Сульпиция о долгах имел в виду побудить сенаторов к продаже земельных владений, высказывалась и раньше: Meier 1966, 83, Anm. 115; Brunt 1988, 158 (впервые работа вышла в 1962 г.).

См. классический анализ вопроса: Nicolet 1966, 285-311. В этом смысле бытовавший в старой литературе термин Ritterpartei (Mommsen 1881, 246, 262; Neumann 1881, 477; Meyer 1898, 652; Niese 1923, 200; Schur 1942, 59, 72) — не более чем курьез.

1240

Это предположение высказывалось еще в XIX в. (см. Lange 1871, 121).

Моммзен 1994, 184-185; Gerlach 1856, 28; Lange 1871, 121; Neumann 1881, 512; Ferrera, Barbagallo 1918, 332; Baker 1927, 177; Last 1932, 202; Машкин 1948, 240; Pareti 1953, 557; Смирин 1955, 116; Valgiglio 1956, 12; 1967, 42; Heichelheim, Yeo 1962, 199; Kornemann 1964, 453; Scullard 2010, 59; Утченко 1969, 34; De Sanctis 1976, 107; Christ 1979, 186-187; Селецкий 1983, 153; Игнатенко 1988, 95; Thommen 1989, 69; Angeli Bertinelli 1997, 327; Arbizu 2000, 146; Чеканова 2005, 162; Fündling 2010, 65; Marucci 2011,47.

Long 1866, 219. Можно лишь удивляться, когда Х. Ласт, признавая, что превышение суммы долга предполагало изгнание из сената, называет этот вопрос *small matter* (Last 1932, 202).

1243

Несомненно, денариев (Shatzman 1975, 286; De Sanctis 1976, 107; Evans 2007, 85).

Наибольшая из известных нам цифр долгов Куриона — 6 млн сестерциев (Cic. Phil. II. 45; Plut. Ant. 2.5), тогда как у Сульпиция, если верить Плутарху, было 12 млн, и это без учета разницы их покупательной способности.

Весьма вероятно, что сообщение о долгах Сульпиция восходит к мемуарам Суллы (Rosillo Lôpez 2005, 275; также см. Valgiglio 1975, 263), который после всех своих успехов вряд ли беспокоился о том, что кто-то сможет или захочет уличить его во лжи.

Высказывалась точка зрения, согласно которой этот закон был направлен против Суллы, понесшего серьезные финансовые потери в ходе предвыборной кампании (Carney 1961, 54, п. 250; Pareti 1953, 557; Passerini 1934, 365; Schur 1942, 130; Ooteghem 1964, 281). Однако эта гипотеза встретила возражения — сомнительно, что Сулла не располагал крупными суммами после своих многочисленных походов (Shatzman 1975, 269, п. 61; Keaveney 1983b, 55). Строго говоря, это само по себе еще ничего не доказывает, т. к. его накопления могли оказаться недостаточными. Другое дело, что у Плутарха на сей счет ничего не говорится, возмущение этим законом его просуллански настроенного источника также не является сильным аргументом — даже если *lex Sulpicia de aere alieno senatorum* и задел Суллу или его друзей, не очевидно, что это было прямой целью законодателя. Да и странно, что Сульпиций, который сам только что помог Сулле стать консулом (см. ниже), портил бы с ним (как и со множеством других сенаторов) отношения в преддверии своих новых законодательных инициатив.

Тем не менее Х. Моритсен уверенно утверждает, что закон о долгах сенаторов был проведен Сульпицием против их воли (Mouritsen 2001, 69).

Drumann 1902, 371; Gerlach 1856, 28; Long 1866, 221-222; Lange 1871, 121; Neumann 1881, 512; Bloch 1913, 277; Baker 1927, 178; Münzer 1931b, 847; Schur 1942, 130; Jal 1963, 106; Ooteghem 1964, 282; Meier 1966, 218, Anm. 66; Valgiglio 1967, 158; De Sanctis 1976, 114; Schneider 1977, 114; Keaveney 1983b, 54-55; Brunt 1988, 156; Arbizu 2000, 147; Christ 2002, 79; Konrad 2006, 179; Ingrisich 2007, 37; Fündling 2010, 65; Kendall 2013, 441.

Моммзен 1994, 186. Э. Вальджильо считает весьма вероятным, что вся гл. 8 Плутарховой биографии Суллы восходит к мемуарам диктатора (Valgiglio 1975, 263).

1250

П. Жаль пишет о том, что в «антисенат» входило, согласно Плутарху, 300 или 600 человек (Jal 1963, 106), но Плутарх пишет только о 600-х.

1251

Badian 1958, 234, п. 1; 1969, 485, п. 110. Также см. Martin 1965, 204.

Lintott 1971b, 422, n. 3: quos in consilium senatus vicem vocabat.

Hawthorn 1962, 53-54; Thein 2002, 173; Santangelo 2006, 8-9; Steel 2013, 109.

Именно такой контекст предположил в данном случае А. Кивни (1983b, 54-jocularly). Тем самым параллель между «антисенатами» Сульпиция (по сути, не существовавшим) и Сертория (Schulten 1926, 82; Berve 1929, 215; Schur 1934, 246; Jal 1963, 106) оказывается не просто некорректной (Gabba 1973, 429), а вовсе беспредметной.

Schur 1934, 246 (в контексте именно этого сюжета). Поэтому, когда А. М. Стоун предлагает «компромиссный» вариант, понимая *ἀντισυγκλητος* не как «антисенат», а просто как «вместо сената» (Stone 2002, 191), то это ничего не меняет.

А. М. Суарес Пиньейро пишет, будто сенат немедленно (*inmediatamente*) отменил закон о правах италийцев и либертинов (Suarez Pineiro 1998, 441), однако нет сведений о его отмене до взятия Суллой Рима.

Тем не менее в литературе нередко утверждается, будто сенат занимал в отношении законопроектов Сульпиция ту же позицию, что и консулы (Niese 1923, 200; Сергеев 1938, 221; Циркин 2006, 50; Bennett 1923, 2; Schur 1942, 131; Keaveney 2005a, 53).

Конечно, можно это объяснить их страхом перед отрядами Сульпиция, но только если рассказ о них Плутарха достоверен (Kendall 2013, 453), в чем, как мы видели, позволительно весьма и весьма усомниться.

Plut. Sulla 6. 18-19; Fröhlich 1900, 1531-1532. Разумеется, отнюдь не очевидно, что это отражало позиции большинства нобилей, но, в то же время, вряд ли речь идет о мнении малозначительных лиц.

Постумий был убит воинами при не вполне ясных обстоятельствах в 89 г., во время Союзнической войны, Сулла же не стал наказывать виновных, сочтя, что они будут лучше сражаться, чтобы загладить свое преступление (Plut. Sulla 6.16; Polyæn. VIII. 9. 1; Oros. V. 16. 22).

Val. Max. III. 5. 2. Несомненно, Помпей позволил себе такую выходку не в последнюю очередь потому, что позиции Фабиев к тому времени значительно ослабели — между 116 и 45 гг. ни один из них не добился консулата (Syme 1939, 18). Но это не означало что претор, имевший в роду всего одного консула (причем полвека назад), мог вести себя подобным образом по отношению к отпрыску знатнейшей фамилии, сыну консула и триумфатора. Правда, Валерий Максим уверяет, будто никто из римлян не выразил недовольства таким решением (*neque in tanta civitate qui illud decretum reprehenderet inventus est*), однако это не более чем трактовка самого Валерия Максима, который, как известно, нередко сильно искажал контекст излагаемых фактов (Gowing 2005, 59-61).

1262

Liv. Per. 77; App. BC. I. 56. 247; Veil. Pat. II. 18. 6; Drumann 1902, 432.

Тем не менее нередко считается, что избрание Суллы и Помпея встретило одобрение римских верхов: Baker 1927, 178; Luce 1970, 191, п. 129; Schur 1942, 128. В пользу этого, казалось бы, говорит то обстоятельство, что сенат не дал разрешения баллотироваться на выборах в консулы сопернику Суллы и Помпея Цезарю Страбону, не занимавшему еще претуры (попытка Т. Н. Митчелла доказать, что сенат такое разрешение дал (Mitchell 1975, 199), была убедительно оспорена: Katz 1977, 62; Keaveney 1979, 460). Однако само по себе считать это решение проявлением большой симпатии к Сулле и Помпею было бы несколько опрометчиво: избрание представителя одной и той же фамилии консулом третий раз за четыре года после Секста и Луция Цезарей (91 и 90 гг.) означало бы непомерное усиление этой фамилии, тем более что полководческие таланты Суллы, Цезарем Страбоном не проявленные, были необходимы в условиях начавшейся войны с Митридатом; Помпей же стал консулом благодаря союзу с Суллой. Иными словами, избрание обоих могло диктоваться соображениями целесообразности, но отнюдь не означало особых симпатий к ним со стороны римской верхушки.

Это, кстати, первый надежно зафиксированный в источниках случай, когда политик привлек на свою сторону молодежь. Рассказы о «*Jugendbanden*» в эпоху ранней Республики являются, по-видимому, проекцией Ливия на далекое прошлое ситуации времен гражданской войны (Timmer 2005, 202-203). Хотя, строго говоря, само по себе для предшествующих веков это не исключено, вопрос в полноте описаний.

Возможно, этот анекдот отразил (хотя и в сильно искаженной форме) факт финансовой помощи италийцев Сульпицию (Shatsman 1975, 286). Ср. с историей о взятке в 300 талантов, которую, как предполагал Аппиан (BC. I. 64. 288), дали Цинне италийцы.

К. Майер полагает, что речь могла идти также о представителях всаднического сословия более почтенного возраста, отцах молодых всадников (Meier 1966, 218).

Очевидно, этот неправдоподобный рассказ навеян содержанием законопроекта Сульпиция о распределении новых граждан и либертинов по 35 трибам (Valgiglio 1960, 41). Хотя его недостоверность очевидна, и отмечалась уже давно (см. Long 1866, 218), иногда; (даже в наши дни) он принимается всерьез: Neumann 1881, 509; Fündling 2010, 65.

А. Кивни считает, что речь скорее шла о вербовке людей в его отряды (Keaveney 1983b, 53).

Нич 1908, 364; Машкин 1948, 240; Смирин 1955, 114; Hill 1952, 141; Утченко 1969, 34; Gabba 1976, 84. Э. Бэдиан просто пишет, что всадники предпочли бы видеть в качестве командующего на Востоке Мария (Badian 1969, 485-486).

Как резонно заметил К. Майер, «то, что равным образом многие всадники занимали сторону Суллы, не более чем банальность» (Meier 1966, 217, Анн. 65).

Ошибочность тезиса о Марии как выразителе интересов всадничества показал (причем применительно к данному случаю) А. Б. Егоров (1985, 54).

1272

Gabba 1976, 83-84; Gruen 1968, 191-192; Nicolet 1966, 549.

Как указывал французский ученый, в число всадников входили люди самого разного рода занятий, объединяемые лишь юридическим, а не экономическим статусом (Nicolet 1966, 175-176).

1274

См. Badian 1969, 486-487; Meier 1966, 217-220.

Dahlheim 1993, 109. Стоит уточнить, что упомянутые группировки в среде всадников скорее всего следовали в фарватере тех или иных сенатских «партий», поскольку, по выражению Э. С. Грюэна, *équités... were not basically men of politics* (Gruen 1968, 204).

Keaveney 1983b, 52; Letzner 2000, 130; Powell 1990, 459; Steel 2013, 91.

Last 1932, 204. Авторы, которые уверены, будто успех Марию обеспечили *cives novi*, уже распределенные по 35 трибам (Нич 1908, 366; Игнатенко 1988, 95; Coskun 2004, 128), не учитывают, что их не успели бы так быстро внести в списки триб.

Дж. Пауэлл отмечает, что в источниках не сообщается о необходимости регистрации новых граждан в их трибах, чтобы они смогли голосовать и что она могла пройти в том же году (Powell 1990, 451). Однако самоочевидно, что человек просто не смог бы доказать свое право участвовать в голосовании, если бы не прошел такую регистрацию, а регистрация в том же году и до голосования — далеко не одно и то же. Судя по Аппиану (BC. I. 56. 249), закон о назначении Мария был проведен практически сразу после закона о *cives novi*, что оставляло крайне мало времени для регистрации (Last 1932, 204).

1279

App. BC. I. 55. 244. Многие историки принимают эту версию: Neumann 1881, 513; Нич 1908, 366; Keaveney 2005a, 48.

1280

App. BC. I. 53.244: οἱ δ'ἀρχαιότεροι... ἐγκρατῶς τοῖς νεοπολίταις
διεφέροντο.

Именно этим объясняет вмешательство консулов С. Кендалл, считающий, однако, что сенат воспротивился законопроектам Сульпиция (см. Kendall 2013, 454). Довольно курьезно выглядит позиция О. В. Любимовой (2017, 86), пеняющей автору этих строк: «Союзническая война заставила Рим пойти на уступки и предоставить латинам и италийцам римское гражданство, однако мнение А. В. Короленкова о том, что принятие законов Юлия, Плавтия-Папирия и Помпея свидетельствует об изменении позиции городского плебса, вряд ли можно признать убедительным. Данные законы были приняты, поскольку расширение гражданских прав оказалось меньшим злом по сравнению с полномасштабной войной, охватившей всю Италию, однако это никак не отменяло того ущерба, который данная мера наносила интересам старых граждан, так как вес их голосов в комициях снижался». Учитывая, что в моей статье, с которой полемизирует О. В. Любимова, прямо сказано, что Союзническая война именно «вынудила плебс (...) изменить свою позицию» (Короленков 2015, 42), непонятно, с чем она спорит.

Несмотря на это, многие ученые, как уже говорилось (см. с. 89, прим. 131), утверждают, будто Сульпиций применил насилие в отношении народного собрания (Смирин 1955, 226; Carney 1961, 54; Утченко 1965, 191; Маскау 2009, 138). В. И. Кузищин (1993, 132-133), напротив, пишет, что законопроекты Сульпиция имели успех в комициях. Такое понимание источников представляется более обоснованным. Нет также сведений хотя бы об угрозе насилием, заставившей комиции голосовать угодным Сульпицию и Марию образом, как, например, в 43 г. при наступлении Октавиана на Рим, когда перепуганные граждане отказались от прежних решений и избрали его консулом (см. App. BC. III. 89-90; Dio Cass. XLVI. 45-46), но он располагал армией, которой не было у Сульпиция.

К. Николе прямо пишет, что народ в конце концов отказался откликнуться на призыв Мария, Сульпиция и их сторонников (Nicolet 1976, 190), однако это, по всей видимости, все же некоторое преувеличение.

1284

Patres et tribuni (Gran. Lic. 23F). Весьма любопытное разделение.

1285

Veil.Pat. II. 21.3; Plut. Pomp. 1.2; Gran.Lie. 22-23F; Obseq.Prod. 56a.

Miltner 1952, 2261. По мнению Э. Вин, солдаты Помпея своим невмешательством продемонстрировали неприязнь к нему (Wiehn 1926, 67). Однако, как резонно указывает Б.Р. Кац, основная часть поредевшей от боев и эпидемии пиценской армии, по-видимому, просто не присутствовала на похоронах, а насколько остальные могли помешать разбушевавшейся толпе, мы не знаем (Katz 1976a, 334). Сын полководца, как полагает Б. Р. Кац (1976a, 334), сделал выводы из случившегося и впоследствии, на похоронах Суллы, принял меры для обеспечения порядка (Plut. Pomp. 15.4).

Вероятно, именно поэтому Р. Олстон считает, будто население было не с Октавием (Alston 2015, 49). Однако это маловероятно, если учесть, что значительная его часть выступила против Цинны и участвовала в побоище на улицах Рима, да и подготовка Города к обороне (App. BC. I. 66. 303) вряд ли проводилась без него.

Достаточно обратиться к законам П. Сульпиция (см. Badian 1969 486; Mouritsen 2017, 113).

Lovano 2002, 69. Й. Мартин смотрит на вопрос с противоположной стороны, отмечая, что нет свидетельств значительной поддержки Цинны и Карбона городским плебсом и что они не воспользовались трибунской инициативой для принятия *lex de aere alieno*, а в 84 г. трибуны даже пригрозили отстранить Карбона от власти, если он не проведет выборов коллеги (Martin 1965, 208). Однако *argumentum e silentio* здесь не вполне надежен из-за скудости данных источников, а позицию трибунов вряд ли стоит отождествлять с настроениями плебса. Кроме того, закон о долгах мог стоить его автору карьеры — даже Цинна не решился предложить его от собственного имени.

Sail. Hist. I. 55. 11; Schur 1942, 212. По мнению Ф. Сантанджело, пассаж Саллюстия, на который обычно ссылаются в этом случае ученые, не дает должных оснований говорить об отмене Суллой хлебных дотаций плебсу (Santangelo 2014, 1С-12). Но есть и другой фрагмент в пользу того, что диктатор пошел на такую меру: Лициний Макр критикует за излишнюю сговорчивость плебс, воспринявший как неожиданную милость норму хлеба в пять модиев — не больше тюремного пайка (*alimentis carceris*) (Hist. III. 48. 19), а потому сомнительно, что накануне ее введения существовали вообще хоть какие-то дотации. Также см. Rosenblitt 2019, с. 63-64.

Last 1932, 133. См. также: Моммзен 1994, 145-146; Машкин 1948, 227; Ковалёв 1986, 361 *etc.* Марий же изображается как жертва собственных преобразований (см., напр., Blösel 2015, 193).

Keaveney 2007, 24-28. Даже в речи у Саллюстия (lug. 85) Марий апеллирует не к чувствам «профи», а к патриотизму катоновского толка (Nicolet 1988, 129).

Аргументы Н. Рулана, оспаривающего понятие военной клиентелы, убедительно опроверг А. В. Махлаюк (2005, 42-44). А. Кивни, возражая против теории «клиентских армий», все же признал, что таковые существовали, назвав армии Помпея, Метелла Пия, Красса (Keaveney 2007, 30-33), т. е. относящиеся как раз к интересующему нас периоду. Исключать из числа таковых армии Суллы и Помпея Страбона вряд ли обоснованно, ибо это ведет к неоправданному сужению понятия «клиентская армия».

Badian 1958, 228 + п. 7. К. Крист, развивая точку зрения Плутарха (Sulla 6.17), вполне серьезно рассматривает эпизод с убийством А. Постумия Альбина, за которое Сулла не наказал виновных, как важный этап в складывании новых отношений между ним и войском (Christ 2002, 77), а С. Дж. Крисантос называет весь инцидент «поворотным пунктом в истории римских военных мятежей» (Chrissanthos 1999, 51). Однако нельзя исключить, что в чрезвычайных условиях Союзнической войны это так не воспринималось. Тем более что большинство виновных могло просто погибнуть в ближайших боях — вполне вероятно, что Сулла, предоставив им шанс искупить содеянное кровью (Plut. Sulla 6.16; Oros. V. 16. 22), использовал их, говоря современным языком, как штрафной батальон. Явно ошибочным выглядит предположение К. Амидани о том, что современники видели в этом угождение войску в условиях возможного назначения на Восток (Amidani 1994, 91-92) — Плутарх (Sulla 6.17) приписывает подобные мысли лишь самому Сулле, да и то вряд ли основательно. Еще более фантастично предположение Э. Т. Сэлмона о том, что Сулла подстрекал воинов убить Постумия (Salmon 1967, 366).

Это обстоятельство стоило бы учесть Р. Олстону, который ставит в один ряд Мятежи воинов марианских легионов и Цезаря (Alston 2002, 32).

Всего на сторону Суллы и его военачальников, если верить источникам, в 83—82 гг. перешло примерно 18 марианских легионов (Wiehn 1026, 18-20; Jal 1962, 15).

Keaveney 2007, 94; см. также: Valgiglio 1956, 17, п. 1; Nicolet 1988, 147. По мнению Р. Олстона, использование Суллой воинов было беспрецедентным не в принципе, а по масштабам (Alston 2002, 32). Стоило бы также отметить, что и в организационном отношении — армия выступила здесь именно как армия, а не отряды ветеранов, причем даже в пределах померия она не сложила оружия.

В то же время А. Кивни преувеличивает, считая, что Плутарх в Sulla. 14 показывает, будто воины любили Суллу за разрешение грабить (Keaveney 2001, 270). В 14.5 сказано лишь о разрешении делать это, но не о любви солдат к полководцу.

Л. де Блуа со ссылкой как раз на Plut. Sulla 12 пишет, что Сулле приходилось покупать преданность солдат (Blois 2000, 18), что, несомненно, является упрощением. Проецирует этот пассаж на ситуацию 80-х гг. и Э. Вальджильо (1956, 16). Поэтому распространенное мнение, будто Плутарх излагает здесь последствия реформы Мария (Valgiglio 1960, 65; Angeli Bertinelli 1997, 349; Ghilli 2001, 378, п. 332), более чем спорно.

1300

См. Keaveney 2005b, 298-300; 2007, 5-6, 30.

Ф. Сантанджело предполагает, что именно желание обеспечить воинов добычей делало для Суллы невозможным соглашение с властями Афин в 86 г. (Santangelo 2007, 40). Не исключено, что это было одной из причин неуступчивости Суллы и накануне его вторжения в Италию при переговорах с марианцами.

App. BC. I. 57. 252. Это, однако, не значит в буквальном смысле, как думает А. Кивни, будто воины поверили, когда Сулла им говорил, что они идут освобождать Город от тиранов (Keaveney 2005b, 301). Естественно, их занимало не столько избавление Рима от тирании, сколько обеспечение собственных интересов.

По-видимому, речь идет о sacramentum (Ghilli 2001, 438, n. 611).

Речь могла идти либо о недоразумении, либо о краткосрочной нехватке средств (например, из-за задержки с доставкой денег из Азии), в целом же финансовое положение Суллы благодаря военной добыче, реквизициям храмовых сокровищ и понтийской контрибуции было прочным, и в займах у воинов он не нуждался (Schur 1942, 153, Anm. 2; Angeli Bertinelli 1997, 376377; Ghilli 2001, 438-439, п. 613). Более того, он, судя по всему, впервые в римской истории стал чеканить ауреи для уплаты жалования воинам (Pqang 2008, 193, п. 235 со ссылкой на К. Харла). Именно поэтому Ф. Ноубл считает вымышленным весь этот эпизод, задача которого — показать преданность армии Сулле (Noble 2014, 202). Однако трудно представить, что он или кто-то еще мог выдумать столь необычную историю, особенно при жизни ветеранов диктатора.

Plut. Sulla 27. 5-6; Baker 1927, 239. Здесь напрашивается параллель с Цезарем, который, напротив, сделал заем у центурионов, чтобы еще больше привязать их к себе (Caes. BC. I. 39. 4; см. также: Suet. Iul. 68.1).

Предполагается, что этот эпизод восходит к мемуарам Суллы (Valgiglio 1960, 126; Ghilli 2001, 438, п. 611). Однако нельзя исключить и другой источник, например, труд Сисенны — ведь свои сомнения в верности воинов Сулла мог изложить в речи, как бы приглашая солдат опровергнуть их. А. Кивни видит в опасениях Суллы доказательство того, что будущий диктатор вовсе не баловал армию, чтобы потом использовать ее для похода на Рим (Keaveney 2005b, 298). Но, строго говоря, первый поход на Город к тому времени уже состоялся, да и не вполне ясно, насколько серьезны были опасения — к 83 г. воины Суллы уже более чем достаточно продемонстрировали ему свою лояльность. Впрочем, начало второго раунда гражданской войны было достаточно серьезной ситуацией, чтобы попросить солдат подтверждения верности ему.

По мнению С. Фанг, это была одна из первых клятв такого рода (еще раньше подобную присягу принесли воины Цинны: App. BC. I. 66. 301) — воины дали ее лично полководцу (Phang 2008, 119; см. также: Gabba 1958, 185). Однако и прежде клятвы приносились именно полководцу, а не государству, ибо последнее означало бы в глазах римлян присягать на верность самим себе (Keaveney 2007, 72-73; также см. Ward 2012, 43, п. 95, где эта клятва не выделяется из ряда других, более ранних).

1308

Если не считать сына Эмилия Павла Македонского, Сципиона Эмилиана, усыновленного Корнелием Сципионом.

1309

В отношении Фабиев, Марцеллов, Сципионов см. Syme 1939, 18, 19,43.

Вряд ли есть основания говорить, будто нобилитет сплотился вокруг Суллы и Помпея Руфа на выборах консулов 88 г., как это делает В. Шур (1942, 129).

Plut. Sulla 6.9. А. Кивни считает опасения Суллы результатом лишь его personal assessment of situation (Keaveney 2005a, 171), однако для такого мнения у Суллы, похоже, были очень веские основания.

Badian 1958, 232; Luce 1970, 193-194 + п. 132. Иначе непонятно, почему законопроект о передаче командования Марию не был внесен Сульпицием сразу, еще до отмены консулами присутственных дней. Версия Аппиана (BC. I. 55. 242), согласно которой Марий сначала хотел провести закон о распределении *cives novi* по 35 трибам, чтобы потом они за него проголосовали, в высшей степени сомнительна (см. выше).

1313

Tansey 2003, 332-383 (но не позднее февраля 88 г.).

А. М. Стоун предполагает, что поддержку Сульпицию оказывали связанные с Марием консуляры Сцевола Авгур и Л. Валерий Флакк (Stone 2002, 207), однако, если и сходить из этого фактора, то они поддержали Сульпиция лишь с того момента, когда это сделал арпинат, поначалу союзником трибуна, похоже, не являвшийся (см с. 78-84).

Этот Брут, вероятно, был тем самым претором, который явился к Сулле перед его маршем на Рим (Plut. Sulla 9. 3-4; MRR II, 40). А Цетег впоследствии перешел на сторону Суллы, и это особо отмечено Аппианом (BC. I. 80. 369), что было бы странно, если бы Цетег не являлся сенатором.

Т. Рейнак утверждает, что Сулла действовал в соответствии с тайными желаниями аристократов (Reinach 1895, 146), однако на какие-либо данные источников это утверждение не опирается.

В связи с этим, а также с изложенной выше версией о соглашении Метелла с Цинной, вряд ли верно высказывание М. Пьегдоня о том, что Метеллу Пию «удалось» избежать репрессий (Piegdoî 2014, 37).

Badian 1962, 52, 56. Перечисляя оставшихся в Риме после его взятия Марием и Цинной консуляров, Э. Бэдиан забывает о Домиции Агенобарбе.

Mérimée 1883, 161; Syme 1939, 43; Frier 1971, 600. Стоит отметить, что Л. Сципион Азиатский оказался последним консулом в своем роду.

Долабелла явно служил с Суллой еще до 83 г. (Gruen 1966, 386-387; Keaveney 1984, 139), но неясно, прибыл он к нему после взятия Рима Цинной и Марием или убыл с ним в Азию еще весной 87 г.

1321

Hill 1932, 171. Его претуру предположительно относят к 81 г. (Münzer 1926, 2083; MRR II, 76; Brennan 2000, 389).

Münzer 1926 2083. По мнению Э. Бэдиана, у нас нет доказательств пребывания Катугла во время *dominatio Cinnae* вне пределов Италии (Badian 1962, 52-53). Это встретило возражения со стороны А. Кивни, который указал на данные Schol. Bob. 176 (*cum O. Catulo (et) pâtre et filio: ambo Cinnana dominatione proscripti sunt odiose*) и надпись в честь Катугла, найденную в Афинах (Keaveney 1984, 217-218). Правда, неясно, к какому времени относится эта надпись, но вряд ли Катугл пользовался бы таким влиянием при Сулле, если бы при марианцах находился в Италии. Этому, казалось бы, противоречит история с возвышением Помпея, который пределов Апеннинского полуострова не покидал, однако он выступил на стороне Суллы во главе целой армии и одержал немало важных побед, чего о Катугле сказать нельзя. В то же время Помпей не был упомянут в завещании бывшего диктатора (Plut. Pomp. 15.3), чего с Катуглом, судя по всему, не произошло.

1323

См. Berve 1927, 2051-2052 (с указанием источников).

Keaveney 1984, 118-129. Э. С. Грюэн считает, что Долабелла пришел к Сулле «не в последний момент» (Gruen 1966, 386), т. е., надо полагать, еще до высадки в Италии. К. Майер относит его к числу бежавших к Сулле, также не уточняя хронологии (Meier 1966, 230. Anm. 143). А. Кивни считает, что Долабелла мог и не служить на Востоке с будущим центристом, скорее, принадлежа к числу «центристов» (Keaveney 1984, 139).

Gruen 1966, 386. В. Шур (1942, 185) ошибочно пишет, что Долабеллы не были консулами более 100 лет (Syme 1944, 107).

Однако это еще не дает оснований говорить о том, будто в поддержку Суллы после его высадки выступил *flos nobilitatis* (Mitchell 1979, 81).

1327

Gabba 1958, 234; Badian 1962 60; Hinard 2006, 254 (степени родства указаны нечетко).

1328

Bulst 1964, 328; Leach 1978, 27; Greenhalgh 1980, 18; Keaveney 2005a, 118.

Cic. Att. VIII. 3. 6: 0. Mucius... ita dicere solebat, se id fore videre quod factum est sed malle quam armatum ad patriae moenia accedere.

1330

Keaveney 2005a, 118 (без конкретного указания, о каком родстве речь).

1331

Cic. Fam. IX. 21. 3: nam praeter hunc C. Carbonem quem Damasippus occidit civis e re publica Carbonum nemo fuit.

Моммзен 1994, 188; Long 1866, 225; Ihne 1879, 288; Duruy 1880, 576; Neumann 1881, 517; Passerini 1934, 138; Weynand 1935, 1410; Valgiglio 1956, 28, n. 2; Carney 1961a, 55-56; Kühne 1962, 192; Штаерман 1964, 226; Ooteghem 1964, 285; Утченко 1969, 35; Sartori 1973, 154-155; Keaveney 1983b, 69; Hinard, 1985b, 69; 2000, 633; Ким 1996, 56; Letzner 2000, 141; Fündling 2010, 72; Santangelo 2016a, 80.

1333

Моммзен 1994, 223; Long 1866, 237; Ihne 1879, 348; Duruy 1880, 588; Neumann 1881, 548; Münzer 1900, 1283; Lanzani 1915, 38; Valgiglio 1956, 28; Jal 1962, 9; Kühne 1962, 194; Штаерман 1964, 226; Утченко 1969, 37; Sartori 1973, 155; Hinard 1985b, 138; 2000, 637; Циркин 2006, 51; Courier 2014, 764; Santangelo 2016a, 90.

Cm. Bulst 1964, 311, n. 21; Lovano 2002, 34; Kendall 2013, 481, n. 18;
Steel 2013, 95, n. 62.

Предположение К. Ланцани о том, что речь шла о государственных рабах (Lanzani 1915, 38), позволяет снять этот вопрос, но если принимать рассказ Аппиана (а в его достоверности К. Ланцани не сомневается) о бегавшем по Городу Цинне, то речь явно идет о любых рабах. Кроме того, призыв к рабам произвел бы резко отрицательное впечатление даже в этом случае, не говоря уже о том, что Цинна не мог не знать о малой боеспособности также и *servi publici*.

1336

Достоверность этого сообщения не вызывает сомнений у многих ученых: Long 1866, 242; Münzer 1900, 1284; Kühne 1962, 194; Sartori 1973. 156-157; Ким 1996. 55-56.

Wiehn 1926, 8; Rosenblitt 2019, 38. О 4000 убитых бардиеях — Plut. Sert. 5.7. Эту цифру принимают и другие ученые: Long 1866, 249; Schulten 1926, 37; Hinard 2000, 645; Eckert 2016, 207208. Е. М. Штаерман (1964, 226) пишет о 6-8 тыс. чел.

Стоит напомнить о Катиле, который, действуя в тех же краях, отказывался принимать рабов, которые стекались к нему *magnaе соріае* (Sail. Cat. 56.5; Jal 1962, 9). Правда, Цицерон (Cat. III. 14) приписывает Лентулу Суру намерение отправить Марка Цепария для подстрекательства к мятежу апулийских пастухов, а Дион Кассий сообщает, что Манлий все-таки брал в войско рабов (XXXVII. 33. 2). Однако в первом случае мы вынуждены полагаться на слова крайне пристрастного современника, который к тому же говорит лишь о намерениях, а не о действиях, а Дион Кассий писал почти через три столетия после событий, и к тому же Манлий был самостоятельной величиной по отношению к Катиле (этого не учитывает П. Жаль: Jal 1962, 9).

1339

У нее немало сторонников и среди ученых: Long 1866, 239; Ihne 1879, 354; Neumann 1881, 550-551; Weynand 1935, 1416-1417; Ooteghem 1964, 306.

Очевидно, без должных оснований (Passerini 1934, 25) — куда более хронологически близкий к событиям Саллюстий об этом ничего не пишет.

Между тем в историографии нередко без оговорок принимаются описания зверств бардиеев: Моммзен 1994, 228; Hinard 1985b, 148; Weypand 1935, 1418; Van Ooteghem 1964, 316. Э. Бэдиан приписывает им убийство Катула (на деле покончившего с собой), Антония и двух Цезарей (Badian 1964a, 153). Ф. Инар, ссылаясь на Аппиана, Флора и Бернские схолии к Лукану, приписывает бардиеям убийство Бебия (Hinard 2011, 126), однако в указанных источниках о них речи не идет.

1342

Liv. Per. 77; Plut. Sulla 10.2; Val. Max. VI. 5. 7; Oros. VI. 19. 6.

Kühne 1962, 196; Sartori 1972, 163, 164.

1344

Довольно вспомнить обвинения Цицерона в адрес Берреса в недостаточной борьбе с мятежными рабами и даже фактическом потворстве им (Verr. II. 5. 5-13).